

Елена Петровна

БЛАВАТСКАЯ

ФРАГМЕНТЫ
ОККУЛЬТНОЙ
ИСТИНЫ

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

Москва
«ЭКСМО»
2002

ББК 86.42
Б 68

Составление и перевод с английского *К. Леонова*

Переводчик выражает свою глубокую признательность
Н. Тулябиной за неоценимый вклад в работу над книгой

Оформление художника *П. Сацкого*

Б 68 **Блаватская Е. П.**
Фрагменты оккультной истины. — М.: Изд-во Эксмо,
2002. — 832 с. (Серия «Великие посвященные»).

ISBN 5-699-00846-2

ББК 86.42

© ООО «Издательство «Эксмо».
Оформление. 2002

**ТЕОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ЕГО МИССИЯ И ЕГО БУДУЩЕЕ**
[в изложении мосье Эмиля Бёрнуфа,
французского ориенталиста]

Это вина другого, если он неблагодарен; но если я не одарил его, то это моя вина. Чтобы найти одного благодарного человека, я вынужден общаться со многими, лишенными этого качества.

Сенека

...Завеса с глаз моих упала!
Я, наконец, прозрел! Со всеми вместе!
Молясь своим богам — услышан не был;
Иль без внимания оставлены молитвы,
Хоть в помощи нуждался очень я!
Как все, кто молится богам усердно!
Быть может, боги немощны настолько,
Что в помощи нуждаются и сами?
И, слыша скорбный крик, они помочь не в силах?!
Не допустил бы я, чтоб плакал тот,
Кого могу спасти!..

Свет Азии

Не так уж часто случается Теософскому обществу встречаться с таким вежливым и даже симпатизирующим ему обращением, как то, которое проявил всем известный санскритолог, мосье Эмиль Бёрнуф, в своей статье «*Le Bouddhisme en Occident*», в *Revue des Deux Mondes* (от 15 июля 1888 г.).

Эта статья доказывает, что Общество, в конце концов, по праву заняло свое место в интеллектуальной жизни XIX века. Оно отмечает зарю новой эры в ее истории, и как таковое заслуживает более внимательного рассмотрения всеми теми, кто посвящает свою энергию работе в нем. Позиция мосье Бёрну-

фа в ученом мире Запада дает право относиться с уважением к его суждениям; благодаря его имени, имени одного из первых и наиболее выдающихся сегодня представителей школы санскритского языка (покойного мосье Эжена Бёрнуфа), представляется более чем вероятным, что человек, носящий это имя, не будет делать поспешных утверждений и непродуманных заключений, но что его выводы будут основаны на внимательном и тщательном изучении вопроса.

Его статья посвящена тройственному предмету: происхождению трех религий, или сообществ, основные доктрины которых мосье Бёрнуф считает идентичными, цели теми же самыми, а источник, из которого они происходят, общим. Это буддизм, христианство, и — Теософское общество.

Он пишет на стр. 341:

«Восточный источник до сих пор оставался спорным; сегодня он стал полностью доступен благодаря научному исследованию, прежде всего английских ученых и благодаря публикации оригинальных текстов. Среди этих проницательных исследователей достаточно назвать такие имена, как Сейс, Пул, Бил, Рис-Дэвид, Спенсер-Гарди, Бунзен... Прошло уже много времени с тех пор, как они были поражены сходством или, скажем точнее, идентичностью элементов, имеющихся в христианской религии и буддизме... В прошлом веке эти аналогии объяснялись предполагаемым влиянием несторианства; но с тех пор была создана восточная хронология и было показано, что Будда жил на несколько столетий раньше, чем Нестор, и даже чем Иисус Христос... Проблема оставалась открытой вплоть до сегодняшнего дня, когда были изучены пути, по которым шел буддизм, и прослежены этапы его движения вплоть до Иерусалима... И сегодня мы являемся свидетелями того, как на наших глазах возникает новое сообщество, созданное для распространения буддийских догм во всем мире. Именно об этом тройном предмете мы и будем говорить».

Итак, на этом в какой-то мере ошибочном представлении о целях и задачах Теософского общества основана статья мосье Бёрнуфа и его замечания и мнения о нем. Он с самого начала берет фальшивую ноту и идет дальше в этом направлении. Теософское общество не было создано для распространения какой-либо догмы, любой экзотерической, ритуализированной церкви, будь то буддийская, брахманская или христианская церковь. Эта идея является широко распространенным и обще-

принятым заблуждением; а что касается знаменитого санскриптолога, то источник, который направил его по неверному пути, совершенно очевиден. Мосье Бёрнуф читал в «Лотосе», журнале Теософского общества в Париже, полемическую переписку между одним из редакторов «Люцифера» и аббатом Рока. Последний весьма неразумно настаивал на связи между теософией и папизмом, а также римской католической церковью, которая представляется его корреспонденту наиболее отвратительной из всех догматических религий; не эта церковь, в ее северных или южных формах, но философия и этика Гаутамы Будды выдвигались им на первый план. Упомянутый редактор является бесспорным буддистом, то есть последователем эзотерической школы великого «Света Азии»; это полковник Олькотт, президент Теософского общества. Но это вовсе не означает, что теософия в целом жестко связана с духовным буддизмом. Общество было основано не для того, чтобы просто пропагандировать буддизм, но для того, чтобы стать Братством Человечества — философским и религиозным центром, общим для всех. Его первые шаги были направлены к той же самой великой цели, которую мосье Бёрнуф приписывает Будде Сакьямуни, «открывшему свою церковь для всех людей, независимо от происхождения, касты, нации, цвета кожи или пола» (см. «Устав» Теософского общества, ст. I), и говорившему, что «Мой закон — это закон милосердия для всех». Точно так же, Теософское общество открыто для всех людей, без различия «происхождения, касты, нации, цвета кожи или пола», и более того — верований...

Вводные параграфы этой статьи показывают, насколько верно (за небольшим исключением) автор усвоил ту идею, что все религии имеют общую основу и произрастают от одного корня. Посвятив несколько страниц буддизму, религии и человеческой ассоциации, основанной принцем из Капилавасты, манихейству, ошибочно названному «ересью», и его отношению к буддизму и христианству, он заканчивает свою статью Теософским обществом. Он переходит к последнему, (а) проследив жизнь Будды, столь хорошо известную англоязычному читателю благодаря великолепной поэме сэра Эдвина Арнольда, что она не нуждается в повторном изложении; (б) показав в нескольких словах, что нирвана — это вовсе не полное

уничтожение;¹ и (в) обсудив вопрос о том, что греки, римляне и даже брахманы рассматривают *жреца* как посредника между людьми и Богом, что означает признание идеи о *личном Боге*, распределяющем свои милости по своему собственному усмотрению, коротко говоря, о властителе вселенной.

Прочитируем несколько строк относительно нирваны, прежде чем обсуждать последнее высказывание. Автор говорит:

«Моей задачей не является обсуждение здесь проблемы нирваны. Я скажу только, что идея полного уничтожения абсолютно чужда Индии, и что целью Будды было освобождение человечества от страданий в земной жизни и последовательных реинкарнаций; и что он провел свою долгую жизнь, сражаясь против Мары и его ангелов, которых он сам называл Смертью и воинами смерти. Действительно, слово *нирвана* означает угасание, как, например, угасание потушенной лампы, но оно означает также отсутствие ветра. Поэтому я полагаю, что нирвана — это нечто, что *требует вечности*, тот *lux perpetua* [вечный свет, *лат.*], который христиане также желают для своих умерших».

В отношении концепции роли жрецов автор показывает, что она полностью отсутствует в буддизме. Будда является не Богом, но *человеком*, достигшим высшей степени мудрости и добродетели. «Поэтому буддийская метафизика постигает абсолютный Принцип всех вещей, называемый другими религиями «Богом», совершенно другим путем и не делает из него чего-то отдельного от Вселенной».

Далее автор указывает, что равенство всех людей по отношению друг к другу является одной из основных концепций буддизма.

Кроме того, он добавляет, что евреи создали свое учение о *Мессии* благодаря буддизму.

Учения эссеев, терапевтов и гностиков принято считать результатом слияния индийской и семитической мысли, и при сравнении жизнеописаний Иисуса и Будды было показано, что

¹ Тот факт, что нирвана *не* означает *полное уничтожение*, неустанно повторяется в «Разоблаченной Изиде», где автор обсуждает его этимологию, предложенную Максом Мюллером и другими, и показывает, что «тушение лампы» не обязательно предполагает идею, что нирвана является «угасанием сознания» (см. том I, стр. 418; том II, стр. 154, 365, 407-408, 710 и т. д., изд-во «Эксмо-Пресс», 2000.).

обе эти биографии включают в себя идеальную легенду и реальные факты. Легендарная часть в обоих случаях идентична; именно так и должно быть с теософской точки зрения, поскольку обе они основаны на цикле инициации. Наконец, эта «легендарная» часть перекликается с соответствующими особенностями других религий, прежде всего, ведической историей о Вишвакармане.¹ В соответствии с представлениями автора, лишь на Никейском соборе христианство официально порвало с духовным буддизмом, хотя он и рассматривает Никейский символ веры как простое развитие формулы: «Будда, Закон, Церковь» (Будда, Дхарма, Сангха).

Манихеи исходно были *шаманами*, или шраманами, буддийскими аскетами, присутствие которых в Риме в третьем веке было отмечено св. Ипполитом. Мосье Бёрнуф объясняет их дуализм исходя из двойственной природы человека, состоящей из добра и зла, причем принцип зла происходит от *Мары* буддийской легенды. Он показывает, что учение манихеев было более непосредственно связано с буддизмом, чем христианство, поэтому борьба жизни и смерти происходит между двумя началами, в то время как христианская церковь считает, что она имеет право быть единственным и исключительным обладателем Истины. Эта идея находится в прямом противоречии с самыми основными представлениями буддизма, поэтому исповедующие ее неизбежно находятся в сильном противостоянии с манихеями. Таким образом, именно еврейский дух исключительности поднял против манихеев светское оружие христианских государств.

Проследив, таким образом, эволюцию буддийской мысли от Индии до Палестины и Европы, мосье Бёрнуф указывает, что последним свидетельством этого влияния являются, с одной стороны альбигойцы, с другой — павликиане, влияние которых прослеживается в протестантизме. Далее он продолжает:

¹ Идентичность между *Логосом* в различных религиях и, особенно, идентичность легенд о Будде и Иисусе Христе была не так давно еще раз подтверждена в «Разоблаченной Изиде», а легенда о Вишвакармане — совсем недавно — в «Лотосе» и других теософских изданиях. Целиком эта история подробно анализируется в «Тайной Доктрине», в нескольких написанных более двух лет назад главах.

«Анализ показывает нам, что в современном обществе имеются два существенных момента: идея *личного Бога* среди верующих, и почти полное исчезновение милосердия среди философов. Еврейский элемент в христианстве стал господствующим, тогда как буддийский в сильной степени затемнен.

Таким образом, одно из наиболее интересных и неожиданных явлений нашего времени — это попытка, которая делается сейчас, по оживлению и воссозданию нового общества, покоящегося на тех же основаниях, что и буддизм. Хотя оно и находится лишь в самом начале, его рост происходит столь быстро, что наши читатели, вероятно, будут рады, если мы привлечем их внимание к этому. Это общество является до некоторой степени миссией, его распространение происходит без шума и насилия. Оно не имеет даже определенного имени; его члены объединяются под различными восточными именами, используемыми как заголовки их публикаций: «Изида», «Лотос», «Сфинкс», «Люцифер». Общим названием для всех них, в данный момент преобладающим, является *Теософское общество*».

После очень точного отчета об образовании и истории Общества — вплоть до количества его отделений в Индии, а именно, 135 — он продолжает:

«Общество очень молодо, но, тем не менее, оно уже имеет свою историю... Оно не имеет ни денег, ни покровителей, и действует исключительно благодаря своим наличным ресурсам. Оно не содержит никакого мирского элемента. Оно не льстит какому-либо частному или общественному интересу. Оно само установило нравственный идеал великого самовозвышения, оно борется против порока и эгоизма. Оно стремится к объединению религий, которые считает идентичными по своему философскому происхождению; но оно признает верховенство только лишь истины...

Имея такие принципы, и в то время, в которое мы живем, общество едва ли может наложить на само себя более тяжелые условия существования. Тем не менее, оно разрослось с удивительной быстротой...»

Суммируя историю развития Теософского общества и роста его организации, автор спрашивает: «Что же это за дух, который его вдохновляет?» На это он отвечает цитированием трех задач Общества, замечая относительно второй и третьей задачи (изучение литературы, религии и науки арийских народов, исследование латентных психических способностей и т. п.), что хотя это, казалось бы, придает Обществу некий академический

оттенка, отдаленный от повседневных занятий, но на самом деле это не так. Он цитирует следующий отрывок из заключения редакторской статьи в «Люцифере» за ноябрь 1888 года:

«Тот, кто не ведет себя как альтруист; тот, кто не готов разделить свой последний кусок с более слабым или более бедным, чем он сам; тот, кто пренебрегает помощью своему собрату, любой расы, нации или вероисповедания, где бы и когда бы он ни встретил страдальца; тот, кто остается глухим к воплю человеческого несчастья; тот, кто слышит, как оскорбляют невинного, будь он братом-теософом или нет, и не делает ничего для его защиты, как для себя самого, тот — не теософ. («Люцифер», № 3).

Эта декларация, — продолжает мосье Бёрнуф, — не является христианской, потому что она не принимает в расчет верования и не пытается никого обратить в свою веру, а также потому, что христиане любят использовать клевету для борьбы со своими противниками, такими как манихеи, протестанты и иудеи.¹ Еще в меньшей степени она является мусульманской или брахманической. Она чисто буддийская: публикации Общества представляют собой или переводы буддийских книг, или оригинальные работы, вдохновленные учением Будды. Поэтому Общество имеет буддийский характер.

Против этого оно слегка протестует, опасаясь принять исключительный и сектантский характер. Это ошибка: истинный и оригинальный буддизм — это не секта, и вряд ли это религия. Это, скорее, нравственная и интеллектуальная реформа, которая исключает неверие, но не принимает никакой веры. Именно этим и занимается Теософское общество».

Мы изложили наши основания для протеста. Мы не привязаны жестко ни к какой вере.

Утверждая, что Теософское общество является «буддийским», мосье Бёрнуф совершенно прав, но лишь с одной точки зрения. Оно имеет буддийскую окраску просто потому, что эта религия, или скорее философия, в большей степени приближается к ИСТИНЕ (тайной мудрости), чем какая-либо иная экзотерическая форма верования. Отсюда тесная связь между ними обоими. Но с другой стороны Теософское общество со-

¹ И — забывает добавить автор — «теософы». Никакое Общество никогда не подвергалось более жестоким оскорблениям и преследованиям как *odium theologicum* [предмет теологической ненависти, *лат.*], чем Теософская ассоциация и ее основатели, — с тех пор, как христианская церковь обречена использовать язык как свое единственное оружие.

вершенно право, протестуя против ошибочного обвинения в пропаганде буддизма по причинам, которые были высказаны нами в начале этой статьи, а также самим нашим критиком. Хотя мы полностью согласны с ним в отношении *истинной* природы и характера примитивного буддизма, однако сегодня буддизм, тем не менее, представляет собой довольно догматическую религию, расколотую на множество различных сект. Мы придерживаемся одного только Будды. Поэтому, как только возникает необходимость следовать за существующей формой, а кто будет отрицать эту необходимость в отношении буддизма? — коль скоро это произошло, не лучше ли вернуться назад к чистому и незамутненному источнику самого буддизма, чем остановиться на промежуточной стадии? Такая половинчатая реформа была проведена, когда протестантизм откололся от старой церкви; и можно ли считать удовлетворительным результат этого?

Такова простая и естественная причина, по которой Тео-софское общество не поднимает знамя экзотерического буддизма и не объявляет себя последователем *храма* Господа Будды. Оно слишком искренне желает оставаться с этим чистейшим «светом», чтобы позволить себе быть поглощенным его искаженной тенью. Это хорошо понимает мосье Бёрнуф, так как он ясно выражает это в следующем отрывке:

«С точки зрения доктринального вероучения, буддизм не имеет тайн; Будда проповедовал с помощью притч, но притчи являются развернутым сравнением, и в них нет ничего символического. Тео-софы ясно увидели, что в религиях всегда имеются два учения; одно из них имеет простую форму и полно образов или историй, которые выдаются за реальность; это общедоступное учение, называемое экзотерическим. Другое, эзотерическое или внутреннее, сохраняется для более образованных и благоразумных приверженцев, посвященных второй степени. Наконец, имеется вид науки, которая в старые времена культивировалась в тайных святилищах, наука, называемая *герметизмом*, которая дает окончательное объяснение символов. Когда такая наука сопоставляется с различными религиями, то можно увидеть, что их символы, хотя и отличающиеся внешне, покоятся на той же самой идейной основе, и прослеживаются до одного-единственного способа объяснения природы.

Характерной чертой буддизма является как раз отсутствие такого герметизма, скудность его символизма, и тот факт, что он пред-

ставляет человеку истину на его обычном языке, без какого-либо покрова. Именно это и повторяет Теософское общество...»

И нет лучшей модели, которой Общество могло бы следовать: но это еще не все. Совершенно верно, что в основных буддийских храмах, южном и северном, не имеется ни *мистерий*, ни эзотеризма. Буддисты могут быть довольны далекой от жизни буквой учений Сиддхарты Будды, поскольку до сих пор не существует, к счастью, более высокого и благородного учения, если его оценивать по его влиянию на этику масс. Но в этом и состоит большая ошибка всех ориенталистов. За внешним телом храмового буддизма *в действительности существует* эзотерическая доктрина, облагораживающая душу философия. Чистая, незапятнанная и целомудренная, как девственный снег на вершинах гималайского хребта, она столь же холодна и безлюдна, как и вершины, в отношении состояния человека *после смерти*. Этой тайной системе обучали только *архатов* в промежутках между дхианами (или, мистическими созерцаниями); их учил сам Господь Будда в пещере Саптапарна (*Саттапарни* в «Махавансе»), известной тахианам как пещера *Чету*, расположенная недалеко от горы Бейбхар (Вебхара на пали) в Раджагрихе, древней столице Магхада. Именно из этой пещеры, называемой в наше время Сакьямуни, Сарасвати, или «Бамбуковая пещера», архаты, посвященные в Тайную Мудрость, вынесли свое учение и знание за пределы Гималайского хребта, где обучение Тайной Доктрине происходит и по сей день. Если бы южно-индийские завоеватели Цейлона не «собрали бы в кучи, столь высокие, как кокосовые деревья» *все ценности* буддистов, и не сожгли бы их так же, как христианские завоеватели сожгли все тайные записи гностиков и посвященных, то ориенталисты имели бы доказательство этого, и не было бы никакой нужды снова утверждать этот ныне хорошо известный факт.

Мосье Бёрнуф, впадая в общую ошибку, продолжает:

«Многие скажут: это несбыточное предприятие, оно имеет не больше перспектив, чем Новый Иерусалим на улице Туин, и не больше *raison d'être* (оснований, *франц.*), чем Армия Спасения. Это может быть и так; однако следует заметить, что эти две группы представляют собой *Библейские общества*, сохраняющие все атрибуты

угасающих религий. Теософское общество прямо противоположно им; оно отходит от внешних признаков, пренебрегает ими или отодвигает их на задний план, выдвигая на передний план науку, как мы понимаем ее сейчас, и нравственную реформу, в которой так нуждается наш старый мир. Каковы же в таком случае социальные элементы, которые могут быть сегодня за или против его? Я постараюсь заявить о них со всей откровенностью».

Коротко говоря, как первое препятствие на пути Общества мосье Бёрнуф рассматривает общественное *безразличие*. «Безразличие порождено скукой; скука возникает от неспособности религии улучшить социальную жизнь, и от постоянного совершения ритуалов и церемоний, никогда не объясняемых священником». Люди требуют сегодня «научных формул, описывающих законы природы, будь они физические или моральные...» Именно с таким безразличием обязательно встретится Общество; «его название также усугубляет эти трудности, поскольку слово «теософия» ничего не значит для простых людей, а для образованных оно имеет в лучшем случае очень неопределенный смысл». «По-видимому, оно говорит о личном боге», — думает мосье Бёрнуф, добавляя: — «тот, кто говорит о личном боге, говорит о творении и чудесах», — и он заключает таким образом, что — «было бы лучше для Общества, если бы оно стало откровенно буддийским, или же перестало существовать».

С этим советом нашего дружественного критика довольно трудно согласиться. Он, очевидно, усвоил величественный идеал раннего буддизма и справедливо заключил, что он идентичен с идеалом Теософского общества. Но он до сих пор не извлек урока из истории буддизма и не понял, что попытка вырастить молодую и здоровую веточку на основе большой ветви, которая уже утратила (в меньшей степени, чем какие-либо другие, но все же очень сильно) свою внутреннюю жизненную силу, вряд ли могла бы привести к новому росту. Самая суть позиции, занимаемой Теософским обществом, состоит в том, что оно утверждает истину, общую для всех религий; истину, которая справедлива и независима от вековых наслоений человеческих страстей и потребностей. Но хотя теософия означает Божественную Мудрость, она не включает в себя ничего, напоминающего веру в личного бога. Это *не* «муд-

рость Бога», но *божественная* мудрость. Так, теософы Александрийской неоплатонической школы верили в «богов» и «демонов», и в одно *неперсонифицированное* АБСОЛЮТНОЕ БОЖЕСТВО. Продолжим:

«Условия нашей современной жизни, — говорит мосье Бёрнуф, — не являются суровыми, и год за годом они требуют от нас все больше мягкости, однако при этом создается опасность того, что мы будем уж совсем бескостными. Нравственная выносливость современных людей весьма невелика; идеи добра и зла, вероятно, еще сохраняются, но *воля* действовать должным образом утрачивает силу. Люди, прежде всего, ищут удовольствия и того снопоподобного существования, которое называется комфортом. Попробуйте проповедовать необходимость принести в жертву то, чем человек обладает, и его самого, людям, которые вступили на этот путь эгоизма! Вы не сможете обратить в свою веру многих людей. Разве вы не видите, что принцип «борьбы за существование» приложим к любым функциям человеческой жизни? Эта формула стала для наших современников своего рода откровением, и они слепо следуют за его проповедниками и восхваляют их. Кто-нибудь может говорить им, но безуспешно, что надо разделить последний кусок хлеба с голодным; они засмеются и ответят формулой: «борьба за существование». Они пойдут дальше: они скажут, что для успеха противоположной теории, вы сами боретесь за свое существование и потому не являетесь лицом незаинтересованным. Как же можно избежать этого софизма, которым полны современные люди?..

Эта доктрина, конечно, является наибольшим врагом теософии, ибо это наиболее совершенная формула эгоизма. Она кажется основанной на научных наблюдениях, и она суммирует нравственные тенденции наших дней... Те, кто принимают ее и одновременно призывают к справедливости, противоречат сами себе; те, кто осуществляют ее и привлекают Бога на свою сторону, являются богохульниками. Но на тех, кто ее не замечает и проповедует милосердие, смотрят как на недостаточно разумных людей, которых сердечная доброта доводит до безумия. Если Теософскому обществу удастся опровергнуть лицемерный закон «борьбы за существование» и изъять его из сознания людей, то это будет даже большим чудом в наше время, чем были в свое время чудеса Сакьямуни и Иисуса».

И Теософское общество *будет* совершать это чудо. Оно будет делать это не путем опровержения относительного характера этого закона, но определением его истинного места в гармоничной структуре вселенной; разоблачением его истин-

ного смысла и природы, и показом того, что этот *псевдо* закон в действительности является «лицемерным», постольку, поскольку он относится к семье человечества, и представляет собой выдумку особо опасного сорта. «Самосохранение» — это в действительности верное, хотя и медленное самоубийство, политика взаимного уничтожения людей, поскольку человек, применяя на практике этот принцип к самому себе, претерпевает ретроградную эволюцию и все больше сливается с царством животных. Вот чем является «борьба за жизнь» в реальности, даже если рассматривать ее с чисто материалистической позиции политической экономии. Однажды эта аксиоматическая истина будет доказана всем людям; и тогда тот же самый инстинкт самосохранения, направленный по другому пути, повернет их к *альтруизму* — как самой верной для них политике спасения.

Именно потому, что истинные основатели Общества всегда осознавали мудрость истины, заключенной в одном из последних параграфов прекрасной статьи мосье Бёрнуфа, они приняли меры против этой ужасной опасности в своих основных учениях. «Борьба за существование» приложима лишь к физическому, но вовсе не к нравственному плану бытия. Поэтому, когда автор предостерегает нас такими справедливыми словами, как: «Вселенское милосердие является весьма несовременным; богатые будут хранить свое богатство и стараться накопить еще больше; бедные будут пропорционально становиться еще беднее до тех пор, пока, подталкиваемые голодом, они не потребуют хлеба — и не от теософии, но от революции. Теософия будет сметена ураганом...»

Теософское общество отвечает на это: *«Так оно и будет, если мы последуем его благоразумному совету, который, однако, касается лишь низшего плана»*. Это не политика самосохранения, не благосостояние той или иной личности в ее конечной и физической форме, которые могут уберечь желаемый объект или защитить Общество от социального урагана; но лишь ослабление чувства разъединенности в единицах, образующих его основной элемент. И ослабление этого чувства может быть достигнуто лишь процессом *внутреннего просветления*. Это не насилие, которое может обеспечить всех хлебом и комфортными условиями; это не царство мира и

любви, взаимной помощи и милосердия, и «пищи для всех», которое будет завоевано холодной, разумной, дипломатической деятельностью. Царство справедливости и равенства для всех может быть установлено только при помощи тесного братского союза внутренних СУЩНОСТЕЙ людей, душевной солидарности, роста и развития чувства, которое заставляет человека страдать, когда он думает о страдании другого. Это первая из трех фундаментальных целей, ради которых было создано Теософское общество; она названа «Всеобщим Братством Людей», независимо от *расы, цвета кожи или убеждений*.

Когда люди начнут понимать справедливость того, что ужасный личный эгоизм, главный двигатель «борьбы за существование», лежит на самом дне и является единственной причиной человеческого голода; что другой — национальный эгоизм и тщеславие, побуждает государства и богатых людей вкладывать огромные капиталы в непродуктивное возведение огромных церквей и храмов, и поддержку роя социальных трутней, называемых кардиналами и епископами, истинных паразитов на теле своих подчиненных и своей паствы, — тогда они попытаются излечить это всеобщее зло здоровым изменением политики. Эта долгожданная революция может быть достигнута *мирным путем* только при посредстве Теософского общества и его учений.

Это, по-видимому, в какой-то степени понял мосье Бёрнуф, так как, выделяя главную суть ситуации, он заканчивает следующим образом:

«Общество найдет себе союзников, если поймет, как найти свое место в сегодняшнем цивилизованном мире. Поскольку против него будут все позитивные культы, за исключением может быть небольшого числа несогласных и смелых священников, то единственный путь, открытый для него, состоит в том, чтобы вступить в союз с людьми науки. Если его догма о милосердии является добавочной доктриной, которой оно снабжает науку, то общество будет обязано построить ее на научной основе, под угрозой остаться в области сентиментальности. Часто повторяемая формула о борьбе за жизнь является верной, но не универсальной; она справедлива для растений; она становится все менее справедливой для животных, по мере того, как мы поднимаемся по ступеням эволюционной лестницы, поскольку при этом возникает и увеличивается в своем значении закон жертвенности; у человека эти два закона уравновешены друг с другом, и

закон жертвенности, который является также законом милосердия, стремится занять верховное положение, благодаря царству разума. Именно разум в нашем обществе является источником права, справедливости и милосердия; благодаря ему мы избегаем необходимости борьбы за существование, морального рабства, эгоизма и варварства, другими словами, избегаем того, что Сакьямуни поэтически назвал властью и воинством Мары».

И все же наш критик, по-видимому, не удовлетворен этим состоянием дел и советует нам следующее:

«Если Теософское общество, — говорит он, — войдет в этот строй идей и поймет, как сделать их своей точкой опоры, то оно покинет круг рудиментарных мыслей и найдет свое место в современном мире, оставаясь, тем не менее, верным своим индийским источникам и их принципам. Оно может найти союзников; ибо если люди устали от символических культов и не разбираются в своих собственных учителях, то люди сердечные (каких много) так же устали и запуганы эгоизмом и коррупцией, которые стремятся поглотить нашу цивилизацию и заменить ее ученым варварством. Чистый буддизм обладает максимальной широтой, которую можно требовать от учения, одновременно и религиозного, и научного. Его терпимость является причиной того, что он ни у кого не может вызвать зависть. В его основе находится лишь провозглашение верховенства разума над животными инстинктами, по отношению к которым он является регулятором и ограничителем. Наконец, он сам сформулировал свою суть в нескольких словах, которые замечательно выражают закон человечности, науки и добродетели».

Эту формулу Общество расширило, добавив сюда почти столь же превосходную аксиому: *«Нет религии выше истины»*.

В этом месте мы оставим нашего ученого, и, по-видимому, слишком любезного критика, и обратимся с несколькими словами к теософам вообще.

Заслужило ли наше Общество, как целое, лестные слова и замечания, посвященные ему мосье Бёрнуфом? Сколько индивидуальных членов Общества, сколько его отделов выполняли заповеди, содержащиеся в благородных словах Учителя Мудрости, цитируемые нашим автором из № 3 «Люцифера»? «Тот, кто не практикует» эти и другие заповеди, *«не являет-*

ся теософом», — говорится в цитате. Тем не менее, те, кто никогда не разделял с бедным человеком даже лишнего, не говоря уж о последнем куске; те, кто продолжают различать в своем сердце цветного брата от белого; а также те, для кого злобные высказывания об их близких, жестокие сплетни и даже клевета без всякого повода, подобны небесной росе, упавшей на пересохшие губы, — называют и считают себя *теософами!*

Конечно, это не вина меньшинства *истинных* теософов, которые пытаются следовать по *пути* и делают отчаянные попытки достичь его, если большинство членов Общества так не поступает. Поэтому эти слова адресованы не им, а тем, кто в своей горячей любви к себе и своему тщеславию широко сеет среди членов Общества семена раздора, вместо того, чтобы пытаться проводить собственную программу для улучшения своих собственных возможностей; тем, чье собственное тщеславие, неудовлетворенность и любовь к власти, часто заканчивающаяся показным поведением, вносят ложь в исходную программу и девиз Общества.

Действительно, эти исходные задачи ПЕРВОЙ СЕКЦИИ Теософского общества не напоминались сколько-нибудь часто нашим членам.¹ Дух этих задач ясно выражен в письме одного из Учителей, цитированном в «Оккультном мире» на стр. 71 и 73. Те теософы, которые с течением времени захотели отойти или отошли от этих исходных задач и, вместо того, чтобы соглашаться с ними, предложили новую административную политику, исходящую из глубины своего сознания, — *они не искренни в своих обещаниях.*

«Мы постоянно работали в направлении, указанном нам с самого начала», — уверяют нас горделиво некоторые из них.

«Это не так», — отвечают те, кто больше знает о *скрытой деятельности* основателей Теософского общества, чем знают или когда-либо будут знать те, кто продолжает действовать в состоянии самообмана и самодостаточности.

Каковы же направления, намеченные «Учителями»? Обратимся к подлинным словам, написанным одним из них в 1880 году автору «Оккультного Мира»:

¹ См. «Правила» в I-ом томе «Теософиста», стр. 179-180.

«...Нашему разуму эти мотивы, искренние и достойные самого серьезного рассмотрения с мирской точки зрения, кажутся эгоистичными... Они эгоистичны, поскольку вы должны сознавать, что главная цель Теософского общества — не столько удовлетворение индивидуальных устремлений, сколько служение нашим последователям... На наш взгляд, самые высокие устремления, направленные на благосостояние человечества, окрашиваются эгоистичностью, если в сознании филантропа имеется что-то от желания принести пользу самому себе или совершить какую-либо несправедливость, хотя бы и бессознательно. Вы обсуждали ранее, но с тем, чтобы принизить, идею Всеобщего Братства, подвергали сомнению ее полезность, и предлагали перестроить Теософское общество по принципу колледжа со специальным изучением оккультизма...» («Окультурный Мир», стр. 72).

Но имеется и другое письмо, написанное в том же 1880 году, которое является не только прямым порицанием теософов, пренебрегающих основной идеей Братства, но также ответом, который предвосхитил главный аргумент мосье Эмиля Бёрнуфа. Вот несколько отрывков из него. Оно было адресовано также тем, кто хотел бы отойти от «сентиментального названия» и сделать из Общества всего лишь арену для «гадания на кофейной гуще и астральных колокольных перезвонов»:

«...В свете все возрастающего триумфа свободы и в то же время неправильного использования свободомыслия, как можно ограничить воинственный инстинкт человека от связанной с ним неслыханной грубости, преступлений, тирании, несправедливости, если не благодаря умиротворяющему влиянию Братства и практическому применению эзотерических доктрин Будды?.. Буддизм является самым верным способом привести людей к единой эзотерической истине. Мы видим, что в современном мире, будь он христианским, мусульманским или языческим, справедливость не пользуется уважением, а доброе имя и милосердие часто пускаются по ветру. Коротко говоря, поскольку основные цели Теософского общества неправильно интерпретируются теми, кто больше всего хочет нам служить, как же нам быть с остальной частью человечества, с этим проклятием, известным как «борьба за существование», которое является истинным и наиболее плодотворным прародителем большинства несчастий и скорбей, а также всех преступлений? Почему эта борьба стала почти универсальной вселенской системой? Мы отвечаем: Потому что никакая религия, за исключением буддизма, не учила до сих пор на практике презрению к этой земной жизни, тогда как все они,

опять-таки за этим единственным исключением, внушали величайший ужас смерти при помощи запугивания адом и проклятиями. Поэтому мы обнаруживаем, что «борьба за существование» наиболее сильно выражена в христианских странах, прежде всего в Европе и Америке. Оно ослаблено в языческих странах, и почти неизвестно среди буддийских народов... Если учить людей видеть, что жизнь на этой Земле, даже самая счастливая, — это лишь бремя и иллюзия, что это лишь наша собственная карма, причина, вызывающая следствие, то есть наш собственный судья, наш спаситель в будущих жизнях, то великая борьба за существование скоро утратит свою силу... Мир в целом, и христианский мир особенно, потратившей две тысячи лет на веру в личного Бога, так же как его политические и социальные системы, основанные на этой идее, доказали в настоящее время свою несостоятельность. Если теософы говорят: «мы не должны иметь дело со всем этим, низшие классы и низшие расы (например, индийцы, с точки зрения британцев) не могут занимать нас и должны сами устраиваться, как могут», — что остается тогда от нашей веры в благотворительность, реформы и т. д.? Не является ли она насмешкой? А если так, то может ли наш путь быть верным? Должны ли мы посвятить себя обучению немногих роскошно живущих европейцев, одаренных слепой фортуной, должны ли мы учить их гаданию на кофейной гуще, общению с духами и т. д. и т. п., — и пренебречь многими миллионами невежественных, бедных, презираемых, угнетаемых, занимающих самое низкое положение в обществе, и предоставить им заботиться самим о себе и своем будущем, лучшем, чем они имеют сегодня? Никогда! Пусть Теософское общество скорее погибнет, чем мы позволим ему стать не более чем академией магии и чертогом оккультизма. Но если бы мы, убежденные последователи духовного воплощения абсолютного самопожертвования, филантропии и божественной доброты, в высшей степени достигнутых на этой грешной земле Гаутамой Буддой, самым великим из людей, позволили бы Теософскому обществу стать воплощением эгоизма и дать приют лишь немногим, не думая о многих, — это была бы странная идея... И это мы, скромные ученики совершенных лам, находимся в ожидании того, чтобы Теософское общество утратило свое благородное название, и вместо того, чтобы стремиться к созданию Братства Человечества, превратилось в простую школу психологии? Нет! Нет! наши братья, вы уже столь долго трудились под знаком этой ошибки. Давайте пойдем друг друга. Тому, кто не чувствует себя достаточно компетентным для того, чтобы принять эту благородную идею и работать во имя ее, не нужно брать на себя задачу, которая для него слишком тяжела...

Чтобы быть истинной, религия и философия должны давать решение любой проблемы. То, что мир находится в плохом нравст-

венном состоянии — это убедительное свидетельство того, что ни одна из его религий и философий, и в особенности тех, которые принадлежат цивилизованным расам, никогда не обладала ИСТИНОЙ. Правильное логическое объяснение проблем великой двойственности — правды и неправды, добра и зла, свободы и деспотизма, боли и удовольствия, эгоизма и альтруизма — столь же невозможны для них сейчас, как и 1880 лет назад. Они так же далеки от решения, как были когда-то, но...

Где-то должно быть дано определенное решение этих проблем, и если наши доктрины покажут, что они могут предложить его, тогда мир впервые поверит, что именно они являются истинной философией, истинной религией, истинным светом, который несет правду и ничего кроме ПРАВДЫ...»

И этой ПРАВДОЙ является не буддизм, но эзотерический БУДХИЗМ. «Имеющий уши, да услышит...»

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕСС В ТЕОСОФИИ

Что бы ни думали о теософии и теософском движении, время, по меньшей мере, показало то, что они не являются эфемерными, как это представлялось вначале американской и зарубежной прессой. Теософия, по-видимому, заняла некое устойчивое место в современной мысли, подтверждая, таким образом, справедливое наблюдение, сделанное сэром Джоном Гершелем, который сказал, что «великое, и на самом деле единственное свойство истины — это ее способность выдержать проверку всеобщим опытом, и выйти неизменной из любой возможной честной дискуссии».

К сожалению, теософия до сих пор никогда не имела шанса на такую дискуссию; но это должно случиться. Она представлялась в наиболее гротескном свете, полностью искажающем ее вид. За немногими исключениями, даже ее друзья обнаружили в своих публикациях весьма несовершенное понимание вопроса. Если бы ее достоинства обсуждались отдельно от личностей, с которыми связано движение, то без сомнения она приобрела бы гораздо большую популярность, чем ныне. Множество признаков указывает на это. Наиболее энергичные попытки теологических и ученых фанатиков, использование ими насмешек, сарказма, искажений и опровержений, не смогли предотвратить рост Теософского общества и его влияния, и воспрепятствовать распространению теософских идей во всем мире. Вряд ли даже самые большие оптимисты среди организаторов нашего общества могли мечтать о таком успехе, которым были вознаграждены их труды. Маленький кружок мыслящих мужчин и женщин, встретившихся в гостиной на Ирвинг-плейс летним вечером 1775 года, создал нечто лучшее, чем они предполагали (со своим неразвитым предвидением), когда принимали решение основать такую ассоциацию.

Нас часто спрашивают: «Какова общая цель Теософского общества? *Cui bono* [кому на пользу, лат.] весь этот труд, вся эта энергия, тратившаяся с самого начала на то, чтобы плыть против сильного течения общественных предрассудков, сектантской ненависти и непопулярности? Каждая из хорошо известных целей общества ¹ не только имела, но и имеет своих учителей и последователей в прошлом и настоящем. Ваша первая цель, а именно братство людей, лежит в самой сути христианства; ваша вторая цель поддерживается азиатскими обществами, музеями и всеми ориенталистами; что касается вашей третьей цели, то лучше бы она оставалась в руках людей науки, которые уже проанализировали критически спиритуализм и подорвали месмеризм, а теперь — под руководством Общества психических исследований — собираются заняться вопросом о переносе мыслей, иллюзиях жизни, и Теософским обществом в частности».

Мы отмечаем, что «кукушка» ОПИ снесла свои первые яйца в гнездах теософии и спиритуализма;² очевидно, оно имеет такое же отношение к науке, как и к своим двум приемным матерям, и оно может сохранять с ней близкие отношения только как вознаграждение за предательство последних и низкопоклонство перед материалистической наукой. Возражая на первые два утверждения, теософы хотели бы спросить христиан и ориенталистов, что же они сделали в своих собственных областях, чтобы осуществить на практике две наши первые цели? Не имея полной уверенности, я все же должна отметить, что все это было лишь разговором и теорией. Привела ли Нагорная проповедь, несмотря на всю ее нравственную красоту, к тому, чтобы так называемые христианские народы

¹ 1. Братство людей; 2. Изучение восточных философий; 3. Исследование скрытых сил в природе и человеке. См. ниже.

² Истинным инициатором и основателем Общества психических исследований был «М. А. Оксон» (м-р У. Стентон Мозес), в настоящее время — издатель журнала «Свет». Это он, будучи членом Теософского общества, первым предложил образовать некое общество для исследования аномальных явлений на путях давно скончавшегося «Диалектического общества». Этот джентльмен, вероятно, много раз пожалел об этой идее. Это общество, потомок спиритуализма и теософии, доказало свою предательскую сущность, хотя и без особого успеха до сих пор.

обращались друг с другом в духе христианства, или к тому, чтобы они предложили братство народам и племенам Азии и Африки, которых они подчинили себе силой оружия или обманом? И предотвратила ли философская пронизательность профессора Макса Мюллера, который показал нам тридцать лет назад, что одна и та же арийская кровь течет в коричневом теле индийского сипая и под бледной кожей английского лорда и британского бакалейщика, от того, чтобы правящие англо-индийцы предоставили многочисленные доказательства своего высочайшего презрения по отношению к азиатским подданным королевы-императрицы?

Некоторые называют Теософское общество — «Британским азиатским обществом *плюс* филантропия»; а поскольку в последнем отсутствует инстинкт братских устремлений и оно слишком часто обнаруживает желание приносить истину в жертву теологическим пристрастиям, то его деятельность в течение почти ста лет принесла в арийскую философию, религию и науку больше тьмы, чем света. Что касается третьей цели, то необходимо сказать о работе ОПИ, а также французских гипнотизеров Парижа и Нанси, что, накапливая массу важных фактов для будущих философов, они, за очень малым исключением, пытались, в лучшем случае, дать искаженную интерпретацию явлений, которые они не могли подвести под теорию мошенничества. Все их обязательства были принесены на алтарь Молоха материализма.

Поскольку невозможно отрицать, что эта склонность к материализму быстро прогрессировала в последние полстолетия под влиянием университетской мысли, становится очевидным, что образование Теософского общества в тот момент, когда оно возникло, было исключительно своевременным, и представляло собой шаг в направлении защиты *истинной* науки и *истинной* религии от поверхностного знания, которое становилось все более и более самонадеянным. Опыты Шарко в больнице «Salpêtrière» были объяснены приверженцами его материалистической школы столь неудачно, что появление древней эзотерической философии на арене западной мысли стало жизненно необходимым. Виднейших западных экспериментаторов уже обвиняли в том, что «непроходимая пропасть» Тиндаля и «непознаваемое» Спенсера никогда не могут

быть преодолены без чего-то, включающего в себя арийскую эзотерическую доктрину. Интерес культурных слоев общества и любопытство, возникающее в каждой стране, где появляется теософ или теософия, популярность теософской и мистической литературы во всем мире, обогатившая многих издателей и писателей, — все это указывает на появление в христианском мире одновременно и отчаяния, и надежды; утраты веры в то, что наука когда-нибудь разгадает эту тайну жизни, и надежды на то, что решение может быть найдено в тайной доктрине.

Теософское движение было необходимостью этого века, и оно распространилось в соответствии со своими собственными побуждениями, и не требует никаких добавочных методов. Во-первых, оно не могло рассчитывать ни на деньги или пожертвования, ни на общественную или государственную поддержку. Оно взывало к определенным человеческим врожденным потребностям и устремлениям, и поддерживало возвышенный идеал способности к совершенству, с которым вступали в конфликт официально принятые интересы общества, и против которого они были обречены бороться. Его сильнейшим сторонником было острое желание людей пролить свет на проблему жизни, а также выработать благородные представления о происхождении, судьбе и потенциальных возможностях человеческого существа. В то время как материализм и его собрат, секуляризм, были направлены на разрушение не только теологии и сектантского догматизма, но даже и религиозной концепции божественной Сущности, задача теософии состояла в том, чтобы объединить людей разных религий в исследовании истинных основ религии и научном доказательстве непрерывного существования высшей Сущности. С благодарностью принимая результаты научного исследования и выявления теологических ошибок, допуская научные методы и положения, защитники теософии пытаются отыскать в остатках культов драгоценные крупицы истины, имеющиеся в каждом из них. Отвергая теорию чудесного и сверхъестественного, они пытаются проследить родство внутри семейства мировых религий и выяснить их согласованность с наукой.

Растущая склонность общественной мысли в направлении теософии, по-видимому, представляет собой реакцию на ико-

ноборческое влияние школ полковника Ингерсолла и м-ра Брэдлафа. Безусловно, имеются тысячи так называемых свободомыслящих, искренне верящих в исчезновение личности при умирании тела; но в связи с фактом недавнего обращения миссис Анни Безант от секуляризма к теософии, и связанных с ним дискуссий, может показаться, что есть множество людей, считающих себя последователями двух вышеупомянутых авторитетов, и которые являются таковыми вследствие незнания взглядов, присущих теософии. Мы, руководители и члены Теософского общества, осмеливаемся, поэтому, надеяться, что при более широком распространении наших взглядов, мы увидим очень большое подспорье нашему делу со стороны секуляристских кругов. Конечно, это должно рассматриваться в пользу друзей духовного, находящихся в оппозиции к материализму, — в любом случае, тем, кто понимает, что нравственность, мир и благосостояние будут поддержаны универсальной верой в жизнь после смерти (либо вечную, либо прерываемую сериями перевоплощений на одной и той же земле), и в то, что человек обладает высшей, бессмертной СУЩНОСТЬЮ, потенциальными духовными силами и сознанием.

Самое худшее для общества, особенно для его религиозных чувств, состоит в том, что органы сектантского фанатизма так хорошо преуспели благодаря искажению фактов, неистовой лжи, откровенной фальсификации, в том, чтобы представлять Теософское общество и наше дело в неверном свете в течение последних четырнадцати лет. Клерикальные органы не одиноки в своей презренной и бесполезной работе, поскольку еженедельники спиритуалистов в Соединенных Штатах столь же ожесточенны и лживы в своем неустанном отрицании теософии. Злобные выпады и поношение от интеллектуальных апостолов «спиритических путеводителей» и «руководств» по «Саммерленду» множились пропорционально росту Теософского общества. Реакция на последнее совещание, проведенное американскими теософами в Чикаго 29-30 апреля сего года [1890],¹ представляет собой прекрасный при-

¹ В настоящее время имеется 38 отделений Теософского общества в Соединенных Штатах; весьма заметная активность проявляется и на Тихоокеанском побережье.

мер этой слепой и яростной ненависти. Таков был решительный и беспрецедентный успех последней встречи, что даже ведущие газеты Чикаго и других городов должны были признать этот факт, впервые не находя ничего, кроме слов симпатии по отношению к теософам.

Лишь печатные органы «распущенных благодетелей» с тем же успехом изливают на нас свой гнев, издевательства и грубую клевету. Но мы не обращаем внимания на них. Почему же? Сильнейшая враждебность и самое низкое вероломство не способны изменить наши идеи, принизить наши цели, опровергнуть разумность наших методов или навязать нам эгоистические, неблагородные мотивы. Поскольку провозглашенные нами принципы являются не только неопровержимыми, но и специально рассчитаны на то, чтобы принести пользу человечеству, эти заговорщики и клеветники самым примитивным образом удерживают множество людей с религиозными склонностями от того наслаждения, которое они могли бы получить, если бы поняли, что представляет собой теософия на самом деле, и сделали бы ее руководящим принципом в своих поступках.

Если справедливость является законом природы, а несправедливость — временным злом, то ужасным должно быть возмездие, которое навлекли на свои головы эти люди, ведомые по ложному пути. Страдание же, которое претерпели мы, лишь дисциплинировало нас и научило нас быть еще более преданными эзотерической доктрине ради нашей поддержки и ободрения.

Поскольку темой данной работы является современный прогресс нашего движения, ситуация в этом вопросе может быть лучше всего проиллюстрирована статистическими данными. Чтобы не быть многословными, начнем с 1884 года, когда лондонское Общество психических исследований осуществило рейд против нас. Из официального отчета за этот год оказывается, что на 31 декабря 1884 года в разных частях света существовало 104 отделения Теософского общества. В 1885 году, как ответ на клевету против нас, возникло семнадцать новых отделений; в 1886 — пятнадцать; в 1887 — двадцать два; в 1888 — двадцать одно; и к 1 сентября 1889 года — семнадцать. К 31 декабря 1888 года шесть отделений

перестали существовать, при этом остались работать 173; поскольку в 1889 году были добавлены новые группы, то в сумме сейчас имеется 190 отделений, из которых должны быть исключены те, которые распались в последние двенадцать месяцев. Однако мы не слышали ни об одном из таких. Наоборот, к июню 1890 года мы насчитываем более 200 отделений.

В Англии, стране, где теософии приходится совершать более тяжелую работу, чем в каком-либо другом месте, три года назад имелось лишь одно-единственное отделение — «Лондонская ложа» Теософского общества, насчитывающая около 150 членов. Со времени прибытия автора в Англию и образования в июне 1887 года так называемой «Ложи Блаватской» (в которой сейчас состоит свыше 300 действительных и ассоциированных членов), в разных центрах Великобритании было образовано двенадцать отделений Теософского общества, и число их членов увеличивается с каждым днем. Рост нашего Общества в этой консервативной стране поражает даже в сравнении с тем, что было в Соединенных Штатах Америки. Таким образом, начиная с рейда 1884 года, рост происходил со скоростью около 19 новых отделений в год, и конечный подсчет 1889 года показывает такой же большой прирост. Если разделить 104 — общую сумму в конце 1884 года — на 10 (число лет со времени основания Общества), мы получаем среднегодовой прирост, равный 10.4 отделения; таким образом, оказывается, что вопреки надеждам организаторов этого рейда, Теософское общество вовсе не прекратило свое существование, а наоборот, заметно увеличило среднюю скорость своего распространения, как в численном, так и в географическом отношении.

Бесполезно напоминать американскому читателю о непрекращающемся систематическом преследовании, которому подвергается, и подвергался в течение многих лет, автор этих строк (а также, благодаря этому, и теософия) со стороны различных врагов, упорных и подлых. Если до сих пор ни заговоры, ни прямые атаки не могли серьезно потрясти Общество или воспрепятствовать его движению, то ничего с ним не случится и в будущем. Мы можем лишь повторить с благодарностью и в слегка измененном виде христианское высказывание, столь применимое сейчас к нашему движению: «Кровь муче-

ников — это семья теософии». Наше общество проделало так много хорошей работы, посеянные им зерна добра столь очевидны даже среди кучи мякины, что это не может не создать надежный фундамент для храма истины не только в отдаленном, но и в ближайшем будущем.

Ибо теософская литература быстро растет. У нас есть семь основных центров издательской деятельности — Мадрас, Бомбей, Цейлон (Коломбо), Стокгольм, Лондон, Париж и Нью-Йорк. Стокгольмское отделение, основанное около года назад, имеет более ста членов, и наша литература в Швеции быстро распространяется. Маленький Цейлон три месяца назад имел двадцать одно отделение, а сейчас имеет, по видимому, еще больше. Мадрас является главной штаб-квартирой Общества, официальной резиденцией президента и администрации, и здесь же находится редакция «Теософиста». В Бомбее расположен «Теософский издательский фонд», созданный и руководимый м-ром Тукермом Татъя, индийским теософом, который публикует важные работы на санскрите и английском; об этом говорил с большой похвалой профессор Макс Мюллер в письме, опубликованном в «Теософисте» и «Люцифере». В Лондоне находится «Теософское издательское общество», которое издает журнал «Люцифер» (редакторами которого являются миссис Анни Безант и я), серию брошюр, называемых «ТИО», выходящих каждые две недели, и много новых теософских работ.

Следуя хорошему примеру Арийского Теософского общества Нью-Йорка — штаб-квартиры теософского движения в Америке — в Лондоне в мае этого года был создан комитет для широкого распространения по почте листовок с теософскими доктринами, причем каждый член Общества отвечает за определенный район. За первые месяцы действия этого «проекта почтовых отправок», Арийское Теософское общество в Нью-Йорке распространило свыше 150.000 материалов по теософии и ее доктринам. В Париже год назад начало выходить ежемесячно «Теософское обозрение» («Revue Théosophique»), редактируемое мной и руководимое графиней д'Адемар; сейчас (с марта) появился еще один теософский журнал, «Голубой Лотос» («Le Lotus Bleu»); я являюсь его редактором, а руководит им Артур Арнольд, хорошо известный в Париже

журналист и президент парижского Теософского общества — «Гермес». В Нью-Йорке мы имеем журнал «Путь» («The Path»), редактор которого, м-р У. К. Джадж, издает также ряд книг и брошюр. Наличие этих центров неопровержимо свидетельствует о том, что наше движение постоянно разрастается, и что все предвзятые и злобные сообщения, говорящие о противоположном, лишены всяких оснований.

Но вершиной и славой Теософского общества является наша Адьярская библиотека, являющаяся любимым детищем нашего президента. Хотя она основана только три года назад, она уже приобрела большую коллекцию восточных работ величайшего значения, состоящую из 3.046 томов; кроме того, свыше 2.000 работ на европейских языках и ряд редких рукописей на пальмовых листах. Говоря словами нашего ученого библиотекаря, пандита Н. Бхашьячарья (к сожалению, недавно умершего):

«Отдел буддийской литературы богаче, чем в какой-либо индийской библиотеке, и, вероятно, близок к тому, что имеется во многих европейских странах. Наиболее важными среди этих работ являются: 1. Щедрый подарок миссис Диас Илангаун, буддийского теософа из Матары, Цейлон, «полный текст палийской версии Трипитаки, записанной на пальмовых листах и состоящий из шестидесяти томов, около 5.000 страниц. Двенадцать писцов в течение двух лет копировали тома из уникальной коллекции в Мериссе», — коллекции, стоимость которой составляет 3.500 пожертвованных рупий. 2. Секта джодо японских буддистов подарила полковнику Олькотту «полный текст китайской версии Трипитаки в 418 томах на шелковой бумаге»... Другие «японские секты подарили ему в общей сложности 1.057 томов». 3. Двадцать два свитка с рисунками на шелке и бумаге, ... два из которых выполнены на шелке, как утверждают, старше 800 лет, а одна рукопись, возрастом 350 лет, написана тончайшими золотыми чернилами на свитке из очень гладкой черной бумаги, 33 фута длиной, намотанной на валик».²

¹ Подробности смотри в содержательной статье пандита Н. Бхашьячарья, заведующего Восточной секцией Адьярской библиотеки, в «Теософисте» за август 1889 г.

² «Здесь имеется также», — пишет ученый брамин-библиотекарь, — «большая картина, на которой изображены яркими красками 137 сцен из жизни основателя секты джодо; ... и древняя биография адепта-основателя движения Ямабуси, или братства людей с необычными спо-

Таковы некоторые из уникальных сокровищ, книг и реликвий Адьярской библиотеки Теософского общества, «собранные с величайшими трудностями ввиду полного отсутствия денежной поддержки и общественного покровительства»; библиотека «до сих пор не получила от какого-нибудь правительства ни одной книги и ни одной рупии». Эта библиотека переживет своих создателей и всех нынешних членов Теософского общества, и будет свидетельствовать о проделанной ими работе, когда многое другое будет забыто.

Бросив беглый взгляд на общие аспекты Общества, какими они сейчас представляются, мне бы хотелось очень кратко обрисовать три основных принципа, на которых оно строится, и изложить результаты, достигнутые по каждому из этих направлений.

Три официально провозглашенные цели нашего Общества состоят в следующем:

1. Образование ядра всеобщего братства людей, без различия расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи.
2. Усиленное изучение арийской и других восточных литератур, религий, философий и наук.
3. Третья цель, преследуемая отдельными членами Общества, заключается в исследовании не объясненных до сих пор законов природы и психических способностей человека.

Таким образом, мы уделяем внимание двум общим целям и одной — ограниченной. Каждый вступающий в Общество должен разделять теорию совершенного братства: братства, существующего на уровне высшей личности, а не на расовых, социальных и умственных различиях и антипатиях. Эти элементы расхождений принадлежат физическому человеку и являются результатом неравного развития в условиях закона

собностями, и его портрет в виде свитка, вместе с некоторыми огненными элементалами, которые он подчинил своей воле. Доктор Биглоу из Бостона, проживающий сейчас в Токио, любезно предоставил фотографию бронзовой группы, изображающей Кобо-дайши, адепта-основателя секты шин-зор, вместе с двумя малыми элементалами, которые служат ему в качестве посланников и слуг». Все это показывает, что теософский «козел отпущения», Е. П. Блаватская, *не придумала* ни братства адептов, ни «элементалов», поскольку об их существовании было хорошо известно в течение многих столетий в Японии, Китае и Индии.

эволюции. Мы считаем, что человеческое тело является лишь раковиной, оболочкой, или покровом истинной сущности; те, кто принимает эзотерическую философию и теорию «кармы» (универсального закона этической причинности), верят, что сущность, путешествуя вместе со всей массой человеческих существ по определенным большим и малым циклам бытия, выбирает при рождении разное тело, которое она сбрасывает в момент смерти под воздействием этого кармического закона. Хотя сущность может, таким образом, «одеваться» и «переодеваться» тысячи раз в последовательных перевоплощениях, сама по себе она неизменна и неспособна к изменению, и обладает божественной природой, высшей, по сравнению со всеми условиями земного плана. Только физическое тело имеет ту или иную расу, цвет кожи, пол, разнообразные привязанности, амбиции и любовь. Таким образом, когда мы постулируем идею всеобщего братства, мы хотим, чтобы она не понималась лишь как утопия, хотя мы и не мечтаем о ее быстром воплощении на пути общественных или национальных отношений. Самое большее, если этот взгляд на родство всех людей в масштабе человечества получит всеобщее признание, то чувство моральной ответственности, порожденное им, приведет к исчезновению большинства общественных бед и международных жестокостей, поскольку на смену современного эгоизма к руководству миром придет истинный альтруизм. Таким образом, мы возводим альтруизм в ранг приоритетных целей, выдвигаемых нашим Обществом, и пытаемся практической деятельностью обеспечить появление лучших законов.

Вторая из объявленных нами целей так хорошо говорит сама за себя, что нет никакой необходимости останавливаться на ней подробно, разве что в наиболее неподдающейся обобщению области. Основатели Теософского общества исходили из убеждения, что в древней литературе Индии, Цейлона, Тибета, Китая, Японии и других восточных стран заключено множество истин, которые, если сделать их доступными, могли бы стать очень важными и полезными для нынешних поколений. Лучше всего для этой работы подошли бы восточные ученые, знающие древние языки, в особенности те из них (если таковые найдутся), кто был обучен скрытому значению имен, чисел и выражений, которыми изобилуют азиатские

тексты, и которые приводят в отчаяние наших западных ориенталистов. Эти ученые мужи являются священниками различных религий и пандитами, или профессорами, в некоторых восточных философских школах. Никогда до сих пор они не работали вместе в интересах всего человечества, поскольку их личные взгляды в большой степени антагонистичны, а их религии и философские книги часто противоречат друг другу. Никакая схема кооперации между ними не могла быть реализована иначе, чем в рамках, определенных нашей первой целью, то есть на основе теории всеобщих отношений между людьми в плане высшей личности, и политики невмешательства в то, что касается взаимоотношений на уровне низшей личности, то есть физического человека. Далее мы покажем, как была реализована эта часть нашей схемы.

Рассмотрим третью декларацию, в соответствии с которой лишь некоторые из наших собратьев занимаются исследованием оккультных свойств материи и психических способностей человека. Таким образом, Общество в целом не участвует в этой области исследований. Это естественно, поскольку из каждых десяти тысяч людей можно встретить лишь одного, принадлежащего к очень небольшому меньшинству тех, кто имеет время, склонность или возможность совершать эту деликатную и трудную работу. Те, кто делает эту работу, — прирожденные мистики и, без сомнения, настоящие теософы; теософом является тот, кто ищет божественной мудрости, то есть постижения конечных причин сил, соотношений и психического развития, а также метода решения всех загадок жизни. Люди с такими наклонностями не могут быть фанатиками; их раздражает сектантское ярмо, их сердца согреты симпатией по отношению ко всем тем, кто страдает, кто стонет под социальным гнетом, проистекающим из невежества, к людям любой расы, вероисповедания или цвета кожи, которые стремятся к знанию. Эти люди являются истинными теософами, братьями человечества, и, в своей наиболее совершенной форме, — представителями духовности, проводниками, учителями, благодетелями нашей расы. Мы полагаем, что вполне правильно заявить такую программу исследования и самопознания в качестве последней из наших трех целей. Мистические философские книги в наше время, так же как и в про-

шлые времена, писались для тех, кто заинтересован в этом, для всех вопрошающих, которые способны их найти и вдохновиться ими. Для широкой публики эти книги — все равно, что черная икра, к которой они не привыкли.

Рассматривая вышеизложенные наши цели по порядку, посмотрим, что было достигнуто в действительности за четырнадцать лет существования Теософского общества. Сводка будет сделана на основании официальных документов, которые могут быть в любое время проверены. Во-первых, что касается первой цели, позволительно заметить, что мы работали в рамках самого широкого из возможных охватов, имея дело как с народами в целом, так и с отдельными людьми или небольшими группами. Полковник Олькотт и я переехали из Нью-Йорка в Бомбей в начале 1878 года, и тогда же мы установили контакты между западными исследователями восточного мистицизма и некоторыми образованными индусами и сингалезцами. На Востоке мы нашли разделение на секты, касты и расы, древние религии были в забвении, не ценимые образованными слоями общества; расовая гордость, почтение к предкам и патриотический дух почти исчезли. Сегодня путешественник будет поражен начинающими преобладать проявлениями братства; оживлением интереса к обычаям, достижениям и литературе предков; горячим патриотизмом, кульминацией которого явилось образование Индийского национального конгресса — политического образования, с которым наше Общество не имеет прямых связей, хотя оно и было организовано нашими индийскими и англо-индийскими последователями.

Вскоре после нашего прибытия в Бомбей, наше Общество начало расти, количество отделений быстро увеличивалось, и стало необходимым проведение ежегодных собраний делегатов, представляющих это широко разветвленное Общество. В ответ на предложение президента, тридцать разрозненных отделений прислали в качестве представителей на первое собрание в Бомбее последователей индуизма, парсизма, буддизма, мусульманства, иудаизма и христианства. Этот состав был уникальным в истории Индии и вызвал широкие комментарии в прессе. Во время встречи в Институте Фрамджи Кавасджи, на трибуну последовательно выходили представители вышеперечисленных религий, соревнуясь друг с другом в горячих

уверениях во взаимной терпимости и доброй воле, которые сопровождалась шумными аплодисментами аудитории. Таким образом, возникло отчетливое представление о всеобщем братстве, и прозвучала благая весть религиозной терпимости в той части света, где раньше процветала лишь сектантская ненависть и классовый эгоизм.

Это было в 1882 году. С тех пор такие собрания проводятся ежегодно в качестве совещательного органа для организации работы Общества; при этом не возникало ни малейших разногласий сектантского или расового характера. Вся Индия пребывала под благотворным влиянием, исходящим от этих встреч, благодаря деятельности делегатов в своих территориальных округах и среди своего народа. Когда началась политическая агитация, и был созван Национальный конгресс, он действовал с учетом наших позиций, и его организаторы и руководители в значительной степени состояли из членов нашего Общества, присутствовавших в качестве делегатов на наших собраниях.

Помимо содействия в плетении золотой паутины братства во всей Индии, наше Общество протянуло свои отделения до Цейлона, Бирмы, Сиамы и Японии, и привело эти народы к братским отношениям с индусами, несмотря на религиозные различия, создавая, таким образом, каналы для международных взаимодействий по вопросам религии и образования. В этих странах мы также сеяли те же семена доброй воли, а на Цейлоне мы уже собираем урожай. На этом вечнозеленом райском острове мы оживили буддизм и начали очищать его, организовали высшие школы, взяли под свой надзор около пятидесяти средних школ, распространяли литературу во всех частях острова, убедили правительство объявить день рождения Будды общенародным праздником, основали два журнала, создали типографию и обеспечили прямые контакты сингалезских буддистов с их японскими единоверцами.

Вот что было сделано нами в Индии и на дальнем Востоке. Что касается Европы, то поскольку мы начали работу здесь лишь три года назад, результаты ее только начинают быть ощутимыми. Тем не менее, в Лондоне, в самом центре процветающего материализма, мы основали в Истэнде первый клуб Работающих женщин, полностью свободный от теологических

установок. До сих пор все такие попытки имели сектантский характер, так как были связаны с теми или иными религиозными взглядами; наши же основаны всего лишь на *братстве*, при этом никакое различие в веровании не рассматривается как препятствие. Когда, через несколько недель, клуб откроется, его члены окажутся в светлом и уютном доме, где для них будут легко доступны книги, газеты и музыка, и где группа их более образованных сестер по очереди, раз за разом, будет нести службу помощи и руководства — но не контроля — за вечерним досугом.

Только те, кто знает тоскливую жизнь наших бедных итэндских девушек, с искушениями, присущими любым формам доступного для них удовольствия, сможет понять братскую природу службы, предоставленной им таким образом. Мы (образованные классы) делаем изгоями этих менее счастливых членов нашей семьи, заставляем их селиться в специальной части города, среди грязных окрестностей и грубых влияний; а затем мы жалуемся, что их грубость шокирует наши тонкие чувства, их резкость дисгармонирует с нашей деликатностью! Таким образом, здесь Теософское общество провозглашает Братство Людей, выступая против классовых различий, так же, как в Индии оно выступает против кастовых различий.

Что касается возрождения восточной литературы, то вся пресса Индии, Цейлона и Японии авторитетно заявляет, что мы сделали в этом направлении больше, чем какая-либо другая служба в наше время. Мы не только помогли возродить в Индии древние *толы*, или пандитские школы санскритской литературы и философии, а также пробудить уважение к истинным йогам, или святым подвижникам, но мы также создали потребность в перепечатках и переводах древних санскритских классиков, которая удовлетворяется частым изданием работ такого рода в Калькутте, Бомбее, Бенаресе, Лахнау, Лакхоре, Мадрасе и других индийских литературных центрах.

Наиболее важными среди них являются Веды, Бхагавад Гита, труды Шанкары, Патанджали, и других знаменитых арийских философов и мистиков. Народ Азии публично и несомненным образом выразил свою признательность и уважение к нам за то, что мы сделали в рамках второй из объявлен-

ных нами целей. Нельзя не отметить и того, что доминирующий интерес к теософии и к мистической восточной философии в целом, который вынужден будет признать любой непредвзятый наблюдатель как в Европе, так и в Америке, прямо или косвенно является результатом деятельности нашего Общества. Справедливость этого утверждения достаточно легко понять, если учесть, что имеется 38 отделений Общества в Соединенных Штатах, и многие — в различных европейских странах, и среди их членов имеется немало высококультурных мужчин и женщин, в том числе выступающих в прессе. Конечно, не мне говорить о том, в какой мере помогли созданию этой новой склонности западного ума книги, которые я написала, и журналы на английском и французском языках, которые я издавала и продолжаю издавать. Достаточно того, что такая склонность существует. Для теософов это является предзнаменованием появления нового религиозного сознания в мире, предвестником нового союза между наукой и религией, и мира между добрыми людьми самых несовместимых друг с другом вероисповеданий.

Теперь, что касается третьей цели в нашем списке. Собственно говоря, термин «психические исследования» должен включать в себя крупное движение, известное как современный спиритуализм. Но этот предмет слишком обширен, чтобы его можно было рассмотреть в ограниченном пространстве одной статьи. Достаточно сказать, что многие исследователи научились различать более точно разные классы явлений, и многое было сделано для того, чтобы ослабить сентиментальное и нефилософское суеверие, вследствие которого бестелесные «духи» являлись страдающими очевидцами глупостей и преступлений живых людей. Все, что относится к деталям и заключениям, которых мы достигли по этому вопросу, читатель может узнать в книге «Ключ к теософии», где этот вопрос рассматривается подробно.

По крайней мере, мы можем утверждать, что предоставили мыслящей публике логическую, последовательную и философскую схему происхождения человека, его судьбы и эволюции; схему, превосходящую все остальные по причине своей строгой приверженности к обоснованности. И мы можем расширить наш критерий истины таким образом, чтобы распро-

странить наши исследования на проблемы, касающиеся природы менее известных сил, космических и психических. На эту тему написаны многие из наших книг, и многие наши переиздания старых работ, с комментариями или без них, выбраны исходя из того, насколько они проливают свет на эти *quaestiones vexatae* [мучительные вопросы, *лат.*].

Коротко говоря, нашей целью является содействие, хотя бы в некоторой степени, в достижении правильных научных взглядов на природу человека, которые для нынешнего поколения представляют собой способ реконструкции дедуктивной метафизической или трансцендентальной философии, являющейся единственным твердым и непоколебимым основанием любой религиозной философии. Теософия, универсальный растворитель, выполняет свою миссию; переливчатые краски зари современной психологии смешиваются вместе, и все они вольются в совершенный дневной свет истины, когда солнечный диск восточного эзотеризма поднимется в зенит.

В течение многих долгих лет «великая сирота», Человечество, громко плакало в темноте, прося руководства и света. Среди возрастающего великолепия чисто материального прогресса и науки, которая питает интеллект и оставляет дух голодающим, Человечество, смутно чувствуя свое происхождение и, предвидя свою участь, протянуло к Востоку пустые руки, которые может наполнить одна лишь *духовная философия*. Стремясь уйти от всякой розни, подозрительности, ненависти, которые разрывают саму его жизнь, оно просило о каком-нибудь надежном фундаменте, на котором можно бы было построить солидарность, какую-либо метафизическую основу, на которой могли бы произрастать самые возвышенные общественные идеалы. Только Учителя восточной мудрости могут создать такой фундамент, который одновременно удовлетворит и интеллект, и дух, и сможет уверенно провести Человечество через ночь к «заре великого дня».

Такова цель, которую теософия намерена достичь; такова история современного движения; такова работа, которую теософия уже осуществила в нашем веке.

НОВЫЙ ЦИКЛ

Ни один первый выпуск традиционного и официального теософского журнала не обходится без того, чтобы мы не представили в нем нашим читателям некоторую информацию, которая, по нашему мнению, является совершенно необходимой.¹

В сущности, то представление, которое по сей день имеют люди об индийском Теософском обществе, столь неопределенно и разнообразно, что даже многие наши члены обладают на сей счет совершенно ошибочными воззрениями. В этой связи необходимо подробно объяснить ту цель, которую мы преследуем в журнале, посвященном исключительно теософии. Однако прежде чем мы попросим наших читателей проявить к нему интерес или даже просто заглянуть в него, мы предложим им очень краткие предварительные разъяснения.

Сразу возникают вопросы: что такое теософия? Зачем это столь претенциозное название? Когда же мы отвечаем, что теософия — это божественная мудрость, или мудрость, скорее, богов (*Theo-sophia*), чем Бога, нам выдвигают другое, еще более экстраординарное возражение: «Разве вы не буддисты? Нам известно, что буддисты не верят ни в Бога, ни во множество богов...»

Совершенно верно. Но, для начала, мы не в большей степени являемся буддистами, чем христианами, мусульманами, иудеями, зороастрийцами или брахманистами. К тому же, что касается богов, мы придерживаемся здесь эзотерического метода *huroponia* [аллегории, *греч.*], которому учил Аммоний

¹ Статья приурочена к выходу в свет первого номера «Теософского обозрения», Париж, 21 Марта 1889 г. — *Прим. редактора.*

Саккас, другими словами, оккультного значения этого термина. Разве не сказал Аристотель, что «божественная сущность, пропитывающая природу и рассеянная по всей бесконечной вселенной, и то, что *hoi polloi* [простолюдины, *греч.*] называют богами, — это всего лишь Первопринципы...»¹ — другими словами, творящие и разумные силы природы. Однако из того факта, что буддийские философы распознавали и знали природу этих сил, как никто другой, вовсе не следует, что это Общество является буддийским, как Общество. В качестве некой абстрактной организации, Общество ни во что не верит, ничего не признает и ничему не учит. Общество *per se* [для себя, *лат.*] не может и не должно иметь какую-либо одну религию. В конце концов, культы — это всего лишь носители, более или менее материальные формы, содержащие в себе в большей или меньшей степени эссенцию единой и универсальной Истины. В принципе, теософия — это духовная и физическая наука об этой Истине, самая суть религиозного и философского исследования. Видимый представитель универсальной Истины — так как в нем содержатся все религии и философии, и так как каждая из них в свою очередь несет в себе часть этой Истины — Общество может быть сектантским, иметь предпочтения или пристрастия не в большей мере, чем антропологическое или географическое общество. Разве для последнего важно, принадлежат ли входящие в него исследователи к той или другой религии, пока каждый из его членов добросовестно выполняет свои обязанности?

Если же теперь, как и много раз до этого, нас спросят, являемся ли мы деистами или атеистами, спиритуалистами или материалистами, идеалистами или позитивистами, роялистами, республиканцами, или социалистами, мы ответим, что в Обществе представлены все эти воззрения. Я лишь просто повторяю то, что я сказала ровно десять лет назад во вступительной статье к журналу «Теософист»,² чтобы показать, сколь сильно отличается мнение публики о нас от того, чем мы в действительности являемся. Наше Общество в разные времена обвиняли в самых удивительных и самых противоре-

¹ Метафизика, книга VIII, 1074 в. — *Прим редактора.*

² В статье «Кто такие теософы», октябрь 1879 г. — *Прим. редактора.*

чивых ошибках, и приписывали ему такие мотивы и идеи, которые оно никогда не имело. Чего только о нас не говорили! В один день мы были обществом невежд, верящих в чудеса; на следующий день нас объявляли тавматургами; наши цели — тайные и сугубо политические, говорилось с утра; мы были карбонариями и опасными нигилистами; однако вечером обнаруживалось, что мы шпионы, оплачиваемые монархической и автократической Россией. В другой раз, и без какого бы то ни было перехода, мы становились иезуитами, стремящимися уничтожить спиритизм во Франции. Американские позитивисты видели в нас религиозных фанатиков, тогда как духовенство всех стран обличало в нас эмиссаров Сатаны, и т. д., и т. д. Наконец, наши бравые критики с изысканной вежливостью и непредвзятостью разделяли теософов на две категории: *шарлатанов и простофиль...*

Однако клеветуют лишь на то, что ненавидят или боятся. За что же нас ненавидят? И за что нас боятся, кто знает? Не всегда благоразумно говорить Истину, а мы говорим, возможно, слишком много *правдивых* истин. Несмотря на все это, с момента возникновения нашего Общества в Соединенных Штатах четырнадцать лет назад, наши учения получили совершенно неожиданно широкое распространение. Первоначальная программа по необходимости была расширена, и сфера наших комбинированных поисков и исследований в настоящий момент вышла далеко за поставленные рамки. Такое расширение было вызвано все возрастающим увеличением числа наших сторонников, числа, растущего с каждым днем; разнообразие их рас и религий требовало от нас все более и более глубоких изысканий. Однако, расширяясь, наша программа ни в коей мере не менялась в том, что касается ее главных целей, за исключением, к сожалению, одной из них, наиболее близкой нашему сердцу, а именно — первой из них, т. е. создания Всемирного Братства без различия рас, вероисповедания или цвета кожи. Несмотря на все наши попытки, эта цель практически постоянно игнорировалась или же становилась мертвой буквой, особенно в Индии, благодаря врожденному высокомерию и национальной гордыне англичан. За этим исключением, две другие цели, а именно, изучение восточных религий, особенно древних ведических и буддийских

культов, и наше исследование скрытых сил в человеке, преследовались с таким рвением, которое, в конце концов, было вознаграждено.

Начиная с 1876 года, мы были вынуждены все более и более удаляться от проторенной дороги общих положений, какой она была задумана вначале, чтобы пуститься по смежным путям, расходящимся все шире и шире. Таким образом, ради того, чтобы удовлетворить всех теософов и проследить эволюцию каждой религии, мы обогнули весь земной шар, начав свое путешествие на заре цикла восходящего человечества. Эти исследования привели к синтезу, уже в общих чертах описанному в «Тайной Доктрине», перевод некоторых частей которой будет опубликован в данном журнале. Эта доктрина лишь едва очерчена в двух наших томах, и все же раскрытые в ней тайны, касающиеся верований доисторических народов, космогонии и антропологии, до сих пор ни разу не открывались. Некоторые догмы и теории в ней сталкиваются с научными теориями, особенно с теорией Дарвина; с другой стороны, они объясняют и проясняют то, что остается по сей день непостижимым, заполняя многочисленные бреши, которые, *volens-nolens* [волей-неволей, *лат.*], оставляет пустыми современная наука. Мы должны представить наши доктрины такими, каковы они есть, или же вообще не обсуждать этот вопрос. Тем, кто боится таких бесконечных перспектив и пытается сузить их при помощи кратчайших путей и подвесных мостов, искусственно возведенных современной наукой над этими тысячами зияющих брешей, лучше и не пытаться войти в Фермопилы древней науки.

Таков был один из результатов деятельности нашего Общества, может быть, очень слабый результат, но такой, за которым, несомненно, последуют и другие откровения, экзотерические или чисто эзотерические. Мы говорим об этом, чтобы показать, что мы, в частности, не проповедуем никакой религии, предоставляя каждому члену полную и совершенную свободу следовать своим собственным личным убеждениям. Главная цель нашей организации, которую мы пытаемся превратить в настоящее братство, со всей полнотой выражена в девизе Теософского общества и всех его официальных органов: «Нет религии выше Истины». Как объективное и беспри-

страстное общество, мы должны овладеть истиной везде, где бы мы ее ни нашли, не позволяя себе оказывать предпочтение той или иной вере. Этот принцип ведет к вполне логичному выводу: если мы призываем и принимаем с распахнутыми объятиями всех подлинных искателей истины, в наших рядах не может быть места оголтелому сектантству, фанатизму или лицемерию, окружившему себя китайской стеной догмы, на каждом камне которой написано: «Нельзя!» Какое же место могли бы занять среди нас подобные фанатики, религия которых запрещает любые вопросы, любое исследование и не допускает никаких споров, если известно, что главная материнская идея, самый корень, из которого произрастает прекрасный цветок, называемый нами теософией, — это абсолютная и неограниченная свобода изучения всех тайн природы, человеческой или божественной.

За их исключением, Общество приглашает всех остальных принять участие в его деятельности и открытиях. Тот, чье сердце бьется в унисон с великим сердцем человечества; тот, кто ощущает, что его интересы едины с интересами любого существа, более счастливого или несчастного, чем он сам; любой мужчина или женщина, готовые протянуть руку помощи страждущим; тот, кто понимает истинное значение слова «эгоизм», является теософом по рождению и по праву. Он всегда может быть уверен, что найдет в наших рядах близкие ему души. Наше Общество является, в действительности, своеобразным человечеством в миниатюре, где, как и в человечестве в целом, человек всегда может найти свое применение.

Если бы нам сказали, что в нашем Обществе атеист стоит локоть об локоть с деистом, материалист с идеалистом, мы бы ответили: Ну и что? Будь он материалистом, т. е., усматривающим в материи неограниченную силу для творения, или, скорее, эволюции всей земной жизни; или будь он спиритуалистом, наделенным духовным восприятием, которого лишен первый, — каким образом все это может помешать тому или иному человеку быть хорошим теософом? Более того, те, кто поклоняется личному богу или божественной Субстанции, являются намного большими материалистами, чем пантеисты, отвергающие идею о воплощенном боге, но видящие божест-

венную сущность в каждом атоме. Общеизвестно, что буддизм не признает ни единобожие, ни многобожие. И все же архат, для которого каждый атом пыли столь же наполнен Свабхаватом (пластической субстанцией, вечной и разумной, хотя и безличной), как и он сам, и который стремится воспринять этот Свабхават, отождествляя себя со Всем, чтобы достигнуть нирваны, должен следовать тем же самым болезненным путем самоотречения, добрых дел и альтруизма, и вести такую же святую жизнь, хотя и менее эгоистическую по своим мотивам, что и блаженный христианин. Что значит преходящая форма, если цель, которую надо достигнуть, — это одна и та же вечная сущность, проявляется ли она для человеческого восприятия как субстанция, как нематериальное дыхание или же как *ничто!* Признаем же ПРИСУТСТВИЕ, называется ли оно личным Богом или универсальной субстанцией, и познаем причину, поскольку для всех нас очевидны ее следствия. Если все эти следствия одинаковы и для атеиста-буддиста, и для деиста-христианина, а причина невидима и непостижима для них обоих, зачем же нам тратить время в погоне за неуловимой тенью? При этом величайшие материалисты, так же как и наиболее трансцендентальные философы, признают всеобщность неощутимого Протея, всемогущего и пронизывающего все царства природы, включая и человеческое; Протея, нераздельного в своей сущности, избегающего формы, и все же появляющегося в любой форме; того, кто здесь и там, везде и нигде; того, что есть Все и Ничто, кто вездесущ и все же Един; универсальную субстанцию, связующую, ограничивающую и вмещающую все, содержащееся во всем. Кто из теологов смог бы копнуть глубже? Чтобы стать теософом, достаточно признать эти истины, ибо такое признание равносильно убеждению в том, что не только человечество, насчитывающее тысячи рас, но и все живущее и произрастающее, говоря другими словами, все существующее, проистекает из одной и той же сущности или субстанции, одухотворено одним и тем же духом, а, следовательно, все в природе, как физической, так и нравственной, связано всеобщим единством.

Мы уже много раз говорили в «Теософисте» о том, что «рожденное в Соединенных Штатах Америки Теософское общество представляет собой модель своей родины». Общеизве-

стно, что последняя исключила слово «Бог» из своей Конституции из опасения, по словам отцов республики, что это слово может однажды стать предлогом к введению государственной религии, ибо они хотели гарантировать абсолютное равенство для всех законопослушных религий, чтобы каждая форма религии поддерживала государство, которое, в свою очередь, покровительствует всем им.

Теософское общество основано было именно на этом прекрасном примере.

В настоящий момент сто семьдесят три (173) его отделения сгруппированы в несколько секций. В Индии эти секции пользуются самоуправлением, и сами покрывают свои затраты. Вне Индии существуют две большие секции: одна в Америке, другая в Англии (*Американская и Британская секции*). Таким образом, любое отделение, как и любой член, свободны исповедовать любую религию и изучать любую философию или науку, какую им будет угодно, при условии, что все они остаются в узах Солидарности или Братства, поистине, наше Общество может называть себя «Республикой Совести».

Хотя каждый член волен заниматься тем интеллектуальным трудом, который ему по нраву, все же он обязан предоставить некоторые основания для своей принадлежности к Обществу; это означает, что каждый член должен внести свой вклад, сколь бы мал он ни был, в ментальную или иную работу для пользы всех членов. Если человек не трудится ради других, он не имеет права называть себя теософом. Все должны стремиться к свободе человеческой мысли, к устранению эгоистических и сектантских предрассудков, и к обнаружению всех тех истин, которые доступны человеческому разуму. Нельзя добиться в достижении этой цели большего успеха, чем всячески поощряя объединение интеллектуальных усилий. Ни один честный труженик, ни один честный исследователь не останется с пустыми руками, и едва ли найдется такой человек, который считает себя настолько занятым, чтобы отказаться принести дань, моральную или материальную, на алтарь истины. Президентам отделений и секций вменяется в обязанность впредь следить, чтобы теософский улей был свободен от тех трутней, которые умеют лишь жужжать.

Еще об одном. Сколько раз обвиняли двух основателей Теософского общества в амбициях и автократии! Сколько раз обвиняли их в мнимом желании навязать свою волю остальным членам! Есть ли что-либо более несправедливое? Основатели Общества всегда были самыми первыми и самыми скромными слугами своих сподвижников и коллег, всегда готовые помочь им в их борьбе с эгоизмом, безразличием и сектантством; ибо это самая главная борьба, к которой должен готовить себя каждый, кто вступает в наше Общество, столь искаженным образом воспринимаемое публикой. Более того, это доказывают и отчеты, публикуемые после каждого ежегодного съезда. На последнем нашем съезде, прошедшем в декабре 1888 г. в Мадрасе, были предложены и приняты важные реформы. Перестали существовать какие бы то ни было денежные взносы, была отменена даже оплата 25 франков за диплом. С этого момента члены вправе жертвовать столько, сколько они пожелают, если они хотят помочь и поддержать Общество, или же не платить ничего.

В этих обстоятельствах и в текущий момент в истории Теософского общества легко понять цель создания журнала, посвященного исключительно распространению наших идей. В нем мы хотим обрисовать новые интеллектуальные горизонты, показать неизведанные пути, ведущие к улучшению и исправлению человечества; сказать утешительное слово всем, кто обездолен на земле, испытывают ли они страдания от душевного голода или от неудовлетворенности своих физических потребностей. Мы приглашаем всех великодушных людей, кто хочет откликнуться на этот призыв, присоединиться к нам в выполнении этой человеколюбивой задачи. Любой товарищ по работе — член Общества или просто сочувствующий — может помочь нам сделать этот журнал единственным органом подлинной теософии во Франции. Перед нами открыты все прекрасные возможности, которые готовит нам будущее. Вновь наступает час великого циклического возвращения, час мощного прилива мистической мысли в Европе. Со всех сторон нас окружает океан универсальной науки — науки вечной жизни, — несущий на своих волнах забытые и затонувшие сокровища исчезнувших поколений, сокровища, до сих пор неизвестные современным цивилизованным народам. Этот мощный поток,

восходящий из водной пучины, из глубин, где лежит доисторическое знание и искусство, поглощенное вместе с допотопными гигантами — полубогами, хотя они и были всего лишь прообразами смертных людей, — этот поток ударяет нам в лицо и рокошет: «То, что все еще существует; то, что было забыто, погребено в течение эонов в глубинах юрских отложений, может снова открыться нашему взору. Готовьтесь».

Счастливы те, кто понимает язык стихий. Но куда же движутся те, для кого слово «стихия» не имеет никакого иного значения, кроме того, которое в него вкладывает физика или материалистическая химия? Вынесут ли их волны этих великих вод к знакомым берегам, когда они утратят почву под ногами в надвигающемся потоке? Обнаружат ли они себя у вершин нового Арарата, у высот света и солнечного сияния, найдя уступ, на который можно безопасно поставить свою ногу, или, быть может, в бездонной пропасти, которая поглотит их, как только они попытаются бороться против неодолимого вала некоей неизвестной стихии?

Мы должны выявлять и исследовать истину во всех аспектах, стараясь ничего не упустить, если мы не хотим низвергнуться в бездну неизвестности, когда пробьет урочный час. Бесплезно бросать это на волю случая и с безразличием, если не с упорным неверием, ожидать грядущего интеллектуального и психического кризиса, убеждая себя при этом, что в худшем случае надвигающийся прилив вынесет нас, само собой, к берегу; поскольку есть вероятность, что приливная волна выбросит туда лишь труп. В любом случае, это будет жестокая борьба между грубым материализмом и слепым фанатизмом с одной стороны, и философией и мистицизмом с другой — мистицизмом, который более или менее прозрачным покровом скрывает извечную Истину.

Однако верх здесь одержит вовсе не материализм. Любой фанатик, идеи которого изолировали его от универсальной аксиомы: «Нет религии выше Истины», увидит, что он отброшен в сторону лишь по этой причине, подобно негодному камню для нового арочного перекрытия, называемого *человечеством*. Кидаемый волнами, битый ветрами, кружащийся в этой стихии, настолько же ужасной, насколько и неведомой, вскоре он обнаружит, что поглощен ею...

Да, все это произойдет именно так и ни как иначе, когда искусственное и холодное пламя современного материализма угаснет из-за недостатка горючего. Те, кто не может свыкнуться с идеей о духовном эго, живой душе и вечном духе внутри этой материальной оболочки (которая обязана своим иллюзорным существованием именно этим *принципам*); те, для кого великая надежда на жизнь после смерти является раздражающим фактором, просто символом неизвестной величины или же субъектом веры *sui generis* [особого рода], результатом теологических или медиумических бредней, — должны быть готовы к самому худшему разочарованию, которое может быть уготовано им в будущем. Ибо из глубин темных, мрачных вод материальности, которая со всех сторон скрывает от них горизонты великого потустороннего мира, в эти последние годы нашего века восходит мистическая сила. Не более чем первый тихий шорох, но это *сверхчеловеческий* шорох — «сверхъестественный» лишь для суеверного и невежественного человека. Дух истины витает ныне над поверхностью темных вод и, разделяя их, заставляет их извергнуть свои духовные сокровища. Дух сей — это сила, которой нельзя ни помешать, ни остановить. Те, кто осознают ее и чувствуют, что это кульминационный момент их спасения, будут подхвачены ею и унесены за пределы иллюзий великого астрального змея. Радость, которую они ощутят, будет столь острой и сильной, что если они мысленно не изолировали себя от своих плотских тел, блаженство пронзит их, подобно острому мечу. Они ощутят не удовольствие, но блаженство, предвкушение знания богов, знания добра и зла, и плодов с древа жизни.

Будь современный человек фанатиком, скептиком или мистиком, в любом случае он должен хорошо усвоить, что ему бесполезно бороться против двух моральных сил, ныне брошенных в бой в величайшем противостоянии. Он отдан на милость двух этих соперников, и никакая сила-посредник не сможет ему помочь. Это лишь вопрос выбора: покориться и позволить нести себя на волне мистической эволюции, либо корчится, противодействуя моральной и психической эволюции, и оказаться поглощенным неудержимым потоком нового прилива. В настоящее время весь мир, со своими центрами

высшей учености и человеческой культуры, политической, артистической, литературной и коммерческой жизни, пришел в беспорядок; все в нем сотрясается и рушится в преддверии неизбежной реформы. Бесполезно игнорировать, бесполезно надеяться, что кто-либо сможет остаться нейтральным между этими двумя противоборствующими силами; человек должен выбрать одну из них, или он будет раздавлен ими обоими. Тот, кто воображает, что выбрал свободу, но, тем не менее, остается погруженным в этот кипящий котел, пенящийся отвратительным гноем, называемым общественной жизнью, самым ужасным образом предает свое божественное «я», совершая измену, которая будет ослеплять это «я» в течение долгой цепи будущих воплощений. Все вы, колеблющиеся на пути теософии и оккультных наук, трепещущие на золотом пороге истины — единственной, что перед вашим взором, ибо все остальные отброшены вами, одна за другой, — стоите прямо напротив великой Реальности, которая открылась вам. Эти слова обращены только к мистикам, лишь для них они имеют какое-либо значение; для тех, кто уже сделал свой выбор, они бесполезны и пусты. Но вы, оккультисты, каббалисты и теософы, вы прекрасно знаете, что в начале этого цикла прозвучало старое, как мир, хотя для вас и совсем новое, Слово, и его потенциальные возможности сокрыты, неощутимо для всех остальных, в цифрах 1889-го года; вам прекрасно известно, что зазвучала нота, которую никогда ранее не слышало человечество этой эры, и что открывается Новая Идея, созревшая благодаря силам эволюции. Эта Идея отличается от всех остальных, появившихся в девятнадцатом веке; однако она идентична с мыслью, которая является основным тоном и ключевой нотой любого столетия, в особенности последнего — абсолютное свободомыслие для человечества.

Зачем же пытаться задушить и подавить то, что не может быть уничтожено? Зачем бороться, когда нет другого выбора, кроме как позволить себе подняться на гребне духовной волны к самым небесам, выше звезд и вселенных, или же быть поглощенным зияющей бездной океана материи? Бесполезны ваши попытки измерить бездонное, достигнуть предела этой удивительной материи, столь прославленной в наш век; ибо она уходит своими корнями в дух и в Абсолют; они не суще-

ствуют, так как они *пребывают* вечно. Постоянное соприкосновение с плотью, кровью и костями, иллюзия дифференцированной материи — все это лишь ослепляет вас; чем глубже вы будете проникать в царство неощутимых атомов вашей химии, тем более будете убеждаться, что они существуют лишь в вашем воображении. Неужели вы действительно надеетесь найти там любую истину и любую реальность бытия? Ибо Смерть караулит у дверей каждого, чтобы закрыть ее за излюбленной душой, которая избегает ее тюрьмы, душой, которая лишь и придает телу реальность; как же может вечная любовь ассоциироваться с молекулами материи, которые изменяются и исчезают?

Однако вполне возможно, что вы безразличны к подобным вещам; но как же может тогда вообще касаться вас привязанность или души тех, кого вы любите, если вы не верите в само существование таких душ? Так и должно быть. Вы сделали свой выбор; вы ступили на путь, который пересекает лишь бесплодные пустыни материи. Вы сами обрекли себя на то, чтобы прозябать здесь в течение долгой череды существований. С этого момента вы должны будете довольствоваться состояниями бреда и нервного возбуждения вместо духовного восприятия, страстями вместо любви, шелухой вместо плода.

Но вы, мои друзья и читатели, вы, кто стремитесь к чему-то большему, чем жизнь белки, вечно крутящейся в одном и том же колесе; вы, кто не довольствуется кипением в котле, бурление которого не дает никакого результата; вы, кто не обманывается, принимая глухое эхо, столь же древнее, как мир, за божественный голос истины, — готовьте себя для будущего, о котором могут мечтать среди нас лишь немногие, если они уже не вступили на этот путь. Ибо вы выбрали путь, который, сколь бы тернистым ни было его начало, вскоре расширяется и приводит вас к божественной истине. Вы вольны сомневаться, все еще находясь в начале пути, вы вольны отказать принять на слово то, чему вас учат об источнике и причине этой истины, но вы всегда можете услышать то, что говорит вам ее голос, и вы всегда можете изучить последствия деятельности творящей силы, выходящей из глубин неизведанного. Сухая и бесплодная почва, на которой живет нынеш-

нее поколение людей в конце этого века духовного голода и чисто материального излишества, нуждается в божественном знаке, радуге, как символе надежды. Из всех прошедших столетий наш, девятнадцатый век наиболее преступен. Он преступнее в своем ужасном эгоизме, своем скептицизме, насмехающемся над самой идеей о чем-то, что выходит за рамки материального мира; в своем идиотском безразличии ко всему, что не относится к личному «я», более чем любой из предшествующих веков невежественного варварства и интеллектуальной тьмы. Надо уберечь наш век от самого себя, прежде чем пробьет его последний час. Для всех, кто видит бесплодность и ложность существования, ослепленного материализмом и жестоко безразличного к судьбе своих ближних, это момент действовать; для них настало время посвятить всю свою энергию, все свое мужество и все свои усилия великой интеллектуальной реформе. Эту реформу можно осуществить лишь при помощи теософии и, добавим, оккультизма или восточной мудрости. Путь, ведущих к этой мудрости, много, но сама она едина. Художественные натуры провидят ее, страждущие мечтают о ней, чистые сердцем знают ее. Те, кто трудится ради других, не могут не замечать ее реальности, хотя они и не всегда узнают ее по имени. Лишь легкомысленные и пустые люди, эгоистичные и никчемные трутни, оглушенные собственным жужжанием, останутся не ведающими о высшем идеале. Они будут продолжать свое существование до тех пор, пока жизнь не станет для них тяжким и невыносимым бременем.

Следует, однако, отчетливо помнить, что эти страницы написаны не для масс. Они не являются ни призывом к реформам, ни попыткой склонить к своим взглядам сильных мира сего; они адресованы лишь тем, кто способен понять их, тем, кто страдает, тем, кто испытывает голод и жажду по некой Реальности в этом мире «китайских теней». Что же касается остальных, почему бы им не проявить достаточное мужество и не оставить свой мир пустых занятий, прежде всего свои удовольствия и даже личные интересы, кроме тех случаев, когда эти интересы входят в их обязанности по отношению к своим семьям или другим людям? Нет никого, кто был бы слишком занят или настолько беден, чтобы это помешало ему

создать свой благородный идеал и следовать ему. Так зачем же колебаться, зачем бояться расчистить путь к этому идеалу через все препятствия и камни преткновения, через все мелкие помехи общественной жизни, чтобы идти прямо вперед до тех пор, пока цель не будет достигнута? Те, кто сделает усилие в этом направлении, вскоре обнаружит, что эти «узкие ворота» и «тернистый путь» ведут в просторные долины с безграничными горизонтами, к тому состоянию, где уже нет больше смерти, потому что человек начинает ощущать, что он снова стал богом! Верно, что первое условие, необходимое для его достижения — абсолютная незаинтересованность, безграничная преданность работе на благо других и полное безразличие к миру и его мнениям. Чтобы сделать первый шаг на этом идеальном пути, мотивы должны быть абсолютно чисты; ни одна недостойная мысль не должна отвлекать взор от конечной цели, ни одно сомнение или колебание не должно сковывать ноги.

Есть вполне подготовленные для этого мужчины и женщины, единственная цель которых — это жить под эгидой своей Божественной Природы. Пусть им, по меньшей мере, хватит мужества жить этой жизнью и не скрывать ее от глаз других людей! Не следует ставить чье бы то ни было мнение выше голоса своей собственной совести. Так пусть эта совесть, достигнув наивысшего уровня своего развития, ведет нас во всех наших обычных жизненных поступках. Что же касается руководства внутренней жизнью, нам следует сосредоточить все наше внимание на том идеале, который мы перед собой поставили, и смотреть *за пределы*, не уделяя ни малейшего внимания грязи у наших ног...

Те, кто способен на такую попытку, есть истинные теософы; все же остальные — это всего лишь члены, более или менее посредственные, а зачастую и совершенно никчемные.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Самые важные сведения для учеников

Как показывают некоторые из писем, полученных в этом месяце, есть много людей, кто ищет практических инструкций по оккультизму. Поэтому, назрела необходимость установить раз и навсегда:

(а) Существенное различие между теоретическим и практическим оккультизмом, или тем, что известно как теософия, с одной стороны, и оккультная наука, с другой, и:

(б) Сущность проблем, возникающих при изучении последней.

Легко стать теософом. Любой человек со средними интеллектуальными способностями, склонный к метафизике, ведущий чистую и бескорыстную жизнь, который получает больше удовольствия, помогая своему соседу, чем принимая от него помощь; тот, кто всегда готов принести в жертву свои собственные удовольствия ради других людей; тот, кто любит Истину, Добродетель и Мудрость ради них самих, а не ради той пользы, которую они могут принести с собой, — является теософом.

Но совсем другое дело встать на путь, который ведет к познанию того, что следует делать, чтобы отличить добро от зла; путь, который, также, ведет человека к обладанию той силой, посредством которой он может делать то добро, которое хочет, часто, даже не поднимая для этого пальца.

Кроме того, имеется один важный факт, с которым следует познакомить ученика. А именно, с огромной, почти безграничной ответственностью, принимаемой на себя учителем для пользы подопечного. Начиная с гуру Востока, которые учат открыто или тайно, до немногочисленных каббалистов западных стран, которые пытаются передать своим ученикам остат-

ки священной науки — причем эти западные иерофанты часто ничего не знают об опасности, которой они подвергаются, — каждый из них и все эти «учителя» подвержены одному и тому же нерушимому закону. С того момента, когда они *действительно* начинают учить, когда они наделяют своих учеников *какими-либо* силами — психическими, ментальными или физическими, — они принимают на себя *все* грехи действия или бездействия этих учеников, в соответствии с оккультной наукой, до тех пор, пока посвящение не сделает ученика Учителем и, в свою очередь, ответственным. Это — непреложный и таинственный закон, в высшей степени уважаемый и соблюдаемый в греческой, полузабытый в римской католической, и полностью исчезнувший в протестантской церкви. Он возникает с первых дней христианства и находит свое основание в только что открытом законе, являясь его символом и выражением. Это догма абсолютной святости отношений между крестными родителями, которые становятся покровителями ребенка.¹ Они молчаливо принимают на себя все грехи только что крещенного ребенка (помазание, как при посвящении, воистину тайна!), до того дня, когда он становится ответственным существом, знающим добро и зло. Таким образом, ясно, почему «учителя» являются столь сдержанными, и почему «челам» требуется семь лет испытания для того, чтобы доказать свою пригодность и развить в себе качества, необходимые для безопасности и Учителя, и ученика.

Оккультизм — это не магия. *Относительно* легко выучить приемы заклинаний и способы использования более тонких, но все же материальных сил физической природы; легко пробуждаются в человеке силы животной души; охотно развиваются силы, приводящие в действие его любовь, ненависть, страсть. Но это черная магия — *колдовство*. Это мотив, *и только мотив*, который превращает любое использование силы или в черную, вредоносную, или в белую, полезную ма-

¹ В греческой церкви связь, возникшая таким образом, считается столь священной, что брак между крестным отцом и крестной матерью одного и того же ребенка рассматривается как наиболее ужасный вид кровосмешения, является нелегальным и расторгается по закону; и этот абсолютный запрет распространяется даже на детей одного из крестных родителей по отношению к детям другого.

гию. Невозможно использовать *духовные* силы, если в операторе имеется хотя бы малейший оттенок эгоизма. Ибо, пока намерение не является полностью чистым, духовное будет трансформироваться в психическое, действовать в астральном плане, и может произвести ужасный результат. Силы животной природы одинаково могут использоваться как эгоистичным и мстительным, так и бескорыстным и всепрощающим; силы духа предоставляются лишь совершенно чистому сердцу — и это есть БОЖЕСТВЕННАЯ МАГИЯ.

Каковы же условия, требующиеся от человека, чтобы он мог стать учеником *Divina Sapientia* [Божественной Мудрости, *лат.*]? Да будет известно, что невозможно дать такие инструкции до тех пор, пока не будут выполняться определенные условия в течение нескольких лет учебы. Это *sine qua non* [«без чего нет», *лат.*]. Никто не может поплыть, пока не окажется в глубокой воде. Никакая птица не сможет летать, пока не вырастут ее крылья, и пока она не будет иметь перед собой достаточно пространства и смелости для того, чтобы подняться в воздух. Человек, который будет иметь в руках обоюдоострый меч, должен хорошо владеть тупым оружием, чтобы не поранить себя — или, еще хуже, других — при первой же попытке.

Для того чтобы дать некоторое представление об условиях, при которых только и может осуществляться надежно — то есть без опасения, что божественное будет заменено черной магией — изучение Божественной Мудрости, ниже приводятся «личные правила», которыми облагается каждый наставник на Востоке. Небольшие отрывки выбраны из большого их количества и поясняются в скобках.

1. Место, выбранное для получения наставлений, должно быть не отвлекающим внимание, и заполнено «влияющими на развитие» (магнетическими) предметами. Среди других вещей там должны быть пять священных цветов, расположенных в виде круга. Это место должно быть свободно от любых вредоносных влияний, исходящих из окружающего пространства.

[Место должно быть вдали от всего и не использоваться ни для каких иных целей. Пять «священных цветов» — это компоненты солнечного спектра, организованные определенным образом, поскольку эти цвета являются в сильной степени магнетическими. Под «вредоносными влияниями» имеются в виду спор, брань, дурные чувства и т. д., поскольку известно, что они немедленно влияют на астральный свет, то есть на атмосферу этого места, и зависают «вокруг в воздухе». Кажется, что это первое условие довольно легко выполнить, однако, при более тщательном рассмотрении видно, что оно одно из самых трудных для выполнения.]

2. Прежде чем ученику будет позволено непосредственно «лицом к лицу» изучать доктрину, он должен пройти предварительное испытание среди других отобранных кандидатов *упасака* (учеников), количество которых должно быть нечетным.

[«Лицом к лицу», в данном случае, означает изучение независимое или отдельное от других, когда ученик получает наставление непосредственно от себя самого (своего высшего, божественного эго), либо от своего гуру. Таким образом, каждый получит *свое собственное количество* информации в соответствии с тем, как он использовал свое знание. Это может произойти только ближе к концу цикла наставлений.]

3. Прежде чем ты (учитель) сообщишь твоему *лану* (ученику) добрые (святые) слова Ламрима, или позволишь ему «подготовиться» к *дабджеду*, ты должен позаботиться о том, чтобы его разум был тщательно очищен и пребывал в мире со всеми, особенно *с себе подобными*. В противном случае слова Мудрости и благого Закона будут рассеиваться, и уноситься ветром.

[«Ламрим» — это книга практических наставлений, составленная Цзонхавой; она состоит из двух частей: одна предназначена для церковных и экзотерических целей, а другая — для эзотерического применения. «Подготовиться» для *дабджеду*, это значит приготовить принадлежности для ясновидения, такие как зеркала и кристаллы. «Подобные себе» — относится к собратьям ученикам. Пока между изучающими не воцарится высочайшая гармония, *никакой* успех недостижим. Именно учитель производит выбор в соответствии с магнетической и электрической природой учеников, соединяя и тщательно согласовывая все положительные и отрицательные элементы.]

4. Во время обучения, все *упасака* должны стремиться к тому, чтобы быть едиными, как пальцы одной руки. Ты дол-

жен воздействовать на их разум так, что если что-либо мешает одному, то оно должно мешать и другим. Если радость одного не находит отклика в груди других, то необходимое условие отсутствует, и дальнейшее продолжение бесполезно.

[Это вряд ли бывает часто, если предварительный выбор был сделан лишь в соответствии с магнетическими требованиями. Известно, что челы, обнадеживающие во всех других отношениях и пригодные для восприятия истины, должны ждать года из-за своего темперамента и невозможности чувствовать себя созвучно с другими учениками. Ибо —]

5. Соученики должны быть настроены гуру как струны лютни (*vina*) так, чтобы каждый отличался от других, и в то же время звучал в гармонии со всеми. Все вместе они должны образовывать клавиатуру, откликающуюся во всех своих частях на малейшее прикосновение (прикосновение Учителя). Таким образом, их разумы будут открыты для гармонии Мудрости, колеблющейся в виде знания в каждом и во всех, и приводя к следствиям, радующим богов-наблюдателей (покровителей или ангелов-хранителей) и полезным для лану. Так, Мудрость отныне войдет в их сердца, и гармония закона никогда не будет нарушена.

6. Те, кто хочет приобрести знание, приводящее к *сиддхи* (окультурным силам), должны отказаться от всякой суеты жизни и от мира (далее следует перечисление сиддхи).

7. Никто не должен чувствовать разницу между самим собой и другими учениками-собратьями, как, например: «Я самый мудрый», «Я более свят и приятен учителю, или в моей общине, чем мой брат», и т. п., — и оставаться упасака. Его мысли должны быть, прежде всего, сосредоточены на сердце, отгоняя от него любую враждебную мысль по отношению к какому-либо живому существу. Оно (сердце) должно быть наполнено чувством своей неотделимости от всех других существ, также как и от всей природы; в противном случае успех не может быть достигнут.

8. Лану (ученик) должен опасаться лишь внешнего жизненного влияния (магнетических эманаций живых существ). По этой причине, будучи единым со всеми, в своей *внутренней* сущности, он должен заботиться о том, чтобы отделить

свое внешнее (наружное) тело от всякого постороннего влияния: никто не должен пить или есть из его чашки, кроме него самого. Он должен избегать телесных контактов (то есть исходящих от него или направленных на него) как с человеческими существами, так и с животными.

[Не разрешается иметь домашних животных, запрещено даже касаться некоторых деревьев и растений. Ученик должен жить, так сказать, в своей собственной атмосфере, чтобы индивидуализировать ее для оккультных целей.]

9. Разум должен оставаться глухим ко всему кроме универсальных истин в природе, чтобы «Доктрина Сердца» не превратилась просто в «Доктрину Глаза» (то есть пустой экзотерический ритуализм).

10. Никакая пища животного происхождения, ничто, что имело в себе жизнь, не должно использоваться учеником. Также нельзя употреблять вино, алкоголь, опиум и т. п.; ибо они подобны *лхамаям* (злым духам), которые привязываются к неосторожным людям и уничтожают понимание.

[Вино и спиртные напитки, предположительно, содержат и сохраняют дурной магнетизм всех людей, участвовавших в их изготовлении; а мясо любого животного, предположительно, содержит психические особенности, присущие этому животному.]

11. Медитация, отстранение от всего, соблюдение нравственных обязанностей, краткие мысли, хорошие поступки и доброжелательные слова, так же, как добрая воля по отношению ко всему и забвение себя самого, — вот наиболее действенные способы достижения знания и подготовки к восприятию высшей мудрости.

12. Только посредством строгого соблюдения этих правил, лану может надеяться на то, чтобы приобрести в свое время сиддхи архатов, развитие которых постепенно сделает его единым с Универсальным ЦЕЛЫМ.

Эти двенадцать отрывков извлечены из семидесяти трех правил, перечислять которые было бы бесполезно, поскольку они не имели бы значения в Европе. Но даже этих немногих

достаточно для того, чтобы показать огромное количество трудностей, встающих на пути предполагаемого «упасака», который родился и вырос в западных странах.¹

Все западное, и особенно английское, образование проникнуто духом соперничества и борьбы; ребенка побуждают учиться быстрее, чтобы опередить своих товарищей и превзойти их всеми возможными способами. Культивируется то, что ошибочно называют «дружеским состязанием», и этот дух воспитывается и укрепляется во всех жизненных ситуациях.

Как же может западный человек, в которого с самого детства *внедрены* такие понятия, придти к тому, чтобы чувствовать себя по отношению к другим соученикам как «пальцы одной руки»? Тем более что эти соученики *выбраны* не им самим, исходя из его личных симпатий и оценок. Они выбраны его учителем на совершенно иных основаниях, и тот, кто стал бы учеником, должен был бы *прежде всего* быть достаточно сильным человеком, чтобы вытравить из своего сердца все чувства неприязни и антипатии по отношению к остальным. Многие ли люди Запада готовы даже к тому, чтобы всерьез предпринять такую попытку?

Затем — детали повседневной жизни, например, указание не прикасаться даже к руке самого близкого и дорогого человека. Как это противоречит западным представлениям о привязанности и доброжелательности! Каким холодным и тяжелым кажется это. Многие сказали бы, что слишком эгоистично отказываться от того, чтобы делать людям радость, ради своего собственного развития. Хорошо, пусть те, кто думают таким образом, отложат до другой своей жизни попытку пойти по истинно серьезному пути. Но пусть они не торжествуют в своем вымышленном бескорыстии. Потому что на самом деле они дают ввести себя в заблуждение кажущимся видимостям, общепринятым понятиям, основанным на эмоциональности и сильных чувствах, или на так называемой вежливости, то есть тому, что не относится к реальной жизни и предписаниям Истины.

¹ Следует напомнить, что *все* «челы», и даже мирские ученики, называются упасака, вплоть до их первого посвящения, когда они становятся лану-упасака. До этого дня, даже те, кто принадлежит к ламам и *живут уединенно*, рассматриваются как «миряне».

Но даже если оставить в стороне эти трудности, которые можно рассматривать как «внешние», хотя их важность, тем не менее, велика, как ученики с Запада смогут *сонастроить самих себя* для той гармонии, которая от них требуется? Личность, выросшая в Европе и Америке, столь сильна, что не существует даже никакой художественной школы, члены которой не ненавидели бы и не завидовали бы друг другу. «Профессиональная» ненависть и зависть вошли в поговорку; люди пытаются любой ценой способствовать своему благу, и даже так называемая повседневная вежливость — это всего лишь маска, прикрывающая этих демонов ненависти и зависти.

На Востоке дух «единения» воспитывается постоянно с самого детства, так же как на Западе — дух соперничества. Рост личных амбиций, личных чувств и желаний сверх меры не поощряется. Там, где почва естественным образом удобрена, это культивируется правильным образом, и ребенок вырастает в человека, в котором привычка к подчинению низшего эго высшему становится доминирующей. На Западе люди полагают, что их собственные пристрастия и неприязни по отношению к другим людям или вещам являются для них руководящими принципами, побуждающими их к действию, даже в том случае, если они не становятся законом их собственной жизни и они стараются совместить их с другими принципами.

Пусть те, кто жалуется, что они мало чему научились в Теософском обществе, примут в свое сердце слова, написанные в статье, помещенной в последнем февральском номере «Пути»: «Ключом к каждой ступени является *сам стремящийся*». Не «страх перед Богом» является «началом Мудрости», а познание САМОГО СЕБЯ и есть ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МУДРОСТИ.

Сколь же верным и величественным покажется изучающему оккультизм человеку, который начал осуществлять некоторые из вышеприведенных истин, ответ, даваемый Дельфийским Оракулом всем, пытающимся найти Оккультную Мудрость (слова, повторившиеся снова и снова мудрым Сократом):

ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ...

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА

Практический оккультизм

«В очень интересной статье в номере журнала за последний месяц, озаглавленной «Практический оккультизм», говорится о том, что с того момента, как «Учитель» начинает обучать «челу», он принимает на себя все грехи челы в соответствии с предписаниями оккультных наук, вплоть до того времени, когда посвящение превращает челу в учителя и, в свою очередь, делает его ответственным.

Для западного ума, погрязшего в течение многих поколений в *Индивидуализме*, очень трудно признать справедливость и, следовательно, истинность этого заявления, и очень желательно, чтобы были даны некоторые дополнительные разъяснения относительно этого факта, который, возможно, интуитивно ощущается немногими людьми, но которому они совершенно неспособны дать какое-либо логическое объяснение».

S. E.

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. Лучшим логическим объяснением этого является тот факт, что даже в повседневной жизни родители, няни, учителя и наставники несут ответственность за привычки и будущую нравственность ребенка. Маленький несчастный негодник, обученный родителями чистить карманы на улице, не ответственен за свой грех, но результаты этого целиком ложатся на тех, кто внушил ему, что надо поступать таким образом. Будем надеяться, что западный разум, хотя и «погрязший в индивидуализме», не стал столь глупым, чтобы не понимать, что если бы положение вещей было иным, в этом не было бы ни логики, ни справедливости. И если те, кто формируют податливый разум еще несознательного ребенка, должны нести ответственность, в этом мире следствий,

за грехи его деяний и надеяний в течение всего его детства и за последствия их обучения в дальнейшей жизни, в сколь же большей степени это касается «духовного гуру»? Последний берет ученика за руку, ведет его, и приводит в мир, совершенно незнакомый. Ибо этот мир — невидимой, но всегда присутствующей в скрытом виде ПРИЧИННОСТИ, тонкой, но никогда не рвущейся нити, являющейся действием, проводником и силой кармы, и самой кармой в пространстве божественного разума. Никакой адепт, однажды познавший его, не сможет больше защищать невежество ни при каких обстоятельствах, хороших или дурных *мотивов* его, производящих в результате зло; с тех пор, как он познакомился с этим таинственным царством, оккультист приобретает средства предвидеть два пути, открытые перед любым обдуманном или необдуманном действием, и это позволяет ему с определенностью знать, каков будет результат в том или другом случае. Поскольку ученик действует исходя из этого принципа, но слишком мало знает для того, чтобы быть уверенным в своем видении и способности к различению, не является ли естественным, что существует *гид*, который должен быть ответственен за грехи того, кого он ведет в столь опасные области?

Есть ли надежда?

«После прочтения условий, необходимых для изучения оккультизма, напечатанных в апрельском номере «Люцифера», я полагаю, что этого достаточно для того, чтобы читатели этого журнала оставили надежду стать оккультистами. Я думаю, что в Великобритании, за исключением монастырей, вряд ли где-нибудь могут быть достигнуты когда-либо такие условия. В моем будущем положении медика (если боги будут столь милостивы), восьмое условие будет совершенно невыполнимым; это наиболее неудачно, так как мне кажется, что изучение оккультизма является особенно существенным для успешной практики в профессии медика.¹

Я должен задать вам следующий вопрос, и я был бы благодарен получить ответ на него через медиума «Люцифера». Возможно ли изучать оккультизм в Великобритании?

¹ Под «успешной практикой» я имею в виду ту, которая является успешной для тех, кому она предназначена.

Прежде чем закончить, я чувствую необходимость проинформировать вас, что я восхищаюсь вашим журналом как научным изданием, и что я ставлю его наряду «Подражанием Христу» среди моих книг по религии».

Дэвид Кричтон,
Мэришальский колледж, Абердин

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. Это слишком пессимистичный взгляд, чтобы его принять. Кто-то может с пользой изучать оккультные науки, не пытаясь проникнуть в высший оккультизм. Особенно в случае с нашим корреспондентом, и в его будущем качестве медика, «оккультное знание простейших организмов и минералов, и целебных сил некоторых вещей в природе», — намного более важно, чем метафизический или психологический оккультизм или *теофания*. И это он может делать лучше, если будет изучать и пытаться понять Парацельса и обоих Ван Гельмонтов, чем усваивать Патанджали или методы раджа-йоги Тараки.

Возможно изучать «оккультизм» (правильнее сказать — оккультные науки и искусства) в Великобритании, как и в любой другой точке земного шара; хотя по причине исключительно враждебных условий, создаваемых благодаря сильному эгоизму, преобладающему в этой стране, и магнетизму, который препятствует свободному проявлению духовности, — одиночество является лучшим условием для учения.

Необходимое разъяснение ¹

Ученичество абсолютно *не влияет* на средства существования или что-либо подобное, ибо человек может изолировать свой разум от своего тела и его окружения. Ученичество — это скорее *состояние ума*, чем жизнь в соответствии с суровыми и незыблемыми правилами на физическом плане. Особенно это относится к раннему, испытательному периоду, в то

¹ В «Люцифере» за июнь 1889 года Е. П. Б. опубликовала письмо, в котором содержался вопрос о «целесообразности» некоторых требований ученичества, как они были представлены в «Практическом оккультизме». Данное письмо она сопроводила следующим пояснением. — *Прим. редактора.*

время как правила, данные в апрельском номере «Люцифера», имеют отношение к поздней стадии, стадии действительного оккультного обучения и развития оккультных сил и проницательности. Эти правила указывают, однако, на образ жизни, который должны вести все кандидаты настолько, *насколько это возможно*, так как это наиболее полезно для них в их устремлениях.

Никогда не следует забывать, что интерес оккультизма направлен в сторону *внутреннего человека*, который должен окрепнуть и освободиться от доминирующего физического тела и его окружения, и заставить их служить ему. Следовательно, *первой* и главной потребностью ученичества является дух абсолютного бескорыстия и преданности Истине; после чего идут самопознание и самообладание. Эти условия наиболее важны; в то время как внешнее соблюдение установленных жизненных правил имеет второстепенное значение.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О ЙОГА-ВИДЬЕ

Индусский джентльмен из округа Мадрас представляет на обсуждение множество вопросов относительно оккультной науки, на которые мы отвечаем на страницах нашего издания, поскольку нам часто задают вопросы на эту тему, и мы, таким образом, рассчитываем удовлетворить большую часть наших читателей.

В. Возьметесь вы, или полковник Олькотт, обучить этой замечательной *видье* кого-нибудь, кто пожелает изучить ее.

О. Нет; корреспонденту следует обратиться к нашему январскому номеру для более детального объяснения.

В. Вы предпочли бы предоставить доказательства существования оккультных сил в человеке любому скептически настроенному человеку, или всякому желающему утвердиться в своей вере, как Вы предоставили их мистеру и миссис ..., а также редактору «*The Amrita Bazaar Patrika*»?

О. Мы предпочли бы, чтобы такие доказательства получили все желающие, но, учитывая, что мир полон таких людей — в одной только Индии их двадцать четыре крора,¹ — это не реально. Тем не менее, такие доказательства всегда находили те, кто искали их всерьез, с начала времен и поныне. Мы нашли их — в Индии. Но тогда нас не испугали ни время, ни препятствия, ни издержки кругосветного путешествия.

В. Не могли бы вы поделиться такими доказательствами с кем-то вроде меня, столь удаленным от вас; или я должен последовать за вами в Бомбей?

О. Ответ уже прозвучал. Мы не взялись бы за это, даже если бы могли, поскольку нас будут осаждать тысячи любопытных, и наша жизнь станет бременем.

¹ Крор — 10 миллионов. — Прим. редактора.

В. Может ли женатый человек обрести видью?

О. Нет, не во время *грихаста* [семейной жизни, *санскр.*]. Как известно, необходимым условием для такого обучения было поместить мальчика в чутком возрасте под опеку его гуру; он оставался с ним, пока ему не исполнялось двадцать пять-тридцать лет; после чего он пятнадцать-двадцать лет жил семейной жизнью; в конце концов он удалялся в лес для возобновления своих духовных занятий. Употребление алкоголя, говядины, как и любой другой мясной пищи, а также известного рода растения и брачные узы препятствуют духовному развитию.

В. Являет ли себя Бог через озарение йогу?

О. У каждого человека свое собственное представление о «Боге». Насколько нам известно, йог обнаруживает своего Бога в себе самом, в своей АТМЕ. По достижении цели, к нему приходит озарение — он входит в союз с Универсальным, Божественным Принципом (Парабрахманом). Личный Бог — Бог, который думает, замышляет, вознаграждает, наказывает и раскаивается — нам не известен. И мы вовсе не думаем, чтобы этот оный когда-либо являлся какому-либо йогу — если не считать за истину заявления миссионера, прозвучавшего на днях после лекции полковника Олькотта в Лахоре, что Моисей, убивший человека в Египте, и виновный в супружеской неверности убийца (Давид), были христианскими йогами!

В. Если любой адепт имеет власть делать все, что он сочтет нужным, как сказал полковник Олькотт в своей лекции в Симле, может ли он сделать меня, нетерпеливого и жаждущего в погоне за видьей, таким же полным адептом, как и он сам?

О. Полковник Олькотт никакой *не* адепт и никогда не хвастался, что является оным. Неужели наш друг предполагает, что какой-либо адепт когда-либо стал таковым без того, чтобы сделать себя оным, без ломки при прохождении через каждое препятствие, опираясь на силу ВОЛИ и СИЛУ ДУХА? Такое адептство было бы просто фарсом. У древних розенкрейцеров был девиз: «АДЕПТОВ НЕ ДЕЛАЮТ, ИМИ СТАНОВЯТСЯ».

В. Как получается, что при наличии таких ясных доказательств, большинство цивилизованных наций все еще остаются скептиками?

О. Эти народы относятся к христианским, и хотя Иисус заявлял, что все уверовавшие в него обретут власть делать всевозможные чудеса (см. *Марк*, 26:17-18), подобно индусским йогам, христианский мир в напрасном ожидании стать свидетелем их провел уже почти восемнадцать столетий. И теперь, по большей части укрепившись в своей неверии в возможности таких *сиддх*, они должны прибыть за их доказательствами в Индию, если это вообще их заботит.

В. Почему полковник Олькотт датирует время происхождения оккультных феноменов 1848 годом?

О. Наш друг должен бы быть более внимательным при чтении и не ставить нас в неловкое положение, когда мы вынуждены отвечать на пустые вопросы. Полковник Олькотт говорил лишь то, что с 1848 года ведет отсчет современный спиритуализм.

В. Имеются ли в Индии такие медиумы, как Уильям Эдди, в присутствии которого можно наблюдать материализованные формы?

О. Мы не знаем, но допускаем, что имеется. Мы слышали о случае с умершей девочкой в Калькутте, которая неоднократно, среди бела дня, посещала дом своих родителей и, при различных обстоятельствах, подолгу засиживалась и общалась со своей матерью. Медиумизм запросто может возникнуть где угодно, но мы отказываемся давать инструкции для его развития, поскольку считаем его опасным. Те, кто думает иначе, могут найти то, что согласуется с их пожеланиями, на страницах любого выходящего номера лондонского «Спиритуалиста», «Медиума и рассвета», мельбурнского «Предвестника света», американского «Знамени света», или любого другого представительного спиритуалистического органа.

В. Как эти медиумы получают свои способности; посредством обучения, или в результате несчастного случая, повлиявшего на их конституцию?

О. Медиумы, в основном, таковы от рождения; это результат их особой психофизиологической конституции. Но кое-кто из наиболее выдающихся медиумов нашего времени развили свои способности, занимаясь в кружках. Там открывается во многих людях скрытый медиумический дар, который, при определенных условиях, может быть развит. То же

применимо и к адептству. Потенциальные зачатки адептства имеются у всех, но некоторым активировать их гораздо легче, чем остальным.

В. Полковник Олькотт отрицает идею относительно посредничества духа при необходимости объяснить сущность явлений, все же я читал, что некий ученый послал духов посетить планеты и сообщить об увиденном.

О. Возможно, речь идет о профессоре Уильяме Дентоне, американском геологе, авторе нашедшей работы: «Душа Вещей». Его исследования проводились с помощью психометрии; его жена — очень интеллигентная леди, хотя и большой скептик в отношении духов — является психометристом. Наш корреспондент наверняка читал эту книгу.

В. Что происходит с духами усопших?

О. Существует всего лишь один «Дух» — Парабрахма, или, как его предпочитают некоторые называть, Вечный Принцип. «Души» усопших проходят через многие другие стадии существования после того, как они оставят это бренное тело, также как они проходили через многие другие стадии до нынешнего своего рождения в плоти мужчины или женщины. Точная правда относительно этой тайны известна только высшим адептам; но то, что каждый из нас управляет своими будущими возрождениями, улучшая или ухудшая каждое последующее возрождение в зависимости от собственных приложенных усилий и заслуг, может сказать даже самый низший из неопитов.

В. Необходим ли аскетизм для занятия йогой?

О. Для занятия йогой действительно требуется выполнение некоторых условий, описание которых можно найти в нашем декабрьском номере на стр. 47. Одним из этих условий является уединение в месте, где йог свободен от всех внешних воздействий — как в физическом, так и в моральном отношении. Короче говоря, он должен удалиться от безнравственной атмосферы мира. Если кто-либо получит вследствие такого изучения приобретенные силы, он не может остаться на длительный срок в мире без того, чтобы не растерять большую часть своих сил — притом наивысшую и благороднейшую часть. Так что, если любой такой человек был замечен в течение многих последовательных лет занимающимся обществен-

ным трудом, ни за деньги и ни за славу, это значит, что он жертвует собой на благо своих последователей. В некий день такой человек, как может показаться, внезапно умирает, и его мнимые останки разлагаются; но все же он не может умереть. «Внешность обманчива» — гласит пословица.

ОККУЛЬТИЗМ ПРОТИВ ОККУЛЬТНЫХ ИСКУССТВ

Я часто слышал, но не верил до настоящего времени,
Что есть люди, способные могущественными чарами
Подчинить своей мрачной воле законы природы.

— *Мильтон*

Некоторые письма, содержащиеся в корреспонденции за этот месяц, свидетельствуют о сильном впечатлении, которое произвела на некоторые умы статья «Практический оккультизм», помещенная в последнем номере. Такие письма еще лучше доказывают и усиливают следующие два логических вывода:

а) имеется больше хорошо образованных и вдумчивых людей, которые верят в существование оккультизма и магии (причем, совершенно непохожих друг на друга), чем это воображают современные материалисты; и —

б) большинство верящих (включая многих теософов) не имеют определенной идеи о природе оккультизма и смешивают его с оккультными науками в целом, включая сюда и «черную магию».

Их представления о силах, приобретаемых людьми, и о средствах, используемых для их получения, видоизменяются в зависимости от их фантазий. Некоторые воображают, что мастер искусства, показывающий путь, — это все необходимое для того, чтобы стать Занони. Другие полагают, что лишь переправившись через Суэцкий канал и добравшись до Индии, они расцветут в дальнейшем подобно Роджеру Бэкону и даже графу Сен-Жермену. Идеалом некоторых является Маргрейв с его вечной молодостью и малой заботой о душе, как о цене, заплаченной за это. Немало и таких, кто путает примитивный «Аэндорский ведьмизм» с оккультизмом, и кто «через раз-

верзнутую землю из Стигийской тьмы вызывает на свет худых духов», и хочет, чтобы его рассматривали в связи с этим как полностью развитого адепта. «Церемониальная магия», в соответствии с правилами, насмешливо опровергнутыми Элифасом Леви, представляется иным *alter ego* [«вторым я», лат.] философии архатов древности. Коротко говоря, тот спектр, через который проявляется оккультизм для этих младенцев философии, столь многоцветен и разнообразен, сколь может его сделать таковым людская фантазия.

Почувствуют ли эти претенденты на Мудрость и Силу негодование, если сказать им откровенную правду? Это не только полезно, но это стало сейчас совершенно *необходимо*, чтобы вывести из заблуждения многих из них до того, как будет слишком поздно. Эта истина может быть выражена в нескольких словах: Среди сотен горячих западных поклонников, называющих себя «оккультистами», нет и полудюжины тех, кто имеет даже приблизительно правильное представление об идее природы науки, которой они хотят овладеть. За немногими исключениями, все они идут по проторенной дороге колдовства. Пусть они восстановят какой-нибудь порядок в своих умах, прежде чем они станут протестовать против этого утверждения. Пусть они сначала поймут истинное положение, в котором находятся оккультные науки по отношению к оккультизму, и различие между ними, и тогда проявляют свой гнев, если все еще будут считать себя правыми. Тем не менее, пусть они узнают, что оккультизм отличается от магии и других тайных наук так же, как сияющее солнце отличается от тусклого света свечи, как неизменный и вечный дух человека (отражение абсолютного, необусловленного и непознаваемого ЕДИНОГО) отличается от смертной плоти — человеческого тела.

В нашем высокоцивилизованном западном мире, где формируются современные языки и возникают слова вслед за идеями и мыслями — как это происходит в каждом языке, — чем больше последние материализуются в холодной атмосфере западного эгоизма и его непрерывной гонки за благами этого мира, тем меньше чувствуется потребность в создании новых терминов, выражающих то, что по умолчанию рассматривается как абсолютное и уже упраздненное «суеверие». Эти слова можно было бы отнести к тем понятиям, которые куль-

турный человек вряд ли сможет представить в своем уме. «Магия», синоним плутовства; «колдовство», эквивалент полнейшего невежества; и «окультизм», жалкий пережиток слабоумных пламенных средневековых философов — Якоба Бёме и Сен-Мартена, — являются выражениями, которых, полагаю, более чем достаточно, чтобы охватить целую область «профессионального мошенничества». Они выражают презрительное отношение, и используются обычно как намек на отбросы и дурное наследство темных веков и предшествовавших им миллиардов лет язычества. Поэтому мы не имеем в английском языке терминов, которые определяют или выявляют разницу между такими сверхнормальными силами или науками, которые приводят к их приобретению, с той точностью, какая существует в восточных языках — прежде всего в санскрите. Что вызывают слова «чудо» и «волшебство» (слова, идентичные в целом по смыслу, так как оба они выражают идею создания чудесного посредством *нарушения законов природы*, (!!)) как это трактуется признанными авторитетами) в умах людей, которые слышат или произносят их? Христиане — вопреки *нарушению* «законов природы», — твердо верящие в *чудеса*, потому что это, как утверждается, было дано Богом через Моисея, все же отрицают волшебство, совершенное магами фараонов, или приписывают его дьяволу. Этого последнего наши набожные противники связывают с окультизмом, в то время как их нечестивые враги, атеисты, смеются над Моисеем, магами и окультистами, и покраснели бы от стыда, высказав хотя бы одну серьезную мысль о таких «предрассудках». Так происходит, потому что нет термина, показывающего различие; нет слов, чтобы выразить темное и светлое и провести линию разделения между великим и истинным, абсурдным и смехотворным. Последние являются теологическими интерпретациями, которые учат «нарушению законов природы» людьми, Богом или дьяволом; первые — *научными* «чудесами» и волшебством Моисея и магов *в соответствии с природными законами*, те и другие были обучены всей Священной Мудрости, которой располагают современные «Королевские общества»... и истинный ОККУЛЬТИЗМ. Это последнее слово, конечно, вводит в заблуждение, переведенное как производное от сложного слова *гупта видья*, «тайное зна-

ние». Но знание чего? Здесь могут помочь нам некоторые из санскритских терминов.

Для различных видов эзотерического знания или данных учений, даже в экзотерических Пуранах, имеется (среди многих других) четыре названия. Это — (1) *яджна видья*,¹ знание оккультных сил, пробуждающихся в природе благодаря совершению определенных религиозных церемоний и ритуалов; (2) *маха видья*, «великое знание», магия каббалистов и *тантрических* культов, часто колдовство наихудшего вида; (3) *гухья видья*, знание мистических сил, содержащихся в звуке (эфире), то есть мантрах (монотонно распеваемых молитвах или заклинаниях), и зависящих от используемого ритма и мелодии; другими словами, магическое действие, основанное на знании сил природы и их взаимоотношений; и (4) АТМА ВИДЬЯ, термин, который переводится просто как «духовное знание», *истинная Мудрость* у ориенталистов, но значащий много большее.

Последнее является единственным видом оккультизма, к которому следует стремиться каждому теософу, вдохновленному «Светом на Пути», и желающим быть мудрым и бескорыстным. Все остальное является неким ответвлением от «оккультных наук», то есть, искусств, основанных на знании конечной сущности всех вещей в царстве природы — таких как

¹ «Яджна», — говорится в Пуранах, — «существует извечно, поскольку она исходит из Высшего Единого ... в котором она пребывает в скрытом состоянии от *«неимеющего начала»*. Это ключ к ТРИВИДЬЕ, трижды священной науке, содержащейся в стихах Риг, которые обучают *ягам*, или жертвенным мистериям. «Яджна» невидимо существует во все времена; она похожа на силу электричества, скрытую в электромашине, которой для того чтобы проявиться необходимо лишь определенное действие специального устройства. Предполагается, что она распространяется от *ахаванья*, или жертвенного костра, до небес, образуя мост или лестницу, с помощью которой жрец может общаться с миром богов и духов, и даже восходить при жизни к их обителям». — «Айтарейя Брахмана» в переводе Мартина Хауга.

Эта *яджна* является, кроме того, одной из форм акаши; и мистическое слово, вызывающее ее к существованию и мысленно произносимое посвященным жрецом, есть *Утраченное Слово*, получающее импульс от СИЛЫ-ВОЛИ. («Разоблаченная Изиды», том I, стр. 61-62, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000.)

минералы, растения и животные, — следовательно, вещей, относящихся к сфере *материальной* природы, какой бы невидимой ни была их сущность, и сколь сильно ни ускользала бы она до сих пор от понимания нашей науки. Алхимия, астрология, оккультная физиология и хиромантия существуют в природе, и *точные* науки — называемые таким образом, вероятно, потому что они находятся в этом веке парадоксальных философий, переворачивающих все с ног на голову — открыли немалое количество тайн вышеназванных *искусств*. Но ясновидение, символизируемое в Индии «глазом Шивы», называемое в Японии «безграничным видением», — это не гипнотизм, незаконный сын месмеризма, и оно не может быть получено с помощью таких искусств. Все же остальные могут быть обреты и дать результаты, хорошие, плохие или нейтральные; но *атма видья* очерчивает их небольшую ценность. Она включает их всех и даже может случайно использовать их, но лишь после их очищения от нечистот, преследуя благие цели и заботясь о лишении их каких-либо эгоистических мотивов. Поясним это: любой мужчина или любая женщина могут самостоятельно изучать одно или все вышеназванные «оккультные искусства» без какой-либо серьезной предварительной подготовки, и даже без приспособления к чрезмерным ограничениям своего образа жизни. Кто-то может обойтись даже без достаточно высокого нравственного стандарта. Конечно, в последнем случае можно дать десять против одного, что ученик превратится в худший сорт колдуна, безудержно кинувшегося в черную магию. Но на что она способна? *Вудуисты* и *дугпы* едят, пьют и веселятся на гекатомбах жертв своих inferнальных искусств. То же самое делают любезные джентльмены вивисекционисты и *дипломированные* «гипнотизеры» медицинских факультетов; единственная разница между ними в том, что вудуисты и дугпы являются *сознательными* колдунами, тогда как команда Шарко-Рише — *бессознательными*. Таким образом, с тех пор, как и те, и другие пожинают плоды своих трудов и достижений в черном искусстве, западные практики заслуживают порицание, а не славу, с ее выгодами и удовольствиями, добытую таким путем. Ибо, скажем мы еще раз, *гипнотизм* и *вивисекция*, практикуемые в таких школах, — это *колдовство* в чистом виде, *лишенное* знания, которым об-

ладают вудуисты и дугпы, и которое не могут добыть для себя никакие Шарко-Рише, хотя бы ценой пятидесятилетнего тяжелого труда и экспериментальных исследований. И пусть те, кто будет упражняться в магии, вникая в ее природу или нет, те, кто считает, что правила, предъявляемые к изучающим, слишком суровы, и кто, поэтому, отбрасывает атма видья или оккультизм, — пусть они получают свое. Пусть они всеми способами становятся магами, даже если они действительно станут *вудуистами* и *дугпами* в течение следующих десяти перерождений.

Однако интерес наших читателей, вероятно, будет обращен к тем, кто, безусловно, был привлечен «оккультизмом», но не осознал истинную природу своих устремлений и не приобрел устойчивости против различных страстей, недооценив истинное бескорыстие.

Нас будут спрашивать, как же обстоит дело с этими несчастными, которых разрывают надвое противоборствующие силы? Но это объяснялось уже столь часто, что не нуждается в повторении, к тому же сам этот факт открыт для наблюдения любому человеку; когда стремление к оккультизму действительно пробудилось в сердце человека, тогда для него не остается надежды на мир, спокойный отдых и удобства во всем этом мире. Он отправляется в дикие и безлюдные области жизни, понуждаемый вечно подтачивающим его беспокойством, которое он не может преодолеть. Его сердце слишком наполнено страстями и эгоистическими желаниями, чтобы позволить ему пройти через Золотые Врата; он не может найти покоя или мира в обыденной жизни. Должен ли он неизбежно впасть в колдовство и черную магию, и в течение многих перерождений накопить себе ужасную карму? Нет ли для него иного пути?

Конечно же, есть, отвечаем мы. Пусть он не стремится к чему-либо более высокому, нежели, как он чувствует, он способен совершить. Пусть не берет он себе ношу слишком тяжелую, нежели он может нести. Не становясь «махатмой», буддой или великим святым, пусть изучает он философию и «духовную науку», и он сможет стать одним из величайших благодетелей человечества, не обладая какими-либо сверхчеловеческими силами. *Сиддхи* (или силы архатов) подвластны

лишь тому, кто «готов к жизни», полной аскетизма, необходимой для такого обучения, и кто способен повиноваться *беспрекословно*. Пусть он, узнав однажды, навсегда запомнит, что *истинный оккультизм* или *теософия* — это «великое самоотречение от СЕБЯ САМОГО», безусловное и абсолютное, как в мыслях, так и в действиях. Это АЛЬТРУИЗМ, и он выводит практикующего за пределы каких-либо категорий и рангов среди всех живых существ. «Он живет не для себя, но для мира», как только он принял на себя этот труд. Многое прощается в течение первых лет испытания. Но он будет «принят» не ранее, чем его индивидуальность исчезнет, и он станет *сплошной благотворной силой в природе*. После этого для него существуют два полюса, два пути, и нет места для отдыха между ними. Он должен либо утомительно подниматься, шаг за шагом, часто через многочисленные перерождения, *не надеясь на девакханический прорыв*, золотую лестницу, ведущую к положению махатмы (*архата*, или *бодхисаттвы*), либо — он упадет с этой лестницы на первой же шаткой ступеньке и скатится до *состояния дугны...*

Все это либо неизвестно, либо полностью ускользает от взгляда. Поистине, тот, кто способен следовать за молчаливой эволюцией предварительных устремлений кандидатов, часто находит весьма странными идеи спокойного овладения способностями своего разума. Существуют такие люди, чьи мыслительные процессы настолько искажены внешними воздействиями, что они воображают, что плотские страсти могут быть столь очищенными и возвышенными, что их ярость, сила и огонь будут, так сказать, направлены вовнутрь; что они могут быть отложены и сохранены в груди человека до тех пор, пока их энергия не начнет распространяться вовне, но она будет направлена в сторону высших и самых святых целей: а именно, *пока их коллективная и не распространяющаяся сила не предоставит ее обладателям возможность войти в истинное святилище души* и остаться там в присутствии Учителя — **ВЫСШЕЙ СУЩНОСТИ!** Ради этой цели они не борются со своими страстями, не уничтожают их. Они, простым, огромным усилием воли притушат сильные языки пламени и будут держать их под контролем внутри себя, позволяя огню тлеть под тонким слоем золы. Они с восторгом примут мучения

спартанского мальчика, который предпочел позволить лисе терзать его внутренности, чем расстаться с ней. Бедные слепые визионеры!

Их надежда также слаба, как надежда на то, что шайка пьяных трубочистов, распаленных и грязных от своей работы, будучи запертой в святилище, где висят чистые белые полотна, вместо того, чтобы испачкать их и превратить своим присутствием в кучу грязных лохмотьев, они стали бы хозяевами в этом священном месте и, в конце концов, вышли бы оттуда столь же незапятнанными, как само это место. Почему бы также не вообразить, что дюжина скунсов, помещенных в чистую атмосферу Цзонгпа (монастыря), может выйти оттуда благоухая ладаном?.. Странное искажение человеческого разума. Может ли быть такое? Вряд ли.

«Учитель» в святилище наших душ — это «высшая сущность», божественный дух, сознание которого основано (во всяком случае, в течение жизни человека, в котором он заключен) исключительно на разуме, условно называемом *человеческой душой* (оболочкой духа является «духовная душа»). В свою очередь, первая (*личная*, или человеческая душа) — это высшая форма объединения духовных устремлений, желаний и божественной любви; и в своем низшем аспекте, плотских желаний и земных страстей, приданных ей посредством связей с оболочкой, их всех вмещающей. Таким образом, она является звеном и посредником между плотской природой человека, которую ее высший разум пытается подчинить себе, и его божественной духовной природой, к которой она притягивается всякий раз, когда она получает покровительство свыше в своей борьбе с *внутренним животным*. Последнее — это инстинктивная «плотская душа», являющаяся очагом тех страстей, которые, как только что показано, убаюкивают, вместо того чтобы искоренять, и которые запирают в своей груди неосторожные энтузиасты. Неужели они надеются превратить, таким образом, мутный поток животной сточной канавы в кристально чистые воды жизни? И где, на какой нейтральной территории можно заключить их в темницу, чтобы они не влияли на человека? Неистовые любовные страсти и похоть все еще живы, и им все еще позволяют оставаться на месте их зарождения — *в той самой животной душе*; ибо высшая и

низшая части «человеческой души», или разума, отказываются от таких сожителей, хотя они и не могут избежать загрязнения из-за их соседства. «Высшая сущность», или дух, не может усвоить такие чувства, так же как вода не смешивается с маслом или нечистым жидким жиром. Страдает именно разум, единственное звено и посредник между земным человеком и Высшей Сущностью; он находится в постоянной опасности того, что он будет увлечен вниз этими страстями, которые могут пробудиться в любой момент, и погибнет в бездне материи. И как же он может настроить себя на божественную гармонию высшего Принципа, если эта гармония разрушается самим фактом наличия таких плотских страстей внутри святилища? Как может гармония восторжествовать и победить, если душа обуреваема шумом страстей и низменными плотскими желаниями, или даже «астральным человеком»?

Ибо этот «астральный», теневой «двойник» (имеющийся как у животных, так и у человека), — это спутник не *божественного* эго, но *земного тела*. Это связь между личным «ЭГО», низшим осознанием *манаса* и телом, и является оболочкой *временной, ограниченной жизни*. Подобно тени, отбрасываемой человеком, он рабски следует за его движениями и импульсами, и склоняется к материи, никогда не поднимаясь к духу. Лишь тогда, когда совершенно умирает сила страстей, и когда они уничтожаются в реторте непреклонной воли; когда отмирают не только все плотские желания и страсти, но исчезает и осознание личного «эго», и «астральное» вследствие этого уменьшается до нуля, — может иметь место *союз* с «высшим эго». Тогда же, когда «астрал» отражает только победившего человека, еще живого, но не имеющего больше подверженной страстям эгоистичной личности, тогда сверкающий *аугоэйд*, божественное ЭГО, может колебаться в сознательной гармонии с обоими полюсами человеческой сущности — очищенным материальным человеком и вечно чистой духовной душой — и находиться в присутствии УЧИТЕЛЯ ЭГО, мистического Христа гностиков, смешанное, сплавленное, и отныне единое с НИМ.¹

¹ Те, кто склонны видеть три эго в человеке, будут неспособны воспринять метафизический смысл этого. Человек — это троица, состоящая

Как же это возможно для человека войти в «открытые врата» оккультизма, если его повседневные и ежечасные мысли связаны с мирскими вещами, желаниями обладания и силы, похотью, амбициями и обязанностями, которые, даже если и достойны уважения, все же самые что ни на есть житейские? Даже любовь к жене и семье — самое чистое, поскольку самое бескорыстное из человеческих влечений — является преградой для *истинного* оккультизма. Ибо, возьмем ли мы в качестве примера святую любовь матери к своему ребенку или мужа к своей жене, даже в этих чувствах, если их проанализировать до самых истоков, в первом случае налицо будет все-таки *эгоизм*, а во втором — *égoïsme à deux* [обоюдный эгоизм, *франц.*]. Какая мать не принесла бы в жертву, ни минуты не колеблясь, сотни тысяч жизней за жизнь своего ребенка? И какой любящий человек или верный муж не разрушил бы счастье всякого другого мужчины или женщины около себя, чтобы удовлетворить желание той, которую он любит? Это вполне естественно, скажут нам. Безусловно; с точки зрения человеческих чувств; но это в гораздо меньшей степени верно с точки зрения божественной универсальной любви. Ибо, когда сердце переполняет забота относительно небольшого круга *личностей*, близких и дорогих нам, то как же в нашей душе найдется место для остальной части человечества? Какой процент любви и заботы останется для «великой сироты»? Как может быть услышан «все еще тихий голос» в душе, полностью занятой своими привилегированными обитателями? Какое же пространство останется для нужд человечества *en bloc* [в целом, *франц.*], чтобы они отразились в ней и получили скорый отклик? И все же тот, кто хотел бы воспользоваться мудростью универсального разума, должен достичь этого с помощью *все-го человечества*, без различий расы, темперамента, религии или социального положения. Именно *альтруизм*, а не *эгоизм*, даже в его наиболее законном и благородном проявлении, может привести одного человека к тому, чтобы слить свое ма-

из *тела, души и духа*; но, тем не менее, *человек един*, и, конечно, не ограничивается своим телом. Как раз тело является его собственностью, временной одеждой человека. Три «эго» — это ЧЕЛОВЕК в его трех аспектах астрального, интеллектуального, или психического, и духовного планов, или состояний.

ленькое эго с универсальными сущностями. Именно *этим* потребностям и этой работе должен посвятить себя верный ученик истинного оккультизма, если он хочет приобрести *теософию*, то есть божественную Мудрость и Знание.

Претендент должен произвести безусловный выбор между мирской жизнью и жизнью по оккультизму. Бесполезно пытаться объединить то и другое, ибо никто не может одновременно служить двум хозяевам и при этом угодить обоим. Никто не может служить своему телу и высшей душе, выполнять свои семейные обязанности и свой вселенский долг, не лишая своих прав либо одного, либо другого; ибо он или будет склонять свое ухо к этому «все еще тихому голосу» и не сможет слышать крики своих малышей, или же он будет прислушиваться лишь к желаниям последних и останется глух к голосу человечества. Это была бы постоянная, непрекращающаяся, безумная борьба почти за каждого женатого человека, который следовал бы *истинному* практическому оккультизму, а не его *теоретической* философии. Ибо он обнаружил бы, что постоянно колеблется между голосом безличной божественной любви к человечеству, и голосом личной, земной любви. И это могло бы привести его только к неудаче в том или другом, а, возможно, и в обоих случаях. И даже хуже, ибо *тот, кто предается удовольствиям земной любви или похоти после того, как он посвятил себя ОККУЛЬТИЗМУ, должен будет вскоре почувствовать, каков результат этого*: он будет непреодолимо выброшен из безличного божественного состояния в низший материальный план. Чувственное, или даже ментальное самоудовлетворение, включает немедленную утрату сил духовной проницательности; голос УЧИТЕЛЯ не сможет больше отличаться от голоса его страстей *или даже страстей дугны*; истинное — от ложного, здоровая нравственность — от простой казуистики. Плод Мертвого моря принимает чудесный мистический вид, но превращается в золу на губах и в беспокойство сердца, приводя к тому, что:

Разверзлась бездна, и непроглядная сгустилась тьма;
Безумие сменило здравый ум, вина — невинность;
Страдание — восторг; надежда превратилась в безысходность.

Однажды ошибившись, большинство людей уклоняются от осознания своей ошибки, тем самым все больше и больше погружаясь в трясину. И, хоть бы первичное намерение и зиждилось на осуществлении *белой*, а не *черной* магии, однако результаты даже непроизвольного, неосознанного колдовства не могут не произвести плохой кармы. Достаточно уже было сказано, чтобы стало ясно, что *колдовство* — это любой вид злого влияния, оказываемого на других людей, которые страдают или заставляют страдать других. Карма — это тяжелый камень, брошенный в спокойные воды Жизни; он должен вызвать все расширяющиеся круги ряби, расходящиеся все дальше и дальше, почти *ad infinitum* [до бесконечности, лат.]. Такие причины должны вызвать следствия, и они с полной очевидностью обнаруживаются в справедливом законе возмездия.

Многого из этого можно избежать, если люди будут воздерживаться от того, чтобы бросаться в деятельность, природу и смысл которой они не понимают. Никто не надеется, что он сможет нести груз свыше своих сил. Существуют «прирожденные маги», мистики и оккультисты с момента рождения и по праву прямого наследования этой способности, связанной с серией перевоплощений и эонов страданий и неудач. Они, можно сказать, являются «устойчивыми» против страстей. Никакие искры земного происхождения не могут раздуть пламя в их чувствах и желаниях; никакой человеческий голос не найдет ответа в их душах, за исключением великого крика человечества. Только им может быть гарантирован успех. Но таких людей можно встретить повсюду, и они проходят через узкие врата оккультизма, поскольку не несут с собой личного багажа человеческих преходящих чувств. Они избавлены от чувства низшей личности и «астрального» животного существа, и перед ними открыты золотые, хотя и узкие врата. Не так обстоит дело с теми, кто должен нести в течение еще нескольких перевоплощений груз грехов, совершенных в прошлых жизнях и в их нынешнем существовании. Ибо для таких людей, хотя бы они и действовали с большим тщанием, золотые врата Мудрости могут превратиться в широкие врата и широкий путь, «который ведет к разрушению», и «много будет тех, кто войдут в них». Это врата оккультных искусств, практи-

куемых по эгоистическим мотивам и в отсутствии ограничивающего и благотворного влияния АТМА ВИДЬИ. Мы находимся в калиюге, и ее фатальное влияние на Западе в тысячу раз сильнее, чем на Востоке; отсюда легкая добыча, достигаемая Силами Века Тьмы в этой циклической борьбе, и множество иллюзий, над которыми в наше время бьется мир. Одной из них является относительная легкость, с которой, как кажется людям, они могут войти во «Врата» и преодолеть порог оккультизма без какой-либо великой жертвы. Это мечта большинства теософов, внушенная желанием достичь Силы и личного благополучия; но не эти чувства могут когда-либо привести их к желанной цели. Ибо, как хорошо было сказано уверовавшим в то, что надо принести в себя в жертву за человечество: «узкие врата и прям путь, который ведет к жизни» вечной; поэтому «мало будет тех, которые найдут его». Действительно, он столь прям, что при одном лишь упоминании некоторых трудностей, испуганные западные кандидаты поворачивают назад и ретируются с содроганием...

Пусть они остановятся на этом и не делают больше попыток по причине своей великой слабости. Ибо если, повернувшись спиной к узким вратам, стремление к оккультному привлечет их к более широким и гостеприимным Вратам той золотой тайны, которая мерцает в свете иллюзии, — горе им! Это приведет лишь к состоянию дугпы, и можно быть уверенным, что очень скоро они обнаружат себя на той *Via Fatale Inferno* [фатальной дороге в Ад, *um.*], над порталом которого Данте прочитал слова:

Per me si va nella citta dolente
Per me si va nell'eterno dolore
*Per me si va tra la perduta gente...*¹

¹

Я ухожу к отверженным селеньям.
Я ухожу сквозь вековечный стон,
Я ухожу к погибшим поколениям...

ДРЕЙФ ЗАПАДНОГО СПИРИТУАЛИЗМА

Последние сообщения из различных стран мира, по-видимому, показывают, что в то время как существует возрастающий интерес к феноменам спиритуализма, особенно среди выдающихся людей науки, также наблюдается все увеличивающееся желание изучать взгляды теософов. Первоначальный импульс враждебности почти истощил себя, и приближается время, когда наши аргументы смогут быть терпеливо выслушаны. Мы это предвидели с самого начала. Основателями Общества были главным образом ветераны-спиритуалисты, которые переросли свое первоначальное изумление перед странными феноменами и почувствовали необходимость постигнуть законы медиумизма до самого дна. Чтение средневековых и древних трудов по оккультным наукам показало им, что наши современные явления являются лишь повторением того, что видели, изучали и постигали в прошедшие эпохи. Из жизнеописаний аскетов, мистиков, чародеев, пророков, экстатиков, астрологов, «прорицателей», «магов», «колдунов» и других, изучающих оккультные силы, применяющих их на практике или подвергнутых их воздействию, они нашли достаточно доказательств тому, что западный спиритуализм можно понять лишь благодаря созданию науки сравнительной психологии. Благодаря сходному синтетическому методу филологи, под руководством Эжена Бёрнуфа, раскрыли тайны религиозной и филологической преемственности, и подорвали западные теологические теории и догмы, ранее считавшиеся незыблемыми.

Продолжая в том же духе, теософы полагали, что они обнаружили некоторые причины сомневаться в корректности спиритуалистической теории о том, что все феномены в кругах должны с необходимостью приписываться *исключительно*

действию духов наших умерших знакомых. Древние знали и классифицировали другие сверх-телесные существа, способные перемещать предметы, переносить тела медиумов по воздуху, предоставляющие несомненные доказательства идентичности с умершим человеком, и руководящие сенситивами, когда они писали и говорили на странных языках, рисовали картины и играли на незнакомых музыкальных инструментах. И не только знали их, но и показывали, как человеку контролировать эти невидимые силы и совершать эти чудеса по своей воле. Кроме того, они обнаружили, что в оккультизме имеются две стороны — добрая и злая; и что это опасное и ужасное дело — не обладая опытом прибегать к последней, — опасное как для нашей нравственности, так и для нашей физической природы. Тогда в их умах возникло убеждение в том, что хотя сверхъестественные чудеса спиритуализма относятся к важнейшим из всех, доступных изучению, медиумизм чреват опасностями, если самым тщательным образом не учесть все сопутствующие условия.

Размышляя таким образом, убежденные в большой важности глубокого знания месмеризма и всех других областей оккультизма, основатели создали Теософское общество, чтобы читать, узнавать, сравнивать, изучать, экспериментировать и объяснять тайны психологии. Этот уровень исследования включал в себя, разумеется, изучение ведической, брахманической и другой древней восточной литературы; ибо в ней — особенно в первой, величайшем хранилище мудрости, когда-либо доступном человечеству, — содержатся все тайны природы и человека. Короче, для понимания современного медиумизма необходимо поближе ознакомиться с йогической философией; и афоризмы Патанджали являются даже более значимыми, чем «Божественные откровения» Эндрю Джексона Дэвиса. Мы никогда не узнаем, сколь многие из медиумических феноменов мы *должны* приписать бестелесным душам, пока не определим, сколь многое может быть сделано телесными, человеческими душами и слепыми, но активно действующими силами в тех областях, которые все еще не объяснены наукой. И мы даже не получим доказательства загробного существования, если оно должно придти к нам в виде феноменов. Мы думаем, что это будет признано безогово-

точно при условии, что исторические данные будут приняты в качестве подтверждения тех заявлений, которые мы сделали.

Читатель увидит, что первое разногласие между теософской и спиритуалистической теориями относительно медиумических феноменов состоит в том, что теософы полагают, что феномены могут создаваться более чем одной действующей силой, а последние признают лишь одну силу, а именно — бестелесные души. Существуют и другие различия, — например, что *может* происходить уничтожение человеческой индивидуальности в результате исключительно злого окружения; что добрые духи редко, если вообще когда-либо, вызывают физические «проявления», и т. д. Но первый пункт — основополагающий; и мы продемонстрировали, как и в каких направлениях, по мнению теософов, необходимо проводить изыскания.

Наши восточные читатели в Индии, в отличие от таковых в западных странах, которым попадутся на глаза эти строки, не знают, сколь горячо и решительно обсуждались эти разногласия в последние три-четыре года. Достаточно сказать, что когда наступил такой момент, что аргументы показались далее бесполезными, противостояние прекратилось; и нынешний визит теософов из Нью-Йорка и их руководства в бомбейскую штаб-квартиру, с ее библиотекой, лекциями и «Теософистом», является заметным результатом этого. Бесспорно, что этот шаг должен иметь очень большое воздействие на западную психологическую науку. Достаточно ли компетентен наш Комитет для того, чтобы изучать и толковать восточную психологию, или нет, — вряд ли кто будет отрицать, что западная наука неизбежно должна обогатиться вкладом индийских, сингалезских и других мистиков, которые ныне получили на страницах нашего журнала возможность дойти до тех, кто изучает оккультизм в Европе и Америке, возможность, о которой нельзя было ранее даже мечтать, не говоря о том, чтобы воплотить это воочию. Мы питаем искреннюю надежду и веру, что когда правильно поймут общие принципы нашего Общества, его важность и исключительные возможности для сбора восточной мудрости, это заставит задуматься спиритуалистов, и привлечет в наши ряды наиболее умных из них и широко мыслящих.

Теософию можно называть врагом спиритуализма с не большим основанием, чем месмеризма, или любой другой области психологии. В этой небывалой вспышке феноменов, которая захлестнула западный мир, начиная с 1848 года, открывается такая возможность для исследования скрытых тайн бытия, какая вряд ли была предоставлена миру когда-либо до этого. Теософы лишь настаивают на том, что бы эти феномены изучались как можно более тщательно, потому что наша эпоха не может оставить эти глобальные проблемы нерешенными. Все, что бы ни препятствовало этому, — ограниченность мнимой учености, догматизм теологии или предрассудки любого другого класса, — следует отбросить в сторону как нечто враждебное общественным интересам. Теософию, с ее намерением искать доказательства в исторических документах, можно рассматривать как естественное следствие феноменилистического спиритуализма, или как пробирный камень, удостоверяющий ценность их чистого золота. Необходимо знать и то, и другое, чтобы понять, что такое Человек.

СИЛА ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

Есть колоссальная разница между тем,
Что мы видим, и тем, на что смотрим.
Все увиденное приобретает оттенки внутри нас самих,
Иногда все блекнет, исчерпав весь наш внутренний пыл;
Иногда фантазия освобождается, растет и крепнет,
Выворачивает все наизнанку, и одаривает

переливающейся палитрой красок.

Александр Поп

«Поистине легче и быстрее перейти к знанию от неведения, нежели от ошибки», — говорит Джердан.

Но кто в наш век, когда религии скрежещут зубами друг на друга, когда многочисленные секты, «измы» и «исты» танцуют дикий фанданго друг у друга на головах под ритмический аккомпанемент не кастаньет, а языков, изрыгающих брань, — кто же признается в своей ошибке? Но, тем не менее, все не могут быть правы. Никаким разумным образом невозможно объяснить, почему люди с одной стороны так цепко держатся мнений, которые большинство из них *приняло*, а не *выработало*, а с другой стороны они чувствуют себя столь яростно враждебными к другим мнениям, созданным кем-то еще!

Яркой иллюстрацией этой мысли служит история теософии и Теософского общества. И дело здесь вовсе не в том, что люди не хотели новизны или не приветствовали прогресс и рост мысли. Наш век так же жаден к созданию новых идолов, как и к ниспровержению старых богов; он так же готов оказать радушное гостеприимство новым идеям, как и в высшей степени бесцеремонно изгнать теории, которые сегодня кажутся исчерпавшими себя. Эти новые идеи могут быть столь

же глупы, как молочный суп с зелеными огурцами, и так же нежелательны для большинства, как муха в церковном вине. Однако если они исходят из какого-либо научного ума, признанного «авторитета», то этого достаточно, чтобы фанатики науки приветствовали их с распростертыми объятиями. В наш век, как всем известно, каждый член общества, интеллигент или ученый, глупец или невежда, неустанно гоняется за всякой новой вещью. По правде говоря, он занят этим еще больше, чем даже Афинянин во времена св. Павла. К сожалению, новые моды, за которыми гонятся люди, сейчас, как и тогда, — это не *истины* (тем более что современное Общество гордится тем, что оно живет в век фактов), а все те же человеческие увлечения, религиозные или научные. Поистине, все жадно ищут фактов — от серьезных научных совещаний, которые, кажется, связывают судьбы человечества с точным определением анатомии *хоботка* у комара, до полуголодных воинственных наемных писак после сенсационных новостей. Но только *такие* факты, которые способствуют тем или иным предубеждениям и предвзятым мнениям, являются руководящими силами в современном сознании и наверняка будут одобрены.

Все, что находится вне этих фактов — любая новая или старая идея, по той или иной загадочной причине ставшая непопулярной и неприятной для господствующих «измовых» авторитетов, — очень скоро почувствует свою непопулярность. Сначала встречаемая кривыми взглядами с поднятыми бровями и удивлением, она вскоре станет очень важной и почти *a priori* [заведомо, *лат.*] табуированной, а затем ей будет отказано *per secula seculorum* [на веки вечные, *лат.*] даже в беспристрастном выслушивании. Люди начнут комментировать ее — каждая группа в свете своих собственных предубеждений и присущих им предрассудков. Затем каждый будет пытаться исказить ее — даже взаимно враждебные группы будут объединять свои домыслы, чтобы до конца погубить незваного гостя, и чтобы каждый мог побезумствовать над ней.

Так действуют все религиозные «измы», а также все независимые Общества, будь они научными, свободомыслящими, агностическими или секуляристскими. Ни одно из них не име-

ет ни малейшего представления о теософии или об Обществе, носящем это имя; никто из них никогда даже не затруднился спросить о последних — да, все и каждый предпочитают сидеть в соломоновом кресле и судить ненавистного (может быть, потому что опасного?) пришельца, в свете своих собственных заблуждений. Мы должны прекратить обсуждение теософии с религиозными фанатиками. Недостойны презрения такие замечания, как сделанные в книге «Слово и дело», когда, говоря о «господстве спиритуализма и его успехах в новой форме теософии» (?), автор ударяет кувалдой, закаленной в святой воде, прежде всего, осуждая спиритуализм и теософию за «обман», а затем за *наличие дьявола* в них.¹

Но если помимо сектантов, миссионеров и темных ретроградов, мы обнаруживаем, что такой интеллектуальный гигант, с ясной головой и холодным умом, как м-р Брэдлаф впадает в широко распространенные ошибки и предрассудки — дело становится более серьезным.

Действительно, это *настолько серьезно*, что мы без колебаний заявляем уважительный, но решительный протест на страницах нашего журнала — единственного печатного органа, который способен опубликовать все, что мы хотим сказать. Это не трудная задача. М-р Брэдлаф только что опубликовал свои взгляды на теософию, занимающие полстолбца в его «National Reformer» (от 30-го июня 1889 г.). В его статье «Несколько разъяснительных слов» мы находим десятки заблуждений о предполагаемых верованиях теософов, которые вызывают наибольшее сожаление. Мы публикуем ее *in extenso* [целиком, *лат.*], поскольку она говорит сама за себя и показывает причину его неудовлетворенности. Обороты, против которых мы возражаем, выделены особо.

¹ «Однако многие», — добавляет автор, — «имевшие более полное знание спиритуалистических намерений, чем мы, убеждены, что в некоторых случаях существуют реальные связи, исходящие из духовного мира. Если это так, то мы не сомневаемся в том, откуда они исходят. Они, без сомнения, идут снизу, а не сверху». О, *Sancta Simplicitas* [святая простота, *лат.*], которая все еще верит в *дьявола* — видя, без сомнения, свое собственное лицо в зеркале?

НЕСКОЛЬКО РАЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

«Рецензия на книгу мадам Блаватской в последнем «National Reformer» и объявление в «Sun» принесли мне несколько писем о сущности теософии. Меня спрашивали о том, что есть теософия и каково мое собственное мнение о ней. Слово «теософ» очень старое, оно использовалось в среде неоплатоников. Согласно словарю, его новое значение можно выразить как «тот, кто утверждает, что он познал *Бога* или законы природы посредством внутреннего озарения». Атеист, конечно, не может быть теософом. Деист может быть теософом. *Монист не может быть теософом. Теософия обязательно включает в себя дуализм.* Современная теософия, согласно мадам Блаватской, как это изложено в номере за последнюю неделю, утверждает многое из того, во что я не верю, и предлагает некоторые вещи, с которыми я, несомненно, не могу согласиться. Я не имел возможности прочитать двухтомник мадам Блаватской, но за последние десять лет я читал много публикаций, вышедших из-под ее пера, а так же написанных полковником Олькоттом и другими теософами. Мне кажется, что они пытаются реабилитировать *особый вид спиритуализма с помощью восточной фразеологии.* Многие из их положений мне кажутся полностью ошибочными и их объяснения полностью необоснованными. Я глубоко сожалею, что моя коллега и сотрудница, внезапно и не обменявшись со мной своими мыслями, приняла как факты такие вещи, которые кажутся мне *столь же нереальными, как и любой вымысел.* Мое сожаление усиливается еще и потому, что я знаю приверженность миссис Безант любому направлению, в которое она верит. Я знаю, что она всегда будет искренна в пропаганде тех взглядов, которые она собирается защищать, и я смотрю на возможное развитие ее теософских взглядов с тяжелым предчувствием. Позиция издателя этой газеты неизменна и прямо противоположна всем формам теософии. Я бы предпочел сохранить мир по этому вопросу, поскольку публичное несогласие с миссис Безант после принятия ею социализма уже причинило боль нам обоим; но чтение ее статьи и публичное заявление, сделанное по случаю ее присоединения к теософской организации побуждает меня сказать это со всей ясностью тем, кто обращается ко мне за советом».

К. Брэдлиф

Совершенно бесполезно сойти с нашего пути и попытаться превратить последовательно материалистические и атеистические взгляды м-ра Брэдлифа в наши пантеистические (поскольку истинная теософия *такова*), так же не пытались

мы словом или делом обратить миссис Безант. Она присоединилась к нам целиком по своей свободной воле и согласию, хотя этот факт принес безграничное удовлетворение всем искренним теософистам, и лично нам это доставило больше радости, чем мы имели за долгое время. Однако мы хотим воззвать к хорошо известному чувству справедливости м-ра Брэдлафа и доказать ему, что он ошибается — по крайней мере в том, что касается взглядов полковника Олькотта и данного автора, а также интерпретации, которая дается им термину «теософия».

Достаточно будет сказать, что если бы м-р Брэдлаф знал правила нашего Общества, он бы понял, что даже если бы он, глава секуляризма, стал бы сегодня членом Теософского общества, это не привело бы его к необходимости отказаться хотя бы на йоту от его секуляристских идей. Мы имеем в Теософском обществе больших атеистов, чем он есть сейчас и чем он мог бы быть, например, индусов, принадлежащих к некоторым всеотрицающим сектам. М-р Брэдлаф верит в месмеризм, во всяком случае, он сам обладает большой целительной силой, и поэтому он не может отрицать наличие таких мистических способностей у некоторых людей. В то же время, если бы вы попытались говорить о месмеризме или даже о гипнотизме с этими индусами, они бы только пожалели плечами и рассмеялись. Членство в Теософском обществе не предполагает вмешательства в религиозные, нерелигиозные, политические, философские или научные взгляды его участников. Общество не представляет собой сектантское или религиозное тело; это лишь ядро, объединяющее людей, посвятивших себя поискам истины, когда бы она ни приходила. Миссис Анни Безант была права, заявляя в том же номере «National Reformer», что Теософское общество имеет три задачи:

«основать Всеобщее Братство без различия расы и вероисповедания; способствовать изучению арийской философии и литературы; исследовать непонятные законы природы и психические силы, таящиеся в человеке. Что касается религиозных взглядов, члены Общества абсолютно свободны. Основатели Общества отрицают личного Бога, утонченная форма пантеизма мыслится как теософский взгляд на вселенную; однако и он не навязывается членам Общества».

К этому миссис Безант добавляет уже после своей подписи, что хотя она не может в «National Reformer» изложить полностью причины своего присоединения к Теософскому обществу, однако она

«не хочет скрывать тот факт, что эта форма пантеизма, по видимому, дает возможность решить ряд проблем, особенно в области психологии, которых не касается атеизм».

Мы серьезно надеемся, что она не будет разочарована.

Вторая задача Теософского общества, а именно эзотерическая интерпретация восточной философии, никогда не заканчивалась без успеха в решении проблемы для тех, кто изучает этот предмет серьезно. И только другие люди, не являющиеся естественными мистиками, безрассудно врываются в тайны неизвестных психических сил, дремлющих в каждом человеке (как в самом м-ре Брэдлифе, так и в любом другом), вследствие своих амбиций, любопытства или тщеславия, — именно они обычно приходят в ярость и возлагают ответственность за собственную неудачу на Теософское общество.

Итак, что же здесь есть такого, что мешает даже м-ру Брэдлифу присоединиться к Теософскому обществу? Мы будем рассматривать аргументы пункт за пунктом.

Не потому ли, что м-р Брэдлиф является индивидуалистом, английским радикалом старой школы, он не может симпатизировать такой возвышенной идее, как Всемирное Братство людей? Его хорошо известное добросердечие и филантропическая деятельность, многолетние усилия в деле защиты страждущих и угнетенных, показали на практике прямо противоположное, каковы бы ни были его теоретические взгляды по этому вопросу. Но если, быть может, он остается верным своим теориям, несмотря на практику, мы перестанем обсуждать первую задачу Теософского общества. К сожалению, некоторые члены Общества столь же мало, как и он, симпатизируют этому благородному, но, возможно (для м-ра Брэдлифа), в некоторой степени утопическому идеалу. Никто из членов Общества не обязан *полностью* разделять все три его задачи; достаточно, что бы он признавал одну из трех и не был в оппозиции к двум другим, чтобы сделать возможным для него членство в Теософском обществе.

Не потому ли что он атеист? Для начала обсудим «новое мнение», которое он приводит из словаря, о том, что «теософ — это тот, кто утверждает, что он имеет *знание Бога*». Никто не может претендовать на знание «Бога», абсолютного и непостижимого всеобщего Принципа; а в личного бога восточные теософы (в том числе Олькотт и Блаватская) *не* верят. Но если м-р Брэдлаф утверждает, что в этом случае имя употребляется неправильно, мы должны ответить: *теософия* в собственном смысле слова означает знание *не* «Бога», а богов, то есть, *божественного*; таким образом, она является сверхчеловеческим знанием. Конечно, м-р Брэдлаф не будет утверждать, что человеческое знание исчерпывает вселенную и не может быть никакой мудрости вне человеческого сознания?

И почему *монист* не может быть теософом? И почему теософия должна включать в себя, по крайней мере, *дуализм*? Теософия учит более строгому и более широкому *монизму*, чем это делает секуляризм. Монизм последнего может быть описан как материалистический и кратко выражен в словах, «слепая сила и слепая материя, увенчанная мыслью». Но это — приносим извинения м-ру Брэдлафу — не настоящий, *побочный* монизм. Монизм теософии — истинно философский. Мы рассматриваем вселенную как нечто единое по своей сути и происхождению. И хотя мы говорим о духе и материи как о двух ее полюсах, мы все же настойчиво подчеркиваем, что их можно рассматривать как различные только с точки зрения человеческого, то есть *маявического* (иллюзорного) сознания.

Таким образом, мы понимаем дух и материю *как единое по своей сущности*, а не как отдельные, отличные друг от друга.

Что же это за «материи», которые кажутся м-ру Брэдлафу «нереальными, как и любой вымысел»? Мы надеемся, что он не имеет в виду те физические феномены, которые оказались смешаны в западном сознании с философской теософией. Как бы реальны они ни были — тогда, когда они *не* вызваны разного рода «волшебными трюками», — все же даже лучшие из них были, есть и будут не более, чем *психологические иллюзии*, как автор всегда их и называла к неудовольствию многих ее друзей, склонных к необыкновенным явлениям. Все эти «вымыслы» были хороши как *игрушки* тогда, когда теософия еще

пребывала в детском возрасте; но мы можем заверить м-ра Брэдлифа, что все его секуляристы могут присоединиться к Теософскому обществу, и никто не будет ожидать от них, что они поверят в эти «вымыслы», — хотя сам он создает такие же «нереальные», но *полезные* «иллюзии» в своих месмерических лечебных сеансах, о многих из которых мы давно наслышаны. И, конечно, издатель «National Reformer» не назовет «нереальными» этические и облагораживающие аспекты теософии, неоспоримое влияние которых столь очевидно среди многих теософов, — несмотря на клеветующее и склонное к раздорам меньшинство? Ну и, конечно, он опять-же не будет отрицать возвышающее и придающее силы влияние верований, содержащихся в *реинкарнации* и *карме*, — учениях, решающих многие из социальных проблем, которые безуспешно пытаются найти свое решение другим путем?

Секуляристы любят говорить о *науке* как о «спасителе человека», поэтому они всегда готовы приветствовать новые факты и прислушиваться к новым теориям. Но готовы ли они слышать теории и принимать факты, исходящие от народов, которых они именуют угасшими, исходя из своей собственной ограниченности? Поскольку последние не только не имеют санкции ортодоксальной западной науки, но и высказываются в непривычной форме и подкрепляются доказательствами, не исходящими из индуктивной системы, которая полностью поглотила западных мыслителей.

Секуляристы, если они хотят оставаться последовательными материалистами, по необходимости должны будут исключить из своих объяснений больше половины вселенной. Это, прежде всего, та ее часть, которая включает в себя ментальные феномены, особенно сравнительно редкие и исключительные по своей природе. Или, может быть, они воображают, что в психологии — самой молодой из наук — уже все известно? Доказательством этого является Общество психических исследований с его Кембриджскими светилами, жалкими последователями Генри Мора: до чего же бесплодны и бесплодны его усилия, которые до сих пор привели лишь к тому, чтобы сделать запутанное еще более запутанным. И почему? Потому что они по-глупому пытались исследовать и объяснять психические феномены, используя физическую основу.

Никто из западных психологов до сих пор не был способен дать адекватное объяснение даже простейшему феномену сознания — чувственному восприятию.

Явления телепатии, гипнотизма, внушения и многих других ментальных и психических проявлений, которые раньше рассматривались как сверхъестественные, или вызванные дьяволом, сейчас признаются за чисто естественные феномены. И все же это, по существу, те же самые силы, только многократно усиленные, что и те «вымыслы», о которых говорит м-р Брэдлиф. И, поскольку ими обладают люди, которые имеют наследие тысячелетней традиции изучения и использования этих сил, их закономерностей и способов действия, — нет ничего удивительного в том, что они достигают эффектов, неизвестных науке, но кажущимися *сверхъестественными* лишь в глазах незнающих.

Восточные мистики и теософы верят в чудеса *не* больше, чем секуляристы; что же такого *суетверного* в таких исследованиях?

Почему открытия, достигнутые таким образом, и законы, выдвинутые в результате строгого и тщательного исследования, должны рассматриваться как реабилитированный спиритуализм?

Исторически признано, что Европа после разрушения Римской империи обязана возрождением своей цивилизации и культуры восточному влиянию. Арабы в Испании и греки Константинополя принесли с собой только то, что они получили от народов, живших еще дальше на Востоке. Даже достижения классического периода были обусловлены тем, что получили греки от Египта и Финикии. Еще более далекие, так называемые допотопные предки египтян, а также брахманов ариев появились однажды из того же источника. Как бы ни различались мнения ученых по вопросу о генеалогической и этнологической последовательности событий, все же бесспорным остается тот факт, что любой зародыш цивилизации, выращенный и развитый Западом, был получен им с Востока. Почему же тогда английские секуляристы и вообще свободолюбивые люди, которые, конечно, не имеют чувства гордости за свое воображаемое происхождение от десятка утраченных племен, — почему же они столь неохотно принимают

возможность дальнейшего просвещения, идущего к ним с Востока, который был колыбелью их расы? Почему же они, те, кто более, чем кто-либо другой, должны бы быть свободны от предрассудков, фанатизма и узости взглядов, в высшей степени присущих *религиозному* сознанию, почему, спрашиваем мы, они, взывающие к свободной мысли, столько страдавшие от фанатических преследований, почему они так охотно дают ослепить себя тем же самым предрассудками, которые они осуждают, называя это чудом.

Этот и многие другие подобные примеры обнаруживают с полной ясностью право Теософского общества на то, чтобы быть выслушанным честно и беспристрастно; но это является фактом, что из всех вновь возникающих «измов» и «истов», наша организация — *единственная, полностью и абсолютно свободная от всякой нетерпимости, догматизма и предвзятости.*

Теософское общество — это, поистине, *единственная* организация, которая протягивает руки *ко всем* людям, не побуждая никого принимать ее собственные верования, принадлежащими лишь небольшой группе *внутри* нее, называемой Эзотерической секцией. Оно действительно *вселенское* по своему духу и устройству. Оно не признает и не поощряет никакой исключительности или предвзятости. Только в Теософском обществе люди встречаются для совместного поиска истины, на платформе, из которой исключены всякий догматизм и сектантство, любая межпартийная вражда и ненависть; ибо, принимая каждую крупицу истины, где бы она ни находилась, оно терпеливо ждет до тех пор, пока шелуха, которая его окружает, не отпадет сама собой. Оно признает лишь одного врага — и избегает принимать его представителей в свои ряды, — врага, общего для всех, а именно, римский католицизм, и это только по причине его требования тайной исповеди. Но даже это исключение относится *лишь к внутренней группе*, по причинам, которые слишком очевидны для того, чтобы их надо было разьяснять.

Теософия до конца монистична. Она ищет во всех религиях, во всех науках, в каждом опыте, в каждой системе мысли одну лишь Истину. Какая цель может быть более благородной, более универсальной, более всеохватывающей?

Очевидно, что мир не научился рассматривать теософию с этих позиций, и необходимость освобождения хотя бы лучших умов англоязычного мира от предрассудков, вырастающих из плевел, посеянных нашими бессовестными врагами, чувствуется сейчас больше, чем когда-либо. Надеюсь освободить эти умы от всех таких заблуждений и сделать более ясной позицию, занимаемую теософией, автор подготовила небольшую книгу, названную «Ключ к теософии», которая уже находится в печати и вскоре будет опубликована. Там собраны в форме диалога все основные ошибки в отношении теософии и ее взглядов, а также возражения на них; в этой работе будут предложены более детальные и полные аргументы для доказательства положений, выдвинутых в этой статье. Автор сочтет своим долгом послать первый экземпляр не редактору «National Reformer», а лично м-ру Брэдлафу. Зная его репутацию на протяжении многих лет, мы не можем поверить, что наш критик когда-нибудь унижится до того, чтобы последовать примеру большинства редакторов, гражданских или церковных, и осудит работу даже не открыв ее страниц, просто потому, что он *уверен заранее*, что ее автор или рассматриваемый им предмет не пользуется популярностью.

В этой книге будет показано, что главной заботой теософистов является *поиск Истины* и исследования таких проблем природы и человека, которые сегодня кажутся тайнами, но могут быть разгаданы наукой завтра. Будет ли м-р Брэдлаф против такой позиции? Принадлежат ли *его* суждения к категории тех понятий, которые никогда не могут быть пересмотрены? «Это должно быть твоей верой и убеждением, и поэтому всякое исследование бесполезно», — *авторитетно заявляет* римская католическая церковь. Секуляристы не могут придерживаться того же мнения, если они хотят остаться верными своему знамени.

«РАЗОБЛАЧЕННАЯ ИЗИДА» И ВИШИШТАДВАЙТА

«Р. П.» в октябрьском номере нашего журнала [за 1886 г.] пытается доказать, что в «Разоблаченной Изиде» я учу в основном доктрине вишиштадвайты, с чем я никак не могу согласиться. Я хорошо осознаю, что «Изида» далека от того, чтобы быть столь же законченной работой, какая могла бы быть написана на том же самом материале лучшим ученым; и что ей, как литературному произведению, недостает симметрии и, вероятно, в некоторых местах — точности. Но отчасти я прошу извинения за все это. Это была моя первая книга; она была написана на чужом мне языке, на котором я не имела привычки писать; этот язык был даже еще в большей степени незнаком некоторым азиатским философам, которые оказали мне помощь; и, наконец, полковник Олькотт, который проверял рукопись и повсюду работал вместе со мной, был тогда — в 1875 и 1876 гг. — почти совершенно незнаком с арийской философией, а, следовательно, неспособен обнаружить и исправить те ошибки, которые я так легко допускала, выражая свои мысли по-английски. И все же, несмотря на все это я полагаю, что критика «Р. П.» несправедлива. Если я ошибалась, проводя столь небольшое различие между безличным Богом, или Парабрахмом, и личным Богом, то я едва ли позволила себе полностью смешать их друг с другом. Эти страницы (том II, стр. 216-217; том II, стр. 153; том I, Введение, стр. 2), на которые он ссылается, представляют не мою собственную доктрину, но чужие идеи. Первые два отрывка (том II, стр. 216-217) являются цитатами из Ману и показывают, что может ответить образованный брахман и буддист на утверждение профессора Макса Мюллера о том, что *мокша* и *нирвана* означают уничтожение; в то время как третий отрывок (том II,

стр. 153) — это защита и истолкование внутреннего смысла Библии с точки зрения мистического христианства. Конечно, здесь есть сходство с вишиштадвайтизмом, который, подобно христианству, приписывает универсальному принципу личные качества. Что же касается ссылки на Введение, то кажется, что даже если читать этот параграф в буквальном смысле, он мог бы быть назван лишь отражением моего личного мнения, а не эзотерической доктрины. Будучи в ранние годы скептиком, я нашла и обрела через Учителей полную уверенность в существовании *принципа* (а не личного Бога) — «безграничного и бездонного океана», в котором моя «душа» — всего лишь капля. Подобно адвайтистам, я не делаю различия между *седьмым принципом* и *универсальным духом*, или Парабрахмом; и я не верила и не верю в некий индивидуальный, обособленный дух внутри меня, как в нечто отдельное от целого. Посмотрите в качестве доказательства мое замечание о «всемогуществе бессмертного человеческого духа» — который был бы логическим абсурдом с точки зрения любой теории эгоистического обособления. Моей ошибкой было то, что повсюду в этой книге я неизменно применяла слова Парабрахм и Бог для выражения одной и той же идеи: это простительный грех, конечно, если принимать во внимание то, что английский язык столь беден, что даже сегодня я использую санскритское слово для выражения одной идеи, и английское — для другой! Ортодоксальная это адвайта или нет, я утверждаю как оккультист, исходя из авторитета тайной доктрины, что даже полностью поглощенный Парабрахмом человеческий дух, хотя и не индивидуален *per se* [сам по себе, *лат.*], все же сохраняет свою отчетливую индивидуальность в паранирване по причине накопления в нем совокупностей, или *скандх*, которые продолжают существовать после каждой смерти, из высших способностей *манаса*. Наиболее духовные, то есть самые высокие и божественные устремления каждой индивидуальности следуют за *буддхи* и седьмым принципом в девакхан (*сварга*) после смерти каждой личности в череде перерождений и становятся неотъемлемой частью *монады*. Индивидуальность угасает, исчезая перед появлением новой индивидуальности (перерождением) из девакхана; но индивидуальность духа-души (ну что, увы, *можно* поделаться с этим английским языком!) сохра-

няется до окончания великого цикла (*махаманвантары*), когда каждое эго входит в паранирвану, или поглощается Парабрахмом. Для нашего разума, столь же слепого как крот, человеческий дух теряется тогда в Едином Духе, подобно тому, как каплю воды нельзя распознать и вновь получить из моря. Но *de facto* [фактически, *лат.*] это не так в мире нематериальной мысли. Последний соотносится с динамической мыслью человека, как, скажем, оптическая сила самого сильного, насколько это возможно, микроскопа к взгляду наполовину слепого человека: и все же даже это сравнение совершенно недостаточно — разница «невыразима в материальных терминах». То, что такие парабрахмические и паранирванические «духи», или подразделения, сохраняют и должны сохранять свои божественные (не человеческие) индивидуальности, показывает тот факт, что сколь бы ни длилась «ночь Браммы» или даже всеобщая пралайя (а не локальная пралайя, затрагивающая только некоторую группу миров), все же когда она завершится, та же самая божественная монада продолжит свой величественный путь эволюции, хотя и на более высокий, в сто раз более совершенной и чистой чередке земель, чем до того, и принесет вместе с собой всю сущность сложносоставных духовностей из своих прошлых бесчисленных перерождений. Следует помнить, что спираль эволюции дуальна, и путь духовности вращается подобно штопору внутри и вокруг физической, полужизнической и сверхфизической эволюции. Чтобы не вдаваться в излишние детали, я отсылаю читателя к моей новой работе, «Тайной доктрине», где эти вопросы рассмотрены с исчерпывающей полнотой.

ЛИДЕР БРАХМО И ЙОГИЗМ

Один корреспондент спрашивает нас, что мы можем сказать по поводу нижеследующего отрывка, который, по его уверению, он скопировал из номера «*Indian Mirror*», печатного органа Брахмо Самадж, за 23 января 1881 года:

«...Теософы, которые сегодня находятся в Индии, проповедуют возвращение к тем временам *йоги*, когда святость сочеталась с силой совершения сверхъестественных поступков. Мы были удивлены, когда однажды услышали об их твердой уверенности в том, что лидер нашего движения, подтверждает он это или нет, реально обладает оккультными силами, сам являясь йогом. К счастью для Индии, эти времена давно позабыты. Мир давно уже пережил супернатурализм всех сортов, и единственные чудеса, в которые мы поверим, явились бы результатами исключительных нравственных сил и строгих убеждений человека, который будет руководствоваться указаниями, ниспосланными ему свыше божественным духом».

Единственное, что мы должны сказать, это то, что некоторые люди, по всей видимости, обманулись добрыми намерениями наших друзей из Брахмо. Идея о том, что м-р Сен является йогом, никогда не приходила в голову ни одному теософу, который делился с нами своим мнением относительно этого талантливого бенгальского оратора. Если он (м-р Сен) несет ответственность за те взгляды, которые позволил себе высказать автор этой заметки относительно всего сверхъестественного в целом, и чудес Теософского общества *a propos* [между прочим, *франц.*], то мы глубоко сожалеем, что такой талантливый человек столь грубо и неверно понимает как нас, так и наши убеждения. И это тем более прискорбно, поскольку он претендует на непосредственное вдохновение, полученное от Бога, и, по-видимому, должен быть способен понять истину. И если есть такая вещь, в которую

основатели нашего Общества верят *менее* всего, так это именно в чудеса, будь то нарушение законов материи или особенный божественный дар какого-либо человека. По нашему мнению, никогда не было таких времен, когда святость или непорочность «сочетались с силой совершать *сверхъестественные* поступки».

БРАХМО САМАДЖ

Всегда, когда мы встречаемся с нашими друзьями в Европе и Америке, нас просят рассказать что-нибудь о Брахмо Самадж. Выполняя многочисленные пожелания, остановимся на этом подробнее: фундамент этой новой теистической церкви был заложен банками Хугли пятьдесят лет назад, и в течение этого времени она распространяла свое учение через прессу и миссионерскую деятельность, а ныне отпраздновала свой юбилей в Калькутте. Среди всех религиозных движений, которыми столь изобилует наш век, это течение является одним из наиболее интересных. И нам остается лишь сожалеть о том, что кто-либо из его собственных одаренных и красноречивых лидеров не отразил его выдающиеся черты на страницах этого издания, так как наше Общество придерживается убеждения, что никакой посторонний человек не может в полной мере воздать справедливость иной вере. Наши друзья из Брахмо неоднократно обещали нам предоставить такое изложение брахмоизма, но до сих пор мы ничего не получили от них. Таким образом, находясь в ожидании этого, мы публикуем некоторые весьма ограниченные и неполные данные, содержащиеся в официальном отчете о прошедшем праздновании, который приводится в печатном органе Самадж, «*Sunday Mirror*», за 30 января [1881 г.]. Великолепная лекция одного из главных апостолов Брахмо, преподобного Протапа Чандра Мозумдара, которую нам посчастливилось услышать в Лахоре, поможет нам в попытке понять истинный характер этого движения. Ее темой были «Отношения Брахмо Самадж с индуизмом и христианством», и его речь была беглой и в высшей степени красноречивой. Он спокойный, сдержанный человек с приятным голосом и совершенно правильным английским произношением. До посещения Калькутты, мы не имели счастья

встретиться с «главой религиозного ордена», или главным апостолом «Нового Завета», как это теперь принято называть.

Общеизвестно, что Брахмо Самадж основал ныне покойный раджа Рам Мохан Рой, архибрамин, сын Рама Кханта Роя из Бурдвана, один из наиболее чистейших, человеколюбивых и просвещенных людей, которых когда-либо производила на свет Индия. Он родился около 1774 г., получил доскональное образование в местном диалекте, в персидском и арабском языках, а также санскрите, позднее, в совершенстве овладев английским, приобрел знания в еврейском, греческом и латыни, изучал французский. По общему признанию, его интеллектуальные способности были очень велики, в то время как его манеры были весьма утонченными и обаятельными, а его моральные качества — безупречными. Добавим к этому непоколебимое нравственное мужество, удивительную скромность, пылкое человеколюбие, патриотизм и горячее религиозное чувство, и перед нами возникнет портрет человека самого благородного и возвышенного типа. Такой человек был идеален в качестве религиозного реформатора. Если бы его натура была более грубой, а его чувствительность менее острой, он мог бы достигнуть много больших плодов своего жертвенного труда, чем он получил. Бесполезно искать в описании его жизни и трудов какого-либо свидетельства его личного тщеславия или склонности строить из себя посланца небес. Он полагал, что нашел в элементах христианства высший нравственный закон, который когда-либо был дан человеку; но с самого начала и до конца он отрицал как нефилософскую и абсурдную триипостасную доктрину христиан. Миссионеры, вместо того чтобы приветствовать его как союзника в деле освобождения индусов от политеизма, который, к тому же, мог бы помочь им пройти три четверти пути в преодолении их собственного застойного основополагающего принципа, яростно обрушились на его унитарные взгляды и вынудили его опубликовать энное количество памфлетов, показывающих неубедительность их мотивов и логическую обоснованность его собственных воззрений. Он умер в Англии 27 сентября 1833 г. и был похоронен 18 октября, оставив после себя сплоченное окружение известных людей, включая некоторых из наиболее знаменитых представителей этой страны. По словам

мисс Мартинье, его смерть была ускорена той болью, которую он испытывал, видя ту ужасную процветающую ложь, насквозь пропитавшую практическое христианство в его твердыне. Мисс Мэри Карпентер не коснулась этого вопроса в своих «Мемуарах» о его последних днях в Англии, но среди других проповедей, которые она опубликовала после его кончины, была проповедь преподобного Дж. Скотта Портера, пресвитерианского священника из Белфаста, Ирландия, в которой он говорит, что «преступления против законов нравственности, столь часто оставляемых без внимания в европейском обществе как тривиальные проступки, вызывали у него глубочайший ужас». И этого совершенно достаточно для придания правдоподобия утверждению мисс Мартинье, ибо всем нам известно, в чем заключается мораль христианского мира.

Эти подробности об основателе индийской теистической церкви необходимы, если мы хотим понять, каким был задуман брахмоизм. Мы говорим с оглядкой, исходя из желания не допустить никакой несправедливости, опираясь на наше нынешнее представление о нем, составленное согласно тому, как он отображен в его собственном печатном органе, «*Mirror*». Как уже было сказано, Рам Мохан Рой никогда не провозглашал себя апостолом или спасителем; сам дух тех доказательств, которые содержатся в книге мисс Карпентер, показывают нам, что он был воплощением скромности. А теперь мы обратимся к официальному отчету о праздновании юбилея Брахмо 14 и 27 января, в кратком изложении.

22 числа бабу Кешаб Чандр Сен обратился в здании городской ратуши примерно к трем тысячам человек, и все отчеты единодушны в том, что его выступление было исключительно красноречивым. Следующим утром состоялся *утсаб*, или молитвенное и совещательное собрание в Брахмо *Мандир*, или доме для богослужения. *Веди*, или место вознесения молитв, было украшено гроздьями бананов и вечнозелеными растениями, а «аромат благовоний распространялся повсюду», — напоминая нам, скажет кто-то, католический храм. Служба началась в 9 часов и окончилась в половине первого, после чего наступил получасовой перерыв, чтобы подкрепить силы «*пури* и конфетами». В час началась служба на бенгали, в 2 часа на хиндустану, затем последовало чтение отрывков из

Нового Завета, гимнов, а затем — час *йоги*, или молчаливого созерцания. После этого последовали полтора часа песнопений (*санкиртан*) и *арати*, восхвалений. В 7 часов пополудни произошло событие всего дня, которое со всей очевидностью совершенно затмило лекцию м-ра Сена. Это было освящение «Флага Нового Завета», малинового шелкового стяга, поднятого на серебряный шест, «который по этому случаю был установлен на мраморном полу перед кафедрой». Церемония поднятия флага началась на закате; пусть сама «*Mirror*» расскажет нам о том, как это было.

«Новый вид вечернего богослужения, названный *арати*, был совершен впервые... Члены Брахмо сложили величественный гимн для прославления многочисленных атрибутов Великой Матери в проникновенном слого и духе. Каждый участник богослужения держал в своей руке горящую свечу, производя восхитительный и живописный эффект. Десятки музыкальных инструментов, от английского рожка и гонга до традиционных раковин, звучали одновременно и громко. Разнообразные и оглушительные звуки, издаваемые этими инструментами, сочетались с голосами множества людей, которые стояли и ходили вокруг с горящими тонкими свечками в своих руках, усердно провозглашая гимн *арати*, что производило на находящуюся там огромную толпу народа такое воздействие, которое проще почувствовать, чем описать».

Любому, кто знаком с индийской национальной культурой, покажется уместным сравнить малиновый стяг членов Брахмо со знаменем сходного цвета и из такого же материала, которое поднимают на золотом флагштоке храма Патманабхан в Тривандруме в начале *Арати*, или праздника омовения. Если последнее является атрибутом идолопоклоннического культа, к которому основатель Брахмо Самадж питал явное отвращение, то не является ли таковым и первое? И меньшее ли язычество праздник огней в Брахмо *Мандир*, чем тот же праздник в индуистском храме? Подобные вещи в принципе могут быть невинными сами по себе, ибо многие, безусловно, усмотрят лишь наличие эстетики в раскачивающихся пальмовых листьях, дымящихся благовониях, поющих участниках службы, марширующих со своими горящими свечами вокруг поднятого на серебряном шесте шелкового знамени. Но будут и такие, которые, стремясь к распространению чисто теистической ре-

лигии, увидят во всем этом очевидные знаки приближения к напыщенному ритуализму, который с течением времени задавит все духовное в новой церкви и оставит вместо него лишь витиеватый формализм. Именно это и произошло с христианством и буддизмом, как это можно увидеть, если сравнить великолепие и пышность римской и греческой церквей с предполагаемой первоначальной простотой апостольского века, а также витиеватый церемониал современного экзотерического ламаизма со строгим аскетизмом и сдержанностью первоначальной буддийской практики, которую пытаются возродить сегодня многие из наиболее ученых лам. Остается надеяться, что лидеры нового направления сохранят в своих умах благо-разумный совет Рам Мохан Роя:

«Если некая организация людей пытается нарушить систему учений, укоренившихся по всей стране, и ввести другую систему, они, по моему скромному мнению, обязаны быть готовы доказать истинность, или по крайней мере превосходство своей собственной системы».¹

В своей юбилейной речи м-р Сен *протестует против того, чтобы его считали пророком или посредником между Богом и Человеком*, и все же в то же самое время он провозглашает себя и некоторых своих единомышленников *апостолами Нового Завета*, избранными и облеченными полномочиями возвещать его. Рассматривая своих коллег, окружающих его, в свете нового религиозного объединения, он, как единственный обладатель высшего авторитета, наделяет их божественной миссией.

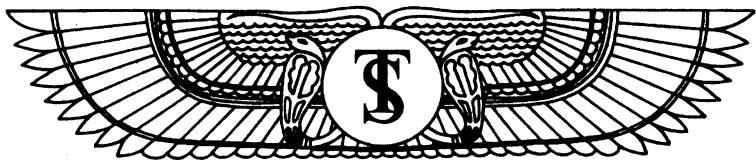
«Вас избрал», — говорит он, — «Господь Небесный, чтобы вы проповедовали миру его спасительную истину. Смотрите на флаг Нового Завета перед вами, в тени которого происходит всеобщее примирение... Идите, проповедуйте, распространяйте дух всеобщего единства, который представляет этот флаг, что перед вами... В знак обещания вашей преданности коснитесь этого знамени и склонитесь перед Богом, чтобы он дал вам силу и свет веры». После этого, по словам *«Mirror»*, — «Все апостолы прикоснулись к знамени и склонили свои головы перед Богом».

¹ «Monthly Repository», Калькутта, 1823 г., том XVIII, стр. 430.

Все это, кроме тех противоречий, которые мы выделили курсивом несколькими строками ранее, является драматическими элементами некой сверхструктуры божественной инспирации, дарования апостольских полномочий, непогрешимого учения и догматической веры, — которые возникнут, может быть, даже при жизни нынешнего «главы религиозного ордена». По сути дела, м-р Сен как бы уже предсказывает это, ибо, отвечая на им же поставленный вопрос о том, является ли Брахмо Самадж «просто новой религиозной системой, которую выработал человеческий разум», он ясно претендует на некое много более высокое положение для себя.

«Я утверждаю, что он находится на том же уровне, что и Еврейский завет, и Христианский завет, и Завет вайшнавов, полученный через Чайтанью. Это Божественный Завет, имеющий полное право занять место среди различных заветов и *откровений в мире*. Но является ли он столь же божественным, сколь и авторитетным?» — спрашивает он, и сам же отвечает: «Христианский завет, говорят, является божественным. Я утверждаю, что и этот Завет равным образом божественен. *Вне всякого сомнения, Господь небесный послал это Новое Благовестие миру*». И снова: «Вы видите в этом особое Божественное Провидение, решающее задачу спасения этой страны при помощи совершенного завета со *всеми необходимыми для него апостолами, священной книгой и инспирацией*».

Это слишком серьезное заявление, чтобы увидеть в этом всего лишь красивый оборот речи. М-р Сен — знаток английского языка и, безусловно, должен понимать значение и вес каждого этого слова. И потому публика совершенно справедливо рассматривает его как еще одного претендента на почетный титул вдохновенного свыше апостола и посланника Бога на земле, короче, *аватара*. Если его церковь поддержит такую претензию, тогда будущие поколения сторонников Брахмо могут склонять свои головы и приносить дары к ногам потомков раджи Кутч-Бехара, как это делают сегодня правоверные мусульмане в отношении прямых потомков из семьи Пророка, и как это делают сикхи в отношении бабу Кхейм Сингх Веди в провинции Равалпинди, который является шестнадцатым потомком гуру Нанака по прямой линии.

ДАЯНАНД САРАСВАТИ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

«Данное сообщение, полученное из Бенареса, имеет исключительную важность. Пожалуйста, опубликуйте его на страницах Вашего журнала и дайте возможность Вашим читателям вынести свое суждение по этому вопросу.

Искренне преданный Вам,
пандит ГОПИ НАТХ,
редактор «*Mittra Vilasa*».

Введенные в заблуждение обманчивой репутацией Свами Даянанда Сарасвати, мы, нижеподписавшиеся, отправились к нему, чтобы послушать его ведические лекции и поступать в соответствии с его предписаниями. Но как только мы услышали его, мы убедились, что он не является истинным реформатором. Теперь наши заблуждения развеял наш ведический гуру, пандит Джугулкишоре Патхак, член Брахмамрит Варшини Сабха, и мы приносим покаяние, как велют наши Шастры, за эту нашу ошибку и грех, и сим даем обещание никогда более не отклоняться от истинного и праведного пути, которому учит наш гуру.

Сита Рама, Бабу Нанд Панд,
Кришна Рама Шукул и Рама Прасда Дуб.

Опубликовано
пандитом ДЖУГУЛКИШОРОМ ПАТХАКОМ,
Брахмамрит Варшини Сабха, Бенарес».

Мы вынуждены предоставить место для вышеприведенного манифеста в соответствии с нашей политикой совершенной беспристрастности, которая позволяет нам дать любой религии, секте и философской школе шанс быть беспристрастно выслушанными, а их поклонникам — защищать свои воззрения на страницах нашего журнала. Но мы делаем это с неким сожалением, ибо нет никаких философских доказа-

тельств того, что доктрины этого ученого пандита, Джугулкишора Патхака, ради одобрения которых и написано это воззвание, являются более философскими, или хоть в чем-либо более истинными, чем те, которые проповедует Свами Даянанд Сарасвати. Эта декларация, как таковая, является просто признанием своего мимолетного отступничества и публичным раскаянием в этой связи. Завтра ученики Свами Даянанда могут прислать нам свой ответ, и мы должны будем опубликовать его в нашем следующем номере согласно тому же самому принципу. И если вообще можно рассчитывать на извлечение какой-либо пользы из таких взаимных опровержений, то тогда пусть эти два ученых пандита предоставят нам, по крайней мере, в письменном виде все за и против своих толкований Вед; и таким образом дадут возможность беспристрастным читателям вынести свой вердикт по этому поводу. Иначе можно предположить, что такие обвинения и опровержения принесут больше вреда, чем пользы.

БУДДИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХРИСТИАНСТВА

По случаю выхода в свет очередной псевдovосточной панихиды ¹ «сэра Монье Монье-Уильямса, кавалера ордена Индийской империи 2-й степени», востоковеда христианского толка, «периодика» не упустила возможность сунуть шпильку в ребро некоторым действительным и бывшим членам Теософского общества. Мы имели возможность лично познакомиться с выборочными суждениями «новоиспеченного» лектора в Эдинбурге и поэтому позволим себе усомниться в некоторых выкладках его новой книги. Ранее мы уже писали в «Люцифере» за апрель 1888 г., как этот вышеупомянутый «востоковед» глумился над скромным названием «Свет Азии», пытаясь показать его бледным в сравнении с претенциозным названием «Свет Вселенной» — парадоксальная, в своем роде, похвальба перед человечеством, которое более чем на две трети состоит из не обращенных буддистов и «язычников». Но такое заумствование, такое извращение исторических фактов и дат в угоду сектантским убеждениям не новость для любого читателя. Этот *modus operandi* [механизм действия, *лат.*] так же стар, как назарейская вера, и образ «миссионера» знаком каждому поклоннику Будды, СВЯТОГО ЧЕЛОВЕКА *par excellence* [в высшей степени, *франц.*]. Поэтому мы оставляем *onus probandi* [бремя доказательств, *лат.*] — достаточно легкое занятие среди публики, верящей всем слухам и домыслам, а также при наличии добровольных распространителей сплетен — искушенному автору, который, доказывая недоказуемое, умело использует старый миссионерский трюк, утвер-

¹ Новой работы, составленной из наспех скомпонованных лекций сэра Монье Монье-Уильямса, кратко и исчерпывающе озаглавленной: «Буддизм, как аналогия брахманизму и индуизму и противоположность христианству».

ждая, что «буддизм — всего лишь дьявольская *имитация* христианства».

А что ему остается делать, если единственное, что имеет значение во времена сплошного шарлатанства, это деньги? Но пусть сэр Монье только сменит тон; пусть он скажет правду, опирающуюся на факты, и провозгласит ее открыто своим слушателям. Пусть он попробует заявить, что ни буддизм, ни кришнаизм — ни, вдобавок, многочисленные легенды о Солнечных Богах, которые жили, умирали и затем спускались в преисподнюю, воскресали, возвращались на землю божественного света, которого Демон Мрака, Зимнее Солнцестояние, был лишен — не могли быть «имитациями» христианского мифа, так как они существовали задолго до него. Пусть он говорит, как это *делает* каждый беспристрастный историк и востоковед, *правду и ничего кроме правды*, и он вскоре обнаружит, что вместо того, чтобы оставаться, по словам цензора, «одним из самых выдающихся среди ныне здравствующих востоковедов», (?) он скатится вниз до статуса пятиразрядного лектора, «невнятно излагающего свои мысли» «под влиянием м-ра Синнета» (*sic*).

Правда, оксфордский санскритолог никогда не был под влиянием автора «Эзотерического буддизма»; и, согласно его собственной версии (см. «Предисловие» к его работе), он трижды совершал путешествия сквозь закрытые буддийские территории, и «подошел к изучению буддизма и его священного языка *пали* с багажом знания — накопленного на протяжении всей его жизни — брахманизма и его божественного языка *санскрита*». Здесь в противоборство вступают две точки зрения: индийская и оксфордская. Некоторые непризнанные ученые пандиты, среди которых и ныне покойный Даянанд Сарасвати — величайший знаток санскрита в Индии, — создали ему, во время его последнего путешествия сквозь «закрытые буддийские территории» — а именно через Бенарес и близлежащие окрестности, совершенное профессором Монье-Уильямсом в 1876 или 1877 г. (?) — своими отзывами репутацию «наиболее выдающегося из ныне здравствующих востоковедов», хотя ни один пандит не мог понять его, когда он пытался заговорить с ним на санскрите; не могли же они (пандиты) обвинить прославленного оксфордского востоковеда в

том, что он совершенно не знает санскрита. И это было на самом деле настоящей акцией доброй воли пандита Даянанда позволить своему ученику, Шамджи Кришнаварма, кстати, примкнувшему впоследствии к Теософскому движению, приехать в Оксфорд и учить видного профессора, собственно, *настоящему* санскриту. Принесли ли пользу эти уроки хотя и молодого, но образованнейшего *гуру* известному востоковеду — уроки прекратились через несколько лет после 1879 г. — неизвестно. Во всяком случае, он, подобно ревностному брамину и почитателю пуранической мертвой буквы, отстаивает точку зрения, что смерть Будды была вызвана перееданием «огромного количества вяленого мяса кабана». Звучит не очень-то правдоподобно, принимая во внимание аскетизм Будды и неприятие им в еде чего-либо, что имело жизнь, но еще более поражает в мертвой букве другое утверждение, что «молитва к *неведомому* (Богу) теперь признана буддистами среди их основных обязанностей». Мы наткнулись на это (священники и братья Цейлона, пожалуйста, отзовитесь и объясните!) в газете, которая приводит выдержки из лекции профессора. Поэтому весьма истинно замечание, что

«работа сэра Монье-Уильямса, кавалера ордена Индийской империи 2-й степени, озаглавленная «Мистический буддизм», будет наиболее интересна для тех, кто только начинает *барахтаться* в том, что называется «теософия», наиболее известными представителями которой являются полковник Олькотт, м-р А. П. Синнет и мадам Блаватская. Сэр Монье считает, что Будда лично выступал против мистицизма; что первоначально буддизм «был категорически против любого проявления аскетизма и всех сокрытых способов достижения высот знания; в нем не присутствовала оккультная, эзотерическая система, от доктрины которой оберегали простого обывателя» («Литературный мир»).

О, Брахма *Прахвапьяя!* Ты Бог нетленного начала, принявший *облик кабана* — того самого, поедание **ВЯЛЕННЫХ** *останков* которого, по словам склонного к преувеличению и подтасовке брамина, привело Будду к смерти, — будь милосердным к клеветникам и псевдоученым! Наш оппонент, «Литературный мир», пустившийся в неизведанные дебри «чистого и смешанного буддизма», признает, после перечисления нескольких изученных работ, что

«в этом списке все же нет отчета, написанного теософами или необуддистами, которые только делают вид, что они посвящают западных читателей в тайные доктрины буддизма, совершенно мистические и, как правило, абсолютно непонятные для неискущенного человеческого разума».

Куда уж «тайным доктринам буддизма» произвести *столь сильное* впечатление на неискушенный человеческий разум. Но «скоропалительный» лектор, сэр Монье Монье-Уильямс, по своему собственному признанию и утверждению, обладает весьма *экстраординарным* пониманием и поразительным знанием. К сожалению, ему удалось забыть больше, чем он когда-либо знал; и выучить более чем все вместе взятые востоковеды позабыли. Еще несколько подобных «скоропалительных» лекций, и наши английские оппоненты заявят, что сэр Уильям Джонс и полковник Уилфорд были, несмотря ни на что, правы; что Гаутама Будда был слабым подобием библейского Ламеха, а буддизм и единизм, соответственно, Меркурий и Будда — идентичны, и что весь типаж принца Капилавасты был скопирован с мифического св. Иосафата, римско-католического святого Индии.

Не будет ли слишком дерзко по отношению к «величайшему из ныне здравствующих востоковедов» сказать, что, овладев только, к сожалению, элементарными знаниями санскрита с помощью Шамджи Кришнавармы, выдающийся оксфордский ученый отвернулся от теософов, чтобы лишь слегка коснуться брахмано-буддийских откровений? Мы не имеем ничего против его «Света Вселенной»; но поскольку его внимание обратилось к нашим эзотерическим глубинам, мы, позволяя ему «барахтаться» в теософии, должны все же навести порядок в буддистских понятиях и восстановить равновесие в весьма несбалансированных мыслях, которые он почерпнул из нескольких «Пуран», и которые противоречат «Свету Азии». И в первую очередь мы должны сделать все возможное, чтобы сэр Монье *и еще раз* Монье-Уильямс, кавалер ордена Индийской империи 2-й степени, не мог даже надеяться стать «светочем востоковедения». *Sic transit gloria mundi!* [Так проходит земная слава, *лат.*]

Так что не теософы потерпели поражение; никогда еще непогрешимая «периодика» не была столь правдива, как в тот

момент, когда утверждала, что упомянутый «радикальный джентльмен»

«не уникален в приписывании буддизму зависимости от христианства. Со времени издания «Эзотерического буддизма» м-ра Синнета, миссионеры, как мужчины, так и женщины, посвятившие себя прозелитизму, обратили многих англичан; и нет сомнения, что азиатская мистерия, в какой бы то ни было форме, чрезвычайно привлекательна для определенного типа умов».

Что есть, то есть; и несмотря на непомерное западное высокомерие и предвзятые суждения, ничто не сможет воспрепятствовать истинам, которые проповедовал Будда, найти свое достойное место в сердцах наиболее выдающихся мыслителей Запада.

ДУХОВНЫЙ ПРОГРЕСС

Хорошо известные строки Кристины Розетти:

Идет ли эта извилистая дорога все время в гору?

Да, до самого конца.

Займет ли это путешествие весь долгий день целиком?

С утра до ночи, мой друг. —

вкратце изображают жизнь тех, кто на самом деле идет по пути, ведущему к высшим целям. Каковы бы ни были различия в облике Эзотерической Доктрины, поскольку она в каждом веке надевает новые одежды, отличающиеся от предшествующих по цвету и качеству ткани; все же во всех них обнаруживается полное согласие по одному пункту — пути духовного развития. Лишь одно непоколебимое правило связывает неофитов, как это происходит и сейчас, — полное подчинение низшей природы высшей. От Вед и Упанишад до недавно опубликованного «Света на Пути»,¹ исследуя священные писания всех народов и религий, мы находим лишь один путь — тяжелый, болезненный, полный трудностей, благодаря которому человек может достигнуть истинного духовного озарения. И как же могло бы быть иначе, если все религии и все философии являются лишь вариантами первоначальных учений Единой Мудрости, переданных людям в начале цикла Планетарным Духом?

Мы всегда говорили, что истинным адептом, человеком, развившим высшие способности, нужно стать — его нельзя сотворить. Поэтому этот процесс является одним из процессов эволюционного роста, и это неизбежно влечет за собой определенное количество страданий.

¹ См. «Скрижали астрального света», ср. 826-843, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000. — *Прим. редактора.*

Главная причина страдания заключается в нашем вечном поиске постоянного в непостоянном, и не только поиске, но и в том, что мы действуем таким образом, как будто мы уже нашли неизменное, в мире, в котором единственное определенное свойство — это постоянное изменение; и хотя мы все же воображаем, что имеем твердую власть над постоянным, оно изменяется в наших объятиях, и так образуется страдание.

Идея развития, в свою очередь, влечет за собой идею разрушения: внутреннее существо должно все время разрушать свою ограничивающую скорлупу, или оболочку, и это разрушение должно сопровождаться страданием и болью, не физической, но ментальной и интеллектуальной.

И это как раз то, что происходит в процессе нашей жизни. Трудности, которые нас посещают, мы, как правило, воспринимаем как тяжелейшее из всего, что могло бы случиться — это всегда то, что, по нашим ощущениям, мы не в состоянии вынести. Если посмотреть на это с более широкой точки зрения, то станет очевидно, что мы пытаемся проломиться через нашу оболочку в ее уязвимом месте; этот наш рост, истинный рост, а не совокупный результат серии нарастаний, должен прогрессировать равномерно, подобно росту детского тела, то есть — не сначала голова, а затем руки, следующие, в свою очередь, за ногами, но сразу во всех направлениях, регулярно и незаметно. Особенностью человека является склонность к отдельному пестованию конкретной части тела, в то время как развитие остальных пускается на самотек — каждая сильная боль вызвана экспансией какой-либо забытой части тела, и эта экспансия оказывается еще более тяжелой по причине культивирования чего-либо иного.

Зло часто является результатом чрезмерного беспокойства, и люди, всегда пытающиеся сделать слишком многое, недовольны, когда остаются одни, но все же делают всегда лишь то, что требуют обстоятельства, и не больше; они преувеличивают значение каждого действия и таким образом создают карму, которая будет сказываться в их последующем рождении.

Одной из самых тонких форм такого зла является надежда и желание вознаграждения. Есть множество таких людей, ко-

торые, пусть даже и бессознательно, перечеркивают все свои попытки, лелея эту идею вознаграждения, и позволяют ей стать доминирующим фактором в своей жизни, и тем самым открывают дверь беспокойству, сомнению, страху, унынию — то есть неудаче.

Целью ищущего духовной мудрости является выход на высший план существования; он становится новым человеком, более совершенным во всех отношениях, и если он достигает успеха, его способности и возможности вырастают соответственно в пределах и силе, подобно тому, как в проявленном мире мы находим, что каждый новый этап в эволюционном очищении отмечен возрастанием умственных способностей. Таков метод, посредством которого адепт наделяется чудесными силами, многократно описанными, но главное, что следует помнить — эти силы являются естественным сопровождением существования на высшем плане эволюции, также как обычные человеческие способности представляют собой естественное сопровождение существования на обычном человеческом плане.

Многие люди думают, что статус адепства — это преимущественно результат радикального развития человека в качестве некой добавочной конструкции; похоже, что они полагают, будто адепт — это человек, который, следуя четко определенному курсу обучения и тренировки, состоящему в уделении некоторого внимания в отношении произвольных законов, приобретает одну силу за другой; и когда он набирает определенное число таких сил, он немедленно посвящается в адепты. Руководствуясь этой ошибочной идеей, они воображают, что первым делом для получения адепства необходимо овладеть «силами»: ясновидением и способностью оставлять физическое тело и путешествовать вдали от него, — являющимися для них наиболее заманчивыми.

Тем, кто хочет обрести эти силы для своей собственной выгоды, нам сказать нечего; они попадают под осуждение всех тех, кто действует ради полного искоренения эгоизма. Но есть и другие, те, кто, путая следствия с причинами, искренне полагают, что приобретение сверхнормальных сил — это единственный путь духовного прогресса. Они рассматривают наше Общество как наиболее быстрое средство для приобре-

тения знания в этом направлении, понимая его как некий вид оккультной академии, организации, предназначенной для того, чтобы научить предполагаемых чародеев. Несмотря на без конца повторяемые протесты и предостережения, все же есть некоторое количество умов, в которых это представление кажется неискоренимым, и которые шумно выражают свое разочарование, обнаружив однажды, что то, что им было сказано с самого начала, является совершенной правдой; то, что Общество было основано не для того, чтобы учить новым или легким путям приобретения «сил»; и что его единственная миссия — это снова зажечь факел истины, угасший на столь долгое время для всех людей, за исключением немногих, и сохранять эту истину живой путем формирования всеобщего братства человечества, на почве которого лишь только и могут прорасти хорошие зерна. Теософское общество поистине хочет помочь духовному росту каждого человека, попавшего под его влияние, но его методы те же, какие были у древних Риши, его принципы совпадают с учениями раннего эзотеризма; и это вовсе не фармацевт, предлагающий патентованное лекарство, составленное из различных препаратов и рекламируемое как средство от всех болезней, которое не отважится продавать ни один честный торговец.

В связи с этим мы бы посоветовали нашим членам и всем, кто ищет духовного знания, остерегаться людей, которые предлагают обучение легким методам приобретения психических способностей; такие способности (*лаурика*) действительно легко приобрести с помощью искусственных средств, но они теряют силу вместе с истощением нервно-стимулирующего воздействия. Реальное ясновидение или адептство, которое сопровождается истинным психическим развитием (*локотра*), будучи однажды достигнутым, никогда не исчезнет.

Так оказалось, что после основания Теософского общества возникли различные общества, использующие интерес последнего к возрождению психических исследований, и увеличивающие число своих членов, предлагая им легкие пути получения психических сил. В Индии давно известно о существовании множества ложных аскетов всех сортов, и мы боимся, что это является новой опасностью, возникшей в этом

направлении, как здесь, так в Европе и Америке. Мы лишь надеемся, что никто из наших членов, ослепленных блестящими предложениями, не позволит обмануть себя вводящим в заблуждение фантазерам, или, быть может, преднамеренным обманщикам.

Чтобы показать реальную необходимость нашего протеста и предостережения, упомянем о только что виденной нами копии объявления, сделанного так называемым «махатмой», содержащуюся в письме из Бенареса. Он приглашает «восемь мужчин и женщин, хорошо знающих английский и местный индийский диалект»; и в конце приписывает: «те, кто хочет узнать подробности о работе, а также *об оплате*», должен сообщить об этом по его адресу, вложив в конверт почтовые марки! Перед нами находится переиздание «Божественного Пэмандра», вышедшее в прошлом году [1884] в Англии, и в нем содержится обращение к *«теософам, которые, возможно, разочаруются в своих ожиданиях относительно того, что Возвышенная Мудрость будет свободно распределяться ИНДУССКИМИ МАХАТМАМИ»*; сердечно приглашаем их сообщить свои имена редактору, который, рассмотрев их, «после короткого испытательного срока», примет в Оккультное Братство, «обучающее *бесплатно* и БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ всех, кого оно находит достойными этого». Как это ни странно, мы находим в том же самом томе высказывание Гермеса Трисмегиста:

«Единственный путь, ведущий к Истине, — тот, которым шли наши предки и на котором они достигли знания Добра. Этот путь прекрасен и ровен; тем не менее, для души столь долго идти по нему, пока она заточена в тюрьме своего тела, совсем не легко... *Поэтому отстраняйся от толпы так, чтобы она держалась внутри определенных границ благодаря страху неизведанного*».

Действительно, некоторые теософы были сильно разочарованы (хотя это было исключительно их собственной ошибкой), потому что мы не дали им краткого изложения йогавидьи, но есть и другие, кто стремится к практической работе. И, что характерно, те, кто меньше всего сделал для Общества, громче всех кричат о его ошибках. Почему эти субъекты и все наши члены, у которых имеется склонность к этому, сразу же

не принимаются за серьезное изучение месмеризма? Месмеризм называют ключом к оккультным наукам, и он имеет то преимущество, что он предоставляет особые возможности делать добро человеческому роду. Если бы в каждом из наших отделений мы могли открыть благотворительную гомеопатическую аптеку с месмерическим лечением в придачу, как это уже практикуется с большим успехом в Бомбее, то мы помогли бы поставить медицинскую науку на здравую основу, что принесло бы неисчислимыя блага людям в широком масштабе.

Есть и другие наши отделения, кроме Бомбейского, которые проделали большую работу в этом направлении, но все же им остается сделать много большее, чем они попытались сделать до сих пор. То же касается многих других направлений в работе Общества. Было бы полезно, если бы члены каждого отделения объединили свои усилия и серьезно посовещались бы о том, какие ощутимые шаги они могли бы предпринять, чтобы содействовать выполнению целей Общества. Слишком часто члены Теософского общества удовлетворяются весьма поверхностным изучением издаваемых им книг, не внося никакого реального вклада в его активную работу. Если Общество должно стать силой для реализации добра в этой и в других странах, то оно может достичь этого только при активном сотрудничестве каждого из его членов, и мы горячо призываем каждого из них тщательно оценить, какие возможности для работы ему по силам, и затем *самым серьезным образом способствовать их претворению в жизнь*. Правильная мысль — это уже хорошо, но мысль сама по себе не стоит многого, пока она не претворена в действие. Нет ни одного члена Общества, который был бы неспособен сделать *что-либо* для того, чтобы помочь делу истины и вселенского братства; только от его собственной воли зависит то, чтобы это *что-либо* превратилось в реальный факт.

Прежде всего, мы хотели бы повторить, что Общество не является питомником для начинающих адептов; у него нет учителей, которые ходили бы кругом и давали консультации по разным вопросам, относящимся к исследовательской работе Общества; отделения должны проводить исследования своими силами; необходимо изучать книги, и полученные из

них знания должны применяться на практике разными его членами: таким образом разовьется уверенность в себе и способность к рассуждению. Мы настоятельно требуем этого, потому что до нас доходят призывы к тому, чтобы каждый лектор, посылаемый в наши отделения, имел большой опыт в экспериментальной психологии и ясновидении (то есть, он должен смотреть в магические зеркала, читать будущее и т. д.). Мы же считаем, что такие опыты должны быть организованы самими членами, только в этом случае они помогут развитию личности или позволят ей достигнуть прогресса на его «идушем в гору» пути; поэтому мы вполне серьезно рекомендуем нашим членам *пытаться* самореализоваться.

СИГНАЛ ОПАСНОСТИ

Посвященные, безусловно, должны быть причислены к обществу богов.

Сократ: «Федон»

В первой части замечательной лекции нашего брата и коллеги, эрудированного корреспондента-секретаря из *Герметического* теософского общества, опубликованной в первом номере «*Revue Théosophique*», мы читаем в примечании (прим. 2, стр. 23):

«Мы обозначаем термином *посвященный* всякого, кто пытается овладеть элементарными принципами оккультной науки. Следует опасаться смешивания этого названия с термином *адент*, который показывает высший уровень восхождения, которого может достигнуть посвященный. В Европе есть много посвященных, но я не знаю, живут ли в ней какие-либо адепты, как на Востоке».

Поскольку мы чужды гению французского языка, и у нас даже нет в руках этимологического словаря, мы не можем сказать, присуще ли это двойное определение французскому языку вообще, а не только масонской фразеологии. Но в английском языке, в том смысле, который признан теософами и оккультистами в Индии, эти два термина имеют совершенно иное значение чем то, которое вкладывает в них автор. Я имею в виду, что определение, данное м-ром Папюсом слову *адент*, относится к слову *посвященный*, и *vice-versa* [наоборот, *лат.*].

Мне никогда бы не пришло в голову исправлять эту ошибку — в глазах теософов, по крайней мере, — если бы она не угрожала, по моему мнению, тем, что она может в будущем внести в умы подписчиков нашего «Обозрения» весьма прискорбную путаницу.

Поскольку я была первой, употребившей эти два прилагательных (*qualificatifs*) в смысле, полностью противоположном тому значению, которым наделяли их масоны и м-р Папюс, это могло бы, безусловно, привести к некоторым *двусмысленностям* (*quiproquos*), которых следовало бы избежать любой ценой. Давайте сначала поймем самих себя, если мы хотим быть понятыми своими читателями.

Дадим же твердые и неизменные определения тем терминам, которые мы применяем в теософии, потому что иначе вместо порядка и ясности, мы лишь привнесем великую путаницу в уже существующий хаос представлений профанированного мира.

Мне неизвестно о тех причинах, которые побудили нашего мудрого брата использовать эти термины так, как он их использовал, и я осуждаю «сыновей вдовы», применяющих их в смысле, полностью противоположном их истинному значению.

Как известно, слово «адепт» происходит от латинского *adeptus* [достигший]. Оно образовано из двух слов: *ad* «of» и *apisci*, «to pursue» (санскритское *ap*).

Поэтому *адептом* можно назвать любого, в той или иной мере сведущего в некоем искусстве или науке. Из этого следует, что данное определение может быть отнесено в равной степени как к адепту в астрономии, так и к адепту в искусстве приготовления *pâtés de foies gras* [печеночного паштета, *франц.*]; как сапожник, так и парфюмер, поскольку один искусен в искусстве изготовления обуви, а другой опытен в искусстве химии, — оба могут считаться «адептами».

Что же касается термина *посвященный*, то это совсем другое дело. Каждый *посвященный* должен быть адептом в оккультизме; он должен стать таковым, прежде чем он будет посвящен в великие мистерии. Но не всякий адепт обязательно является посвященным. Совершенно справедливо, что *иллюминаты*,¹ говоря о себе, применяли термин *adeptus*, но они употребляли его в общем смысле, — *e. g.* [*exempli gratia*, на-

¹ «Просветленные», от лат. *illuminatio*, тайный масонский орден, основанный в 1776 г. Адамом Вейсгауптом и организованный по образцу ордена иезуитов. — *Прим. редактора.*

пример, лат.], на седьмой ступени в последовательности ритуала Циммендорфа. Таким же образом применялись термины *adeptatus*, *adeptus coronatus* на седьмой ступени шведского ритуала; и *adeptus exemptus* на седьмой ступени у розенкрейцеров. Это нововведение средневековья. Но никакого истинного посвященного великих (или даже малых) мистерий не называют в классических работах *adeptus*, но *initiatus* на латыни, и *epopte* на греческом языке. Те же самые *иллюминаты* считались *посвященными* только среди тех братьев, которые более других были сведущи в мистериях своего Общества. И только наименее обученные из них носили имена *мистов* и *адептов* ввиду того, что они были допущены всего лишь на низшие ступени.

Перейдем теперь к термину «посвященный».

Для начала, необходимо сказать, что существует большая разница между глаголом и существительным (*substantif*) этого слова. Профессор посвящает своих учеников в азы некой науки; науки, в которой студент может стать адептом, то есть, сведущим в данной специальности. С другой стороны, адепт в оккультизме сначала *обучается* религиозным мистериям, после чего, если ему удалось благополучно избежать поражения в ходе ужасных испытаний посвящения, он становится ПОСВЯЩЕННЫМ. Лучшие классические переводчики неизменно переводят это с греческого языка такой фразой: «посвященный в великие мистерии», ибо этот термин синонимичен слову *иерофант*, «*тот, кто объясняет священные мистерии*». У римлян слово *initiatus* было эквивалентно слову *mystägōgus*, и оба они были полностью применимы к тому, кто в храме посвящал других в высшие мистерии. Таким образом, он фигурально представлял Мирового Творца. Никто не осмеливался произносить это имя перед непосвященным. Место, где восседал «*initiatus*», было на Востоке, вокруг его шеи обращался глобус. Масоны пытались подражать иерофанту-*initiatus* в своих «освященных веках» и *гроссмейстерах* ложах.

Но может ли ряса сделать человека монахом?

То, что они не удовлетворялись исключительно такой профанацией, достойно сожаления.

Французское, (и английское) существительное «инициация» произошло от латинского слова *initium*, начало. Масоны,

больше уважающие мертвую букву, *что убивает*, чем дух, который животворит, применяли термин «инициат» ко всем своим неофитам, или кандидатам (к начинающим), во всех масонских степенях — как высших, так и низших.

И все же они лучше, чем кто-либо другой, знали о том, что термин *initiatus* относился к 5-ой и высшей степени ордена тамплиеров; что титул *посвященного в мистерии* был 21-ой степенью столичного капитула во Франции; также как титул *посвященного в совершенные мистерии* означал 62-ю степень того же капитула. Зная все это, они, тем не менее, применяли этот титул, сакрализованный и освященный своей древностью, к своим рядовым кандидатам — младенцам (*bambins*) среди «сыновей вдовы». Но коль скоро страсть к нововведениям и изменениям, которые восточный оккультист рассматривает как настоящее кощунство, достигло своего завершения у масонов, есть ли смысл теософам принимать их терминологию?

Мы, последователи Учителей Востока, не имеем ничего общего с современным масонством. Истинные тайны символического масонства утрачены, как это прекрасно доказывает Рагон. Краеугольный камень (*clef de voûte*), основной камень в арке, воздвигнутой первой царственной династией посвященных — десятикратно доисторической, — был поколеблен со времени исчезновения последних мистерий. Работа по разрушению, или скорее подавлению и удушению, начатая Цезарем, была, в конце концов, завершена отцами церкви. Вновь объявившийся, после долгого перерыва, из убежищ Дальнего Востока, священный камень был расколот и, в конце концов, разбит на тысячи кусков.

На кого должна пасть ответственность за это преступление?

На масонов и, в особенности, на тамплиеров — которых преследовали, убивали и насильственно лишили их анналов и письменных статутов? На церковь, которая, присвоив догмы и ритуалы раннего масонства и решив задушить последнее, выдавала их, как и свои собственные искаженные обряды, за единственную ИСТИНУ?

Но как бы то ни было, нет больше масонов, в полном объеме владеющих истиной, объявим ли мы виновным Рим или

же насекомое *Shermah*¹ знаменитого храма Соломона, который современные масоны считают фундаментом и источником происхождения своего ордена.

В течение десятков тысяч лет генеалогическое древо священной науки, которой обладали все народы, оставалось одним и тем же, — поскольку храм этой науки был ЕДИН, и он был воздвигнут на нерушимой скале первоначальных истин. Но масоны последних двух веков предпочитали отделять себя от него. Еще раз, применяя в этом случае метод аллегорий, они разбили куб, который разделился на двенадцать частей. Они отвергли подлинный камень как подделку, и что бы они ни делали с первым — их *краеугольным камнем*, — это, конечно, относилось не к духу, который дарует жизнь, но *было связано лишь с мертвой буквой, которая убивает*.

Или это снова червь Самис (другое имя «насекомого Шермах»), следы которого на отвергнутом камне уже привели к ошибке «строителей Храма», проточил те же самые линии? Но в таком случае то, что было сделано, было сделано совершенно сознательно. Строители, должно быть, знали эту сумму,² судя по этим *тринадцати* линиям или *пяти* поверхностям.

Тем не менее, мы, преданные ученики Востока, предпочитаем всем их камням тот камень, который не имеет ничего общего со всеми остальными ритуальными представлениями масонских степеней.

Мы остаемся верны *Eben Shatijah* (имеющим другое название на санскрите), совершенному кубу, который, содержа

¹ Согласно еврейской традиции, камни, послужившие для строительства храма Соломона (аллегорический символ, понимаемый буквально как нечто, из чего было построено реальное здание), были вырезаны и отполированы не рукой человека, но червем *Самисом*, сотворенным Богом для этой цели. Эти камни таинственным образом были перенесены на место возведения храма, и затем соединены вместе ангелами, которые строили Храм Соломона. Масоны ввели *червя Самиса* в свою легендарную историю и называют его «насекомым Шермах».

² Эта сумма состоит из *разделенного надвое равнобедренного* треугольника — три линии, — со стороны куба в качестве основания; двух разделенных по диагонали квадратов, каждый из которых имеет перпендикулярную линию к центру — шесть линий; двух прямых линий под прямым углом; и разделенного по диагонали квадрата — две линии; в сумме тринадцать линий или пять поверхностей куба.

дельту, или треугольник, замещает имя тетраграмматона кабалистов символом непередаваемого имени.

Мы охотно оставляем масонам их «насекомое», надеясь в то же время, что современная символия, которая движется семимильными шагами, никогда не откроет идентичность червя *Шермах-Самис* с Хирамом Абифом,¹ — что было бы довольно двусмысленным.

Однако, если подумать, это открытие было бы не лишено своей положительной стороны и великого шарма. Идея о черве, который стоял бы во главе масонской генеалогии и был бы архитектором первого храма масонов, сделала бы также из этого червя «прародителя Адама» масонов и превратила бы «сыновей вдовы» в поклонников дарвинизма. Это вновь сблизило бы их с современной наукой, которая лишь ищет доказательства в Природе для подтверждения теории эволюции Геккеля. Какая им, в конце концов, разница, если они утратили тайну своего истинного происхождения?

Не нужно принижать значение этого утверждения, являющегося хорошо доказанным фактом. Я позволю себе напомнить господам масонам, которым попадутся на глаза эти строки, что практически все тайны, относящиеся к *эзотерическому* масонству, исчезли после Илии Ашмола и его прямых наследников. Если они попытаются опровергнуть нас, мы, подобно Иову, скажем им: «Тебя обвиняют уста твои, а не я». (15:6) — «Воистину, твои собственные *книги* свидетельствуют против тебя».

Нашим величайшим тайнам некогда обучали в масонских ложах всего мира. Но их гроссмейстеры и *гуру* погибли один за другим, и все, что было записано в тайных манускриптах — таких, например, как рукопись Николая Стоуна, уничтоженная в 1720 году некими щепетильными братьями, — было предано огню и погибло в период между концом семнадцатого и началом восемнадцатого столетий, как в Англии, так и на материке.

¹ *Хирам Абиф* — библейский персонаж; искусный строитель и «сын вдовы», которого царь Соломон взял с собой из Тира для руководства постройкой храма, и который позднее стал *масонским* персонажем, героем, вокруг которого разыгрывается вся драма или, вернее, *игра* масонского третьего посвящения.

Почему же они были уничтожены?

Некоторые братья в Англии по секрету сообщают друг другу, что это уничтожение было результатом постыдного договора, заключенного между некоторыми масонами и церковью. Здесь недавно умер один старый «брат», крупный каббалист, дедушка которого, прославленный масон, был близким другом графа Сен-Жермена, когда последний был послан Людовиком XV в Англию, чтобы договориться о мире между двумя странами. Граф Сен-Жермен оставил в руках этого масона некоторые документы, имеющие отношение к истории масонства и содержащие ключи ко многим непостижимым таинствам. Он сделал это при условии, что данные документы станут тайным наследством всех потомков этого масона, которые тоже станут масонами. Этими бумагами владели всего два масона, отец и его сын, который недавно умер, и больше никто в Европе не завладеет ими. Перед своей смертью он доверил эти документы уроженцу Востока (индусу), миссией которого было передать их некой персоне, которая придет за ними, чтобы доставить в Амритсу, город бессмертия. Кроме того, по секрету сообщают, что прославленный основатель ложи тринософов, Ж. М. Рагон, был также посвящен во многие мистерии в Бельгии неким уроженцем Востока, и некоторые утверждают, что он знал в своей юности графа Сен-Жермена. Это, вероятно, объясняет, почему автор «*Tuileur General De La Maçonnerie*», или «Устава посвященного», утверждает, что Илия Ашмол был настоящим основателем современного масонства. Никто не знает лучше, чем Рагон, о том, до какой степени утрачены тайны масонства. Как он сам удачно подметил:

«Это вполне естественно для масона, искать свет везде, где, как он полагает, он сможет найти его», — извещает «циркуляр» великого французского поклонника восточной культуры. «Тем временем», — добавляет он, — «масону присваивается славный титул *сына света*, хотя он и остается окутанным мраком».¹

Таким образом, если м-р Папюс, как мы полагаем, следовал масонам в своем определении терминов «адепт» и «посвященный», то он ошибался, ибо нельзя обернуться к «мра-

¹ «Cours Philosophique, etc.», стр. 60.

ку», если сам ты находишься в луче света. Теософия ничего не изобретает и не говорит ничего нового, но лишь преданно повторяет уроки высокой древности. Терминология, введенная пятнадцать лет тому назад в Теософском обществе, истинна, ибо в каждом случае ее термины являются достоверным переводом своих санскритских эквивалентов, почти столь же древних, как и человеческий род. Эта терминология не могла бы быть изменена в наше время, без риска внести в теософские учения весьма прискорбный хаос, столь же прискорбный, сколь и опасный для их чистоты и ясности.

Позвольте особо отметить эти столь истинные слова Рагона:

«Колыбелью посвящения была Индия. Она предшествовала цивилизациям Азии и Греции, и в том, что касается очищения и усовершенствования духа и обрядов людей, она послужила основой для всех законов, гражданских, политических и религиозных».

Слово *посвященный* означает то же, что и *двиджа*, «дваждырожденный» брамин. Надо сказать, что посвящение считалось рождением в новой жизни, или, как говорит Апулей:

«Это есть воскресение к новой жизни, novam vitam inibat».

Во всем остальном лекция мосье Папюса об утверждении Теософского общества превосходна, а проявленная им эрудиция еще более замечательна. Члены нашего Братства выражают ему искреннюю благодарность за объяснения, которые столь же ясны и обоснованны, сколь и интересны.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА НЕИЗВЕДАННОГО

I

В одной древней книге по оккультным наукам написано:

«*Гупта видья* (тайная наука) — это притягательное, но бурное море, полное подводных скал. Мореплаватель, рискнувший путешествовать в нем, если только он не является мудрым и опытным,¹ будет поглощен им, напоровшись на один из тысяч подводный рифов. Огромные волны цвета сапфира, рубина и изумруда, волны, исполненные красоты и тайны, захватят его, готовые унести странника в направлении других, бесчисленных сигнальных огней маяков, светящихся вокруг со всех сторон. Но это ложные огни, блуждающие огоньки, зажженные сынами Калии,² чтобы погубить тех, кто жаждет выжить. Блажен тот, кто остается слеп к этим обманчивым огням, но еще более блажен тот, кто никогда не отвращал своего взора от света единственной истинной Путеводной Звезды, чье вечное пламя в одиночестве пылает в глубинах вод Священной Науки. Бесчисленны странники, стремящиеся войти в эти воды; но лишь немногие плавают столь хорошо, что достигают этого Путеводной Звезды. Тот же, кто попадет туда, перестает быть числом и становится *всеми числами*. Он забывает об иллюзорной обособленности и признает лишь истину коллективной индивидуальности.³ Он видит ушами, слышит гла-

¹ То есть, имеет опыт, приобретенный под руководством *гуру* или Учителя.

² Великий змей, побежденный Кришной и изгнанный из реки Ямуна в море; там змей Калия взял себе в жены существо, подобное сирене, и произвел на свет многочисленное потомство.

³ Иллюзия *персональности* или обособленного *эго*, выдвигаемого эгоизмом на первый план. Одним словом, необходимо как бы «усвоить» или «воспринять» все человечество, жить им, для него и в нем; другими словами, перестать быть «одним» и стать «всеим», или *целым*.

зами,¹ понимает язык радуги и сосредотачивает шесть своих чувств в седьмом».²

«Сигнальный огонь маяка» Истины — это природа без иллюзорного покрова чувств. Ее можно достигнуть лишь тогда, когда адепт становится абсолютным хозяином своей личности, способным контролировать все свои физические и психические чувства при помощи своего «седьмого чувства», посредством которого он наделяется также истинной мудростью богов — *тео-софией*.

Нет надобности говорить, что профаны — непосвященные, *стоящие вне храма*, или *pro-fanes*, — судят о вышеупомянутых «сигнальных огнях» и «Путеводной Звезде» прямо противоположным образом. Для них именно свет Путеводной Звезды оккультной истины есть *ignis fatuus*, великий блуждающий огонек людской иллюзии и человеческой глупости; а все остальные, по их мнению, отмечают милосердные песчаные отмели, которые на время задерживают тех, кто в волнении скитается по морю неразумия и суеверия.

«Разве недостаточно того», — говорят наши любезные критики, — «что мир через «измы» пришел к *теософизму*, который есть не что иное, как трансцендентальное надувательство (*fumisterie*), и разве так уж необходимо, чтобы последний предложил нам еще и *réchauffé* [подогретое кушанье, *франц.*] средневековой магии, с ее великим шабашем и хронической истерией?»

Погодите, погодите, джентльмены! Неужели же, рассуждая о подобных вещах, вы не знаете, что такое *истинная* магия

¹ Ведическое выражение. В оккультизме есть семь чувств, включая два мистических; однако посвященный отделяет одно из этих чувств от другого не в большей степени, чем он обособляет свое единство от человечества. Каждое из этих чувств содержит в себе все остальные.

² Символизм цвета. Язык призмы, в которой «каждый из семи материнских цветов имеет семь сыновей», т. е. 49 оттенков, или «сынов», между семью основными цветами, которые соответствуют такому же количеству букв, или знаков алфавита. Таким образом, язык цветов состоит для *посвященного* (не следует путать его с *адептом*; см. мою статью «Опасный сигнал») из пятидесяти шести букв. Каждая семерка этих букв поглощается материнскими цветами, а сами материнские цвета в конце концов растворяются в белом луче, Божественном Единстве, символизируемом этими цветами.

или оккультные науки? Вы позволили в ваших школах забить вам головы суждениями доброго отца Иринейя, чересчур ревностного Феодорита и неизвестного автора «Философумен» о «*дьявольском колдовстве*» Симона Мага и его ученика Менандра. Вы допустили высказывание с одной стороны, что эта магия исходит от дьявола, а с другой — что она является результатом обмана и глупости. Прекрасно. Но что тогда вам известно об истинном характере системы, которой следовали Аполлоний Тианский, Ямвлих и другие *маги*? И каково ваше мнение об идентичности теургии Ямвлиха с «магией» Симона и Менандра? Ее истинный характер лишь наполовину был открыт автором «*Liber de mysteriis*». ¹ Тем не менее, его объяснений было достаточно, чтобы обратить Порфирия, Плотина и других, кто из врагов *эзотерической теории* стали ее самыми горячими приверженцами. Истинная магия, теургия Ямвлиха, идентична, в свою очередь, с гнозисом Пифагора, ἡ γνῶσις τῶν ὄντων, наукой о том, что есть, и с божественным экстазом *филалетриан*, «любителей истины». Но о дереве стоит судить лишь по его плодам. Кто они, те, кто свидетельствует о божественном характере и реальности того экстатического состояния, которое в Индии называется *самадхи*? ² Целый ряд людей, которые, будь они христианами, были бы канонизированы — не по решению церкви, имеющей свои пристрастия и предубеждения, но по решению народного большинства и *vox populi* [гласа народа, *лат.*], который редко ошибается в своих суждениях. Например, Аммоний Саккас, называемый *теодидактом*, «богопросвещенным»; великий учитель, чья жизнь была столь строга и чиста, что Плотин, его последова-

¹ Сочинение Ямвлиха, использовавшего имя своего учителя, египетского жреца Аваммона, в качестве псевдонима. На греческом языке оно называется:

Ἰάμβλιχος διδασκάλος πρὸς τὴν Πορφύριον πρὸς Ἄνεβῶ ἐπιστολὴν ἀποκρίσις, καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορημάτων λύσεις.

² Самадхи — это состояние абстрактного созерцания, определенное на санскрите терминами, каждый из которых потребовал бы целого предложения для собственного объяснения. Это ментальное, или, точнее, духовное состояние, не зависящее от какого-либо воспринимаемого органами чувств объекта, во время которого *субъект*, растворенный в царстве чистого духа, пребывает в *Божественности*.

тель, не имел ни малейшей надежды когда-либо лицезреть другого смертного, сравнимого с ним. Затем, тот же самый Плотин, который был для Аммония тем же, кем был Платон для Сократа — учеником, достойным добродетелей своего прославленного учителя. Далее, Порфирий, последователь Плотина,¹ автор биографии Пифагора. Под сенью этого божественного гнозиса, благотворное влияние которого распространяется до наших дней, развивались все прославленные мистики последующих веков, такие как Якоб Бёме, Эммануэль Сведенборг и многие другие. Женский двойник Ямвлиха — мадам Гийон. Христианские квиетисты, мусульманские суфии, розенкрейцеры всех стран утоляли свою жажду водами из этого неиссякающего источника — теософии неоплатонизма первых веков христианской эры. Однако гнозис существовал и до начала этой эры, ибо он был прямым продолжением *гунта видьи* («тайного знания» или «знания Брахмана») древней Индии, переданной через Египет, точно так же, как теургия филалетиаи была продолжением египетских мистерий. В любом случае, точка, от которой отправляется эта *дьявольская* магия — Высшая Божественность; ее конечная и начальная цель — соединение божественной искры, одушевляющей человека, с породившим ее огнем, Божественным Всем.

Эта цель — *ultima Thule* [крайний предел, *лат.*] тех теософов, кто поставил всего себя на службу человечеству. Остальные же, те, кто еще не готов принести себя в жертву, могут заниматься трансцендентными науками, такими как мезмеризм, и всеми видами современных феноменов. Они имеют право делать это в соответствии с пунктом, который определяет как одну из целей Теософского общества «изучение необъясненных законов природы и *психических сил, скрытых в человеке*».

Первых совсем немного — совершенный альтруизм является *rara avis* [редкой птицей, *лат.*] даже среди современных теософов. Остальные члены вольны заниматься тем, чем они

¹ Являясь в течение 28 лет гражданином Рима, он был столь добродетельным человеком, что сироты богатейших патрициев почитали за честь иметь его своим опекуном. Он умер, так и не нажив за эти 28 лет ни одного врага.

пожелают. Не принимая все это в расчет, и не обращая внимание на тот факт, что наше *поведение* совершенно открыто, искренне и лишено таинственности, нас постоянно призывают объясниться и удостоверить публику, что мы не проводим знаменитых шабашей ведьм, или не изготавливаем метловища для определенного использования теософами. Иногда дело приобретает почти гротескный характер. Даже если нас и не обвиняют в изобретении нового «изма» — *религии*, возникшей в глубинах больного мозга — или в обмане, то осуждают за то, что, применяя искусство Цирцеи, мы соблазняем людей и животных. Градом сыплются на Теософское общество насмешки и издевательства. Тем не менее, оно стоит непоколебимо уже четырнадцать лет, на протяжении которых постоянно происходят такие вещи; поистине, это — «крепкий орешек».

II

При всем том, критики, которые судят лишь по внешности, не во всем неправы. Есть теософия и теософия: истинная теософия журнала «Теософист», и теософия одного из членов одноименного Общества. Что знает мир об истинной теософии? Как может он отличить, где Плотин, а где лжебратья? Их в Обществе намного больше, чем оно того заслуживает. Эгоизм, тщеславие и самодовольство большинства смертных — невероятны. Существуют такие люди, для которых их маленькая *персона* заключает в себе всю вселенную, за пределами которой нет никакого спасения. Намекните одному из них, что альфа и омега мудрости не ограничена пределами его или ее мозга, что его суждение не совсем совпадает с Соломоновым, и сразу же он обвинит вас в *анти*-теософии. Вас обвинят в богохульстве против Духа, которое не будет прощено ни в этом веке, ни в последующем. Такие люди говорят: «теософия — это я», подобно тому, как сказал Людовик XIV: «государство — это я». Они рассуждают о братстве и альтруизме, а в действительности пекутся лишь о том, что более не заботит никого, — о самих себе, другими словами, о своих маленьких «я». Их эгоизм заставляет их воображать, что лишь

они одни представляют храм теософии, и что, проповедуя себя всему миру, они проповедуют теософию. Увы! Двери и окна этого «храма» ничем не лучше столь многочисленных каналов, по которым привносятся, но очень редко выводятся грехи и иллюзии, характерные для эгоистических посредственностей.

Такие люди — это термиты Теософского общества, которые подтачивают его фундамент и представляют для него постоянную угрозу. И лишь когда они покинут его, можно будет дышать свободно.

Они никогда не смогут дать правильное представление о практической теософии, а тем более о трансцендентной теософии, которая занимает умы лишь очень узкой группы избранных. Любой из нас обладает способностью, внутренним чувством, известной как *интуиция*, но сколь немного тех, кто знает, как развить ее! Однако это единственная способность, при помощи которой можно увидеть людей и предметы в их истинном свете. Это *инстинкт души*, возрастающий в нас пропорционально тому, как мы его используем, который помогает нам воспринимать и понимать реальные и абсолютные факты намного более явственно, чем это возможно при использовании наших обычных органов чувств и нашего рассудка. То, что называется здравым смыслом и логикой, позволяет нам видеть внешний облик вещей, очевидный каждому. *Инстинкт*, о котором я говорю, будучи проекцией нашего воспринимающего сознания, проекцией, которая действует в направлении от субъективного к объективному, а не наоборот, пробуждает в нас духовные чувства и силу действовать; эти чувства ассимилируют в себя сущность объекта или наблюдаемого действия и представляют их нам такими, какими они являются в реальности, а не такими, какими они кажутся нашим физическим органам чувств или нашему холодному рассудку. «Мы начинаем с *инстинкта*, мы заканчиваем *всеведением*», — говорит профессор А. Уилдер, наш старейший коллега. Эту способность описывал Ямвлих, и некоторые теософы смогли понять истинность его описания.

«Существует», — по его словам, — «в человеческом разуме способность, неизмеримо превосходящая все то, что прививается или

порождаются в нас. С ее помощью мы можем достичь единства с высшими умами, обнаруживая себя вознесенными над ареной этой земной жизни и приобщаясь к высшему бытию и сверхчеловеческим силам обитателей небесных сфер. Благодаря этой способности мы освобождаемся, в конце концов, от владычества рока [кармы], и становимся, так сказать, арбитрами своей собственной судьбы. Ибо когда наиболее возвышенная наша часть наполняется энергией, и когда душа наша возносится к тому, что превосходит знание, она всецело обособляется от условий, которые держат ее в оковах повседневной жизни; она меняет свое обычное бытие на другое и отказывается от условных привычек, принадлежащих к внешнему порядку вещей, чтобы отдать себя и соединиться с другим порядком, который управляет этим наивозвышенным состоянием бытия...»¹

Платон ту же самую идею выражает следующим образом:

«Божественный свет и дух — это крылья души. Они возносят ее в общении с богами, поднимая над этой землей, которая с такой легкостью пятнает дух человеческий... Стать богоподобным означает стать святым, справедливым и мудрым. Это цель, ради которой был сотворен человек, и к которой он должен стремиться в приобретении знания».²

Такова истинная, сокровенная теософия, или теософия души. Но, преследуя эгоистическую цель, теософия меняет свой характер и становится *демонософией*. Именно поэтому восточная мудрость учит нас, что индусский йог, уединившийся в недоступном лесу — подобно христианскому отшельнику, удалившемуся, что в прежние времена было обыденным, в пустыню, — по сути, законченный эгоист. Первый действует с единственной мыслью найти в единой сущности нирваны убежище от реинкарнации, другим движет единственная идея спасения собственной души, — оба они думают только о себе. Их мотивы являются всецело личными; ибо, даже если предположить, что они достигли своей цели, разве не подобны они трусливым солдатам, бросающим свой полк в тот момент, когда он идет в атаку, чтобы защитить себя от пуль? Изолируя себя от остальных, ни йог, ни «святой» не поможет никому, кроме самого себя; напротив, оба они показы-

¹ Ямвлих, «Liber de mysteriis», VIII, 6-7.

² Федр, 246 d, e; Тезтет, 176 b.

вают свое глубокое безразличие к судьбе человечества, которое они покинули. На горе Афон, возможно, и живет небольшое число искренних фанатиков; тем не менее, даже они невольно покинули тот путь, который только и мог привести их к истине, — крестный путь Голгофы, на котором каждый добровольно несет крест человечества, и ради человечества. В действительности же это гнездо самой грубейшей формы эгоизма; именно к таким местам относится высказанное Адамсом замечание о монастырях:

«Это уединенные образования, которые, кажется, удалились от остального человечества ради единственного удовольствия общения *tête-à-tête* [с глазу на глаз, *франц.*] с дьяволом».

Гаутама Будда оставался в одиночестве лишь столько времени, сколько было необходимо для достижения истины, распространению которой он посвятил с тех пор всего себя без остатка, питаясь подаянием и живя ради человечества. Иисус удалился в пустыню лишь на сорок дней и умер ради того же человечества. Аполлоний Тианский, Плотин и Ямвлих, проводя свою жизнь в строгом воздержании, почти аскетическом, жили в миру и *для* мира. Величайшие аскеты и *святые* наших дней — это не те, кто удалился в недоступные места, но те, кто проводит свою жизнь, странствуя из одного места в другое, творя добро и пытаясь возвысить человечество; хотя они могут избегать Европы, а также тех цивилизованных стран, где никто не видит и не слышит никого, кроме самого себя, стран, разделенных на два лагеря — Каина и Авеля.

Те, кто рассматривает человеческую душу как эманацию Божества, как частицу или луч универсальной и АБСОЛЮТНОЙ души, понимает притчу о *талантах* намного лучше, чем сами христиане. Тот, кто зарывает в землю *талант*, данный ему его «Господом», потеряет этот талант, как теряет его аскет, сокрывший его в своей голове, чтобы «спасти свою душу» в эгоистическом одиночестве. «Добрый и верный раб», который удваивает свой капитал, вырастив урожай для *того, кто не сеял*, потому что у него не было возможности сделать это, и который собирает жатву там, где бедный не смог посеять зерна, поступает как истинный альтруист. Он получит возна-

граждение просто потому, что трудился ради другого, без какой-либо мысли о воздаянии или признании. Такой человек является альтруистическим теософом, тогда как другой — эгоист и трус.

Свет Путеводной Звезды, к которому прикованы взоры всех истинных теософов, это тот же свет, к которому во все века пробивалась плененная человеческая душа. Это Путеводная Звезда, которая сияет не над земными морями, но отражается в темных глубинах предвечных вод безграничного пространства, называемого нами, как и древнейшими теософами, «Божественной Мудростью». Это последнее слово эзотерической доктрины. Разве существовала в древности хотя бы одна страна, по праву называемая цивилизованной, которая не имела бы двойную систему МУДРОСТИ, одну для масс, а другую для избранных, экзотерическую и эзотерическую? Эта МУДРОСТЬ, или, как мы иногда говорим, «религия мудрости», или *теософия*, столь же стара, как и человеческий разум. Титул *мудрецы* — первослужители этого культа истины — был ее первой производной. Эти названия трансформировались впоследствии в термины *философия* и *философы* — «любители знания» или мудрости. Именно Пифагору обязаны мы этим названием, а также словом *гнозис*, системой ἡ γνῶσις τῶν ὄντων, «познания вещей такими, какие они есть», или их сущности, сокрытой за внешним обликом. Этим именем, столь благородным и точным, все учителя древности обозначали совокупность человеческого и божественного знания. Мудрецы и брахманы Индии, маги Халдеи и Персии, иерофанты Египта и Аравии, пророки, или *нэвиим*, Иудеи и Израиля, а также философы Греции и Рима, все они выделяли два подразделения в этой особой науке — *эзотерическое*, или истинное, и *экзотерическое*, скрытое при помощи символов. До наших дней еврейские раввины называют термином *Меркава* «тело» или «повозку» своей религиозной системы, которая содержит внутри себя высшие науки, доступные лишь для посвященных, и служит для них лишь оболочкой.

Нас обвиняют в таинственности и упрекают за то, что мы держим в секрете высшую теософию. Мы убеждены, что доктрина, которую мы называем *гупта видья* (тайная наука),

предназначена лишь для немногих. Но разве существовали в древние времена такие учителя, которые не хранили бы в тайне свои учения, опасаясь их профанации? Начиная от Орфея и Зороастра, Пифагора и Платона, до розенкрейцеров и еще более близких к нам по времени масонов, обязательным правилом было то, что ученик должен завоевать доверие учителя, прежде чем получит от него высшее и последнее слово. Уже в самых древних религиях существовали свои великие и малые мистерии. Неофиты и новообращенные обязательно давали нерушимый обет, прежде чем они будут приняты. Ессеи Иудеи и горы Кармил требовали того же. *Наби* [набатейяне] и *назары* [назорей] («первообособленные» Израиля), подобно мирским *чела* и *брахмачаринам* Индии, сильно отличались друг от друга. Первые из них могли жениться и оставаться в миру, изучая до определенного момента священные писания; вторые же, *назары* и *брахмачарины*, уже были целиком *погружены* в таинства инициации. Великие школы эзотеризма были интернациональны, хотя и весьма замкнуты, что доказывает тот факт, что Платон, Геродот и другие, чтобы получить посвящение, совершили путешествие в Египет; тогда как Пифагор сначала посетил брахманов Индии, затем остановился в египетском святилище и, в конце концов, был посвящен на горе Кармил. Иисус следовал традиционному правилу и оправдывал свою скрытность, приводя известную заповедь:

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [От Матфея, 7:6].

Некоторые древние сочинения, известные библиофилам, персонифицируют МУДРОСТЬ, изображая ее эманацией из ЭЙН-СОФ, Парабрахмана еврейских каббалистов, помощником и спутником проявленного божества. Отсюда и ее сакральный характер у всех народов. Мудрость неотделима от божественности. Точно так же и *Веды* исходят из уст индусского Брами (*логоса*). Будда происходит от *Будха*, «Мудрости», божественного разума. Вавилонский *Нэво*, мемфисский *Тот*, греческий Гермес, — все они были богами эзотерической мудрости.

1 реческая Афина, египетские Метис и Нейт были прототипами Софии-Ахамот, женской мудрости гностиков. Самаритянское *Пятикнижие* называет книгу *Бытия* — *Акамоот*, или «Мудрость», что мы наблюдаем и в случае двух фрагментов очень древних манускриптов: *Премудрости Соломона* и *Премудрости Йасея* (Иисуса). Книга, известная как *Машалим*, или «Рассуждения и притчи Соломона»,¹ персонифицирует Мудрость, называя ее «помощником (Логоса) творца», в следующих выражениях (я перевожу буквально):

1(a)HV(e)H владел мной с самого начала.²
И все же я был *первой эманацией* в вечностях.
Я появился из все-древности, предвечного. —
Из первого дня земли;
Я родился прежде великой бездны.
И когда не было ни источников, ни вод.
Когда возводились небеса, я был там.
Когда он проводил круг на поверхности бездны,
Я был там с ним, Амун.
Я был его восторгом, день за днем.³

Этот текст эзотеричен, подобно всему, что относится к личным богам народов. БЕСКОНЕЧНОЕ не может быть известно нашему разуму, который может лишь разделять и определять; но мы всегда можем получить о нем абстрактное представление благодаря способности, которая выше нашего разума, — *интуиции*, или духовному инстинкту, о котором я уже говорила. Великие посвященные, которые обладают редкой силой вводить себя в состояние *самадхи* — термин, который лишь весьма несовершенно можно перевести словом *экстаз*, состояние, в котором человек перестает быть обуслов-

¹ Слово *Машалим*, множественное число от *Машаль*, означает «пример», «басня», «аллегория», т. е. учение, которое иллюстрируется. На иврите Притчи Соломона называются *Мишлей Шломо*. — *Прим. редактора*.

² הָאֵלֹהִים, или Яхве (Иегова) — это Тетраграмматон, следовательно, эманированный Логос и творец; ВСЕ, безначальное и бесконечное, или Эйн-Соф в своем качестве АБСОЛЮТА, неспособно ни творить, ни желать творения.

³ Канонический текст см. в Притчах Соломона, 8:22-30. — *Прим. редактора*.

ленным и личным «Я» и становится единым со ВСЕМ, — единственные, кто может гордиться тем, что вступили в контакт с *бесконечным*; но описать это состояние словами они способны не больше, чем остальные смертные...

Эти немногие характеристики истинной теософии и ее практики были очерчены для тех немногочисленных наших читателей, кто одарен необходимой интуицией. Что же до остальных, они либо не поймут нас, либо посмеются над нами.

III

Знают ли вообще наши любезные критики, над чем они смеются? Имеют ли они хотя бы малейшее представление о той работе, которая происходит в мире, и о тех ментальных переменах, производимых теософией, над которой они насмеются? Прогресс, достигнутый благодаря нашей литературе, очевиден, и, благодаря неустанному труду ряда теософов, его начинают признавать даже наиболее слепые. Немало людей убеждены в том, что теософия станет в будущем философией или моральным кодексом, если не религией. Реакционеры, очарованные *dolce far niente* [сладостным бездельем, *ит.*] консерватизма, чувствуют это, отсюда ненависть и преследования, которые использует их критика для своих целей. Но критика, введенная Аристотелем, далека от этого примитивного стандарта. Древние философы, эти возвышенные невежды с точки зрения современной цивилизации, когда они критиковали некую систему или некое сочинение, делали это беспристрастно и с единственной целью улучшить и усовершенствовать то, что они считали ошибкой или недостатком. Сначала они изучали проблему, а затем ее анализировали. Тем самым они оказывали услугу, что признавалось и принималось обеими партиями. Всегда ли следует современная критика этому золотому правилу? Совершенно очевидно, что нет. Наши современные судьи находятся намного ниже даже уровня философской критики Канта. Критика, принявшая в качестве собственного канона непопулярность и предвзятость, заменила критику «чистого разума»; и критик, в конце концов, разрывает в клочья своими зубами все то, чего он не понимает, а осо-

бенно то, чего он ни в малейшей степени понять и не пытается. В прошлом столетии — золотом веке гусиных перьев — критику громили достаточно часто; но все же надо воздать ей должное. Можно было заподозрить жену Цезаря, но ее никогда не осуждали, не выслушав ее оправданий. В наш век монтионовских премий¹ и публичные статуи возводятся тому, кто изобрел самую смертоносную военную машину; сегодня, когда стальное перо заменило своего более скромного предшественника, клыки бенгальского тигра или зубы ужасного нильского крокодила наносят намного менее глубокие раны, чем стальное перо современного критика, практически всегда абсолютно неосведомленного о том, что он столь тщательно разрывает на куски.

Быть может, кому-то будет утешительно узнать, что большинство наших литературных критиков, заокеанских и европейских, это бывшие графоманы и рифмоплеты, потерпевшие *фиаско* в литературе и ныне мстящие за свою посредственность всему, что встречается на их пути. Слабое вино, безвкусное и перебродившее, почти всегда превращается в крепкий уксус. К сожалению, репортеры нынешней прессы в целом (бедные «невидимки», жаждущие подняться по служебной лестнице), которым мы выражаем сочувствие по поводу малого их продвижения, являются нашими и не только нашими злейшими критиками. Фанатики и материалисты — агнцы и религиозные козлы отпущения — в свою очередь помещают нас в их *index expurgatorius* [перечень книг, чтение которых допускается римско-католической церковью только после изъятия нежелательных мест, *лат.*], наши книги изгоняются из их библиотек, наши периодические издания бойкотируются, а самих нас подвергают полному ostracismu. Один ханжа, понимая *буквально* библейские чудеса, эмоционально переживает ихтиографические изыскания Ионы, проводимые им во чреве кита, или транс-эфирное путешествие Илии, улетающего, подобно саламандре, на своей огненной колеснице, и тем не менее считает теософов *рассказчиками*

¹ Премии, учрежденные во Франции в восемнадцатом веке бароном Антуаном де Монтионом (1733-1820), французским филантропом, для награждения тех, кто тем или иным образом облагодетельствовал других людей. — *Прим. редактора.*

небылиц и мошенниками. Другой — *âme damnée* [рабски преданный, франц.] Геккелю, — проявляя *слепое доверие*, как тот же фанатик, в своей вере в происхождение человека и гориллы от общего предка (учитывая полное отсутствие в природе какого-либо связующего звена), надрывается от хохота, обнаружив, что его сосед верит в оккультные феномены и психические проявления. Тем не менее, ни фанатик, ни человек науки, ни даже академик, причисленный к «бессмертным», не могут объяснить нам даже самую незначительную из проблем бытия. Метафизик, который на многовековом опыте изучал феномен бытия в его первопринципах, и который с сожалением улыбнулся бы, слушая теософские «бредни», затруднился бы объяснить нам философию или даже причину снов. Кто из них может сказать нам, почему все умственные операции, кроме *рассудочного мышления* — единственной функции, действие которой приостанавливается и парализуется, — продолжают осуществляться во время сна с той же силой и энергией, как и во время бодрствования? Ученик Герберта Спенсера отослал бы к биологу того, кто прямо задал бы ему этот вопрос. Биолог, для которого пищеварение есть *альфа* и *омега* любого сна — так же как и *истерия*, этот великий Протей, имеющий тысячу форм, который присутствует во всех психических феноменах, — никоим образом не удовлетворил бы нас. Несварение желудка и истерия фактически являются сестрами-близнецами, двумя богинями, вознесенными на алтарь современным физиологом, который ощущает себя здесь настоящим жрецом. Это его личное дело, до тех пор, пока он не касается кумиров своих ближних.

Из всего этого следует, что до тех пор, пока христиане характеризуют теософию как «проклятую науку» и запретный плод; пока человек науки не видит в метафизике ничего, кроме «владения безумного поэта» (Тиндаль); пока репортер дотрагивается до нее лишь отравленными щипцами; и пока миссионеры ассоциируют ее с идолопоклонством «отсталых индусов», из всего этого следует, утверждаем мы, что с бедной *тео-софией* обращаются столь же позорным образом, как и в те времена, когда древние называли ее ИСТИНОЙ — изгоняя и ссылая ее при этом на самое дно колодца. Даже «христианские» каббалисты, которые любят всматриваться в темные

воды этого глубокого колодца, хотя они и не видят там ничего, кроме отражения своих собственных физиономий, ошибочно принимаемого ими за Истину, даже каббалисты воюют против нас!.. Тем не менее, все это не повод для того, чтобы теософия не могла высказаться в свою защиту и в свое оправдание; или чтобы она перестала утверждать свое право быть выслушанной; или чтобы ее лояльные и преданные слуги отказались от своего долга, приветствуя собственное поношение.

«Проклятая наука», говорите вы, господа ультрамонтаны? ¹ Однако вы должны помнить, что древо познания прививается к древу жизни; что тот плод, который вы объявляете «запретным», и который вы уже восемнадцать веков провозглашаете причиной первородного греха, принесшего смерть в этот мир, что этот плод, цветок которого распустился на бессмертной ветви, питался тем же самым стволом, и что это единственный плод, способный обеспечить нам бессмертие. А вы, господа каббалисты, либо просто не знаете, либо намеренно отрицаете тот факт, что аллегория о земном рае столь же стара, как мир, и что это древо, этот плод и грех имели некогда намного более глубокое и философское значение, чем они имеют сегодня, поскольку тайны посвящения утрачены.

Протестантизм и ультрамонтаны выступают против теософии, как и против всего того, что не исходит от них самих; так кальвинизм противостоит замене двух своих фетишей, еврейской Библии и субботы, Евангелием и христианским воскресеньем; так Рим выступает против светского образования и масонства. Однако век буквального понимания и теократии прошел. Мир должен продвигаться вперед под страхом стагнации и смерти. Ментальная эволюция протекает *pari passu* [соревнуясь, *франц.*] с эволюцией физической, и обе они стремятся к ЕДИНОЙ ИСТИНЕ, которая является сердцем, как эволюция — кровью, организма человечества. Пусть кровообращение на мгновение прекратится — сердце остановится, и человеческая машина прекратит свое существование! И именно слуги Христовы хотят убить, или, по крайней мере,

¹ Странники абсолютного авторитета римского папы. — *Прим. редактора.*

парализовать Истину ударом дубинки, именуемой «буквой, которая убивает»! То, что Колридж сказал о политическом деспотизме, еще в большей степени приложимо к деспотизму религиозному. Если церковь не уберет свою тяжелую длань, *volens-volens* [волей-неволей, лат.] давящую подобно ночному кошмару на угнетенные души миллионов верующих, чей разум парализован в тисках суеверия, то эта ритуалистическая церковь осуждена *уступить свое место религии* и — умереть. Скоро она должна будет сделать выбор. Ибо как только люди узнают об истине, которую она столь тщательно скрывает, произойдет одно из двух: либо церковь погибнет *от рук* народа; либо, если массы останутся в невежестве и рабстве у мертвой буквы, она погибнет *вместе* с народом. Проявят ли слуги вечной истины, из которой они сделали белку, крутящуюся в церковном колесе, достаточно альтруизма, чтобы выбрать первую из двух этих неизбежных альтернатив? Кто знает?

Я повторяю: лишь правильно понятая теософия может уберечь мир от отчаяния, еще раз проведя социальную и религиозную реформу, осуществленную некогда Гаутамой Буддой; мирную реформу, без единой пролитой капли крови, позволяющую каждому сохранить веру своих отцов, если он того пожелает. Делая это, человеку следует лишь устранить паразитические ростки человеческих подделок, которые душат сегодня все религии и культы во всем мире. Пусть он признает лишь сущность, одинаковую во всех религиях, а именно — тот дух, который дарует жизнь человеку, в коем он обитает, и наделяет его бессмертием. Пусть каждый человек, устремленный к добру, найдет свой идеал — свою указующую звезду. Пусть он следует ей, не уклоняясь от своего пути, и, вне всякого сомнения, он достигнет «света Путеводной Звезды» жизни — ИСТИНЫ; неважно, ищет и находит ли он его в колыбели или на дне колодца.

IV

Смейтесь же над наукой наук, не зная даже ее первого слова! Нам скажут, что это право наших критиков. Я рада это слышать. Действительно, если бы люди всегда говорили только

о том, что они понимают, они говорили бы одну лишь правду, и это не было бы столь забавно. Когда я читаю написанную в последнее время критику теософии — пахнущие дурным вкусом банальности и шутки в адрес самой величественной и возвышенной философии во всем мире, лишь один из аспектов которой содержится в благородной этике филалетиаиан, — я задаюсь вопросом, понимали ли когда-либо академии какой-либо страны теософию александрийских философов лучше, чем они понимают сегодня нас? Что им известно, что может быть им известно об универсальной теософии, если они не прошли обучение у Учителей Мудрости? И обладая столь слабым познанием Ямвлиха, Плотина и даже Прокла, то есть теософии третьего и четвертого веков, эти люди все же с гордостью за себя высказывают суждения о неотеософии девятнадцатого столетия.

Мы утверждаем, что теософия, так же как теософия Плотина и Ямвлиха, включая мистерии древнего Египта, пришла к нам с дальнего Востока. Действительно, разве не говорят нам Гомер и Гесиод, что древние египтяне, согласно их описаниям, были «восточными эфиопами», *пришедшими с Ланки, или Цейлона?* Ибо является общепризнанным фактом, что люди, которых оба эти автора называют восточными эфиопами, были никем иными, как колонией весьма темнокожих арийцев, дравидов Южной Индии, которые принесли с собой в Египет уже существовавшую тогда цивилизацию. Это происходило в те доисторические времена, которые барон Бунзен называет *pre-Menite* (до Менесовыми),¹ однако они имели свою собственную историю, которую можно найти в древних *Анналах* Куллука-Бхатта. Кроме того, и без эзотерических учений, закрытых от насмехающейся публики, исторические исследования полковника Вэнса Кеннеди, главного соперника-санскритолога в Индии д-ра Уилсона, показывают нам, что доассирийская Вавилония была родиной брахманизма, а санскрит — жреческим языком.² Мы знаем также, если ве-

¹ Менес, древнеегипетский царь, правивший в третьем тысячелетии до Р. Х. — *Прим. редактора.*

² Очевидно, имеются в виду две работы Вэнса Кеннеди: «Исследование происхождения и близости основных языков Азии и Европы», 1828 г.; и «Исследования характера и близости античной и индийской мифологии», 1831 г. — *Прим. редактора.*

ритель книге Исход, что задолго до времени Моисея в Египте были свои священники, свои иерофанты и маги; так сказать, еще до XIX-ой династии. Наконец, Бругш-бей видит во многих египетских богах иммигрантов из земель, расположенных за Красным морем и бескрайними водами Индийского океана.

Так или иначе, теософия — это прямой потомок великого древа универсального ГНОЗИСА, древа, густые ветви которого, раскинувшись вокруг всей земли подобно огромному балдахину, в течение долгого времени — которое библейская хронология предпочитает называть допотопным — укрывали своей тенью все храмы и все народы земли. Этот Гнозис представляет собой совокупность всех наук, вобравших в себя *знание* всех богов и полубогов, воплотившихся на земле в прежние времена. Кое-кто склонен видеть в них падших ангелов и врагов рода человеческого; это те сыны Божьи, кто, увидев красоту дочерей человеческих, взяли их себе в жены и одарили их всеми тайнами неба и земли. Пусть так. Мы верим в аватары и в божественные династии, в существование эпохи, когда действительно были «гиганты на земле», но мы решительно отвергаем идею о «падших ангелах», о Сатане и его воинстве.

«Какова же тогда ваша религия или ваша вера?» — спрашивают нас. — «Какому учению вы оказываете предпочтение?»

«ИСТИНЕ», — отвечаем мы. Истине, везде, где мы ее находим; ибо, подобно Аммонию Саккасу, наша главная цель — примирить друг с другом разные религиозные системы, помочь каждому человеку отыскать истину, как в своей собственной религии, так и в религии своего ближнего. Какая разница как назвать вещь, если речь идет об одном и том же? Плотин, Ямвлих и Аполлоний Тианский, все они, по свидетельству современников, обладали чудесным даром пророчества, ясновидения и исцеления, хотя и принадлежали к трем разным школам. Пророчество было искусством, культивируемым эссеями и *беним навим* у евреев, так же как и жрецами языческих оракулов. Ученики Плотина приписывали своему учителю владение чудотворными силами. Филострат пишет то же самое про Аполлония, также и Ямвлих имел репутацию

превзошедшего всех остальных эклектиков в области теософской теургии. Аммоний заявлял, что вся нравственная и практическая мудрость содержится в книгах Тота, или Гермеса Трисмегиста. Но слово «Тот» означает «коллегию», школу или собрание, и сочинения с подобным названием, согласно *теодидакту*, были идентичны с доктринами мудрецов дальнего Востока. Если Пифагор получил свои знания в Индии (где он по сей день упоминается в древних манускриптах под именем Яваначарья,¹ «греческий Учитель»), Платон извлек его из книг Тота-Гермеса. Каким же образом юный Гермес — пастушеский божок, прозванный «добрым пастырем», — покровитель гадания и ясновидения, отождествился с Тотом, обожевленным мудрецом и автором «Книги мертвых»? Лишь эзотерическая доктрина может объяснить это ориенталистам.

В каждой стране есть свой Спаситель. Тот, кто факелом знания рассеял тьму неведения, тем самым открыв для нас истину, заслуживает этого титула, как знака нашей благодарности, не меньше, чем тот, кто спасает нас от смерти, исцеляя наши тела. Он пробуждает в наших оцепеневших душах способность отличать правду от лжи, зажигая в ней до сих пор отсутствовавший там божественный огонь, и он имеет полное право на благодарное почитание с нашей стороны, ибо он становится нашим творцом. Не все ли равно, что за имя или символ персонифицирует абстрактную идею, если эта идея при всех обстоятельствах неизменна и истинна? Носит ли данный конкретный символ одно имя или другое, имеет ли Спаситель, в которого мы верим, земное имя: Кришна, Будда, Иисус или Эскулап (также называемый «Спасителем-Богом», Σωτήρ), мы должны помнить лишь об одном — символы божественной истины были изобретены не для насмешек невежд; они суть *альфа* и *омега* философской мысли.

Теософия — это путь, который ведет к Истине, во всякой религии и во всякой науке; оккультизм — это, так сказать, пробный камень и универсальный растворитель. Это нить Ариадны, даваемая учителем ученику, который отважно вступает в лабиринт таинств бытия; факел, светящий ему во всех

¹ Термин, который происходит от слов: *явана*, или «иониец», и *ачарья*, «преподаватель или учитель».

опасных перипетиях жизни, этой вечной загадки Сфинкса. Но свет, испускаемый этим факелом, может различить лишь глаз пробужденной души, наши духовные чувства; он слепит глаза материалиста, как солнце ослепляет сову.

Не имея ни догмы, ни ритуала — ибо это всего лишь пути, материальное тело, в котором задыхается душа, — мы не практикуем «церемониальную магию» западных каббалистов; мы слишком хорошо осведомлены о ее опасностях, чтобы иметь с ней какое-либо дело. В Теософском обществе каждый член волен изучать то, что он пожелает, при условии, что он не будет безрассудно идти неведомыми путями, которые неизбежно приведут его к *черной магии*, колдовству, от чего столь настойчиво предостерегал общественность Элифас Леви. Оккультные науки опасны для того, кто неправильно их понимает. Любой, кто занимается этими практиками в одиночку, подвергает себя риску сойти с ума, и тем, кто их изучает, полезно объединиться в небольшие группы от трех до семи человек. Таких групп должно быть нечетное число, чтобы они имели большую силу; группа, сколь бы слабо сплоченной она ни была, образует единое тело, в котором чувства и восприятия отдельных его членов дополняют и взаимно помогают друг другу, причем один член предоставляет другому то качество, в котором тот нуждается, — такая группа всегда становится в результате совершенным и непобедимым телом. «Единство — это сила». Нравоучительная история о старике, завещавшем своим сыновьям неделимую связку прутьев, — это истина, которая всегда останется аксиомой.

V

«Ученики (лану) закона *Алмазного Сердца* (магии) помогут друг другу в своих уроках. Грамматик поможет тому, кто ищет душу металлов (химику)», и т. д., и т. д.¹

Невежды посмеются, если им сказать, что в оккультных науках алхимик может быть полезен филологу и наоборот. Возможно, они поняли бы это лучше, если уточнить, что этим

¹ Катехизис *гупта видья* [эзотерического знания].

существительным (грамматик, или филолог) мы обозначаем того, кто занимается изучением универсального языка, или соответствующих символов, хотя лишь члены Эзотерической секции Теософского общества могут понять с достаточной ясностью, что же именно означает термин «филолог» в данном контексте. Все в природе взаимосвязано друг с другом. В абстрактном смысле, теософия — это белый луч, из которого возникают семь цветов солнечного спектра, причем каждое человеческое существо усваивает один из этих лучей сильнее, чем остальные шесть. Отсюда следует, что семь человек, каждый из которых «окрашен» своим особым лучом, могут взаимно помочь друг другу. Имея у себя на службе септенарный *лучок* лучей, они управляют семью силами природы. Но отсюда также вытекает, что для достижения этой цели выбор таких семи людей, которые должны сформировать группу, должен быть предоставлен эксперту — посвященному в науку оккультных лучей.

Но здесь мы вступает на весьма опасную почву, где сфинкс эзотеризма идет на риск оказаться обвиненным в мистификации. И все же ортодоксальная наука предоставляет доказательство истинности наших слов, и мы находим поддержку в физической и материалистической астрономии. Солнце одно, и его свет освещает каждого; оно греет невежду так же, как и опытного астронома. Что же касается гипотез о нашем светиле, его строении и природе, то имя им — *легион*. Ни одна из этих гипотез не содержит всей истины и даже не приближается к ней. Часто они являются всего лишь фикцией, вскоре заменяемой другой; именно к научным теориям более чем к чему-то еще приложимы такие строки Малерба:

«...а роза, как все розы,
Живет лишь до утра».¹

Каждая из этих теорий, украшает она алтарь науки или нет, может, тем не менее, содержать некий фрагмент истины. Отсортированные, сопоставленные, проанализированные и

¹ Франсуа де Малерб: «Утешение обманщицы», 1599 г. — *Прим. редактора.*

соединенные воедино, все эти гипотезы могут однажды дать нам некую астрономическую аксиому, природное явление, вместо химер научного разума.

Все это вовсе не означает, что мы считаем «приращением» истины всякую аксиому, признанную академиями. Примерами здесь могут служить эволюция и современная теория Нэсмита — фантазмагорическая трансформация солнечных пятен. Сначала сэр Уильям Гершель видел в них обитателей солнца, прекрасных и гигантских ангелов. Сэр Джон Гершель, сохраняя благоразумное молчание об этих небесных саламандрах, разделил мнение старшего Гершеля, что солнечный шар это не более чем прекрасная метафора, *майя*, — провозглашая таким образом оккультную аксиому. Солнечные пятна нашли своего Дарвина среди астрономов самого разного уровня. Их с равным успехом принимали за планетарных духов, солнечных человечков, столбы вулканического *дыма* (зародившегося, вероятно, в мозгах академиков), непроницаемые облака и, наконец, тени в форме листьев ивы (теория ивового листа). В настоящее время бог *Соль* деградирует. Если послушать людей науки, он окажется ничем иным, как гигантским скоплением углей, все еще раскаленным, но угасающим в очаге нашей маленькой планетарной системы.

То же самое происходит и с теориями, публикуемыми членами Теософского общества, когда их авторы, хотя они и принадлежат к теософскому братству, никогда не изучали истинных эзотерических доктрин. Такие теории никогда не могут быть ничем иным, кроме как просто гипотезами; они лишь окрашены лучом истины, но в остальном погружены в хаос фантазии, а зачастую и бессмыслицы. Тем не менее, выживая их из общей массы и сравнивая друг с другом, можно с успехом извлекать философскую истину даже из этих идей. Ибо следует хорошо усвоить, что помимо того, что делает обычная наука, теософия исследует обратную сторону любой возможной истины. Она тестирует и анализирует каждый факт, полученный физической наукой, отыскивая самую суть и конечное, оккультное строение в любой космической или физической манифестации, будь она в сфере этики, разума или материи. Одним словом, теософия начинает свое исследование там, где материалисты его заканчивают.

«Значит, то, что вы нам предлагаете — это метафизика?» — вероятно последует возражение. — «Почему же вы не сказали этого сразу?»

Нет, это не метафизика в общепринятом смысле этого слова, хотя она и играет иногда эту роль. Концепции Канта, Лейбница и Шопенгауэра принадлежат к области метафизики, как и теории Герберта Спенсера. И все же при изучении последней не помогут вздыхания о Даме Метафизике, танцующей на *бал-маскараде* академических наук, украсившей себя фальшивым носом. Метафизические системы Канта и Лейбница — о чем свидетельствуют его монады — намного выше метафизики наших дней, подобно тому, как воздушный шар в облаках выше тыквы на лежащем внизу поле. Тем не менее, этот шар, сколь бы он ни был выше тыквы, все же является слишком искусственным, чтобы служить носителем Истины оккультных наук. Последнюю можно уподобить богине, слишком откровенно декольтированной, чтобы соответствовать вкусам наших скромных и благопристойных ученых. Метафизика Канта научила ее автора, без малейшей помощи со стороны современных методов или совершенных инструментов, идентичности по строению и сущности между солнцем и планетами; и Кант *утверждал* это, тогда как даже лучшие астрономы на протяжении первой половины этого века продолжали это *отрицать*. Но та же самая метафизика не смогла открыть ему истинную природу этой сущности, оказав ему помощь не больше, чем современная физика, несмотря на яркие гипотезы последней.

Таким образом, теософия, или, скорее, оккультные науки, которые она изучает, это нечто большее, чем просто метафизика. Она является, если позволительно использовать здесь удвоение термина, *мета-метафизикой*, *мета-геометрией*, и т. д., и т. д., или универсальным трансцендентализмом. Теософия целиком отвергает свидетельство физических органов чувств, если последние не основываются на данных, предоставленных психическим и духовным восприятиями. Даже в случае наиболее высокоразвитого ясновидения и яснослышания, их *конечное* свидетельство должно быть отвергнуто, если под этими терминами не имеется в виду φωτὸς Ямвлиха, или экстатическое просветление, ἀγωγὴ μαρτεία

Плотина и Порфирия. То же самое верно и в отношении физических наук; свидетельство разума о земном плане, как и в случае *пяти* наших чувств, должно получить *imprimatur* [одобрение, *лат.*] шестого и седьмого чувств божественного *эго*, прежде чем этот факт будет принят подлинным оккультистом.

Официальная наука слышит наши слова и — смеется над ними. Мы читаем ее отчеты, мы видим апофеоз мнимого прогресса, ее великие открытия, — многие из которых, еще больше обогащая ограниченное количество тех, кто и без того богат, повергают миллионы бедных в еще более ужасающую нищету, — и предоставляем ее самой себе. Но, понимая, что физические науки ни на шаг не приблизились к познанию подлинной природы первичной материи со времен Анаксимена и ионийской школы, мы смеемся в ответ.

В этом направлении лучшую работу и наиболее ценные научные открытия этого столетия совершил, без сомнения, великий химик сэр Уильям Крукс.¹

В его случае замечательное интуитивное постижение оккультной истины оказало ему большую службу, чем все его огромные познания в области физической науки. Совершенно очевидно, что ни научные методы, ни официальная установившаяся практика не оказали ему сколь-либо значительной помощи в его открытии лучистой материи или в исследовании *протила*, или первичной материи.²

VI

То, что теософы, придерживающиеся ортодоксальной и официальной науки, пытаются совершить в своей собственной области, оккультисты или теософы «внутренней группы» изучают в соответствии с методом эзотерической школы. Если до сих пор этот метод демонстрировал свое превосходство лишь для своих приверженцев, то есть для тех, кто связал себя обе-

¹ Член исполнительного совета Лондонской ложи Теософского общества.

² Гомогенный, недифференцированный элемент, который он называет *метаэлементом*.

том не раскрывать его, это обстоятельство вовсе не доказывает ничего против него. Не только термины *магия* и *теургия* так никогда и не были поняты должным образом, но искажено и само название *теософии*. Определения, даваемые ей в словарях и энциклопедиях, столь же абсурдны, сколь и гротескны. Уэбстер, например, объясняя значение слова *теософия*, уверяет своих читателей, что это «прямая связь или общение с Богом и высшими духами»; и, далее, что это «достижение *сверхчеловеческого* и *сверхъестественного* знания и сил посредством *физических процессов*, [?!] а также теургических операций платоников или посредством химических процессов огненных философов». Данная формулировка совершенно бессмысленна. Это все равно, как если бы мы заявили, что можно превратить мозг ненормального человека в мозг человека, подобного Ньютону, и развить в нем гениального математика, проезжая каждый день по пять миль верхом на деревянной лошади.

Теософия — это синоним *джнана видья* и *брахма видья*¹ индусов, а также *дзиан* трансгималайских адептов, науки *истинных* раджа-йогов, которая намного доступнее, чем кажется. У этой науки есть много школ на Востоке, но ее ответвления еще более многочисленны, причем каждое из них в конце концов отделилось от родительского ствола — *Древней Мудрости* — и видоизменило свою форму.

Однако в то время как формы эти варьируются, удаляясь от Света Истины, все более и более с каждым поколением, основа иницилирующих истин остается всегда одна и та же. Символы, используемые для выражения одних и тех же идей, могут различаться, но в своем глубинном смысле они всегда выражают одни и те же мысли. Рагон, самый эрудированный масон из всех «вдовьих сынов», говорил то же самое. Существует священный жреческий язык, «язык мистерий», и если не знать его достаточно хорошо, невозможно продвинуться в изучении оккультных наук. Согласно Рагону, «построить или заложить город» означает то же самое, что «основать религию»; таким образом, когда эта фраза встречается у Гомера,

¹ Значение слова *видья* можно передать лишь греческим термином *гнозис*, знание скрытых и духовных вещей; иначе говоря, это знание Брахмы, то есть, Бога, объемлющего всех богов.

она эквивалентна выражению, распределить «сок сомы», в *Брахманах*. Оно означает «основать эзотерическую школу», а не «религию», как утверждает Рагон. Ошибался ли он? Мы так не думаем. Но так же как теософ, принадлежащий к Эзотерической секции, не в праве разглашать обычному члену Теософского общества то, о чем он дал обет хранить молчание, так и Рагон имел обязательство раскрывать лишь относительные истины своим тринософам. И все же совершенно очевидно, что он проводил, по крайней мере, элементарное изучение ЯЗЫКА МИСТЕРИЙ.

Нас могут спросить: «А как же обучиться этому языку?» Мы отвечаем: изучайте все религии и сравнивайте их друг с другом. Чтобы изучить его тщательно, необходим учитель, *гуру*; чтобы достичь успеха в одиночку, нужно быть более чем гением; это потребует такого же вдохновения, каким обладал Аммоний Саккас. Поощряемый церковью Климента Александрийского и Афинагора, поддерживаемый учеными людьми синагоги и академии, почитаемый язычниками, «он овладел *языком мистерий*, проповедуя общее происхождение всех религий и общую веру». Поступая так, он, несомненно, должен был учить согласно древним канонам Гермеса, которые были столь хорошо усвоены Платоном и Пифагором, и из которых они и вывели свои философии. Должны ли мы исходя из этого удивляться, что, обнаруживая в первых же стихах Евангелия от Иоанна те же самые доктрины, которые содержатся в трех вышеупомянутых философских системах, он при любом удобном случае заключал, что великий назорей намеревался возродить возвышенную науку древней Мудрости во всей ее первоначальной целостности? Мы думаем так же, как и Аммоний. Библейские рассказы и истории о богах имеют лишь два возможных объяснения: либо это великие и глубокие аллегории, показывающие универсальные истины, либо же это бесполезные басни, предназначенные лишь для того, чтобы усыплять невежд.

Таким образом, все эти аллегии — как еврейские, так и языческие — содержат истины, которые могут быть поняты лишь тем, кто знает мистический язык древности. Посмотрим, что говорит по этому поводу один из самых знаменитых теософов, убежденный платоник и гебраист, знающий греческий

язык и латынь, как свои родные, профессор Александр Уилдер из Нью-Йорка:¹

«Коренной идеей неоплатоников было существование Единой и Высшей Сущности. Это был *Дьо*, или «Господин Небес» арийских народов, идентичный с 'Iáw (*Иао*) халдеев и евреев, *Яхве* самаритян, *Туу* или *Туисто* норвежцев, *Дану* древних племен Британии, *Зевс* фракийских племен и *Юпитер* римлян. Это *Бытие* — (Небытие), *Безликое*, конечное и бесконечное. От него в процессе *эманации* произошло все сущее. Возможно, однажды некий здравомыслящий человек сведет вместе все эти системы в единое целое. Названия этих различных божественных представлений зачастую давались без учета их этимологического значения, но главным образом в зависимости от того или иного мистического смысла, придаваемого числовому значению букв в их орфографии».

Это *числовое* значение является одной из ветвей «тайного языка», или древнего жреческого языка. Этой науке обучали в «малых мистериях», однако сам язык предназначался только лишь для высших посвященных. Кандидат должен был с честью выйти из суровых испытаний «великих мистерий», прежде чем получить наставления в этом языке. Именно потому Аммоний Саккас, подобно Пифагору, требовал от своих учеников дать клятву никогда не разглашать высшие доктрины никому, за исключением тех, кому уже были переданы предварительные знания, и кто, таким образом, был уже готов к инициации. Другой мудрец, живший тремя веками раньше, поступал со своими учениками так же, объясняя им, что он говорил «притчами» (или метафорически) «для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано ... потому, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают» [От Матфея, 13:11,13].

Таким образом, «притчи», используемые Иисусом, были частью «тайного языка», сакральным наречием посвященных. Рим утратил ключ к нему. Отрицая теософию и провозглашая анафему оккультным наукам, он теряет его навсегда.

«Любите друг друга», — говорил великий Учитель тем, кто познавал таинства «Царства Божия». «Проповедуйте аль-

¹ Первый вице-президент Теософского общества со дня его основания.

труизм, сохраняйте единство, взаимопонимание и гармонию в ваших группах, все те, кто пребывает среди неофитов и искаателей Единой ИСТИНЫ», — слышим мы от других Учителей. «Без единства, без интеллектуального, а также без эмоционального взаимопонимания, вы ничего не достигнете. Тот, кто сеет раздор, пожнет бурю...»¹

У нас нет недостатка в ученых каббалистах, больших знаках Зогара и его многочисленных комментариев, среди наших членов в Европе и особенно в Америке. К чему это привело, и какую пользу принесли они на сей день Обществу, в которое они вступили для работы в нем? Большинство из них вместо того, чтобы объединиться для взаимопомощи, смотрят друг на друга с большим подозрением, всегда готовые высмеять друг друга и втянуться во взаимную критику. Зависть, ревность и в высшей степени прискорбное чувство конкуренции царят в обществе, главной целью которого является братство! «Посмотрите, как любят друг друга эти христиане!» — говорили язычники первых веков об отцах церкви, которые низвергали друг друга во имя Учителя, завещавшего им мир и любовь. Критик и посторонний человек с полным правом может сказать то же самое о теософах. Посмотрите, во что превращаются наши журналы: все они, за исключением нью-йоркского «Пути»; даже «Теософист», старейший из наших ежемесячников, после того, как президент-основатель отбыл пять месяцев тому назад в Японию, направо и налево поливает грязью своих теософских коллег и сотрудников. Чем же мы лучше христиан эпохи первых соборов?

«В единстве сила». — Вот одна из причин нашего бессилия. Мы не призываем публично рыться в грязном белье. Напротив, лучше открыто признать чьи-то недостатки, другими словами, все же *порыться в чьем-то грязном белье, чем пачкать белье своих братьев по теософии*, как это любят делать некоторые люди. Если же говорить в общем, признаем наши ошибки, отвергнем все, что не является теософским, но пусть это делают сами отдельные члены; это относится к сфере их индивидуальной *кармы*, и теософские журналы здесь не причем.

¹ Поговорка буддистов Сиамы.

Тем, кто хочет достигнуть успеха в абстрактной или практической теософии, следует помнить, что разобщенность — это первое условие неудачи. Пусть все трудятся вместе, каждый в соответствии со своим собственным вкусом, в том или ином направлении универсальной науки, который каждый выбирает сам для себя, но непременно с симпатией относясь к своему ближнему. Это будет иметь благотворное влияние даже на рядовых членов, которые не стремятся к философским исследованиям. Если такая группа, сформированная с учетом эзотерических правил, состоит из одних только мистиков; если они, стремясь к истине, помогают друг другу тем светом, который у них, возможно, имеется, мы гарантируем, что каждый член этой группы достигнет большего прогресса в изучении сакральной науки за один год, чем за десять лет индивидуальных занятий. В теософии требуется дух соревнования, а не соперничество и конкуренция; иными словами, тот, кто гордится своим первенством, будет последним. В истинной теософии наименьший становится величайшим.

И все же в Теософском обществе есть больше учеников, одержавших *победу*, чем принято полагать. Так как вместо того, чтобы пустословить, они занимаются работой и самосовершенствованием. Это наши самые ревностные и преданные теософы. При написании статей они забывают свои имена и подписываются псевдонимами. Некоторые из них в совершенстве владеют тайным языком, и многие из древних книг или манускриптов, не поддающиеся расшифровке нашими учеными или кажущиеся им простым нагромождением небылиц в сравнении с современной наукой, открыты для этих людей.

Эти немногие преданные мужчины и женщины являются колоннами нашего храма. Они одни стойко сражаются против непрерывной разрушительной деятельности наших теософских «термитов».

VII

Мы полагаем, что представили на этих страницах достаточное опровержение некоторых наиболее грубых ошибок, касающихся наших доктрин и убеждений; одной из них явля-

ется утверждение, что теософы — во всяком случае, основатели Общества — это политеисты или атеисты. Мы не являемся ни теми, ни другими, точно так же, как и истинные гностики, которые, веря в существование планетарных, солнечных и лунных божеств, не возносили к ним никаких молитв и не строили им алтарей. Хотя мы не верим в личного Бога, *вне самого человека, являющегося его храмом* — как учил этому св. Павел и другие посвященные, — мы верим в безличный и абсолютный ПРИНЦИП,¹ который настолько находится за пределами человеческого понимания, что мы считаем просто богохульником и самонадеянным глупцом всякого, кто пытается дать определение этой великой универсальной тайне. Все, что сообщили нам об этом вечном и ни с чем не сравнимом Принципе, — это то, что он не является ни духом, ни материей, ни субстанцией, ни мыслью, но *вместилищем всего этого, абсолютным вместилищем*. Другими словами, это «Божественное Ничто» Василида, столь слабо понятое даже учеными и опытными аналитиками *Musée Guimet* (tome XIV),² которые с иронией определяют этот термин, говоря о нем, как о «Божественном ничто, предопределившем и предвидевшем все вещи, хотя у него нет ни разума, ни воли».

Да, несомненно, и это «Божественное Ничто», идентичное с ведическим Парабрахманом — наиболее философской и самой величественной концепции, — также тождественно с ЭЙН-СОФ еврейских каббалистов. Последний — это тоже «бог, которого нет»; слово «Эйн», означающее *не-бытие* или абсолют, *ничто* или τὸ οὐδέν ἐν Василида, подразумевает, что человеческий разум, будучи ограниченным на этом материальном плане, не может постигнуть что-либо, что *есть*, но не существует в какой-либо форме. Поскольку идея *бытия* ограничена *чем-то*, что существует, либо в субстанции, актуально

¹ Эта вера затрагивает лишь тех, кто разделяет взгляд автора этих строк. Каждый член имеет право верить в то, во что он пожелает, и таким образом, он волен в своем выборе. Как говорится повсеместно, Теософское общество — это «Республика Совесть».

² Имеется в виду эссе Амелино, опубликованное в XIV томе *Annales du Musée Guimet*, Париж, 1887: «Essai sur le gnosticisme égyptien, ses développements et son origine égyptienne», часть II, раздел 2. — *Прим. редактора*.

или потенциально, либо в природе вещей, или лишь в умах, — то, что не может быть воспринято нашими органами чувств или постигнуто нашим разумом, который обуславливает собой все вещи, *для нас не существует.*

«Где же тогда помещаете вы нирвану, о великий архат?» — спрашивает царь у прославленного буддийского аскета, пытаюсь узнать у него Благой Закон.

«Нигде, о великий царь!» — был ответ.

«Таким образом, нирваны не существует?..»

«Нирвана *есть*, но не существует».

То же самое и в случае с Богом, «которого нет» — этот термин возник единственно в результате неудачного *буквального* истолкования эзотерического выражения: *бог не существующий, но сущий*. Слово οὐδέν, или οὐδ-εἰς, дословно «ничто», означает, что то, о чем говорится, не является ни *личностью*, ни *вещью*, но отрицанием того и другого (οὐδέν, форма среднего рода, используется как наречие, «нисколько»). Таким образом, τό οὐδέν ἐν Василида абсолютно идентично с «Эн или Эйн Соф» каббалистов. В религиозной метафизике евреев Абсолют есть некая абстракция, «без формы или существования», «не имеющая сходство ни с чем иным» (Франк, *La Kabbale*, стр. 173).¹ Следовательно, Бог — это НИЧТО, без имени и без качеств; именно по этой причине он и называется ЭЙН СОФ, ибо слово *Эйн* означает ничто.

Вовсе не от этого неизменного и абсолютного Принципа, являющегося лишь потенциальным бытием, эманировали боги, или активные принципы проявленного мира. Поскольку абсолют не имеет никакого отношения к обусловленному и ограниченному, и не мог бы иметь самой возможности такого отношения, тот, от кого произошли эманации — это «Бог, который говорит» у Василида, т. е., *логос*, которого Филон называет «вторым Богом» и Творцом форм. «Второй Бог — это Мудрость ЕДИНОГО Бога» (Quaestion. et Solut., кн. II, стр. 62). «Но является ли этот логос, эта **Мудрость** — некой эманацией?» — последует возражение. — «Ведь заставить что-либо эманировать из НИЧТО — это абсурд!» Не совсем. Во-

¹ Адольф Франк: «Каббала, или философия религии евреев», Париж, издание Гашетта, 1843. — *Прим. редактора.*

первых, это «ничто» является таковым, поскольку оно есть *абсолют*, следовательно — ВСЕ. Далее, этот «второй Бог» является эманацией не в большей степени, чем тень нашего тела, падающая на белую стену, является эманацией этого тела. В любом случае, Бог — это не следствие некой причины или некоего преднамеренного акта, умышленной и сознательной воли. Это просто повторяющееся следствие ¹ неизменного и вечного закона, за пределами времени и пространства, чьей *тенью* или *отражением* является *логос*, или творческий разум.

«Но эта идея абсурдна!» — можем мы услышать от тех, кто верит в антропоморфного и личного Бога. — «Из этих двоих, из человека и его тени, именно последняя есть ничто, оптическая иллюзия, а человек, ее отбрасывающий, есть разум, сколь бы пассивен он ни был в этом случае!»

Совершенно верно, но это так лишь на нашем плане, где все является иллюзией, где все предстает смещенным, похожим на отражение в зеркале. Кроме того, поскольку царство единственной реальности искажается материей, *не-реальностью*, и так как — с точки зрения абсолютной реальности — вселенная со всеми ее сознательными и разумными существами есть лишь жалкая фантазмагория, из этого следует, что именно эта тень Реальности и наделяется на плане последней разумом и атрибутами, тогда как абсолют — с нашей точки зрения — лишен всех обусловленных качеств *в силу самого факта, что он — абсолют*. Не нужно быть большим специалистом по восточной метафизике, чтобы понять это; и вовсе нет надобности быть выдающимся палеографом или палеологом, чтобы увидеть, что система Василида — это также и система веданты, сколь бы ни была она искажена автором «Философумен». Это с очевидностью доказывает нам фрагментарный очерк гностических систем, приведенный в этой работе. Только эзотерическая доктрина может объяснить все непостижимое и хаотическое в неправильно истолкованной системе Василида, в том виде, в каком она была передана нам отцами церкви — этими

¹ По крайней мере, для того, кто верит в нерушимую последовательность «творений», которую мы называем «днями и ночами» Браммы, или *манвантарами* и *пралайями* (растворениями).

гонителями всяческих *еписей*. *Pater innatus* [Отец проявленный, *лат.*], или нерожденный Бог, Великий Архон (Ἄρχων), два Демургы, и даже триста шестьдесят пять небес — число, содержащееся в имени Абраксаса, их правителя, — все они заимствованы из индийских систем. Но все это отвергается в наш век пессимизма, где всякая вещь, и даже сама жизнь, улещивается как дым, где абстрактное — а ничто более не вечно — не интересует никого, кроме очень редких *эксцентриков*, где человек умирает, так ни разу и не оказавшись лицом к лицу со своей душой, как бы уносимый прочь водоворотом земных и эгоистических деяний.

Однако, кроме метафизики, всякий, кто вступает в Теософское общество, может найти там науку и занятие по своему вкусу. Астроном может сделать больше научных открытий, изучая аллегории и символы в древних санскритских книгах, относящиеся к каждой звезде,¹ чем он смог бы сделать с помощью одних лишь Академий. Обладающий достаточной интуицией врач мог бы больше узнать из работ Чараки,² переведенных на арабский в VIII веке, или из пыльных манускриптов Адьярской библиотеки, сочинений, так же неправильно трактуемых, как и все остальное, чем из книг по современной физиологии. Теософ, склонный к медицине, или *искусству исцеления*, много потеряет, если не обратится к легендам и символам, связанным с Асклепием, или Эскулапом. Ибо, подобно древнему Гиппократу, советуемому со стелой в ротонде Эпидавра (прозванного Фолосом) в Косе,³ он найдет там рецепты лекарств, неизвестные современной фармакопее.⁴ И тогда, вместо того, чтобы убивать, он сможет исцелять.

¹ Каждый из 333.000.000 богов и богинь, составляющих индийский пантеон, представлен звездой. Поскольку количество звезд и созвездий, известное астрономам, не достигает этого числа, можно предположить, что древним индусам было известно больше звезд, чем современным.

² Чарака был врачом ведической эпохи. Легенда изображает его воплощением змея Вишну, носящего имя Шеша и правящего в Патале (нижних сферах).

³ Страбон, «География», XIV, ii, 19. См. также: Павсаний, «Описание местности» (Путевые заметки), II, xxvii, 2-3.

⁴ Известно, что все исцелившиеся в *асклепейе*, оставляли в этом храме свои *ex voto* [по обету, *лат.*, изображения из золота и серебра

Позволим себе в сотый раз повториться: Истина — одна! Когда она предстает не во всех своих аспектах, но в соответствии с тысячей и одним мнением ее приверженцев, она перестает быть божественной ИСТИНОЙ, но становится всего лишь эхом человеческих голосов. Где же можно искать ее и найти в наиболее целостном виде? У христианских каббалистов или современных европейских оккультистов? У нынешних спиритистов или первоначальных спиритуалистов?

— Во Франции, — рассказывал как-то один из наших друзей, — так много каббалистов, так много систем. У нас все они претендуют на то, что они христиане. Некоторые из них настолько преданы Папе, что только и мечтают о том времени, когда он наденет на себя вселенскую корону, корону понтифика-кесаря. Другие настроены против папства, но за Христа, не исторического, но созданного их собственным воображением Христа, *выступающего против Кесаря, играющего в политику*, и т. д., и т. д. Каждый каббалист верит в то, что он открыл утерянную истину. Именно его собственная наука есть вечная истина, а наука остальных — это просто мираж... И он всегда готов защищать и отстаивать своим пером свою собственную науку...

— Но каббалисты-иудеи, — спросила я его, — они тоже за Христа?

— О да, они за *своего* Мессию! Это просто вопрос времени!

Совершенно верно, в бесконечности не может быть анахронизмов. Однако, поскольку все эти три различных метода или системы, все эти противоречащие друг другу доктрины не могут одновременно содержать подлинную Истину, я не понимаю, каким образом господя французские каббалисты могут заявлять о своем знании оккультных наук. У них есть «Каббала» Моше де Леона,¹ составленная им в XIII веке; но его Зо-

исцеленных членов тела]; и что они высекли на стеле название своих болезней и благотворных лекарств. Впоследствии огромное количество таких *ex voto* были извлечены из-под земли в Акрополе. См. Поль Жирард, «L'Asclepeion d'Athènes», Париж, издание Торина, 1882.

¹ Именно он составил *Зогар* Симона бен Йохаи, оригиналы которого более ранних времен были утрачены; было бы ошибкой обвинять его

гар, по сравнению с халдейской *Книгой Чисел*, представляет собой творение рабби Симона бен Йоханн не в большей мере, чем *Пэмандр* греческих христиан — реальную книгу египетского Тота. Та легкость, с которой каббала фон Розенрота и его средневековые латинские рукописные тексты — прочитанные в соответствии с *системой Нотарикона* — превращаются в христианские тринитарные тексты, напоминает сказочную историю. Совместная «Благая Каббала» маркиза де Мирвиля и его друга, крещеного еврея шевалье Драха, стала катехизисом римской церкви. Пусть этим удовлетворяются сами господа каббалисты; мы же предпочитаем халдейскую каббалу, *Книгу Чисел*. Тот, кто удовлетворяется мертвой буквой, самодовольно щеголяет в мантии *таннаим* (древних посвященных Израиля); в глазах опытного оккультиста он всего лишь волк, нарядившийся в бабушкин ночной колпак, как в истории о Красной Шапочке. Но этому волку не проглотить оккультиста, как он проглотил Красную Шапочку — символ профана, жаждущего мистицизма, павшего жертвой его зубов. Наоборот, это волк погибнет, попав в свою собственную западню...

Как и в Библии, в каббалистических книгах есть своя мертвая буква, свое эзотерическое значение и их истинный, или эзотерический, смысл. Ключ к истинному символизму, даже ключ к индусским системам, находится в данный момент за гигантскими пиками Гималаев. Никакой другой ключ не может открыть те склепы, в которых на долгие тысячелетия были погребены все интеллектуальные сокровища, положенные туда первоначальными носителями божественной Мудрости. Но великий цикл, первый в *Калиюге*, подошел к своему концу; быть может, не за горами день воскресения всего, что умерло. Великий шведский провидец Эммануэль Сведенборг сказал: «Ищите *потерянное слово* среди иерофантов, в великой Татарии и Тибете».

Каковы бы ни были видимые внешние проявления, направленные против Теософского общества; какова бы ни была

в изобретении того, что он написал. Он сделал сборник из всего того, что смог найти, но добавил, исходя из собственных знаний, те фрагменты, которые отсутствовали, прибегая к помощи христианских гностиков Халдеи и Сирии.

его непопулярность среди тех, кто в ужасе отшатывается от всего, что кажется им неким *новшеством*, несомненно, тем не менее, одно. То, что вы, господа оппоненты, принимаете за изобретение XIX века, старо, как мир. Наше Общество — это древо Братства, выросшее из зерна, брошенного в землю ангелом Сострадания и Справедливости в день, когда первый человек Каин убил первого человека Авеля. В течение долгих веков порабощения женщин и страданий бедняков это зерно орошали горькие слезы, текущие из глаз слабых и угнетенных. Добрые руки пересаживали его из одного уголка земли в другой, в различные климатические условия и эпохи, удаленные друг от друга. «Не делай другим то, что ты не хочешь, чтобы другие сделали тебе», — говорил Конфуций своим ученикам. «Любите друг друга, любите все живые существа», — заповедовал Гаутама Будда своим архатам. «Любите друг друга», — повторились, как верное эхо, эти слова на улицах Иерусалима. Именно христианским народам принадлежит честь руководствоваться этой возвышенной заповедью своего Учителя во всей ее парадоксальности! Калигула, *язычник*, желал, чтобы у человечества была лишь одна голова, чтобы он смог отсечь ее одним ударом. *Христианские* силы взяли на вооружение это желание, которое до тех пор оставалось теоретическим, изыскивая и, в конце концов, найдя способы воплотить его на практике. Пусть им по этой причине каждый второй готов перерезать горло и пусть уничтожат за один день войны больше их людей, чем убивали кесари за целый год. Пусть истребляют целые их деревни и провинции за название их парадоксальной религии, и пусть погибнут от меча те, кто убивал мечом. Что нам до этого?

Теософы бессильны помешать им. Это так. Но в наших силах сохранить как можно больше уцелевших. Они составляют ядро истинного Братства, и от них зависит, смогут ли они сделать из своего Общества ковчег, предназначенный для того, чтобы в не столь уж далеком будущем переправить человечество нового цикла через безбрежные грязные воды потопа безнадежного материализма. Эти воды все поднимаются и в настоящее время затопили все цивилизованные страны. Позволим ли мы добру погибнуть от зла, убоявшись криков и насмешек со стороны последнего в адрес Теософского обще-

ства, либо в наш собственный? Будем ли мы смотреть, как они погибают один за другим, то от усталости, то в напрасных поисках лучей солнечного света, светящего для всех, но не дающего им никакого средства к спасению? Никогда!

Вполне может быть, что прекрасная утопия, филантропическая греза, в которой осуществляется тройная желанная цель Теософского общества, все еще далека: полная и совершенная свобода человеческой совести, гарантированная для всех; братство между богатым и бедным; и равенство между аристократом и плебеем, признанное как в теории, так и на практике, — пока это лишь воздушные замки, и тому есть причины. Все это может произойти естественно и произвольно, с обоюдного согласия; однако еще не пришло то время, когда лев и ягненок могли бы лечь рядом друг с другом. Великая реформа должна произойти без социального взрыва, не пролив ни единой капли крови; единственно во имя той аксиоматической истины восточной философии, которая показывает нам, что огромная разница судеб, социального положения и интеллектуальных способностей вызвана всего лишь следствиями личной кармы каждого человеческого существа. Мы пожинаем лишь то, что посеяли. Если физическая *индивидуальность* одного человека отличается от таковой любого другого человека, то нематериальная сущность в нем, или его бессмертная *индивидуальность*, исходит от той же самой божественной сущности, что и у его ближнего. Тот, кто действительно проникся философской истиной о том, что любое *эго* начинается и заканчивается в нераздельном ВСЕМ, не может любить своего ближнего меньше, чем самого себя. Но до тех пор, пока это не станет религиозной истиной, никакая подобная реформа невозможна. Эгоистическое изречение о том, что «милосердие начинается с дома», или другое, которое гласит, что «каждый за себя, а Бог за всех», всегда будут вынуждать «высшие» и *христианские* расы противиться практическому исполнению прекрасного языческого изречения: «Каждый бедняк — сын богача», и даже в еще большей степени тому, в котором говорится: «Сначала накорми голодного, а потом, что останется, съешь сам».

Но наступит время, когда эта «варварская» мудрость низших рас будет справедливо оценена по достоинству. А по-

ка все, к чему мы стремимся, это посеять на земле чуточку мира в сердцах страждущих, приподнимая перед ними край той завесы, которая скрывает от них божественную истину. Пусть сильные покажут дорогу слабым и помогут им вскарабкаться по крутому склону бытия. Пусть обратят они свой взор на свет Путеводной Звезды, сияющей над горизонтом позади таинственного и неисследованного моря теософских наук, подобно новой Вифлеемской звезде, и пусть обездоленный в этой жизни обретет надежду...

ЗАПАДНЫЕ «АДЕПТЫ» И ВОСТОЧНЫЕ ТЕОСОФЫ

С момента первого появления «Оккультного мира», лондонский «Спиритуалист» предпринял серию регулярных еженедельных атак против него. На том основании, что м-р Синнетт никогда самолично не видел Кут Хуми, подвергалось сомнению само существование последнего. Затем, когда семеро теософов (четверо индийцев и трое европейцев) засвидетельствовали своими собственными подписями, что они *видели* нашего Брата, был немедленно выдуман предлог для того, чтобы обесценить это свидетельство. Возражение целиком основывалось на ложном и недостойном измышлении о том, что поскольку образ жизни и характер названных свидетелей никому в Англии не известны, им не может быть оказано большое доверие. Кроме того, они настаивали на том, что поскольку ни госпожа А. Гордон, ни полковник Олькотт не высказали своего подтверждения — более того, последний никогда не заявлял, что он видел «Братьев», — то это утверждение можно оставить без внимания. Оба они сегодня уже отправили по почте свои свидетельства. Остается лишь посмотреть на то, опубликуют ли сразу же их письма, и если да, то какие будут предприняты попытки для их дискредитации.

Между тем, вот уже в течение целых трех месяцев не было ни одного выпуска «Спиритуалиста», в котором не предпринималась бы активная атака (имеющая более или менее сомнительные литературные достоинства) против теософов в целом, основателей Общества в частности, и Кут Хуми и мадам Блаватской — в особенности. Временами эпитеты, высказываемые в их адрес, и специфическая фразеология, характеризующая их, достигали столь зловещего уровня, что можно было поставить «Спиритуалист» — с его невинны-

ми страницами, посвященными до тех пор исключительно некрологам различных бесплотных ангелов — в один ряд с самыми низкопробными политическими газетами Америки во время президентских выборов. Поскольку редакторские «пассы» были затруднены целым потоком свидетельств семи теософов, «Спиритуалист» придумал другое средство для достижения своих целей. Когда Италия впала в кошунственное сомнение и безверие, Папа Пий IX обратился к помощи иностранных наемников и в должное время создал организацию «папских зуавов». Когда редактор «Спиритуалиста» почувствовал для себя опасность быть побежденным многочисленными свидетельствами из Индии о существовании «Братьев», он нашел некоего «каббалиста» и заключил с ним альянс — исключительно с целью нападения; постольку, поскольку до сих пор никто не брал на себя труд выступить против него. Этим зуавом «Спиритуалиста» стал Дж. К., низкий «адепт» и к тому же «вдовый сын», некий — «Хирам Абифф», поднявший и возвысивший себя до уровня выдающегося великого мастера — «иерофант западного происхождения», как Дж. К. сам себя называет.

Чем дальше, тем лучше. Каббалистические стрелы, направленные Дж. К. против теософов, пролетели мимо их голов, не задев никого, кроме самого «Спиритуалиста», колонки которого пестрели в то время высокопарными самовосхвалениями оккультного «сэра оракула». Эти статьи, вызывавшие приступы гомерического смеха у читавших их англоиндийцев, были скорее развлечением, чем неприятностью. Если бы Дж. К. продолжал в том же духе, никто никогда не обратил бы ни малейшего внимания на его безвредные обличения и, как это было заявлено в октябрьском номере «Теософиста», это был бы первый и последний раз, когда мы упомянули его на страницах нашего издания. Но самозванный «адепт» перешел вдруг на личности. Забывая о том, что бомбейские «теософы» — это частные лица, а не профессионалы, занимающиеся продажей шарлатанских лекарств ради пропитания и рекламой «магнетических сеансов по одной гинее за весь курс или пяти шиллингов за урок», он позволяет себе говорить о людях, которые во всех отношениях лучше его, в унижительном тоне, который в лучшем случае был бы допус-

тим для подлинного знатока оккультного искусства и знания, признанного как такового остальным миром. Бросаясь такими фразами, как — «Поскольку мадам Блаватской, очевидно, ничего не известно о *нашем* искусстве (!?), я (!?) без всяких сомнений утверждаю (ну конечно, как же может каббалист его «калибра» сомневаться по какому-либо поводу?), что это объемистое сочинение («Разоблаченная Изида») до конца проникнуто вводящей в заблуждение идеей ... она не постигает подлинного смысла» ... и т. д., и т. д., — критик должен доказать, что он сам так же велик как Парацельс или, по крайней мере, так же мудр, как тот «иерофант», который посвятил его.

Что же мы вместо этого обнаруживаем? Кто же такой этот Дж. К., который, подобно личному Эн-Софу, всегда «говорит о себе, о себе и опять о себе»? Поскольку он, не колеблясь, называет мадам Блаватскую и пытается показать, что она много *ниже* его самого, мы не видим никакого повода для малейших угрызений совести из-за того, что мы сорвем эту «наглую маску», которая скрывает лицо каббалистического *beau domino* [поклонника длинного плаща с капюшоном, *ит.*]. Мы в свою очередь заявляем с доказательствами в руках, что м-р Джулиус Кон — это очень самонадеянный и тщеславный молодой джентльмен, который, не постигнув даже азов оккультизма, напускает на себя вид таинственного великого адепта *dextro tempore* [ловкача, *ит.*], пишет претенциозные статьи под надежным прикрытием двух инициалов и таким образом обманным путем привлекает внимание публики. Любое каббалистическое издание, и даже третьеразрядный лондонский еженедельник, выбросили бы его статьи в мусорную корзину, если бы он осмелился предложить их. Не проще ли тогда воспользоваться неприязнью спиритуалистов к теософам и получить место в их журнале для обсуждения своих причуд? Отсюда и его статьи в «Спиритуалисте», и заявления о том, что в природе нет никаких других духов, кроме *человеческих*, и непреклонный и смехотворный вердикт, что «если теософы изучают элементалов, то они изучают лишь *неразвившихся человеческих духов*».

В Евангелии от Матфея, гл. 10, стих 24-25, сказано: «Ученик не выше учителя ... довольно для ученика, чтобы он был,

как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его». Следовательно, Джулиус Кон должен либо оставаться верным решениям своего «господина и учителя», либо утверждать, что он выше своего «иерофанта», добавляя, ко всему прочему, что его инициатор «западного происхождения» (которого он так называет, мы полагаем, чтобы его не спутали с ним самим, выходцем с востока) не в курсе его вышеизложенных заявлений. Что бы ни сказал в будущем наш «адепт» в свое оправдание, очень любопытно послушать, что так называемый учитель (чье полное имя, если он пожелает лицеизреть его напечатанным, мы готовы привести, как мы приводим его инициал) говорит о своем ученике, которым м-р Даблью, по-видимому, очень гордится:

«М-р Кон», — рассказывает он другу, — «несколько лет находился под моим непосредственным руководством и прочитал на всех доступных языках все каббалистические труды, которые можно было приобрести здесь или в Германии ... но он ни в малейшей степени не интересовался астрологией. *Он все еще не вступил в святая святых*, но у него хорошая *интуиция*, и *временами* у него бывают очень яркие проблески. Его *видения* отличаются исключительной занимательностью и остроумием... Но он сторонится медиумизма. Хотя он еще не отведал **красного эликсира**, (то есть, не произошло совершенного слияния души с духом) ... *все же он находится на этом прекрасном пути*, ибо **об этом дне и часе не знает никто из людей...**»

Так оно и есть. Никто не знает об этом, и учитель знает, по-видимому, не больше, чем ученик. У нас есть все основания сомневаться, что первый подвергнет себя риску опровергать свои собственные слова, столь добросовестно процитированные нами, так как в противном случае нам придется добавить к ним некоторые другие незначительные подробности, которые мы пока опускаем. Мы не знаем этого джентльмена лично, и вполне возможно, что он заслуживает большего уважения, чем его ученик. Отметив самые существенные моменты, мы можем теперь перейти к следующим выводам. От человека, который охотнее преувеличил бы достижения своего ученика, чем преуменьшил бы их в глазах общественного мнения, мы узнаем: во-первых, что Дж. К. «еще не вступил в святая святых», — из уст того, кто знаком с герметической

фразеологией, это заявление равнозначно признанию, что его ученик все еще не знает НИЧЕГО о самых существенных, завершающих и высших мистериях, но все еще занят развитием своей «безвольной души» на основе аллегорических интерпретаций собственных «занимательных видений» в промежутках затмения между своими «интуитивными» яркими проблесками; во-вторых, что Дж. К. «сторонится медиумизма», имея, как это сообщается в одной из его статей, свои собственные взгляды на «духов», то есть, не менее еретические, чем взгляды теософов, и, возможно, лишь менее корректные (из чего следует, что Н. Б., редактор «Спиритуалиста», пригрозил ядовитую змею на своей груди); и, в-третьих, что он еще не «отведал красного эликсира», а именно, до сих пор не добился слияния своего *духа* со своей *душой*, что только и делает адепта в урочное время божественным существом, пребывающим в области абсолютной мудрости. Дж. Кон, таким образом, — это всего лишь скромный чела в школе магии, а вовсе никакой *не* «адепт», как бы он не хотел заставить нас в это поверить.

Лишь дилетант в оккультизме может в таком высокомерном, напыщенном, избыточном тщеславном самовосхвалении тоне рассуждать о таких адептах, какими были древнеиндийские риши — создатели таких философских систем, как веды, веданта и санкхья, — о таких людях, как наш брат Кут Хуми, словно их знания не заслуживают внимания! Выказывая свое собственное невежество (о, тени Капилы и Патанджали!) Дж. К. называет «акашу» — ФИКЦИЕЙ! Если бы читатели только поверили ему:

«Взяв ошибочно на вооружение некоторые эзотерические сентенции из Парацельса в их буквальной формулировке, покойный аббат Альфонс Луи Констан (Элифас Леви), или человек, написавший собственные книги по магии, измыслил (?!), исходя из сидерального влияния Парацельса, некий объективный астральный свет и пришел к выводу, что главным делом адепства является подчинение этой силы и управление ею. Скомбинируйте это», — добавляет он, — «с практикой подчинения элементалов всех четырех царств, и вы станете, согласно Элифасу Леви, совершенным мастером магом».

Скомбинируйте с невежеством практику подчинения всех тех, кто отличен от вас, в особенности тех, кто отказывается

видеть в мистере Джулиусе Коне нечто большее, чем «лже-адепта», и вы станете, согласно Дж. К., «совершенным мастером магом».

А теперь о правдоподобию и достоверности его критики в адрес «Изиды».

«У Парацельса», — говорит он, — «как и у всякого каббалиста, для непосвященного предназначена буква, для посвященного — дух. Средневековые адепты были вынуждены в условиях того времени, в котором они жили, скрывать свое знание от церкви».

Тоже мне новость. Первое открытие истины, известной каждому школьнику.

«Они использовали, поэтому, скрытый язык, и физические символы обозначали у них чисто духовные вещи. Автор «Изиды», по-видимому, не заметил этого», — добавляет наш ученый оппонент.

Как бы там ни было, это не то, в чем можно упрекнуть автора «Изиды». Хотя, автору «Адептства Иисуса Христа» не оставалось ничего иного, как просто перескочить через «Изиду», если он не заметил того факта, что оба ее тома наполнены ссылками на, и толкованиями «скрытого языка», не только каббалистов и христиан, но и язычников. Первые опасались раскрыть свои цели в связи с преследованиями со стороны церкви, последние — из страха перед «клятвой посвящения», произносимой в ходе «мистерий». Все же более вероятно, что Дж. К. лишь пытается сделать вид, что он не замечает этого очевидного факта. Впрочем, все это сочинение является изложением именно того, чему пытается учить лондонский «адепт», но он лишь вносит прискорбную путаницу и неразбериху. Автором «Изиды» никогда не отрицался тот общеизвестный факт, что большинство (не все) физических символов «обозначают чисто духовные вещи». Всякий прочитавший «Изиду» оценит, насколько правомерна критика Дж. К.

«Элементарные духи», — продолжает разглагольствовать наш критик, — «не являются созданиями, развившимися на земле, в воздухе, огне или воде, но это, без сомнения, духи, которые предпочитают обитать в одном из вышеназванных элементов, и они являются человеческими(!). То, что это просто не очень продвинутые челове-

ческие духи, показывает метод, применяемый обычно для установления контакта с элементами посредством предложения им некоего излюбленного кушанья».

Последний аргумент отличается очаровательной *логичностью* и вполне соответствует «литературному калибру» великого «адепта». Как если бы лишь *человеческие* существа принимали пищу, и одним только людям и их духам можно было бы предлагать «некое излюбленное кушанье»? Он утверждает, что все элементы имеют «человеческую» природу. А кто же такие «шедим» его еврейских каббалистов? И почему Роберт Фладд — великий мастер средневековых философов «огня», которые были величайшими из каббалистов — говорит, что, сколь безгранично видимое разнообразие человеческих созданий, столь же бесконечно разнообразие *нечеловеческих* существ среди духов стихий? И что делать с бесконечным разнообразием «демонов» и «духов природы» Прокла, Порфирия, Ямвлиха?.. Поистине, совсем немного ума требуется для того, чтобы написать такую критику: «пусть так называемая **церковь** отправляется к дьяволу, ей самой сотворенному»,¹ или такую: «теософия — это дьяволософия, ... которая порождает лишь софизмы Его Сатанинского Величества»; но для понимания *истинной* теософии требуется много мудрости, которую не может дать никакой «иерофант». С такой же легкостью кэбмен, как и м-р Кон, может произнести слова брани и оскорбления; и первый столь же волен назвать Королевское общество пивной, добавляя, что на всех Собраниях его членов происходят алкогольные возлияния, как и адепт — называть теософию «дьяволософией». Оба они могут сделать это с полной безнаказанностью. Ибо, как этот кэбмен никогда не попадет в святая святых учености, так и человек, использующий подобные выражения, не может рассчитывать на то, что он когда-либо будет допущен в круг *истинной* теософии, или «отведает красного эликсира».

Подлинная сущность того материала, из которого лепятся все статьи Дж. К., проясняется на следующем примере: несмотря на все его самовосхваление собственного «адептства»,

¹ «Адептство Иисуса Христа», статья Дж. К. в «Medium and Daybreak», 2 сентября 1881 г., стр. 556.

ни сам этот «адепт», ни даже его «иерофант», о котором нам известно больше, чем оба они могут себе представить, не способны воспроизвести даже простейший феномен *по своей воле*; даже такой, который часто демонстрируют начинающие медиумы и дети-сенситивы, скажем, бесконтактное постукивание по столу. Отсюда и его обличение феноменов, описанных в «Оккультном мире», и его напыщенная и многословная болтовня о «чисто духовных» силах адептства. Это так просто, и это служит надежным основанием для признания оставшихся «сил», исходя из вышеприведенного принципа, лишь чисто теоретическими. Но самое опрометчивое его заявление это то, что

«если Кут Хуми постоянно говорит, что *адепт — это редкий распустившийся цветок из поколения ищущих*, то он повторяет эти слова лишь затем, чтобы завербовать новобранцев в Теософское общество».

Мы настаиваем, что это, по меньшей мере, опрометчиво, ибо, не говоря о том, что это грубая и неприкрытая ложь и клевета, ученики Кут Хуми запросто могли бы обратиться к мру Джулиусу Кону с вопросом: *«И каков же может быть скрытый смысл этой вашей фразы, которая следует сразу же за вышесказанным?»* —

«Тот, кто пытается достигнуть божественной силы *при помощи дьявольских средств*, трудится, пребывая в самом прискорбном заблуждении. Никогда не следует экспериментировать с анестезирующими средствами и наркотиками. Также практика врожденного mesmerизма должна быть соединена с великой заботой о том, чтобы не злоупотребить этой силой, которая должна сочетаться с исключительно чистой жизнью».

Если сам «адепт» не пожелает проинформировать читателя о подлинном оккультном значении вышесказанного, то это сделаем мы. Если увязать это с весьма часто встречающимися в его многословных статьях ссылками (по справедливости, мы назвали бы их объявлениями *sub rosa*¹ [по секрету, *лат.*]), то

¹ Подобное объявление, например, мы находим в его статье «Адептство Иисуса Христа»: «Следующие выдержки из третьего издания знаменитого и в высшей степени ценного сочинения мисс Чандос Ли

это наверняка привлечет внимание читателя к некоторым замечательным книгам по месмеризму, непосредственно связанным с профессиональными «занятиями по магнетизму» от 3 до 1 гиней за курс. Так называемый оккультный смысл — это просто «вербовка новобранцев» в число паствы безответственного магнето-каббалистического *тримурти*. Упомянутая нами триада хорошо известна лондонским теософам, под тремя различными именами которой выступают реально лишь двое, или даже один, хотя в любом случае она должна носить имя «иерофанта», несмотря на поднятый им парус из тройного составного обозначения, в котором не более содержания, чем в его владельце. Мы сожалеем о том, что нам приходится уделять столь много внимания людям, с которыми нас ничто не связывает. Но мы искренне полагаем, что оказываем любезность м-ру Даблю, «иерофанту», который, по уверениям, является разумным и ученым человеком, сообщая ему о том, что его ученик весьма компрометирует его. И пусть он использует свои оккультные силы, чтобы внушить своему столь неблагоприятному ученику: (а) что тот, кто живет в доме из стекла, никогда не должен бросать камни в дом своего соседа; и (б) что ему не следует проявлять свое невежество таким позорным образом, отзываясь об учениях Гаутамы Будды так, как если бы он знал или *подозревал* что-либо о его эзотерических доктринах! Послушайте его бред о Шакьямуни и его «авторитетные» высказывания следующего рода:

«То, что не понимают мудрствующие критики и компиляторы, они называют ложными именами и полагают, что это и есть объяснение».

И ведь именно это — позиция м-ра Дж. Кона, который претендует на объяснение всего того, о чем он не знает ничего.

Хант «Тайные наставления по врожденному магнетизму» представят научное описание души-энергии и, кроме того, средства к ее обретению». — Затем следует «научное описание», в котором Иисус Христос удостоивается титула «красного мага». Далее Дж. К. еще раз рекомендует «ПОЗНАКОМИТЬСЯ С БЕСЦЕННОЙ РАБОТОЙ, цитированной здесь, в то время как тем, чье местожительство тому благоприятствует, следовало бы ПОЛУЧИТЬ ЛИЧНЫЙ ИНСТРУКТАЖ». Мы называем это поиском «новобранцев» с рвением, не имеющим себе равных.

«Если книги Филона и Иоанна являются созданиями неоплатоников, тогда учения Гаутамы Будды, которые содержат те же самые доктрины, лишь выраженные другими словами, также должны быть неоплатонизмом».¹

М-р Дж. Кон столь непомерно самонадеян, тщеславен и горд своим мнимым учением, что он на самом деле намекает здесь на свое основательное знание доктрин, которым учил Гаутама Будда! Мы советуем ему ограничить свои *откровения* еврейской каббалой, поскольку его поверхностное понимание каббалы все же может произвести своей внешней разумностью некое впечатление на слишком доверчивого читателя, не знакомого с какими-либо великими трудами данного учения. Но будет ли он иметь к тому же наглость утверждать или даже намекать на то, что он лучше понимает буддийскую доктрину «рахатов», чем самые ученые буддийские священники, многие из которых являются членами Теософского общества на Цейлоне, в Бирме и Тибете? Мы бы не удивились этому. Весь из себя каббалистический «Дж. К.» заканчивает рассматриваемую статью следующими мудрыми словами:

«Все приведенные здесь ошибки встречаются в руководствах теософов. И если мои слова о Теософском обществе были слишком суровы, я не имел в виду западных членов Общества, которые, как я верю, в большинстве своем являются УМНЫМИ и ДОБРО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫМИ людьми; как таковых я уважаю их, но не как теософов...»

Как это все напыщенно и таинственно, и все же ясно и очевидно. Однако пусть м-р Джулиус Кон не тешит себя сладкой иллюзией, что он, или какой-либо другой адепт *его* пошиба, способен произнести «суровые слова» о Теософском обществе или о его членах. Он высказал множество «дерзких» слов, но все его попытки скорее развеселили, чем причинили боль тем, кто знает, сколь далек он от того, чтобы заслуженно носить самовольно присвоенный им титул «адептства». Под «западными членами Общества» он, конечно, имеет в виду Головное общество, ныне базирующееся в Индии; и он проявляет достаточное великодушие для того, чтобы верить, что наши «западные члены ... умные и доброжелательные люди» (чи-

¹ «Адептство Инсуса Христа»

тай — энергичные, но добродушные дураки), и, таким образом, заканчивает свою обличительную статью еще одной ложью. В ответ нам хотелось бы узнать, каким образом его «видения» и случайные «проблески» позволяют ему интуитивно проникать сквозь ошибки и заблуждения таких писателей, как «один из наиболее знаменитых британских теософов, который останется неназванным». Также мы отдаем себе отчет в том, с каким презрением говорит он о многих из этих «умных и доброжелательных людей». Если он и льстит в своей статье большинству из них, то это вызвано тем, что эти люди живут в Лондоне, и многие из них принимают его в своих домах, а потому он чувствует необходимость лишней раз не раздражать их. В то же самое время «восточные» теософы живут далеко в Индии и, как он полагает, не могут ничего знать о нем; его «остроумные видения» бессильны открыть ему, что им кое-что известно об «адептстве» м-ра Дж. Кона, включая, как мы это увидим, и его лукавство, и его склонность к бизнесу.

Тем не менее, мы обязаны воздать ему должное за то, что он просветил нас в отношении разнообразия *оттенков* многочисленных классов магов.

«Белый маг», — пишет он, восторженно цитируя сочинение «одаренной леди-гипнотизера»,¹ — «это высшая форма адепства, достичь которой довелось немногим; еще меньше тех, кто стали *красными* магами. Разница между первым и последним состоит в том, что чувства, которые они ощущают и мир, который они видят, обладают некоторым соблазном для *белого* мага, хотя он и покоряет их. Но соблазнить и склонить к злу *красного* мага было бы не легче, чем соблазнить Бога. Пассивного *белого* мага можно обнаружить в *religieuse*» (?!! в монахине?) ... и «черная магия — это (отчасти) искусство применять науку магнетизма для обретения земных богатств и для того, чтобы заставить людей подчиняться вашей воле с вредными для них самих последствиями. Я не обучаю этой части магического искусства».

Нам нечего добавить к этому. Даже в наш век скептицизма было бы не совсем безопасно рекламировать «классы» по обучению *черной* магии. Хотя сам он скромно скрывает от

¹ Как утверждают, законной жены его «иерофанта-инициатора», хотя мы еще никогда не слышали о *практикующем* маге-иерофанте, который был бы *женат*.

читателей свой собственный цвет, мы, однако, предлагаем гипотезу о некоем оттенке, который правильно было бы назвать — «неустойчивым». Поскольку его опубликованные произведения подтверждают и дают нам право принять теорию, предложенную одним из наших французских оккультистов, который отзывается о «Дж. К.» как о «*le magicien est gris*» [пьяном маге, *франц.*], а его предполагаемое воздержание от вина¹ не позволяет нам сделать этого, — мы не можем найти для него лучшего *нюанса*, чем неопределенно-переливчатый цвет хамелеона, этого прелестного зверька, принимающего любой цвет в зависимости от окружения.

И в заключение. Теософы, которых «не имеют в виду», надеются, что их ученый критик впредь будет направлять свое внимание лишь в сторону того великого откровения, которое он даровал миру в «Адептстве Иисуса Христа» — *красного* мага, и навсегда оставит в покое теософов, как западных, так и восточных. Несмотря на то, что количество непостижимой метафизической глупости и совершенно *неисторических* утверждений,² содержащихся в этой статье, делают совершенно невозможным подвергнуть ее серьезной критике, — все же они могли бы найти пару слов, чтобы высказаться относительно *рекламной части* этого мистического документа. При-

¹ Для «иерофанта» или «адепта» вовсе недостаточно отказаться от вина или крепких напитков; *он должен избегать того, чтобы вводить в искушение других*, если он заботится о сохранении доброго имени. Мы бы хотели задать вопрос тем, кто, отвергая наше Восточное братство, считают «иерофантами» и «адептами» людей, которые не имеют никаких права так называться: какой человек, знакомый хотя бы с азами оккультных наук, осмелится утверждать, что даже простой ученик, не говоря уж об адепте в оккультизме, занимаясь *божественной наукой*, в то же самое время мог бы приобрести и *держат патент на изобретение перегонного аппарата для производства высококачественного виски?! Вообразите современного Парацельса или Якоба Бёме, владеющего винным магазином и основавшего спиртоводочные заводы в Лондоне и Ирландии!* Поистине наш век — это «ВЕК БЕССТЫДСТВА».

² Например, когда он пишет: «И, вплоть до нашего времени, священники во время службы используют перебродившее вино, которое вызывает непристойное опьянение, и от которого Иисус воздерживался всю Его жизнь», — что это, как не произвольное, ложное утверждение, не основанное ни на каком ином авторитете, который мог бы предложить автор, кроме как на его собственной писанине?

писывая себе владение каббалистической фразеологией, посылая христианскую «церковь к дьяволу» и теософов вместе с ней, пусть м-р Джулиус Кон почивает на его лаврах, как это и подобает христианскому каббалисту, — причем последнее наречение приложимо к нему лишь на основании его собственных слов. «Всегда, когда меня спрашивают», — пишет он,¹ — «знаю ли я особый способ для приобретения магической силы, я всегда отвечаю на это, что **вне жизни Христовой нет ничего...**» — и эту исключительную «жизнь Христову» (*nota bene* [обращаю внимание, *лат.*]) никогда не следует изучать, по его, м-ра Дж. Кона интерпретации, согласно учению «дьявольской официальной церкви» (*sic*), как он ее изысканно именуется. Мы, однако, довольны хотя бы уже тем, что этот многообещающий мистик предан Христу, так как возможно это предохранит его «Адептство Иисуса Христа» более чем от одной резкой критики. Ибо, если беспристрастно взглянуть на это сочинение, то кому же должно быть более известно о «магических силах» Христа, чем прямому потомку тех, кто наносил оскорбление Иисусу в Иерусалиме, говоря: «Он изгонял дьяволов, прибегая к помощи князя дьяволов?»

¹ «Спиритуалист», 9 сентября, 1881 г.

НЕИЗБЕЖНЫЕ ВОПРОСЫ

«Вы предлагаете задавать вопросы по поводу различных трудных моментов, связанных с оккультной наукой. Я не могу согласовать некоторые вещи, относящиеся к апостолам современной теософии. В «Предисловии к первому изданию» (стр. xxiii 5-го издания) «Эзотерического буддизма» м-ра А. П. Синнетта имеются такие слова: «Два года назад ни я, ни кто-либо другой из европейцев, не знал азов этой науки, впервые возведенной в ранг научного утверждения». Это весьма эмоциональное высказывание; оно, видимо, предполагает, что мыслящий мир всецело обязан этой книге и ее автору за то знание истин эзотерической науки, которая сейчас распространяется среди европейских и американских теософов. Но вряд ли м-р Синнетт имел в виду именно это.

Ибо, можно ли согласовать данное утверждение и его подоплеку с тем фактом, что мадам Блаватская, жительница Европы,¹ написала за несколько лет до этого «Разоблаченную Изиду», которая, хотя и не содержит в себе столь же конструктивного учения о тайнах вселенной, подобно «Эзотерическому буддизму», все же предполагает знание автором много большего, чем «азы науки»?

И не истинно ли, как это отмечено в «Оккультном Мире», что м-р Синнетт обязан мадам Блаватской своим первым знакомством с эзотерической наукой, а также своей встречей с наставником, Учителем, от которого он и получил основную массу своей информации? Мадам Блаватская, как мы это поняли, много лет назад обучила этим истинам оккультной науки полковника Олькотта, превратив его, таким образом, из спиритуалиста в теософа. Вполне возможно, что мадам Блаватская обучила других тем же истинам.²

Я хотел бы также спросить, не существует ли людей, тайно изучающих эту науку в ее широком смысле, которые уже знали эти вещи задолго до данной публикации?

¹ Поскольку был получен ряд таких писем, исчерпывающий ответ на них будет дан в «Тайной доктрине», которая уже почти готова.

² Безусловно, это так. Но поскольку некоторые из ее учеников (европейцев), в отличие от м-ра Синнетта, были связаны определенными обязательствами, они не могли объявить на весь мир то, что постигли.

Для меня и для других было бы очень важным узнать, каким же образом на самом деле возникли современные учения оккультной науки, и каково же истинное место «Эзотерического буддизма» как выражения авторского понимания оккультных истин.

Сейчас, когда теософские учения проникают в сознание людей, особенно важно, чтобы было достоверно известно происхождение современного движения. Я чувствую, что я сильно обязан «Эзотерическому буддизму», но я не уверен в собственной понимании фактов, о которых я упомянул, и хотел бы их согласовать».

Искренне ваш,
Чарльз Б. Ингэм

ОТВЕТ РЕДАКТОРА

Этот случай — хорошая иллюстрация недоразумений, которые часто возникают из-за неточности выражений, используемых писателем. Конечно, м-р Синнетт никак не мог хотеть того, чтобы его считали первым и единственным каналом для передачи эзотерической доктрины. На самом деле он специально опровергает это, и наш корреспондент может убедиться в этом, обратившись к странице ххi Введения того же самого издания этой книги.

«Позвольте мне добавить», — говорит м-р Синнетт, — «что я не рассматриваю себя как единственного выразителя внешнего мира в период кризиса эзотерического знания».

Если он не упомянул автора этих строк и ее американских учеников и коллег 1874-1878 годов — полковника Олькотта и м-ра Джаджа, — то это, бесспорно, потому, что он рассматривал «мадам Блаватскую», русскую по происхождению, как принадлежащую скорее Азии, нежели Европе (безобидное заблуждение, разделяемое многими патриотически настроенными англичанами), а этих двух джентльменов — как американских граждан. От него, без сомнения, также ускользнуло, что среди группы посвященных, к которой относится и его собственный мистический корреспондент, двое являются европейцами, а один, верховный Учитель, является в своем «на-

стоящем воплощении» наполовину славянином, как он сам об этом писал полковнику Олькотту в Нью-Йорк.

«Эзотерический буддизм» проделал предварительную работу, популяризируя эзотерические истины в экзотерической форме, смешанной с чистой метафизикой, которую сам автор отрицает (см. с. 46), и распространяя теософские идеи по всему миру; он доказал популярность этих идей тем, что его книга уже выдержала шесть изданий, и вскоре должно появиться седьмое. Однако эта книга не настолько свободна от небольших погрешностей, чтобы ее можно было рассматривать как непогрешимое Писание, а ее скромного автора как провозвестника Божественного Откровения,— как это представляют себе некоторые глупые энтузиасты, ищущие новых идолов. На вопрос корреспондента о том, «как в действительности возникли современные учения оккультной науки», ответить очень просто. Кризис достиг той стадии, когда стало абсолютно необходимым сделать доступным нашему поколению эзотерическое Учение о вечных циклах. Религия, и на Западе и на Востоке, давно уже задохнулась под нагромождением разнообразных сект и освобожденной науки. Из-за отсутствия какой-либо научно-религиозной концепции, наука нанесла религии *coup de grâce* [смертельный удар, *франц.*] железной кувалдой материализма. Завершая этот кризис, фантомный мир Гадеса (или Камалока) преобразовался в мутный поток в десятках тысяч комнат для спиритических сеансов, и создал безусловно ошибочные представления о состоянии человека после смерти. Нет ничего, кроме нескольких фундаментальных идей эзотерической философии, популярно изложенных таким ясным и замечательным писателем, как м-р Синнетт, что могло бы предотвратить гибель человечества в море неведения. Таким образом, вновь открылись Врата Дворца Истины, и м-р Синнетт и многие другие добровольные работники уловили каждый свой луч. Но так же как весь свет может быть получен только объединением всех лучей спектра, так и старая философия в целом может быть понята лишь объединением всех отдельных отблесков, прошедших через многие интеллектуальные призмы нашего и прошлых поколений.

ОБ ОДНОМ НЕДОРАЗУМЕНИИ В «ЭЗОТЕРИЧЕСКОМ БУДДИЗМЕ»

«Поскольку оба редактора «Люцифера» неоднократно заявляли о своей готовности беспристрастно публиковать даже «личные замечания» в свой адрес,¹ я воспользуюсь этой возможностью. С большим интересом ознакомившись с «Эзотерическим буддизмом» и одобряя его в целом, я хотел бы, с вашего любезного разрешения, сформулировать возражение по некоторым пунктам воззрения м-ра Синнетта на эволюцию, которые сильно потрясли меня и моих друзей. Они, как это может показаться, раз и навсегда разрушают теорию происхождения человека, выдвинутую столь популярным автором. Однако м-р Синнетт с таким постоянством выражал свою готовность ответить на искреннюю критику, что я, вероятно, могу надеяться на его помощь в преодолении этого затруднения. Между тем, несмотря на мое благосклонное отношение к теософии, я волею-неволей должен выразить мое убеждение в том, что один из аспектов эзотерической Доктрины (конечно, если м-р Синнетт может рассматриваться как абсолютный авторитет в этом вопросе) противоречит науке. Это одно из фундаментальных положений, признанное всеми — за исключением, быть может, немногих ... ну, таких вот слишком восторженных теософов.

В «Эзотерическом буддизме» мы сталкиваемся с принятием дарвинизма в целом. В частности, считается, что физический человек произошел от обезьяньих предков.

«Человек, по словам Дарвина, *когда-то был обезьяной*, что до некоторой степени верно. Но обезьяна, подразумеваемая (??) Дарвином, остается обезьяной на протяжении многих поколений, ее хвост не отпадает, и руки ее не превращаются в ноги и так далее ... если углубиться достаточно далеко в прошлое, то мы попадем в период, в котором не было человеческих форм, готовых к развитию на земле. *Когда духовные монады, проходящие самый ранний или самый низкий человеческий уровень, подходят, таким образом, к исходной*

¹ См. «Люцифер», № 6, стр. 432.

точке круга (планетарной цепи этого земного шара), их непрерывное давление на мир, содержащий лишь животные формы, вызывает повышение уровня последних до требуемой формы, — о которой обычно говорят как о недостающем звене».¹

И снова:

«Минеральное царство не будет больше порождать растительное царство ... пока оно не получит импульс извне, как и Земля смогла развить человека из обезьяны, только получив импульс извне».²

Изложенная здесь теория полагает, что развитие человека из обезьяны было вызвано инкарнацией человеческих эго с последней планеты в семизвенной цепи небесных тел. Я могу здесь заметить, что, говоря о наших предполагаемых животных предках как об обезьянах, «подразумеваемых» Дарвином, м-р Синнетт превосходит в своей смелости самых отчаянных эволюционистов. Ибо это гипотетическое создание вообще неизвестно, причем подозрительным является его отсутствие во всех, до сих пор исследованных, отложениях. Это, однако, замечание, сделанное мимоходом. Настоящее обвинение, к которому я сейчас подошел, будет изложено далее.

Нам говорят, что оккультисты делят время человеческого существования на этой планете на семь великих периодов рас. В настоящее время, пятая из этих рас, арийская, находится в своей восходящей фазе, в то время как четвертая представлена все еще многочисленными популяциями. Третья уже почти исчезла. На 64-ой странице «Эзотерического буддизма» нам говорят относительно четвертой расы, что:

«В эоценовой эре, уже в самом ее начале, великий цикл четвертой человеческой расы — атлантов — уже достиг своей наивысшей точки».

Здесь нам указывается отчетливая отметка в эзотерической хронологии. Суммируя эти данные, мы сталкиваемся со следующими предположениями:

1. Человечество физически развилось из человекообразных обезьян.

2. Четвертая раса достигла расцвета в начале геологической эоценовой эры.

3. Три первые расы (первая, вторая и третья) должны, поэтому, предшествовать эоценовой эре на огромный отрезок времени, даже

¹ А. П. Синнетт: «Эзотерический буддизм», стр. 42-43, Лондон, 1883.

² Там же, стр. 48.

если мы примем, что они были гораздо короче четвертой и пятой. Первая раса должна была бы предшествовать третичному периоду на несколько миллионов лет.

4. *Дотретичная первая раса* произошла, таким образом, *от обезьян, живших еще ранее.*

В этот момент разрушается сама ткань теории. Необходимо отметить, что наука не сумела найти *ни одного следа человекообразной обезьяны ранее поздней миоценовой эры.* Эоценовые отложения предшествуют миоценовым, и первая раса, как это уже показано, должна была предшествовать эоцену; она должна уходить далеко назад вглубь далеких и темных времен, когда создавались меловые утесы мезозойского периода! Как же может м-р Синнетт утверждать, что его взгляды на эволюцию человечества являются просто «взаимодополняющими» с дарвиновскими, если он имеет дело с периодами времени неизмеримо большими, нежели те, которыми оперируют эволюционисты? Палеонтологи единодушно отказываются признать существование высокоорганизованных обезьян ранее третичного периода; над этим посмеялся бы и Дарвин. По существу, только *простейшие* млекопитающие появились к тому времени, как сформировались эоценовые слои. Таковы научные взгляды, к которым м-р Синнетт предлагает нам отнестись с должным уважением. Повидимому, сам того не сознавая, он пригрел гадюку у себя на груди, потому что теперь та же самая наука «обернулась против него и жалит его». Я спрашиваю, КАК ЖЕ МОГЛА ВОЗНИКНУТЬ ОТ ОБЕЗЬЯН ПЕРВАЯ РАСА ЗА ЭОНЫ ЛЕТ ДО ТОГО, КАК ЭТИ САМЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ ПОЯВИЛИСЬ? Если м-р Синнетт будет столь любезен, предложить удовлетворительный ответ на этот вопрос, он существенно поможет избавиться от интеллектуальных затруднений, возникших на пути —

АГНОСТИКА, ИЗУЧАЮЩЕГО ТЕОСОФИЮ.

20 апреля, Абердин».

Это письмо представляет собой обвинение либо против Эзотерической Доктрины, либо против ее толкователей. Сама доктрина в наше время является неопровержимой, хоть ее толкователи и могут часто ошибаться при ее изложении; особенно это случается тогда, когда, как и в случае с автором «Эзотерического буддизма», пишущий недостаточно знаком с вопросами, о которых он трактует.

Предоставляя автору «Эзотерического буддизма» самому отвечать на критику, один из редакторов «Люцифера»,

косвенно связанная с этой работой, просит дать ей возможность сказать несколько слов на эту тему. Прежде всего, она хотела бы выразить удовлетворение по поводу того, что началось изучение вопросов, содержащихся в книге м-ра Синнетта; она была единственной из тех, кто имел отношение к этим исследованиям, и кто на протяжении многих лет был осведомлен о них. Поэтому никто лучше нее не может знать, что содержится и что отсутствует в различных положениях этого учения.

Наш корреспондент должен иметь в виду, что:

а) во время публикации «Эзотерического буддизма» (слово *буддизм*¹ было бы более точным) автор имел весьма несовершенные познания в оккультизме; в противном случае он не прослеживал бы происхождение человека от человекообразных обезьян, ибо эта теория, по мнению Учителей, абсурдна и *неприемлема*;

б) это была лишь первая попытка испытать готовность общества к восприятию эзотерической философии.

Ибо м-р Синнетт в основном использовал свои собственные источники и идеи, и следовал, естественно, движению собственного ума, который, хотя и склонен к эзотерической философии, но, тем не менее, определенно подвержен влиянию современной науки. Следовательно, то, что изложено в этой книге, имело своей целью взглянуть на это учение с высоты птичьего полета, а не детальное описание какой-либо конкретной проблемы. Само же учение не было дано вместе с публикуемой книгой. Это учение никогда не исследовалось систематически и не могло быть предложено вниманию обы-

¹ *Буддизм* означает «мудрость», от *будха*, «мудрый», «разумный», и повелительное наклонение глагола *будхьядхван*, «познай», а буддизм — это религиозная философия Гаутамы Будды. Как справедливо отмечает д-р Уилсон в своем переводе «Вишну пураны», «много ошибочных спекуляций появилось из-за смешения Будха, сына Сомы (Луны) и правителя планеты Меркурий — «того, кто знает», «знающего», — с Буддой, неким обожествленным (?) смертным, или «тем, который познал истину», или воплощенном в личности Гаутамы, или Шакья, сыном раджи Шуддходаны. Эти два термина не имеют ничего общего; эти имена становятся идентичными только благодаря той или иной ошибке». Буддизм, известный уже в доведийский период, на много лет предшествовал буддизму.

вателя; поэтому оно состоит из разрозненной информации в форме ответов на вопросы, заданные в частных письмах относительно самых разных предметов, таких, как космогония и психология, теогония и антропология и так далее. Более того, многие вопросы были оставлены без какого-либо ответа и полные объяснения специально обходились стороной, поскольку они относились к тайнам Восточного Посвящения. Эта политика, впоследствии, доказала свою мудрость. На этой стадии абсолютного материализма с одной стороны, осторожного агностицизма с другой, и разного рода неопределенностей в отношении индивидуальных идей, возникающих у наиболее видных деятелей науки, вряд ли было бы разумным *полное* откровение по поводу архаичной схемы антропологии. Во времена Пифагора гелиоцентрическая система была тайной, мыслимой лишь в тишине и уединенности внутренних храмов; а Сократ был приговорен к смерти за ее разглашение, под воздействием своего ДАЙМОНА. В наше время люди, открывающие системы, расходящиеся во взглядах с религией или наукой, не подвергаются физическому уничтожению, но их медленно угнетают, в течение всей жизни до их смертного часа, открытой клеветой и тайными преследованиями. Таким образом, полное разъяснение даже такой сокращенной и ограниченной версии «эзотерического буддизма» могло бы принести больше вреда, чем пользы. Только *некоторые его части* могут быть даны, и они будут даны в ближайшем будущем.

Тем не менее, как признает и наш критик, невзирая на все эти трудности, м-р Синнетт проделал очень интересную и ценную работу. То, что в своем ярко выраженном восхищении современной наукой он, по-видимому, несколько материализовал учение — это признает каждый метафизик. Но верно также, что автор «Эзотерического буддизма» утверждает «авторитарный характер» своей книги лишь в той мере, в какой он создается благодаря некоторому количеству буквальных цитат, взятых из доктрин Учителя, в особенности тех, которые рассматривают такие сложные вопросы, как эволюция. Обстоятельство, на котором делает ударение его критик — неубедительность утверждений, сделанных в этой работе относительно происхождения человека на этой планете, — безус-

ловно, обесценивает предпринятую м-ром Синнеттом попытку объединить дарвиновскую и эзотерическую схемы эволюции человечества. Но каждый истинный теософ, не ожидающий незамедлительного признания истин, в которые он верит, но уверенный в их триумфе в будущем, может только порадоваться этому. Научные теории, или, скорее, *предположения*, на самом деле слишком материалистичны, чтобы можно было их соединить с «*эзотерическим буддизмом*».

Однако, поскольку вся эта проблема исключительно сложна, то невозможно разобраться в ней в рамках этой короткой заметки. «Буддизм» в архаические, *доисторические* времена — это не тот вопрос, который может быть изложен в одном небольшой томе. Достаточно сказать, что большая часть ожидаемой «Тайной доктрины» посвящена разъяснению истинных эзотерических взглядов на происхождение человека и развитие общества, о чем в «Эзотерическом буддизме» сказано вскользь. Именно к этому источнику мы и хотим направить всех, у кого возникнут вопросы.

«ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ» И «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»

«В связи с различными замечаниями относительно «Эзотерического буддизма», которые, вероятно, возникают в ходе работы над Вашей новой книгой, «Тайной доктриной», я хотел бы привлечь Ваше внимание к некоторым высказываниям по тому же вопросу, появившимся ранее в «Теософисте», в то время, когда вы были редактором этого журнала.

В «Тайной доктрине» вы говорите об «Эзотерическом буддизме» как о «книге с очень неудачным названием», и, ссылаясь на отрывок в моем предисловии, в котором подчеркивается новизна излагаемых здесь учений для европейского читателя, вы говорите, что в него вкралась ошибка, вызванная моей небрежностью. В последнем номере «Люцифера» вы обсуждаете этот вопрос в заметке, следующей за письмом корреспондента. Позвольте мне напомнить Вам редакционную заметку в февральском номере «Теософиста» за 1884 год, очевидно, вышедшую из-под Вашего пера. Она была написана в ответ на реплику м-ра У. К. Джаджа о том, что почти все руководящие идеи доктрины, содержащейся в «Эзотерическом буддизме», могут быть найдены в Бхагавадгите. Вы писали:

«Мы не уверены в справедливости замечаний нашего американского брата. Знание, открытое в «Эзотерическом буддизме», несомненно, открывается в первый раз, поскольку аллегории, рассеянные в священной индийской литературе впервые оказались теперь объясненными миру непосвященных.¹ Со дня основания Теософского об-

¹ Автор «Тайной доктрины» покорнейше напоминает, что она никогда не отрицала в отношении доктрин, разъясненных м-ром Синнетом, привилегию того, что они впервые были *ясно* «ОБЪЯСНЕННЫ», в печати, в «Эзотерическом буддизме». Единственное на чем она решительно настаивает, это то, что они были *открыты* некоему *европейцу*, а через него и другим европейцам, *не в первый раз*. Имеется несомненная разница между «опубликовать» и «открыть»; прекрасная *зацепка*, используемая нашими общими врагами. Более того, автор «Тайной

щества и публикации «Изиды», ежедневно повторяется, что вся эзотерическая мудрость прошлого содержится в скрытом виде в Ведах, Упанишадах и Бхагавадгите; и все же до появления «Эзотерического буддизма», так же, как и в течение многих предшествующих столетий, эти доктрины оставались письмом, *запечатанным для всех, кроме нескольких посвященных браминов*, которые всегда хранили их дух внутри себя».

Таким образом, если я ошибался в своем утверждении, что это учение ранее не было известно европейцам, то делал я это в хорошей компании — с Вами вместе. Ваша заметка заставляет сказать далее, что учения «Эзотерического буддизма», конечно, находятся в скрытом виде в Бхагавадгите, «но», говорите вы:

«Что из этого? Что хорошего для м-ра У. К. Джаджа и любого другого человека может быть в алмазе, который лежит глубоко под землей? Конечно, каждый знает, что нет ни одного драгоценного камня, сверкающего сегодня в ювелирной лавке, который не лежал бы в скрытом виде в течение многих веков в недрах земли. Но, конечно, тот, кто впервые его нашел, расколол и отполировал, вероятно, имеет право сказать, что он впервые открыл миру этот алмаз».¹

Что касается моего «неудачного названия», которое было (как Вам, я полагаю, известно) одобрено, и первоначально не возникло никакого вопроса относительно двух «д», — вы говорите в «Тайной доктрине»:

«Это дало нашим врагам сильное оружие против теософии, поскольку, как это резко выразил известный палийский ученый, в кни-

доктрины» не была первой, давшей естественное объяснение той самой сентенции, которую использовал наш высокочтимый друг и корреспондент; это было сделано многими критиками как *вне*, так и *внутри* Теософского общества. Речь идет здесь не о разногласиях между м-ром Синнеттом и Е. П. Блаватской, но между ними, с одной стороны, и их критиками, с другой; причем, оба они связаны друг с другом (как теософы, верующие в эзотерические учения) обязательством защищать Священную Доктрину от нападок с любых сторон — *посредством* ее разъяснения.

¹ Это доказывает, во-первых, что желание защитить в печати друга и товарища по работе *quand même* [во что бы то ни стало, *франц.*], даже если он не полностью прав, все же не всегда разумно; и, во-вторых, что всякий опыт приходит со временем. «Хороший адвокат не только слушает, но и исследует каждый случай, и если он опасается проиграть дело, он отказывается от него», — поучает Фуллер. Из меня не вышло «хорошего адвоката», и я несу свою *карму* за это; из «адвоката» я превратилась в «обвиняемого».

ге, названной «Эзотерический буддизм», нет ни эзотеризма, ни буддизма». ¹

Таким образом, вы повторяете ту же критику, что и в статье, опубликованной в «Теософисте» в ноябре 1883 года. Ваш текст по этому вопросу был основан на публикации в «St. James' Gazette», авторство которой вы приписываете д-ру Рис-Дэвидсу, и вы пишете:

«Но прежде чем востоковеды смогут доказать, что доктрины, излагаемые м-ром Синнеттом, не являются «буддизмом, ни эзотерическим, ни экзотерическим», они должны будут разделаться с тысячами текстов браминской адвайты и других ведантистов — в особенности с работами Шанкарачарьи, — на основании которых можно доказать, что в этих трудах эзотерически даются те же самые доктрины».

В той статье вы говорили о том же замечании, которое вы сейчас считаете «очень важным» ² и приписываете перу крупного палийского ученого, как о «злой и беспочвенной критике».

¹ «Тайная доктрина», том I, *Введение*, стр. 21, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. — *Прим. редактора*.

² Так мы говорим теперь. И мы не отказываемся ни от одного слова, сказанного тогда; и «Тайная доктрина» подтверждает это. Но это вовсе не противоречит тому факту, что любое учение, высказанное когда-либо публично, не может далее рассматриваться как «эзотерическое». Эзотерические идеи, изложенные в «Эзотерическом буддизме» и «Тайной доктрине», стали теперь экзотерическими. Замечание о «злой» критике не исключает того, что она была «очень важной»; таковы, например, большинство замечаний Карлейля. Несколько лет назад, в то время, когда наши доктрины были едва очерчены, и востоковеды ничего о них не знали, всякая дискуссия и критика такого рода была «бесполезной». Но сейчас, когда эти доктрины распространились по всему миру, пока мы не назовем вещи своими именами и не признаем наши ошибки (например, написание *буддизм* вместо «будхизм» — ошибка, кроме того, отчетливо приписанная *непосредственно нам*, «индийским теософам», а *вовсе не м-ру Синнетту*), наши критики будут иметь бесспорное право обвинять нас в том, что мы пустились в плавание под *фальшивым* знаменем. Нет ничего более пагубного для нашего дела. Если мы хотим, чтобы на нас смотрели как на *теософов*, мы должны защитить ТЕОСОФИЮ; мы должны защитить наше знамя, прежде чем мы подумаем о защите нашей собственной незначительной личности и *amour-propre* [самолюбия, *франц.*], и должны быть готовы к тому, чтобы принести себя в жертву. Именно это я и пыталась сделать во *Введении* к «Тайной доктрине». Жалок знаменосец, закрывающий свое тело от вражеских пуль священным знаменем, которое ему доверили!

Уместность заголовка, данного моей книге, обсуждалась в статье в «Теософисте» за июнь 1884 года, снабженной замечаниями редактора. Автор говорил в ней:

«Название, данное книге м-ра Синнетта, не будет ошибочным или спорным, когда будет отчетливо понята полная идентичность между изложенными в ней доктринами и учениями древних индийских риши».¹

Эти цитаты показывают, что неблагоприятное мнение об «Эзотерическом буддизме», предложенное в настоящее время на суд читателей «Тайной доктрины», возникло у ее автора, по-видимому, относительно недавно.² Удовлетворившись заверением, полученным (как объяснено в предисловии к шестому изданию) от почтенного учителя, суть которого сводится к тому, что книга в целом представляет собой логичное и заслуживающее доверия изложение его учений, не нуждающееся в каком-либо последующем изменении или апологизации,³ я до последнего времени оставлял без ответа всякую

¹ Поскольку «риши» не имеют никакого отношения к «буддизму» — религии Гаутамы Будды, — это высказывание, несомненно, свидетельствует о том, что ошибка, связанная с двойным «д», в то время не казалась автору столь существенной, как это стало потом.

² Это ошибка. То, о чем говорится ныне в «Тайной доктрине», мы знали и ранее, но с первого года после публикации «Эзотерической доктрины» хранили молчание; однако мы признаем, что с самого начала мы не понимали важности этой ошибки так отчетливо, как понимаем это сейчас. Большое количество критических замечаний, содержащихся в частных письмах и в письмах, присланных в «Люцифер», как от друзей, так и от недругов, заставило нас увидеть этот вопрос в его истинном свете. Если бы эта критика была направлена только против нас (м-ра Синнетта и Е. П. Блаватской) *персонально*, ее можно было бы полностью проигнорировать. Но поскольку она имела прямое отношение к исповедуемым нами доктринам — некоторые настаивали на том, что это *буддизм* в чистом виде, а другие считали, что это *новомодная доктрина*, изобретенная нами и приписываемая буддизму, — то опасность стала совершенно очевидной, и без публичного объяснения уже никак нельзя было обойтись. Более того, впечатление, что это учение является слишком материалистичным — «Эзотерический буддизм» осуждали за поддержку дарвиновской гипотезы, — распространилось от индуистов и ведантистов до почти всех европейских теософов. Это мнение необходимо было опровергнуть, что мы и сделали в «Тайной доктрине».

³ Никто никогда и не помышлял о том, чтобы отрицать, что «Эзотерический буддизм» является *в целом* «заслуживающим доверия изложе-

критику, высказываемую в ее адрес. Я знал с самого начала, что в ней содержатся ошибки, которые может обнаружить посвященный, но к тому времени, когда человек, изучающий книгу, сумеет оценить эти ошибки, он уже будет находиться в независимой позиции к этой книге, а до тех пор они не будут его смущать.¹ Однако сейчас я жалею, что «Тайная доктрина» посвящена не только распространению и развитию учения (то есть задаче, которая никем не может быть выполнена лучше, чем Вами, что я охотно первым и признаю), но она прокладывает свой путь посредством замечаний об «Эзотерическом буддизме», и эти замечания касаются не только новых мыслей по поводу многих бесспорных недостатков моей книги, но и содержат в себе пренебрежительное отношение,² высказываемое Вами по всякому поводу, и упреки другим за то, что они идут вперед.

Вы говорите, возражая против названия моей книги, что «эзотерические истины, представленные в книге м-ра Синнетта, перестали быть эзотерическими с момента их опубликования». Не должно ли то же самое странное возражение появиться на первой странице книги, названной «Тайная доктрина»? Не утратила ли доктрина права на это определение с того времени, как появилась Ваша книга?³

нием» учений Учителя. Утверждается лишь то, что некоторые *личные* спекуляции автора были неверны и приводили к ошибочным заключениям, (а) по причине их неполноты, (б) из-за того, что они были ближе к современной *физической* науке, чем к метафизической философии. Весьма вероятно, что ошибки, проистекающие из желания отразить диаметрально противоположное, будут найдены и в «Тайной доктрине». Как же любой из нас, в том числе и наиболее сведущий в оккультном учении среди теософов, может претендовать на непогрешимость? Давайте скромно признаем вместе с Сократом, что «все, что мы знаем, это то, что мы ничего не знаем»; во всяком случае, ничего, в сравнении с тем, что мы должны узнать.

¹ Не «смущать», а *вводить в заблуждение* — именно это и произошло.

² Мы возражаем против этого выражения. Не «пренебрежительное отношение», но просто попытка прояснить некоторые идеи, излагаемые в наших работах. Без таких объяснений, утверждения, делаемые обоими авторами, неизбежно могли бы быть отвергнуты как противоречащие друг другу. Широкая публика редко достигает глубины в анализе таких трудных метафизических вопросов, но судит по внешности. Мы должны, в первую очередь, познакомить читателя со всеми сторонами учения, прежде чем позволить ему принять или даже усмотреть в одной из этих сторон некую *догму*.

³ Бесспорно, это *так*, если следовать логике. Наш корреспондент вряд ли задал бы этот вопрос, звучащий как сарказм, если бы он обра-

Эти вопросы имеют совсем небольшое значение, хотя они и усложняют мое понимание того, почему Ваши взгляды на них столь диаметрально изменились за последние годы.¹ Я вряд ли взялся бы за написание этого письма, если бы не пассаж из «Тайной доктрины», относящийся к «Эзотерическому буддизму».² Вы считаете, что моя попытка объяснить планетарную эволюцию неудачна из-за своей недостаточной метафизичности, цитируя при этом мое высказывание, что «чистая метафизика такого рода меня не привлекает», в связи с фразой из одного директивного письма, которое я получил во время работы над книгой. «В таком случае», — говорите вы, — «как отмечает Учитель в своем письме: почему проповедь наших доктрин является столь тяжелой работой и плаванием *adversum flumen* [против течения, *лат.*]». Любой читатель вообразит, что приведенный пассаж из этого письма имеет отношение к выражению, цитируемому из книги.³ На самом деле, ничего подобного далее нет. Мое замечание о «чистой метафизике» имеет ограниченную и специфическую сферу приложения, и на следующей странице я имею дело с периодом, предшествующим самым ранним проявлениям природы в сфере чувств, когда эволюция работала с «элементарными силами, лежащими в основе явлений природы, столь очевидных и воспринимаемых человеческими чувствами теперь».

Время от времени, от критиков «Эзотерического буддизма», которые, по-видимому, отмечают мой неверный подход, я слышал это обвинение в том, что я недостаточно оценил великую доктрину с метафизической точки зрения, что я «материализовал» ее концепции. Не думал, что я когда-нибудь возьмусь за перо, чтобы бороться с этой идеей, хотя она всегда казалась мне странной и ошибочной; но обвинения с Вашей стороны столь укрепили мою позицию по этому

тил внимание на то, что сказано во Введении к «Тайной доктрине» [стр. 21-22]: «Эзотерический буддизм» — это прекрасная работа с очень неудачным названием, хотя оно означает не более чем название данной книги, «Тайная доктрина»; другими словами, «Эзотерический буддизм», также как и те части «Тайной доктрины», ныне разъясненные в нашем издании, *перестали быть «тайными»* с момента их обнаружения. Мы призываем логиков и литературных критиков разрешить этот вопрос.

¹ *Vide supra* [см. выше, *лат.*]: причины теперь ясны.

² «Тайная доктрина», том I, стр. 232 и далее, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. — *Прим. редактора.*

³ Это замечание Учителя было сделано в общем, а не по какому-то конкретному поводу. Но что из этого?

вопросу, что пришло время, во всяком случае, разъяснить, каковы же мои собственные соображения.¹

Обвинение в «материализации» доктрины возникли, по-видимому, исключительно потому, что мне в какой-то мере удалось сделать некоторые ее части доступными для понимания. Широко распространен обычай рассматривать неясность изложения как эквивалент одухотворенности мысли; и большинство людей не привыкло уважать ту фразеологию, которую они могут понять. Не привыкшие воспринимать мысль с помощью образной интуиции, они полагают, что если эта мысль дается в живом виде, то тем самым она утрачивает свое привилегированное положение в идеальной сфере. Они обычно рассматривают некий кирпич как нечто, имеющее определенную форму и назначение, а идею — как тень Протея. Если идея имеет определенное место в природе, она будет казаться им материализованной, даже если она будет связана с жизненными условиями, столь далекими от материальных, как девакханическое чувство.

Последовательность Причины и Следствия, по-видимому, материализуется сама по себе — в той ментальной атмосфере, в которой я это обсуждаю, — если ее рассматривать в наиболее интересном аспекте, а именно, как прокладывающую путь из одного природного плана в другой.

¹ Мы еще раз просим нашего друга и коллегу м-ра Синнетта поверить, что сказанное в «Тайной доктрине» не содержит замечаний, выражающих наши *личные возражения*, поскольку нам слишком хорошо знакома позиция нашего корреспондента, чтобы иметь какие-либо возражения. Они адресованы нашим благожелательным критикам и направлены против них, особенно против тех, кто с достойной восхищения, хотя и заслуживающей лучшего применения, беспристрастностью пытаются поразить нас обоих, а *через нас* — всю Эзотерическую Доктрину. Не провозглашалась ли последняя некоторыми доброжелателями изобретением Е. П. Блаватской? Не утверждал ли даже такой исключительно умный и ученый человек, как покойный Ш. У. Кинг, в своей книге «Гностики и их реликвии», что у него есть причины «предполагать, что прорицательница «*Эзотерического буддизма*» (т. е. ваш покорный слуга) извлекла свои первые идеи из анализа *Внутреннего человека* (т. е. наших семи принципов), изложенных в моем (его) первом издании!» И это потому, что большинство философских гностических работ, особенно учения Валентина и Маркиона, полны нашими древними эзотерическими идеями. Поистине, сейчас самое время, чтобы обвиняемый также мог «встать и объяснить» свою позицию в «Тайной доктрине», невзирая на чью-либо (в том числе ее собственную) личность.

Для такого рода читателей «Эзотерический буддизм», может быть, является материалистичным; но, поскольку я осмеливаюсь верить в то, что он является мостом, по которому уже перешли многие, и могло бы перейти еще больше, через пропасть, разделяющую материальные интересы этой жизни и царство духовных устремлений вне ее, я не вижу причины сожалеть о той форме, в которой она была написана, хотя многие из тех, кто использовал ее в свое время, сейчас презирают ее материалистическую конструкцию.¹ Это слишком перегрузило бы Ваш журнал, если бы я цитировал в полном объеме высказывания, показывающие, сколь постоянно я подчеркивал нематериалистические аспекты этого учения; однако я, вероятно, могу позволить себе привести одну цитату небольшого отрывка из главы о «вселенной», в котором говорится:

«Она (доктрина Эзотерической Мудрости) снисходит до материализма, как бы связывая свои методы с логикой этой системы, и поднимается в высшие сферы идеализма, чтобы охватить и выразить наиболее высокие духовные устремления».

Целостная истина этой доктрины прекрасно изложена в исчерпывающем виде в конце длинной статьи «Метафизическая основа эзотерического буддизма», которая опубликована в «Теософисте» за май 1884 г., с наводящей на размышления подписью, Дамодар К. Маваланкар. Она гласит:

«Читатель поймет теперь, что «Эзотерический буддизм» — это не система материализма. Это, как говорит м-р Синнетт, *трансцендентальный материализм*, который не является материализмом, так же, как абсолютное сознание — это отсутствие сознания».²

¹ Мы не знаем никого, кто бы «презирал», но знаем, с другой стороны, многих, и таковых очень много, которые радуются, потому что ее можно рассматривать как «материалистическую». Самое время опровергнуть их и вывести из заблуждения; и это письмо, в котором впервые излагаются истинные взгляды и позиция нашего корреспондента, — это один из первых хороших плодов, появившихся благодаря моим замечаниям в «Тайной доктрине». Это хороший способ остановить наших врагов.

² Это — *verbatim* [слово в слово, *лат.*] выражение вашего друга и покорного слуги, Редактора. Дамодар лишь повторил наши взгляды. Но таких, как Дамодар мало, и наш корреспондент хорошо знает, что в Англии имеются другие брамины, заявившие, что «Эзотерический буддизм» *материалистичен в своей основе*, и постоянно поддерживающие эту мысль в других людях.

Всякая защита кого бы то ни было — это неприятное дело. По многим причинам я бы скорее оставил все эти вопросы в покое, но игнорировать неблагосклонные замечания, вышедшие из-под Вашего пера, означало бы отнестись к ним с меньшим уважением, чем содержат мои настоящие замечания.

В заключение, поскольку «Тайная доктрина» так часто обсуждает то, что говорится в «Эзотерическом буддизме» относительно дарвиновской эволюции, позвольте мне попытаться разъяснить этот пункт. Полученное мной учение о расовой эволюции, весьма ограничено. Было бы неточным назвать его «фрагментарным» (как это иногда делается); но оно имеет в своей основе рассмотрение проблем «космогенезиса», следовательно, занимается, прежде всего, космическим прогрессом духовных вопросов в различных царствах природы, начиная с минералов и завершаясь в человеке. Из этого элементарного утверждения следует, что на некоей стадии великого эволюционного процесса происходит подъем из царства животных в человеческое царство,¹ независимо от того, где бы этот переход ни происходил. В этом отношении учение подтверждает дух дарвиновской идеи,² хотя дальнейшее выяснение этого вопроса в Вашей данной работе показывает, что многие специфические предположения дарвинизма ошибочны, а его приложение к человеческой эволюции в этот мировой период в целом неоправданно. Необходимо сказать, что когда я писал «Эзотерический буддизм», я

¹ В первом Круге, частично во втором, но не на каком-либо этапе *четвертого* Круга. Для этого имеется чисто *математическая* или, скорее, алгебраическая причина: Настоящий (наш) Круг, являющийся срединным (между 1-м, 2-м и 3-м с одной стороны, и 5-м, 6-м и 7-м, с другой), — это период приспособления духа и материи и конечного равновесия между ними. Это тот момент, когда царство *истинной* материи, ее величайшее состояние (так же неизвестное науке, как и ее противоположный полюс — гомогенная материя или субстанция) завершает свое развитие и приходит к концу. С этой точки зрения физический человек начинает сбрасывать «слой за слоем» свои материальные молекулы для пользы и последующего формирования животного царства, которое, в свою очередь, передает их растительному царству, а последнее — минеральному. Поскольку в *первом* Круге человек развился из животного *через посредство* двух других царств, следует полагать, что в данном Круге он должен появиться *прежде* мира животных *этого* манвантарического периода. Более подробно это изложено в «Тайной доктрине».

² Что же знали Дарвин или дарвинисты о нашем эзотерическом учении о «Кругах»? «Дух» дарвиновской идеи — это «ирландский бык», поскольку этот «дух» является материализмом чистой воды.

не знал позиции Вашего учения по этому вопросу, поэтому мое личное убеждение того времени состояло в том, что доктрина поддерживает гипотезу Дарвина в общем виде. Когда я писал «Эзотерический буддизм», я не слышал живого слова Индии, что и привело к противоположному эффекту.¹

Таким образом, больше не осталось вопросов, заслуживающих обсуждения. Мои читатели должны были познакомиться с первичными принципами кармы, реинкарнации и космического прогресса, направленного к высшим состояниям существования. Весь космогенезис, необходимый для понимания этих принципов, содержится в данном учении. Многое было оставлено для дальнейшего развития, в надежде на перспективу. Первая книга Эвклида не может содержать также вторую, третью и четвертую. Я не сомневаюсь, что в «Тайной доктрине» мы получили эзотерическое учение, аналогичное более развитой геометрии. Но, вероятно, она будет менее всего оценена теми, кто, прочтя первые страницы, подумает, что в ней идет речь о треугольниках».

С уважением, Ваш
А. П. Синнетт

От всего сердца мы благодарим м-ра Синнетта за это письмо. Лучше позже, чем никогда. В только что опубликованном первом томе нашей «Тайной доктрины» [стр. 262], мы приводим цитату из письма члена Теософского общества:

«Я полагаю, вы понимаете, что три четверти теософов, и даже люди, не принадлежащие к Теософскому обществу, воображают, что в «Эзотерическом буддизме» по вопросу об эволюции человека дарвинизм и теософия пребывают в любовном согласии».

Мы горячо отвергаем эту мысль уже на следующей странице, но наше отрицание не пошло бы столь далеко без поддержки м-ра Синнетта. Письмо, содержащее цитируемое выше предложение, было написано более двух с половиной лет тому назад, и наш отказ от обвинения «Эзотерического буддизма» в материализме и дарвинизме был поддержан автором этого письма и многими другими. Однако для пользы дела не помешало бы, чтобы м-р Синнетт лично подтвердил это. Ныне наша цель достигнута, ибо автор «Эзотерического буддизма»

¹ Причина этого также изложена в «Тайной доктрине».

формально опроверг обвинение, и мы надеемся, что у нас не будет больше столь резких расхождений в наших философских убеждениях.

Заканчивая, мы еще раз благодарим нашего уважаемого корреспондента за снисходительность, с которой он воспринял наши замечания, хотя, к нашему сожалению, он ошибочно приписывает их ничем не оправданному изменению в нашем отношении к нему. Мы отвергаем такое обвинение и надеемся, что наши объяснения рассеют последние следы любых подозрений подобного рода.

МАГИЧЕСКИЕ ЛОЖИ

Хоть ложь бывает и невероятна,
Мы верим, потому что ложь приятна;
Но Правда, неказистая на вид,
Ложь рано или поздно победит.

Черчилль

Один из наших самых уважаемых коллег по оккультным исследованиям предлагает нам обсудить вопрос об образовании «рабочих лож» Теософского общества для привлечения новых сторонников. Много раз в ходе развития теософского движения становилось ясно, что ускорить этот процесс практически невозможно. Но трудно сдерживать природное нетерпение того, кто страстно желает сорвать завесу Храма. Приобрести божественное знание, как приз на классическом экзамене, с помощью репетиторства и зубрежки — это идеал среднего новичка в изучении оккультизма. Отказ основателей Теософского общества поощрять такие ложные надежды привел к образованию поддельного Братства «Люксор» (и преступной шайки?), спекулирующего на людской доверчивости. Вот какую соблазнительную приманку бросают они простакам в следующем образчике проспекта, который несколько лет назад попал в руки одному из наших самых доверенных друзей и теософов.

«Изучающих оккультные науки, искателей истины, и тех теософов, кто, возможно, разочаровался в своих ожиданиях Великой Мудрости, распространяемой ИНДУССКИМИ МАХАТМАМИ, приглашаем записаться в ..., а затем, если они будут признаны годными, они могут быть приняты, после небольшого испытательного срока, в члены Оккультного Братства. Члены нашего Братства не хвастаются своими знаниями и навыками, но учат открыто» (от 1 до 5 фунтов за

азы?), «и ничего не скрывая» (омерзительные детали «Юлиса» П. Б. Рандолфа), «всему, что они находят заслуживающим внимания» (читай: обучение на коммерческой основе; деньги — учителям, а выплаты из Рандолфа и других торговцев «приворотными зельями» — ученикам!).¹

Если верить слухам, некоторые районы Англии, особенно Йоркшир, наводнены мошенниками — астрологами и гадалками, — выдающих себя за теософов, чтобы им удобнее было надувать доверчивых представителей высших слоев общества. Эти мошенники уже не довольствуются законной добычей — служанками и зелеными юнцами. Если бы «магические ложи», которые предлагает организовать автор нижеследующего письма в редакцию журнала, появились бы на самом деле, не взирая на принятые меры предосторожности с целью отбора в их члены только лучших кандидатов, мы бы столкнулись со стократным возрастанием такой подлой и отвратительной эксплуатации святых имен. И в этой связи, прежде чем предоставить место письму нашего друга, главный редактор «Люцифера» должна сообщить своим друзьям, что она никогда не имела даже самого отдаленного отношения к так называемому «Г[ерметическому] Б[ратству] Л[уксор]», и что все противоположные заявления являются ложными и бесчестными. Существует секретное общество (чьим дипломом, или членством, обладает единственный среди современных людей белой расы — полковник Олькотт), которому такое название было дано автором «Разоблаченной Изиды» для удобства обозначения,² но которое известно среди Посвященных совсем

¹ Документы выставлены для обозрения в офисе «Люцифера». Они написаны рукой ... (имя опущено из уважения к прошлым заслугам), «Провинциального Великого Магистра Северной Секции». Один из этих документов носит название «Краткий ключ к Юлианским мистериям», т.е. *тантрической* черной магии на фаллической основе. Нет, члены *этого* оккультного Братства «не хвастаются своими знаниями». Очень разумно с их стороны: словами делу не поможешь.

² [См. «Разоблаченную Изиду», том II, стр. 393, изд-во «Эксмо-Пресс», 2000.] Можно также добавить, что «Братство Луксор», упоминаемое Кеннетом Маккензи (в «Британской масонской энциклопедии») как действовавшее в Америке, не имело ничего общего с тем Братством, о котором идет речь в настоящий момент. Это выяснилось уже после публикации «Изиды» из письма, которое он написал сво-

под другим названием, так же как особу, известную публике под псевдонимом «Кут Хуми», знакомые называют совсем по-другому. Вопрос: каково же название этого общества на самом деле? — поставил бы в тупик «Юлиана» фаллического «Г. Б. Л.». Настоящие имена учителей-адептов и названия оккультных школ никогда, *ни при каких обстоятельствах*, не открываются непосвященным; и имена тех, с кем в первую очередь связывают сегодня теософию, известны лишь двум главным основателям Теософского общества. А теперь, после столь обширного предисловия, перейдем к письму нашего корреспондента. Он пишет:

«Один мой друг, мистик, намеревался вместе с другими создать отделение Теософского общества в своем городе. Удивляясь его промедлению, я написал ему письмо с просьбой объяснить причину. Он ответил, что слышал, будто Теософское общество только проводит встречи и беседы, но не делает ничего практического. Я всегда считал, что Теософское общество должно иметь ложи, в которых делалось бы что-то практическое. Калиостро хорошо понимал это стремление людей видеть, как что-то делается прямо на их глазах, когда учредил Египетский ритуал и ввел его в практику франкмасонских лож. В ...шире много читателей «Люцифера». Мы могли бы предложить им самим образовать такие ложи и попытаться объединенными усилиями развить хотя бы в одном из них определенные силы, а затем это могло бы получиться и у остальных. Я уверен, многие вступили бы в такие ложи, что вызвало бы огромный интерес к теософии».

А.

ему другу в Нью-Йорк. Это Братство Маккензи считал простым Масонским обществом, но на гораздо более секретной основе, и, как он высказывается в этом письме, он *не знал тогда ничего о нашем* Братстве, имевшем отделение в Луксоре (Египет), которое, по этой причине, было упомянуто нами под тем же самым названием. В результате путаницы некоторые пришли к заключению, что существовала регулярная ложа адептов с таким названием, и убедили некоторых доверчивых друзей и теософов в том, что «Г. Б. Л.» идентично, или является филиалом, организации, предположительно находящейся в окрестностях Лахора!! Эти утверждения — вопиющее искажение истины.

В этой заметке нашего почтенного и ученого друга содержится эхо голосов 99% членов Теософского общества: только 1% правильно понимает функции и цели наших отделений. Самая распространенная ошибка касается посвящения в таинства и постижения пути. Из всех мыслимых задач, самое сложное — стать адептом. Посвящения во все таинства невозможно достичь за несколько лет и даже за одну жизнь. Оно требует напряженных усилий в течение многих и многих жизней, за исключением случаев столь редких, что они вряд ли заслуживают рассмотрения, как исключения из общего правила. Факты определенно свидетельствуют, что ряд наиболее почитаемых индийских адептов стали таковыми, несмотря на то, что родились в низших кастах. Однако понятно, что они совершали свое восхождение сквозь многие промежуточные инкарнации, и при последнем рождении им оставался совсем незначительный отрезок духовного развития до достижения полного совершенства, в результате чего они стали великими живыми адептами. Конечно, это не обязательно означает, что ни один из потенциальных членов ложи Калиостро, существующей лишь в представлении нашего друга «А.», не может быть так или иначе готов для посвящения, но возможность этого настолько мала, что можно предположить: западная цивилизация, по видимому, скорее развивает в людях качества борцов, а не философов, военных мясников, а не будд. Два к одному, что среди членов ложи не найдется ни одного, кто был бы целомудрен с детства и в то же время не испорчен употреблением спиртных напитков. А что уж говорить о свободе кандидатов от оскверняющих последствий пагубного влияния общественной среды. Среди необходимых предпосылок психического развития в мистических Наставлениях всех восточных религиозных систем упоминаются чистое жилище, безупречное окружение и ясный ум. Может ли «А.» обеспечить все это? Конечно, было бы желательно иметь какую-нибудь школу для обучения членов нашего Общества; и будь чисто экзотерическая работа и обязанности основателей не такими всепоглощающими, возможно, одну такую школу мы давно бы основали. Даже не для практического обучения, как это было в плане Калиостро, навлекшим на него ужасные страдания и не оставившем заметных следов, которым мы могли бы следовать в

наши дни. «Когда ученик готов, учитель найдет ожидающего», — гласит восточная мудрость. Учителя не должны набирать рекрутов в специальных ...ширских ложах, а также не должны вымуштровывать из них мистических сержантов: время и пространство не станут барьером между ними и устремленными; они не преграда для мысли. Как мог такой опытный ученый и каббалист, как «А.», забыть это? напомним ему также, что потенциальный адепт может обитать как в трущобах Уайтчепела и подобных местах Европы и Америки, так и в более чистых «культурных» районах; что некоторые несчастные бедняки, одетые в лохмотья и выпрашивающие корку хлеба, могут быть более «чисты душой» и более привлекательны для адепта, чем средний епископ в мантии или культурный горожанин в пышной одежде. Для расширения теософского движения — канала для орошения сухих полей современной мысли водой жизни — нужно открывать отделения везде; и это должны быть не просто группы пассивно сочувствующих, таких, как дремлющая армия посещающих церковь, чьи глаза остаются закрытыми, пока «дьявол» уничтожает посевы. Нет, нам нужны отделения, которые состояли бы из бдящих, надежных, убежденных и бескорыстных членов, которые не станут постоянно скрывать свой эгоизм за вопросы: «Разве не принесем мы существенной пользы человечеству, приняв это доброе дело всем сердцем и разумом и отдав для него все силы?» Если бы «А.» призвал наших ...ширских друзей, претендующих на оккультные знания, рассмотреть вопрос с этой стороны, он бы сделал для них поистине доброе дело. Общество может обойтись и без них, а вот они не могут себе этого позволить.

Полезно, кроме того, обсудить вопрос о том, следует ли обучать членов ложи теории до тех пор, пока мы не будем уверены, что все они воспримут эти знания и признают источник, из которого они исходят, достоверным? Оккультная истина не может быть усвоена разумом, полным предвзятости, предубеждения и подозрения. Это нечто, что должно быть воспринято скорее интуицией, чем разумом. Некоторые люди так устроены, что не могут достичь знания, упражняя свои духовные способности; таково, например, огромное большинство физиков. Такие люди с трудом могут (а подчас и вовсе не способны) раз-

глядеть за обыденными явлениями высшие истины. Таких в нашем Обществе немало; из их рядов и набирается большая часть недовольных. Они с готовностью убеждают себя в том, что позднейшие доктрины, полученные из тех же источников, что и более ранние, либо ложны, либо подверглись вмешательству чела, или других третьих сторон. Подозрительность и несогласованность становятся естественными результатами пагубной психической атмосферы беспорядка и противодействия, в которую вовлекаются даже самые верные. Иногда, когда тщеславие затмевает все остальное, разум полностью закрывается от принятия новой истины, и честолюбивый ученик отбрасывается назад, к тому месту, откуда он начинал. И когда он начинает делать какие-либо свои частные выводы, не изучив предмет и не усвоив полностью учение, а выводы эти оказываются неверными, он склонен прислушиваться только к голосу сомнения, и остается верным своим взглядам, даже если они ошибочны. Господь Будда особенно предупреждал своих слушателей о недопустимости формирования взглядов на основе традиции или авторитета до полного исследования предмета.

Пример: корреспондент спрашивает нас, почему он не должен «подозревать, что некоторые из так называемых «материализованных» писем являются подделками». Свои подозрения он обосновывает тем, что, хотя некоторые из них носят печать, по его мнению, несомненной подлинности и искренности, остальные кажутся ему фальшивками. Это все равно, что сказать, что он имеет безошибочную внутреннюю интуицию, позволяющую отличить фальшивое от истинного, хотя он никогда не встречал Учителя и не получал никакого ключа для проверки своих голословных утверждений. В результате применения этого ничем не обоснованного суждения, весьма вероятно, он стал бы часто путать подлинное с фальшивым. Так по какому же критерию можно отличить одно «материализованное» письмо от другого? Кто, кроме их авторов или тех, кого они используют в качестве личных *секретарей* (чела, или учеников), может это сделать? Ибо едва ли одно из сотни «оккультных» писем пишется рукою Учителя, от чьего имени они посланы, поскольку у Учителя нет ни нужды в их написании, ни досуга для этого. То есть, когда Учитель говорит: «это письмо написал я», — это означает лишь, что каждое слово в

нем диктовалось им и воспроизводилось под его прямым надзором. Обычно он поручает написание (или материализацию) письма своему чела, внушая его разуму идеи, которые он желает выразить, и помогая ему, если это необходимо, в процессе материализации. Все полностью зависит от уровня развития чела, от того, насколько точно он может передать идеи и манеру письма своего Учителя. Таким образом, *непосвященный* получатель такого письма оказывается перед дилеммой: если одно письмо фальшивое, то могут ли не быть таковыми другие? Ибо все они идут из одного и того же источника тем же самым непостижимым и таинственным способом. Но есть еще одно обстоятельство. Любой получатель подобных «оккультных» писем может усомниться и в самой материализации, и в простой порядочности, если невидимый корреспондент допустит одну *единственную неверную черточку в своем имени*, и на основании этого сделать вывод о неограниченном повторении обмана. А это ведет, в свою очередь, к следующему выводу. Поскольку все так называемые *оккультные* письма содержат одинаковые мысли и взгляды, *то они либо все подлинны, либо все фальшивы*. Если подвергается сомнению подлинность одного, то и всех остальных тоже. А значит, серии писем в «Оккультном мире», «Эзотерическом буддизме» и т. д., и т. п. могут быть (а почему бы и нет) «подделками», «ловким мошенничеством» и «надувательством», предпринимаемым хоть и искренним, но глупым агентом Общества психических исследований для повышения общественной оценки «научной» проницательности его «принципалов».

Следовательно, группа учеников, не отказавшихся от такого невосприимчивого состояния разума, не продвинется в своем обучении ни на шаг. Необходимо также, чтобы ими руководили *с оккультной стороны*, чтобы открыть им глаза на все эзотерические ловушки. А где такие руководители, до сих пор, в нашем Обществе? «Они слепые вожди слепых», падающие вместе с ними в яму тщеславия и самомнения. Вся сложность возникает из-за всеобщего стремления делать выводы из незначительных предпосылок и строить из себя оракула, не освободившись еще от самого отупляющего из всех психических наркотиков — НЕВЕЖЕСТВА.

ОБ ОСАЖДЕНИИ И ДРУГИХ МАТЕРИЯХ ¹

То, что вы предлагаете мне сделать сегодня, я упорно пыталась сделать в течение последних трех-четырёх лет. Десятки раз я заявляла, что *не буду* посылать Учителям какие-либо мирские вопросы или передавать на Их рассмотрение семейные и другие частные проблемы, по большей части личного характера. Я должна была отослать назад к авторам десятки и десятки писем, адресованных Учителям, и я много раз зарекалась, что не буду спрашивать Их снова и снова. И что же за этим последовало? Люди все же приставали ко мне. «Пожалуйста, ну, пожалуйста, спросите Учителей, только спросите и расскажите Им и обратите Их внимание на» то-то и то-то. Когда я отказывалась делать это, приезжал и надоедал *** или ***, или кто-либо еще. В результате оказывается, что вы, по всей видимости, не осознаете оккультный закон — которому подвержены даже Сами Учителя, — всякий раз, когда *сильное желание* сконцентрировано на Их индивидуальностях; всякий раз, когда просьба исходит от достаточно нравственного человека, все желания которого сильны и искренни даже в мелочах (а что для *Них* — не мелочь?): Они становились бы обеспокоены этим, желание принимало бы материальную форму и преследовало бы Их (это смешное слово, но я не знаю другого), если бы Они не создавали непроходимый барьер, стену из акаши между этим желанием (мыслью, или молитвой) и Собой, таким образом изолируя Себя. Результатом такой крайней меры является то, что Они в настоящий момент находятся в

¹ Письмо Е. П. Блаватской, написанное близкому и старому другу в момент отчуждения к ней, вызванного отчетом Общества психических исследований о производимых ею *теософских феноменах*, печатается с небольшими купюрами. — *Прим. редактора.*

Самоизоляции от всех тех, кто вольно или невольно, сознательно или нет, стремятся попасть в круг этой мысли или желания. Я не знаю, поймете ли вы меня; надеюсь, что да. И так как Они отрезаны от *меня*, многие из Них, например, совершали ошибки и наносили *вред*, которого можно бы было избежать, если бы Они не выпадали столь часто *из* круга теософских событий. Так будет до тех пор, пока [Они] разбрасываются Своими именами направо и налево, *изливая* на публику Свои, так сказать, личности, силы и тому подобное, в то время как мир (не только теософы, но и посторонние) *оскверняет* Их имена от северного до южного полюса. Не настаивал ли на этом Маха Коган с самого начала? Не запретил ли Он Махатме К. Х. писать кому-либо? (М-р *** хорошо знает все это.) Не обрушились ли на Них с тех пор волны просьб, потоки желаний и молитв? Это одна из *главных* причин, *почему* Их имена и личности следует сохранять в *тайне* и неприкосновенности. Их профанировали любым способом, как верующие, так и неверующие, первые тем, что они *критически* и со *своей* мирской точки зрения исследовали Их (Существ, находящихся вне всякого мирского, человеческого закона!), а вторые, когда они буквально клеветали, пачкали и валяли в грязи Их имена! О силы небесные! что я пережила — нет слов выразить это. Это мое главное, мое величайшее преступление, что я без всякого желания, произвольно привлекла внимание публики к Их персонам, и усилила его при поддержке *** и ***.

Хорошо, теперь о другом. Вы и теософы пришли к заключению, что в каждом случае, когда обнаруживалось сообщение, содержащее слова или чувства, *недостойные* Махатм, оно было либо создано *элементарными*, либо было результатом *моей собственной фальсификации*. Если верить в последнее, то никакому искреннему мужчине или женщине не следует позволять *мне, такой ОБМАНЩИЦЕ*, оставаться далее в Обществе. Вам нужно не мое раскаяние и обещание того, что я больше не буду делать так, но вам нужно *вышвырнуть меня вон* — если вы действительно так думаете. Вы говорите, что верите Учителям, и в то же время вы можете поддерживать идею, что *Они* само собой знают обо всем этом и все же *используют меня!* Если Они являются достойными, благород-

ными Сущностями, как вы, без сомнения, думаете о них, как же они могут позволить или перенести хотя бы на один момент такую ложь и обман? Ах, бедные теософы — сколь мало вы познали оккультные законы, как я погляжу. И в этом *** и другие совершенно правы. Прежде чем предлагать свою службу Учителям, вы должны *изучить Их философию*, ибо в противном случае вы всегда будете прискорбно ошибаться, хотя бы произвольно и бессознательно, на Их счет и на счет тех, кто служит Им *душой, телом и духом*. Неужели вам могло прийти в голову хоть на мгновение, что то, о чем вы мне пишете сейчас, я уже не знаю долгие годы? Неужели вы думаете, что любой человек, наделенный даже элементарной проницательностью, не говоря уж об оккультных силах, ни разу *не усомнился бы*, особенно, когда это генерировалось в умах честных, искренних людей, непривычных и неспособных к лицемерию? Это как раз то, что убивало меня, мучило и разрывало мое сердце, дюйм за дюймом, годами, ибо я должна была сносить это *в молчании*, не имея права объяснить что-либо, если это не было позволено Учителями, а *Они приказывали мне хранить молчание*. День за днем встречаясь с теми, кого больше всего любишь и уважаешь, оказываться перед дилеммой — либо казаться жестокой, эгоистичной, бесчувственной, отказывая удовлетворить желание их сердец, или, согласившись на это, существует высокая вероятность (9 из 10), что они незамедлительно почувствуют сомнения, затаившиеся в их умах, ибо ответы и замечания («красные и синие, похожие на призраки сообщения»), как верно подметил *** Учителей *наверняка* — опять же 9 из 10 — будут иметь в их глазах такой вид, как если бы они имели призрачный характер. Почему? Было ли это *обманом*? Конечно, нет. Было ли это написано или создано элементалами? НИКОГДА. Это было отправлено, и физические феномены создавались элементалами, использованными для этого; но что могут они, эти бесчувственные существа, сделать с разумными частями даже самого маленького и самого глупого сообщения? Просто *этим утром, до получения вашего письма*, в 6 часов, я получила разрешение и указание от Учителя дать вам понять, в конце концов, вам и всем искренним, истинно преданным теософам: *что вы посеете, то и пожнете...*

ВЫ САМИ, теософы, замарали в ваших умах идеалы наших УЧИТЕЛЕЙ, сами бессознательно, с лучшими намерениями и с искренним убеждением в благой цели, ОСКВЕРНИЛИ Их, думая и веря в то, что Они будут озабочены вашими деловыми проблемами, вопросами рождения сыновей, замужества дочерей, постройки домов, и т. д., и т. д. И все же, все те, кто получили такие сообщения, являясь почти *всецело* искренними (те же, кто таковыми *не* являются, имеют дело с другими, особыми законами), все вы имели *право*, зная о существовании Сущностей, которые легко могли бы помочь вам, искать помощи у Них, обращаясь к Ним, раз монотеист обращается к своему *личному* Богу, оскверняя ВЕЛИКОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ в миллион раз *больше*, чем Учителей, — прося Его (или Оно) помочь ему с хорошим урожаем, наслать гибель на его врага, послать ему сына или дочь; и поскольку вы имеете такое право в абсолютном смысле, Они не могут оттолкнуть вас и отказаться отвечать вам, если не Самолично, то через чела, которые удовлетворяют адресата по мере своих [чела] возможностей. Как часто я — не Махатма — была поражена и испугана, сгорая от стыда при виде записей чела, обнаруживая грамматические и научные ошибки, мысли, выраженные таким языком, что это полностью искажало исходный смысл, и содержащие иногда выражения, имеющие совершенно противоположный смысл в тибетском, санскритском или каком-либо другом азиатском языке. Как в нижеприведенном примере.

В ответе м-ру *** на письмо, содержащее некоторое очевидное противоречие, чела, который производил осаждение ответа Махатмы К. Х., сформулировал: «Я должен был задействовать всю мою *ingenuity* [изобретательность, *англ.*], чтобы согласовать две вещи». Теперь термин «*ingenuity*», используемый ранее в значении скромности, справедливости, никогда уже не используется в этом значении, но даже в его нынешнем значении, как его трактует словарь Вебстера, оно неверно истолковано Массеем, Юмом, и я полагаю даже ***, как обозначающее «хитрость», «ловкость», «изворотливость», образуя, таким образом, новую комбинацию для того, чтобы доказать отсутствие любого противоречия. В результате: Махатма был выставлен таким образом, словно Он признается в беззастен-

чивой изобретательности, в использовании *лукавства* для согласования вещей подобно изворотливому «хитрому адвокату», и т. д., и т. д. Если бы мне сейчас поручили написать или осадить это письмо, то я выразила бы мысль Учителя, используя слово «*ingeniousness*», означающее, согласно Вебстеру, «чистосердечие, искренность, беспристрастность, откровенность и открытость», и тогда можно было бы избежать хулы брошенной на репутацию Махатмы К. Х. Я бы не допустила ошибки, говоря «*карболовая кислота*» вместо «*углеродистая кислота*», и т. д. Лишь в исключительных случаях Махатма К. Х. *диктовал дословно*, и когда Он делал это, Он прибегал к некоторым возвышенным выражениям, как в Своих письмах к м-ру Синнетту. В остальных же случаях Он говорил, что написать надо то-то и то-то, и чела писал, часто не зная ни слова по-английски, как и мне сейчас приходится писать на иврите, греческом, латинском и т. д. Поэтому единственное, в чем меня можно упрекнуть (упрек, который я всегда готова признать, хотя и *не заслужила* его, будучи просто послушным и слепым орудием наших оккультных законов и предписаний) — это в сокрытии того, что мне не позволяет до сих пор открыть данный мною обет. Я неоднократно признавала ошибки в проводимой мной политике, и сейчас я наказана за это ежедневными и ежечасными страданиями.

Поднимите камни, теософы, поднимите их, братья и милые сестры, и за такие ошибки забейте меня камнями до смерти.

Два или три раза, может быть больше, письма были осажены *в моем присутствии* чела, который не мог говорить по-английски и который черпал мысли и выражения из моей головы. Эти явления по своей *истинности* и *достоверности* были в те времена более значимы для меня, чем когда-либо. Все же они зачастую казались весьма сомнительными, и я *должна была придерживать свой язык*, видя, как сомнение вкрадывается в умы тех, кого я больше всего любила и уважала, не имея возможности оправдаться или сказать хотя бы одно слово! Что я выстрадала, *известно одному лишь Учителю*. Подумайте только (случай с Соловьевым в ***), я лежу больная в кровати: письмо от него, *старое письмо*, полученное в Лондоне и порванное мной, *вновь материализовалось* перед

моим взором так, что я смогла разглядеть его. Пять или шесть строчек, написанные *рукой* Махатмы К. Х. синими чернилами на *русском языке*, слова, *взятые из моей головы*, письмо старое и смятое медленно перемещалось (даже я не могла распознать астральную руку чела, осуществляющего это перемещение) само по себе по спальне, затем ускользнувшее и затерявшееся среди бумаг Соловьева, который писал в это время в маленькой гостиной, правя мою рукопись, причем Олькотт стоял около него и почти что дотрагивался до этих бумаг, глядя на них вместе с Соловьевым, который и нашел его; как при свете вспышки, я вижу в его голове мысль на русском языке: «старый мошенник (он имел в виду Олькотта) должно быть положил его сюда!» — и сотни подобных вещей!

Хорошо, этого довольно. Я сказала вам правду, всю правду, и *ничего кроме правды*, насколько мне было позволено. Существует много вещей, о которых я *не* имею права распространяться, иначе я *буду казнена за это*. Теперь на минуту задумаемся. Предположим, что *** получает приказ от своего Учителя осадить некое письмо к семье ***, причем ему задана только общая идея о том, что он должен написать. Бумага и конверт *материализуются* перед ним, и он должен только оформить мысли на *своем* английском и осадить их. Каков же тогда будет результат? Его стиль — как *его* английский, его этика и философия — будет во всем. «*Обманщик, явный ОБМАНЩИК!*» — будут кричать люди; а если кому-либо довелось бы *увидеть перед собой такой лист бумаги* или стать его получателем *после того, как он обретет форму*, что тогда?

Другой пример — я не могу не привести его, ибо он наводит на размышление. Один человек, *ныне уже мертвый*, умолял меня в течение трех дней спросить совета у Учителя по некоторому деловому вопросу: ему угрожало банкротство и бесчестье семьи. Вещь *серьезная*. Он дал мне письмо, чтобы «отправить» его Учителю. Я пошла в дальнюю гостиную, а он спустился вниз ожидать ответа.

Для *отправки* письма необходимо проделать две или три операции: (1) положить запечатанный конверт на лоб и затем, предупредив Учителя, чтобы он приготовился для связи, отразить содержимое моим мозгом и передать его, чтобы Он вос-

принял его посредством *сформированного Им потока*. Так обстоит дело в том случае, если письмо написано на языке, который я знаю; если же это неизвестный язык, (2) распечатать письмо, прочесть его *физически* моими глазами, не вдаваясь в смысл слов, и *то, что видят мои глаза*, передастся восприятию Учителя и отразится в этом восприятии на его *собственном* языке, что, конечно, не ведет к возникновению ошибок. Я должна поджечь письмо при помощи имеющегося у меня некоего камня (спички и обычное пламя ни в коем случае не могут быть использованы), и зола, подхваченная потоком, становится еще более мелкой, чем атомы, и *вновь материализуется* на некотором расстоянии, где находится Учитель.

Итак, я положила *открытое* письмо на мой лоб, поскольку оно было написано на языке, в котором я не знаю ни одного слова, и когда Учитель понял его содержание, мне было приказано сжечь и отослать его. Получилось так, что я должна была пойти в мою спальню и достать из ящика комода камень, который был там заперт. В ту самую минуту, когда я выходила, адресат, нетерпеливый и беспокойный, молча приблизился к двери, вошел в гостиную и, не найдя меня там, увидел свое собственное письмо, лежащее в открытом виде на столе. Как он говорил мне позже, он был *поражен ужасом, возмущен*, готов к тому, чтобы совершить самоубийство, поскольку он почувствовал себя банкротом не только в отношении слепого случая, но и все его *надежды, его вера, сердечные убеждения* были сокрушены и улетучились. Я вернулась, сожгла письмо, и часом позже дала ему ответ, написанный на его языке. Он читал его с широко раскрытыми и грустными глазами, думая при этом, как он сказал мне, что если бы не было Учителей, то *я была бы Махатмой*; он сделал то, что было ему сказано, и его честь и судьба были спасены. Через три дня он пришел ко мне и чистосердечно рассказал мне все — не скрыв своих сомнений ради *благодарности*, как это делают другие, — и был вознагражден. По приказу Учителя, я показала ему, *как* это делается, и он понял это. Итак, если бы он не сказал мне, и его дела пошли бы плохо, несмотря на *совет*, не умер ли бы он, считая меня *величайшей обманщицей* на земле?

Так это бывает.

Мое *сердечное желание* в том, чтобы навсегда *избавиться* от всяких феноменов, кроме моего собственного мысленного и личного общения с Учителями. Я не буду иметь ничего общего с тем, что касается писем или феноменальных явлений. В этом я клянусь Святыми Именами Учителей, и берусь написать циркулярное письмо по этому поводу.

Пожалуйста, прочтите это письмо всем, включая ***. КОНЕЦ всему, и *пусть карма падет* на головы *тех* теософов, которые придут ко мне и попросят узнать для них то-то и то-то *от Учителей*. Я СВОБОДНА. Учитель *только что обещал мне это благо!!*

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

В письме, полученном нами недавно от одного из наиболее выдающихся австрало-азиатских членов Общества, поднимаются некоторые научные вопросы такой важности, что мы приводим, с позволения автора, текст письма целиком. Данный автор является продвинутой чемой, некоторым образом знакомым с терминологией западной науки. Если мы не ошибаемся, это первая публикация, в которой дается в сжатой и доступной форме разумное объяснение контроля, осуществляемое адептом-окультистом над связью атомов и феномену «прохождения материи через материю».

«Феномен *осмоса* [извлечения] вашего письма из запечатанного конверта, в котором оно было прошито нитками, и замены этого письма на его собственный ответ, без нарушения печати или нитки, должен быть объяснен в первую очередь. Это одно из тех совершенных доказательств знакомства и превосходного контроля над атомными связями в среде наших восточных адептов, по сравнению с современными западными людьми науки, об обычаях которых мы хорошо осведомлены. Это та же самая сила, которая проявлялась при образовании письма в воздухе в вашей комнате в ...; в случае многих других рожденных в воздухе писем; ливня из роз; золотого кольца, которое выскользнуло из стебля столепестковой розы, находящейся в руках ...; кольца с сапфиром, которое было воспроизведено для дамы высокого положения там же, спустя некоторое время, и в других примерах. Решение заключается в том факте, что «притяжение сцепления» — это проявление Универсальной Божественной энергии, и оно может быть прервано и снова приведено в действие в любой группе атомов посредством той же самой божественной силы, так как она находится в человеческой монаде. Атма, вечный духовный принцип в человеке, имеет такую же власть над материальной силой, как и Универсальный Принцип, частью которого он является.

Адептство — это лишь вершина духовного саморазвития, и духовные силы успешно развивают себя пропорционально восходящему прогрессу, нравственному и духовному, устремленного человека. Это, как вы видите, должно поместить нашу эволюционную теорию на истинное благородное основание и придать ей характер возвышенно-духовной, а не унизительно-материалистической философии. Я всегда чувствовал уверенность в теплом приеме со стороны наиболее проницательных из ваших западных ученых коллег, готовых принять этот взгляд на нашу арийскую науку архатов.

У вас не должно быть больше затруднений в проведении разграничительной линии между «призраком» и «адептом». Последний является живым человеком, часто достойным того, чтобы стать величайшим идеалом человеческого совершенства; первый же — это лишь нерастворимое скопление атомов, образовавшееся в еще живом человеке как его низшая — или, лучше сказать, его грубая, наиболее материальная — телесная оболочка, которая в течение жизни была ограничена наиболее удаленной оболочкой, телом, и после смерти задерживается на время в астральном (эфирном, или акашном) состоянии невадалеке от земной поверхности. Закон магнетически-виталяного сродства объясняет притягивание таких «оболочек» к определенным местам и людям; и если вы можете принять без доказательств шкалу *психической специфической силы тяготения*, вы можете понять, почему большая плотность «души», отягощенная веществом основных (или бездуховных, даже еще не животных) чувств, могла бы препятствовать вашему восхождению в чистое царство духовного существования. Хотя я и осознаю несовершенство своих научных объяснений, я чувствую, что ваши превосходные способности к пониманию законов природы заполнят все пробелы, когда будет дан лишь один краткий совет.

Следует отметить, что никакой адепт не может ни разрушить, ни воссоздать какой-либо организм, находящийся на уровне, выше растительного: Универсальный *манас* начинает в животном и заканчивает в человеке свое разделение на индивидуальные существа; в растении существует все еще недифференцированный универсальный дух, наполняющий всю массу атомов, которые превзошли инертную минеральную стадию и готовятся к дифференциации. Есть движение и в минерале, но это скорее невоспринимаемое колышание такой жизненной энергии, чем ее активное проявление в создании форм, — являющееся отвлечением, достигающим своего максимума не на уровне физического человека, как вы можете предположить, но на высшем уровне дхиан коганов, или планетарных духов, то есть бывших человеческих существ, прошедших шкалу эволюции, но не объединившихся, или не слившихся, с Парабрахмой, Универсальным Принципом.

В заключение скажу немного о «прохождении материи через материю». Материя может быть определена как сгущенная акаша (эфир); и в распыленном состоянии отличающаяся, как перегретый водяной пар отличается от конденсированных капель воды. Возвратите дифференцированное вещество в *первичное* состояние недифференцированной материи, и нетрудно будет увидеть, как оно сможет проникнуть через частицы субстанции, находящейся в дифференцированном состоянии, так же как мы легко представляем себе движение электрической или других сил через их проводящую среду. Абсолютным искусством является способность по своей воле приостанавливать и вновь пробуждать атомические связи в данном веществе: растаскивать атомы столь далеко друг от друга, чтобы сделать их невидимыми, и все же держать их в поляризованном подвешенном состоянии, или внутри радиуса притяжения, так, чтобы притянуть их в их первоначальное состояние родственного сцепления и воссоздать вещество. И поскольку у нас есть тысяча доказательств того, что этим знанием и этими силами обладают наши адепты-окультисты, кто может упрекнуть нас за то, что мы рассматриваем их как совершенных учителей в науке, созданной умнейшими из наших современных авторитетов? Отсюда, как я уже отметил, цель этой философии арийских мудрецов состоит в том, чтобы дать возможность человечеству оживить нравственность и пробудить духовную природу человека, и установить более высокий и лучший стандарт счастливой жизни, чем тот, которым мы руководствуемся сегодня».

ИНВЕРСИЯ МЫСЛЕННОГО ЗРЕНИЯ

Мистером Ф. У. Г. Мейерсом и его коллегами из Лондонского Общества психических исследований были недавно проведены некоторые любопытные эксперименты, и если они подтвердятся, то приведут к высшей степени интересным результатам. Опубликованные ими данные экспериментов широко комментировались в прессе. Мы не будем для начала вдаваться в подробности: для нашей цели достаточно установить — для удовлетворения любопытства наших читателей, незнакомых с экспериментами, — что в подавляющем большинстве случаев, слишком многочисленных, чтобы быть результатом простой случайности, было выявлено, что читающий мысли сенситив получает перевернутое ментальное изображение объекта, передаваемое ему для прочтения. Листок бумаги с изображением стрелки держали перед человеком с тщательно завязанными глазами, который должен был читать мысли; расположение этого листка постоянно менялось, и испытуемого просили мысленно представить себе стрелку при каждом ее повороте. При этом было обнаружено: если стрелка указывала направо, он видел ее указующей налево, и наоборот. Это склонило некоторых педантичных журналистов к предположению о том, что это был мираж, как на внутреннем, так и как на внешнем плане зрительного ощущения. Однако истинное объяснение этого феномена лежит глубже.

Хорошо известно, что видимый нами объект и его изображение на сетчатке глаза полностью не совпадают и являются обратными друг другу. Каким образом изображение объекта на сетчатке инвертируется при восприятии — это тайна, которую физическая наука, по-видимому, не способна постичь. Западная метафизика вряд ли находится в лучшем положении; существует столько же теорий, сколько и ученых-

метафизиков. Рид, Гамильтон и другие представители этой школы лишь барахтаются в болоте спекуляций. Единственный философ, достигший некоего проблеска истины, — это идеалист Беркли, который, к крайнему огорчению всех изучающих истинную философию, не мог выйти за пределы христианской теологии, несмотря на всю свою замечательную интуицию.

«Ребенок», — говорит Беркли, — «в действительности видит предмет перевернутым, с нашей точки зрения; чтобы потрогать свою голову, он вытягивает руки в том же направлении, как это делаем мы, чтобы достичь наших ступней. Повторные неудачи в этом направлении создают его опыт и приводят к исправлению представлений, порожденных одним органом, опираясь на другие органы чувств; таким же образом развиваются ощущения расстояния и устойчивости».

Это учение в совокупности с опытами Общества психических исследований приводит к замечательным результатам. Если прошедший обучение адепт представляет собой личность, развившую все свои внутренние способности, полностью владеющую на психическом плане своими чувствами, то человек, который случайно, то есть без оккультного обучения, усиливает свое внутреннее зрение, находится в положении беспомощного ребенка, в котором состязаются друг с другом капризы лишь одного внутреннего чувства. Это позволяет видеть в ярком свете не заслуживающую доверия фигуру обычного, необученного ясновидца. Так было в случае с сенситивами, с которыми проводили опыты м-р Мейерс и его коллеги. Однако существуют и такие примеры, когда коррекция одного чувства другим происходит произвольно и дает верные результаты. Когда сенситив читает мысли в уме человека, такая коррекция не требуется, потому что воля думающего испускает мысли как бы непосредственно направленные в ум сенситива. Кроме того, инверсия, о которой идет речь, обнаруживается лишь в случае таких образов, которые не могут быть затронуты обычным чувственным опытом сенситива. Взять на пример изображение собаки; когда сенситив воспринимает его как существующее в уме некоего человека или на листке бумаги, оно может быть, по-видимому, искаженным для внутреннего восприятия сенситива, но его физический опыт всегда исправит это. Но такая инверсия, очевидно, должна иметь место, когда предметом исследования является направление, в кото-

рое обращена морда собаки. Трудность может появиться по отношению к именам или словам людей, мысли которых сенситив читает. Но в таких случаях следует принять во внимание деятельность воли мыслящего человека, которая вталкивает мысль в ум сенситива, и таким образом не вызывает необходимости в процессе инверсии. Отсюда абсолютно ясно, что лучший путь изучения таких феноменов — это тот, при котором задействован только один набор волевых сил, принадлежащих сенситиву. Это происходит всегда в том случае, когда объект, который сенситив должен прочесть, не зависит от воли какого-либо другого человека, как в том случае, когда он изображен на бумаге или как-нибудь иначе в том же роде.

Применяя то же самое правило к сновидениям, мы можем найти причину популярного предрассудка, согласно которому факты обычно инвертированы в сновидениях. Когда мы видим во сне что-либо хорошее — это, по общему мнению, означает предвестие чего-либо плохого. В исключительных случаях, в которых сны оказались пророческими, на спящего действовала или воля кого-то другого, или какие-то разрушительные силы, которые не могли быть рассчитаны кроме как для этого особого случая.

В связи с этим можно упомянуть другой очень важный психический феномен. Имеются весьма многочисленные и прекрасно удостоверенные примеры, не вызывающие ни малейшего сомнения, того, что перед умственным взором заинтересованного человека возникает картина, расположенная на некоем удалении, например, умирающего человека. В таких случаях двойник умирающего человека появляется даже на значительном расстоянии и становится обычно видимым только своему другу, хотя нередко примеры, когда этого двойника видит ряд людей. Первый случай относится к выше-рассмотренным, поскольку концентрированная мысль умирающего человека обнаруживается с помощью ясновидения его другом, и создается прямой образ благодаря воле-энергии умирающего человека; последний случай представляет собой появление подлинной *майявирупы*, и поэтому не подчиняется обсуждаемому здесь правилу.

ДОПОЛНЕНИЯ К «ЛАКШМИБАИ»

«Этот рассказ выдается за подлинную историю *бхута*. Тетя рассказчика заболела, и ей с каждым днем становилось все хуже, пока надежды на ее выздоровление почти не осталось. За день до своей смерти она сказала сестре, что чувствует, что проживет от силы день-два, и выразила желание, чтобы ее перенесли перед смертью в какое-нибудь другое помещение, потому что, по ее словам, «каждый, кто умирал в этой комнате, становился *бхутом*», а ей хотелось избежать этой ужасной участи. На другой день она умерла в той самой комнате, и никто даже не вспомнил о ее просьбе. Через шесть месяцев невестку рассказчика охватила сильная дрожь, и ее тело стало очень горячим. Предполагая, что ею овладел какой-то злой дух, ее свекровь стала задавать вопросы этому духу; призрак назвался именем умершей тети — Лакшмибаи. В конце рассказа следует вопрос: осталась ли душа Лакшмибаи привязанной к земле из-за ее обеспокоенности тем, чтобы ее переместили из дурной комнаты, в которой, как она верила, отошедшая душа обязательно должна была стать *бхутом*?»

«*Бхут*» — это *призрак*, привязанный к земле *дух*, или «элементарий». Мы привели эту занимательную историю, чтобы, в который раз, показать западным спиритуалистам, что индусы, веря в возможность возвращения «духов», боятся и ненавидят их, называя их «*дьяволами*», а не «ангелами умерших», и рассматривают такое возвращение в каждом случае как *бедствие*, которое надо по возможности избегать и устранять.

Утверждения призрака, сделанные *через его медиума*, в данном случае ничего не доказывают. Одержимая леди знала об умершей столько же, сколько и об остальных членах этой семьи. Это мог бы быть любой дух, знакомый со всеми домочадцами рассказчика, *выдающий себя* за Лакшимбаи, и правильные ответы ни о чем не говорят.

«Призрак ответил, что она страдает от мысли, сильно поразившей и мучившей ее разум во время смерти, что ее не перенесли из дурной комнаты».

Это опять же может привести к предположению (а мы говорим сейчас с точки зрения восточного оккультизма), что именно последняя мысль умирающей женщины, *idée fixe* [навязчивая, подавляющая все другие, мысль, *франц.*] (сила, которая делает из живых людей маньяков и распространяет в течение неопределенного времени свое болезненное магнетическое влияние после того, как мозг, ее породивший, давно уже перестал существовать), — та мысль, которая столь беспокоила ее угасающий разум, а именно, что она *может* стать *бхутом*, если ее не перенести в другое помещение, — заразила также и разум ее родственницы. Некий человек умирает от заразного заболевания; и через месяцы или, скажем, годы после его смерти предмет одежды или вещь, до которой он дотрагивался, будучи тяжело больным, может передать болезнь человеку, физиологически более чувствительному, чем окружающие его люди, в то время как на последних она не окажет никакого воздействия. И почему же некая идея, *мысль*, не может оказать такого же воздействия? Мысль *не менее материальна и не менее объективна*, чем неуловимые и таинственные микробы, вызывающие различные инфекционные заболевания, причины которых столь озадачивают науку. Поскольку разум живого человека способен так влиять на другой разум, что первый может заставить последнего думать и верить во все, что он захочет — короче, *психологизировать* другой разум, — то же самое может сделать и мысль уже умершего человека. Однажды возникшая и направленная, эта мысль будет жить за счет своей собственной энергии. Она обретает независимость от мозга и разума, породивших ее. До тех пор, пока не растратится энергия, сконцентрированная ею, она сможет оказывать потенциальное влияние, приходя в соприкосновение с живым мозгом и нервной системой человека, достаточно впечатлительного и предрасположенного к этому. Вызванное таким образом вредное воздействие может временно привести сенситива к болезненному самообману, полностью затмевающему чувство его собственной индивидуальности. Стоит толь-

ко начаться такому болезненному затмению, как вся беспорядочная масса мыслей умершего человека нахлынет в мозг сенситива, и он будет выдавать, как может показаться, одно подтверждение присутствия умершего за другим, убеждая предрасположенного к тому исследователя, что самость этого *контролирующего*, «руководящего» или поддерживающего общение разума достоверно установлена.

КИТАЙСКИЕ ДУХИ

Нижеследующие заметки были заимствованы отчасти из старой работы одного французского миссионера, который прожил в Китае около сорока лет; отчасти из очень любопытной неопубликованной работы одного американского джентльмена, любезно предоставившего автору свои записи; и отчасти из информации, переданной аббатом Хуком шевалье де Мюссе и маркизу де Мирвилю, за точность которой отвечают два последних джентльмена. Однако большая часть фактов была предоставлена китайским джентльменом, уже несколько лет проживающим в Европе.

Человек, в соответствии с представлениями китайца, состоит из четырех корневых субстанций и трех приобретенных «подобий». Это магическая и универсальная оккультная традиция, возникшая в древности, происходит из тьмы времен. Один латинский поэт обнаруживает тот же самый источник информации в своей стране, утверждая, что:

Bis quo sunt hominis: manes, caro, spiritus, umbra;

Quatuor ista loca bis duo suscipiunt.

Terra tegit carnem, tumulum circumvolat umbra,

Orcus habet manes, spiritus astra petit.

Призрак, который был известен и описан в Небесной Империи, является совершенно ортодоксальным в соответствии с оккультными учениями, хотя в Китае и существовало несколько теорий о нем.

Человеческая душа, согласно главному (храмовому) учению, помогает человеку стать разумным существом, но она не является ни простой (гомогенной), ни духовной; это смесь всего, что является тонким по своей сущности. Такая «душа» разделяется по своей природе и действию на две принципи-

альные части: ЛИНГ и ХУЭН. Из них *линг* больше приспособлен для духовных и интеллектуальных действий, и имеет над собой «высший» *линг*, или душу, являющуюся божественной. Кроме того, помимо объединения низшего *линг* и *хуэн* в течение человеческой жизни формируется третье, смешанное существо, пригодное и для интеллектуальных, и для физических процессов, для добра и зла, в то время как *хуэн* является абсолютно дурным. Таким образом, в этих двух «субстанциях» мы имеем четыре принципа, которые, очевидно, соотносятся, с нашим буддхи, божественным «высшим» *линг*; манасом, низшим *линг*, чей двойник, *хуэн*, означает камарупу — тело страсти, желания и зла; и поэтому наше «смешанное существо» представляет собой результат и является потомком *линг* и *хуэн* вместе взятых — «майяви», астральным телом.

Здесь мы приходим к определению третьей корневой субстанции. Она связана с телом только в течение жизни, причем тело является четвертой субстанцией, чистой материей; и после смерти последнего, отделяя себя от трупа — но не раньше его полного распада, — она бесследно исчезает, как тень, вместе с последней породившей ее частицей субстанции. Это, безусловно, прана, жизненный принцип, или витальная форма. Когда человек умирает, происходит следующее: «высший» *линг* восходит на небеса — в нирвану, рай Амитабха, или любую другую область блаженства в соответствии с тем, к какой секте принадлежит китаец, — унесенный Духом Дракона Мудрости (седьмой принцип); тело и *его* принцип постепенно исчезают и уничтожаются; остаются *линг-хуэн* и «смешанное существо». Если человек был добрым, то «смешанное существо» также исчезает через некоторое время; если человек был злым и полностью находился под властью *хуэн*, принципа абсолютного зла, тогда последний превращает его «смешанное существо» в *куэйс* — что соответствует представлениям католиков о проклятой душе,¹ — и, наделенный ужасной жизненной силой и мощью, *куэйс* становится *alter ego* (вторым я, *лат.*) и исполнителем *хуэн* во всех его злонамеренных деяниях. *Хуэн* и *куэйс* объединяются в призрачное, но имеющее си-

¹ После смерти духовная часть *линг* становится *чен* (божественной и святой), чтобы стать *хиен* — абсолютным святым (нирваническим, после полного объединения с «Драконом Мудрости»).

лу единство, и могут, разделяясь по своей воле и действуя в двух различных местах одновременно, творить ужасное зло.

Куэйс — это *anima damnata* (проклятая душа, лат.) добрых миссионеров, сделавших, таким образом, из миллиардов умерших «некрещеных» китайцев армию дьяволов, которые, если рассматривать их имеющими материальную субстанцию, должны теперь занимать пространство между землей и луной и чувствовать себя столь же непринужденно, как селетки в консервной банке.

«*Куэйс*, будучи по своей сущности злобными», — говорится в *Memoire*, — «делают все то зло, на которое они способны. Занимая промежуточное положение между человеком и животным, они имеют свойства обоих, обладая всеми пороками человека и всеми опасными инстинктами животного. Приговоренные к тому, чтобы не подниматься выше нашей атмосферы, они собираются вокруг могил, поблизости от шахт, болот, низин и боен, везде, где обнаруживается гниение и распад. Эманации последних являются их любимой пищей, и именно с помощью таких элементов и атомов, и трупных испарений, они создают для себя видимые и фантастические фигуры для того, чтобы приводить людей в ужас... Эти несчастные духи с иллюзорными телами постоянно ищут средство, чтобы люди не смогли получить спасение» (то есть, получить крещение), «...и толкают их на то, чтобы они стали проклятыми, как и они сами» (стр. 222, *Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, etc., des Chinois, par les Missionnaires de Pekin, 1791*).¹

¹ В соответствии с наиболее древними магическими учениями, смерть от насилия и оставление тела на земле, вместо его погребения или сожжения, приносит за собой беспокойство и боль для *астрального тела* (линга шарира), умирающего только после распада последней частицы материи, из которой состояло тело. Говорят, что колдун или черный маг всегда пользуется этим знанием для некромантических или иных греховных целей. «Колдуны предлагают неуспокоенным душам разлагающиеся останки животных для того, чтобы вынудить их проявиться» (см. «Жертвоприношения» Порфирия). Святой Афанасий был обвинен в черной магии, ибо он сохранил руку епископа Арсения для совершения магических действий. «*Patet quod animæ illæ quæ, post mortem, adhuc, relicta corpora diligunt, quemadmodum animæae sepultura carentium, et adhuc in turbido illo humidoque spiritu [духовное, или флюидное тело, хуэн] circa cadavera sua oberrant, tanquam circa cognatum aliquod eos alliciens*», и так далее. См. «Окультную философию» Корнелия Агриппы, стр. 354-355; «*Le Fantôme Humain*» де Мюссе. Гомер и Гесиод многократно описывали подобные вызывания духов. В Индии подобное

Вот как наш старый друг, аббат Хук, лазарист, лишенный сана за то, что он вывел происхождение некоторых ритуалов римского католицизма из Тибета и Индии, описывает *хуэн*. «Что такое *хуэн* — это вопрос, на который сложно дать ясный ответ... Это, если угодно, нечто неопределенное, нечто промежуточное между *духом, гением и витальностью*» (см. «Путешествие в Китай» Хука, том 2, стр. 394). Он, по-видимому, рассматривает *хуэн* как нечто совершающее воскрешение посредством притяжения к нему атомической субстанции тела, которое таким образом будет воссоздано в момент воскрешения. Это вполне отвечает христианской идее о воскрешении одного тела и только *одной* индивидуальности. Но если *хуэн* должен объединить в этот день все тела монады, которые она пережила и в которых обитала, тогда даже это «очень хитрое создание» может почувствовать себя не совсем пригодным для такого случая. Однако — так как в то время как *линг* погружается в блаженство, его *экс-хуэн* остается за пределами счастья и страдания — очевидно, что *хуэн* и «элементарий» идентичны. Поскольку несомненно, что если бы бестелесный человек обладал способностью пребывать в одно и то же время в девахане и в камалоке, откуда он мог бы являться нам, возникая иногда в комнате для сеансов или где-либо еще, то человек (как это было показано на примере *линга* или *хуэна*) обладал бы двойной способностью переживания *одновременного и различного ощущения* двух противоположностей — *блаженства и мучения*. Древние хорошо понимали абсурдность такой теории, зная, что никакое абсолютное блаженство невозможно там, где есть малейшая примесь страдания; допуская, что высшее эго Гомера пребывает в *Элизии*, они

практикуется и по сей день некоторыми *тантриками*. Таким образом, современное колдовство, так же как и белая магия, оккультизм и спиритуализм, с их ответвлениями — месмеризмом, гипнотизмом и т. д., показывают, что их учения и методы связаны с таковыми же во времена высокой античности, поскольку те же самые идеи, верования и практики обнаруживаются как сегодня, так и в древней Арьеварте, Египте и Китае, Греции и Риме. Прочитайте трактат П. Тири «*Loca Infesta*», полезный и правдивый в отношении фактов, однако ошибочный в том, что касается авторских заключений, и вы обнаружите, что места, наиболее благоприятные для вызывания духов, — это место, где было совершено убийство, кладбище, пустырь, и т. д.

представляли плачущим в Ахерусии не более чем [подобие] поэта, его пустой и обманчивый образ, или то, что мы называем «оболочкой ложной индивидуальности».¹

В каждом человеке существует лишь *одно* истинное эго, и оно необходимым образом должно пребывать в том или ином месте, в блаженстве или печали.²

Возвращаясь к *хуэну*, он, как говорят, терроризирует людей; в Китае «этот ужасный призрак» беспокоит живых людей, *проникая* в дома и закрытые помещения, и *овладевает* людьми, точно так же ведут себя и «духи» в Европе и Америке, — причем *хуэны* детей проявляют еще большую агрессию, чем *хуэны* взрослых. Эта вера в Китае столь сильна, что когда они хотят избавиться от *хуэна* ребенка, они заводят его подалеже от дома, надеясь таким образом сбить с его толку и заставить потерять дорогу в их дом.

Так как *хуэн* — это флюидное или газообразное подобие своего умершего тела, судебные медицинские эксперты используют это подобие в случаях подозрения в убийстве для выяснения истины. Формула, используемая для вызывания *хуэна* человека, умершего при подозрительных обстоятельствах, была официально принята, и к этому средству прибегали довольно часто, согласно Хуку, который рассказывал де Мюс-

¹ См. Лукреций: «О природе вещей», I, 1, где он называет это *simulacrum*.

² Хотя античность (как и эзотерическая философия), по-видимому, подразделяет душу на божественную и животную, *anima divina* и *anima bruta*, называя первую *ноус*, а вторую — *френ*, все же она считалась лишь дуальным аспектом единого. Диоген Лаэртский («*De Vit. Clar. Viri.*», I, 8, 30) приводит общепринятое убеждение, что животная душа, *френ* — *φρην*, более известная как диафрагма — пребывает в желудке, причем Диоген называет *anima bruta* — *θυσιος*. Пифагор и Платон также производили подобное разделение, называя божественную, или разумную, душу *λογον*, а неразумную — *αλογον*. Эмпедокл наделяет людей и животных дуальной душой, а не двумя душами, как полагают. Теософы и оккультисты подразделяют человека на семь принципов и говорят о божественной и животной душе; но они добавляют, что Дух является единым и неделимым, и все эти «души» и принципы — лишь его аспекты. Один Дух бессмертен, бесконечен и представляет собой единственную реальность, — все остальное мимолетно и преходяще, это иллюзии и заблуждения. Де Мюссе сильно разгневался на покойного барона дю Поте, который поместил разумный «дух» в каждый из наших органов, просто потому, что он неспособен ухватить идею, выраженную бароном.

се (см. «*Les Mediateurs de la Magie*», стр. 310), что ведущий дело судья, после того, как он совершил вызывание духа около трупа, использовал уксус, смешанный с некоторыми таинственными ингредиентами, как поступил бы и любой другой некромант. Хуэн, при появлении, всегда был подобием жертвы, такой, какой она была в момент смерти. Если тело было сожжено прежде, чем оно было *допрошено*, то хуэн воспроизводит на своем теле раны и ожоги, полученные убитым человеком, — преступление доказано, и правосудие делает заявление об этом. Священные книги, хранящиеся в храмах, содержат полные формулы таких вызываний, и даже имя убийцы может быть вытянуто из услужливого хуэна. Однако в этом китайцы следуют за христианскими народами. В средневековые судьи помещали предполагаемых убийц перед жертвами, и если в этот момент кровь начинала струиться из открытых ран, это рассматривалось как знак того, что обвиняемый является преступником. Эта вера сохранилась до наших дней во Франции, Германии, России и во всех славянских странах. «Раны убитого человека вновь откроются при приближении его убийцы», — говорится в книге по юриспруденции (Бинсфельд, «*De Conf. Malef.*», стр. 136).

«Хуэн не может быть ни похоронен, ни утоплен; он путешествует *над поверхностью* земли и предпочитает находиться дома».

В провинции Хонань учение отличается. Делаплейс, епископ Китая,¹ рассказывает о «языческом Китае» наиболее удивительные истории относительно этого вопроса. «Они говорят, что каждый человек имеет внутри себя три хуэна. Во время смерти один из хуэнов воплощается в тело, которое он для себя выбирает; другой остается в семье и с семьей, и становится *ларом*; а третий сторожит могилу своего тела. В честь последнего жгутся бумаги и воскуряются благовония как жертвоприношения *манам*; домашний хуэн обитает в семейных памятных табличках, среди выгравированных иероглифов, и ему также предлагаются жертвоприношения, *хьянги* (палочки благовоний) зажигаются в его честь, и для него готовится заупокойная трапеза; в этом случае эти два хуэна остаются спокойными», — если **они принадлежат взрослому человеку**, *nota bene* [следует заметить, *лат.*].

¹ «*Annales de la propagation de la foi*», № 143, июль, 1852.

Далее следует серия ужасающих историй. Если мы прочитаем всю литературу о магии, от Гомера до Дюпотэ, мы везде обнаружим утверждения подобного рода: Человек является *троичным*, а эзотерически *семеричным*, и состоит из души, разума и эйдолона, и эти три (в течение жизни) есть одно. «Я называю душевным идолом ту силу, которая оживляет и управляет телом, от которой происходят чувства и через которую душа проявляет силу чувств и ПИТАЕТ ТЕЛО ВНУТРИ ДРУГОГО ТЕЛА» («Magie Dévoilée» Дюпотэ, стр. 250).

«*Triplex unicuique homini dæmon, bonus est proprius custos*», — говорит Корнелий Агриппа, от которого Дюпотэ взял идею «одухотворенного *идола*». Ибо Корнелий пишет: «*Anima humana constat mente, ratione et idolo. Mens illuminat rationem; ratio fluit in idolum; idolum autem animæ est supra naturam quæ corporis et animæ quodam modo nodus est. Dico autem animæ idolum, potentiam illam VIVICATIVAM et reatricem corporis sensuum originem, per quam ... alit in corpore corpus*» («Оккультная философия», стр. 357-358).

Таков китайский *хуэн*, если мы лишим его нароста обывательских предрассудков и фантазий. Тем не менее, замечание брахмана, сделанное в обзоре «Павший идол» («Теософист», сентябрь 1886 г., стр. 793), — как бы ни относился к нему сам автор, — что «если точно и во всех деталях не следовать правилам [или математическим пропорциям и измерениям], *идолом* может овладеть какой-либо могучий злой дух», — вполне справедливо. И так как моральный закон природы — двойник закона математического, то, если законы гармонии в мире причин и следствий не соблюдаются в течение жизни, то наш *внутренний* идол способен превратиться в злого демона (*бхута*) и попадет во власть других «злых» духов, которых мы называем «элементариями», хотя сентиментальные невежды рассматривают их почти как богов.

Между ними и теми, кто подобно де Мюссе и де Мирвилю написали тома — целую библиотеку! — чтобы доказать, что, за исключением немногочисленных видений в Библии и у некоторых почитаемых христианских святых и благочестивых католиков, никогда не было призрака, привидения, духа или «бога», который, появившись, не был бы выдан ими за *самозванца* и *узурпатора* — за Сатану, короче, одного из их мас-

карадов, — таков долгий путь и таковы широкие границы для изучающего оккультные законы и эзотерическую философию. «Бог, который ест и пьет, и принимает жертвоприношения и поклонение, может быть лишь злым духом», — доказывает де Мирвиль. «Тела злых духов, бывших ангелов, выродились из-за их падения и приобрели свойства уплотненного воздуха» [эфира?], — учит де Мюссе («*Le Monde magique*», стр. 287). «И в этом причина их аппетита, когда они пожирают еду заупокойной трапезы, которую китайцы ставят перед ними чтобы умиловить их; они — демоны».

Хорошо, если мы вернемся назад к предполагаемым истокам иудаизма и еврейского народа, мы обнаружим *ангелов* света, делающих все то же самое, — если «хороший аппетит» считать признаком сатанинской природы. И тот же самый де Мюссе неосознанно ставит ловушку, как для себя, так и для своей религии. «Смотрите», — восклицает он, — «ангелы Божии спустились под зеленые кроны деревьев рядом с шатром Авраама. Они с *аппетитом* ели хлеб и мясо, масло и молоко, приготовленные для них патриархом» (Бытие, XVIII, 2, и далее). Авраам зажарил целого «теленка, нежного и хорошего» (стих 7 и 8); испек лепешки, и, кроме того, подал молоко и масло. Был ли их «аппетит» более *божественным*, чем у «Джона Кинга», который пил чай с ромом и поедал тосты в комнате некоего английского медиума, или же чем аппетит китайского *хуэна*?

Нас уверяют, что церковь сама может разобраться в этом; что она знает разницу между этими тремя и судит по их телам. Давайте посмотрим. «Последние [библейские] являются истинными, подлинными духами!» Без всякого сомнения (*поистине*), это ангелы, доказывает де Муссо. «Это тела, которые, расширяясь, могли бы, несомненно, стать прозрачными вследствие исключительной тонкости своей субстанции, затем раствориться, утратить цвет, стать все менее и менее видимыми, и, наконец, полностью исчезнуть из нашего поля зрения» (стр. 388).

Нас уверяют, что на это способен «Джон Кинг», и, без сомнения, пекинский *хуэи*. Кто или что в этом случае может научить нас различению, если мы не умеем изучать непрерывные свидетельства классиков и теургистов, и пренебрегаем оккультными науками?

ОТРИЦАТЕЛИ НАУКИ

Что касается того, что ты слышишь, как иные убеждают многих в том, что душа, после освобождения от тела, не испытывает страданий и не обладает сознанием, я знаю, что ты слишком хорошо обучен *доктринам, которые мы получили от наших предков, и священным оргиям Диониса, чтобы поверить им; ибо мистические символы хорошо известны нам, тем, кто принадлежит к «Братству».*

Плутарх

С давних пор теософов в целом, и автора настоящей статьи в особенности, серьезно обвиняли в *неуважении к науке*. Нас спрашивали о том, какое мы имеем право подвергать сомнению заключения наиболее выдающихся авторитетов, и отказывать в признании непогрешимости (что предполагает всеведение) наших современных ученых? Короче, как *осмеливаемся* мы «презрительно игнорировать» их наиболее бесспорные и «повсеместно принятые теории» и т. д. и т. п. Эта статья написана с намерением дать некоторые объяснения нашей скептической позиции.

Прежде всего, чтобы избежать естественного непонимания предыдущего параграфа, пусть читатель примет во внимание, что заголовок «*Отрицатели науки*» никоим образом не относится к теософам. Как раз наоборот. Под «наукой» мы подразумеваем ДРЕВНЮЮ МУДРОСТЬ, тогда как ее «отрицатели» представляют собой *современных материалистически настроенных ученых*. Таким образом, мы снова имеем «высочайшую дерзость», подобно Давиду, вступить в борьбу, со старомодной теософской «пращей» в качестве единственного оружия, против гигантского Голиафа, «защищенного кольчугой», всеящей «*пять тысяч сикелей меди*». Пусть фили-

стимляне отрицают факты и заменяют их «рабочими гипотезами»; мы отрицаем последние и защищаем *факты*, «оружие единой существующей ИСТИНЫ».

Искренность этого простого утверждения, конечно, должна разбудить всех спящих собак, и спустить всех паразитов современной науки для того, чтобы они кусали нас за наши издательские пятки. «Эти проклятые теософы!» — непременно раздастся крик. — «Сколько еще они будут отказываться от того, чтобы укротить себя; и сколько еще мы будем иметь дело с этой дьявольской конгрегацией?» Конечно, потребуется значительное время для того, чтобы нас опрокинуть, тем более что один такой эксперимент уже был проделан. Кажется весьма естественным, что наше вероисповедание должно вызывать гнев у каждого подхалима механических и анималистических теорий Вселенной и Человека; количество таких подхалимов велико, хотя и не вызывает благоговейного трепета. В нашем цикле всеобщего отрицания ряды Дидимов усиливаются с каждым днем за счет новоиспеченных материалистов и так называемых «атеистов», избегающих церковного догматизма и полных реактивной энергии. Мы знаем численное превосходство наших врагов и оппонентов, и не преуменьшаем его. Более того, в этом случае даже некоторые из наших лучших друзей могут спросить, как они уже делали это ранее: «*Cui bono?* [кому это выгодно? *лат.*] почему бы не оставить в покое нашу высокоуважаемую, имеющую прочные корни официальную Науку, с ее учеными и их низкопоклонниками?»

Далее будет показано, *почему*; и тогда наши друзья узнают, что у нас есть очень веские основания действовать так, как мы и действуем. У нас нет никаких причин ссориться с истинным человеком науки, искренним, не принадлежащим никакой группировке, непредубежденным и правдолюбивым ученым (каких, увы, меньшинство); он полностью заслуживает нашего уважения. Но тому, кто, будучи *специалистом* в физических науках, хотя бы и выдающимся, пытается навязать общественному мнению свои собственные материалистические взгляды по метафизическим и психологическим вопросам, в которых он не разбирается, нам есть что сказать. Мы не связаны какими-либо законами, божественными или человечески-

ми, которые обязывали бы нас уважать мнения, которые в нашей школе считаются ошибочными, только потому, что они принадлежат так называемым авторитетам в материалистических или агностических кругах. Выбирая между *истиной* и *фактом* (в нашем понимании), с одной стороны, и рабочими гипотезами крупнейших из ныне живущих физиологов — хотя бы они и отзывались на такие имена, как м-р Гексли, м-р Клод Бернар, м-р Дюбуа Реймон и т. д., и т. п., — с другой стороны, мы никогда не намерены колебаться ни на секунду. Если, как однажды заявил м-р Гексли, душа, бессмертие и все духовные явления «находятся вне [его] философского исследования» («Физические основы жизни»), то, поскольку он никогда не задавался такими вопросами, он не имеет никакого права предлагать свое мнение. Конечно, они находятся вне сферы материалистической физической науки, и, что еще более важно, по удачному выражению д-ра Поля Жибьера, *вне области ясного понимания* большинства наших материалистических ученых. Они вольны верить или не верить в «автоматическое действие нервных центров» как первичных творцов мысли; в то, что феномены *воли* являются только усложненной формой рефлекторных действий — но мы в такой же степени вольны отрицать их заявления. Они являются специалистами, и не более. Как это с восхищением описывает в своей последней работе автор «Спиритизма и факиризма»:

«Ряд людей, особенно просвещенных в некоторых отдельных областях науки, присваивают себе право произносить по своему желанию суждения относительно всего на свете, они готовы отвергать что-либо новое, что противоречит *их* взглядам, часто по той единственной причине, что *если бы это было правильным, они не могли бы оставаться в неведении об этом!* Со своей стороны, я часто встречал этот вид самодостаточности у людей, которых их знания и научные исследования должны бы были предохранить от такого прискорбного морального недостатка, если бы они не были *специалистами* в своей области. Это признак относительной неполноценности, считать кого-либо выше или ниже себя. На самом деле, количество умов, думающих таким образом, больше, чем обычно полагают. Так же, как существуют люди, полностью неспособные к изучению музыки, математики, и т. д., так же есть и те, для кого закрыты определенные области мысли. Некоторым из тех людей, которые, вероятно, различаются на ... медиков или литераторов, замечательным

образом не удастся никакое занятие вне того, что я назову их «зоной видимости», аналогично тому, как рефлекторы проливают ночью свой свет в ярко освещенную зону, вне которой — глухая тьма и неопределенность. Каждый человек имеет свою собственную зону видимости, размеры и степень освещенности которой зависят от индивидуума.

Имеются вещи, которые находятся вне способности к пониманию тех или иных интеллектов; они расположены вне их зоны видимости».¹

Все это совершенно верно в отношении ученого и его невежественного поклонника. И именно таким ученым специалистам мы отказываем в праве сидеть на троне царя Соломона и судить всех тех, кто не будет смотреть и слышать с помощью их глаз и ушей. Мы говорим им: Мы не просим вас верить в то, во что верим мы, поскольку ваша «зона» ограничивает вас в пределах вашей специальности; но не вторгайтесь в «зоны» других людей. И если вы, тем не менее, будете делать это, если, после того как вы сами в минуты честной откровенности часто смеялись над своим невежеством; после неоднократного утверждения, словесного или в печати, о том, что вы, физики и материалисты, не знаете ничего о конечных возможностях, присущих материи, или что вы не сделали ни единого шага в направлении решения тайны жизни и сознания — вы все же упорствуете в своих учениях и утверждаете, что все проявления жизни и разума, и феномены высшей ментальности, являются просто *свойствами той материи, в отношении которой вы признаете свое собственное полное невежество*,² тогда — вы вряд ли избежите обвинения в том, что вы *обманываете* весь мир.³ Слово «обман» исполь-

¹ «Анализ вещей» в «Трансцендентальной физиологии» Поля Жибьера, стр. 33-34.

² «Строго говоря, верно, что химическое исследование может рассказать нам совсем *немного* или даже *ничего* в отношении структуры живой материи, и ... это также совершенная правда, что мы НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ о структуре какого-либо тела, безразлично, какого именно» (профессор Гексли).

³ Придворный поэт материи, м-р Тиндаль, признает в своей работе относительно действия атомов: «Из-за избытка сложности и запутанности ... наиболее высокоразвитый интеллект, наиболее совершенное и дисциплинированное воображение *приходят в замешательство при*

зуется здесь преднамеренно, в точном этимологическом значении словаря Вебстера, то есть «введение в заблуждение под видом честности» — в данном случае, научной. Конечно, нельзя ожидать от таких ученых джентльменов, что они не будут злоупотреблять своим влиянием и престижем в людских умах и учить их чему-либо, о чем они сами ничего не знают; что они воздержатся от проповеди ограниченности природы, когда ее наиболее важные проблемы были, и всегда будут неразрешимыми загадками для материалиста! Это не больше, чем просьба к таким учителям: быть, по крайней мере, порядочными.

Что же представляет собой в действительности человек познания? Не является ли истинным слугой науки (если последняя понимается как синоним истины) тот, кто кроме обладания значительной информацией обо всех вещах всегда готов узнавать больше, потому что он допускает, что существуют такие вещи, *которые ему неизвестны?*¹ Такой ученый никогда не будет колебаться в том, чтобы отвергнуть свои теории, когда он нашел бы их — даже не вступающими в противоречие с фактами и истиной, а просто сомнительными. Ради истины он будет оставаться безразличным к мнению всего мира, и в частности к мнениям своих коллег, или же он не будет пытаться принести дух доктрины в жертву общераспространенной веры. Независимый от отдельных людей или группировок, бесстрашно вступающий в столкновение с библейской хронологией, теологическими догмами, или предвзятыми и беспочвенными теориями материалистической науки; действующий в своих исследованиях в полностью лишенной пре-

размышлении о проблемах. Мы становимся немymi от изумления, которое не может успокоить никакой микроскоп, и которое подвергает сомнению не только силу нашего инструмента, но даже то, обладаем ли мы сами интеллектуальными элементами, которые дадут нам способность всегда бороться с конечными структурными энергиями природы». И все же они без колебания борются с духовными и психическими проблемами природы — такими как жизнь, разум и высшее сознание — и приписывают всех их материи.

¹ И поэтому не к нему относятся эти известные юмористические стихи, спетые в Оксфорде:

«Являюсь я главою колледжа,
И то, что знаю я, не есть незнание».

дубеждений системе разума, свободного от личной гордыни и суетности, он будет исследовать истину ради ее самой, а не для того, чтобы угодить той или иной фракции; он не будет подтасовывать факты для того, чтобы подогнать их к его собственным гипотезам, или верованиям любой государственной религии или официальной науки. Таков идеал истинного ученого; и таков тот, кто при любых ошибках — даже Ньютон и Гумбольдт совершали случайные ошибки — будет торопиться публично признать свои заблуждения и исправить их, и не будет поступать так, как это сделал немецкий натуралист Геккель. То, что совершил он, заслуживает напоминания. Во всех последующих изданиях «Происхождения человека» он оставил неисправленным *sozura* (по словам Кватрофага: «неизвестного науке»); также, он относит *prosimia* к *loris*, которого он описывает как «не имеющего сумчатого кармана, но с плацентой» («Происхождение человека», стр. 77), тогда как много лет назад анатомическими исследованиями «Альфонса Милна, Эдвардса и Грандидьера было показано, что *prosimia* Геккеля ... не имеет плаценты» (Кватрофаг, «Человеческий род», стр. 110). Это то, что мы, теософы, откровенно называем *нечестностью*. Ибо он отлично знает, что оба существа, которые он помещает на четырнадцатом и восемнадцатом этапах своей генеалогии в «Происхождении человека», являются *вымышленными*, и совершенно невозможно, чтобы они были прямыми или косвенными предками человекообразных обезьян, не говоря уж о человеке; «их нельзя рассматривать даже как предков зоноплацентных млекопитающих», — считает Кватрофаг. И все же Геккель подсовывает их наивным людям и сикофантам¹ от дарвинизма только потому, как объясняет Кватрофаг, «что доказательства их существования вытекают из необходимости промежуточного типа»!! Мы не можем найти никакой разницы между набожным мошенничеством и обманом Евсевия, действующего «ради великой победы Бога», и нечестивым обманом Геккеля «ради торжества материи» и — людским бесчестьем. Оба они — фальсификаторы, и мы вправе осуждать их обоих.

¹ *Сикофант*, в древних Афинах — профессиональный доносчик, клеветник и шантажист. — *Прим. редактора*.

То же самое относится и к другим областям науки. Специалист — будь то знаток греческого языка или санскрита, палеограф, археолог, любого рода ориенталист — это «авторитет» только в пределах своей специальности, так же, как электрик или физик — в своей. И кто же из них может быть признан *непогрешимым* в своих заключениях? Они как делали, так и упорно продолжают делать ошибки, каждая из их гипотез является лишь предположением, теорией лишь на время — и не более. Кто бы поверил сегодня, при нашем увлечении Кохом, что всего несколько лет назад величайший авторитет среди патологов во Франции, покойный профессор Вульпиан, глава Медицинского факультета в Париже, *отрицал само существование туберкулезного микроба?* Когда, по словам д-ра Жибьера, м-р Були (его друг и ученик) представил в Академию наук работу о туберкулезной бацилле, Вульпиан заявил ему, что «эта бацилла *не может существовать*», ибо «если бы она существовала, то ее *давно* бы уже открыли, поскольку за ней охотились так много лет»!¹

Таким же образом каждый специалист любого рода отрицает доктрины теософии и ее учения; не потому, что он сам когда-либо пытался изучать или анализировать их, или понять, сколько правды может содержаться в древней священной науке, а просто потому, что не современная наука открыла какие-либо из этих истин; а также потому, что, уходя от основной дороги в джунгли материалистических спекуляций, люди науки не могут вернуться назад, не разрушив всего здания, которое стоит за ними. Но хуже всего, что обычный критик и оппонент теософских доктрин не является ни ученым, ни даже специалистом. Он просто *лакей* ученых в целом; говорящий попугай и гримасничающая обезьяна того или другого «авторитета», использующий теории и заключения каких-либо хорошо известных авторов для того, чтобы разбить о них наши головы. Более того, он отождествляет себя с «богами», которым он служит или под чьим покровительством он находится. Он похож на зуава из личной гвардии Папы, который, поскольку он должен бить в барабан при каждом появлении и исчезновении «наместника святого Петра», заканчивает тем,

¹ «Анализ вещей, и т. д.» д-ра П. Жибьера, стр. 213-214.

что отождествляет себя с апостолом. То же самое и с самозванным лакеем современного Элохима науки. Он тщетно воображает, что является «одним из них», имея на то не больше разумных оснований, чем зуав: он также бьет в большой барабан для каждого оксфордского или кембриджского преподавателя, чьи заключения и взгляды не согласуются с учениями Оккультной Доктрины Древности.

Однако уделять этим хвастунам устно или письменно хоть чуточку больше, чем это необходимо, значит тратить время попусту. Оставим их в покое. Они не имеют даже своей собственной интеллектуальной «зоны», но должны видеть вещи в свете «зон» других людей.

Теперь о том, почему нашим тяжелым долгом является отрицание и опровержение научных взглядов столь многих людей, каждый из которых считается более или менее «выдающимся» в его специальной области науки. Два года назад в конце второго тома «Тайной Доктрины» автор пообещал издать третий и даже четвертый том этой работы. В этом третьем томе (ныне почти полностью готовом)¹ речь идет о древних мистериях Посвящения, делаются наброски — с эзотерической точки зрения — о наиболее знаменитых и исторически известных философах и иерофантах (каждый из которых рассматривается учеными как *обманщик*), начиная с древнейших времен и до христианской эры, и прослеживается связь учений всех этих мудрецов с одним и тем же источником всеобщего знания и науки — эзотерической доктриной, или РЕЛИГИЕЙ МУДРОСТИ. Нам не нужно и говорить о том, что утверждения и заключения эзотерических и легендарных материалов, использованных в этой книге, очень сильно отличаются и часто вступают в непримиримое противоречие с данными, которые предоставляют почти все английские и немецкие ориенталисты. Между ними существует негласное соглашение — объемяющее даже тех из них, кто испытывает личную вражду относительно друг друга — следовать определенному направ-

¹ См. «Эзотерическое учение», скомпонованное и изданное уже после смерти Е.П.Б. ее ближайшей сподвижницей и преемницей на посту председателя Теософского общества — Анни Безант. — *Прим. редактора.*

лению в датировании материала;¹ в отрицании какой бы то ни было внутренней ценности «адептов» всякого трансцендентального знания; в полном отрицании самого существования *сиддхи*, или ненормальных духовных сил в людях. В этом ориенталисты, и даже те из них, кто является материалистами, тесно смыкаются с духовенством и библейской хронологией. Нам не нужно останавливаться для того, чтобы проанализировать этот странный факт, но таково положение вещей. Главная задача третьего тома «Тайной Доктрины» — доказать, путем цитирования и объяснения *неясных мест* в трудах древнеиндийских, древнегреческих и других, достойных внимания философов, равно как и во всех древних писаниях, существование непрерывного эзотерического аллегорического метода и символизма; по возможности показать, что при наличии ключей к толкованию, как этому учат Восточный индубуддийский канон оккультизма, Упанишады, Пураны, Сутры, эпические поэмы Индии и Греции, египетская Книга мертвых, скандинавские Эдды, и даже еврейская Библия, а также классические писания Посвященных (таких, как Платон, и многих других), — все они, от первого до последнего, дают значения, совершенно отличные от буквального толкования их текстов. Это находит решительный отпор у некоторых выдающихся ученых современности. Они не получили ключей, следовательно — такие ключи вообще не существуют. Согласно Максиму Мюллеру, никто из индийских пандитов никогда не слышал об эзотерической доктрине (*гунта видья*). В своих «Эдинбургских лекциях» этот профессор позволяет себе некоторые вольности по отношению к теософам и их толкованиям, как некоторые ученые шастрии — не говоря уж о *посвященных* браминах — поступают с самим этим ученым немецким

¹ Профессор А. Г. Сейс говорит в своем замечательном предисловии к «Трое» д-ра Шлимана: «Естественной склонностью ученого наших дней является стремление датировать факты скорее более поздним временем, чем более ранним, и относить какие-либо факты к наиболее позднему периоду, насколько это возможно». Это так, и они все время это делают. Такая же тенденция чувствуется и в отношении признания идей древних, так как это предполагает наличие у древних философов какого-либо знания, *неизвестного современным ученым*. Самомнение и тщеславие!

филологом. С другой стороны, сэр Монье Уильямс пытается доказать, что Господь Гаутама Будда *никогда не учил какой-либо эзотерической философии*, (!!) изобличая, таким образом, во лжи всю последующую историю архатов-патриархов, которые обратили Китай и Тибет в буддизм, и обвиняя в мошенничестве многочисленные эзотерические школы в современном Китае и Тибете.¹ Или, согласно профессору Б. Джовитту, главе Баллиольского колледжа, нет никаких эзотерических элементов в «Диалогах» Платона, и даже в таком выдающемся оккультном труде, как «Тимей».² Неоплатоники, такие как Аммоний Саккас, Плотин, Порфирий, и т. д., были невежественными и предубежденными мистиками, которые видели тайные значения там, где их никто не подразумевал, и кто, руководствуясь учением Платона, не имел идеи истинной науки. В понимании светил современной науки, наука (то есть знание) находилась в детском возрасте во времена Фалеса, Пифагора и даже Платона; величайшие суеверия и «пустая болтовня» царили во времена индийских риши. Панини, величайший в мире грамматик, согласно профессорам Веберу и Максу Мюллеру, *был незнаком с искусством письма*, и сходным образом все, жившие в Индии, от Ману до Будды, вплоть до третьего века до нашей эры. С другой стороны, профессор А. Г. Сейс, безусловно, крупный палеограф и ассириолог, всегда доброжелательно признающий наличие эзотерической школы и оккультного символизма среди жителей Аккадо-Вавилонии, тем не менее, утверждает, что ассириологи сегодня имеют все ключи, необходимые для интерпретации тайных глифических надписей седой древности. Мне кажется, что нам известен главный ключ, используемый им и его коллегами: отнесите каждого бога или героя, чей характер в той или иной мере сомнителен, к мифу о солнце, и вы откроете всю эту тайну; это более легкое предприятие, чем для «северного колдуна» испечь омлет в мужской шляпе. Наконец, что касается эзотерического символизма и мистерий, современные

¹ Если посмотреть «Китайский буддизм» Эдкина, то мы увидим, что этот миссионер, выдающийся ученый-китаевед, проживший в Китае долгие годы, говорит, хотя и с предубеждением, об эзотерических школах.

² См. предисловие к его переводу «Тимея».

ориенталисты, по-видимому, забыли больше, чем когда-то знали посвященные жрецы времен Саргона (3750 лет до н. э., согласно д-ру Сейсу). Таково скромное утверждение лектора Гибберта в 1887 году.

Таким образом, поскольку личные заключения и утверждения вышеназванных ученых (и многих других) выступают против теософских учений, то, во всяком случае, в этом поколении, лавры победы последним не будут пожалованы большинством. Тем не менее, поскольку истина и факт на нашей стороне, нам нужно не отчаиваться, но просто ожидать своего часа. Время — это удивительный волшебник, непреодолимо уничтожающий все искусственно выращенные сорняки и паразиты, универсальное средство нахождения истины. *Magna est veritas et prevalebit* [велика истина, и она восторжествует, *лат.*]. Тем временем, теософы не могут себе позволить, чтобы их обвиняли в визионерстве, так как они не являются «обманщиками», и их долгом является оставаться верными цвету своего знамени, и защищать свои наиболее нерушимые убеждения. Они могут делать это лишь вступая в оппозицию к предвзятым гипотезам своих оппонентов, (а) с помощью диаметрально противоположных заключений их же коллег — других ученых, как выдающихся *специалистов* в той же самой области науки, что и они сами; и (б) выясняя истинное значение различных отрывков из древних писаний и классиков, искаженных этими фанатиками. Но, делая это, мы можем оказывать не большее уважение этим известным персонажам в современной науке, чем это делают они по отношению к богам «низших рас». Теософия, Божественная Мудрость или ИСТИНА является пристрастной не более чем какое-либо племенное божество — «лицеприятной персоной». Мы защищаемся, и должны отстоять то, что мы знаем как безусловную истину: поэтому, вместо многочисленных редакторских статей, мы намерены поместить серию специальных статей, опровергающих наших оппонентов, какими бы учеными они не были.

И сейчас становится очевидным, почему для нас невозможно «оставить в покое нашу в высшей степени уважаемую и имеющую твердую основу официальную науку».

Мы можем закончить несколькими прощальными словами, обращенными к нашим читателям. *Сила принадлежит*

тому, кто знает; это очень старая аксиома: знание, или первая ступень к обретению силы, и в особенности постижение истины или умение отличать истинное от ложного, принадлежит только тем, для кого истина выше его собственных особенностей характера. Только те, кто освобождается от всех предрассудков, побеждает такие человеческие качества, как самомнение и эгоизм, кто готов принять любую и *всякую* истину, как только она становится для него бесспорной, — только они, утверждаю я, могут надеяться на обретение окончательного знания вещей. Бесплезно искать таких людей среди ученых гордецов нашего времени, и было бы безумием ожидать, что обезьяноподобная масса невежественных людей выступит против своих обожаемых идолов. Бесплезно также ожидать справедливости по отношению к теософской работе любого вида. Пусть какой-нибудь неизвестный м-р Маколей, или сэр У. Гамильтон, или Джон Стюарт Милль, будут сегодня напечатаны и изданы теософским издательством, и рецензенты, если они будут, сразу же провозгласят их безграмотными и *не*-английскими, неясными и нелогичными. Большинство судит о работе в соответствии с предрассудками ее критиков, которые, в свою очередь, руководствуются популярностью или непопулярностью авторов, а вовсе не присущими этой работе достоинствами или недостатками. Вне теософских кругов, поэтому, тома «Тайной Доктрины», которые вскоре появятся, ожидает, очевидно, еще более холодный прием у широкой публики, чем два первых тома. В наши дни, как это было неоднократно показано, никакое утверждение не может рассчитывать на справедливый суд, или даже на то, чтобы быть выслушанным до тех пор, пока его аргументы не будут соответствовать узаконенному и принятому способу исследования, остающемуся строго в рамках или официальной, материалистической науки, или эмоциональной, ортодоксальной теологии.

Наш век, читатель, представляет собой парадоксальную аномалию. Поистине, его можно назвать веком Януса, поскольку он одновременно и чрезвычайно материалистический, и в высшей степени набожный. Наша литература, наша современная мысль и так называемый прогресс, движутся по этим двум параллельным линиям, столь несовместимым друг с дру-

гом, и, тем не менее, столь популярным и в высшей степени «пристойным» и «респектабельным», каждая по-своему. Тот, кто предполагает провести третью линию, или даже маленькую черточку, для примирения этих двух линий, должен быть полностью готов к самому худшему. Его работа будет искажена критиками, которые, прочтя три строчки на первой странице, две в середине книги, и заключительное предложение, объявят ее «неудобочитаемой»; над ней будут насмехаться подхалимы науки и церкви, она будет неправильно цитироваться их лакеями, тогда как средний читатель не поймет ее значения. Хорошим доказательством этого является абсурдные заблуждения культурных слоев общества относительно учений «религии Мудрости» (буддизм), после исключительно ясных и представленных в научном виде ее элементарных доктрин автором «Эзотерического буддизма». Это может служить предостережением даже тем из нас, кто, будучи закаленными в борьбе за наше Дело, длящейся почти целую жизнь, не робеют, работая своим пером, и не пугаются догматических заявлений научных «авторитетов». И все же они упорствуют в своем труде, хотя и прекрасно сознают, что ни материализм, ни доктринальный пиегизм, не дадут возможности для теософской философии быть беспристрастно выслушанной в наше время. До самого последнего времени, нашу доктрину систематически отрицали, нашим теориям отказывали в каком-либо месте, даже среди тех постоянно меняющихся научных однодневок, называемых «рабочими гипотезами». Для защитников «анималистической» теории наши космогенетические и антропогенетические учения являются, воистину, «сказками». «Как можем мы», — спрашивает один из поборников науки, — «принять *глупости* древних туземцев, (!) пусть даже им и учили в глубокой древности, если они во всем противоречат заключениям современной науки... Это все равно, как если бы нас просили заменить Дарвина — Джеком Потрошителем!» Именно так; ибо тем, кто утратил всякую нравственную ответственность, кажется, очевидно, более удобным принимать теорию о своем происхождении от общего обезьяноподобного предка, и видеть брата в немом бесхвостом бабуине, чем признать отцовство питрисов, славных «сынов богов», или признать своим братом голодающего из трущоб, или цветного

человека «низшей» расы. «Осадите назад!» — кричат в свою очередь святоши, — «вы, “эзотерические буддисты”, никогда не сможете стать добропорядочными, посещающими церковь, христианами!»

Мы никоим образом не обеспокоены этой метаморфозой, особенно потому, что большинство благочестивых британцев уже стали по своей собственной воле и своему выбору *эзотерическими буддистами*.

De gustibus non disputandum [о вкусах не спорят, лат.].

В дальнейшем мы постараемся исследовать то, насколько прав профессор Джовитт в своем предисловии к «Тимею», когда он говорит, что «фантазии неоплатоников не имеют ничего общего с толкованием Платона», и что «так называемый мистицизм Платона имеет чисто греческое происхождение и проистекает из его недостаточно совершенного знания», чтобы не сказать — невежества. Ученый руководитель Баллиольского колледжа отрицает, что Платон использовал в своих работах эзотерический символизм. Мы же, теософы, считаем, что это так, и должны попытаться дать наиболее обоснованные доказательства в пользу наших утверждений.

ОБ АВТОРИТЕТАХ ВООБЩЕ, И АВТОРИТЕТЕ МАТЕРИАЛИСТОВ В ЧАСТНОСТИ

Поставив перед собой задачу, противостоять «авторитетам» и опровергать время от времени прочно устоявшиеся мнения и гипотезы людей науки, мы считаем необходимым с самого начала четко обозначить нашу позицию из-за многократных обвинений, которым мы подвергаемся. Хотя никакая критика и никакие насмешки не могут смутить нас, если они касаются истинности наших доктрин, тем не менее, мы не хотели бы дать нашим врагам еще один повод для избияния невинных младенцев; равным образом мы бы не хотели возбудить в наших друзьях какое-либо несправедливое подозрение в том, что мы, по меньшей мере, не готовы признать свою вину.

Одним из таких подозрений, естественно, могла бы быть идея о том, что мы в высшей степени самонадеянны и тщеславны. Это было бы ложью от А до Я. Если мы противоречим в каких-то вопросах выдающимся профессорам науки, это вовсе не значит, что тем самым мы утверждаем, что знаем о науке больше, чем они; более того, что мы столь самонадеянны, что помещаем себя на тот же уровень, на котором находятся эти ученые. Те, кто обвинил бы нас в этом, говорили бы очевидную бессмыслицу, и даже для появления такой мысли понадобилось бы безумное тщеславие — а мы никогда не были повинны в этом грехе. Таким образом, мы громогласно заявляем всем нашим читателям, что большинство этих «авторитетов», у которых мы находим ошибки, *по нашему собственному мнению занимают гораздо более высокое положение в области научного знания и общей информированности, чем мы сами.* Но, признавая это, мы напоминаем читателю, что обладание большой ученостью никоим образом не избавляет

от крупных предубеждений и предрассудков; оно не является также гарантией против личной суетности и гордыни. Физик может быть бесспорным экспертом в акустике, в волновых колебаниях и т. д., и в то же время вовсе не быть музыкантом и не иметь музыкального слуха. Никто из современных сапожников не может писать так, как граф Лев Толстой; но любой новичок в сапожном ремесле может обвинить великого романиста в том, что он погубил хороший материал, пытаясь изготовить ботинки. Кроме того, мы подвергаем резкой критике современную науку, только пытаясь защитить законным образом наши освященные веками теософские доктрины, которым многие противостоят исходя из авторитета материалистических ученых, полностью игнорирующих психические способности и осуждающих древнюю мудрость и ее адептов. Если в своем тщеславном и слепом материализме они будут настаивать на том, что они не знают и не хотят знать, тогда те, кто знает что-то, имеют полное право противостоять и говорить об этом в устных выступлениях и в печати.

Многие, должно быть, слышали об остроумном ответе, сделанном любителем Платона некоему критику Томаса Тэйлора, переводчика трудов этого великого мудреца. Тэйлора обвинили в том, что он небольшой знаток греческого языка, и не очень хороший английский писатель. «Да», — был дерзкий ответ, — «Том Тэйлор, возможно, знает греческий хуже, чем его критики, но *он знает Платона намного лучше, чем любой из них*». Такова же и наша собственная позиция.

Мы не настаиваем на своей учености ни в древних, ни в живых языках, и мы не вносим свой вклад в филологию, как это делает современная наука. Но мы настаиваем на том, что понимаем истинный дух философии Платона, и символический смысл трудов этого великого посвященного лучше, чем его современные переводчики, и по очень простой причине. Иерофанты и посвященные мистерий в тайных школах, в которых обучали всем наукам, недоступным и бесполезным для невежественных масс, имели один универсальный эзотерический язык — язык символов и аллегорий. Это язык не претерпел никаких изменений или усложнений с тех давних времен и вплоть до наших дней. Он все еще существует, и ему все еще учат. Существуют люди, которые сохранили знание этого

языка, а также тайный смысл мистерий; именно от этих Учителей автор настоящего протеста имел счастье научиться, хотя и весьма несовершенно, вышеупомянутому языку. Таким образом, я призываю к более правильному пониманию тайных частей древних текстов, написанных признанными посвященными, — такими как Платон, Ямвлих, Пифагор и даже Плутарх, — чем этого можно ожидать от тех, кто, ничего не зная об этом «языке», или даже полностью отрицая его существование, тем не менее, выдвигает авторитарные и окончательные утверждения о том, что знали или не знали Платон и Пифагор, во что они верили или не верили. Этого недостаточно, чтобы опровергнуть дерзкое предположение о том, что «древнего философа следует интерпретировать, исходя из его самого [т. е. из мертвой буквы текстов], а также *из современной истории мысли*» (профессор Джовитт); тот, кто опровергает это, должен, прежде всего, получить удовлетворение (не только от себя самого и своих почитателей, но *от всех*) от того, что современная мысль не будет столь рассеянной в философских вопросах, каковой она является в материалистической науке. Современная мысль отрицает наличие божественного духа в природе и божественного начала в человеке, бессмертие души и какие-либо возвышенные представления, свойственные человеку. Все мы знаем, что в своих попытках убить то, что они, соглашаясь друг с другом, называют «предубеждениями» и «реликтами невежества» (*читай*: «религиозные чувства и метафизические представления о Вселенной и Человеке»), материалисты, такие как профессор Гексли и м-р Грант Аллен, готовы на все, чтобы обеспечить триумф их убивающей душу науки. Но когда мы находим ученых, занимающихся греческим языком или санскритом, и докторов теологии, играющих на руку современной материалистической мысли, относящихся с презрением ко всему *им* не известному, или к тому, что публика (или скорее общество, которое всегда следует в своих побуждениях безумию моды, популярности или непопулярности) не одобряет, тогда мы имеем право предполагать одно из двух: ученые, которые действуют таким образом, руководствуются или личными амбициями, или страхом общественного мнения; они не осмеливаются выступить против него, рискуя стать непопулярными. В обоих случаях они утрачива-

ют право на то, чтобы их рассматривали как авторитетов. Ибо, если они не видят фактов и являются искренними в своей слепоте, то их знания, сколь велики бы они ни были, принесут больше вреда, чем пользы; если же, полностью осознавая универсальные истины, которые древний мир знал лучше, чем мы — хотя и выражал их более двусмысленным и менее научным языком, — наши философы все же скрывают их, панически боясь болезненно сверкающих глаз большинства, тогда пример, который они дают, наиболее пагубен. Они подавляют истину и искажают метафизические концепции так же, как их коллеги в физической науке искажают факты материальной природы, превращая их просто в опору для поддержки своих взглядов, соответствующих популярным гипотезам и учению Дарвина. А если это так, то какое право имеют они требовать уважительного внимания от тех, для кого Истина является самой высокой, самой благородной из всех религий?

Отрицание любого факта или утверждения, в которые верят огромные массы христиан и не христиан, — более того, факта, который *невозможно опровергнуть*, — это слишком серьезно для человека с признанным научным авторитетом, поскольку это повлечет за собой неизбежные последствия. Отрицания и опровержения некоторых вещей, до сих пор считавшихся священными, которые делаются таким образом, столь же хорошо принимаются публикой, приученной уважать научные данные и папские буллы, как и неквалифицированные заявления. Подобный дух всеобщего отрицания, — охватывающий такую широкую категорию, как *агностицизм*, или представленный лишь в виде личного мнения, — несет в себе угрозу для всего человечества, в особенности, если он сталкивается с универсальной верой всей античности, а также огромного количества восточных народов, которые являются истинными хозяевами того, что отрицается нашей наукой. Таким образом, отказ от признания Божественного Принципа Вселенной, души и духа в человеке и его Бессмертия одной группой ученых; отрицание любой эзотерической философии, существующей в древности, а именно: наличия какого-либо тайного значения, которое можно обнаружить путем изучения священных текстов Востока (в том числе Библии) или работ тех философов, которые были признанными посвященными, —

другой группой «авторитетов», — все это просто фатально для человечества. Миллионы подрастающих поколений, очевидно, скоро окажутся в полной растерянности, находясь между миссионерской деятельностью, вдохновленной не столько религиозными, сколько политическими соображениями,¹ с одной стороны, и научным материализмом, с другой, причем, оба они учат с диаметрально противоположных позиций тому, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и что сами они принимают большей частью на основании слепой веры или гипотез. Они будут знать, во что им верить и куда обратиться за истиной не больше, чем сейчас знают их родители. Таким образом, многим требуется сейчас более весомые аргументы, чем просто личные предположения или отрицания того, что та или иная вещь просто существует или не существует, делаемые религиозными фанатиками или неверующими материалистами.

Мы, теософы, кого не так легко поймать на крючок, наживкой на котором является спасение или уничтожение, мы заявляем наше право потребовать наиболее весомых и *неопровержимых* для нас доказательств тому, что истина находится в полном ведение науки и теологии. И поскольку мы не получаем никакого ответа, то мы заявляем о своем праве возражать или спорить по каждому нерешенному вопросу, анализируя предположения наших оппонентов. Мы, верящие в оккультизм и в древнюю эзотерическую философию, как уже говорилось выше, не просим наших членов верить точно так, как верим мы, и не обвиняем их в невежестве, если они этого не делают. Мы просто даем им возможность сделать свой выбор. Тем, кто решил изучать древнюю науку, предоставляются доказательства ее существования; и данные в пользу этого нака-

¹ Мы считаем, что баснословные суммы, расходуемые на христианские миссии, чья пропаганда дает такие вредоносные безнравственные результаты и привлекает лишь немногочисленных ренегатов, имеют в виду лишь политические цели. Цель этих миссий, которые, как в Индии, должны быть «терпимыми» (цит.), по-видимому, состоит в том, чтобы *отвратить* людей от их древних религий в большей степени, чем *обратить* их в христианство, и это делается для того, чтобы затушить в них всякую искру национального чувства. Когда дух патриотизма в народе умирает, его очень легко превратить в марионетку в руках правителей.

пливаются и увеличиваются в количестве пропорционально личному прогрессу изучающего. Почему опровергатели древней науки (имеются в виду современные ученые) не делают то же самое в отношении своих отрицаний и утверждений; то есть, почему они не отказываются говорить «да» или «нет» о том, о чем они *ничего не знают*, вместо запрещения или утверждения *à priori* [заведомо, *лат.*], как они это делают? Почему бы нашим ученым не объявить искренне и честно на весь мир, что большинство их представлений — например, относительно жизни, материи, эфира, атомов, и т. д., то есть сущностей, каждая из которых представляет для них необъяснимую загадку — это *не научные факты и аксиомы*, но просто «рабочие гипотезы»? Кроме того, с какой же это стати ни ориенталисты — хотя столь многие из них и являются «преподобными», — ни профессор греческого языка, доктор теологии и переводчик Платона, такой как профессор Джовитт, излагая свои личные взгляды о греческом мудреце, не упоминают о том, что есть другие ученые, не менее образованные, которые думают иначе? Это было бы вполне разумно в свете большого количества противоположных данных, охватывающих прошедшие тысячелетия. И это было бы честнее, чем повергать менее образованных, чем они сами, людей, и вводить их в серьезные заблуждения посредством гипнотического влияния «авторитета», и, таким образом, склоняя их к тому, чтобы *принимать* разнообразные эфемерные гипотезы как доказанные, хотя на самом деле они еще только *требуют* доказательства. Но «авторитеты» действуют различными способами. Как только какой-либо факт в природе или истории не соответствует, или противится тому, чтобы быть включенным в какую-либо из их личных гипотез, принятых в качестве религии или науки сонным большинством, то он тут же отрицается, объявляется «мифом», или же против него используются *откровения* Писаний.

Именно по этим причинам теософия и ее оккультные доктрины пребывают в длительном конфликте с некоторыми учеными и теологами. Оставляя последних целиком за рамками данной статьи, мы обращаем наш протест в данный момент лишь к первым. Так, например, многие из наших учений, подтвержденных массой древних работ, но отрицавшихся в раз-

ное время разными профессорами, как это было показано, сталкиваются не только с заключениями современной науки и философии, но и даже с теми фрагментами из старых работ, к которым они обращаются за подтверждением. Мы можем лишь указать на определенные фрагменты некоторых старых индийских трудов, на Платона, на некоторых других греческих классиков, подтверждающих некоторые из наших эзотерических доктрин...

О КРИТИКЕ, АВТОРИТЕТАХ И ДРУГИХ МАТЕРИЯХ

Литературные наброски Непопулярного Философа

Благоразумные и осторожные люди постоянно предостерегают теософов и издателей теософической периодики от того, чтобы они обижали «авторитеты», научные или общественные. Общественное мнение, настаивают они, это самый опасный из всех противников. Его критика губительна, говорят нам. Критика едва ли может надеяться на то, чтобы улучшить кого-либо или что-либо из того, что стало предметом обсуждения. Однако это обижает многих и вызывает ненависть к теософам. «Не судите, да не судимы будете», — таково обычное предостережение.

Именно потому, что теософы хотели бы судить самих себя и полагаются на беспартийную критику, они могут оказать этим услугу своим товарищам. Взаимная критика — это наиболее разумная политика, помогающая установить окончательные и определенные жизненные правила, не только в теории, но и на практике. Мы уже имели достаточно теорий. Библия полна полезных советов, но немногие из христиан когда-либо применяли хотя бы часть этих этических предписаний к своей повседневной жизни. Если одна критика вредна, то и другая — тоже; и так же обстоит дело с каждым нововведением, или даже с презентацией какой-либо старой вещи в новом аспекте, если обе они необходимым образом сталкиваются с взглядами того или другого «авторитета». Я придерживаюсь противоположной точки зрения и рассматриваю критику как огромный положительный фактор, способствующий в целом мышлению; и в еще большей мере это относится к тем людям, которые никогда не думают самостоятельно, а во

всем ссылаются на признанные «авторитеты» и общепринятые правила.

Ибо что такое, в конце концов, «авторитет» в каком-либо вопросе? На самом деле, это не более чем свет, падающий на какой-либо предмет через одну единственную, более или менее широкую щель и освещающий его лишь с одной стороны. Такой свет, помимо того, что он является правдивым отражением личных взглядов, а частенько особых пристрастий лишь одного человека, никогда не может помочь в исследовании какого-либо вопроса или предмета со всех сторон или во всех его аспектах.

Авторитеты, призывающие к чему-либо, часто оказываются бесполезными, тогда как неспециалист, пытающийся представить данный вопрос или предмет в другом виде и с другой точки зрения, немедленно подвергается гонениям за его исключительную смелость. Не попытается ли он отвергнуть эти солидные «авторитеты» и бросить вызов respectable и освященной веками общепринятой мысли?

Друзья и недруги! Критика является единственным спасением от интеллектуальной стагнации. Это прекрасный стимул, который побуждает к жизни и действию — то есть к здоровым переменам — грузных жвачных животных, называемых Рутин и Предубеждение, и в частной, и в общественной жизни. Противоположные мнения подобны встречным ветрам, которые сдувают со спокойной поверхности озера зеленую пену водорослей, которые стремятся заселить его тихие воды. Если каждый чистый поток независимой мысли, который бежит по полю жизни вне старых канавок, проложенных Общественным Мнением, будет остановлен и окажется в тупике, то результаты будут очень грустными. Если эти потоки не будут больше питать этот водоем, называемый Обществом, то его воды загниют еще больше, чем сейчас. В результате этого, наиболее правверные «авторитеты» общественного пруда будут первыми засосаны еще глубже в липкий ил и тину.

Положение вещей в том виде, как оно есть сейчас, не обнаруживает ясных перспектив в отношении прогресса и социальных реформ. В последней четверти нашего столетия только женщины достигли заметного благотворного прогресса. Мужчины со своим жестоким эгоизмом и привилегиями по поло-

вому признаку, упорно боролись, но потерпели поражение почти во всех отношениях. Таким образом, молодые поколения женщин выглядят полными надежд. Вряд ли они войдут в будущую категорию грубых и упрямых сторонниц м-с Гранди. Те, кто сегодня ведет ее ранее непобедимые батальоны по пути войны, это старые амазонки уважаемого общества; а ее молодые мужчины, — это мужские «цветы зла», ночные растения, которые цветут в оранжереях, известных под названием «клубов». Брумели сегодняшнего дня стали еще большими сплетниками, чем старые кумушки начала нашего столетия.

Противостоять таким противникам или критиковать их, или даже находить у них малейшую ошибку — это значит совершить непростительное социальное прегрешение. Однако Непопулярный Философ не из пугливых, и высказывает свои мысли, не обращая внимания на самые громкие «воинственные вопли», звучащие в наше время. Он изучает своих врагов обоюбого пола спокойным и мирным оком человека, которому нечего терять, и подсчитывает безобразные прыщи и морщины на «священном» лице м-с Гранди так же, как он считал бы смертельно ядовитые цветы на ветвях великолепного *mancenillier* — в телескоп и издали. Он никогда не будет приближаться к дереву или отдыхать в его губительной тени.

«Ты не должен противостоять Божьему помазаннику», — сказал Давид. Но тогда как «авторитеты», социальные и научные, всегда первыми нарушают этот закон, другие иногда могут следовать ему. Кроме того, «помазанники» — не всегда те, кто помазан Богом; многие из них относятся к тем, кто сам себя помазал на царство.

Таким образом, если даже Непопулярного Философа обвиняют в том, что он пытается развенчать Науку и ее «авторитеты», он решительно возражает против этого заявления. Отвергать непогрешимость человека науки — это совсем не то же самое, что сомневаться в его знаниях. Специалист, особенно исходя из того, что он имеет какую-либо одну специальность, заслуживает меньшего доверия в других областях науки, и даже в общей оценке его собственного предмета. До сих пор официальная школьная наука базируется на временных основаниях. Она будет идти вперед по прямым дорогам до тех

пор, пока не будет вынуждена отклониться от этих старых путей в результате свежих и неожиданных открытий в бездонных недрах знания.

Наука подобна железнодорожному составу, который перевозит багажный вагон от одной конечной станции к другой и к которому не имеет доступа никто, кроме железнодорожных чиновников. Но пассажиров, едущих тем же поездом, вряд ли можно удержать от того, чтобы они покидали на определенных станциях эту прямую линию, чтобы следовать дальше по дорогам, пересекающим эту главную дорогу. Они должны иметь эту возможность без того, чтобы их осуждали за клевету на главную линию. Двигаться *далее* конечной станции на лошади, в повозке или пешком, или даже стать первопроходцем, прокладывая совершенно новые пути через огромные девственные леса и дебри людского невежества, — это их бесспорная прерогатива. Другие исследователи, конечно, последуют за ними; и не менее ясно, что они будут критиковать этот вновь открытый путь. При этом они сделают больше пользы, чем вреда. Ибо правда, как говорит старая бельгийская пословица, это всегда результат столкновения мнений, подобно искре, вылетающей при ударе двух кремней друг о друга.

Почему человек знания всегда столь склонен рассматривать науку как свою личную собственность? Разве знание лишь какой-то вид неделимого семейного достояния, достигающегося только старшим сыновьям науки? Истина принадлежит или должна принадлежать всем, за исключением тех немногих областей знания, которые должны постоянно сохраняться в тайне, как обоюдоострое оружие, которое и убивает, и спасает. Некоторые философы сравнивали знание с лестницей, вершины которой легче достичь человеку, не обремененному тяжелым багажом, чем тому, кто должен тащить с собой огромную кипу выцветших и засохших старых условностей. Более того, такой человек должен все время оглядываться назад из страха потерять что-либо из своих окаменелостей. Не потому ли, что у них был такой обременительный багаж, лишь немногие из них смогли достигнуть вершины лестницы, и не потому ли они утверждали, что выше ступеньки, достигнутой *ими*, нет *ничего*? Или же они отрицают саму

возможность всякого свежего, живого цветения новых форм будущей жизни, ради сохранения старых, высушенных растений прошлого?

Каков бы ни был их ответ, без оптимистической веры в то, что когда-то наступит, жизнь была бы мало достойной жителя. Мир находится под угрозой окаменения в своих старых предрассудках и рутине, из-за так называемых авторитетов, их страха перед малейшей критикой и ярости по отношению к ней, причем каждый из них требует, чтобы его считали непогрешимым в его собственной области. Консерватизм ухмыляется своей улыбкой мертвеца при каждой инновации или новой форме мысли. В великой борьбе жизни за выживание наиболее приспособленных, каждая из этих форм становится в свою очередь сначала мастером, а затем тираном, подавляющим всякий новый рост тогда, когда его собственный уже прекратился. Но истинный философ, как бы он ни был «непопулярен», пытается охватить истинную жизнь, которая бьет ключом из внутреннего источника Бытия, то есть из скалы истины, — он движется всегда вперед. Он чувствует одинаковое презрение ко всем этим маленьким и грязным лужицам, которые загнивают от лени на плоской, болотистой поверхности общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «КОСМОГОНΙΑ И АНТРОПОЛОГИЯ»

«Что же должны мы понимать под наименованием Бог?.. Мне кажется, что было бы более разумным верить в то, что это вымышленный персонаж, являющийся смешением того, что мы назвали бы *мыслеисточником* гармонических идей, формирующих центр влияний и центр поступательного движения, фокус всех других идей, из которых состоит мир...»

Мы можем предположить, что наш брат [Альфонс] Каажнэ подразумевает под своим «мыслеисточником» духовные трансцендентные сущности, которые Аристотель называет субстанциональными, а Платон называет формами, мыслеобразами, неправильно истолкованными и известными как идеи; эти вечные, бессмертные сущности полностью выходят за пределы сферы разума и постижимы скорее при помощи интуиции, чем ума. Но имеет или не имеет он в виду данную субстанцию, для которой мир есть лишь тень, и которая дает последнему лишь небольшую и частичную *реальность*, которой он обладает, его определение абстрактного Божества, вне всякого сомнения, принадлежит ведантисту, который определяет Парабрахм как *абсолютный Ум* и Силу, и потому независимый от ума и силы. В таком случае его «мыслеисточник» должен занимать под другим названием место Ишвары, как его определяет современная школа бенаресских ведантистов, хотя мы сомневаемся, что м-р Каажнэ имеет хотя бы малейшее представление об их существовании, не говоря уж об их философии — ведантизме.

«...великий симпатический закон притяжения и сцепления — закон, согласно которому существует непрерывный ряд состояний, форм и различных действий, побуждающих вещи сменять, предшествовать и следовать друг за другом».

Эта идея, помимо того, что она является основным принципом современного закона эволюции, которую принимают в своем фундаментальном учении все индусские, буддийские и европейские теософы, есть также принцип доктрины Гераклита в отношении феноменального мира, учения о «нескончаемом течении всех вещей».

«...как последовательность имеет своим результатом различные виды оценок или рассмотрения вещей, порождается одной первой ... мыслью, так и первая сцепляющая потенция должна была действовать сходным образом, и потому она могла создать материальный мир, или скорее *материальное состояние*, лишь таким способом, а именно, бессознательно возлагая на него задачу *быть* ... благодаря непрерывному ряду различных способов оценок и рассмотрению квинтэссенции».

Мы не совсем уверены, придерживается ли автор арийской доктрины отрицания реальности материи, которой также учил Платон, но, по всей видимости, его концепция Божества напоминает концепцию доктрины Платона о том, что Космос — это лишь «тень Тени», а также концепцию божества у элеатов, чей Абсолют был не просто абстракцией, созданием чистой фантазии, но целостностью объективного мира, каким его может распознать душа, которая сама, по сравнению с телом, есть лишь тонкий вид материи.

Но не можем ли мы с уверенностью предположить, что авторы «Вед», которые упоминают такое множество подчиненных божеств, связанных с Парабрахмом, также имели в своем ясновидении некий подобный «мыслеисточник»? Отсюда становится доступнее для понимания политеизм и разнообразие богов. Антропоморфизация этих абстрактных принципов — это результат более поздних размышлений; человеческое понимание обычно низводит на уровень своего собственного земного, грубого восприятия всякую идею, сколь бы философской и тонкой она ни была.

«Нам был открыт...»

Автор является как *спиритистом*, так и гипнотизером. Такое откровение должно было прийти либо от ясновидящего, сомнамбулы, либо от «духа».

«...единосуший Бог, являющийся, как мы верим, божеством, образованным из всего, и потому нет необходимости в некоем пантеистическом боге». ¹

Мы не понимаем, каким образом можно избежать такого вывода, несмотря на то, что как только мы признаем некое Божество, Бог пантеистов начинает выглядеть единственно приемлемым. Истинные пантеисты никогда не скажут, что Бог есть *все что угодно* — ибо тогда они были бы идолопоклонниками; но они скажут, что Бог есть во всем, и *все* — в Боге.

«В девятой [инкарнации] Вишну стал наиболее разумным. Он принял вид и имя Будды, бога, у которого было четыре руки и божественный ум».

Совершенно очевидно, что м-р Каажнэ ничего не знает об индийских религиях, и еще меньше — об арийской философии. Мы позволим себе оставить без комментариев одну-две страницы, поскольку они полны неточностей и ошибок. Почтенный автор черпает свою информацию о религиях Индии из одной старой книги, называемой «Религиозные церемонии и обычаи всех народов земного шара», составленной неким коллективом ученых и датированной 1723 годом,² из чего становится ясным, почему он смешивает аватаров и наделяет «Свет Азии», Гаутаму Будду, четырьмя руками. «Человек науки», даже во времена сэра Уильяма Джонса, часто путал сына царя из Капилавасту со скандинавским Одином и многими другими мифами.

¹ См. «Révélations d'Outre-Tombe», том 1.

² «Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde...» Под редакцией Ж.-Фр. Бернара и др., Амстердам, 1723-1743, 11 томов *in folio*. — Прим. редактора.

ПРАЛАЙЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Если наука права, то будущее нашей солнечной системы — а значит того, что мы называем вселенной — оставляет лишь толику надежды или утешения для наших потомков. Двое ее служителей, г-да Томпсон и Клэнси, одновременно пришли к неопровержимому выводу, что вселенная в не очень отдаленном будущем обречена на полное уничтожение. Точно такую же теорию выдвигают и некоторые другие астрономы, все как один описывающие постепенное охлаждение и окончательный распад нашей планеты в терминах, почти идентичных тем, которые использовали величайшие индусские и даже некоторые греческие мудрецы. Можно подумать, что некто снова и снова интерпретирует Ману, Канаду, Капилу и других. Приведем некоторые из новейших теорий наших западных *пандитов*.

«Все значительные массы вещества, отделившиеся по мере необходимости в процессе эволюции или при первом появлении на земле от первичной массы материи, стремятся к объединению в единое гигантское и бесконечно тяжелое тело, причем каждое видимое движение в этой массе прекратится, и останется лишь одно молекулярное движение, распространяющееся равномерно по всему этому массивному телу в виде тепла...» — говорят наши ученые. Канада, древний индусский мудрец и атомист, высказывал то же самое... «В момент творения», — отмечает он, — «два атома начинают возбуждаться, до тех пор, пока они не отделяются от своего первоначального соединения, а затем объединяются, формируя новую субстанцию, которая обладает свойствами тех предметов, из которых она возникла».

Австрийский профессор математики и астрономии Лохшмидт и английский астроном Проктор, изучая тот же самый

вопрос, пришли к иной, отличной от вышеизложенного взгляда, причине, от которой произойдет в будущем разрушение мира. Они приписывают его постепенному и медленному остыванию солнца, которое однажды должно привести к окончательному угасанию этого небесного тела. Все планеты тогда, в соответствии с законом гравитации, упадут на это безжизненное, холодное светило, и соединятся с ним в одно громадное тело. Если это произойдет, говорит сей немецкий ученый муж, и такое время когда-либо настанет, то это не будет продолжаться вечно, поскольку такое состояние не является состоянием абсолютного равновесия. В течение поразительного периода времени, солнце, постепенно затвердевая, будет поглощать лучистое тепло из вселенского пространства и накапливать его в себе.

Но послушаем, что говорит по этому поводу профессор Тей. По его мнению, тотальное охлаждение нашей планеты принесет за собой неизбежную смерть. Наличествующая животная и растительная жизнь, в предверии этого события, сконцентрируется у экватора, покидая замерзающие северные регионы, а затем и вовсе окончательно и навсегда исчезнет с земной поверхности, не оставив после себя никакого следа своего существования. Земля будет окутана абсолютным холодом и мраком; нынешнее непрерывное атмосферное движение сменится полным покоем и тишиной; последние облака прольют на землю свой последний дождь; течение ручьев и рек, лишенных своей оживляющей силы и двигателя — солнца — остановится; и моря превратятся в ледяную глыбу. Наша земля не будет освещаться другим светом, кроме редкого мерцания падающих звезд, которые какое-то время все еще будут проходить сквозь и воспламеняться в нашей атмосфере. Возможно, что солнце, под влиянием катаклизма солнечной массы, все же будет проявлять еще некоторое время признаки жизни; и тогда тепло и свет снова возникнут на короткое время, но этой реакции не достанет сил для поддержания себя: солнце, обессиленное и умирающее, снова потухнет, и на этот раз — навсегда. Такое изменение было отмечено и действительно имело место в ныне угасших звездах в созвездиях Лебедя, Короны и Змееносца в период их остывания. И та же самая судьба постигнет и все другие планеты, которые, под-

чиняясь закону инерции, будут продолжать вращение вокруг угасшего солнца... Далее этот ученый астроном описывает последний год умирающей земли в тех же выражениях, что и индусский философ, описывающий *пралайю*:

«Холодное и смертельное дуновение с северного полюса будет распространяться по всей поверхности земли, девять десятых территории которой уже угасло. Жизнь, уже с трудом воспринимаемая, будет сконцентрирована в ее сердце — на экваторе, в немногочисленных все еще обитаемых регионах, где будет царить полное смешение всех языков и национальностей. К уцелевшим представителям человеческой расы вскоре присоединятся многочисленные животные, спасающиеся от жуткого холода. Одна цель, одно устремление перемешает вместе всю эту пеструю массу существ — борьбы за жизнь. Группы животных, без различия видов, объединятся вместе в единое стадо в надежде найти хоть какое-то тепло в быстро остывающих телах; змеи не будут больше угрожать своими ядовитыми зубами, так же как львы и тигры своими острыми когтями; все они и каждый из них будут молить об одном — о жизни, ни о чем, кроме жизни, о жизни до последнего мгновения! Наконец, наступит последний день, и бледные, угасающие лучи солнца осветят следующую удручающую сцену: замерзшие тела последних из рода человеческого, умерших от холода и недостатка воздуха, на берегу столь же быстро замерзающего, неподвижного моря!..»

Эти слова могут немного отличаться от слов ученого профессора, ибо они приспособлены к правилам, принятым в чужом языке; но идеи, безусловно, его. Картина вышла поистине удручающая. Но идеи эти, основанные на научных, математических выводах, *не* новы, и мы читали у одного индусского автора дохристианской эры описание точно такой же катастрофы, данное Ману на языке куда более возвышенном, чем этот. Большинству читателей предлагаем сравнить, а индусам лишний раз убедиться в великой мудрости и знаниях его предков, которые почти во всем предвосхитили современные научные исследования.

«Был слышен странный шум, исходивший отовсюду... Это предвестники Ночи Браммы. Сумерки поднялись над горизонтом, и солнце скрылось... Постепенно свет меркнет, тепло улетучивается, непригодные для жилья районы множатся на земле, воздух становился все более и более разреженным; исся-

кают потоки воды, волны великих рек пересыхают, океан обнажает свое песчаное дно, и растения гибнут... Жизнь и движение утрачивают свою силу, связь планет ослабевает в пространстве; они угасают одна за другой... Сурья (Солнце) вспыхивает в последний раз и исчезает; материя распадается; и Брама (творящая сила) погружается в Диаус (непроявленное), и его работа завершается, он засыпает... Для вселенной наступает Ночь!..» (Вамадева).

ПРИМЕЧАНИЯ К «ТРАКТАТУ О МИСТЕРИЯХ»¹ ЯМВЛИХА

«То же самое я должен сказать вам относительно высших родов, которые следуют сразу же за божествами. Я говорю о покровительствующих духах или демонах,¹ о героях или полубогах, и о душах, которые не были испорчены условиями жизни на земле».²

1. Называемых средневековыми каббалистами — *планетарными духами*, а в индийской философии — *девами*.

2. «Условиями жизни» на *нашей* Земле, и лишь до тех пор, пока они не достигли ее. Никакой планетарный дух (а каждая человеческая «душа» — скорее, *дух*, в начале каждой новой *манвантары*, или периодического восстановления объективной и субъективной жизни *нашей* вселенной, ограниченной, конечно, нашей планетарной системой, — чистый и бесформенный планетарный дух) не может избежать «цикла необходимости». Опускаясь и вновь поднимаясь к первоначальной исходной точке, к тому месту в бесконечном, где дух, или *Пуруша*, впервые соприкасается с *Пракрити* (пластичной материей), или той первичной и еще бесформенной космической материей, которая является первым выдохом бесконечной и неизменной универсальной души (*Парабрахм* ведантистов), планетарный дух должен принять некие очертания и форму, и последовательно жить в каждой из сфер — включая и нашу собственную землю, — составляющих великую *махаягу*, или цикл существований, прежде чем он сможет вести *сознательную* ЭГО-жизнь. Каббалисты говорят, что одни лишь «элементалы» — эти наполовину слепые силы природы, — которые являются отблесками материи и рудиментарных разумов опустившихся «духов», потерпевших неудачу

¹ «Теургия, или древние мистерии». — *Прим. редактора.*

в своем нисхождении, — еще не жили, но будут когда-нибудь жить на земле. Эзотерические философии как восточных, так и западных посвященных, будь то греки или индусы, египтяне или евреи, в целом согласуются друг с другом. Когда бы они ни приходили в столкновение и противоречие, это всегда будет происходить скорее из-за различия в терминологии и способов выражения, чем по причине какой-либо существенной разницы в самих системах.

«Каковы специфические особенности высших родов, которыми они отличаются друг от друга?.. Эти особенности, всецело развившись из вечных сущностей, будут во всех своих деталях отчетливыми и простыми».

Махапралая, или всеобщее растворение, происходящее в конце каждого «дня Браммы», сменяется всеобщим *возрождением* в конце «ночи Браммы», которая по своей продолжительности соответствует «дню». Начало одного из таких возрождений и рассматривается заурядными умами как «сотворение» мира, тогда как это всего лишь одно из числа последовательных существований в бесконечном ряду повторных эволюций в Вечности. Таким образом, поскольку дух и материя едины и вечны, существование одного становится объективным посредством другого, и никто из этих «*извечно*» существующих «сущностей» не может заявить о себе *per se* [сам по себе, лат.] для нашего чувственного восприятия, пока они не объединятся вместе.

КРЕСТ И ОГОНЬ

Возможно, наиболее широко распространенные и универсальные среди символов древних астрономических систем, которые достигли в потоке времен нашего столетия и оставили следы повсюду в христианской религии, и не только в ней, — это Крест и Огонь — последний олицетворяет Солнце. У древних ариев оба они символизировали Агни. «Всякий раз, когда древний индус собирался принести жертвоприношение Агни», — говорит Э. Бёрнуф,¹ — «он складывал два куска дерева в форме креста и, вращая определенным образом, трением добывал огонь для своего жертвоприношения». Как символ — он называется *Свастика*, а как приспособление, изготовленное из священного дерева и имеющееся у каждого брамина, — он известен как *Арани*.

Скандинавы почитали тот же самый знак и называли его Молотом Тора, считая, что он имеет некую мистическую магнито-электрическую связь с Тором, богом грома, который, подобно Юпитеру, вооруженному своими стрелами-молниями, также держит в своей руке этот знак власти не только над смертными, но и над непокорными духами стихий, находящимися под его влиянием. В масонстве он преобразуется в деревянный молоток великого мастера; в Аллахабаде его можно лицезреть в крепости в виде джайнистского креста, или талисмана королей джайнов; и молоток современного судьи — это тот же самый *crux dissimulātā* [замаскированный крест, *лат.*], как де Росси, археолог, называет его; ибо молоток — это знак могущества и силы, как молот представляет могущество Тора, который в северных легендах раскалывает им скалу и убивает Ёрмунганда [мирового змея, опоясываю-

¹ «Science des Religions», стр. 10.

щего Мидгард]. Д-р Шлиман обнаружил его изображение на терракотовых дисках, найденных на том месте, где, по его убеждению, была Троя, на самых нижних этажах своих раскопок. Это указывает, согласно д-ру Ланди, что «арийская цивилизация намного старше греческой, возможно, она существовала за две или три тысячи лет до нашей эры». Бёрнуф называет его древнейшей из известных форм креста и утверждает, что он персонифицируется в древней религии греков в фигуре Прометея, «огненосца», распятого в горах Кавказа, в то время как небесная птица — Киена ведийских гимнов — ежедневно выклевывала ему печень. Болдетти¹ приводит копию картины с кладбища св. Себастьяна, изображающую новообращенного христианина, могильщика по имени Диоген, на обеих ногах и на правой руке которого ясно различимы знаки *свастики*. Этот символ был известен мексиканцам и перуанцам, и он был обнаружен, как священный *tau*, в наиболее древних захоронениях Египта.

То, по меньшей мере, странное совпадение, что *Agnus Dei*, Агнец Божий, имеет символы, идентичные символам индуистского Бога Агни, — отмечено даже некоторыми христианскими священниками. В то время как *Agnus Dei* искупает и уносит грехи мира в одной религии, Бог *Агни*, в другой, сходным образом искупает грехи и многочисленные проступки против богов, людей, манов и души, как это показано в шести молитвах, сопровождавшихся шестью жертвоприношениями.²

И если мы обнаруживаем, что Крест и Огонь столь тесно связаны в эзотерическом символизме почти каждого народа, то это потому, что их объединенные силы лежат в основе универсальных законов. В астрономии, физике, химии, а также во всех разделах естественной философии, они всегда проявляются как невидимая причина и видимый результат; и лишь метафизика и алхимия — или мы должны сказать *метахимия*, поскольку предпочтительнее создать новый термин, чем шокировать уши скептиков? — могут полно и убедительно объяснить их таинственное значение. Одного или двух примеров будет достаточно для того, кто хочет осмыслить эти намеки.

¹ «Osservazioni», I, 15, стр. 60.

² Колбрук: «Очерки», том I, стр. 190.

Центральной Точкой, или великим центральным солнцем космоса, как его называют каббалисты, является Божество. Это точка пересечения между двумя великими противоборствующими силами, центростремительной и центробежной, которые двигают планеты по их эллиптическим орбитам, что заставляет их очерчивать крест на своем пути через Зодиак. Эти две громадные, хотя все же гипотетические и воображаемые силы, поддерживают гармонию и сохраняют вселенную в равномерном, непрестанном движении; и четыре изогнутых конца свастики олицетворяют движение земли вокруг этой оси. Платон называет вселенную «благословенным богом», *который имеет форму круга с крестом в виде буквы «X»*. Но довольно об астрономии. В масонстве ступень Королевской Арки сохраняет крест как утроенное египетское *tau*. Это есть космический круг с быстро вращающимся вокруг него астрономическим крестом, совершенный квадрат пифагорейских математиков в системе чисел, — как было истолковано его оккультное значение Корнелием Агриппой. Центральная точка — это огонь, порождающий тепло; перпендикулярный луч представляет мужской элемент, или дух; и горизонтальный луч — женский элемент, или материю. Дух оживляет и оплодотворяет материю, и все происходит из центральной точки, фокуса и Жизни, и Света, и Тепла, представленного земным огнем. Но достаточно физики и химии, ибо поле для аналогий безгранично, а Универсальные Законы вечны и одинаковы во всех своих внешних и внутренних проявлениях. Не имея ни малейшего намерения оказать кому-либо неуважение или удалиться от истины, мы полагаем, что можно сказать, что существуют серьезные основания верить в то, что по своему первоначальному смыслу, согласно которому христианский крест считался причиной, а вечные муки в адском огне — прямым следствием отрицания этой причины, они имеют больше общего с этими двумя древними символами, чем это готовы признать наши западные теологи. Если Огонь — это божество для некоторых язычников, то в Библии Бог подобен Жизни и Свету Мира; если Святой Дух и Огонь очищают христиан, то, с другой стороны, Люцифер также является Светом и называется «Сыном утренней звезды».

Куда бы мы ни обратились, мы, конечно, обнаружим этот общий реликт древнего культа почти у каждой нации и наро-

да. От ариев, халдеев, зороастрийцев, перуанцев, мексиканцев, скандинавов, кельтов, древних греков и римлян он перешел во всей своей целостности к современным парсам. Финикийские кабиры и греческие диоскуры в какой-то мере возрождались в каждом храме, соборе или деревенской церкви; в то же время, как будет показано ниже, христианские болгары даже сохранили в полной мере поклонение солнцу.

Прошло уже более тысячи лет с тех пор, как этот народ, который, появившись из неизвестности и внезапно ставший знаменитым благодаря последней русско-турецкой войне, был обращен в христианство. И все-таки болгары на поверку оказываются не меньшими язычниками, чем до этого, судя по тому, как они встречают Рождество и Новый год. До сих пор они называют этот праздник «сургаки», так как он совпадает с празднованием в честь древнего славянского бога Сурга. В славянской мифологии это божество — Сурга, или Сварга [Сварог], — несомненно, идентичен арийскому *Сурья* — солнцу, — богу тепла, плодородия и изобилия. Празднование этого торжества чрезвычайно древнее, так как задолго до христианства болгары поклонялись Сурге и посвящали Новый год этому богу, молясь ему, чтобы он даровал их полям плодородие и послал им счастье и процветание. Этот обычай сохранился среди них во всем своем первоначальном язычестве, и хотя он и различается в зависимости от места исполнения, все же ритуалы и церемонии по своей сути одни и те же.

Накануне Нового года болгары не работают и обязаны поститься. Молодые, недавно помолвленные девушки заняты приготовлением больших *плетви* (пирогов), в которые они кладут разнообразные корни и молодые побеги, придавая им персональное значение в соответствии с их формой. Так, один называют «домом», другой «садом», остальные — «мельницей», «виноградником», «лошадью», «котом», «курицей» и так далее, в зависимости от достатка и потребностей семьи. Даже ценные предметы, такие как украшения и кошельки с деньгами, символически представлены в этом роге изобилия. Помимо прочего, внутрь пирога кладется большая старинная серебряная монета; она называется *бабка*, и ее перевязывают красной ниткой в форме креста. Эта монета рассматривается как символ удачи.

После захода солнца, а также церемоний, включающих в себя молитвы, обращенные к уходящему светилу, вся семья собирается вокруг большого круглого стола, называемого *паралья*, на котором размещается вышеупомянутый пирог, сушеные овощи, зерно, восковая свечка и, наконец, большое кадило, содержащее ладан самого высокого качества, для воскурений божеству. Глава дома, обычно самый старший в семье — либо дед, либо сам отец, — берет с величайшим благоговением кадило в одну руку, и восковую свечку — в другую, начинает ходить по комнатам, окуривая четыре угла, причем начинает с восточного угла и им же заканчивает; он произносит различные заклинания, близкие к христианскому «Отче наш, иже еси на небеси», обращенные к Сурге. После чего свечку убирают, чтобы сохранить ее в течение целого года до следующего празднования. Считается, что она приобрела чудесные целебные свойства, и ее зажигают только в случае какой-либо болезни в семье, так как считается, что она действует на больного исцеляюще.

В завершение этой церемонии глава семьи берет нож и разрезает пирог на куски таким образом, чтобы хватило всем домочадцам. Каждый, получив свой кусок, торопится осмотреть его и найти то, что спрятано в нем. Самый счастливый жребий выпадает в текущем году на долю того, кто получает старинную монету, перевязанную красной нитью; его считают избранником Сурга, и все завидуют счастливому обладателю. Далее, по степени важности, идут эмблемы дома, виноградника и т. д.; и в соответствии со своей находкой каждый читает свой гороскоп на предстоящий год. Самым несчастливым является тот, кто получает «кота»; он бледнеет и трепещет. Горе и неудача ему, ибо он окружен врагами и должен готовиться к великим испытаниям.

Одновременно в печь кладут большое бревно, символизирующее горящий алтарь, и разводят огонь. Это бревно сжигается в честь Сурги и предназначено быть оракулом для всех домочадцев. Если оно горит целую ночь напролет до самого утра, то это хороший знак; в противном случае семья готовится встретить смерть в этом году, и праздник заканчивается горестными стенаниями.

Ни *момцы* (молодые женихи), ни *моммы* (девушки) не спят в эту ночь. В полночь начинается пора предсказаний, ма-

гии и различных ритуалов, в которых горящее бревно играет роль оракула. Набухшая почка, брошенная в огонь и лопнувшая с громким шелчком, — это знак счастья и скорой свадьбы, и *vice versa* [наоборот, *лат.*]. Далеко за полночь молодые пары покидают свои дома и идут в гости к своим знакомым, переходя от дома к дому, поздравляют и принимают поздравления, воздавая хвалу божеству. Эти пары называются *сурьякари*, и каждый мужчина несет длинную ветвь, украшенную красными лентами, старыми монетами и изображением Сурги; они идут и поют хором. Их песня столь оригинальна и своеобразна, что заслуживает того, чтобы привести ее здесь, хотя, конечно, при переводе на другой язык она многое потеряет. Следующие строки адресованы тем, к кому они приходят в гости:

Сурга, Сурга, повелитель весны, лета, осени и зимы,
В твоей власти сделать Новый год счастливым;
Пошли здоровье и удачу живущим в этом доме,
Пошли счастье и благословение до следующего года.

Надели добрым урожаем и полными колосьями,
Надели золотом и шелками, виноградом и фруктами;
Пусть будут бочки полны вина,
И желудки пусть будут полны.

Да благословит Бог вас и ваш дом...
Да снизойдет на всех вас его благословение, —
Аминь! Аминь! Аминь!

Поющие сурьякари, получившие в каждом доме подарок за свои добрые пожелания, на рассвете возвращаются домой... Вот как символические экзотерические культы Креста и Огня древней Арьяварты идут рука об руку в христианской Болгарии.

РОЖДЕСТВО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Мы приближаемся к тому времени года, когда весь христианский мир готовится к празднованию наиболее выдающегося из своих торжеств — рождения Основателя их религии. Когда эта статья попадет к западным подписчикам, в каждом доме будет празднество и веселье. В северо-западной Европе и в Америке остролист и плющ будут украшать каждый дом, и в церкви появятся вечнозеленые растения; обычай, идущий от древней веры языческих друидов в то, «что лесные духи могут скапливаться на вечнозеленых растениях и остаются неповрежденными морозом до более теплого времени года». В римско-католических странах большие толпы собираются в церквях в течение всего вечера и ночи сочельника, чтобы приветствовать восковые изображения божественного Младенца и его Девы-матери, украшенной как «Царица Небесная». Для аналитического ума это изобилие золота и кружев, расшитого жемчугом сатина и вельвета, украшенной драгоценностями колыбели, кажется парадоксальным. Если подумать о бедной, источенной червями, выдавшей виды колыбели провинциального еврейского постоянного двора, в которой, если верить Евангелию, очутился в момент своего рождения будущий «Искупитель», потому что лучшей у него и быть не могло, мы не можем отделаться от ощущения, что образ Вифлеемского хлева никак не может возникнуть перед затуманенными глазами неискушенного верующего. Говоря в самых умеренных выражениях, это яркое зрелище плохо соответствует демократическим чувствам и истинно божественному презрению к богатым «Сына Человеческого», которому «негде было преклонить голову». Для среднего христианина становится все труднее рассматривать ясное заявление о том, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в цар-

ствие небесное», как что-то большее, чем риторическую угрозу. Римская церковь действовала мудро, строго запрещая своим прихожанам самим читать или толковать Евангелия, и не давая возможность, в течение долгого времени, провозглашать библейские истины иначе, как на латыни, превращая их в «глас вопиющего в пустыне». В этом она лишь следовала мудрости прошлых веков — мудрости древних ариев; ибо ни современный верующий индус не понимает ни слова на санскрите, ни современный парс не может произнести ни единого звука на пехлеви, также и средний католик воспринимает латынь, как китайскую грамоту. В результате этого и брахманический верховный жрец, и зороастрийский мобед, и римско-католический папа — все они создали неограниченные возможности для развития новых религиозных догм, вырастающих из их собственной фантазии, для процветания своих церквей.

Для того чтобы возвестить наступление этого великого дня, по всей Англии и на материке в полночь весело звонят колокола. Во Франции и Италии, после праздничной мессы в пышно украшенных храмах, «заведен обычай для празднующих принимать участие в общей трапезе (*reveillon*), чтобы им было легче противостоять ночной усталости», — говорится в поваренной книге относительно папских церковных церемониалов. Эта ночь христианского бдения чем-то напоминает *Шиваратри* последователей бога Шивы, — великий день уныния и воздержания, который бывает в 11-ом месяце индусского года. Только, в последнем случае, строгий и суровый пост соблюдается как до, так и после бодрствования в течение всей ночи. Для них не существует ночных говений или иных компромиссов. Поистине, они лишь грешные «язычники», и поэтому их путь к спасению должен быть во много раз труднее.

Хотя ныне почти все христианские народы отмечают годовщину рождения Иисуса 25 декабря, так все же было не всегда. Самый переходящий из христианских праздников, в первые века христианства, Рождество часто смешивалось с Богоявлением, и отмечалось весной в апреле и мае. Поскольку ни в светской, ни в церковной истории никогда не существовала аутентичная запись или идентификация этого события, то вы-

бор этого дня долго оставался произвольным; и лишь в 4-ом веке, по настоянию Кирилла Иерусалимского, папа (Юлиан I) предписал своим епископам провести исследование этого вопроса и, в конце концов, прийти к согласию относительно предполагаемой даты рождения Христа. Их выбор пришелся на 25-й день декабря, — и это был, как оказалось, исключительно неудачный выбор! Дюпи, а вслед за ним и Волней нанесли первые удары по этой натальной годовщине. Они доказали, исходя из очевидных астрономических данных, что задолго до нашей эры почти все древние народы праздновали день рождения своих богов Солнца именно в этот день. «Дюпи показывает, что небесный знак ДЕВЫ И МЛАДЕНЦА существовал за несколько тысячелетий до Христа», — отмечает Хиггинс в своем «Анакалипсисе». Поскольку Дюпи, Волней и Хиггинс остались известны последующим поколениям как атеисты и враги христианства, имело бы смысл в связи с этим процитировать высказывания христианского епископа из Ратисбона, «наиболее ученого человека, которого произвели средние века» — доминиканца, Альберта Магнуса. «Знак небесной Девы поднимается над горизонтом в тот момент, когда мы отмечаем рождение Господа Иисуса Христа», — пишет он в «*Recherches historiques sur Falaise, par Langevin prêtre*». Так Адонис, Бахус, Осирис, Аполлон и так далее, были все рождены 25-го декабря. Рождество наступает во время зимнего солнцестояния, когда дни являются наиболее короткими, и Тьма распространяется по лику земли более чем когда-либо. Согласно верованиям, все солнечные Боги рождались в это время года; ибо с этого дня их Свет все сильнее и сильнее разгоняет тьму, и власть Солнца с каждым наступающим днем начинает увеличиваться.

Так или иначе, возможно, что рождественские развлечения, которые сохранялись христианами почти до 15-го столетия, носили вполне языческий характер. Нет, боюсь, что даже современным церковным церемониям очень трудно избежать обвинения в практически буквальном копировании мистерий Египта и Греции, проводившихся в честь Осириса и Гора, Аполлона и Бахуса. И Изиду, и Цереру называли «Святыми Девами», а БОЖЕСТВЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ может быть найден в каждой «языческой» религии. Далее мы приведем

два эпизода из Веселого Рождества; один из них изображает «добрые старые времена», а второй — современное положение христианского культа. С того самого дня, когда эта дата стала отмечаться как Рождество, ее рассматривали одновременно и как день священного поминовения, и как наиболее радостные торжества: он был посвящен и молитве, и безудержному веселью.

«Среди Рождественских празднований были так называемые праздники дураков и ослов, гротескные сатурналии, называемые «декабрьскими вольностями», во время которых все внушающее опасения представлялось в комическом виде, принятые в обществе порядки переворачивались с ног на голову, а правилами приличия пренебрегали», — повествует некий составитель старинных хроник. — «В средние века этот день отмечался веселыми фантастическими представлениями драматических мистерий, в которых участвовали персонажи в гротескных масках и невообразимых костюмах. Они обычно изображали новорожденного в колыбели, окруженного Девой Марией, св. Иосифом, бычьими головами, херувимами, восточными магами (мобедами древности) и многочисленными орнаментами».

Обычай петь духовные песни на Рождество, называемые гимнами, должен был напоминать о песнях пастухов в момент рождения Христа.

«Епископы и клир часто объединялись с народом в исполнении этих гимнов, и песни оживлялись танцами и музыкой барабанов, гитар, виолончелей и органа...»

Мы можем добавить, что подобные мистерии разыгрываются в предрождественские дни, с марионетками и куклами, на юге России, в Польше и Галиции; и называют их здесь *Колыда́*. В Италии менестрели спускаются с Калабрийских гор в Неаполь и Рим, и, скапливаясь в местах поклонения Деве-Матери, приветствуют ее своей неистойвой музыкой.

В Англии, празднования обычно начинаются в Сочельник и часто продолжаются вплоть до Сретения (2 февраля), причем до Крещения (6 января) каждый день является праздничным. В домах богатых людей учреждалась должность «господина хаоса», или «безумного аббата», в обязанность которого входило устройство шутовских представлений.

«Кладовую заполняли каплунами, курицами, индейками, гусями, утками, говядиной, бараниной, свининой, пирогами, пудингами, орехами, сливами, сахаром и медом... Ярко горящий огонь поддерживался огромными поленьями, главное из которых называлось «святочным поленом», или «рождественской колодой», которое должно было гореть до сретенского вечера, отгоняя холод; и все это изобилие делилось между домочадцами, сопровождаемое музицированием, ворожкой, отгадыванием загадок, играми в «жучок», «волны», «схвати дракона»,¹ веселыми розыгрышами, шутками, игрой в фанты и танцами».

В наше время епископы и клир более не соединяются с паствой в открытом пении гимнов и танцах; и праздники «дураков и ослов» совершаются скорее в тайном уединении, а не на глазах бдительных репортеров. И все же праздничная еда и питье сохраняются во всем христианском мире; и во время рождественских и пасхальных праздников, без сомнения, бывает больше внезапных смертей от переедания и невоздержанности, чем в какое-либо иное время года. Кроме того, этот христианский обряд с каждым годом становится все большим и большим притворством. Бессердечность этого лицемерия осуждалась множество раз, но никогда, кажется, с таким чувством реализма, как в трогательной истории сновидения, которая появилась в «New York Herald» незадолго до нынешнего [1879] Рождества. Пожилой человек, председательствуя на публичном собрании, сказал, что он хотел бы воспользоваться благоприятным моментом и поделиться историей, которая привиделась ему прошлой ночью.

«Ему казалось, что он находится на кафедре самого великолепного собора, который он когда-либо видел. Перед ним был священник или пастор, а около него стоял ангел с блокнотом и карандашом в руке; его миссия состояла в том, чтобы регистрировать каждый акт поклонения или молитвы, который случался в его присутствии и возносился как желанное жертвоприношение к трону Бога. Все места в церкви были заполнены богато украшенными

¹ «Жучок» — деревенское развлечение, во время которого водящий должен угадать, кто его ударил по спине; игра «волны» начинается со слов: *«море волнуется раз...»*; святочная игра «схвати дракона» заключается в том, чтобы хватать изюминки с блюда, залитого горящим спиртом. — *Прим. редактора.*

прихожанами обоего пола. Наиболее возвышенная музыка, которую он когда-либо слышал, наполняла воздух своими мелодиями. Все великолепные церковные ритуалы, включая красноречивую проповедь наиболее талантливого служителя, сменяли друг друга, и, тем не менее, ангел не раскрыл свой блокнот. Наконец пастор отпустил паству, закончив длинной и состоящей из прекрасных слов молитвой, сопровождаемой благословением, и все же ангел ничего не записал!

В сопровождении ангела рассказчик вышел из церкви вслед за богато одетыми прихожанами. Бедная оборванка стояла в водосточном желобе около бордюрного камня, протянув бледную, истощенную руку и молча прося милостыню. Когда богато разодетые прихожане проходили мимо нее, они отстранялись от бедной Магдалины, причем женщины подбирали свои шелковые, покрытые украшениями юбки, чтобы они не загрязнились от ее прикосновения.

В это время по тротуару на другой стороне улицы шел, пошатываясь, подвыпивший моряк. Поравнявшись с бедной просительницей, он перешел через улицу к тому месту, где она стояла, достал несколько пенсов из своего кармана и положил их ей в руку, приговаривая «Вот, бедняжка, возьми это!» Небесное сияние осветило лик ангела, и он тут же внес в свой блокнот этот добрый и чистосердечный поступок моряка, как Богоугодную жертву».

Почти, можно сказать, библейская история осуждения женщины, замешанной в прелюбодейниях. Пусть так; однако, этот случай мастерски показывает состояние нашего христианского общества.

По слухам, в Сочельник можно застать быков коленопреклоненными, как будто в мольбе и молитве; и, «есть знаменитый боярышник в церковном дворе аббатства Гластонбери, у которого всегда 24-го декабря появляются почки, а 25-го — начинается цветение»; поскольку этот день был выбран отцами церкви произвольно, и календарь менялся от старого стиля к новому, то эти факты показывают потрясающую проницательность животных и растений! Также, существует церковное предание, сохраненное для нас Олавсом, архиепископом Упсальским, что в канун Рождества «люди, живущие в холодных северных странах, внезапно и странным образом превращаются в волков; в большом количестве они собираются в условленном месте и с такой яростью набрасываются на лю-

дей, что те страдают от этих нападений больше, чем от настоящих волков». Метафорически говоря, это случается сейчас с людьми чаще, чем когда-либо, и особенно среди христианских народов. По-видимому, не обязательно дожидаться сочельника, чтобы увидеть, как целые нации превращаются в «диких зверей» — особенно во время войны.

ЗВЕЗДЫ И ЧИСЛА

Древние цивилизации не усматривали никакого абсурда в утверждениях астрологии, также как и многие образованные и вполне научные люди нашего времени. Астрология судьбы, при помощи которой могут быть предсказаны судьбы и деяния людей и народов, вряд ли казалась, да и сегодня едва ли выглядит менее философской или научной, чем естественная астрология или астрономия, — посредством которой можно предсказать события в так называемой животной и неодушевленной природе (изменения погоды и т. д.). Ибо от последователей этой глубокой и поистине великой науки требовалась даже не пророческая интуиция, а просто большое умение и опытность в этом методе, который позволяет астрологу предвидеть некоторые события в жизни человека благодаря знанию расположения планет во время его рождения.

Но как только признана вероятность, или даже просто возможность, оккультного воздействия, оказываемого звездами на судьбу человека, — и почему бы этот факт должен выглядеть более невероятным в случае звезд и человека, чем в случае солнечных пятен и картофеля? — астрология становится не менее точной наукой, чем астрономия. Профессор Балфур Стюарт, член Королевского общества, сообщает нам, что земля — «очень сильно реагирует на то, что происходит на солнце ... предполагается существование весьма сильной связи между эпидемиями и состоянием солнечной поверхности».¹

¹ Одной из самых известных эпидемий среди растений является заболевание картофеля. 1846, 1860 и 1872 годы отличались особо сильными заболеваниями картофеля, и эти же годы практически совпадают с максимумами образования солнечных пятен ... существует любопытная связь между такими заболеваниями чувствительных растений и состоянием солнца... Заболевание, которое наблюдается в те-

Но если, как говорит нам этот ученый, «некоего таинственного рода связь между солнцем и землей является *большим, чем простое предположение* ... и очень важно «решить» эту проблему, то сколь же более важно разрешение другой тайны — безусловного сродства между людьми и звездами — сродства, в которое верили с самых давних времен наиболее ученые среди людей! Без сомнения, судьба человека заслуживает столь же тщательного обсуждения, как и судьба турнепса и картофеля... И если судьба последних может быть *научно* предсказана всякий раз, когда эти овощи появляются на поверхности земли во время «периода солнечных пятен», то почему же не может быть *научного* прогнозирования существования болезни или здоровья, естественной или насильственной смерти, благодаря расположению и появлению созвездий, с которыми тесно связан человек и которые осуществляют с ним такую же связь, как и солнце с землей?

В свое время, астрология пользовалась большим почетом, ибо в умелых руках она часто была столь же точна и правдоподобна в своих предсказаниях, как и астрономические предсказания в наши дни. Изучение предзнаменований проводилось повсеместно в Римской империи с таким же, если не более, усердием, чем в современной Индии. Эту науку практиковал Тиберий; сарацины в Испании окружали величайшим почетом поклонение звездам, и благодаря им, нашим первым цивилизаторам, астрология проникла в Западную Европу. Альфонсо, мудрый король Кастилии и Леона, прославил себя в XIII веке своими «Астрологическими таблицами» (называемыми *альфонсинами*), а также своим кодексом «*Siata Purtidas*»; и великий астроном Кеплер в семнадцатом веке, открыватель трех главных законов планетарного движения (известных как законы Кеплера), верил в астрологию и провозглашал ее *истинной наукой*. Кеплер, математик императора Рудольфа, тот, кому обязан Ньютон всеми своими последующими открытиями, является автором «Принципов астроло-

чение уже трех столетий и имеет периодический и очень разнообразный характер, называется «мокрая гниль» ... появилось в конце пятнадцатого — начале шестнадцатого века ... и это время было именно периодом появления солнечных пятен... («Солнце и земля», лекция проф. Балфура Стюарта).

гии», в которых он доказывает существование силы определенных гармонических конфигураций подходящих планет *контролировать человеческие побуждения*. В своей официальной должности императорского астронома, он *исторически* известен тем, что предсказал Валленштейну по расположению звезд исход войны, в которую был тогда вовлечен этот несчастный генерал. Но не в меньшей степени, чем он сам, его друг, покровитель и наставник, великий астроном Тихо де Браге, верил в астрологическую систему и распространял ее. Более того, он был вынужден признать влияние созвездий на земную жизнь и действия совершенно против своей воли или своего желания, и только по причине постоянной проверки *фактов*.

Тесно связана с астрологией и каббала, со своей системой *чисел*. Тайная мудрость древних халдеев, перешедшая по наследству к евреям, прежде всего, связана с мифологической наукой о небесах и содержит учения о скрытой, или оккультной, мудрости, включая и учение о временных циклах. В древней философии сакральность чисел начиналась с великого ПЕРВОГО, ЕДИНИЦЫ, и заканчивалась ничто, или Нулем, символом бесконечного и безграничного круга, который представляет собой вселенную. Все используемые цифры, взятые во всевозможных комбинациях или посредством умножения, представляют философские идеи, относящиеся либо к нравственному, либо к физическому явлению в природе. Они являются ключом к архаическим представлениям о космогонии в ее широком смысле, который охватывает и людей, и другие живые существа, и соотносятся как духовно, так и физически с человеческой расой и с отдельным индивидуумом. «Цифры Пифагора», — говорит Порфирий, — «были иероглифическими символами, при помощи которых он объяснял *все* идеи, относящиеся к природе всех вещей».¹ В символической каббале — наиболее древней системе, оставленной нам халдеями — способы изучения скрытого значения букв, слов или предложений были числовыми. *Гемантрия* (один из трех способов) является чисто арифметической и математической, и состоит в том, что буквам некоего слова придают смысл в том их значе-

¹ «*De Vitâ Pythagóras*».

нии, который они несут как числа — поскольку буквы в еврейском и греческом языках используются также и как цифры. Цифровая гемантрия выводит таинственные интерпретации из форм букв, использованных в оккультных манускриптах и в Библии.

Таким образом, в «Числах» (10:35), как показал Корнелий Агриппа, буква \aleph [*бет*] означает поражение врагов. Священные анаграммы, известные как *зеруф*, приобретают свой таинственный смысл посредством второго способа, называемого *т'мура*, который состоит в перестановке букв и замене одной буквы другой, и затем в расположении их в ряды в соответствии с их числовым значением. Если из всех операций в оккультных науках нет ни одной, которая не была бы связана с астрологией, то арифметика и особенно геометрия принадлежат к одной из первооснов магии. Наиболее сокрытые тайны и силы в природе уступают власти чисел. И пусть никто не сочтет это суеверием. Лишь тот, кто знает о сравнении и соответствии чисел, или о так называемом соотношении между причинами и следствиями, без всякого сомнения, обретет желаемый результат. Малейшая ошибка, пустяковый сбой в вычислениях — и правильное предсказание небесных явлений становится абсолютно невозможным. Как утверждает Северин Бозций, именно благодаря пропорциям определенных чисел были образованы все вещи. «Бог геометризирует», — говорит Платон, имея в виду творческую природу. Коль скоро существует столь много оккультных свойств в природных объектах, «что же было бы чудесного в том, если числа, которые чисты и связаны лишь с идеями, обнаружили бы свойства более величественные и более оккультные?» — спрашивает Агриппа. Так же как тайна числа должна заключаться во Времени, так и осуществленное движение, или действие, а также, следовательно, все, что движется, действует или будет действовать, должно подчиняться времени. Но «тайна — в абстрактной силе числа, в его рациональном и формальном состоянии, а не в его произнесении вслух, как у тех людей, которые покупают и продают».¹ Пифагорейцы утверждали, что они различают многое в числовых значениях имен. И если автор «Апокалип-

¹ «Оккультная философия», гл. III, стр. 102.

сиса» предлагал тем, кто обладает должным пониманием, «подсчитать число и имя зверя», — это потому, что он сам был каббалистом.

Умники нашего поколения ежедневно поднимают крик о том, что наука и метафизика несовместимы; но *факты* столь же ежедневно доказывают нам, что это всего лишь еще одно заблуждение среди столь многих, высказываемых ими. Царство точной науки возвещается с каждой крыши, и Платон, который, как утверждают, доверял своему воображению, высмеивается, в то время как чисто умозрительный метод Аристотеля является единственным, принятым наукой. Почему? Потому что «философский метод Платона был противоположен методу Аристотеля». Его исходной точкой были универсалии, само существование которых есть, по словам д-ра Дрейпера, «предмет веры», а от них он опускался до частных, или деталей. Аристотель, напротив, «поднимался от частных к универсалиям, приближаясь к ним при помощи индукции». ¹ Мы лишь смиренно заметим по этому поводу, что математика, *единственная точная и непогрешимая наука* в мире наук, — исходит из УНИВЕРСАЛИЙ.

По всей видимости, именно этот, 1881-й год, сопротивляется и бросает вызов рассудительной и сухой науке, и благодаря своим исключительным событиям, как *наверху*, так и *внизу*, как на небесах, так и на земле, и призывает критически отнестись к его странным «совпадениям». Метеорологические и геологические капризы природы были предсказаны астрономами, каждый из которых заслуживает уважения. Так, наличие определенного треугольника, образованного наиболее яркими звездами, который можно увидеть в этом году около горизонта, было предсказано, но, тем не менее, осталось без объяснения. Они говорят, что это простая геометрическая комбинация небесных тел. Но если такой треугольник, образованный тремя большими планетами — Венерой, Юпитером и Сатурном, — в каком-то роде влияет на судьбы людей или наций, то почему же это является чистым суеверием? «Мантии астрологов сжигаются, а предсказания некоторых из них,

¹ Дж. У. Дрейпер: «История конфликта религии и науки». Нью-Йорк, 1874 г.

хотя бы и подтвержденные, должны быть отнесены на счет простого и слепого случая».

Мы не столь уверены в этом; и, если нам будет позволено, расскажем в дальнейшем, почему. К тому же, мы должны напомнить читателю о том факте, что Венера, обладающая наиболее сильным сиянием из вышеназванных планет, как отмечалось в Европе, а также со всей для нас очевидностью в Индии, — вдруг пошла на сближение с двумя другими планетами и, медленно перемещаясь в их направлении, остановилась подле них, откуда и продолжает поражать обитателей земли своим почти колдовским сиянием.

Соединение двух планет случается не так часто; соединение трех — еще более редкое явление; в то время как сближение четырех или пяти планет становится астрономическим событием. Последний такой феномен имел место в исторический период времени лишь однажды, в 2449 году до нашей эры, зафиксированный китайскими астрономами, и с тех пор не повторялся. Это исключительно поразительное сближение пяти больших планет предвещало глобальную катастрофу Китайской империи и ее народу, и паника, которую породили тогда предсказания китайских астрологов, была не безосновательной. В последующие пятьсот лет череда внутренних раздоров, революций, войн и смен династий отметила конец золотого века национального величия в Империи, основанной великим Фуси.

Другое известное соединение планет произошло непосредственно перед началом христианской эры. В тот год три большие планеты сблизилась друг с другом настолько, что были ошибочно приняты большинством за одну-единственную гигантскую звезду. Многие знатоки Библии были склонны соотносить эти «три в одной» с Троицей, и в то же самое время со «звездой восточных мудрецов». Но они столкнулись с тем, что в исполнении этого набожного желания им мешают их традиционные враги — непочтительные люди науки, которые доказали, что астрономическое соединение имело место за год до того момента, который предположительно считается временем рождения Иисуса. Предрекал ли этот феномен добро или зло — на этот вопрос прекрасно отвечает последующая история и развитие христианства; ни одна из религий не поро-

дила такое количество жертв, не пролила такие потоки крови, не заставила столь значительную часть человечества пострадать от того, что ныне называется «благодеяниями христианства и цивилизации».

Третье сближение произошло в 1563 году н. э. Его наблюдали вблизи великой туманности в созвездии Рака. Это были три большие планеты и, согласно астрономам того времени, наиболее нечестивые: Марс, Юпитер и Сатурн. Созвездие Рака всегда имело плохую репутацию; в том году сам факт, что по соседству с ним находилось триединое сочетание дьявольских звезд, вынудило астрологов предсказать большие и скорые бедствия. Они и случились на самом деле. Ужасная чума обрушилась на Европу и начала свирепствовать в ней, унося тысячи и тысячи жертв.

И ныне, в 1881 году, мы опять становимся свидетелями другого посещения трех «странников». Что же пророчат нам они? По-видимому, ничего хорошего; и если они снова обрушат великие бедствия на просвещенные головы несчастного человечества, то фатальная прелюдия уже начинает разыгрываться. Перечислим их и посмотрим, сколь недалеко мы от истины. Почти одновременная и в некоторых случаях совершенно необъяснимая смерть великих и наиболее замечательных людей нашего века. В области политики — это русский император, лорд Биконсфилд и Ага-хан; ¹ в области литературы — Карлейль и Джордж Элиот; в мире искусства — Рубинштейн, величайший музыкальный гений. В геологическом отношении — землетрясения, которые уже разрушили город

¹ Х. Х. Ага-хан был одним из самых замечательных людей нашего века. Из всех мусульман, шиитов или суннитов, обладающих зеленым тюрбаном, утверждения Аги о том, что он является прямым потомком Магомета через Али, основывались на неопровержимых доказательствах. Он, к тому же, был представителем исторических «ассасинов» древних горцев. Он был женат на дочери персидского шаха; но политические распри вынудили его покинуть родную страну и искать убежища у британского правительства в Индии. Он имел многочисленных религиозных последователей в Бомбее. Он был высоко-духовным, великодушным человеком и героем. Удивительной особенностью его жизни было то, что он родился в 1800 году — и умер в 1881, в возрасте 81 года. В его случае также доказало свои права оккультное воздействие 1881 года.

Касамичьолу на острове Ишья, деревню в Калифорнии и остров Хиос, который был превращен в голую пустыню ужасной катастрофой — предсказанной, к тому же, на тот же самый день астрологом Рафаэлем. В военном отношении до сих пор непобедимая Великобритания потерпела поражение от кучки буров у мыса Доброй Надежды; Ирландия взволнована и исходит угрозами; чума снова свирепствует в Месопотамии; назревает новая война между Турцией и Грецией; армии социалистов и нигилистов с окровавленными руками затмили солнце на политическом горизонте Европы; и Европа, вовлеченная в неистовые пертурбации, затаив дыхание, ожидает наступления самых непредсказуемых событий в будущем, не обращая внимания на прогнозы наиболее проницательных из своих политиков. В религиозных сферах небесный треугольник указывает своими рогами на монашеские конгрегации и на общий исход монахов и монахинь, во главе с детьми Лойолы, преследование которых уже ведется во Франции. Происходит возрождение неверия и нравственного сопротивления, и пропорциональное увеличение миссионерских работников (но не работ), которые, подобно ордам Атиллы, многое разрушают, не строя почти ничего. Не должны ли мы добавить к списку признаков этих *nefasti dies* [богом проклятых дней, *lat.*] также рождение «Нового Установления» в Калькутте? Последнее, хотя оно и имеет лишь небольшое и местное значение, все же обнаруживает непосредственное отношение к нашему вопросу, то есть, к астрологическому значению сближения планет. Подобно христианству с Иисусом и его апостолами, «Новое Установление» может с этого времени гордиться тем, что оно имеет своего предвестника на звездном небе — нынешнее тройное соединение планет. Это, кроме того, доказывает нашу каббалистическую теорию о периодической циклической повторяемости событий. Мы, как и римский скептически настроенный мир 1881 года тому назад, испуганы новым возрождением нищенствующих эбионитов, постящихся ессеев и апостолов, на которых нисходят «языки, подобные огненным», и о которых мы даже не можем сказать, как об иерусалимской дюжине, «что эти люди наполнены новым вином», поскольку, как мы уже говорили, они воодушевлены лишь водой.

1881 год, одну треть которого мы уже прожили, обещает нам, по предсказаниям астрологов и астрономов, длинный и печальный ряд бедствий, как на суше, так и на море. Мы уже показали в другом месте («Bombay Gazette» за 30 марта 1881 г.), сколь странным во всех отношениях было сочетание цифр нашего нынешнего года, добавляя к этому, что другая подобная комбинация не появится в христианской хронологии вплоть до 11 811 года, то есть через 9930 лет, когда — мы опасаемся, что будет уже вовсе не «христианская» хронология, а какая-нибудь иная. Мы говорили: «Наш 1881 год обнаруживает тот странный факт, что с какой бы стороны мы не посмотрели на его цифры — справа налево, снизу вверх и наоборот, перевернув лист бумаги на просвет или даже *повернув его вверх ногами*, — в любом случае перед нами окажется то же самое таинственное и каббалистическое число 1881. Это правильное число, три цифры которого приводили в совершенное недоумение мистиков на протяжении всего восемнадцатого века. Короче говоря, 1881 год — это число великого Зверя в «Откровении», число 666 «Апокалипсиса» св. Иоанна — этой *par excellence* [преимущественно, *франц.*] каббалистической книги. Смотрите сами: $1 + 8 + 8 + 1$ равно восемнадцати; восемнадцать разделенное на три дает нам три раза по шесть, или, если их разместить в один ряд, 666, «число человеческое».

Это число долгие века было загадкой для христианства, и его объясняли тысячами различных способов. Сам Ньютон годами работал над этой проблемой, но, не зная тайной каббалы, потерпел неудачу. Перед Реформацией оно повсеместно связывалось церковью с пришествием Антихриста. Затем протестанты начали относиться к нему с тем духом христианского милосердия, который столь отличает кальвинизм от римской папской церкви, которую они называли «распутной», «великим Зверем» и «блудницей», и немедленно получили обратно этот комплимент в столь же дружественном и братском виде. Предположение, что это число связано с римской нацией — греческие буквы слова «Latinus», взятые в их цифровом значении, равняются точно 666 — является абсурдным.

Среди людей существуют верования и традиции, о которых никто не знает, откуда они появились, которые переходят

от одного поколения к другому как некое устное пророчество о неминуемо наступающем событии. Одну из таких традиционных историй одному корреспонденту «Московской газеты» довелось услышать в 1874 году от некоего горца в Тирольских Альпах, и впоследствии — от одного старика в Богемии. «С первого дня 1876 года», — говорит эта традиция, — «во всем мире начнется ужасный, тяжелый период, который *продлится в течение семи последующих лет*. Самым несчастным и фатальным годом из всех них будет 1881-й. У того, кто переживет его — *железная голова*».

Между тем, еще одну интересную комбинацию числа 1881, связанную с жизнью убитого царя, можно обнаружить в следующих датах, каждая из которых отмечает более или менее важный период в его жизни. Это, во всяком случае, доказывает, сколь важную и таинственную роль играли цифры 1 и 8 в его жизни. 1 и 8 составляют 18; и император родился 17 ($1 + 7 = 8$) апреля в 1818 году. Он умер в 1881-ом — цифры года его рождения и года смерти являются идентичными и, более того, совпадают с датой его рождения, $17 = 1 + 7 = 8$. Числа годов рождения и смерти являются также одними и теми же, так как из них может быть образовано четыре раза по 18, и общая сумма цифр каждого года есть 18. Прибытие в Петербург ныне покойной императрицы — невесты царя — произошло 8-го сентября; их свадьба — 16 апреля ($8 + 8 = 16$); их старшая дочь, великая княгиня Александра, родилась 18 августа; ныне покойный царевич Николай Александрович — 8 сентября 1843 г. ($1 + 8 + 4 + 3 = 16$, то есть дважды 8). Нынешний царь, Александр III, родился 26 февраля ($2 + 6 = 8$); публичное провозглашение восшествия на трон покойного императора отмечалось 18 февраля; публичное объявление о дне коронации произошло 17 апреля ($1 + 7 = 8$). Он приехал в Москву для коронации 17 августа ($1 + 7 = 8$); сама коронация была совершена 26 апреля ($2 + 6 = 8$); год освобождения крепостных крестьян — 1861-й, цифры которого дают в сумме 16 — то есть, дважды 8!

В заключении мы можем упомянуть о много более любопытном открытии, сделанном в связи с вышеприведенными вычислениями и в качестве приложения к ним еврейским раввином из России — явно, каббалистом, который произвел вы-

числения при помощи *гемантрии*. Недавно оно было опубликовано в одной Санкт-Петербургской газете. Как утверждают, все еврейские буквы имеют свое числовое значение, или соответствие в арифметических цифрах. Число 18 в еврейском алфавите представлено буквами $\aleph = 8$, и $\daleth = 10$, то есть, 18. Соединенные вместе, \aleph (хет) и \daleth (йод) образуют слово $\aleph\daleth$, или «хай», которое буквально переводится посредством повелительного наклонения — *живи*. Каждый правоверный еврей обязан в течение постных и святых дней жертвовать для некоторых религиозных целей определенную сумму денег, состоящую из 18-ти и содержащую в себе число 18. Так, например, он даст 18 копеек, или 18 гривенников, 18 рублей или 18 раз по 18 копеек или рублей, — в соответствии со своими средствами и степенью религиозного рвения. Следовательно, год 1818-й (год рождения Императора), если его прочесть по-еврейски, означает «хай-хай», или *живи, живи*, произносимое дважды в повелительном наклонении; в то время как 1881-й (год его смерти), прочитанный таким же способом, принесет нам фатальные слова «хай-тзе», означающие «*живущий, однажды ты умрешь*»; или, другими словами, «конец жизни».

Конечно, скептически настроенные люди сочтут, что все это является результатом слепого случая и «совпадения». Мы не стали бы более настаивать на противоположном, если бы такое мнение исходило от бескомпромиссных атеистов и материалистов, которые, отрицая все вышеизложенное и лишь логически цепляясь за собственное неверие, имеют столько же прав на свое мнение, как и мы сами. Но мы не можем пообещать такой же терпимости, когда нас атакуют ортодоксальные последователи религии. Ибо этот класс людей, относящихся с пренебрежением и презрением к спекулятивной метафизике и даже астрологии — системе, которая построена на точных математических вычислениях и имеющей такое же непосредственное отношение к точной науке, как биология и физиология, — в то же самое время, будет твердо стоять на том, что заболевания картофеля, холера, железнодорожные аварии, землетрясения и все подобное имеют *божественное происхождение* и, проистекая непосредственно от Бога, играют не последнюю роль в человеческой жизни и соотносятся с нею в

ее высших аспектах. Именно этому последнему классу теистов мы и говорим: докажите нам существование *личного* Бога либо вовне, либо внутри физической природы, продемонстрируйте его нам как внешнюю действующую силу, Правителя Вселенной; покажите, как он связан с человеческими поступками и судьбой, и как он оказывает на них воздействие, по крайней мере, столь же сильное и доступное для разума, как влияние солнечных пятен на судьбу растений, и тогда — смейтесь над нами. А пока, и до тех пор, пока никто не предоставит такого доказательства, вместе с Тиндалем — «склоним наши головы и признаем наше невежество, священники и философы, каждый из нас и все мы».

ЧТО В ИМЕНИ?

Почему журнал называется «Люцифер»

Что в имени? Очень часто в нем содержится больше, чем дано понять непосвященному, и может объяснить ученый мистик. Это невидимое, скрытое, но очень сильное воздействие, которое каждое имя несет с собой, «оставляя следы везде, где оно ни объявится». Карлейль полагал, что «в именах содержится многое, если не все».

«Если бы я мог раскрыть влияние имен, являющихся наиболее важными из всех покровов», — пишет он, — «я стал бы вторым великим Трисмегистом».

Название или имя журнала, посвященного определенной теме, является, таким образом, наиболее важным фактором; ибо это, поистине, то невидимое зерно, из которого либо вырастет «дерево, дающее тень повсюду вокруг себя», по плодам которого должно судить о проделанной работе, или это будет дерево, которое зачахнет и засохнет. Это соображение показывает, что имя данного журнала — весьма сомнительное на слух ортодоксального христианина — не плод легкомысленного выбора, но результат длительного обдумывания его пригодности, и было принято как лучший символ из всех возможных, чтобы наглядно отразить эту тему и ее ожидаемые последствия.

Первая и наиболее важная, на текущий момент, если не единственная цель нашего издания, выражена на его титульном листе словами «Первого послания к Коринфянам». Она заключается в том, чтобы пролить свет на «скрытое во мраке» (4:5); чтобы показать истинные свойства и подлинное первоначальное значение вещей и имен, людей и их поступков и

обычаев. Наконец, наш журнал борется с предубеждением, лицемерием и обманом в любой нации, в любом классе общества, как и в любой области жизни. Эта задача является весьма трудоемкой, но она ни невыполнима, ни бесполезна, даже если это всего лишь эксперимент.

Поэтому, для попытки преодоления подобного первобытного состояния нельзя было найти лучшего названия, чем то, которому мы отдали предпочтение. «Люцифер» — это неяркая утренняя звезда, предвестник ослепительного сияния полуденного солнца, «Эосфор» греков. Он робко мерцает на закате, чтобы накопить силы и слепить глаза после захода солнца как свой собственный брат, «Геспер» — сияющая вечерняя звезда, или планета Венера. Нет более подходящего символа для предложенной работы — чем пролить луч истины на все то, что сокрыто во мраке предубеждения, социальных или религиозных заблуждений; особенно, вызванных тем идиотически рутинным образом жизни, который, как только некий поступок, вещь или имя были опозорены клеветническим измышлением, сколь бы несправедливо оно ни было, заставляет так называемых *добропорядочных* людей с содроганием отворачиваться от них и отказываться даже просто взглянуть на них с какой-нибудь другой стороны, кроме как с той, которая санкционирована общественным мнением. Поэтому такой попытке, заставить малодушных людей взглянуть правде в лицо, весьма эффективно помогает название, отнесенное к категории проклятых имен.

Набожные читатели могут возразить, что слово «Люцифер» признано всеми церквями в качестве одного из многочисленных имен дьявола. Согласно величественной фантазии Мильтона, Люцифер — это *Сатана*, «мятежный» ангел, враг Бога и человека. Но если проанализировать его бунт, то нельзя найти в нем ничего более дурного, чем требование свободной воли и независимой мысли, как если бы Люцифер родился в XIX веке. Этот эпитет «мятежный» является теологической клеветой, подобной клеветническим измышлениям фаталистов о Боге, которые делают из божества «Всемогущего» — дьявола, еще более дурного, чем сам «мятежный» дух; «всемогущего Дьявола, который хочет, чтобы его приветствовали как всемилостивого, когда он проявляет в высшей степени

дьявольскую жестокость», — как формулирует Дж. Коттер Морисон. И предвидящий все Бог-дьявол, и подчиненный ему слуга, оба являются человеческими изобретениями; это две самые омерзительные в нравственном отношении и ужасные теологические догмы, которые когда-либо могли появиться из ночных кошмаров отвратительных фантазий монахов, ненавидящих дневной свет.

Они восходят к эпохе средневековья, тому периоду умственного помрачения, в течение которого было насильственно внедрено в умы людей большинство современных предрассудков и суеверий, так, что они стали практически неискоренимы в некоторых случаях, один из которых и является тем современным предрассудком, который сейчас обсуждается.

Воистину, это предубеждение и отвращение к имени Люцифер — означающему всего лишь слово «носитель света» (от *lux, lucis*, «свет», и *ferre*, «носить») ¹ — является столь глубоко укорененным даже среди образованных классов, что, принимая его в качестве названия для своего журнала, редакторы ясно видели перед собой перспективу длительной борьбы с общепринятым предрассудком. На самом деле, этот предрассудок столь абсурден и смешон, что никто, по всей видимости, никогда не задавался вопросом, почему Сатану стали называть *носителем света*, если только серебряные лучи утренней звезды не могли каким-то образом навести на мысль об ослепительном блеске адского пламени. Как доказывает Хендерсон, это есть просто «одно из таких грубых искажений священного писания, которые принадлежат исключительно к стремлению отыскать в данном отрывке большее, чем в нем содержится в действительности, и причину которых всегда следует искать в такой предрасположенности — данная склонность вызвана скорее впечатлением, чем смыслом, и слепой верой в полученное истолкование», — что является не единственной слабостью нашего времени. Тем не менее, этот предрассудок существует, к стыду нашего столетия.

¹ Григорий Великий первым применил эту фразу из Исайи: «Как упал ты с неба, Люцифер, сын зари», и т. д., к Сатане, и с тех пор эта смелая метафора пророка, относящаяся, всего-лишь-навсего, к ассирийскому царю, враждебному к евреям, ассоциируется с дьяволом.

Этому нельзя помочь. Оба редактора выглядели бы изменниками в своих собственных глазах, предателями самого духа намеченной работы, если бы они стали причитать и трусливо лить слезы перед опасностью. Если кто-либо хочет бороться против предрассудка и открыть отличие уродливой паутины суеверий и материализма от благородных идеалов наших предков, то ему следует приготовиться к сопротивлению. «Корона реформатора и новатора — это поистине терновый венец». Если кто-то хочет освободить Истину во всей ее непорочной чистоте из того почти бездонного колодца, в который она была заброшена лицемерными и ханжескими правилами приличия, он должен безо всяких колебаний опуститься в темную, зияющую шахту этого колодца. Не имеет значения, сколь плохо могут встретить незваного гостя слепые летучие мыши — обитатели тьмы, ненавидящие свет — в своем мрачном жилище, но если он с самого начала не проявит силу духа и мужество, которые он проповедовал другим, то он может быть справедливо назван лицемером и изменником по отношению к своим собственным принципам.

Не успело это название утвердиться, когда первые предупреждения того, что припасено для нас, в смысле противодействия, с которым мы встретимся из-за выбранного названия, появились на нашем горизонте. Один из редакторов получил и записал некоторые особо острые возражения. Сцены, которые приводятся далее, являются зарисовками с натуры.

I

Знаменитый романист. Расскажите мне о вашем журнале. К какому классу, как вы предполагаете, он обращен?

Редактор. Ни к какому конкретному классу: мы намерены обращаться к публике.

Романист. Меня это очень радует. Ибо я отношусь к публике, поскольку я совершенно не понимаю вашей темы, и хотел бы понять ее. Но вы должны помнить, что если ваша публика должна понимать вас, то это неизбежно будет довольно небольшой круг людей. Люди повседневно говорят об оккультизме так же, как они говорят и о многих других вещах, без малейшего понимания того, что они означают. Мы слишком невежественны, и слишком полны предрассудков.

Редактор. Именно. Это именно то, что и вызвало появление нового журнала. Мы предполагаем научить вас, и сорвать маску с любого предрассудка.

Романист. Это поистине хорошая новость для меня, ибо я хочу быть культурным. Как называется ваш журнал?

Редактор. «Люцифер».

Романист. Что?! Разве вы собираетесь учить нас греху? Мы достаточно знаем об этом. Падших ангелов несметное число. Вы можете приобрести популярность, ибо запачканные голубки сегодня в моде, в то время как белоснежные ангелы считаются скучными, потому что они не столь забавны. Но я сомневаюсь, что вы способны научить нас многому.

II

Умудренный опытом человек (*говорит вполголоса, ибо сцена происходит во время званого обеда*). Я слышал, что вы собираетесь начать издание журнала обо всем, что касается оккультизма. Знайте, что я очень рад. Я, как правило, ничего не говорю о таких материях, но в моей жизни случались некоторые странные вещи, которые нельзя объяснить каким-либо обычным способом. Я надеюсь, вы сможете их объяснить.

Редактор. Конечно, мы попытаемся. Мое убеждение состоит в том, что когда оккультизм поймут в той или иной степени, его законы будут приняты каждым человеком, как единственное подлинное объяснение жизни.

Умудренный опытом человек. Совершенно верно, я хочу узнать все об этом, ибо честное слово, жизнь — это тайна. Существует множество других людей, столь же любопытных, как и я. Этот век страдает от болезни янки, «желающих знать». Я приведу вам массу подписчиков. Как называется ваш журнал?

Редактор. «Люцифер», — и (*памятуя о первом опыте*) не поймите неправильно это название. Оно символизирует божественный дух, принесший себя в жертву ради человечества, — это Мильтон сделал так, что его стали связывать с дьяволом. Мы являемся заклятыми врагами общепринятых предрассудков, и совершенно очевидно, что мы должны бороться против такого предрассудка, как этот: Люцифер, как вам известно, это Утренняя Звезда — Светоносец..

Умудренный опытом человек (*перебивая*). Ох, я то знаю, — по крайней мере, я допускаю, что у вас была достаточно веская причина для выбора этого названия. Но ваша первая цель — это заполу-

чить читателей; я полагаю, вы хотите, чтобы публика покупала ваш журнал. Разве не таковы ваши планы?

Редактор. Несомненно.

Умудренный опытом человек. Хорошо, послушайте совет человека, который знает, что такое жизнь. Не окрашивайте свой журнал с самого начала в ошибочный цвет. Совершенно очевидно, если на мгновение остановиться и подумать о его происхождении и значении, что Люцифер — это превосходное слово. Но публика не останавливается, чтобы подумать о происхождении и значениях, и первое впечатление является самым важным. Никто не будет покупать журнал, если вы назовете его «Люцифер».

III

Светская дама, интересующаяся оккультизмом. Я хотела бы услышать немного больше о новом журнале, потому что я заинтересовала им очень много людей, даже тем немногим; что вы сообщили мне. Но я затрудняюсь выразить его действительную цель. Какова она?

Редактор. Попытаться дать немного света тем, кто пожелает его.

Светская дама. Хорошо, это очень простой способ выразить ее, и очень пригодится мне. Как следует называть ваш журнал?

Редактор. «Люцифер».

Светская дама (после паузы). Вы не можете говорить это серьезно.

Редактор. Почему?

Светская дама. Но ассоциации слишком ужасны! Чем можно оправдать такое название? Это звучит как некая неудачная шутка, высказанная против него его врагами.

Редактор. О, но Люцифер, как вам известно, значит Светоносец; это символ Божественного Духа...

Светская дама. Но все это неважно — я хочу оказать услугу вашему журналу и принести ему известность, и вы не можете рассчитывать на то, что я буду вдаваться в подобные объяснения всякий раз, когда мне придется упоминать это название! Это невозможно! Жизнь слишком коротка и слишком занята. Кроме того, это вызовет такой плохой эффект; люди сочтут меня резонёрствующей, и тогда я вообще не смогу говорить, потому что я не смогу убедить их. Пожалуйста, не называйте его Люцифер. Никто не знает о том, что символизирует это слово; сегодня оно означает дьявола, ни больше и ни меньше.

Редактор. Но это совершенно ошибочно, и это один из первых предрассудков, против которых мы собираемся бороться. Люцифер — это светлый, чистый вестник зари...

Светская дама (*перебивая*). Я думала, что вы собирались делать нечто более интересное и более важное, чем обелять мифологических персонажей. Нам всем придется снова ходить в школу или читать Классический словарь д-ра Смита. И какова же будет польза от всего этого, когда это будет сделано? Я думала, что вы собирались рассказать нам кое-что о ваших собственных жизнях и о том, как сделать их лучше. Кажется, о Люцифере писал Мильтон, не так ли? — но сегодня никто не читает Мильтона. Дайте нам современное название с каким-нибудь человеческим смыслом, содержащимся в нем.

IV

Журналист (*глубокомысленно, и в то же время скручивая себе папиросу*). Да, это хорошая идея, этот ваш журнал. Естественно, мы все посмеемся над ним: и мы раскритикуем его в газетах. Но мы все будем читать его, потому что втайне от других каждый из нас жаждет таинств. Как вы собираетесь назвать его?

Редактор. Люцифер.

Журналист (*прикуривая*). А почему не «Фузея»? Прекрасное название, и не столь претенциозное.

«Романист», «Умудренный опытом человек», «Светская дама» и «Журналист», — всем им для начала не помешало бы получить небольшой инструктаж. Некоторое представление о действительном и первоначальном характере Люцифера не принесло бы им никакого вреда, и, быть может, могло бы отчасти излечить их от этого нелепого предрассудка. Им следует изучить теогонию Гомера и Гесиода, если они намерены судить о Люцифере, «*Эосфоре и Геспере*», Утренней и Вечерней прекрасной звезде. И если есть более полезные занятия в этой жизни, чем «обелять мифологических персонажей», то клеветать и очернять их — это, по крайней мере, отвратительно, и, кроме того, это показывает такую ограниченность ума, которая вряд ли кого украсит.

Возражать против названия «Люцифер» лишь потому, что связанные с ним «ассоциации слишком ужасны», простительно (если это вообще может быть простительно в каком бы то ни было случае) лишь для невежественного американского миссионера какой-нибудь протестантской секты, в котором природная лень и недостаток образования заставляют его оказывать предпочтение тому, чтобы «вспахивать» умы язычников, столь же невежественных, как и он сам, перед более полезным, но много более трудным процессом вспахивания поля на ферме своего собственного отца. Однако для английских священников, которые получили более или менее классическое образование и, таким образом, предположительно знакомы со всеми тонкостями теологической софистики и казуистики, такого рода возражения совершенно непростительны. Это не только пахнет лицемерием и обманом, но и ставит их на более низкий нравственный уровень, чем тот, который они сами отвели для ангела-отступника. Пытаясь показать теологического Люцифера, падшего из-за идеи, что

Царить, хотя бы и в аду, вот что стремления достойно;
Чем быть слугой на небесах, уж лучше быть главою ада, —

они фактически совершают на практике то предполагаемое преступление, в котором они с радостью обвиняют его. Они предпочитают управлять духом масс при помощи пагубной темной ЛЖИ, несущей много зла, вместо того, чтобы служить небесам служением ИСТИНЕ. Такая практика достойна лишь иезуитов.

Но их священное писание первое опровергает их толкования и попытку соединить Люцифера, Утреннюю Звезду, с Сатаной. В *Откровении*, глава 22, стих 16, сказано: «Я, Иисус ... есмь корень ... и светлая и *Утренняя Звезда*» (ορφρινοϛ, «встающая рано»): отсюда Эосфор, или латинский Люцифер. Позорное значение, которое приписывается этому имени, имеет столь недавнее происхождение, что сама римская церковь вынуждена скрывать — как обычно — теологическую клевету за двухсторонним толкованием. Нам говорят, что Христос — это «Утренняя Звезда», *божественный Люцифер*; а Сатана,

usurpator Verbum [узурпатор Слова, лат.], — это «адский Люцифер».¹

«Великий архангел Михаил, победитель Сатаны, идентичен в язычестве² с Меркурием-Митрой, кому, после того как он защитил Солнце (символическое обозначение Бога) от нападения Венеры-Люцифера, было передано владение этой планетой, *et datus est ei locus Luciferi*. И, поскольку архангел Михаил является **ангелом предстояния и наместником Слова**, он рассматривается сегодня в римской церкви как регент этой планеты Венеры, которую **узурпировал побежденный враг рода человеческого**. *Angelus faciei Dei sedem superbi humilis obtinuit*».³

Это дает нам объяснение того, почему один из первых пап был назван Люцифером, что доказывает Юнг и церковные сочинения. Таким образом, из этого следует, что название, избранное для нашего журнала, в не меньшей мере связано с божественными и благочестивыми идеями, чем с предполагаемым бунтом героя «Потерянного рая» Мильтона. Выбирая его, мы пролили *первый луч света и истины* на нелепый предрассудок, который не должен иметь места в наш «век фактов и открытий». Мы действуем ради истинной религии и науки, в интересах факта против вымысла и предрассудка. Это наш долг, так же как обязанность физической науки — согласно с ее миссией — проливать свет на те факты в природе, которые были до тех пор сокрыты тьмой невежества. И, поскольку невежество по справедливости считается главным покровителем суеверия, эта работа является благородной и полезной. Но естественные науки — это лишь один из аспектов НАУКИ и ИСТИНЫ. Психологическая и нравственная наука, или теософия, знание божественной истины, на чем бы оно ни было основано, является, все же, более важным в человеческих делах, и подлинная наука не должна ограничиваться просто физической стороной жизни и природы. Наука — это некая абстракция любого факта, понимание любой истины в сфере челове-

¹ Ученые записки де Мирвиля, изданные Французской Академией, том IV, цитата из кардинала де Вентуры.

² Каковое язычество в течение долгих тысячелетий, по-видимому, *заблаговременно копировало* христианские догмы.

³ Корнелий Лапид, том. VI, стр. 229.

ческого исследования и ума. «Глубокая и точная наука психической философии Шекспира» (Колридж), оказалась более благотворной для истинного философа в деле изучения человеческого сердца, — таким образом, в содействии истине, — чем более точная, но, безусловно, менее глубокая наука любого из членов Королевского Общества.

Тем читателям, которые, не смотря на это, не чувствуют себя убежденными в том, что церковь не имеет права порочить прекрасную звезду, и что она делает это из-за простой необходимости, связанной с одним из совершенных ею многочисленных заимствований из язычества, со всеми его поэтическим представлениями о соответствии в природе, мы предлагаем прочитать нашу статью «История одной планеты».¹ Возможно, после ее внимательного прочтения они увидят, сколь справедливым было утверждение Дюпи, что «все теологии происходят из астрономии». Согласно современным ориенталистам, любой миф является *солярным*. Это еще один предрассудок и еще одно предубеждение в пользу материализма и физической науки. И одной из наших обязанностей будет бороться с ним до самого конца.

¹ См. «Скрижали астрального света», стр. 505-515, изд-во «ЭКС-МО-Пресс», 2001. — *Прим. редактора.*

К ЧИТАТЕЛЯМ «ЛЮЦИФЕРА»

Хотя вышло еще только четыре номера нашего журнала, его молодая жизнь уже полна забот и трудностей. Все обстоит так, как должно быть; то есть, ему, подобно любому другому изданию, вменяют в обязанность удовлетворять *всех* своих читателей, и это исключительно в природе вещей и участь каждого печатного органа. Но что кажется немного удивительным в этой культурной и свободомыслящей стране, так это то, что «Люцифер» получает такое количество *анонимных*, злорадных и даже оскорбительных писем. Конечно, это лишь случайное замечание, и мусорная корзина нашей редакции является в этом случае единственным адресатом; однако сам этот факт наводит на мысли о странных особенностях человеческой природы.¹

Искренность является истинной мудростью; но это очевидно лишь для ума духовного философа. Она кажется грубостью и оскорблением для того, кто считает ложь и обман проявлением культуры и вежливости, и видит кратчайший, легчайший и наиболее надежный путь к успеху только в том, чтобы не трогать спящих собак и старые обычаи. Но, если собаки препятствуют пути к прогрессу и истине, а общество, как правило, отвергает мудрые слова (Св.) Августина, говорившего, что «никто не должен ставить обычай выше разума и истины», достаточная ли это причина для филантропа, чтобы свернуть с пути истины, или даже уклониться от него, поскольку некий эгоист поступает таким образом? Совершенно верно,

¹ «Verbum sap» [сокр. от: *verbum sat sapienti*, умному слово, *лат.*]. Мы не собираемся уделять внимание анонимным сообщениям, даже если бы они исходили из Ламбет Палас. Выражение «*verbum sap*» не для красного словца; оскорблениям противостоят факты; ибо сказано в Писании: «Оскорбляющим вас воздать скорбью!» (2 Фес., 1:6.)

как где-то заметил сэр Томас Браун, что не каждый человек является настоящим защитником истины, и не каждый способен принять вызов в этом случае. Слишком многие из таких защитников, вследствие своей неосмотрительности или слишком большого энтузиазма, способны столь быстро атаковать ошибки, что они сами «становятся трофеями, добытыми врагами истины». Вероятно, не каждый из нас (членов Теософского общества) может сделать это лично, но лишь те из наших членов, кто добровольно и заблаговременно принес себя самого в жертву великому делу Истины. Этому учит нас один из Учителей Мудрости в некоторых фрагментах своего послания.¹ Подчеркивая, что те из нас, кто занимается общественной деятельностью, как то — редакторы, лекторы и т. д., должны бесстрашно говорить «Правду в лицо ЛЖИ», он вместе с тем признает негодной практику осуждения и критики, если она исходит от отдельных теософов как таковых.

К сожалению, публика и читатели придерживаются иного мнения. Поскольку наш журнал совершенно лишен сектантства, не будучи ни теистическим, ни атеистическим, ни языческим, ни христианским, ни ортодоксальным, ни еретическим, понятно, что его редакторы ищут вечные истины в самых противоположных друг другу религиозных системах и методах мышления. Таким образом, «Люцифер» не может дать полного удовлетворения как неверующему, так и христианину. На взгляд первого — будь он агностик, секулярист или идеалист — обнаружить, что в основе того «мусора», который содержится в еврейской Библии или в христианском Евангелии, лежит божественная или оккультная мудрость — отвратительно; по мнению последнего, признать, что истины, содержащиеся в еврейско-христианских священных текстах, те же, что и в индуистской, зороастрийской, буддийской и египетской религиозной литературе — богохульство и утрата душевного равновесия. Отсюда сильнейшая критика с обеих сторон, насмешки и оскорбления. Каждая партия хотела бы привлечь нас на свою сторону, признавая за истину лишь то, что соответствует требованиям ее сектантского «изма».

¹ См. статью «Несколько слов о повседневной жизни».

Но так не может быть, и так не будет. Наш девиз с самого начала — и он будет таковым всегда — состоит в том, что «НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ». Истина — вот то, что мы ищем; найдя ее, мы заявим о ней всему миру, независимо от того, где мы ее нашли. И подавляющее большинство наших читателей полностью удовлетворено нашей политикой, что, в свою очередь, соответствует нашим намерениям.

Совершенно очевидно, что если терпимость не является следствием индифферентности, то она отражает отзывчивость и сострадание, простирающиеся очень широко, а также симпатию к широко мыслящим людям. Нетерпимость — это прежде всего следствие неведения и зависти. Тот, кто всерьез думает, что в его домашнем кувшине для воды заключен целый океан, будет, конечно, нетерпим по отношению к своему соседу, который также счастлив сознавать, что налил в свой собственный кувшин порядочную часть из моря истины. Но тому, кто, подобно теософам, знает, что этот океан вечной мудрости бесконечен и не поддается измерению никем из людей, классов или партий, и кто понимает отчетливо, сколь мало может вместить даже величайший из сосудов, созданных человеком, по сравнению с тем, что находится вне возможностей его восприятия, в темноте и глубине бесконечного, не поможет ничто, кроме терпимости. Ибо он видит, что и другие наполняют свои небольшие кувшины из того же огромного резервуара, в который он погружает свой собственный сосуд; и если вода в разных кувшинах иногда кажется неодинаковой, то это связано только с тем, что на ее цвет повлияли те загрязнения, что были в кувшине раньше, до того, как в нем оказался кристально чистый элемент — частица вечной и неизменной истины.

Лишь одна абсолютная истина имеется в Космосе, и только так и может быть. И если такие ограниченные существа, как мы, могут понять ее суть, то мы сознаем, что, будучи абсолютной, она должна быть также вездесущей и универсальной; и что поэтому она неизбежно должна быть заложена в любой мировой религии, являющейся продуктом мыслительной и познавательной деятельности огромного количества поколений мыслящих людей. Таким образом, признавая, что какая-то часть истины, большая или меньшая, содержится в любой религиозной и философской системе, при попытке найти

ее мы должны исследовать происхождение и источники каждой из этих систем, их корни и самое начало роста, а не тот поздний этап, когда на них разрастаются секты и догматизм. Наша цель состоит не в том, чтобы разрушить какую-нибудь религию, а в том, чтобы помочь в очищении разных религий от присущих им загрязнений. Нашей деятельности такого рода противостоят все те, кто, вопреки всякой очевидности, утверждает, что только их собственный кувшин заключает в себя весь океан. Как может быть совершена наша работа, если нам противодействуют со всех сторон разного рода фанатики? Она была бы выполнима значительно легче, если бы, по крайней мере, интеллигентные люди, встречающиеся в каждой секте или системе, признали, что крошечная часть истины, которой обладают они сами, неизбежным образом смешана с ошибками, и что те ошибки, которые столь хорошо заметны у их соседей, равным образом, перемешаны с истиной.

Мы думаем, что свободная, сдержанная, чистосердечная дискуссия, не загрязненная враждебностью и личными выпадами, является наиболее эффективным средством очищения от ошибок и выявления истины; это относится и к публикациям, и к отдельным людям. Журнал имеет возможность выбора: быть ли ему терпимым или нетерпимым; он может заблуждаться самыми разными способами, как это делают и индивидуумы; и поскольку он отвечает за каждую публикацию так же, как отдельные личности, ему следует постоянно иметь это в виду, чтобы двигаться вперед без страха и упрека. Все это особенно справедливо в случае теософских публикаций, и «Люцифер» чувствует, что он был бы недостоин своего предназначения, если бы не обладал величайшей терпимостью и широтой, даже в тех случаях, когда он отмечает у своих братьев и соседей ошибки, которые они себе снисходительно позволяют. В то время как в редакционных и редакторских статьях он строго придерживается духа и учения «чистой» теософии, тем не менее, он часто предоставляет свои страницы статьям и письмам, далеко отстоящим от эзотерической доктрины, которой придерживаются как редакторы, так и большинство рядовых теософов. Поэтому, те читатели, которые привыкли находить в журналах и партийных публикациях лишь те взгляды и аргументы, которые редактор признает за

безошибочно ортодоксальные — разумеется, с его точки зрения, — не должны подвергаться осуждению каждую статью «Люцифера», с которой они не полностью согласны, или кажущуюся им обидной с *ханжеской* точки зрения, на том основании, что это не подходит для теософского журнала. Им следует напомнить, что «Люцифер» потому и является теософским журналом, что в нем могут публиковаться и писатели, чьи взгляды по разным вопросам не только в какой-то степени отличаются от их собственных, но могут быть и диаметрально противоположными взглядам редакторов. Это делается для того, чтобы установить истину, а вовсе не для того, чтобы способствовать прогрессу какого-нибудь «изма», или потворствовать тем или иным увлечениям, симпатиям и антипатиям какой-либо группы читателей. Лишь снобы и педанты могут, не обращая внимания на истинность или ошибочность идеи, изо всех сил придирается к отдельным словам и выражениям, встречающимся при ее изложении.

Теософия, если и выражает что-то, то только истину; а истина должна без какой-либо дискриминации, отбросив всякую партийность, обращаться равно с чтимым, как и с опальным сосудом. Никакая теософская публикация никогда не помышляла о том, чтобы использовать грубый — или, скажем, очень откровенный — язык Осии или Иеремии; однако поскольку эти святые пророки являются столпами христианской Библии, а Библия имеется в каждой благочестивой семье, будь она аристократической или плебейской, и поскольку Библию читают со склоненной головой и искренним уважением молодые невинные девушки и школьники, то как же наши христианские критики — в какой-нибудь околонуучной статье — могут употреблять грязные выражения? Вполне возможно, что те выражения, которые сейчас кажутся предосудительными, поскольку они относятся к библейской тематике, встретят громкими аплодисментами, если они будут направлены против какой-либо языческой системы верования (*см. некоторые миссионерские издания*). Немного милосердия, любезные читатели, милосердия и, прежде всего, *справедливости* и еще раз — СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Справедливость требует того, чтобы читатель, если какая-либо статья в нашем журнале не находится в гармонии с его

собственными идеями, рассматривал бы ее не просто как предмет критики, а скорее как проблему, требующую своего решения. Пусть он попытается извлечь отсюда урок, заключающийся в том, что его могут научить только те взгляды, которые отличаются от его собственных. *Пусть он будет терпимым, даже если и не поистине милосердным*, и отложит свое суждение до тех пор, пока не извлечет из статьи ту истину, которая в ней содержится, прибавив это новое приобретение к своему багажу. Враги могут научить лучше, чем друзья; и только в том случае, если читатель «Люцифера» проникнется истиной, он сможет справедливо соотносить то, во что он верит с ошибками неугодной статьи в дебете счета.

ОТВЕТ НАШИМ КРИТИКАМ

В будничном течении повседневной жизни сказанные слова могут быть серебром, в то время как «молчание — это золото». Но для редакторов некоторых специализированных периодических изданий, «молчание» в некоторых случаях равносильно малодушию и лживым отговоркам. В нашем случае это недопустимо.

Мы прекрасно осведомлены о том факте, что простое наличие слова «спиритуализм» на титульном листе нашего журнала «приводит к тому, что он теряет половину своей привлекательности в глазах материалиста и скептика», — ибо нам постоянно твердят об этом многие наши добрые друзья, некоторые из которых обещают нам большую популярность, а следовательно увеличение числа подписчиков, стоит нам только убрать «презренный» термин и заменить его на другой, сходный по своему значению, но более благозвучный для публики в целом. Пожалуй, это притворство хуже *вероломного обмана*. Наличие этого непопулярного слова на своем прежнем месте говорит о нашем ответе.

То, что мы не включали «спиритуализм» в число тем, которым посвящен наш журнал, «в надежде, что это сослужит нам добрую службу среди спиритуалистов», доказывается следующим фактом: начиная с нашей первой публикации об организации акционерного журнала и до нынешнего дня, подписчики из «спиритуального» лагеря не составляли и четырех процентов из нашего общего подписного списка. И все же, к нашему вящему удовольствию, о нас постоянно говорит пресса и наши оппоненты как о «спиритуалистах». Действительно, не зная о наших взглядах или намеренно игнорируя их, они обвиняют нас в *вере в духов*. Мы не стали бы вообще возражать против такой формулировки — ибо слишком многие бо-

лее достойные и мудрые люди, чем мы, твердо верили в «духов», — но это опять-таки значило бы пойти на «вероломный обман». Нас называют «спиритуалистами» люди, которые неправильно рассматривают этот термин как «позорное клеймо», в то время как ортодоксальные спиритуалисты, которые прекрасно понимают, что мы приписываем их феномены действию совсем других сил, нежели духи, обижаются на наши специфические воззрения как на выпад против их веры, и, в свою очередь, высмеивают нас и оказывают нам сопротивление.

Один этот факт должен доказать, если это вообще возможно, что наш журнал проводит честную политику. Так, основанный ради одной-единственной цели, а именно, для разъяснения истины, сколь бы непопулярной она ни была, он во всем остается верным своему первоначальному принципу — принципу совершенной непредвзятости и беспартийности. И это полностью отвечает на другое обвинение, а именно, что мы публикуем взгляды наших корреспондентов, с которыми мы зачастую сами не согласны. «Ваш журнал изобилует статьями, которые поддерживают самые нелепые суеверия и сообщают абсурдные истории о привидениях», — выказывается недовольство в одном из писем. «Вы пренебрегаете тем, чтобы придавать особое значение в своих редакционных статьях необходимому различению между *фактами* и *ошибкой*, и это также относится к отбору ваших материалов», — говорит другой. Третий обвиняет нас в том, что мы недостаточно поднимаемся «от предполагаемых фактов к принципам, которые доказали бы нашим читателям, что в каждом отдельном случае эти факты ничем не лучше, чем выдумки». Другими словами, как мы это понимаем, нас обвиняют в пренебрежении научной индукцией. Наши критики могут быть правы, но это не значит, что мы полностью ошибаемся. Перед лицом многих важнейших и строго научных экспериментов, проведенных нашими наиболее знаменитыми *учеными мужами*,¹ нужен гораздо более глубокий мудрец, чем даже сам царь Соломон, чтобы провести различие между *фактом* и *выдумкой*. На вопрос: «Что есть истина?» — в восемнадцатом веке отве-

¹ См. статью: «Наука, феномены и пресса».

тить еще труднее, чем в первом веке нашей эры. Явление Бруту его «злого гения» в виде ужасной человеческой фигуры, которая, появившись из тьмы и безмолвия ночи, обещала встретить его в долине Филиппи, — было *фактом* римского тираноубийства; но это был всего лишь сон для его рабов, которые ничего не видели и не слышали в эту ночь. Существование континента на противоположной стороне земли и гелиоцентрической системы было *фактами* для Колумба и Галилея за много лет до того, как они смогли продемонстрировать это в действительности; и все же существование Америки, так же как и нашей современной солнечной системы, упорно отрицалось несколько веков назад, точно так же, как и спиритуализм — сегодня. *Факты* существовали и в «донаучном прошлом», а ошибки следуют одна за другой, словно ягоды в лесу, в нашем научном настоящем. Кому же тогда предоставить критерий истины? Должны ли мы оставить его на милость и справедливость пристрастного общества, которое постоянно пытается ниспровергнуть и разрушить то, чего оно не понимает, все время пытаясь трансформировать *стыд* и *лицемерие* в синонимы «приличия» и «добропорядочности»? Или же мы должны слепо отдать его современной, так называемой, *точной* науке? Но наука не сказала своего последнего слова, и различные ее отрасли знания не могут с удовлетворением называть себя *точными*, пока вчерашние гипотезы опровергаются открытиями, сделанными сегодня. «Наука атеистична, фантазмагорична и вся погрязла в предположениях. Она никогда не сможет стать знанием *per se* [сама по себе, *лат.*]. Не знать — это ее кульминация», — говорит профессор А. Уилдер, наш нью-йоркский вице-президент, без сомнения, в большей степени человек науки, чем многие ученые, лучше известные миру, чем он. Кроме того, ученые представители Королевского общества имеют такое же количество излюбленных привычек и хобби, и столь же мало свободны от предубеждения и предвзятых мнений, как и любые смертные. Или же нам следует смиренно обратиться в наших поисках этого критерия к религии и ее рукотворной теологии, с ее «семьюдесятью семью сектами», каждая из которых заявляет о своем праве на истину и ничем не обосновывает эту свою претензию? Один из наших строгих христианских ареопагитов в са-

мом деле выражает свой страх перед тем, что «даже некоторые абсурдные истории Пуран находят благосклонный прием у «Теософиста». Но пусть он скажет нам, содержит ли в себе Библия сколь-либо меньше «абсурдных сказок» и «нелепых чудес», чем индийские Пураны, буддийская Маха-джатака, или даже какая-нибудь наиболее «постыдная суеверная публикация» спиритуалистов? (Цитата из его письма.) Мы выражаем сочувствие, как первой, так и всем остальным, но:

Однажды вера, пламенная вера,
Поддавшись чарам лъстивого обмана,
В его объятия попала навсегда...

и — мы отказываемся принимать что-либо на веру. Как и большинство периодических изданий, мы в каждом номере «Теософиста» напоминаем нашим читателям, что «редакторы не несут ответственности за мнения, выраженные авторами», с некоторыми из коих они (мы) не согласны. И это все, что мы должны сделать. Мы никогда не выступаем на страницах нашего издания как *наставники*, но скорее как скромные и доверчивые собиратели бесчисленных верований, убеждений, научных *гипотез*, и — даже «суеверий», общераспространенных в прошлые века, и все еще существующих и процветающих в наше время. Никогда не принадлежа к сектантам — то есть, к некоей заинтересованной партии, — мы утверждаем, что перед лицом нынешнего положения вещей, в ходе непрестанной войны, в которую вовлечены древние верования и новые учения, альтернативные школы и авторитеты, возрождающиеся элементы слепой веры и непрерывные научные открытия, несущиеся наперегонки и, как бы в ходе естественного отбора, поглощающие и взаимно разрушающие и уничтожающие друг друга, — *поистине, надо обладать недюжей смелостью*, чтобы взвалить на себя задачу по разрешению конфликта между ними! Кто, спрашиваем мы, перед лицом самых удивительных и неожиданных достижений наших великих физиков и химиков, рискнул бы провести линию разграничения между *возможным* и *невозможным*? Где тот *честный* человек, который, в деталях ознакомившись с последними заключениями археологии, филологии, палеографии, и особенно ассириологии, взялся бы доказать превосход-

ство религиозных «суеверий» цивилизованных европейцев над суевериями «язычников», и даже дикарей-идолопоклонников?

После всего сказанного, мы надеемся, что прояснили ту причину, по которой мы, не веря в непогрешимость кого бы то ни было из смертных и не утверждая эту привилегию для самих себя, предоставляем наши страницы для открытого обсуждения любого взгляда и мнения, при условии, что они не окажутся слишком сверхъестественными. Кроме того, мы предоставляем место для «ненаучных» материалов, если в них говорится о проблемах, выходящих далеко за пределы сферы физической науки, — обычно, это вопросы, которые средний и догматический ученый отвергает *a priori* [заведомо, лат.] и без всякой проверки; но подлинные люди науки не только находят их вероятными, но, после исследования, они очень часто бесстрашно объявляют обсуждаемый вопрос неоспоримым фактом. В отношении наиболее трансцендентальных вопросов, скептик может не в большей степени опровергнуть, чем верующий — доказать свою точку зрения. *Факт* — это единственный трибунал, которому мы подчиняемся, и который мы безоговорочно признаем. И перед этим трибуналом совершенно равны и Тиндаль, и невежда. Живо воспринимая трюизм, что каждая дорога рано или поздно выводит на шоссе, а каждая река ведет к океану, мы никогда не отвергали материал просто потому, что мы не верим в тот предмет, о котором он сообщает, или не согласны с его выводами. Лишь сравнение может дать нам возможность познать вещи в их истинной ценности; и если судья не сравнивает показания и не выслушивает обе стороны, он вряд ли придет к правильному решению. *Dum vitant stulti vitia, in contraria currunt*¹ — это наш девиз; и мы пытаемся осторожно пройти между многочисленными канавами, не упав ни в одну из них. Ибо требовать одному человеку от другого, чтобы он верил как он сам в вопросы религии или науки — это в высшей степени несправедливо и деспотично. Кроме того, это абсурдно. Ибо это равносильно требованию того, чтобы мозг новообращенного, его

¹ Из «Сатир» Горация, I, 2, 24: «Стараясь избежать одного порока, глупцы впадают в противоположный ему порок». — *Прим. редактора.*

органы восприятия, короче, весь его организм был преобразован точно в согласии с моделью организма его учителя, и тогда он будет обладать таким же темпераментом и умственными способностями, как и учитель. А почему не его носом и глазами, в таком случае? Умственная зависимость — это худший из всех видов рабства. Это состояние, которое, по причине того, что физическая сила не имеет реальной власти, всегда означает либо трусливое малодушие, либо исключительную интеллектуальную слабость.

Среди многих других обвинений, нас упрекают в том, что мы недостаточно используем наше редакторское право отбора. Мы позволим себе не согласиться и опровергнуть это обвинение. Как и любой другой человек, по счастью имеющий в своей голове мозги вместо студня из телячьих ножек, мы, конечно, имеем свое мнение обо всех вещах в целом, и об оккультных — в особенности, и некоторых из них мы придерживаемся очень твердо. Но это наши личные взгляды, и хотя у нас такие же права на них, как и у любых других людей, мы никогда никого не заставляли признавать их. Мы не верим в деятельность «духов умерших», — но *другие*, и среди них многие члены Теософского общества, верят в них, и мы обязаны уважать их мнение, пока они с уважением относятся к нашему. Сопровождать каждую статью нашего автора «Примечанием редактора», исправляющим «его ошибочные представления», было бы равнозначно тому, чтобы превратить наш совершенно беспартийный журнал в *сектантский* орган. Мы отвергаем такого рода служение «господином оракулом».

«Теософист» — это журнал нашего Общества. Каждый из его членов совершенно свободен в своих воззрениях, и в организации, коллективно представляющей практически любую веру, национальность и философскую школу, каждый член имеет право требовать себе места в органе своего Общества для защиты своей собственной частной веры и своих взглядов. Наше Общество является абсолютной и бескомпромиссной *республикой совести*, и в ней нет места предубеждениям и ограниченности. Они в такой же степени ненавистны и отвергаются нами, как догматизм и фанатизм в теологии; и мы повторяем это *usque ad nauseam* [вплоть до тошноты, *лат.*].

Объяснив нашу позицию, мы закончим эту статью такими прощальными словами к нашим сектантским друзьям и критикам. Материалистам и скептикам, которые развенчивают нас во имя современной науки — этой дамы, которая всегда презрительно качает головой и угрожает всему, чего она еще не понимает, — мы бы напомнили многозначительные, но чересчур мягкие слова великого Араго:

«Опрометчив тот человек, который за пределами чистой математики произносит слово *невозможно*».

А теологии, которая, скрываясь под своими многочисленными ортодоксальными масками, забрасывает нас грязью из-за каждого подвернувшегося угла, мы ответим знаменитым парадоксом Виктора Гюго:

«Во имя РЕЛИГИИ мы возражаем против всех и каждой религий!»

ПОЧЕМУ «ВАХАНА»?

Потому что это слово в буквальном смысле означает «средство передвижения». В теософской же метафизике этот термин обозначает «базис», что-то вроде носителя, более *плотного*, чем то, что он переносит; например, *буддхи*, духовная Сущность, есть *вахана атмы* — чисто нематериального «принципа». Или, если взять пример из физиологии, наш мозг — предполагаемое средство передачи, или *вахана* сверхфизического мышления.

Таким образом, эта двухнедельная газета должна служить средством передачи теософской мысли и освещать всю теософскую деятельность.

Это предприятие — не финансовая спекуляция, но, бесспорно, добавочный расход, который наши скудные фонды с трудом могут себе позволить. Однако предпринять его — наша обязанность. Газета должна распространяться бесплатно по нашим Британским отделениям и «не прикрепленным» членам. Это означает, что она будет распространяться и среди тех, кто не может подписаться на наши регулярные журналы. Но более состоятельные помогут тем, кто победнее, по следующим причинам. Карма тех, кто мог подписаться на печатные издания нашего Общества, но не сделал этого по безразличию или по другой причине — *их собственное дело*; но держать всех членов в контакте с нами и *в курсе* всех теософских событий — наша обязанность. Ибо многие из тех, кто был отрезан от всего, что происходит в теософских центрах, очень скоро потеряли всякий интерес к движению и продолжают оставаться «членами» лишь формально.

Всегда считалось, что истинный теософ не должен преследовать никаких личных целей, а также защищать и проводить в жизнь какую-либо особенную доктрину. Ибо каждый,

кто хочет заслужить почетное звание теософа, должен быть, прежде всего, альтруистом, готовым помочь равно другу и врагу; должен охотнее действовать, чем говорить; должен побуждать других к действиям, не упуская в то же время возможности работать самому. Никакой истинный теософ не будет указывать своему брату или соседу, во что тому надлежит верить, а во что нет; не будет принуждать никого к действиям, которые могут иметь плохие последствия для совершающего их, какими бы правильными ему эти действия ни казались. Его обязанности: (а) предупредить брата о любой опасности, которую тот может не заметить; и (б) поделиться своим знанием с тем, у кого было меньше возможностей приобрести его.

Теперь, хотя мы с болью сознаем, что большое число членов вступило в Т. О. из простого любопытства, в то время как другие, оставшись на некоторое время без связи с движением, потеряли всякий интерес к нему, мы не должны терять надежду на возрождение этого интереса. Многие члены Общества, отказываясь сперва помогать нашему делу, сейчас стали ревностными «действительными членами». Поэтому сегодня мы обращаемся ко всем: «если вы действительно хотите помочь доброму делу, делайте это сейчас; *ибо еще несколько лет, и все ваши усилия окажутся тщетны*». Мир движется кругами, это движение происходит под влиянием двух взаимно противодействующих Сил, одна из которых двигает человечество вперед, к Духу, а другая вынуждает его спускаться вниз, в бездны материи. Человеку остается лишь помогать той или иной Силе. Мы сейчас в самой середине египетской тьмы *каллиуги*, «Черного Времени», первые 5.000 лет которого должны закончиться на Земле между 1897 и 1898 гг. Если мы не успеем до этого времени надежно укрепить Т. О. на пути духовного развития, его неминуемо снесет в Бездну, имя которой «Банкротство», холодные волны забвения сомкнутся над его обреченной головой. Так бесславно погибнет *единственная* ассоциация, чьи устремления, принципы и истинные намерения каждой частностью и деталью полностью отвечают основной, самой сокровенной идее каждого великого адептареформатора, светлой мечте о **ВСЕОБЩЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БРАТСТВЕ**.

Поистине, филантропических, политических и религиозных организаций у нас много. Клубы, конгрессы, ассоциации, союзы, убежища, общества, каждое из которых защищает определенные категории людей или определенные нации, покровительствует определенным искусствам или наукам, служит им защитой против того или иного зла, — появляются ежедневно. Каждая из этих организаций принадлежит определенной партии или секте. Но есть ли среди них хоть одна в полном смысле *всеобщая*, благожелательная ко всем и ни против кого не предубежденная? Какая из них полностью отвечает благородным предписаниям буддийских архатов и царя Ашоки?

«Когда ты сажаешь вдоль дороги деревья, позволь их тени защитить и злодея и праведника. Когда ты строишь гостиницу, позволь ее дверям быть открытыми для людей всех религий, для противников твоей собственной веры и для твоих личных врагов так же, как и для твоих друзей».

Никто, утверждаем мы, не спасет наше собственное Общество, совершенно бескорыстную и не сектантскую организацию; никто, кроме тех, кто не смотрит на все с групповой или партийной точки зрения, кто открыт всем людям, хорошим и плохим, глупым и мудрым, и кто зовет их всех «братьями», вне зависимости от их религии, расы, цвета кожи или общественного положения.

Ко всем таким людям мы обращаемся сейчас: поскольку «нет религии выше Истины», нет и божества выше последней, и времени у нас осталось мало — не пора ли каждому из вас помочь нашему Обществу в его тяжелом труде и вывести его в целостности и сохранности сквозь бездны материи на устойчивый путь?

1890! К НАСТУПАЮЩЕМУ НОВОМУ ГОДУ

«Покрывало, скрывающее лицо будущего, соткано руками Милосердия».

Бульвер-Литтон

С НОВЫМ ГОДОМ ВСЕХ! Сказать это, кажется, довольно легко, и каждый ожидает таких поздравлений. И все же, смогут ли реализоваться эти пожелания, даже в немногих случаях, хотя бы они и исходили от чистого сердца, — решить это очень трудно. Согласно нашим теософским доктринам, каждый мужчина и каждая женщина наделены, в большей или меньшей степени, магнетической способностью, которая при помощи искренней и, особенно, сильной и неукротимой воли — наиболее эффективного из магических рычагов, что дала природа в руки человека — служит нам как на горе, так и на благо. Да будет нам, теософам, позволено использовать эту волю, чтобы послать искренние новогодние поздравления и пожелания всем существам, живущим под солнцем, — в том числе врагам и неустанным клеветникам. Да испытаем и почувствуем мы особую доброту и простим наших недругов и преследователей, честных и нечестных, иначе кто-либо из нас мог бы послать, сам того не осознавая, пожелание «дурного глаза» вместо благословения. А такой результат слишком легко достигается даже без помощи оккультного сочетания двух чисел, 8 и 9, содержащихся как в ушедшем, так и в нарождающемся году. Но когда на нас смотрят эти два числа, любое пожелание зла будет просто губительным.

«Эй!» — слышим мы восклицания некоторых случайных читателей. — «Это *новое* суеверие теософских чудаков: слушаем его...»

Вы можете сказать так, дорогие критики, хотя это не новое, а очень старое суеверие. Его разделяли давным-давно, и в него твердо верили все императоры и мировые властители. Они боялись числа 8, поскольку оно предполагает *равенство всех людей*. За пределами вечной *единицы* и мистического числа *семь*, за небесами, семью планетами и сферой с неподвижными звездами, в философии арифметиков появился *огдоэд*. Это был *первый равносторонний куб*, и он считался священным.¹ В восточной философии число 8 символизирует равенство элементов, порядок и симметрию на небе, трансформированные в неравенство и смешение на земле вследствие эгоизма, величайшего бунтовщика против законов природы.

«Цифра 8, или ∞ , означает постоянное или даже вечное и регулярное движение вселенной», — говорит Рагон. Но, будучи совершенным, как и космическое число, оно является также символом низшего *эго*, плотской природы человека. Таким образом, мы делаем плохое предсказание в отношении *бескрыстной* части человечества на основе данной комбинации чисел, составляющих этот год. Ибо находящаяся в центре 1890 года цифра 89, это лишь повторение той же цифры в хвосте 1889 года. А *девять* было цифрой, нагонявшей страх на древних. Для них она была символом огромных перемен, космических и социальных, и непостоянства, вообще; печальной эмблемой хрупкости человеческих существ. Цифра 9 представляет землю, находящуюся под влиянием *злого принципа*; каббалисты, кроме того, считают, что она также символизирует акт воспроизведения и зарождения. Другими словами, можно сказать, что год 1890 готовится воспроизвести все зло своего родителя, года 1889, а также создать значительное количество своего собственного зла. *Трижды три* — это великий символ *овеществления*, или материализации духа, согласно Пифагору, следовательно, грубой материи.² Каждая мате-

¹ Как это показано масоном-окультистом Рагоном, гностический *огдоэд* имел восемь звезд, представляющих 8 самофракийских кабиров, 8 принципов египтян и финикийцев, 8 богов у ксенократов, 8 углов кубического камня.

² Причина этого связана с тем, что, согласно пифагорейцам, каждый из трех элементов, составляющих наше тело, является триадой: вода, содержащая землю и огонь, земля, содержащая водяные и огненные час-

риальная протяженность, каждая окружность представлялась числом 9, ибо древние философы обнаружили то, что философы нашего века или не могут увидеть, или же не придают этому никакого значения. Кроме того, естественная порочность этого числа и цифры — ужасна. Имея отношение к сферам, оно является знаком окружности, так как значение окружности равно 9 — то есть, $3 + 6 + 0$. Таким образом, оно является также символом человеческой головы — особенно головы современного среднего человека, всегда готового выдать что-то за 9, хотя это всего лишь 3. Более того, это благословенное 9 обладает любопытной силой воспроизводить себя в своей полноте при каждом умножении, независимо от желания; то есть, можно сказать, что при умножении этого наглого и пагубного числа на само себя или какое-либо другое число, в итоге всегда будет давать сумму девяток — это злостный трюк материальной природы, которая воспроизводит саму себя при малейшей возможности. Таким образом, становится понятно, почему древние сделали 9 символом материи, а мы, современные оккультисты, делаем из него символ *материализма* нашего века — фатального *девятнадцатого столетия*, к счастью, подходящего к своему концу.

Если эта допотопная вековая мудрость будет не в состоянии проникнуть сквозь «ограниченность» мозговых «сфер» наших современных ученых-математиков — тогда мы не знаем, что сможет это сделать. Оккультное будущее 1890 года сокрыто в экзотерическом прошлом 1889 и предшествовавших ему восьми годов.

К несчастью — или же, можно сказать, к счастью — человек, как коллективное целое, отрицает способность предвидения в течение этого темного цикла. Подвергнем ли мы нашему рассмотрению с точки зрения мистики среднего бизнесмена, расточителя, материалиста или фанатика — это не имеет значения. Вынужденный ограничивать свое внимание повседневными заботами, деловой человек уподобляется лишь рас-

тицы, и огонь, смешанный с каплями воды и земными частицами, служащими ему пищей. Отсюда имя, данное материи — «девятиконечная оболочка».

четливому, предусмотрительному муравью, запасавшемуся провизией, чтобы пережить зиму старости, тогда как избранник фортуны и кармических иллюзий пытается соперничать с кузнечиком в его непрерывном стрекотании и летних песнях. Эгоистичная забота одного и высшая степень безрассудства другого приводят к тому, что оба они не обращают внимания и часто остаются в полном неведении о своих серьезных обязательствах перед человеческим родом. Что касается двух последних, то есть материалиста и религиозного фанатика, то их долг по отношению к соседям и милосердие ко всем начинаются и заканчиваются на пороге собственного дома. Большинство людей любит лишь тех, кто разделяет их образ мысли, и совсем не заботится о будущем народов или мира в целом; и они никогда не задумаются о том, могут ли они помочь ему, в *посмертной* жизни. Каждый, в соответствии с присущим ему темпераментом, ожидает, что смерть проведет его или через золотые ворота в традиционный рай, или через раскаленные пещеры в асбестовый ад, или же на край пропасти несуществования. И посмотрите, как все они, за исключением материалистов, боятся неминуемой смерти! Не может ли этот глубинный страх быть причиной антипатии некоторых людей к теософии и метафизике? Но ни один человек нашего столетия, безрассудно несущийся к отверстой для него могиле, не имеет ни времени, ни желания для того, чтобы предъявить нечто большее, чем случайно пришедшая в голову мысль, тому мрачному гостю, который не минует никого из нас, или же Будущему.

Возможно, что они правы в отношении последнего. Будущее лежит в настоящем, и оба они включают в себя Прошлое. Рохель с редкостной оккультной интуицией сделал почти *эзотерическое* справедливое замечание, сказав, что «будущее не придет откуда-то спереди, чтобы встретить нас; оно приходит сзади, проносясь над нашими головами». Для оккультиста и обычного теософа Будущее и Прошлое включены в каждый момент их жизни, следовательно, в вечное НАСТОЯЩЕЕ. Прошлое представляет собой поток, стремительно проносящийся мимо, с которым мы сталкиваемся непрерывно, без какого-либо малейшего интервала, причем каждая его волна, и даже каждая капля этой волны являются событиями-

ем, большим или малым. Однако, как только мы его встречаем, и независимо от того, приносит ли оно радость или горе, возвышает нас или сбивает с ног, оно уже ушло и оказалось позади нас, чтобы раньше или позже пропасть в великом Океане Забвения. От нас зависит, сделаем ли мы любое такое событие несуществующим для нас, стирая его из нашей памяти, или же создадим из нашего прошлого грифов Прометеевых Скорбей — этих «темнокрылых птиц, воплощающих память о Прошлом», которые в графической фантазии Салэ «кружатся и пронзительно кричат над океаном забвения». В первом случае мы являемся истинными философами, во втором — лишь скромными и даже трусливыми солдатами армии, именуемой человечеством, ведомой в великом сражении Жизни «Королем Кармой». Счастливы те из воинов, кто смотрит на Смерть как на нежную и сострадательную мать. Она укачивает своих больных детей, погружая их в сладкий сон на своей холодной, мягкой груди, но с тем, чтобы пробудить их через миг, исцелившихся от всех болезней, счастливых и многократно вознагражденных за всякий горький вздох и слезы. *Посмертное* забвение всякого зла — до последней капли — это самая блаженная черта «рая», в который *мы* верим. Да, забвение боли и горестей, и лишь живое воспоминание, или даже повторное проживание каждого счастливого момента нашей земной драмы; и если в горькой жизни кого-либо не было никогда такого момента, то чудесное осуществление каждого законного, заслуженного, но неудовлетворенного желания, которое когда-то возникло, столь же истинное, как сама жизнь, и семикратно усиленное в семьдесят семь раз...

Христиане — особенно европейцы — празднуют Новый год с особой помпой. Этот день является *девакханом* для детей и прислуги, и каждому полагается быть счастливым, от короля и королевы до привратника и уборщицы. Это празднество, конечно, чисто языческое, каковыми, за малым исключением, являются и все наши *христианские праздники*. Добрые старые языческие обычаи не умерли, даже в протестантской Англии, хотя здесь Новый год не является больше святым днем — к большому сожалению. Тем не менее, проис-

ходит взаимный обмен подарками, которые в древнем Риме назывались *strenæ* (в современной Франции — *étrennes*). Люди приветствуют друг друга словами: *Annum novum faustum felicemque tibi*, как и в давние времена; правда, должностные лица не приносят больше в жертву Юпитеру белого лебедя, и священники не жертвуют Янусу молодого вола. Однако чиновники, священники и все остальные на своих рождественских и новогодних застольях жадно съедают, в память о лебедя и воле, больших жирных быков и индеек. Золоченые финики, высушенные и позолоченные сливы и фиги, перешли из рук трибунов, собирающихся в Капитолии, на рождественские деревья для детей. Если все же современный Калигула и не получает горы медных монет с профилем Януса на одной из сторон, то это лишь потому, что изображение Бога замещает на каждой монете его собственный портрет, а королевские руки больше не прикасаются к меди. Но обычай *strenue* [активно, *лат.*] задаривать правителей очень долго не исчезал в Англии. Дизраэли в своих «Литературных курьезах» упоминает о трех тысячах платьев, обнаруженных в гардеробе королевы Бесс после ее смерти, приобретенных в результате ее новогодней таксы для ее верных подданных, от герцогов до мусорщиков. В древнем Риме успех любого предприятия в этот день рассматривался как добрый знак на целый год, такая вера сохранилась и по сей день во многих христианских странах, особенно в России. Не потому ли омела и падуб вместо Нового года используются сейчас на Рождество, что они стали христианскими символами? Отрезание омелы от священного дуба на Новый год является обычаем, пришедшим от древних друидов языческой Британии. Христианская Британия остается в своей жизни столь же языческой, какой она и была всегда.

Но имеется несколько причин, по которым Англия обязана включить Новый год в число христианских праздников. Поскольку 1 января — это восьмой день после Рождества, то согласно светскому и церковному преданию он является праздником обрезания Христа, так же как шестью днями позже бывает праздник Крещения (Богоявления). И неопровержимым и всемирно известным является тот факт, что задолго до прихода трех зороастрийских магов, обрезания Христа и даже его рождения, 1 января было первым днем гражданского

года римлян, и 2000 лет назад праздновалось так же, как и сейчас. Трудно понять смысл того, что христианство, принявшее еврейские Писания и вместе с ними их странную хронологию, тем не менее, отвергло еврейскую *Рош-ха-Шана* («главу года») в пользу языческого Нового года. Коль скоро первая глава Бытия в каждой стране по-прежнему начинается словами «За 4004 года до Христа», одна лишь последовательность должна была бы требовать предпочтения талмудического календаря перед языческим римским. Все, по-видимому, побуждало Церковь сделать так. Опираясь на непререкаемый авторитет откровения, раввинистическая традиция уверяет нас, что именно в 1-й день месяца *тишрей* Господь Бог Израиля создал мир, — ровно 5848 лет назад. Далее, существует другой исторический факт, а именно, что наш отец Адам подобным образом был сотворен в первую годовщину того же самого дня *тишрей*, то есть год спустя. Все это очень важно, необходимым образом наводит на размышления, и наиболее выразительно подчеркивает нашу общеизвестную вошедшую в поговорку западную неблагодарность. Более того, если можно так сказать, этот день сопряжен с опасностью. Ибо тот же самый первый день *тишрея* называется также «Йом Хаддин», Судный День. Еврейский *Эль-Шаддаи*, Всемогущий, более активен, чем христианский «Отец». Последний будет судить нас только после конца света, в Великий День, когда овцы будут отделены от козлищ, и будут стоять по разные стороны, ожидая вечного блаженства или проклятия. Но *Эль-Шаддаи*, как нам разъясняют раввины, сидит на судейском кресле в каждую годовщину по сотворении мира, то есть в каждый день Нового года. Окруженный своими архангелами, Бог Милосердия открывает подробные астро-сидерические книги, и имя каждого мужчины, женщины и ребенка зачитывается ему по этим Записям, где представлены даже мельчайшие мысли и дела каждого человека (или это касается только евреев?). Если добрые дела превосходят дурные поступки, то смертный, чье имя зачитывается, переживет этот год. Господь карает за него одного или двух христианских фараонов и передает их в его руки. Но если плохие поступки перевешивают хорошие, то горе виновному; он немедленно осуждается на переживание наказания смертью в течение этого года и посылается в Шеол.

Это могло бы означать, что евреи рассматривают дар жизни как нечто поистине драгоценное. Христиане столь же сильно любят свою жизнь, как и евреи; и те и другие опасаются за свой разум перед лицом смерти. Почему это должно быть так, никогда не разъяснялось. Поистине, кажется, что идея о том, что никто из христиан не спешит встретиться лицом к лицу с Неизреченной Славой «Отца», служит плохим комплиментом Создателю. Дорогие, любящие чада!

Один набожный католик уверял нас однажды, что это не так, и приписывал этот панический страх *почтительному благоговению*. Более того, он пытался убедить своих слушателей, что святая инквизиция сжигает своих «еретиков» из чистой христианской добродетели. Он говорил, что таким образом она удаляет их с пути земного греха, ибо мать-церковь хорошо знает, что Бог-Отец позаботится об этих жареных жертвах лучше, чем могла бы позаботиться любая смертная власть, пока они были сырыми и живыми. Возможно, это ошибочная оценка ситуации, но, тем не менее, сам этот факт рассматривался в духе христианского милосердия.

Мы слышали менее милосердную версию о действительной причине сожжения еретиков и всех, от кого церковь решила избавиться; и при сравнении, эта причина окрашивает кальвинистскую доктрину о предопределении на вечное блаженство или проклятие в совершенно розовые тона. То, что сожжение до последнего атома плоти, после раздробления всех костей на небольшие куски, совершалось с заранее определенной целью, содержится, как утверждают, в секретных отчетах, хранящихся в ватиканских архивах. Этой целью было не допустить участия «врагов церкви» даже в последнем акте мировой драмы — в теологическом понимании, — то есть в «Воскресении Мертвых», или всей плоти, в великий Судный День. По тому же самому принципу церковь противится кремации в настоящее время, а именно, поскольку кремированный «спящий», пробудившись под звуки ангельских труб, окажется неспособным собрать разрозненные части своего тела, — причина, даваемая для *autodafé* [акта веры, *португ.*], кажется достаточно резонной и вполне правдоподобной. Море выдаст мертвых, находящихся в нем, и смерть и ад отдадут своих мертвых (см. Откровение, 20:13); но земному огню

нельзя приписать подобную щедрость и нельзя заподозрить его в том, что он имеет те же свойства, что и ортодоксальное адское пламя. Кремация тела столь же эффективна, как и аннигиляция, в отношении последующего возрождения после смерти. Если оккультный смысл инквизиторских *autodafé* зиждется на этом факте — а у нас лично нет ни малейшего сомнения в этом, учитывая авторитеты, которые нам это поведали, — тогда святая инквизиция и папы мало что могли бы противопоставить протестантской доктрине предопределения. Последнее, как утверждается в Откровении, предоставляет некоторый шанс, по крайней мере, тем «обреченным», которых ад освобождает в последний час, и кто может быть, таким образом, прощен. Но если все в природе происходит именно так, как толкуют римские теологи, то бедные «еретики» должны оказаться в еще худшем положении, чем какие-либо другие «обреченные». Возникает естественный вопрос: кто же первый, Бог кальвинистов или иезуиты Бога, измыслил сожжение, превзойдя другого в утонченной и дьявольской жестокости? Останется ли этот вопрос *sub judice* [в стадии обсуждения, *лат.*] в 1890 году, как и в 1790?

Но инквизиция, с ее столбами для сожжения, дыбами и дьявольскими пытками, отменена сегодня, к счастью, даже в Испании. Иначе эти строки никогда бы не были написаны; и наше Теософское общество не имело бы в стране Торквемады, том «древнем рае», где устраивались празднества по случаю сожжения людей, столь усердных и добрых теософов, как это имеет место сегодня. СЧАСТЛИВОГО НОВОГО ГОДА им, так же как и всем нашим братьям, разбросанным по всему земному шару. Но только мы, теософы, которых столь благожелательно называют «семикратно помешанными», предпочли бы иметь другой день для празднования *нашего* Нового года. Подобно императору-отступнику, многие из нас все же имеют сильную и томительную любовь к поэтическим, блестящим богам Олимпа и решительно отказались бы от двуликого фессалоникийца. Первое число месяца Январия всегда было скорее посвящено Янусу, чем Юноне; и *януа*, означающее «ворота, которые открывают год», сохраняет благо для

каждого дня в январе. 3 января, например, было посвящено Минерве-Афине, богине мудрости, и Изиде, «той, которая порождает жизнь», древней покровительнице доброго города Лютеции. С тех пор мать Изида пала жертвой католической веры и цивилизации, и Лютеция вместе с ней. Обе они были обращены в Юлианское летоисчисление (наследие язычника Юлия Цезаря, использовавшееся христианством до XIII века). Изиду окрестили Женеьевой, и она стала канонизированной святой и мученицей, а Лютеция была названа Парижем просто ради перемены, сохраняя ту же самую покровительницу, но с добавлением фальшивого носа.¹ Сама жизнь — это печальный маскарад, в котором в каждый момент совершается ужасная пляска смерти; почему же, в таком случае, не допустить участие любого календаря или религии в этой пародии?

Коротко говоря, теософам (и особенно эзотерическим теософам) следует выбрать день 4 января в качестве своего Нового года. Январь находится под знаком Козерога, таинственного Макара индийских мистиков — «кумаров», который, как утверждает, воплощается в людей под десятым знаком Зодиака. Веками день 4 января посвящался Меркурию-Будхе,² или Тоту-Гермесу. Таким образом, все сходится к тому, чтобы сделать из него праздник для тех, кто изучает древнюю Мудрость. Назвать ли его арийским именем Будха или Будхи, эллинским Меркурием, сыном Целуса и Гекаты, или божественной (белой) и inferнальной (черной) магии, или, опять же, греко-египетским именем Гермеса или Тота, в любом случае, этот день кажется нам предпочтительнее, чем установленное 1 января — день Януса, двуликого «бога времени». Хотя это название очень подходит, поскольку его празднуют все политические оппортунисты во всем мире.

¹ Таким образом, этот праздник остается неизменным, так как покровительнице Лютеции = Парижа, Изиде, и по сей день оказывают религиозные почести в каждой парижской и латинской церкви.

² 4 января было посвящено Меркурию, из которого греки сделали Гермеса, и римские католики включили св. Гермеса в свой календарь. Подобным же образом, 9-й день того же месяца всегда праздновался язычниками как день «побеждающего солнца», и римские католики трансформировали это в имя собственное, сделав из него св. Никанора (от греческого νικάω, побеждать), которому они поклоняются 10 января.

Бедный старый Янус! Какими же растерянными должны выглядеть оба его лица при последнем ударе часов в полночь 31 декабря! Нам кажется, что мы видим эти античные лица. Одно из них обращено с сожалением в Прошлое, в быстро разрастающемся тумане которого исчезает умершее тело 1889 года. Скорбные глаза Бога с тоской провожают главные события минувшего *Annis* [года, *лат.*]: разрушающаяся Эйфелева башня; крушение «монотонных», как «десятый мул» Марка Твена, аллитераций Парнелл-Пижо; различные отречения, снятия с должности и самоубийства в королевской семье; *хиджра* аристократических Мухаммедов, и тому подобные капризы и фиаско цивилизации. Это лицо Януса — Прошлое. Другое же, лицо Будущего, пылливо обращено в иную сторону и вглядывается в самую глубь чрева Будущности; безнадежная пустота в широко открытых глазах обнаруживает неведение Бога. Нет; ни два лика, ни даже появляющиеся время от времени четыре головы Януса и их восемь глаз неспособны пронзить толщу покровов, окутывающих кармические тайны, которыми чреват Новый год с самого момента своего рождения. Чем одаришь ты мир, о фатальный 1890 год, с твоими цифрами между единицей и нулем, или, символически, между живущим человеком *erectus* [прямостоящим, *лат.*], воплощением греховных злодеяний, и материальной вселенной! ¹ «Инфлюэнца», которую ты уже заработал, очевидна для людей, способных распознать ее. Из американских новостей мы уже осведомлены о людях, ежедневно гибнущих на улицах Лондона из-за того, что они натываются на электрические провода новой «мании освещения». Не видишь ли ты, о Янус, сидящий подобно «сестре Анне» на парапете, разделяющем два года, маленького Давида, убивающего гигантского Голиафа, маленькую Португалию, убивающую великую Британию, или ее *престиж*, по крайней мере, в выжженных солнцем землях тропической Африки? Или это некий буддийский бонза из Небесной империи, протянувший руку помощи индийскому шудре, заставил тебя хмуро сдвинуть твои брови? Не

¹ Лишь когда нуль или ничто стоит самостоятельно, и ему не предшествует какая-либо другая цифра, — он становится символом бесконечного Космоса и — абсолютного Божества.

пришли ли они затем, чтобы обратить две трети англиканских священников и заставить их поклониться лазурному Кришне и Будде со слоподобными свисающими ушами, сидящими скрестив ноги на напоминающем капусту лотосе и столь ласково улыбающимися? Ибо это и есть теософские идеалы — даже, сама теософия, божественная мудрость, — искаженные в наиболее грубо материалистическом, все-антропоморфизирующем разуме среднего британского обывателя. Сколь невыразимы те ужасы, которые откроешь ты, о 1890 год, перед глазами мира? Будет ли он, непоколебимый и с усмешкой встречающий каждую жизненную трагедию, смеяться тогда, когда Янус, из-за ключа в его правой руке называемый *привратником*, стражем Небес — эту функцию он выполнял многие века, пока не превратился в Святого Петра, — использует этот ключ? Только тогда, когда он откроет одну за другой дверь в каждый из 365 дней (поистине, «тайные комнаты Синей Бороды»), которые должны стать твоим будущим исходом, о таинственный странник, только тогда народы смогут решить, был ли ты «Счастливым» или *Nefastus* [проклятым богами, *лат.*] годом.

Тем временем, пусть каждая нация, как и каждый читатель, поспешат со своими вопросами к соответствующим богам, если они, конечно, смогут приоткрыть для них секреты Будущего. Таким образом, американец, подобно Никодиму, может пойти к одному из трех своих живых и действующих воплощенных Христов, каждый из которых именуется Иисусом, процветающих ныне под усыпанным звездами знаменем Свободы. Спиритуалист волен посоветоваться со своим любимым медиумом, который может пробудить Саула или вызвать дух Деборы для пользы и информирования своего клиента. Спортсмен-джентльмен может заключить тайный договор со своим соперником, а рядовой политик посоветоваться с тайной полицией, профессиональным хиромантом, астрологом, и т. д., и т. д. Что же касается нас самих, то мы верим в числа и только в то лицо Януса, которое называется Прошлым. Ибо — знает ли сам Янус будущее? — или

...быть может, не знает он сам.

БРЕВНО И СУЧОК

Вожди слепые, оцезивающие комара, а верблюда поглощающие!.. (23:24.) И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? (7:3.)

Евангелие от Матфея

О, негодующая добродетель, рокочущая буря, разыгравшаяся в чутких душах британских и американских филантропов, до которых донеслись слухи о том, что российские власти в Сибири не столь заботливо относятся к политическим заключенным, как это следовало бы делать! Какой жуткий гвалт громких возмущений на «массовых митингах протеста», на грандиозных собраниях, осуждающих своих соседей, в то время как аналогичные злодеяния у себя на родине благоразумно замалчиваются.

На днях около 250 тысяч человек протестовало в Гайдпарке «во имя цивилизации и гуманизма» против бесчеловечного отношения к заключенным неких российских чиновников и тюремных надзирателей. Так вот, люди прекрасно понимают и разбираются в чувствах угнетенных, страдающих, бедных масс народных. И у них самих, обеспеченных от рождения и до самой смерти всем и вся, и сидящих, сложа руки, в своей весьма богатой стране, сердце кровью обливается и трепещет от боли и сострадания к «собратьям по несчастью» в других странах. По правде говоря, энергию, израсходованную на вышеуказанном митинге, можно было бы применить с большей пользой, направив ее, вероятно, против собственных местных и колониальных «сибирей» и «острогов»; но как бы там ни было, порыв был неподдельным, и каждый теософ отнесся к нему с уважением. Но каждому члену Теософского

общества не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что крокодиловы слезы сострадания, проливаемые всеми без исключения издателями, хранящими молчание в отношении злодеяний, творящихся в их стране, обрушивающими весь свой праведный гнев на злоупотребление властью и зверства со стороны русских офицеров, есть ни что иное, как сплошное лицемерие. То, что со стороны Англии и Америки в адрес России выносятся обвинения в зверствах, и на ее теле выискиваются пятна проказы — есть довольно-таки любопытный образчик моральной нечистоплотности; но то, что некоторые издатели не только поддерживают подобную позицию, но и навязывают ее вместо того, чтобы обойти благоразумным молчанием, заставляют вспомнить древнюю мудрость: «Если Боги хотят наказать человека — они лишают его рассудка». В данном случае, перед ученым, изучающим поведение человека, открывается новая вершина, и он испытывает, чувство благодарности за подобное дополнение.

Памятуя, что «Люцифер» не стремится оценивать политический аспект всей этой истории, позволим себе напомнить читателю, что с другой стороны, журнал имеет самое непосредственное отношение к моральной стороне вопроса. По существу, целью журнала является «делать все достойным гласности», и ему есть что сказать по поводу пьяного Джона и упившегося Джонатана, гневно указующих на нетрезвого Петра. Здесь автор рассуждает, в первую очередь, как теософ, а потом уже как русский человек, несколько не защищая Россию и не вынося обвинений в адрес Англии и Америки, а всего лишь правдиво освещая неоспоримые *факты*, которые вряд ли кто-нибудь станет отрицать. И именно с этих позиций автор заявляет: «Какими утешением и надеждой могли бы стать для нашего постоянно растущего общества — «Вселенского Братства Людей» — подобное проявление самых благородных и гуманных чувств, не будь все это омрачено рядом недавних событий. Если в настоящее время и возникает проблема «протеста» против русской жестокости, вся вселенская броскость благочестивого отношения к заповеди Христа «любите врагов своих» теряется из-за пренебрежения к другому наказу: «не будь, как лицемеры». В самом деле, Европа вправе задаться тем же вопросом, что и Жорж Дандин в комедии Мольера:

«Кто лжец из нас двоих»? В Европе подобными *протестами* и младенца не проведешь. Если подобное показное возмущение и способно, в определенном случае, на кого-то произвести впечатление, так это только на так называемые «низшие расы», находящиеся под отечески заботливым и великодушным правлением благожелательных белых властителей. Индусам и мусульманам, бирманцам и сингальцам, если судить по гулким раскатам эха благочестивого ужаса с Запада, и не снились кошмары тюрем и произвол русских тюремщиков, по сравнению с их собственными, особенно принимая во внимание печальной памяти известную Калькуттскую тюрьму «Блэк Хол» и Андаманские острова, в то время как несчастные, вечно протестующие негры и индейца США, гибнущие от холода и голода в обледенелых пустынях, и даже китайцы, ищущие пристанище на Тихоокеанском побережье, могли бы позавидовать судьбе «политических заключенных в Сибири»...

А какие впечатляющие картины! По другую сторону Атлантики патетическое красноречие м-ра Джорджа Кеннана, путешественника по Сибири, «который, поверьте, видел все это своими глазами!» — вышибает слезу у флагов, развешенных на улицах, и заставляет уличные фонари ползть в карман за носовым платком. Что уж тут говорить о цветном населении — краснокожих индейцах и китайцах! А по эту сторону океана, м-р Квилтер, издатель «*Universal Review*», демонстрирует свой ораторский пыл, защищая «угнетенных». Книга м-ра Адольфа Смита «Ссылка в административном порядке», по словам м-ра Стеда, «украшенная фантастическими описаниями публичного наказания плетью некой *мадам* Сигиды» (?) ¹

¹ Будь когда-либо доказан (а это не было сделано) сам факт этой порки, вне всякого сомнения, это было бы зверским и отвратительным явлением, но намного ли оно хуже того, когда полицейские пинают ногами поверженных на землю женщин, или забивают дубинками насмерть инвалидов и детей-калек? И если людям постоянно напоминают о якобы имевшей место «порке» где-то в сибирской глуши, за сотни миль от любого цивилизованного центра, сравнивая все это с официально подтвержденными «пинками и избиванием дубинками» прямо в центре самого цивилизованного в мире города, а точнее, на Трафальгарской площади, приходишь к выводу, что «хрен редьки не слаще».

и украшающая последний номер «*Universal Review*», также производит должный эффект. Движимый духом высших идеалов благородства, издатель журнала направил, как это общеизвестно, циркулярное письмо членам Парламента, пэрам, судьям, руководителям колледжей и прочим, чтобы задать им вопрос: (а) не является ли «существующая в настоящее время система ссылки в Сибирь в административном порядке позором для цивилизованной нации»; и (б) не посчитают ли необходимым вышеупомянутые должностные лица «предпринять ряд шагов, направленных на то, чтобы обратить внимание правительства Ее Величества на акты грубого произвола для того, чтобы направить царю дипломатическую ноту протеста»!

Поскольку все это относится к области политики, а мы не собираемся вторгаться в запретную область, то просто порекомендуем лицам, желающим узнать кое-что об ответах, касательно циркуляра, прочитать прекрасный отчет об этом инциденте на стр. 489 июньского номера «*Review of Reviews*»; но мы все-таки процитируем из него ряд строчек, из которых читатель узнает о том, что (1) некоторые должностные лица, к которым обращались с этим циркуляром, выразили мнение, что «ссылка в Сибирь — это ... справедливое по закону и полезное наказание ... более благотворно влияющее на преступников, чем наша (британская) система наказаний за преступления»; (2) что публичное наказание мадам Сигиды «не подтверждено фактическими доказательствами, а посему очерк, вызывающий в памяти у автора «такую жуткую по драматичности картину описания польского князя в кандалах, прикованного одной цепью с убийцей, есть не что иное, как фальшивка, судя по заявлению брата князя, сделанному им впоследствии».

Но ничем нельзя опровергнуть тот факт, что на протяжении многих лет в Англии существует иное, более оправданное публичное обсуждение проблемы, достигшее кульминационной точки в этой стране, а именно предоставление женщинам гражданских и политических прав и *обсуждение причин возникновения этой проблемы*. Большинство теософов прочитало замечательное обращение миссис Ф. Фенвик Миллер, посвященное программе «Лиги борьбы за права

женщин»,¹ а некоторые наши теософы принадлежат к этой Лиге, и есть такие, которые заявляют, что даже сейчас, когда многие, так называемые ограничения женщин в правах успешно ликвидированы, многие женщины в Англии, после столетий *каторжного труда* на своих мужей, с радостью поменялись бы местами с «мадам Сигидой», или как там ее, возможно не в качестве заключенной, *а как женщины, подвергнутой физическому наказанию*. Что такое ужас телесного наказания (там, где есть физическое насилие — *нет бесчестья, но есть мученичество*), по сравнению с целой жизнью морального и физического рабства? Кто из «женщин-рабынь»² в *свободной* Англии не променял бы с радостью свое положение женщины и матери на такое же положение в *деспотичной* России? Дамы и господа, поддерживающие широкое обсуждение в «Правах замужних женщин» в пользу билля об охране детей и прав женщины, как независимой личности и гражданина общества, а не *вещи* и «мужней рабы», которой она была и осталась поныне — разве вам не известно, что в *деспотической*, «полу цивилизованной» России права женщины по закону равны с правами мужчины, а в некоторых случаях их привилегии превосходят мужские? Что богатая замужняя женщина еще со времен правления Екатерины II и по сей день является единоличной владелицей своего состояния, и ее муж не может потратить из него ни гроша без подписи жены. Что бедная девушка, вышедшая замуж за богатого человека, имеет, с другой стороны, законное право на его имущество при жизни мужа и на определенную долю наследства после его смерти, независимо от завещания, равно как и право на алименты для себя и своих детей, *в чем бы она ни провинилась?*³ Разве вам не известно, что женщина, владеющая собственностью и платящая налоги, *обязана принимать участие в выборах* как лично, так и по доверенности? И она так прочно защищена законом, *что ребенок, родившийся у нее в течение срока до десяти месяцев, является законнорожденным* просто

¹ Национал-либеральный клуб, 25 февраля 1890 г.

² «Выступление женщин в защиту своих прав», *«Looker on»*.

³ Если развод официально не оформлен, и супруги живут раздельно, а супруг является государственным служащим, из его жалованья выплачивается определенная часть в пользу супруги.

потому, что иногда случается аномальная затяжка периода беременности, а закон составлен согласно *заповеди Христа, по которой лучше простить десять виновных женщин, чем покарать одну, которая может оказаться невиновной*. Сравним это с законами *свободной* Англии, с ее отношением к женщине, которая всего восемь-девять лет назад была попросту рабыней, у которой прав было меньше, чем у негра на плантации. Прочтите еще раз статью миссис Фенвик Миллер (*loc. cit. supra*) и дайте оценку сами. Ей никак не удавалось получить высшее образование из-за того, что всю жизнь она была обязана находиться «под опекой мужчины». У нее не было никаких прав на имущество мужа, и она утратила права на все свое имущество, *до единого пенни, хотя и заработанное своим трудом*, короче говоря, у нее не было никакого права ни на какие виды собственности, включая унаследованные или приобретенные. Человека, оставившего ее ради другой женщины и бросившего ее и детей на произвол судьбы, нельзя было заставить обеспечивать их, в то время как он имел право на каждый пенни, заработанный его женой, так как «умственные способности жены принадлежат ее мужу». Как бы он с ней ни поступал, она не имела права ни на какую компенсацию, не говоря уже о том, чтобы обратиться на него в суд с иском или даже жалобой. Более того, она не имела родительских прав как мать; английский закон признает родительские права только отца. У нее навсегда можно было забрать детей, и она не в силах была бы что-либо сделать. Слово миссис Фенвик Миллер:

«Жена в глазах закона просто не существовала... Даже «дело дошло до того, что около двух лет назад семеро судей на тайном совещании признали тот факт, что в соответствии с законом, женщина до сих пор является ничем иным, как *рабыней, не имеющей никаких прав свободного волеизъявления*... Разве это не рабство?.. Тяжкие беды и побег матери-мулатки, придуманные гениальной миссис Стоу, заставляли рыдать всю Англию; но ведь и у английских и шотландских матерей — благородных женщин, любящих матерей... — отнимали от груди детей, или им приходилось втайне бежать и жить, скрываясь в безлюдном убежище со своими малышами, ибо это было единственным способом ... для этих разбитых сердец сохранить своих любимых детей...»

Давным-давно Герберт Спенсер произнес следующее:

«Жену в Англии можно было купить с пятого по одиннадцатый век, и еще в семнадцатом веке добропорядочные мужи не считали для себя зазорным бить своих жен. Джентльмены (!) устраивали увеселительные прогулки в Брайдуэлл,¹ чтобы полюбоваться тем, как несчастных женщин подвергают бичеванию. Публично бичевание женщин было отменено в Англии лишь в 1817 году».

Между 1817 и 1890 годом лежит не столь уж большой срок. Но сколько столетий английской цивилизации, по сравнению с Россией, где только в царствование Петра Великого закончилась эпоха варварства?

Кто же тогда, кроме людей, способных эксплуатировать при помощи закона своих матерей, жен и детей, не согласится с тем, что даже в отдельном случае *наказания* женщины плетью гораздо меньше жестокости, чем в таком систематическом угнетении, пожизненном мучении миллионов *невинных* женщин и матерей как в прошлых столетиях, так и по ныне? И с какой целью? Просто ради того, чтобы оградить свои права животной похоти и вожделения, безнравственность мужчин-хозяев и законодателей. И это мужчины Англии до последнего момента отказываются отменить такие бесчеловечные законы, все еще не хотят устранить самые несправедливые из них и называют отдельный случай бичевания «позором для цивилизации»! И этот факт, если будет доказан, несомненно, явится позором, равно как позором являются безжалостные английские законы по отношению к женщине. Не вызывает сомнения то, что среди русских тюремщиков и надзирателей немало пьющих и поэтому жестоких скотов. Но мы уверены, что их не больше, чем в других странах, а может и меньше. И мы порекомендовали бы тем издателям, которые призывают направить в Россию ноты протеста, сперва вытащить бревно из глаза своей страны, а потом уже обращать внимание на сучок в глазу соседа. Ибо этот «сосед» — страна, по крайней мере, защищающая право матерей и жен, в то время как английские законы позволяют обращаться с ними, как с личным движимым имуществом мужчин, как с бессловесными тварями. И вряд ли когда-либо существовал боль-

¹ Брайдуэлл, исправительный дом. — *Прим. редактора.*

ший «позор для цивилизации», чем создание многочисленных Обществ по охране животных от зверского обращения, в то время как никто и не подумал создать хотя бы одно такое же Общество по защите женщин и детей, и наказанию подлых двуногих, коих немало во всех слоях общества, избивающих своих жен и грабящих их. И почему бы лучше не обратить внимание общества не на единичный случай «позора для цивилизованной нации», а на многочисленные аналогичные случаи, происходящие на британской земле и в Америке, такие, как, например, вызывающие отвращение отношение англичан, живущих в Индии, к миллионам местных жителей, начиная с высшей касты — браминов, и кончая низшей — париями; не менее отвратительное отношение белых американцев к своим черным согражданам или несчастным краснокожим индейцам? Каннибалы приносят меньше мук своим пленникам, чем две культурные христианские нации своим цветным братьям «низших» рас. Первые убивают свою добычу и пожирают ее — на чем и успокаиваются, в то время как белые люди в Англии и Америке ведут себя хуже убийц по отношению к своим черным согражданам и подданным: они терзают последних от колыбели и до самой смерти, отказывая людям даже в тех привилегиях, на которые те имеют право по закону, да к тому же поворачиваются брезгливо спиной и плюют как на гадов презренных. Посмотрите на несчастных краснокожих! У них самым грабительским путем отняли всю, до последнего дюйма, землю их предков, лишили полагавшихся им одеял и провианта, и оставили сотни и тысячи индейцев погибать среди гор ненужных библий от холода и голода, — что же еще остается делать несчастным жертвам, на которые не польстится ни один стервятник в прериях...

Но зачем отправляться в далекие прерии за примерами и доказательствами, когда систематические случаи телесных наказаний женщин и девушек-подростков вынуждают создавать в самой Англии особые «королевские комиссии»? Потрясающая книга писательницы Эми Рид «Руби, или о том, как девушек готовят к цирковой жизни», основанная на фактах, как заявляет автор, вызвала следующие публикации в «*Saturday Review*» (26 июля 1890 г.):

«Королевская комиссия». М-р Гейнсфорд Брюс, британский адвокат, член парламента, пообещал, что, как только будет собрано достаточное количество свидетельств, подтверждающих необходимость подобного шага, он обратит внимание палаты общин на этот вопрос, с целью убедить правительство рекомендовать Ее Величеству создание королевской комиссии для расследования и вынесения заключения относительно обращения с детьми во время их обучения на циркового наездника, акробата и «человека-змею».

«Manchester Guardian» пишет: «Руби» Эми Рид. Эта книга заслуживает внимания из-за тех обвинений, которые автор выдвигает против директора одного из цирков в частности, и директоров цирка вообще. Обвинения эти настолько серьезны, что в случае подтверждения достоверности фактов, писательнице не следует довольствоваться описанием положения только ради того, чтобы терзать души читателей. Ей необходимо собрать доказательства и свидетельства, и положить их на стол прокурору. *Miss Рид утверждает, что в случае неповиновения со стороны семнадцатилетних девушек, хозяин цирка раздевает их донага и стегает кнутом до тех пор, пока их не начинает тошнить и они, все в крови, не теряют сознание.*

Среди членов парламента, которые «позволили назвать свои имена, чтобы показать, что они желают помочь автору в ее... усилиях довести до широкой публики ужасающие факты жестокости», м-р Гейнсфорд Брюс, м-р Джекоб Брайт, сэр Ричард Темпл и др. Так вот, «мадам Сигида», или как там ее, была убийцей (политическим или нет — все равно); но эти несчастные семнадцатилетние девушки явились абсолютно невинными жертвами.

Ах, господа издатели двух культурных стран поборниц христианства, вы можете сколько угодно играть в сэра Чарльза Грэндисона — этого гибрида идеального джентльмена и добропорядочного христианина — но кто вам поверит? Ваши протесты — всего лишь непристойные намеки на христианскую этику наших дней и оскорбление учения Христа. Эти протесты есть не более чем вопиющий пример современного ханжества и грандиозного апофеоза лицемерия. Говоря словами русского поэта Лермонтова, все это представление —

...было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!

Лучше уж вы прочтите «Расы дикарей» Бертильона и «Племена каннибалов» Шарля Люмгольца — французский перевод шведской книги — если хотите узнать, в чем вас обвиняют друзья, в то время как Россию обвиняют в злодеяниях либо враги, либо завистники ее растущего могущества. Просмотрев ряд рецензий на эти произведения, нам захотелось, чтобы у наших друзей сложилось правильное представление относительно обвинений, выдвинутых против Англии, точнее, ее колоний, и соответственно, представилась возможность сравнить русский «сучок» с британским «бревном». Только мы собрались залиться краской стыда за якобы имевшие место «злодеяния» в России, которые, *если они действительно имели место*, осудит любой теософ, хотя англичане, живущие в Индии, и американцы поступают намного хуже как у себя в стране, так и в колониях, когда мы обратили вниманием на русский критический обзор вышеупомянутых произведений. Мы потратили уйму времени на то, чтобы самим прочитать эти книги. Нам, как и всему остальному миру, давно известно, насколько цивилизованно и по-христиански англичане и американцы обращаются не только со своими политическими и не политическими заключенными, а просто с самыми верно-подданнейшими согражданами, ни в чем не повинными индусами и прочими «темнокожими язычниками», трудолюбивыми, честными неграми и краснокожими индейцами, которым приписываются все грехи. Но мы и не предполагали, что нам придется узнать из опубликованных «Рас дикарей» Бертильона и «Племен каннибалов» Шарля Люмгольца.

Рассмотрим более раннее произведение. Бертильон рассказывает о Тасмании и говорит, что в 1803 году там обитало более 6.000 туземцев, а всего 69 лет спустя от них осталось всего лишь призрачное воспоминание. В 1872 году умер последний тасманец. Страна очистилась от последнего «черномазого». Как же это произошло? Вот рассказ Бертильона:

«Для того чтобы добиться столь блистательного результата, англичане не останавливались перед любым проявлением жестокости. Они начинали с того, что предложили награду в пять фунтов за голову взрослого человека и два фунта за ребенка. Чтобы успешнее справиться с охотой на несчастных туземцев, англичане привезли с собой австралийских аборигенов — злейших врагов тасманцев — и

использовали их в качестве ищеек. Но оказалось, что данный способ слишком медленный. Тогда был организован *кордон*, а точнее банда, набранная среди колонистов и из гарнизонного отребья ... и Артур, бывший в то время губернатором острова, возглавил ее. После этого развернулась самая настоящая регулярная охота на тасманцев, прямо как на диких кабанов... Туземцев загоняли по горло в воду и расстреливали, якобы случайно, а тех, кому удавалось бежать, травили мышьяком ... некоторые колонисты дошли даже до того, что собрали внушительную коллекцию черепов своих жертв, да еще и хвастались ей...»

Неизвестно, правда это или вымысел, преувеличение или нет; то же самое можно сказать и о пресловутой «сибирской порке» и проявлению жестокости к политическим заключенным. Как в последнем случае обвинения исходят от врагов России и путешественников, падких на сенсации, так и тасманская история рассказана таким же путешественником, и, кроме того, представителем нации, не особенно дружелюбно настроенной к Англии. Но вот нечто более злободневное и заслуживающее доверия, обвинение со стороны явного друга Англии и австралийцев, утверждающего, что он был очевидцем событий, — а именно, Шарля Люмгольца, в его произведении «Племена каннибалов». Мы приведем цитату из обширного русского критического обзора этой книги в газете «Новое время» от 2 (14) мая 1890 г., № 5080. Согласно газете, просветительская деятельность англичан, несущих плоды цивилизации «низшим» расам и диким обитателям островов, не завершилась на Тасмании. Вот отрывок из откровения Люмгольца, и оно омерзительно!

«В этой книге есть глава, специально посвященная взаимоотношениям английских колонистов и туземцев, да еще каких кошмарных отношений! Складывается мнение, что жизнь чернокожего человека ничего не стоит, и у него такие же права на существование, как у дикого зверя. “В глазах британского колониста”, — пишет Люмгольтц, — “убить туземца-австралийца, все равно, что убить собаку”. Более того, ни с одной собакой так не станут обращаться в Европе. У собаки, пока она не будет представлять угрозу для человека, никто не отнимет жизнь просто так. Не так обстоят дела с австралийскими аборигенами, по свидетельству шведского писателя, есть молодые люди, которые по воскресеньям устраивают за городом охоту на чернокожих и проводят весь день за таким

развлечением просто ради *собственного удовольствия*... Группа из четырех-пяти всадников устанавливает ловушки, или, загоняя дикарей в узкое ущелье, вынуждает их искать спасения на крутых отвесных скалах, и пока несчастные создания карабкаются, рискуя жизнью, по отвесным скалам, в них посылают пулю за пулей, заставляя даже легко раненных людей терять опору и падать вниз, разбиваясь и разрываясь на куски об острые выступы низ лежащих скал... Один скваттер в Длинной Лагуне прославился благодаря огромному количеству чернокожих, которых он отравил стрихнином. И это не единичный случай. Один фермер из Нижнего Херберта признался шведскому путешественнику, что он привык сжигать трупы дикарей — дабы избавиться от слишком явных улик. Но все это излишние меры предосторожности, так как, фактически, убийством считается только *убийство белого человека*. Английские колонисты постоянно предлагали Люмгольтцу подстрелить для него несколько черномазых, чтобы обеспечить его нужными для работы черепами туземцев... А туземец полностью беззащитен перед законом. “Будь я дикарем, я убивал бы всякого англичанина, попавшегося мне на пути!” — сказал нашему автору выведенный из себя англичанин, такой же очевидец событий, как и он сам. Другой путешественник в своем письме Люмгольтцу отзывается об этих британских колонистах, как о “самых отвратительных карикатурах на христиан”, — и добавляет: “англичане постоянно швыряют камушки в огород других наций за отношение тех к покоренным народам, в то время как не найдется слов, чтобы выразить весь ужас недостойного отношения самих англичан к австралийским аборигенам”».

Итак, стерев с лица земли несчастных тасманийцев, британские колонисты —

«...с жестокостью, которой позавидует и тигр, и по сей день истребляют австралийских дикарей. Когда была основана первая колония в провинции Виктория, там жило около 10.000 туземцев. В 1871 году их количество сократилось до 3.000, а к 1880 году их осталось всего около 800. Сколько их существует сейчас, мы не знаем; во всяком случае, приведенные выше цифры показывают, что цивилизованное воздействие моряков-просветителей принесло-таки свои плоды, и дело близится к завершению». «Еще несколько лет», — пишет Люмгольтц, — «и раса австралийских аборигенов исчезнет с лица земли. Английская провинция Виктория, созданная на земле черных людей, пропитанной насквозь их кровью и удобренной их костями, благодаря этому расцветет еще краше...»

Русский обозреватель заканчивает абзацем, который можно рассматривать как «зуб-за-зуб» по отношению к английскому издателю «*Universal Review*» и его коллегам. Мы приводим его *дословно*:

«Именно на такой земле проводится в жизнь колониальная политика англичан, которой они так гордятся. Эта земля, изуродованная вдоль и поперек звериной жестокостью бездушного английского колониста, ярко свидетельствует всему миру, что для того, чтобы швырять камни в огород других народов, еще недостаточно просто быть англичанином. Не мешало бы, чтобы британская душа не была столь же черной, как несчастные туземцы и та земля, которую у них отняли; а их завоевателям не следует смотреть на злосчастных дикарей как на египетские мумии кошек; то есть, как на хорошее удобрение для процветания колоний их хозяев».

И вот мы заканчиваем, оставляя клеветников и самозванных судей России наедине с их собственными мыслями. Мы побывали в Индии и во всех азиатских странах; и, как теософ, считаем своим долгом заявить, что нам нигде не удалось отыскать такой потенциальной жестокости и лицемерия, ни под коричневой, ни под черной кожей, которые сравнились бы с жестокостью и лицемерием, скрывающимися под белой эпидермой благовоспитанных европейцев, если не считать *гаривала*, касты погонщиков быков. Просветим читателя относительно основных черт характера этой касты, чтобы ему стало ясно, что это за тип человека. Гаривала принадлежат к тому образчику рода человеческого, которому язык дан для того, чтобы скрывать собственные мысли, и кто исповедует ту религию, которая служит его целям. Вознося молитвы и поклоняясь корове и быку, он не упустит возможности разоблачить перед деревенским брамином своего брата гаривала за непочтительное отношение к (священным) животным, в то время как сам крутит хвосты своим быкам до тех пор, пока эти придатки его богов не повиснут на нескольких волосках и запекшихся комках крови. Гаривала, таким образом, тот, кто должен испытывать законную гордость, исполняя отведенную ему роль по сценарию его хозяев — *барасабов*. И по мере роста раболепного одобрения политики двух наиболее цивилизованных и христианских стран, гаривала, возможно, перейдет из ранга *низшей* в ранг *высшей* расы.

Мы хотим добавить еще пару слов. Когда друзья России станут говорить о ней так же, как Люмгольтц говорит об Австралии, а другие об Индии и Америке, тогда всем честным мужчинам и женщинам в Европе нужно будет объединиться в массовых митингах справедливого протеста против зверств в России, а до тех пор англичанам и американцам можно дать очень, очень древний совет: «НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ. Ибо как скажешь брату твоему, “дай, я выну сучок из глаза твоего”, а вот, в твоём глазе бревно?»¹

¹ Евангелие от Матфея, 7:1,4. — *Прим. редактора.*

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЙЛОНА

В нижеприведенном отчете за 1888 год Уэслиской миссии в Галльском округе высокопарно отмечается:

«Величайшая мощь цейлонского буддизма заключается не в священном дереве Бо, не в жреческом сословии, не в избытке воздвигнутых храмов и даже не в священных книгах. Основное влияние на буддизм на этом острове оказывает ЖЕНЩИНА. Что-то увидеть, с чем-либо соприкоснуться, чему-либо поклониться, — все эти человеческие пристрастия встречаются в современном буддийском вероисповедании; женский инстинкт принесшей веточку священного дерева был безошибочен в этом отношении; это воззвание к прозрению завоевало толпы для Сонгхамитто. В Индии, притесняемая браминами, женщина в который раз поработана; но в Ланке наследницы принцессы никогда не теряли своей свободы. Буддистская женщина не запирается на женской половине и не лишается права свободного поклонения в богослужении. Она может беспрепятственно подниматься на вершину горы, в скале которой глубоко врезался отпечаток следа Будды, и без страха совершать паломничества к своим древним религиозным храмам. Вы видите женщин *упасак*, или ревностных поборниц белых одежд, во время *пайя* — священных дней буддизма, ведущих толпы девушек и матерей к *безмолвным идолам*. (?)¹ В доме она оберегает алтарь с изображением почившего учителя, стоящего на возвышении, убранном покрывалом. Женщина, здесь, может самоутверждаться и исполнять семейный *махасил*, три великих заповеди; или *пансил*, пять обязательных клятв; и *дасасил*, десять законов буддизма».

¹ Означает ли прилагательное «безмолвные» тот факт, что поскольку в христианском мире имеется несколько *говорящих* «идолов» — как мы могли видеть во Франции и Италии, — в то время как в буддийском мире нет ничего подобного, следовательно, христианство превосходит буддизм? К сожалению, в миссионерском «Отчете» это показано недостаточно ясно.

Цейлонская женщина, как и другая любая буддистская женщина, всегда была свободна и даже наравне с мужчиной, как сказано выше, в религиозных действиях. Но таким образом ее положение прямо противоположно положению христианской женщины на протяжении ранних столетий и средних веков. Буддийская женщина обязана своим положением благородному Будде и справедливому закону, а христианская — своей фанатичной и деспотичной церкви. В этом нас убеждает ректор университета Дональдсон, в своей статье в сентябрьском номере «*Contemporary Review*», относительно общепринятого мнения, что женщина обязана своим нынешним высоким положением христианству. По его собственному признанию, он «выразил надежду на это», но верит в это не настолько сильно, как бы ему хотелось, исторические факты противоречат этому заявлению; и он продолжает показывать, что «в течение первых трех столетий я не способен увидеть, что христианство оказывало какое-либо благоприятное воздействие на положение женщин, и наоборот, что оно способствовало унижению их личности и ограничивало сферу их деятельности».

Павла он осуждает как «женоненавистника». У вдов было почти такое же незавидное положение, как и у современных индусских вдов. В церкви женщину можно было увидеть только в трех качествах: «как мучениц, как вдов и как дьякониц», — но должность последней была чисто символической! Они не были обременены духовными обязанностями, и по закону освобождались от несения какой-либо приличествующей духовному лицу службы, такой, какая возлагалась на буддийскую женщину. «Им надлежит быть немногословными», — говорит Тертуллиан, — «и дома прислушиваться к своим мужьям».¹

Что же до вдов, выполняющих обязанности дьякониц, то им запрещалось развивать свой кругозор, и церковь говорила им:

«Вдова должна отречься от всего, но молиться за дающих и за всю паству, и на все вопросы отвечать скупой, исключая вопросы, касающиеся веры, праведности и упования в Боге... Но ее ответы,

¹ Тертуллиан всего лишь цитирует Павла.

касающиеся перечисленных догм, не должны быть необдуманно, чтобы своей неграмотной речью она не превратила бы слово в богохульство». А досуг вдовы должен сводиться к следующему: «Она должна сидеть дома, петь, молиться, читать, бодрствовать и поститься, обращаясь непрерывно к Богу в песнопениях и псалмах».

Любопытное различие обнаружилось, как подчеркивает д-р Дональдсон, и отмечают обозреватели, между языческими римлянками прошлого и христианками настоящего. Вот как он описывает «высший языческий идеал», —

более замечательный, потому что в Римской цивилизации, в свержении которой христианство сыграло не последнюю роль, женщина обладала великой силой и влиянием. Традиции предписывали ограничения, но в то же время женщина была свободна от рабских пут старых диктующих норм, и они пользовались всеми свободами, принятыми в обществе; они прогуливались и появлялись на людях в накидках, не скрывающих их лица, они обедали в обществе мужчин, они изучали литературу и философию, они принимали участие в политических движениях, им дозволялось отстаивать свои собственные суждения, если они того стоили, они помогали своим мужьям в управлении провинциями и в написании книг... Отстранение женщин от истинных священных функций стоит в поразительном контрасте с языческой практикой. В Риме жена понтифика Максима играла ведущую роль в поклонении Бона Дзе и в религиозных ритуалах, особенно в тех, которые касались женщин. Один из наиболее уважаемых священнослужителей, призванный на особое служение Богу в Риме, Фламин Диалис, был обязан жениться и должен был оставить свою должность после смерти жены, жена его также была в священном чине жрицы, и его семья была поставлена на службу Богу. И весталкам ежедневно оказывали все мыслимые знаки уважения, и была предоставлена полная свобода. Высшие должностные лица протоптали дорожку к ним, они устраивали торжественные обеды в компании понтификов, они играли в присутствии императрицы, и в их честь устанавливались памятники. Ранние христиане поделили все человечество на мужчин и женщин, причем мужчина был предназначен для высших и благороднейших целей, а женщина годилась лишь для одного. Она находилась на земле, чтобы воспламенить сердце мужчины порочной страстью. Она была брандером, вплотную подбирающимся к военному кораблю мужчины, чтобы разнести его на кусочки. Вот путь, который Тертуллиан предназначал женщинам: «Разве вам не известно, что в каждой из вас живет Ева? Божье проклятие на ваш пол переходит из века в век: также должно переходить

и осознание вины. Вы — дьявольские ворота; вы — нарушившие запрет и вкусившие запретный плод; вы — первые отступники от священного закона; вы — та, кто подбила на грех Адама, от которого отступился сам Дьявол. Вы, не задумываясь, совратили Богочеловека. Ваше изгнание, которое было равносильно потере бессмертия, явилось причиной того, что Бог послал своего единственного Сына на смерть». И кроткий Климент Александрийский нещадно лупцует ее, когда говорит: «В мужчине, наделенном разумом, нет и тени бесчестья; чего не скажешь о женщине, которую позорит даже отражение той природы, которая заключена в ней». (Любопытно отметить, что доктрина сваливания всех грехов на женщин, против которой выступают современные реформаторы, опирается, таким образом, на христианские авторитеты в этой области.)

И в заключение подведем итог апостолическим исследованиям д-ра Дональдсона и посмотрим, в чем, согласно отцам церкви, в конечном счете, заключаются функции женщин. Наипервейшей и основной обязанностью ее было находиться при доме, а не болтаться где-либо. Ей не полагалось принимать участие в празднествах. Она не могла присутствовать на брачных пирах; не могла посещать ни театр, ни публичные выступления. Ей хотелось проявить себя? Климент Александрийский советует ей: «Она может заняться прядением и ткачеством, а также, по необходимости, приготовлением пищи». Любое украшение — характерная черта «женщины, потерявшей всяческий стыд». Вынашивание детей было «опасным для веры», и считалось высшей духовной милостью для мужчины, «если он случайно терял жену» (имеется в виду — по причине смерти). Между тем, ее функция, на протяжении всей ее жизни, была ограничена. Она должна была присматривать за домом и во всем подчиняться своему мужу. («*Pall Mall Gazette*».)

Вот такое различие между незавидным и угнетенным положением в христианском мире жены, матери и дочери, наблюдавшееся в дни раннего христианства и на протяжении средних веков, и прошлым и настоящим положением женщины в буддийском мире во все времена. Также и брахманка, или индианка, обладала не меньшей свободой и была почитаема до мусульманского нашествия в Индии. До этого бедствия, постигшего Арьяварту, она была наравне с мужчиной и

обладала даже большей свободой, чем женщина на Цейлоне в настоящее время. Но положение последней, ее огромное значение в своей семье так хорошо известно христианскому миссионеру и прозелиту, что он пытается использовать это знание с выгодой для себя. Так, описывая это завидное положение «Отчет Уэслианской миссии» неожиданно раскрывает свои позиции в следующем замечании:

«Буддизм будет оказывать жизненно важное влияние на Цейлоне, пока женская половина населения не станет более христианизированной и образованной. Откройте тысячу школ для девочек на этой земле и умело воспитайте одно поколение, и раньше чем через тридцать лет мы увидим, что приходы наших церквей удвоятся, и в количественном, и в качественном отношении. Не ошибаются ли миссионеры в своих прогнозах? Это — девушка, мать и женщина, которая остается верной своей религии, и все же это можно успешно видоизменять и развивать; и если женщина делает так много ради мертвого БУДДЫ и бессердечного вероисповедания, насколько больше она сможет сделать для живого Христа, вездесущего спасителя, истинного избавителя от греха и смерти». [!!]

Не удивительно, что это весьма искреннее высказывание их чаяний и стремлений гневно осуждается *буддистами* Коломбо, с которыми нам довелось общаться. Цитированная рекомендация беззаветной преданности и благочестия наших сингалезских сестер вызвала бурю возмущения всего буддийского населения острова, как ортодоксального, так и теософского. Вот что говорит наш современник:

«Большая часть из того, что изложил здесь миссионерский писатель — правда, и обязательства, которые Цейлон выполняет по отношению к своим преданным буддийским дочерям, нельзя преувеличить. В течение периода, когда так много его сыновей вынуждены были поклоняться иностранному ярму, навязанному им, изменяя высшему своему призванию и попустительствуя беспрецедентному господству, несмотря на свое неотъемлемое право, подавляющее большинство цейлонских женщин продемонстрировало верность и преданность нашему великому Учителю, сплотившись вокруг Его знамени и удерживая поднятый факел правды твердой рукой. Это — несмотря на беспринципное использование христианством всей своей власти и богатства, они, в конечном итоге, выстояли, не допустив обращения своих сыновей в униженные суеверия наших завоевателей — показывает, как велика роль женщины и как важна работа,

предпринимаемая Женским образовательным обществом. Цель, преследуемая Обществом, заключается в спасении восходящего поколения дочерей Цейлона от коварных ловушек хитрых миссионеров и гарантии того, что матери будущего будут склоняться не только к традиционному служению, но и к разумному вероисповеданию в религии, и когда эта цель будет полностью достигнута, сладкоречивые обманщики, которые с таким дьявольским искусством пытаются заманить слабовольных в вероотступничество, смогут упаковать свои саквояжи и возвратиться назад, и стараться христианизировать и цивилизовывать свою собственную землю (которая, к сожалению, нуждается в их помощи, по общему мнению), и заниматься этим до скончания веков. Затем, когда тень анчарного дерева христианства, с сопутствующим ему ужасающим кровопролитием и пьянством, отодвинется от незапятнанного острова, мы сможем надеяться на светлое будущее мира — мира счастья и возрожденной религии, который будет великолепным соперником нашей древней истории. И может быть, этот день скоро наступит!

Выражения антагонизма по отношению к протестантским миссионерам, которые везде гнут свою линию, звучащие отовсюду горечью и нетерпением для западных ушей, могут быть оправданы по причине затянувшегося похода общественных демагогов, которые являлись последователями евангелических трудов португальских, немецких и английских завоевателей «Прекрасной Ланки». Не только раскол семей и конфискация собственности, но и массовые убийства, грабежи и гонения занесены в длинный перечень этих попыток искоренения национальной религии и вытеснения ее экзотерическим христианством. Как у вальденсов и альбигойцев была весомая причина ненавидеть само имя римского католицизма, так и у потомков пострадавших от христианского гонения не менее веская причина связывать миссионерскую деятельность с наиболее жестокими и отвратительными деяниями.

ПРОГРЕСС И КУЛЬТУРА

В сравнении с убогим дикарем —
Что для меня превратности погоды?
По праву я наследник всех времен,
Идут за нами следом все народы...

* * * *

Вперед! Нам светит путеводная звезда,
Для нас мир полон будет перемен всегда.
Сквозь тень к дню новому вершит Земля свой бег,
Полвека для Европы больше, чем для Китая век...

Теннисон

Мы, принадлежащие к веку, претендующему на то, что он есть XIX век *нашей* эры, очень гордимся нашим прогрессом и цивилизацией, — церковь и духовенство приписывают их пришествию христианства: «Если вычеркнуть христианство со страниц человеческой истории», — говорят они, — «то чем тогда были бы его законы и его цивилизация?» Увы; «нет ни одного закона, который бы не был обязан своей правдой и мягкостью христианству, ни одной традиции, которая не восходила бы во всех своих священных и целебных свойствах к Евангелиям».

Сколь абсурдный повод для гордости, и как легко это опровергнуть!

Чтобы поставить под сомнение такое утверждение, следует лишь вспомнить, что наши законы основываются на законах Моисея — жизнь за жизнь и зуб за зуб; воскресить в памяти законы *святой* инквизиции, то есть, сожжение несметного числа еретиков и ведьм по малейшему поводу; вспомнить мнимое право богатейшего и сильнейшего продавать своих слуг и своих ближних в рабство не для того, чтобы достигнуть проклятия, наложенного на Хама, но чтобы просто «купить

предметы азиатской роскоши, поддерживая рынок рабов у сарацинов»;¹ и, наконец, *христианские* законы, которые по сей день поддерживаются в Англии и провозглашают социальную и политическую *недееспособность* женщин. Кроме того, как и в блаженные дни наших невежественных предков, мы встречаем сегодня такие отборные примеры самого беззастенчивого *хвастовства*, как этот: «Мы говорим о нашей цивилизации, наших искусствах, нашей свободе, наших законах, и совершенно забываем, *в сколь значительной мере все это обязано христианству*» (Роуз).

Совершенно верно! «наши законы и наши искусства», — но не «наша цивилизация» и не «наша свобода». Никто не мог бы опровергнуть утверждение о том, что они были достигнуты, невзирая на ужасное сопротивление церкви в течение долгих веков, и перед лицом ее громких и многократных анафем против цивилизации, свободы и их защитников. И все же, невзирая на факты и на правду, она упорно продолжает настаивать на том, что высокое положение (?!) христианской женщины по сравнению с ее «языческой» сестрой — это целиком и полностью заслуга христианства! Если бы это было так, то это в лучшем случае было бы слабым комплиментом той религии, которая пытается вытеснить и заменить собой все остальные. Однако, поскольку это не так — Лики, наряду со многими другими серьезными и правдивыми писателями, показывает, что «во всем феодальном законодательстве (христианства) женщины были поставлены *во много более низкое юридическое положение, чем в языческой империи*», — то чем охотнее и чаще будет упоминаться этот факт, тем будет лучше

¹ «Взгляд на состояние Европы в течение средних веков» Г. Г. Хэллэма, члена Королевского Академического общества, стр. 614. Автор добавляет: «Это занятие было свойственно не только для венецианцев. В Англии было весьма обычным явлением поставлять рабов в Ирландию даже после завоевания Англии норманнами; лишь в царствование Генриха II ирландцы пришли к соглашению о прекращении ввоза рабов, которое положило конец этой практике». И далее, в примечании: «Уильям Мальмсберийский обвиняет англосаксонских дворян в том, что они продают своих служанок, даже когда они беременны от них, в рабство иностранцам». Это христианский образ действий, в полном смысле слова, подобный тому, как Авраам поступил с Агарью!

для этой очевидной истины. Кроме того, наши церковные законы, как уже было сказано, испещрены Моисеевыми заповедями. Это *Левит*, а не римское право, является творцом и вдохновителем законодательства, по крайней мере, в протестантских странах.

Карлейль говорит, что прогресс — это «живое движение». Это правда; но это так только при условии, что никакая мертвая сила, никакой труп не будет препятствовать свободе этого «живого движения». Ныне церковь, со своим бескомпромиссным консерватизмом и бездуховностью, — это не больше, чем мертвое тело. Поэтому она препятствовала и будет мешать истинному прогрессу. На самом деле, пока церковь — заклятый враг этики Христа — была у власти, вряд ли был возможен вообще какой-нибудь прогресс. И только после Французской революции началось благоприятное развитие действительной культуры и цивилизации.

Те дамы, которые требуют день за днем и ночь за ночью с таким искренним и страстным красноречием на собраниях Лиги защиты женского избирательного права своей законной доли прав, как матерей, жен и граждан, и все же участвуют в воскресных «божественных» службах, — в лучшем случае совершают бесполезную работу по бурению отверстия сквозь толщу морской воды. То, что они должны заниматься этим, вызвано вовсе не законами этой страны, но законами церкви и, главным образом, их самих. Это *карма* женщин нашей эпохи. Она была порождена Марией Магдалиной, получила свое практическое выражение в руках матери Константина, и обнаруживает вечно обновляющуюся силу в каждой королеве и императрице «по милости Божьей». Иудейское христианство обязано своей жизнью женщине — *une sublime hallucinée* [возвышенной мечтательнице, *франц.*], как называет ее Ренан. Современный протестантизм и римский католицизм опять-таки обязаны своим незаконным существованием находящимся под властью священника и ходящим в церковь женщинам; матерям, которые учат своего сына его первому библейскому уроку; жене или сестре, которые заставляют своего мужа или брата сопровождать себя в церковь и капеллу; эмоциональной и

истеричной старой деве, поклоннице любого популярного проповедника. И все же предшественники последнего в течение пятнадцати веков позорили женщин с каждой церковной кафедры!

В октябрьском номере «Люцифера» за 1889 год, в статье «Женщины Цейлона», читатель мог прочитать мнение Дональдсона, ректора университета св. Андрея, о той деградации, которую претерпели женщины благодаря христианской церкви. Вот что он откровенно говорит в «*Contemporary Review*»:

«Преобладает такое мнение, что женщины достигли своего нынешнего высокого положения благодаря христианской церкви. Я обычно верил этому мнению. Но я не могу увидеть, каким образом христианство оказало в первые три столетия какое-либо благоприятное влияние на положение женщин, но напротив, я вижу, что имело склонность принижать их качества и ограничивать пределы их деятельности».

Сколь же справедливо тогда замечание Хелен Х. Гарденер о том, что в Новом Завете «слова сестра, мать, дочь и жена являются всего лишь именами позора и бесчестья»!

То, что все вышеизложенное является фактом, можно увидеть из различных сочинений, и даже из некоторых еженедельных изданий. В разделе «Смесь» журнала «Агностик», в его последней рубрике «Наобум» приводятся красноречивые доказательства того же самого, предлагая десятки цитат. Вот некоторые из них:

Миссис Мэри А. Ливермор говорит: «Ранние отцы церкви осуждали женщин как вредных животных, обязательно злобных и представляющих опасность для дома».

Лики говорит: «Неистовые ругательства, направленные против слабого пола, составляют значительную и весьма гротескную часть сочинений святых отцов».

Миссис Стэнтон полагает, что святые книги и священнослужители учат тому, что «женщина является создателем греха, который [в тайном сговоре с дьяволом] вызвал падение человека».

Гембл утверждает, что в четвертом веке священнослужители весьма серьезно обсуждали этот вопрос: «Следует ли называть женщину человеческим существом?»

Но пускай христианские отцы говорят сами за себя. Тертуллиан обращается к женщинам в следующей, весьма лестной, манере: «Вы врата дьявола, вы открыватели запретного древа, первые нарушители божественного закона. Вы совратили того, на кого не осмеливался напасть сам дьявол. Вы разрушили образ Божий — человека».

Климент Александрийский говорит: «Становится стыдно при размышлении о том, какова природа женщины».

Григорий Чудотворец говорит: «Один человек из тысячи может быть чистым; женщина — никогда».

«Женщина — это орган дьявола», — св. Бернард.

«Ее голос — это шипение змеи», — св. Антоний.

«Женщина — это инструмент, который дьявол использует, чтобы завладеть нашими душами», — св. Киприан.

«Женщина — это скорпион», — св. Бонавентура.

«Врата дьявола, путь порока», — св. Иероним.

«Женщина — это дочь лжи, страж ада, враг мира», — св. Иоанн Дамаский.

«Из всех диких зверей самое опасное — это женщина», — св. Иоанн Златоуст.

«Женщина обладает ядом кобры и злобой дракона», — св. Григорий Великий.

Разве это удивительно, при таких наставлениях отцов христианской церкви, что ее дети *не должны* «смотреть на женщин как на равных, и считать их равными мужчинам»?

И вместе с тем, это эмоциональные женщины, даже в нашу эпоху прогресса, остаются, как и всегда, главными помощниками церкви! Более того, они являются единственной причиной того, если верить библейской аллегории, что вообще есть какое-либо христианство и церкви. Подумайте только, где они были бы, если бы наша мать Ева не отнеслась со вниманием к словам Змея-искусителя. Прежде всего, тогда не было бы греха. Во-вторых, если бы Дьявол не оказывал противодействия, не было бы необходимости вообще в каком-либо Воскресении, и никакая женщина не имела бы «потомства», чтобы оно могло «попрать своими ногами голову змея»; и, таким образом, не было бы ни церкви, ни Сатаны. Ибо, по словам нашего старого друга кардинала Вентуры де Раулика, Змей-Сатана — «это одна из фундаментальных догм церкви, и она служит основой для христианства». Уберите эту основу, и все ее усилия погрузятся в темные воды забвения.

Таким образом, мы обвиняем церковь в неблагодарности по отношению к женщине, которая стала добровольной мученицей; ибо если для наделения ее избирательными правами и свободой было необходимо более чем среднее мужество сто лет назад, то сегодня для этого требуется совсем немного — всего лишь твердая решимость. На самом деле, если древние и современные писатели могли быть уверены в действительной культуре, свободе и чувстве собственного достоинства, то женщина нашего века ставит себя намного ниже древней арийской матери, египтянки — о которой Уилкинсон и Бакли говорят, что она имела величайшее влияние и социальную, религиозную и политическую свободу среди своих сограждан, — и даже римской матроны. Покойный Пери Чанд Митра показал, с «Законами Ману» в руках, до какого превосходства и почета были возвышены женщины древней Арьяварты. Автор книги «Женщина древнего Египта» рассказывает нам, что «с самых древних времен, о которых мы можем что-либо узнать, женщина Египта была наделена свободой и независимостью, о которых современные народы только начинают мечтать». Приведем еще раз цитаты из рубрики «Наобум»:

Сэр Генри Мэн говорит: «Никакое общество, которое сохранило какую-либо примесь христианских установлений, никогда, вероятно, не сможет восстановить ту личную свободу замужней женщины, которая была дарована им римским правом».

За дело «женских прав» боролись в Греции за пять столетий до Христа.

Х. Х. Гарденер говорит: «Если языческий закон признавал ее [жену] равной своему мужу, то церковь отказалась от этого закона».

Лики говорит: «В легендах древнего Рима мы имеем достаточные свидетельства высшего морального уважения к женщинам и их выдающегося положения в римской жизни. Трагедии о Лукреции и Вирджинии показывают такую изысканную благочестивость и такое чувство высшего превосходства незапятнанной чистоты, которые не смог превзойти ни один христианский народ».

Сэр Генри Мэн говорит в своих «Древних законах», что «неравенство и угнетение в отношении женщин исчезли из языческого законодательства», и добавляет: «в результате положение римской женщины стало отличаться высокой личной и хозяйственной независимостью; но христианство с самого начала имело склонность к ограничению этой замечательной свободы». Далее он говорит, что

«юристы того времени боролись за лучшие законы для жен, но во многих случаях побеждала церковь и устанавливала наиболее угнетающие и подавляющие законы».

Профессор Дрейпер, в своей книге «Интеллектуальное развитие Европы», приводит такие факты возмутительного обращения с женщинами со стороны христианских мужчин (включая и представителей духовенства), что пересказывать их было бы с моей стороны в высшей степени нескромно.

Монкур Д. Конвей говорит: «В истории нет более жестокой главы, чем та, которая свидетельствует о приостановке христианством естественного развития европейской цивилизации в том, что имеет отношение к женщинам».

Церковный историк Неандр говорит: «Христианство ослабляет влияние женщины».

Таким образом, в достаточной мере доказано, что христианство (или, скорее, «приверженность к церковным обрядам») принесло женщине вместо «возвышенного» положения — положение *унизительное*. Не считая этого, женщине не за что благодарить его.

А теперь — один добрый совет ко всем членам Лиги и других обществ, занимающихся правами женщин. В нашу эпоху культуры и прогресса все это показывает, что только в *единстве* заключена сила, и что тиранов можно свергнуть только их собственным оружием; и что, наконец, мы находим, что нет ничего лучшего, чем «забастовка» — пусть все борцы за права женщин забастуют и дадут себе обет, что их нога не ступит в церковь или капеллу до тех пор, пока их права не будут восстановлены и их равенство с мужчинами не будет признано законом. Мы предвидим, что не пройдет и шести месяцев, как каждый епископ будет работать в парламенте столь же ревностно, как и на своем месте, чтобы выдвинуть законопроект о преобразовании и чтобы он был принят. Тогда закон Моисея и Талмуда будет разрушен во славу — **ЖЕНЩИНЫ**.

Но что такое на самом деле культура и цивилизация? Идея Диккенса о том, что наши сердца столь же благодетельствованы щебеночным покрытием, как и наши ботинки, —

оригинальна скорее с литературной, чем с афористической точки зрения. Это неправильно в принципе, и это опровергается в природе самим фактом, что в грязных деревнях есть много больше добросердечных и благородных мужчин и женщин, чем в Париже или Лондоне, чьи улицы покрыты щебнем. Истинная культура духовна. Она исходит изнутри наружу, и если человек не является благородным по своей природе и не стремится к духовному прогрессу прежде, чем он начнет осуществлять его на материальном или внешнем плане, такая культура и цивилизация будут не больше, чем побеленные гробницы, наполненные костями мертвецов и разлагающимися останками. И какая же духовная или интеллектуальная культура может быть, если догматические вероисповедания являются государственными религиями и навязываются под страхом позора огромным сообществам «верующих». Никакая догматическая секта не может быть прогрессивной. Если догма не является выражением универсального и доказанного факта в природе, то это не более чем ментальное или интеллектуальное рабство. Тот, кто признает догмы, несомненно, в конце концов, сам станет догматиком. И, как хорошо сказал Уоттс:

«Догматический дух побуждает человека к осуждению своих ближних... Он становится склонным презирать своих корреспондентов, как людей с более низким и темным уровнем понимания, потому что они не верят в то, во что верит он».

Все вышеизложенное ежедневно находит свое подтверждение в фанатичных церковниках, священниках и раввинах. Говоря о последних и о Талмуде в связи с прогрессом и культурой, мы отмечаем несколько необычных статей в «*Les Archives Israelites*», ведущем издании французских евреев в Париже. В них неминуемый упадок любого прогресса, вызванного фанатизмом, становится столь очевидным, что после прочтения некоторых статей, подписанных такими знаменитыми людьми культуры, как Ф. Кремье («*Clericalisme et Judaisme*»), А. Франк, член Научного общества («*Les Juifs et l'Humanité*»), и особенно статьи Илии Аристида Астриюка,

«Grand rabbin de Bayonne, grand rabbin honoraire de la Belgique», и т. д. («Pourquoi nous restons Juifs»), никто не сможет обнаружить ни малейшего следа прогресса в нашем веке, или сохранить даже самую слабую надежду стать свидетелем того, что христиане предпочитают называть нравственным возрождением евреев. Эта статья (не говоря уж об остальных), написанная человеком с исключительно высокой репутацией в области учености и таланта, несет в себе свидетельства того, что такое интеллектуальная культура *минус* духовность. Статья адресована французским евреям, которые считаются наиболее прогрессивными представителями своего народа, и наполнена горячими и страстными апологиями талмудического иудаизма, всецело пропитанными исключительным религиозным самомнением. Ничто не может приблизиться к такому самовосхвалению. Она препятствует любому нравственному прогрессу и духовному обновлению в иудаизме; она открыто призывает этот народ развивать более чем когда-либо бескомпромиссную исключительность, и пробуждает темнейшую и наиболее нетерпимую форму невежественного фанатизма. Если таковы взгляды лидеров евреев, обосновавшихся во Франции, в очаге цивилизации и прогресса, какая же надежда остается для их единоверцев в других странах?

Любопытна статья «Почему мы остаемся евреями». В ней А. Астриук, ученый автор, торжественно уведомляет читателей, что евреи должны *nolens volens* [волей неволей, *лат.*] оставаться евреями, так как никакая из существующих религий не могла бы «соответствовать гению этого народа». «Если мы намерены отпасть от иудаизма», — убеждает он, — «где та другая вера, которая смогла бы руководить нашими жизнями?» Он говорит о той звезде, которая однажды встала на Востоке и привела магов в Вифлеем, но спрашивает: «Может ли Восток, некогда колыбель религий, дать нам сегодня истинную веру? Никогда!» Затем он переходит к анализу ислама и буддизма. Первый он считает слишком сухим по своей догматике и чересчур ритуалистическим по форме, и показывает, что он никогда не мог бы удовлетворить еврейский разум. Буддизм, с его устремленностью к нирване, рассматриваемой

как величайшая реализация блаженства и «в высшей степени непонятым сознанием небытия», (?) кажется ему слишком негативным и пассивным.

Мы не будем останавливаться для того, чтобы обсуждать эту новую фазу метафизики, то есть, феномен *небытия*, наделенного самосознанием. Лучше посмотрим на анализ автором двух форм христианства — римского католицизма и протестантизма. Первый, со своим учением о Троице и догмами о Божественном Воплощении и Воскресении, непонятен «свободному разуму еврея»; последний слишком разобщен в своих бесчисленных сектах, чтобы стать когда-либо религией будущего. Он говорит, что ни одна из этих двух вер «не могла бы удовлетворить еврея»; таким образом, этот раввин умоляет своих единоверцев оставаться верующими в иудаизм, или закон Моисея, так как эта вера является *лучшей и наиболее спасительной из всех*; короче говоря, она есть, по его выражению, «наивысшее выражение человеческой религиозной мысли».

Эта сверх-фанатичная статья привлекла внимание некоторых «христианских» газет. Одна из них резко критикует автора за то, что *он боится догматов только лишь потому, что человеческий разум неспособен понять их*, как если бы «любая религиозная вера всегда должна строиться на разуме»! Это хорошо сказано, и это указывало бы на по-настоящему прогрессивную мысль, появившуюся в уме данного критика, если бы его истолкование веры в догмы не было бы их *bona fide* [добросовестной, *лат.*] защитой, которая слишком далека от того, чтобы быть отражением философского прогресса. Далее, мы рады сообщить, что русский рецензент защищает буддизм от нападок раввина.

«Насколько мы поняли, наш почтенный друг совершенно не прав в своей недооценке буддизма, или в том, что он считает его бесконечно более низким, чем иудаизм. Буддизм, с его духовным устремлением ввысь и аскетическими наклонностями, вне всякого сомнения, при всех своих недостатках, духовнее и человечнее, чем когда-либо был иудаизм; особенно современный иудаизм, с его недружелюбной исключительностью, темным и деспотичным *кагалом*, его мертвящим талмудическим ритуализмом, который является еврейской заменой для религии, и его определенной ненавистью ко всякому прогрессу». («Новое время»).

Это правильно. Это, во всяком случае, показывает зарождение духовной культуры в журнализме страны, которая до сих пор считается *полу-цивилизованной*, в то время как пресса полностью цивилизованных народов, как правило, дышит религиозной нетерпимостью и предубеждением, если не ненавистью, всякий раз, когда заходит разговор о *языческой философии*.

И что же, в конце концов, значит *наша* цивилизация перед лицом грандиозных цивилизаций прошлого, ныне достаточно удаленного и забытого, чтобы дать повод нашим современникам для самоудовлетворения весьма комфортной идеей о том, что вообще никогда не было никакой настоящей цивилизации до появления христианства? Европейцы называют азиатские нации «низшими»; потому что среди всего прочего они едят руками и не используют носовые платки. Но как давно мы сами, христиане, перестали есть своими пальцами и начали сморкаться в батистовые платки? С самого своего появления и до конца восемнадцатого века христиане либо оставались в неведении относительно вилки, либо презирали ее использование. И все же в Риме времен цезарей цивилизация была выше по своему развитию, и нам известно, что если на пирах Лукулла, знаменитых своей великолепной роскошью и пышностью, каждый гость брал свой сочный кусочек, погружая свои пальцы в блюдо с редкостными яствами, то гости французских королей делали то же самое до самого последнего века. Почти 2000 лет прошли между Лукуллом и языческими цезарями с одной стороны, и последними Бурбонами с другой, и все же преобладали те же самые личные привычки; мы обнаруживаем то же самое при блестящих дворах Франсиска I, Генриха II, Людовика XIII и Людовика XIV. Французский историк Альфред Франклин приводит в своих интересных томах «*La Vie privée d'autrefois du XII au XVIII siècles, les Repas*, и т. д.», массу любопытной информации, в особенности об этикете и правилах приличия, существовавших в эти столетия. Тот, кто вместо того, чтобы с изяществом использовать три своих пальца, вылавливал кусок пищи из блюда при помощи всей своей руки, в такой же степени грешил против правил прили-

чия того времени, как тот, кто засовывает нож себе в рот при еде, в наши дни. Наши предки имели очень твердые правила относительно чистоплотности: например, три пальца были *de rigueur* [обязательными, *франц.*], и их нельзя было ни облизывать, ни вытирать о жакет, но следовало очищать и вытирать после каждого блюда «о скатерть». Шестой том сочинений этого автора знакомит читателя со всеми деталями различных обычаев. Современная привычка мыть руки перед обедом, — которая, по правде говоря, существует ныне лишь в Англии, — была строго *de rigueur* не только при дворе французских королев, но являлась общим правилом и должна была повторяться перед каждым новым блюдом. Эту службу исполняли при дворах гофмейстеры и пажи, которые держали в своей левой руке золотой или серебряный таз и лили своей правой рукой из кувшина (сделанного из того же материала) ароматную теплую воду на руки обедающих. Но так было в царствование Генриха III и IV. Двумя веками позже, перед лицом прогресса и цивилизации, этот обычай исчезает, и его сохраняют только при дворах представители высшей аристократии. В XVI веке он начинает выходить из употребления, и даже Людовик XIV ограничивал свое омовение использованием мокрой салфетки. В среде *буржуа* он совершенно исчез, и Наполеон I мыл свои руки лишь один раз перед обедом. Сегодня ни одна страна кроме Англии не сохранила этот обычай.

Насколько же чище примитивные народы, например, индусы, и особенно брахманы, при еде, чем мы. Они не пользуются вилками, но они моются целиком и полностью заменяют свою одежду перед тем, как садятся за обед, в течение которого они постоянно моют руки. Никакой брахман не стал бы есть обеими руками или использовать во время еды свои пальцы для какой-либо другой цели. Но европейцам восемнадцатого века необходимо было напоминать, как мы видим это в различных сочинениях по этикету, о таком простом правиле: «Считается неподобающим, и даже непристойным, дотрагиваться до носа, особенно когда он полон нюхательного табака, во время обеда» (*loc. cit.*). И все же брахманы — это «язычники», а наши предки — христиане.

В Китае местные вилки (палочки для еды) применялись за тысячу лет до нашей эры так же, как и сегодня. А когда же вилки были приняты в Европе? Вот что сообщает нам Франклин:

«Даже в начале нашего века жареное мясо еще ели пальцами. Монтень отмечает в своих «Опытах», что он не раз кусал себя за пальцы, как обычно, торопясь во время еды. Вилка была известна во времена Генриха III, но редко применялась до конца прошлого столетия. В приданом жены Карла Красивого (1324) и Клеменсы Венгерской было лишь по одной вилке; у герцогини Турской их было две, а Чарльз V (1380) и Чарльз VI (1418) имели среди своих столовых приборов лишь три золотые вилки — для фруктов. У Шарлотты д'Албрей (1514) их также было три, но, однако, они никогда не использовались».

Немцы и итальянцы стали использовать вилки для еды на сто лет раньше, чем французы. Англичанин Корнет был весьма удивлен, когда он во время своего путешествия по Италии в 1609 году увидел «странного вида, неуклюжие и опасные орудия, называемые вилокми» и используемые местными жителями во время еды. В 1651 году мы обнаруживаем, что Анна Австрийская отказывается использовать это «орудие» и ест вместе со своим сыном (Людовиком XIV) пальцами. Вилки получили широкое применение только в начале нашего века.

Но тогда куда же должны мы обратиться за подтверждением этого лживого утверждения, что мы обязаны нашей цивилизацией, нашей культурой, нашими искусствами, науками и всем остальным, возвышающему и благотворному воздействию христианства? Мы не обязаны ему ничем — вообще ничем, ни материально, ни морально. Прогресс, которого мы достигли до сих пор, имеет отношение в каждом случае к чисто физическим приспособлениям, к предметам и вещам, но не к *внутреннему* человеку. Мы обладаем сегодня всяческими удобствами и комфортом жизни, которые потворствуют во всем нашим чувствам и тщеславию, но мы не находим в христианстве ни одного атома нравственного усовершенствования с самого начала установления религии Христа. Так же как

ряса не делает из человека монаха, так и отказ от старых богов не делает людей сколь-либо лучшими, чем они были до того, и, быть может, только хуже. В любом случае, оно создало новый вид лицемерия — *ханжество*; и цивилизация вовсе не распространилась так широко, как об этом заявляют. Лондон цивилизован, но на самом деле — только в Уэст-Энде. Что же касается Ист-Энда, с его нищим населением и с безлюдными трущобами Уайтчепела, Лаймхауса, Степни и т. д., то они в такой же степени некультурные и варварские, какой была Европа в ранние века нашей эры, и, кроме того, его обитатели знакомы с такими видами жестокости и грубости, которые не были известны людям первых веков, и которые никогда и не снились самым худшим дикарям или современным языческим народам. И в то же время это наблюдается в каждой из столиц христианских государств, в каждом городе; снаружи глянец и лоск, внутри грубость и низость — поистине, это плод Мертвого моря!

Простая истина заключается в том, что слово «цивилизация» — это очень широкий и неопределенный термин. Подобно добру и злу, красоте и уродству, и т. д., цивилизация и варварство — понятия весьма относительные. Ибо то, что для китайца, индийца или перса выглядело бы верхом культуры, рассматривалось бы европейцем как вопиющий недостаток хороших манер и ужасное нарушение общественного этикета. В Индии путешественник испытывает чувство отвращения, когда он видит, как местные жители пользуются пальцами вместо носового платка. В Китае император испытывает сильную тошноту, принимая европейца, который тщательно прячет в свой карман продукт выделения своих слизистых желез. В Бомбее пуританская английская женщина смотрит, покраснев от стыда, на узкие обнаженные талии, голые колени и ноги местной женщины. Приведите брахманку в современный танцевальный зал — скажем, «Queen's Drawing-room» — и посмотрите на тот эффект, который на нее это произведет. За несколько тысяч лет до нашей эры амазонки танцевали Круговой Танец вокруг «Великой Матери» во время мистерий; дочери Шилох, обнаженные по пояс, и пророки Ваала, лишенные своих одежд, подобным образом кружились и прыгали на сабейских праздниках. Все это просто символизировало дви-

жение планет вокруг солнца, но сегодня это подвергнуто позору как *фаллический танец*. Но как же в таком случае будут расценивать будущие поколения наши современные танцы в танцевальных залах и излюбленный *вальс*? В чем состоит разница между древними жрицами бога Пана, или вакханками, со всеми остальными священными танцорами, и современными жрицами Терпсихоры? И в самом деле, мы видим ее весьма незначительной. Последние, почти по пояс обнаженные, танцуют сходным образом свои «круговые танцы», вращаясь и совершая круговые движения вокруг танцевального зала; единственная разница между ними состоит в том, что первые исполняли свой танец отдельно от представителей противоположного пола, в то время как танцующие вальс женщины по очереди сжимаются в объятиях незнакомых мужчин, которые не являются ни их мужьями, ни их братьями.

Сколь же непостижимы твои таинства, о, сфинкс прогресса, называемый современной цивилизацией!

БРАК И РАЗВОД В РЕЛИГИОЗНОМ, ПРАКТИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В глазах многочисленных Соломонов общества м-р А. Ричард представляет весомую силу, призванную под религиозной личиной превозносить в каждом столетии авторитет Библии для оправдания любых постыдных деяний. Они ссылались на нее, поддерживая рабство, и они ссылаются на нее, оправдывая внебрачное сожительство и распутство. Данный автор рассматривает брак со всех позиций, уделяя особое внимание анималистической точке зрения. Освещая вопрос, он допускает «свободу совести» (как верно подмечено, исключительно для *сильного пола*). Фактически это означает для мужчин полную свободу половых отношений, торговлю женщиной как вещью и ослабление связи, которую многие считают священной и нерасторжимой, в противовес бездуховной свободной любви и тому образу жизни, который предоставляет вечная профессия, уготовленная *слабому полу*.

В литературном отношении эта работа может быть и оригинальна, но в ней заложен принцип еще более мрачный, чем в основании общества мормонов. Возможно, это отвечает чаяниям рядового мусульманина, хотя вряд ли удовлетворит каждого второго (а то и *каждого десятого*) христианина.

Наши представления о взаимоотношении полов зиждутся на нашей социальной системе, и так как у разных народов совершенно несхожие нравы и убеждения, то естественно полагать, что и данные взаимоотношения будут отличны от наших. И действительно, взгляды и обычаи относительно брака у разных народов весьма разнообразны, но из них можно вывести основное для всех правило, согласно которому, опускаясь по шкале цивилизации, значение семьи падает, а рода — возрастает.

М-р Ричард приводит весьма подробную, хотя и надуманную во всех отношениях, разработку обсуждаемой им темы. Он исходит из предпосылки о *непогрешимости* Библии и на этом основании оправдывает позицию церкви. Действуя в таком ключе, он дословно следует суждению св. Августина: «*Ego vero Evangelio non crederem; nisi me catholicæ Ecclesiæ commoveret auctoritas*». ¹ Оба, и католический святой, и протестантский автор, тем не менее, размышляя о душе и порочном круге, каждый выносит суждение со своей колокольни. Справедливости ради отметим, что в Ветхом Завете существует разница между временными и постоянными законами.

«Благословение Бога, снизошедшее на брак Адама и Евы». В самом деле? Автор благоразумно умалчивает об отношении Всемогущего к этому браку. Сотворив прежде солнце, луну и другие необходимые вещи, которые «были очень хороши», Создатель не выразил подобного одобрения Еве, своему конечному творению. *Незаконная любовная связь* Авраама с Агарью (не говоря уже об отвратительной связи Лота со своими дочерьми) «никак не осуждается в Книге Начал». Полигамия (это касается также и кровосмесительных браков) «была признана и допущена Моисеевым законом, но не распространялась на женщин», — продолжает наш *авторитет*. И если *имел место* один подход, то был также и другой, и мы докажем это.

Давида, к сведению автора, упрекали за его *прелюбодеяние*, но не за *многоженство*(!). Жены и наложницы Соломона были предоставлены ему как «вещь необходимая». Символизм мистических невест, олицетворяющих собой силы природы, снова игнорируется *pur sang* [истинным, *франц.*] сторонником буквального понимания закона. Перейдем к Новому Завету. Христос не отвергал полигамию, его апостолы тоже. Только первосвященник выражал свое неодобрение этому. Нигде в Библии нет четко выраженного запрета на этот счет, и м-р А. Ричард считает, что это вопрос открытый, такой же спорный, как прыжки с парашютом или фондовая биржа. *Utrum horum tavis accipe.*²

¹ «Для меня авторитет католической церкви превышает авторитета Евангелий».

² «Каждый выбирает для себя то, что ему больше нравится».

Это показывает, к чему ведет *библейская* религия, опирающаяся не на основы морали, а на мертвую букву закона. Затем автор, затрагивая вопрос о расторжении брака, ссылается на «Исход», XXI, 2, 7, и «Второзаконие», XXI, 10, XXIV, 1, и делает вывод, что отсюда видно, что при определенных условиях допускалось внебрачное сожитие. Также в случае необходимости поощрялся и развод. Автор, похоже, намеренно игнорирует учение Христа, отменяющее закон Моисея и недвусмысленно запрещающее брак с разведенным лицом. Во всех своих суждениях м-р А. Ричард исходит из протестантской морали и рассматривает англиканскую церковь как *ἐντελεχεια*.¹ Греческая и римская церкви во внимание не принимаются, оставаясь в стороне, затушеванными или разделанными по его прихоти и желанию.

Далее автор более подробно рассматривает вопрос о разводе, хотя и умалчивает о существенном различии между разрывом *vinculum matrimonii* [брачных уз, *лат.*] и прекращением *mensa et thoro* [духовных отношений, *лат.*]. Однако, отдавая должное его стремлению неукоснительно следовать церковным предписаниям англиканской церкви, следует все же признать, что он показывает, как свободные отчасти пары могут быть введены в биологический план «генного разнообразия». Также в этой работе поднимается теологическая проблема соответствия-несоответствия, предположительно являющаяся главной движущей силой для совершения обряда, который некоторые называют таинством, и которая должна быть взвешена и обдумана более других при заключении брачного договора. Автор, однако, не поясняет, о каком браке идет речь.

А теперь рассмотрим данный вопрос с другой стороны. Давайте посмотрим на него с точки зрения женщины и ее попранных священных прав; а также с точки зрения истины и беспристрастного анализа.

Кровожадные древние евреи, похотливые иудеи, описанные в Ветхом Завете, следовали первобытному инстинкту и воспринимали особь женского пола как *предмет* для захвата и эксплуатации, от которого агрессору, как правило, мало проку. Творимые во время их кровавых войн беззакония соверша-

¹ *Энтелехия*, причина всего сущего.

лись под водительством «Господа Бога» (см. Осия, XIII, 16), доведенные, как и все остальное, до апогея христианскими захватчиками. Женщина могла быть собственностью любого мужчины в племени. «Книга Руфь», если посмотреть на нее глазами большинства иудеев, в литературном отношении, бесспорно, насаждает принцип полиандрии [многомужия]. Окультисты, конечно, знают его истинное значение; женщина, между тем, верит в его мертвую букву, находя полное оправдание настойчивому требованию своих прав на осуществление на деле полиандрии в том же самом *авторитетном* источнике.

Иудеи, согласно их собственным свидетельствам, имели в тот исторический период как полигамию, так и полиандрию, несмотря на то, что в социальной практической жизни и то, и другое запрещалось им Торой, или Законом.

Когда этот закон нарушался отдельными личностями, то их проступок охотно оправдывался гласом «Божиим». Точно также как рабство, приносящее доход в карманы американских рабовладельцев, покрывалось всем духовенством, оправдывающим чудовищные притязания жителей южных штатов текстами Библии. Каждый иудей мог иметь много жен или мужей, и рядом с храмом невыразимого יהוה возводились храмы Ваалу и Иштар, проповедники Израиля (не Иудеи) пронесли Тайную и Священную Доктрину сквозь множества злоключений. Они были настоящими хранителями Истины, в которую они были посвящены. Окружавшие их иудеи не ведали об этой доктрине, и их основные религиозные отправления заключались в продаже голубей, обмене денег и забивании скота в храме древнего Иерусалима. Но по-настоящему возвышенные самаритянские тексты повествуют о поклонении Богу Истины. Хижина, построенная на вершине холма в виде божественного круга, или ☉, указывает верующим, где и как поклоняться божеству. Эти танаимы (посвященные) пытались протестовать против грубого влияния иудеев, но самозванцы твердо уверовали, что земля обетованная изобилует молоком и медом, и что, оставшись на востоке, они могут быть истреблены арабами. День Кармы настал, и иудеи были последовательно поработены сначала вавилонянами, затем

римлянами и, спустя несколько столетий, христианами. Значение ⊙ приходило в забвение. Первое время иудеи соблюдали видимую благопристойность, следуя внешнему поведению римских куртизанок, от которых они могли набраться нравственности даже менее чем на собственной земле. Мы видим, что во времена Цицерона (*Oratio pro Flacco*)¹ у иудеев в сексуальных отношениях были различные моральные принципы, даже более низменные, чем у римлян, погрязших в распутстве, последние всегда опасались проявления такого сенсуализма [сластолюбия] в своей среде. Полигамия еще дозволялась римскому воину, но полиандрия для римской матроны — это уж слишком. Римский народ еще не пал так низко, хотя из-за контакта с аморальными иудеями, а также из-за погрязших в распутстве высших слоев Империи, поддавался соблазну. Но зарождающийся христианский аскетизм определил место женщины, особенно замужней, исходя из обоих оснований. Мы можем отнести правила поведения, насаждаемые Новым Заветом, к любому вышеперечисленному источнику. Они объединены в систематическую догму, которая и поныне имеет место, хотя в настоящее время, как этого и следовало ожидать, весьма незначительное. Закон, по крайней мере, предписывает моногамию. Иудейский обычай наконец-то упразднен, и, во всяком случае, внешне, по сравнению с жизнью, которую вели ветхозаветные патриархи и цари, современный человек сделал шаг вперед в нравственном совершенствовании.

Как доказывает А. Ричард, у Христа не было намерения немедленно и совершенно отменить Моисеев закон, касающийся данной темы.

Говоря о Библии как об источнике морали и проводнике истины, он призывает своих читателей отказаться от убеждения, что полигамия осуждается каким-либо авторитетом или текстом «Священного Писания». В доказательство он ссылается на самого Христа, который не осуждал свободу полигамии. Он признает, что некоторые вопросы, касающиеся брака, особенно относительно евангелических принципов их решения, поднимались в ранние дни христианской церковью. Спустя четыре или пять лет после того, как апостол Павел ос-

¹ Речь в защиту Флакка.

новал церковь в Коринфе во время своей длительной остановки там, затянувшейся на полтора года, собраты написали ему письмо с просьбой о дополнительных разъяснениях и советах относительно некоторых теоретических и практических вопросов; особое внимание уделялось некоему аспекту, касающемуся вопроса брака. Павел, зная, что большинство из них были иудеи, которые не придерживались максимы *nón cuius homini contingit adire Corinthum*,¹ все же отметил один порок, которым печально прославились коринфяне — проституция. Он рассматривал тему смешанных браков в манере, которая после была сформулирована и развита поколениями богословов в тенденцию, хотя и не доведенную до конца на практике. М-р А. Ричард очень долго и нудно обсуждает аргументацию св. Павла. Но поскольку он опирается на почву личной интерпретации, сходную с позицией Фальстафа: «То и хорошо для вас, что когда все поверят в это, вы сможете посмеяться над ними», все возвращается на круги своя. Серьезность, с которой автор нагромождает одну цитату на другую, чтобы подвести доказательство под свою извращенную доктрину, приводит на ум надутых престарелых пуританских проповедников, которые, гневно выступая против женских головных уборов, щедро перемежали свою речь словами из Библии. Пусть он витает в облаках! Но мы призываем вас: спуститесь на землю! Пока мы не докопаемся до его предпосылок, мы не в праве принять его аргументацию. Отметим лишь, что, вероятно, нет такой формы помрачения человеческого разума, или причудливого поведения, которое нельзя было бы оправдать при помощи соответствующих манипуляций с текстами Священного Писания.

Автор, исходя из человеческих инстинктов, рассматривает брак не только как приятный во всех отношениях, но и как необходимый для человеческого существования. И из этого он делает вывод, что все жизненные процессы должны найти свое завершение в браке. Роман, который не заканчивается бракосочетанием, единодушно признается слабым средним английским обывателем. Идея, выраженная в древнеиндусских *кумарах* и архангеле Михаиле, отказавшихся от воспроизводства детей, практически сошла на нет в современном

¹ «Не всякому человеку удается попасть в Коринф».

обществе. Непрекращающаяся борьба слабой половины человечества не за реализацию их конечной цели, т. е. за свободу духовного эго от рабства материи, а за улучшение условий их существования, вероятно, будет продолжаться так долго, пока нынешняя раса продолжает наводнять поверхность земли. Окультурное женское начало, заключенное в непорочном луче, исходящем из Невыразимого Имени, напрочь игнорируется современными людьми, которые, вступая в брак, размягчающий сердце, затем расторгают союз, что ведет к ожесточению того же самого органа. Высшая степень человеческого состояния — невинность — и скрывающийся за этим предмет гордости, приносятся в жертву чувственным наслаждениям и материальным выгодам брака. Последнее соображение становится наиболее частым двигателем в наше время. Автор настолько прозаичен, что он не может представить себе возвышенное человечество, для которого не будет разницы между землей и небом, в котором никто не будет жениться или выходить замуж, и популяция вселенной будет уменьшаться до тех пор, пока последний из живущих не сольется с Эйн Софом. Вместо этого он представляет брак как приятное и доступное для всех удовольствие, подобно шестипенсовой телеграмме. Ограничения, которые наиковарнейший миссионер устанавливает для полигамии, вряд ли стоит принимать в расчет. Всем лицам рекомендовано обзаводиться семьей как можно раньше и чаще, и всем дано право участвовать (пока не вмешаются мальтузианцы) в задаче, сформулированной в Библии: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю».

Не ясно, что же думает автор о проблеме перенаселения; ведь большая половина человечества голодает, терпит лишения и совершает преступления!

Древних иудеев менее всего заботила своя собственная индивидуальная канонизация. Если их дом был полон ребятишек, да у соседа имелось кое-что, к чему они приложили старание, то высшие помыслы еврейской расы были удовлетворены. Мы видим это на примере непрерывного и постоянного фаллицизма иудеев, который достиг своего апогея в гедонизме [жажде наслаждений] и роскоши, из которых формируется *summit bonum* [наивысшее благо, лат.] среди еврейской расы и их христианских подражателей. Взять хотя

бы романы Авербаха или Биконсфилда. Повсюду на их страницах сверкают золотые фонари, богатые ковры устилают полы под ногами, воздух наполнен ароматами роскошных яств, соблазняющих пресыщенный аппетит, дорогие напитки возбуждают угасающий разум, прекрасные женщины прельщают взор, и все это для убажания мужчины. Нет ничего зазорного в стремлении к лучшему образу жизни. Но не хотелось бы слишком часто следовать примеру древних египтян, которые на пиршественных столах выставляли человеческие черепа для напоминания о бренности сущего. Священный урок, содержащийся в аллегории: *tene, tene, tekel, upharsin*, выведенный на стене Неведомой Рукой, — забыт. Плотское наслаждение, желание обладать увиденным и блеск роскоши прельщают многих, и приобретение подобных привычек, которые делают человека уязвимым воздействию традиционного дьявола, решительно отвергаются теми, кто стремится к достижению высшей цели, а также теософскому образу жизни. Тем, кто считает, что нынешнее поколение доросло до того, чтобы воспринять любую мысль или идею, можно привести слова св. Поликарпа: *Illos vero indignos puto, quibus rationem reddam*,¹ или как это выразил Гете:

О самом сокровенном никогда
Не говори в присутствии глупца.

В одной этой книге, написанной в нашем столетии, напичканной цитатами из Библии, заключена более опасная для общества безнравственность, чем во всем собрании сочинений Золя. Убийственно отвратительная атмосфера плотской распущенности исходит из этой работы; еще один не внемлет, что бракоразвод осуждается любым архиепископом или самым захудалым епископом, не говоря уже о Книге Судей.

Те, кто когда-либо задумывались над идеей иного существования; кому, быть может, открылся посредством до сих пор неразвитых способностей человека не только внешний мир, но и внутренний, кажутся невероятными аргументы в защиту полигамии, хотя бы они и подтверждались текстами из Ветхого и даже из Нового Завета. Мысли людей различны и

¹ «И все же я считаю их недостойными, чтобы объяснять им».

многогранны; и мы можем только сожалеть о появлении такой книги. Приведенные выше аргументы в защиту полигамии возвращают человека к животному состоянию, к простому проявлению звериных инстинктов и влечений. Эта наивысшая цель, которой может достичь человек, является кульминацией аморальности данного столетия, осененного *мертвой буквой Библии*.

Иудейская раса получила по заслугам. Их народное достояние, в том числе и Книги Моисея, было разграблено фанатиками ранних христиан, и, согласно древним пророчествам, было освистано, гонимо и исковеркано даже имя Единого. И теперь, подобно золотому плоду в волшебной сказке, Библия, некогда вся наполненная живительным соком, ссохлась, не понятая и отторгнутая алчным едоком, постепенно скатывается к выделению смертоносного яда от мертвых букв и к заражению последних чистых вод, которые, какими бы тихими они ни были, все еще сохраняются в наши дни в сердцах христианского мира. Кажется, все, что протестантское христианство ассимилировало из «священной Библии» — это изощренное коварство и раболепную защиту эгоистичных и скотских страстей, таких как полигамия и *узаконенные* грабительские войны — по воле еврейского «Господа Сил»!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО НЕ ЦЕРКОВНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Толстой — это великий мастер художественного слова и великий мыслитель. Вся его жизнь, его сердце и разум были заняты одним жгучим вопросом, который в той или иной степени наложил свой болезненный отпечаток на все его сочинения. Мы чувствуем его омрачающее присутствие в «Детстве, отрочестве, юности», в «Войне и мире», в «Анне Карениной», пока он окончательно не поглотил его в последние годы его жизни, когда были созданы такие работы, как «Моя исповедь», «В чем моя вера?», «Что делать?», «О жизни» и «Крейцера соната». Тот же самый вопрос горит в сердцах многих людей, особенно среди теософов; это поистине — вопрос самой жизни.

«В чем смысл, цель человеческой жизни? Каков конечный исход неестественной, извращенной и лживой жизни нашей цивилизации, такой, какая навязана каждому из нас в отдельности? Что мы должны делать, чтобы быть счастливыми, *постоянно* счастливыми? Как избежать нам кошмара неизбежной смерти?»

На эти вечно стоящие вопросы Толстой не дал ответа в своих ранних сочинениях, потому что он сам не нашел его. Но он не мог прекратить бороться, как это сделали миллионы других, более слабых или трусливых натур, не дав ответа, который, по крайней мере, удовлетворил бы его собственное сердце и разум; и в пяти вышеназванных работах содержится такой ответ. Это ответ, которым на самом деле не может довольствоваться теософ *в той форме, в какой его дает Толстой*, но в его главной, основополагающей, насущной мысли мы можем найти новый свет, свежую надежду и сильное утешение. Однако для того, чтобы понять ее, мы должны вкратце

проследить тот путь, посредством которого Толстой достиг того мира, который был им найден; ибо пока мы не сможем ни *почувствовать*, ни понять те внутренние процессы, которые привели его к этому, его решение, подобно любому другому решению жизненной проблемы, останется мертвой буквой, чисто интеллектуальной словесной концепцией, в которой полностью отсутствует жизненная сила; простой спекуляцией, лишенной живой истины и энтузиазма.

Подобно всем думающим мужчинам и женщинам нашего времени, Толстой утратил веру в религию в детстве; ибо такая утрата детской веры — неизбежная в жизни каждого человека — не является, как правило, результатом глубокого размышления; это скорее естественное следствие нашей культуры и нашего общего жизненного опыта. Он сам говорит, что его вера исчезла, и он не знает, как. Но его юношеское устремление к этическому усовершенствованию, продолжало сохраняться еще около десяти лет, постепенно забываясь и, в конце концов, совершенно исчезло. Видя вокруг себя торжествующие амбиции, любовь к власти, эгоизм и чувственность; видя презрение и насмешливое отношение ко всему тому, что называется добродетелью, добротой, чистотой и альтруизмом, и не способный ощутить ни внутреннее счастье и наполненность, ни внешний успех, Толстой шел по пути, которым движется мир, поступая так, как, он видит, поступают другие, принимая участие во всех порочных и низменных поступках «благопристойного мира». Далее он обращается к литературе, становится великим мастером слова, наиболее преуспевающим писателем, пытаясь, как он сам рассказывает, скрыть от себя свое собственное невежество, поучая других. В течение нескольких лет он продолжал совершать такое подавление своей внутренней неудовлетворенности, но перед ним все более часто, все более мучительно вставал этот вопрос: Для чего я живу? Что я знаю? И с каждым днем он все яснее видел, что он не может дать на него ответ. Ему было пятьдесят лет, когда его отчаяние достигло наивысшей точки. Находясь на вершине своей славы, счастливый муж и отец, автор многих прекрасных сочинений, наполненных глубочайшим знанием людей и жизненной мудрости, Толстой осознает невозможность дальнейшего продолжения жизни.

«Человек не может вообразить себе жизнь без желания благополучия. *Желать* и приближать это благополучие — это и есть *жизнь*. Человек исследует в жизни только то, что он может в ней улучшить».

Наша наука, напротив, изучает только *тени* вещей, а не их истинную сущность; и, находясь в заблуждении, что это второстепенное и неважное является существенным, наука искажает идею жизни и забывает о своем истинном предназначении, состоящем в проникновении именно в *эту* тайну, а не в изучении того, что сегодня открывается, а завтра — забывается.

Философия говорит нам: «Вы являетесь частью человечества, поэтому вы должны со-участвовать в развитии человечества и в реализации его идеалов; цель твоей жизни совпадает с целью жизни всех других людей». Но как это может помочь мне узнать, что я живу для того же, для чего живет и все человечество, если мне *не* сказали, *что это такое, для чего должно жить человечество?* Почему существует мир? В чем состоит результат того, что мир существует и будет существовать? Философия *не* дает ответа.

Скептицизм, нигилизм, отчаяние — в эту сторону уводят подобные мысли думающего человека, если он ищет последнее слово Мудрости в науке и философии различных школ. Таково, также, *реальное*, внутреннее, ментальное состояние, в котором находятся многие люди как внутри, так и вне Теософского общества.

По отношению к этой проблеме жизни Толстой разделяет людей в целом на четыре класса: (1) некоторые, обладающие слабым и незрелым интеллектом, счастливо живут в своем невежестве — для них проблема жизни, как таковая, не существует; (2) другие достаточно осознают и понимают эту проблему, но намеренно отворачиваются от нее, поддерживаемые благоприятными внешними обстоятельствами, позволяющими им пройти по жизни как бы в состоянии опьянения; (3) третью группу составляют те люди, которые знают, что смерть лучше, чем жизнь, прошедшая в заблуждении и невежестве; но они продолжают жить, потому что они не имеют достаточной силы для того, чтобы положить внезапный конец этому обману — жизни; (4) наконец, существуют сильные и стойкие натуры,

которые осознают весь идиотизм этого фарса, который разыгрывается с ними, и одним ударом кладут конец этой глупой игре.

«Я ничего не мог бы сделать», — говорит он, — «только думать, думать о том ужасном положении, в котором я находился... Мое внутреннее состояние в это время, которое вплотную привело меня к самоубийству, было таково, что все, что я сделал до тех пор, все, что я все же смог бы сделать, казалось мне глупым и дурным. Даже то, что было для меня наиболее дорого в этой жизни, что столь долго уводило и отвлекало меня от жестокой реальности — моя семья и мое творчество — даже это утратило для меня всякую ценность».

Он, наконец, выбрался из этой пропасти отчаяния.

«Жизнь — это все», — заключил он, — «я, сам мой разум является созданием этой всеобщей жизни. Но в то же самое время Разум — это создатель и последний судья человеческой жизни, *присущий ей самой*. Каким же образом тогда разум может отрицать смысл последней, не отрицая самого себя и не называя себя лишенным смысла? Следовательно, я могу назвать жизнь бессмысленной лишь потому, что я не познал ее смысл».

Убежденный в том, что у Жизни *есть* смысл, Толстой ищет его среди тех, кто *действительно живет* — среди людей. Но здесь он снова встречается с разочарованием, горчайшим из всех, поскольку именно здесь была его последняя надежда. Ибо среди людей он обнаружил единственное решение проблемы жизни, которое покоилось на представлении о вселенной, *противоположной разуму*, и основывалось на слепой вере, которую он так давно отбросил в сторону.

«Я подверг», — рассказывает он, — «*дополнительной проверке* представления моего разума и обнаружил, что Разум в недостаточной степени отвечает на мои вопросы, поскольку он не рассматривает концепцию Бесконечного (Беспричинного, Вневременного и Внепространственного), потому что он объясняет мою жизнь, проходящую во времени, пространстве и причинной обусловленности, опять-таки в терминах времени, пространства и причинности: такое объяснение на самом деле является логически корректным, но только лишь в терминах тех же самых компонентов, то есть, оставляя исходное и конечное основание жизни — единственное, что нас волнует и интересует — необъясненным. Религия, напротив, делает прямо

противоположное: она не признает логики, но знает концепцию Бесконечного, с которой соотносит все сущее и, в некоторой степени, дает правильные ответы. Религия говорит: Ты должен жить согласно закону Божию; результатом твоей жизни будет или вечное мучение, или вечное блаженство; смысл твоей жизни, которая не уничтожается после смерти, состоит в соединении с Бесконечным Божеством... Концепция Бесконечного Божества, божественности души, зависимости человеческих поступков от Бога — таковы представления, которые зародились в сокровенной глубине человеческой мысли, и без которых не было бы никакой жизни, и я также не смог бы существовать».

«Но что же такое Бог? На какой последовательности мыслей основывается вера в его существование и в зависимость человека от него? Если я есть», — рассуждает Толстой, — «тогда должен быть смысл моего бытия, и смысл для такого основания, и некий первичный смысл, и это и есть Бог. Я чувствую успокоение; мои сомнения и сознание своего сиротства в жизни исчезли. Но когда я спрашиваю себя: что есть Бог? Что я должен делать по отношению к нему? — Я обнаруживаю лишь *банальные* ответы, которые снова разрушают мою веру... Но я имею в себе концепцию Бога, сам *факт* и *необходимость* такой концепции, — и никто не может лишить меня этого. Однако откуда же эта концепция? Откуда же ее необходимость? Эта необходимость является самим Богом. И я снова чувствую радость. Все вокруг меня живет и имеет свой смысл. Представление о Боге — это поистине не сам Бог; но *необходимость* создания этого представления, стремление к познанию Бога, благодаря познанию которого я и живу, — *это* и есть Бог, живой и дающий жизнь Бог... Живя в этой мысли, ты действуешь как проявление Бога, и тогда твоя жизнь будет свидетельствовать о существовании Бога».

Толстой вновь обрел веру, «очевидность незримого», и его религиозная вера выражалась в течение трех лет его жизни в полном соответствии с наиболее строгими предписаниями православной церкви. Но, в конце концов, обнаружив, что церковь и все христианское общество в целом поступает прямо противоположно его главным представлениям об истинной Религии, он оторвался от православия и захотел понять, в чем состоит для него Истина в Религии, путем изучения Нового Завета.

Но прежде чем обсуждать те заключения, к которым он пришел, рассмотрим сначала фундаментальную позицию Тол-

стого с теософской точки зрения. Его аргумент о существовании Бесконечного Бога как необходимого «первоначального основания» человеческого разума, полностью совпадает с аргументами теософов о существовании Космического или Универсального Разума, и, как аргумент, он не доказывает ничего сверх того. Зараженный западной привычкой к чувственности, он приписывает Универсальному Разуму антропоморфные черты, которыми последний не может обладать, и, таким образом, сеет семена неестественности и приводит к выводам о тех практических действиях, к которым он пришел впоследствии. В главном он прав; но в попытке удовлетворить требования своей эмоциональной натуры, он впадает в квазиантропоморфизм. Для нас, однако, более важно обратить внимание на ту горькую картину, нарисованную им, отражающую те ментальные страдания, которые сегодня мучают каждого честного и искреннего мыслителя, и на то, что он указывает путь, единственный путь, на котором возможно спасение. Ибо, исходя из его основной концепции, мы приходим, при тщательном и внимательном рассуждении, к фундаментальным представлениям теософского учения, как мы это увидим впоследствии.

Но вернемся к религиозным открытиям Толстого. Изучая Евангелия, он обнаружил самую суть учения Иисуса в Нагорной Проповеди, понятой в своем буквальном, простом смысле, «таким, что даже маленький ребенок понял бы его». Он рассматривает как совершенное выражение христианского закона Милосердия и Мира, заповедь, «не противься злу», которая для него является наиболее точным проявлением *истинного* христианства, и эту заповедь он называет «единственным и вечным законом Бога и людей». Он также указывает, что задолго до появления исторического Иисуса, этот закон был известен и признан всеми руководителями человеческой расы.

«Прогресс человечества в направлении добра», — пишет он, — «совершается теми, кто переносит страдания, а не теми, кто их причиняет».

Такова суть религии Толстого; но мы будем иметь больше возможностей проникнуть в ее истинный смысл и оценить

вытекающие из нее практические выводы после того, как мы рассмотрим, во-первых, его учение о религиозном счастье, и, во-вторых, его философию жизни.

Я верю, говорит Толстой: (1) что счастье на земле зависит единственно от выполнения учения Христа; (2) что осуществление этого учения не только возможно, но легко и исполнено радости. Счастье, учит он, это любовь ко всем людям, единение с ними, а зло — это нарушение такого единства. Любовь и единство являются естественными человеческими состояниями, в которых находятся все люди, которых не сбивают с пути ложные учения.

Такие представления изменили все его отношение к жизни; все, к чему он ранее стремился, все то, что считается столь значимым в мире — честь, слава, культура, богатство, возросшее качество жизни, окружающей обстановки, пищи, одежды, манер, — все это утратило свою ценность в его глазах, и вместо всего этого он начал почитать то, что *мир* называет дурным и низменным — простоту, бедность, недостаток культуры. Но истинная сущность его учения лежит в концепции Всеобщего Братства человечества.

Согласно Толстому, *Жизнь* означает стремление человека к благополучию, к счастью, причем счастье, как мы видели, может быть достигнуто посредством исполнения заповедей Иисуса. Глубинное значение этих заповедей состоит в истинной жизни, а следовательно также и в истинном счастье, состоящем — не в сохранении чьей-либо индивидуальности, а — в ее поглощении Всем, Богом и Человечеством. Поскольку Бог — это Разум, христианское учение может быть сформулировано следующим образом: подчиняй свою личную жизнь разуму, который требует от тебя безусловной любви ко всем существам.¹

Личная жизнь, та, которую осознает и которую желает только собственное «Я» человека, — это животная жизнь; жизнь разума — это человеческая жизнь, существование, приходящее человеку в соответствии с его природой. Максима, за-

¹ Это абсолютно та же самая доктрина, которой учил Будда и все остальные посвященные, включая Платона. Этот факт был понят Толстым, хотя он и не придал ему должного значения.

вершающая стоическую философию, — живи в соответствии с природой, согласно твоей *человеческой* природе, — имеет в виду то же самое. Учения мудрейших законодателей: брахманов, Гаутамы Будды, Конфуция, Лао-Цзы, Моисея, — содержат такое же объяснение жизни и предъявляют такое же требование к человеку. Ибо с древнейших времен человечество осознавало мучительное внутреннее противоречие, которое ощущали в себе все те люди, кто стремился к личному благополучию. И поскольку, к сожалению, нет иного способа разрешить это противоречие, кроме перенесения центра тяжести существования¹ человека *от* своей индивидуальности, которая никогда не может быть сохранена от разрушения, к вечному Всему, то становится понятным, почему все мудрецы прошлого, так же как и величайшие мыслители последних веков, создали учения и нравственные законы, идентичные по своему общему смыслу, ибо они видели лучше всех остальных людей и это противоречие, и его решение.

Нетрудно увидеть, в чем состоит основное противоречие личной жизни. То, что является для человека наиболее важным, то единственное, чего он хочет, то, что — как ему кажется — единственно *живет*, а именно, его индивидуальность, разрушается, потому что скелет, рассыпаясь, *не* оставляет ничего за «собой»; в то время как то, чего он *не* хочет, что не является для него ценностью, чью жизнь и чье благоденствие он *не* ощущает, — внешний мир борющихся существ, — оказывается именно тем, что имеет продолжение, поистине живет.

После пробуждения разумного сознания, которое раньше или позже может произойти в каждом человеке, он осознает ту пропасть, которая проходит между животной и человеческой жизнью; он понимает это все полнее и полнее, пока, в конце концов, — на высшем уровне сознания, — фундаментальное противоречие жизни не будет осознано лишь как *кажущееся*, принадлежащее единственно к сфере животного существования, и смысл жизни, который безуспешно искал «личный» человек, наконец, становится открытым. Он обнаруживается не с помощью логических выводов, но — интуи-

¹ Там, где твое сокровище, будет и твое сердце.

тивно. Духовно пробужденный или возрожденный человек внезапно обнаруживает себя перенесенным в вечное, вневременное состояние жизни чистого «Разума»,¹ в котором не может быть больше никаких иллюзий, противоречий, загадок... Разумная жизнь, как первоначальная и единственная истинная жизнь, является также *нормальной* жизнью человека, и человек как таковой лишь в той степени может быть назван «живущим», в какой он подчинил животное в себе законам разума; и это точно так же, как и животное *действительно живет* только тогда, когда оно подчиняется не только законам того вещества, из которого состоит его тело, но и высшему закону органической жизни... Если однажды было осознано, что верховенство, особенно в человеческой жизни, безусловно, принадлежит не личности, но разуму, то тогда нет ничего сверхчеловеческого в следовании *естественному* закону человеческой жизни, и в отношении и в использовании в качестве *средства* того, что *является* просто средством для истинной жизни, а именно — личности... Но может возникнуть вопрос: для чего же тогда мы имеем личность, если мы должны отказаться от нее, отрицать ее? Затем, чтобы личность, подобно любому средству, могла служить *просто* как способ для достижения цели, — и другой ответ здесь невозможен. Личность — это не что иное, как «лопата», которая дана разумному существу, чтобы копать ею, чтобы она затуплялась при этом копании и затем снова затачивалась, чтобы ею пользоваться, а не для того, чтобы она была чистой и хранилась без употребления. *Использовать* средство в качестве средства — это не означает *отрицать* его, но значит просто поставить ее на службу соответствующей цели, то есть разуму.

Такова философия жизни Толстого, одинаковая в своей основе с учением теософии. Но, испытывая недостаток в универсальности последней, имея слишком сильную склонность к искаженным и фрагментарным изречениям лишь одного Учителя Мудрости, философия Толстого оказалась бессильна руководить им на практике и, как показывает изучение его трудов, в действительности привела его к внутренним противоречиям. Однако, эти внутренние противоречия, находясь лишь

¹ В значении «нозтической жизни» у Платона.

на поверхности, на одном лишь физическом плане, имеют сравнительно небольшое значение по сравнению с тем действительным избавлением от иллюзий (в которых живет большинство из нас), которое он совершил.

Недостаток места делает невозможным осуществить полное детальное сравнение между взглядами Толстого и аналогичными теософскими взглядами. Каждый читатель «Люцифера» может проделать это самостоятельно, и мы только добавим, что эссе д-ра Вон Коебера, из которого почерпнут материал для настоящего весьма беглого очерка, является достойным внимательного изучения каждого, кто может читать на немецком языке. Хотя надо сказать, что в Приложении, посвященном той же теме, д-р Хьюбб Шлейден показывает недостаток оценки и понимания истинного духа и значения Толстовской мысли и действия, который, кажется, указывает то же самое неправильное представление природы *реальной* «мистики», которое может быть замечено в других эссе того же автора.

ДИАГНОЗЫ И ЛЕКАРСТВА

«То, что мир ныне пребывает в столь ужасном нравственном состоянии, является убедительным доказательством того, что никакая из его религий и философий, у цивилизованных народов еще менее чем у всех остальных, никогда не обладала истиной. Правильное и логичное объяснение этого вопроса, проблем великих дуальных принципов, — правды и неправды, добра и зла, свободы и деспотизма, боли и удовольствия, эгоизма и альтруизма, — столь же невозможно для нас, как и 1881 год назад: они столь же далеки от своей разгадки, как и всегда...»

Из хорошо известного теософам
неопубликованного письма.

Не нужно принадлежать к Теософскому обществу для того, чтобы признать убедительность вышеприведенного замечания. Общепринятые убеждения и верования цивилизованных наций распространяли свое ограничивающее влияние почти на все слои общества; но у них никогда не было никакого другого ограничителя, кроме физического страха: ужаса теократических тисков и адских пыток. Возвышенная любовь к добродетели, ради самой добродетели, замечательные примеры которой мы обнаруживаем у некоторых древних языческих народов, никогда столь полно не расцветала в христианском сердце, так же как и многочисленные постхристианские философы, за немногими исключениями, не отвечали требованиям человечности. Поэтому нравственное состояние цивилизованной части человечества никогда не было *хуже*, чем теперь, — и даже, мы полагаем, в период упадка Римской империи. Поистине, если наши величайшие учителя в вопросах человеческой природы и лучшие писатели Европы, такие про-

нищательные психологи — истинные вивисекторы человеческой морали — как граф Толстой в России, Золя во Франции, и предшествующие им Теккерей и Диккенс в Англии, не преувеличили факты — а против чересчур оптимистичного взгляда на этот счет мы имеем записи уголовных и бракоразводных судебных процессов вдобавок к конфиденциальным заседаниям миссис Гранди «за закрытыми дверями», — тогда эта внутренняя гнилость западной морали превосходит все то у древних язычников, что всегда подвергалось осуждению. Посмотрите внимательно, посмотрите у разнообразных древних классиков и даже в писаниях отцов церкви, переполненных ненавистью к язычникам, — и для каждого порока и преступления, приписываемого последним, будет найден в архивах европейских трибуналов современный подражатель. Да, «благосклонный читатель», мы, европейцы, раболепно подражаем всякому пороку языческого мира, и в то же время упрямо отказываемся признать любую из его великих добродетелей и последовать за ней.

К тому же мы, современные люди, без всякого сомнения, превзошли древних в одном, — а именно, в искусстве приукрашивать наши моральные гробницы; украшать свежими и цветущими розами наружные стены наших жилищ, чтобы лучше скрыть их содержимое, кости мертвецов и всякую нечистоту, и сделать их «поистине, имеющими прекрасный внешний вид». Что же это значит, что «чашка и тарелка» нашего сердца остаются грязными, тогда как «внешне они кажутся людям праведными»? Для достижения этой цели мы стали такими непревзойденными мастерами в воздавании хвалы самим себе, что «можем гордиться перед людьми». Тот факт, что мы не обманем этим ни ближних, ни родственников, мало заботит наше нынешнее поколение лицемеров, которые живут лишь внешним существованием, заботясь только о правилах приличия и о престиже. Они будут поучать своих ближних, но сами не имеют даже моральной смелости тех циничных, но искренних проповедников, которые говорили своей пастве: «Поступайте, как я вам приказываю, но не делайте, *как я делаю*».

Лицемерие, лицемерие и еще раз лицемерие; в политике и религии, в обществе, торговле и даже в литературе. Дерево познают по его плодам; о веке следует судить по его наиболее выдающимся писателям. И вывод о нравственной добродетели, присущей каждому отдельному периоду истории, следует, как правило, делать из того, что говорили его самые лучшие и проницательные авторы о нравах, обычаях и этике своих современников и тех классов общества, которые они наблюдали или среди которых они жили. И что же сегодня говорят такие писатели о нашем веке, и как они относятся к самим себе?

Английские переводы книг Золя были, в конце концов, отвергнуты; и хотя нам нечего сказать против того остракизма, которому подверглись его «Нана» и «Земля», его последнюю книгу — «Человек-зверь» — можно было бы прочитать в английском переводе не без пользы. В связи с «Джеком Потрошителем» в недавнем прошлом и повальным увлечением гипнотизмом в настоящее время, это тонкое психологическое исследование современного нервного и «истеричного» мужчины могло бы сослужить хорошую службу посредством внушения. Кажется, однако, что не в меру щепетильная Англия решает пренебречь истиной и не допустить, чтобы был поставлен диагноз истинному состоянию ее больной морали — во всяком случае, не иностранным автором. Прежде всего, были отторгнуты старые работы Золя. С этим многие согласились, поскольку такая беллетристика, хотя она обнаруживала самые скрытые язвы в социальной жизни, высказывалась слишком цинично и непристойно, чтобы принести большую пользу. Но теперь наступает черед графа Льва Толстого. Его последняя книга, если она даже еще не изгнана из книжных киосков, вызвала яростное осуждение английской и американской прессы. И почему же, по мнению «*Kate Field's Washington*»? Разве «Крейцерова соната» бросает вызов христианству? Нет. Защищает ли она распущенность нравов? Нет. Заставляет ли она читателя полюбить это «разумное животное», Позднышева? Напротив... Почему же «Крейцерова соната» подвергается таким нападкам? Ответ таков: «потому что Толстой сказал правду», утверждая не «жестокость», а искренность, и, без всякого сомнения, «о положении вещей на

самом деле отвратительном»; а мы, люди девятнадцатого столетия, всегда предпочитаем хранить непотревоженными наши социальные скелеты в своих стенных шкафах и скрывать их от взора. Мы не решаемся отрицать ужасные, реалистические истины, изливаемые Позднышевым, о безнравственности нашего времени и современного общества; но — мы можем обрушиться на имя создателя Позднышева. Как осмелился он на самом деле показать современному обществу зеркало, в котором оно увидело свою собственную гадкую физиономию? К тому же, он не предложил какого-либо приемлемого лекарства для наших социальных болячек. Поэтому его критик, вознося глаза к небу и с пеной на губах, утверждает, что, несмотря на весь присущий ей реализм, ««Крейцера соната» — это похотливая книга, которая призвана принести скорее вред, чем добро, живописуя чудовищную безнравственность жизни, и не предлагая никакого возможного лекарства для ее лечения» («*Vanity Fair*»). И еще хуже. «Она попросту омерзительна. Она не знает никакой меры и никакого оправдания; ... создание ума ... не только патологически нездорового, но ... далеко ушедшего в своем заболевании из-за болезненных измышлений» («*New York Herald*»).

Таким образом, автор «Анны Карениной» и «Смерти Ивана Ильича», величайший психолог нашего века, был обвинен одним из критиков в *незнании* «человеческой природы», в том, что он является «наиболее очевидным пациентом сумасшедшего дома», а другими («*Scot's Observer*») назван «*бывшим* выдающимся художником». «Он борется», — говорят нам, — «против сильнейших человеческих инстинктов», потому что автор — православный по рождению — всерьез говорит нам, что лучше вообще не заключать брака, чем допускать такое святотатство, которое его церковь считает одним из священных таинств. Но, по мнению протестантской «*Vanity Fair*», Толстой — «экстремист», потому что «со всеми своими недостатками, нынешняя система брака, *содержащая в себе даже такие отвратительные вещи, которые он нам показывает* (курсив наш), все же является меньшим злом, нежели монашество — с его последствиями — которое он проповеду-

ет». Это показывает нам представления обозревателя о *нравственности!*

Однако Толстой не проповедует никаких идей такого рода; не говорит этого и Позднышев, хотя критики понимают его неправильно от А до Я, как и мудрое утверждение о том, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из них», то есть, низкое человеческое сердце или воображение. И это не «монашество», но *закон воздержания*, которому учил Иисус (и оккультизм) в его эзотерическом значении, и которое не способно воспринять большинство христиан; его же проповедует и Толстой. Ничто не может быть более нравственным и более благоприятным для человеческого счастья и совершенствования, чем применение этого закона. Он предопределен самой природой. Животные следуют ему инстинктивно, так же поступают племена дикарей. С самого начала периода беременности и до последнего дня кормления своего ребенка, то есть, в течение от одиннадцати до двадцати месяцев, женщина у дикарей *является священной для своего мужа*; и лишь цивилизованные и получивилизованные народы нарушают этот благодетельный закон. Таким образом, рассуждая о *безнравственности* брака в том виде, в котором он осуществляется сегодня, и о союзах, заключаемых из соображений коммерции, или, что еще хуже, о чисто чувственной, плотской любви, Позднышев формулирует идею, исполненную величайшей и священной истины, а именно, что для соблюдения нравственности в отношениях между мужчиной и женщиной в их повседневной жизни, *они должны возвести целомудрие в ранг своего закона*. Развиваясь в этом направлении, человек преодолевает себя. Когда он достигнет последней степени самоподчинения, мы будем иметь нравственный брак. Но если человек, как в нашем обществе, делает успехи только в физической любви, даже если он и окружает ее ложью и пустой формальностью брака, *он не получит ничего, кроме дозволенного порока*.

Хорошее доказательство того, что здесь проповедуется не «монашество» и не *полное безбрачие*, но только *воздержание*, мы обнаруживаем на странице 84, где спутник, с которым путешествует Позднышев, отмечает, что из теории последнего «выходит, что любить жену можно раз в два года». Или вот еще другая фраза:

«Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с вождением уже прелюбодействовал с нею, относятся не только к одним чужим женам, а именно — и главное — к своей жене».

У «монахов» нет жен, и они не женятся, если они хотят сохранить чистоту на физическом плане. Толстой, однако, очевидно предвидел такого рода британскую критику и ответил на обвинения по этому поводу, вложив в уста героя своей «грязной и отвратительной книги» («*Scot's Observer*») такие слова:

«Она будет больной душевно, истеричной, несчастной, какие они и есть, без возможности духовного развития. Переменится это только тогда, когда женщина будет считать высшим положением положение девственницы, а не так, как теперь, высшее состояние человека — стыдом, позором».

Толстой мог бы добавить: и когда моральная сдержанность и чистота провозглашается много большим злом, чем «система брака, содержащая в себе такие отвратительные моменты, которые он (Толстой) описывает». Разве добропорядочный критик из «*Vanity Fair*» или «*Scot's Observer*» никогда не встречал такую женщину, которая, являясь матерью многочисленного семейства, все же остается в течение всей своей жизни, в ментальном и нравственном отношении, чистой девой, или такую *девственницу* (вульгарно называемую «старой девой»), которая хотя физически и непорочна, тем не менее, превосходит в *ментальной*, неестественной развращенности самую низкую из падших женщин? Если он не встречал — мы встречали.

Мы утверждаем, что называть «Крейцерову сонату» *бесмысленной* и «порочной книгой» — это значит самым грубейшим образом упустить наиболее благородные и важные моменты в ней. Это никак не меньше, чем предумышленная слепота, или, что еще хуже, — то моральное малодушие, которое скорее смирится с любой проявленной безнравственностью, чем выскажется о ней публично, не говоря уж о ее осуждении. Именно на такой благоприятной почве процветает и разрастается наша нравственная проказа, вместо того, чтобы остановить ее своевременным применением лекарств. Эта слепота в отношении одного из своих главных моральных по-

роков подобного рода и привела Францию к принятию несправедливого закона, запрещающего так называемое «установление отцовства». И разве это, опять-таки, не ужасающий эгоизм мужчин, к числу которых, безусловно, принадлежат и законодатели, ответственный за многие несправедливые законы, которыми обесчестила себя эта древняя страна? К примеру, право каждого грубого и жестокого мужа продавать свою жену на базарной площади с веревкой на шее; право каждого нищего мужа определять судьбу своей богатой жены, — права, ныне, к счастью упраздненные. Но не покровительствует ли закон мужчине и по сей день, предоставляя ему средства для легальной безнаказанности почти во всем, что касается его поступков в отношении женщины?

Неужели ни одному авторитетному судье или критику никогда не приходило в голову — за исключением Позднышева, — что *«разврат ведь не в чем-нибудь физическом, а именно в освобождении себя от нравственных отношений»?* («Крейцера соната», стр. 32.) И в качестве прямого следствия такого легального *«освобождения себя от нравственных отношений»*, мы имеем современную систему брака в каждой цивилизованной стране, а именно: мужчины, «гвздающиеся в гное разврата», ищут для себя «вместе с тем девушек, по своей чистоте достойных себя» (стр. 39); мужчины, из тысячи которых «едва ли есть один, который бы не был женат уже раз десять прежде брака» (стр. 41)!

Да, джентльмены прессы, скромные слуги общественного мнения, слишком большое количество ужасающей, жизненной правды, высказанной Позднышевым, безусловно, навсегда сделали «Крейцерову сонату» неприятной для вас. Мужская часть человечества — книжные обозреватели в числе прочих — не хочет иметь перед собой такого правдивого зеркала. Они хотят видеть себя не такими, *каковы они есть*, но лишь такими, какими они желали бы *выглядеть*. Если бы эта книга Толстого была направлена против ваших раболепных прислужниц и домашних животных — против женщин, тогда слава Толстого, без сомнения, сильно возросла бы. Но это фактически первый случай в литературе, когда книга показывает все

рукотворное безобразие *мужского рода* в целом — этого конечного продукта цивилизации, — которое заставляет каждого развратного мужчину, подобно Позднышеву, мнить о себе как о «нравственном человеке». И она столь же ясно показывает, что женское притворство, склонность к мирскому и порочность, являются лишь рукотворными созданиями поколений мужчин, чья животная чувственность и эгоизм вынудили женщин искать ответных мер. Послушайте прекрасное и правдивое описание мужского общества:

«Женщины знают, что самая возвышенная, поэтическая любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости и притом прически, цвета, покроя платья. Скажите опытной кокетке, чем она скорее хочет рисковать: чтобы быть в присутствии того, кого она прельщает, избалованной во лжи, жестокости, даже распутстве, или тем, чтобы показаться при нем в дурно сшитом и некрасивом платье, — всякая всегда предпочтет первое. Она знает, что наш брат все врет о высоких чувствах — ему нужно только тело, и потому он простит все гадости, а уродливого, безвкусного, дурного тона костюма не простит... От этого эти джерси мерзкие, эти нашлепки на зады, эти голые плечи, руки, почти груди».

Если не создавать спрос, то не будет и предложения. Но такой спрос, создаваемый мужчинами, —

«Объясняет то необыкновенное явление, что, с одной стороны, женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны — что она властвует... «А, вы хотите, чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас», — говорят женщины, [которые] как царицы, в плену рабства и тяжелого труда содержат 0,9 рода человеческого. А все оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, уловением нас в свои сети... [Почему? Потому что] большинство смотрит на поездку в церковь только как на особенное условие обладания известной женщиной. Поэтому вы можете говорить, что вам заблагорассудится, но мы живем в такой пропасти лжи, что до тех пор, пока какое-либо событие не свалится нам на голову ... мы не сможем пробудиться к правде...»

Однако наиболее сильное обвинение связано с некоей вероятной параллелью между женщинами двух разных классов. Позднышев отрицает, что женщины из высшего общества

имеют в жизни какие-либо иные цели, отличные от намерений падших женщин, и доказывает это следующим образом:

«Если люди различны по целям жизни, по внутреннему содержанию жизни, то это различие непременно отразится и во внешности, и внешность будет различная. Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь: те же наряды, те же фасоны, те же духи, то же оголение рук, плеч, груди и обтягивание выставленного зада, та же страсть к камушкам, к дорогим, блестящим вещам, те же увеселения, танцы и музыка, пенье. Как те заманивают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы».

И знаете, почему? Это очень старый трюизм, это факт, подмеченный как Овидием, так и двумя десятками других романистов. Потому что мужья «дам из высшего общества» — разумеется, речь идет лишь о светском большинстве — весьма охотно предпочли бы так или иначе покинуть своих законных жен, поскольку они представляют собой слишком сильный контраст с *дамами полусвета*, которых все они обожают. Для некоторых мужчин, которые в течение долгих лет постоянно наслаждались отравляющей атмосферой определенных увеселительных заведений, поздними ужинами в *специальных кабинетах* в компании лощеных женщин, искусственных с ног до головы, правильное поведение настоящей *леди*, сидящей во главе их обеденного стола, с ее ненакрашенными щеками, ее прической, комплекцией и глазами, такими, какими их сделала природа, — очень скоро становится *скучным*. Законная жена, подражающая в своих одеждах и копирующая *распутные манеры* любовницы своего мужа, по-видимому, изначально прибегает к такой перемене от глубокого отчаяния, как к единственному средству сохранить хоть что-то от привязанности своего мужа, поскольку она не способна сохранить ее целиком. И опять-таки, это вызывающее наличие лощеных, разукрашенных и почти полностью обнаженных женщин из хорошего общества является делом рук мужчин — отцов, мужей и братьев. Если бы *животные* претензии последних не создали этот класс женщин, которые были столь поэтично названы Бодлером *цветами зла*, и которые, в конце концов, разрушают всякую семью, подчиняя своему гипнотическому влиянию мужчин, однажды подпавших под их влияние, —

никакая жена или мать, и еще менее дочь или сестра, никогда бы даже не помыслили о подражании современным гетерам и о соперничестве с ними. Но ныне они вынуждены делать это. Акт отчаяния первой жены, покинутой ради *дамы полусвета*, принес свои плоды. Остальные жены последовали этому примеру, и это превращение постепенно стало модой и необходимостью. Сколь же тогда справедливы следующие замечания:

«Не в том отсутствие прав женщины, что она не может вотировать или быть судьей, а в том, чтобы в половом общении быть равной мужчине, *иметь право по своему желанию избирать мужчину, а не быть избираемой*. Вы говорите, что это безобразно. Тогда чтоб и мужчина не имел этих прав... Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине,¹ но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспитывают ее в детстве и общественным мнением. И вот она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладелец... Рабство ведь есть не что иное, как пользование одних подневольным трудом многих. И потому, чтобы рабства не было, надо, чтобы люди не желали пользоваться подневольным трудом других, считали бы это грехом или стыдом. То же и с эмансипацией женщины».

Таков *мужчина*, показанный во всей отвратительной наготе своей эгоистической природы, стоящий, по-существу, ниже животных, которые

«как будто знают, что потомство продолжает их род, и держатся известного закона в этом отношении. Только *человек* этого знать не знает и не хочет... Царь природы, человек, во имя этой любви губит половину рода человеческого! Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и благу, он во имя своего удовольствия делает не помощниц, но врагов...»

Теперь становится совершенно ясно, почему автор «Крейцеровой сонаты» внезапно стал в глазах всех *людей* — «безус-

¹ И то, лишь в *полуцивилизованной* России, если вам угодно. В Англии она все еще лишена даже привилегии участия в выборах.

ловным пациентом Бедлама».¹ Следовало ожидать, что граф Толстой, единственный, кто осмелился сказать правду, описывая отношения между полами в целом такими, *какими они ныне являются*, «мерзкими и стыдными», и кто, таким образом, помешал «мужским наслаждениям» — будет, само собой, объявлен сумасшедшим. Проповедуя «христианскую добродетель», он утверждает, что то, чего желают современные мужчины — это *порок*, о котором никогда не мечтали даже древние римляне. «Побейте его камнями до смерти» — джентльмены прессы. Ведь вам, без сомнения, предпочтительнее видеть, как практически обосновываются и во всеулышание превозносятся статьи, подобные «Девушке будущего» м-ра Гранта Аллена. К счастью для поклонников этого автора, редактор «*Universal Review*» сразу же отметил и выделил «этот утонченный такт и редкое совершенство чувствования, которое отличает его от всех его последователей» (если верить редактору «*Scot's Observer*»). Иначе он никогда бы не опубликовал такое ужасное оскорбление, брошенное каждой женщине, жене или матери. Заканчивая с диагнозом Толстого, мы можем теперь перейти к *лекарству* Гранта Аллена.

Но даже м-р Квилтер, публикуя эти *научные* излияния, торопится уклониться от того, чтобы его мнение отождествили с представлениями, выраженными в этой статье. Еще более прискорбно то, что эта публикация вообще увидела свет. Однако, поскольку это произошло, то надо сказать, что это скорее некое эссе о проблеме «отцовства и материнства», чем о проблеме пола; в высшей степени филантропическая статья, подменяющая «значительно более важное и существенное представление о здоровье и благополучии детей, которые должны родиться», точкой зрения «о личном комфорте двух взрослых, соединенных» брачными узами. Если назвать эту проблему века «сексуальной проблемой» — это будет одной ошибкой; «проблемой брака» — это другая ошибка, хотя «большинство людей и называют ее так с удивительным лег-

¹ Бедлам — психиатрическая больница в Лондоне. — *Прим. редактора.*

комыслием». Поэтому, чтобы избежать последнего, м-р Грант Аллен... «назвал бы ее скорее детской проблемой, или, если мы хотим уподобиться тем же грекам, вне зависимости от Гиртона, — проблемой педопозтики».

После этого выпада против Гиртона, он делает еще один относительно «Акта» лорда Кэмпбелла, запрещающего публичное обсуждение некоторых чересчур *декольтированных* вопросов; затем автор нападает в третий раз на женщин в целом. По сути дела, его мнение о слабом поле много хуже, чем у Позднышева в «Крейцеровой сонате», так как он отрицает наличие в них даже среднего интеллекта мужчины. Ибо все, что ему нужно — это «мнения мужчин, много размышляющих на эту тему, и мнения женщин (если таковые у них имеются), которые хоть иногда задумывались». Поскольку главной заботой автора является «формирование будущей британской нации», а основной угрозой для нее является высшее образование для женщин, «неудачный продукт оксфордской местной экзаменационной системы», он наносит четвертый и пятый удары, столь же ожесточенные, как и остальные, по «мистеру Подснапу и миссис Гранди»¹ за их *ханжество*, и по «университетским» дамам. Далее он задается следующим вопросом:

«...Вместо того чтобы пойти на тот риск, что некий чувствительный молодой человек покраснеет на несколько мгновений, мы должны позволить, чтобы процесс самопроизвольного заселения мира наследственными идиотами, наследственными пьяницами, больными с унаследованным туберкулезом и болезнями, наследственными бедняками, продолжался и далее без всяких изменений, и не подвергался бы никакой критике отныне и во веки веков. Пусть бедствие порождает бедствие, преступление — преступление: но никогда, ни на одно мгновение нельзя допустить, чтобы в чистом уме стыдливой английской девушки возникла мысль о том, что для нее вообще существует какая-либо обязанность реализовать себя в этой жизни в качестве женщины, кроме как потворствуя романтической и сентиментальной привязанности к первым же черным усам

¹ Литературные персонажи, ставшие нарицательными: м-р Подснап олицетворяет человека, преисполненного сознания своей непогрешимости; м-с Гранди — общественное мнение в вопросах приличия. — *Прим. редактора.*

или первой же клиновидной бородке, с обладателем которой ей случилось повстречаться...»

Такая слабость лишь к *одним* «черным усам» ничего не даст. Автор «благородно» и «возвышенно» призывает «стыдливую английскую девушку» знать это и быть готовой к тому, чтобы стать счастливой и гордой матерью *на благо государства*, при помощи *нескольких* «черных» и прекрасных усов подряд, как мы увидим дальше, если только они отличаются красотой и здоровьем. Отсюда и его выступление против «высшего образования», которое ослабляет женщин. Ибо,

«...вопрос заключается в том, будет ли существующая ныне система предоставлять нам матерей, способных создать умственно и физически здоровых детей, или нет? Если нет, то тогда она неизбежно и неминуемо потерпит неудачу. Никакая из когда-либо говоривших по-гречески Мон Кайрод и Оливий Скейнер не могла бороться против силы естественного отбора. Выживание наиболее приспособленного сильнее всего того, что вместе предлагают мисс Поцелуй, и мисс Леденец, и мисс Элен Кожаный-Саквояж, и администрация *Girl's Public Day School Company, Limited*. Раса, которая позволяет своим женщинам не исполнять своих материнских функций, опуститься в глубочайшую бездну забвения, хотя все ее девушки и будут наслаждаться логарифмами, курить русские сигареты и исполнять трагедии Эсхила в прекрасных и архаических хитонах. Раса, которая заботится о сохранении здоровья своих беременных матерей, сможет пройти долгий путь, даже если никто из ее девушек не сможет прочитать ни строчки из Лукиана и не сможет похвастаться ничем, кроме правильно развитых и уравновешенных ума и тела».

Заканчивая свою *entrée en matière* [вступительную часть, *франц.*], он показывает нам дальнейшее направление своего движения, хотя и предупреждает, что может сказать в этой статье очень немного, и лишь «приблизиться по боковой улочке к небольшому укреплению крепости, которую будут штурмовать». Мы увидим теперь, что это за «крепость», и по «боковой» маленькой «улочке» оценим ее общие размеры. М-р Г. Аллен, ставя диагноз тому, что по его мнению является величайшим современным злом, отвечает теперь на свои собственные вопросы. И вот что он предлагает для получения здоровых детей от здоровых — потому что *незамужних* — матерей, которым он советует избирать для каждого

нового ребенка свежего и тщательно подобранного отца. Судите сами: то,

«...что м-р Галтон называет «евгеникой», является, так сказать, систематическими попытками усовершенствования расы при помощи преднамеренной селекции наилучших из возможных производителей и их соединения с целью произведения потомства с наилучшими матерями. [Другой подход] оставляет размножение человеческой расы целиком на волю случая, и его результатом слишком часто является сохранение устоявшихся болезней, безумия, истерии, глупости, и других врожденных форм слабостей или пороков тела и ума. На самом деле, чтобы понять, сколь глупа наша практика воспроизводства человеческой расы, следует только сравнить ее с методом, который мы применяем для воспроизводства иных животных, чистота крови которых, их сила и высокое качество приобрели для нас столь большое значение.

У нас есть прекрасные производители своего рода, будь то жеребец, бык или ищейка, и мы хотим сохранить навсегда их лучшие и наиболее полезные качества в их соответствующих потомках. Что же мы должны делать с ним? Должны ли мы связывать его на всю жизнь с одной производительницей и довольствоваться такими жеребцами, или телятами, или щенками, которые сможет предоставить нам случай? Вовсе нет. Мы не столь глупы. Мы свободно испытываем его повсюду, на всем широком поле выбора, и пытаемся скрестить его собственные хорошие качества с хорошими качествами различных породистых кобыл и телок, чтобы создать породы с иными, смешанными ценными свойствами, некоторые из которых в конце концов окажутся более важными, чем остальные. Таким образом, мы приобретаем преимущества разнообразного смешения кровей и не растрчиваем все прекрасные характеристики нашего производителя на одну только систему характерных свойств одной-единственной производительницы, систему, которая может доказать, а может и не доказать, в конце концов, ценные свойства своей отдельно взятой натуры».

Говорит ли здесь ученый теоретик о мужчинах и женщинах, или он обсуждает животных, или же род человеческий и разные виды животных столь тесно связаны друг с другом в его научном воображении, что невозможно провести между ними разделительную линию? Это выглядит именно так, судя по тому, как невозмутимо и легко он смешивает животных производителей и производительниц с мужчинами и женщинами, помещает их на один и тот же уровень и предлагает

«разнообразные смещения кровей». Мы с готовностью отдаем ему его «производителей», так как, в ожидании такого научного предложения, мужчины уже сделали самих себя животными, начиная с давних времен на заре цивилизации. Более того, они весьма преуспели в этом, поскольку, связывая своих «производительниц» лишь с одним-единственным «производителем» под угрозой закона и общественного остракизма, для самих себя они сохранили все эти привилегии — и закона и миссис Гранди — и имеют столь широкий выбор «производительниц» для каждого отдельного «производителя», насколько могут позволить их средства. Но мы протестуем против подобного рода предложения, стать женщинам *nolens volens* [волей-неволей, *лат.*] «породистыми кобылами или телками». Нельзя сказать, что даже наша беспринципная современная мораль публично одобрила или предоставила м-ру Аллену ту «свободу в проведении такого рода экспериментов», к которой он стремится, без которой, по его словам, совершенно «невозможен прогресс на благо *человечества*». Правильнее было бы сказать, *животного* человечества, хотя он и объясняет, что это «не просто вопрос получения призовых овец и тучных быков, но проблема рождения высших, прекраснейших, чистейших, сильнейших, наиболее здоровых, подготовленных и *нравственно безупречных граждан*». К удивлению, автор пропустил еще два хвалебных эпитета, а именно, «самых почтительных сыновей» и мужчин, «гордых своими добродетельными матерями». Последние, вероятно, не были названы мистером Грантом Алленом потому, что он получил предупреждение относительно этого вопроса от «Господа Бога» в книге Осии (1:2), который определяет тот класс женщин, из которого пророк обязан взять себе жену.¹

В журнале, редактор которого защищал и поддерживал сакральность брака перед лицом автора «Крейцеровой сонаты», предваряя «исповедь» графа Толстого панегириком мисс

¹ «И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от Господа». — *Прим. редактора.*

Теннант, «Невеста на сезон», — включение «Девушки будущего» является очевидной пощечиной самой идее брака. Кроме того, идея м-ра Г. Аллена вовсе не нова. Она столь же стара, как Платон, и столь же современна, как Огюст Конт и «община онеида»¹ в Соединенных Штатах Америки. И, поскольку ни этот греческий философ, ни этот французский позитивист никогда не приближались к этому автору в его бесстыдном и циничном *натурализме* — ни в пятой книге «Республики», ни в том, что касается «Женщины будущего» в «Катехизисе религии позитивизма», — мы приходим к следующему заключению. Так как само название «Женщина будущего» у Конта есть прототип «Девушки будущего» м-ра Г. Аллена, то ежедневные ритуалы «мистических совокуплений», совершаемые в *онеида*, должны быть скопированы нашим автором и опубликованы им, и лишь приправлены еще более грубым материализмом и натурализмом. Платон предлагал не более чем метод развития человеческой расы при помощи *тщательного удаления нездоровых и дефектных детей*, и при помощи совокупления лучших представителей обоих полов; его удовлетворяли «прекрасные характеристики» «одного производителя» и «одной производительницы», и он приходил в ужас от идеи о «преимуществах разнообразного смешения кровей». С другой стороны, верховный жрец позитивизма, полагая, что женщина будущего «должна перестать быть *самкой*» и, «подчиняясь искусственному оплодотворению», таким образом, станет «*незамужней Девственной Матерью*», — проповедует лишь своего рода безумный мистицизм. Но не таков м-р Грант Аллен. Его высший идеал — сделать из женщины обыкновенную *племенную кобылу*. Он предлагает ей до конца последовать за

«...божественным импульсом момента, который является голосом Природы внутри нас, побуждающим нас здесь и сейчас (но не на всю жизнь) соединиться с предопределенным и соответствующим дополнением к нашему существу», — и добавляет: «Если в человеке есть что-то священное и божественное, то это, безусловно, внутреннее побуждение, которое однажды говорит ему, что среди многих тысяч именно эта женщина и никакая другая являет-

¹ Онеида — племя североамериканских индейцев. — Прим. редактора.

ся здесь и сейчас наиболее подходящей для того, чтобы вместе с ним они стали родителями полноценного ребенка. Если сексуальный выбор среди нас (только *мужчинами*, если угодно) является более точным, более направленным, более капризным и утонченным, чем у любого другого вида, то разве это не есть знак нашего более высокого развития, и разве это не говорит нам, что сама Природа в этих особых случаях анатомически выбирает для нас помощницу, наиболее нам подходящую в связи с нашими репродуктивными функциями?»

Но почему «божественным»? А если это так, то почему только *в мужчине*, если жеребец, боров и пес разделяют с ним этот «божественный импульс»? Автор облагораживает и превозносит «такую внезапную перемену, видоизменяющую и *возвышающую общий нравственный уровень*»; с нашей теософской точки зрения, такое случайное соединение, вызванное внезапным импульсом, является *скотским по своей сути*. Это не в большей степени любовь, чем *похоть*, оставляющая без внимания все возвышенные чувства и качества. Между прочим, как бы понравился м-ру Гранту Аллену такой «божественный импульс» в его матери, жене, сестре или дочери? Наконец, его аргументы о том, что «сексуальный отбор является более искусным и утонченным в человеке, чем в любом другом виде животных», являются ничтожными и жалкими. Вместо того чтобы доказать, что этот «отбор» «священен и божественен», он просто показывает, что *цивилизованный человек опустился много ниже любого животного* после столь долгих поколений разнузданной безнравственности. Следующее, что нам могут заявить, это то, что эпикурейство и обжорство также являются «божественными импульсами», и тогда в Мессалине нам навяжут высший пример добродетельной римской матроны.

Этот, с позволения сказать, новый «Катехизис сексуальной этики», заканчивается следующим возвышенным призывом к «Девушке будущего» стать племенной кобылой культурных общественных жеребцов:

«Я верю, что этот идеал материнства при определенных условиях скоро кристаллизовался бы в религиозную обязанность. Свободная и образованная женщина, которая сама, как правило, является здоровой, здравомыслящей и красивой, почувствовала бы этот долг,

лежащий на ней, если она создает детей для страны в целом, создавать их по своему собственному подобию и при помощи соединения с подходящим отцом. *Вместо того чтобы отказываться от своей свободы навсегда ради какого-либо одного мужчины, она стала бы ревностно защищать ее для пользы общества, и стала бы использовать свое материнство как драгоценный дар, который следует экономно расходовать для общественных целей, хотя и всегда в соответствии с инстинктивными устремлениями, для пользы будущего потомства...* Если бы она осознала, что обладает ценными и желаемыми материнскими качествами, то она расходовала бы их на принесение еще большей пользы своей стране и своим собственным потомкам, *свободно смешивая эти качества различными способами с наилучшими отцовскими качествами мужчины, который наиболее близок ее возвышенной натуре.* И, безусловно, женщина, достигшая такого возвышенного идеала сексуальных обязанностей, почувствует себя более правой в своих действиях, становясь матерью ребенка этого великолепного атлета, этого глубокого мыслителя, этого прекрасно сложенного Адониса, этого одухотворенного поэта, чем связывая себя на всю жизнь с этим богатым старым дураком, с этим хилым молодым лордом, с этим страдающим подагрой инвалидом, с этим несчастным пьяницей, становясь матерью большого семейства золотушных идиотов».

А теперь, джентльмены прессы, непримиримые критики *безнравственной* «Сонаты» Толстого, суровые моралисты, содрогающиеся от «непристойного реализма» Золя, что вы скажете об этом творении одного из ваших национальных пророков, который, по всей видимости, обрел славу в своем отечестве? Такие натуралистические статьи, как «Девушка будущего», опубликованные в самом крупном «Обзрении» в мире, как нам кажется, более опасны для общественной морали, чем все *выдумки* Толстого и Золя вместе взятые. Мы видим в этом результат материалистической науки, которая рассматривает человека только лишь как более высокоразвитое животное, и, таким образом, относится к женской части человечества исходя из своих собственных животных принципов. По уши погруженный в плотную материю и совершенно убежденный в том, что человечество, вместе с его первыми обезьяньими родственниками, непосредственно произошло от некоего отца — человекообразной обезьяны, и матери — бабуина, принадлежащих к ныне исчезнувшему виду, м-р Грант

Аллен, конечно, бессилён увидеть всю ошибочность своих собственных рассуждений. Например, если это «честь для любой женщины, стать возлюбленной Шелли ... и произвести на свет одного ребенка от Ньютона», а другого «от Гете», то почему же тогда юные дамы, которые в краткие ночные часы ищут пристанища на Риджент-стрит, снова и снова пропитывающиеся этой «честью», почему же они, мы спрашиваем, не получают общественного признания и благодарности от Нации? Городские скверы должны быть украшены их статуями, и Фрина должна быть возвышена в будущем как наглядный пример для Гипатии.

Нельзя было бы нанести более сокрушительного удара по скромным и порядочным английским девушкам. Мы хотели бы знать, как понравится дамам, озабоченным современными социальными проблемами, статья м-ра Гранта Аллена!

НАУКА ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Сотни наиболее глубоких философов, множество ученых и опытных врачей задавало себе этот вопрос, но практически безрезультатно. Покрывало, которым окутан предвечный космос и таинственное зарождение жизни, никогда не было приподнято так, чтобы это удовлетворило серьезную и искреннюю науку. Чем больше люди официального знания пытались проникнуть сквозь его темные складки, тем сильнее сгущалась эта тьма, и тем меньше они видели, ибо они подобны искателю сокровищ, который странствовал по всем морям в поисках того, что было зарыто в его собственном саду.

Но что же такое тогда эта наука? Не биология ли это, или, быть может, это изучение жизни в более широком смысле? Нет. Может это физиология или наука об органических функциях? Тоже нет; ибо первая из них оставляет эту проблему, как трудную загадку Сфинкса; а последняя — это скорее наука о смерти, чем о жизни. Физиология основывается на изучении функций различных органов, и эти органы необходимы для проявления жизни, но то, что эта наука называет живой материей, является, на самом деле, *материей мертвой*. Каждая молекула живых органов содержит в себе зачаток смерти, и начинает умирать, как только рождается, чтобы та молекула, которая будет ее преемником, смогла жить лишь для того, чтобы в свою очередь умереть. Орган, естественная часть любого живого существа, является лишь средой для некой особой функции в течение жизни и комбинацией из таких молекул. Жизненный орган (как и весь организм) надевает на себя маску жизни и таким образом скрывает постоянное разложение и смерть своих частей. Поэтому ни биология, ни физиология не являются наукой и даже отраслями *науки жизни*, но

суть лишь науки о *видимости* жизни. В то время как истинная философия стоит подобно Эдипу перед Сфинксом жизни, едва осмеливаясь произнести тот парадокс, который содержится в ответе на предложенную загадку, материалистическая наука, самонадеянная, как и всегда, никогда ни на одно мгновение не сомневаясь в своей собственной мудрости, гипнотизирует саму себя и многих других, заставляя поверить в то, что она решила величественную тайну бытия. Однако, в действительности, приблизилась ли она хотя бы к ее порогу? Конечно, она никогда не сможет содействовать распространению истины, пытаясь ввести себя и других неосторожных людей в заблуждение и утверждая, что жизнь — это всего лишь результат сложного сочетания молекул. Разве витальная сила и на самом деле является «фантомом», как ее называет Дюбуа Реймон? Ибо его язвительное замечание, что «жизнь», как нечто независимое, это лишь *asylum ignorantiae* [убежище неведения, *lat.*] для тех, кто хочет найти себе приют в абстракциях, когда прямое объяснение невозможно, с много большим основанием подходит к тем материалистам, которые мешают людям видеть реальные факты, помещая в этом месте напыщенные и труднопроизносимые слова. Разве какое-нибудь из пяти подразделений жизни, столь претенциозно названных — архебиозис, биокрозис, биодизрезис, биокенозис и биопародозис,¹ помогли когда-либо Гексли или Геккелю полнее изучить тайну зарождения хотя бы простейшего муравья, — не говоря уж о человеке? Вне всякого сомнения — нет. Ибо жизнь и все, что к ней относится, принадлежит к законному владению *метафизика* и психолога, а физическая наука не может иметь никаких претензий на все это. «То, что было, это то, что будет; и то, что было, уже названо — и известно, что это ЧЕЛОВЕК», — таков ответ на загадку Сфинкса. Но «человек» в данном случае не имеет отношения к *физическому* человеку, — во всяком случае, не в его эзотерическом значении. Скальпели и микроскопы могут раскрыть тайну материальных частей *оболочки человека*: они никогда не смогут прорезать окно в его душу, чтобы открыть хотя бы малейшее пространство на любом из более обширных горизонтов бытия.

¹ Или жизнепорождение, жизнеслияние, жизнеразделение, жизнеобновление и жизнеперенесение.

И только те мыслители, которые, следуя дельфийским предписаниям, познавали жизнь в своих *внутренних* личностях, те, кто тщательным образом изучил ее в самих себе, прежде чем попытаться проследить ее и проанализировать ее отражения в своих более внешних оболочках, были вознаграждены некоторым успехом. Подобно огненным философам средневековья, они перепрыгивали через *видимости* света и огня в мире следствий и сконцентрировали все свое внимание на обретении тайных сил. Затем, прослеживая их до единственной абстрактной причины, они попытались постигнуть ТАЙНУ, каждый из них настолько, насколько это позволяли сделать его интеллектуальные способности. Таким образом, они установили, что 1) *кажущийся* живым механизм, называемый физическим человеком, это лишь топливо, материал, которым питается жизнь, чтобы проявить себя; и 2) что благодаря ему внутренний человек получает в качестве платы и вознаграждения возможность накапливать добавочные переживания земных иллюзий, называемых жизнями.

Одним из таких философов сегодня, безусловно, является великий русский романист и реформатор, граф Лев Николаевич Толстой. Сколь близки его взгляды к эзотерическим и философским учениям высшей теософии мы увидим, внимательно ознакомившись с некоторыми фрагментами из лекции, почитанной им в Москве перед местным Психологическим обществом.

Обсуждая проблему жизни, граф просит свою аудиторию признать в качестве аргумента *нечто невозможное*. Он говорит:

«Допустим на одно мгновение, что все то, что стремится узнать о жизни современная наука, она уже узнала и знает это сегодня, что эта проблема стала столь же ясна, как день; теперь вполне очевидно, как органическая материя при помощи простой адаптации смогла произойти из неорганической материи; так же ясно, как природные силы могут быть преобразованы в чувства, волю, мысль, и что, в конце концов, все это известно не только городскому студенту, но также и каждому сельскому школяру.

Далее, мне известно, что такие-то и такие-то мысли и чувства происходят из таких-то и таких-то движений. Хорошо, но что же дальше? Могут ли я, или же нет, произвести такие движения и управ-

лять ими ради того, чтобы вызвать в моем мозгу соответствующие мысли? Этот вопрос — чем являются те мысли и чувства, которые я создаю в самом себе и других людях, все еще остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

И все же это именно тот самый вопрос, который является единственным фундаментальным вопросом главной идеи жизни.

Наука выбрала своим объектом некоторые проявления, сопровождающие жизнь, и, *принимая*¹ часть за целое, назвала эти проявления интегральным целым всей жизни...

Этот вопрос, неотделимый от идеи жизни, состоит не в том, откуда жизнь, но почему человек должен жить именно этой жизнью: и лишь начиная с этого вопроса, можно надеяться на приближение к решению проблемы бытия.

Ответ на вопрос, «почему мы должны жить?», выглядит для человека столь простым, что он едва ли посчитает его заслуживающим внимания, если коснется его.

...Следует жить наилучшим образом, насколько это возможно, — вот и все. Это кажется на первый взгляд очень простым и всем известным, но это совсем не столь просто и известно, как можно себе вообразить...

Идея жизни вначале предстает перед человеком как наиболее простое и самоочевидное дело. Однако как только человек начинает поиски этой жизни в любом месте так называемого тела, он сразу же встречается с непреодолимыми трудностями. Жизнь находится не в волосах и не в ногтях; не в ногах и не в руках, которые могут быть ампутированы; она не в крови, не в сердце и не в мозге. Она повсюду и она нигде. Дело обстоит так: жизнь не может быть найдена ни в одном из мест своего пребывания. Затем человек начинает искать жизнь во времени; и опять-таки, это выглядит сперва очень простым делом... И все же опять, он начнет свою погоню не раньше, чем поймет, что дело здесь снова обстоит намного сложнее, чем он полагал. Я *прожил* уже пятьдесят восемь лет, так утверждает церковная запись о моем крещении. Но я знаю, что из этих пятидесяти восьми лет я проспал свыше двадцати. Как же тогда? прожил ли я эти годы, или же нет? Отнимите те месяцы, когда моя мать была беременна мною,

¹ Ошибочно употреблять здесь слово «принимая». Люди науки слишком хорошо знают, что то, чему они учат в отношении жизни, является материалистической выдумкой, опровергаемой на каждом шагу логикой и фактами. В этом специфическом вопросе наукой злоупотребляют и заставляют ее служить личным пристрастиям и жесткой политике уничтожения любого духовного устремления и мысли в человечестве. Было бы более правильно сказать — «*притворяясь*, что принимаая».

а также те, которые я провел на руках моей няньки, — не назовете ли вы и это время также жизнью? Опять-таки, об оставшихся тридцати восьми годах я знаю, что добрую их половину я проспал, переезжая с место на место; таким образом, я не могу больше сказать в этом случае, жил ли я в течение этого времени, или нет. Я мог жить немного, и расти немного. И снова человек обнаруживает, что во времени, как и в теле, жизнь есть повсюду, и все же нигде. И теперь естественно возникает вопрос: откуда же тогда эта жизнь, которую я не могу нигде обнаружить? Теперь — хочу я узнать... Но так уж случается, что и в этом направлении то, что казалось мне сперва столь легким, кажется сегодня невозможным. Несомненно, я занимался поисками чего-то другого, а не моей жизни. Таким образом, раз мы должны были искать, где находится жизнь — если вообще должны были это делать, — тогда нам следовало вести эти поиски не в пространстве и не во времени, не как поиски некой причины или следствия; нам следовало искать нечто распознаваемое внутри себя, совершенно отличное от пространства, времени и причинности.

Все, что остается нам в таком случае — это самопознание. Но как я распознаю жизнь в себе самом?

Вот как я познаю ее. Для начала я знаю о том, что живу; и что я живу, желая для себя всего, что хорошо, и хочу этого с тех пор, как я себя помню, и по сей день, и с утра до вечера. Все то, что живет вне меня самого, важно в моих глазах, но лишь в той степени, насколько оно способствует созданию того, что создает *мое* благосостояние. Вселенная важна, на мой взгляд, только потому, что она может принести *мне* удовлетворение.

Между тем, с этим моим знанием о моем существовании связано и кое-что еще. Я чувствую, что неотделимо от жизни и другое знание, тесно связанное с ней; а именно, что помимо меня самого, я окружен целым миром живых созданий, обладающих, как и я сам, тем же самым инстинктивным пониманием своих особенных жизней, и что все эти создания живут ради своих собственных целей, которые чужды мне; что эти создания не знают и не стремятся узнать ничего о моих претензиях на некую исключительную, особенную жизнь, и что все эти создания, чтобы достигнуть успеха в своих целях, готовы в любой момент уничтожить меня. Но это еще не все. Наблюдая умирание созданий, во всем похожих на меня, я также знаю, что и меня в том числе — это прекрасное МЕНЯ, единственное, в котором представлена жизнь — также ожидает скорое и неизбежное разрушение.

Все это выглядит так, как если бы в человеке было два «Я»; и они никогда не могли жить вместе в мире; как если бы они находились в вечной борьбе, и всегда пытались изгнать одно другое.

Одно «Я» говорит:

— Я одно живу, так как должно жить, все же остальное лишь кажется, что живет. Поэтому весь *raison d'être* [смысл, франц.] вселенной состоит в том, чтобы было удобнее жить этому Я.

Другое «Я» отвечает:

— Вселенная существует вовсе не ради тебя, но для своих собственных задач и целей, и она мало озабочена тем, чтобы знать, счастливо ли ты или нет.

Жизнь после этого омрачается!

Одно «Я» говорит:

— Я хочу лишь удовлетворения всех моих желаний и потребностей, и именно для этого мне нужна вселенная.

Другое «Я» отвечает:

— Все животные живут лишь ради удовлетворения своих желаний и потребностей. Эти желания и потребности животных удовлетворяются за счет других животных и с ущербом для них; отсюда и бесконечная борьба между животными видами. Ты — животное, и потому ты должно бороться. И все же, сколь бы ни преуспело ты в своей борьбе, остальные борющиеся создания рано или поздно одержат над тобой верх.

Становится хуже! жизнь наполняется кошмаром...

Но самое ужасное то, что одно «Я» говорит:

— Я хочу жить, жить всегда».

А другое «Я» на это отвечает:

— Вне всякого сомнения, ты можешь умереть через несколько минут, как умрут также и все те, кого ты любишь, ибо и ты, и они — все вы претерпеваете разрушение с каждым движением ваших жизней, приближая таким образом все ближе страдания, смерть, все то, что ты так ненавидишь и чего боишься больше, чем чего бы то ни было.

Хуже уже некуда...

Изменить такое состояние невозможно... Можно не двигаться, не спать, не есть, даже не дышать, но никто не может не думать. Я думаю, и эта мысль, моя мысль, отравляет жизнь мне, как некой личности, на каждом шагу.

Человек может начать сознательную жизнь не раньше, чем это сознание станет повторять ему непрестанно, без передышки, снова и снова, одну и ту же вещь.

— Жить той жизнью, которую я вижу и чувствую в своем прошлом, жизнью, которую ведут животные и многие люди, жить *таким* образом, благодаря которому ты стал тем, кто ты есть сейчас, — дальше невозможно. Если бы ты попытался сделать это, ты никогда бы не смог избежать борьбы со всем миром созданий, которые живут

так же, как и ты — ради своих личных целей; и в дальнейшем эти создания неизбежно убьют тебя...

И с этим ничего не поделаешь. Остается лишь одно, и это всегда приходится делать тому, кто, начиная жить, переносит свои цели вонне самого себя и стремится достигнуть их... Но сколь бы далеко не поместил он их от своей личности, как только его ум проясняется, никакая из этих целей не сможет его удовлетворить.

Бисмарк, объединивший Германию и ныне правящий в Европе (если в его уме есть хоть какое-то понимание последствий его деятельности), должен понимать — как понимает его личный повар, приготавливающий обед, который будет с аппетитом съеден в урочный час — то же самое неразрешенное противоречие между суетностью, тщеславием и глупостью всего того, что он сделал, и вечностью и разумностью того, что существует всегда. Если они лишь взглянут на это, оба они увидят это с одинаковой ясностью; во-первых, что сохранение в неприкосновенности обеда князя Бисмарка, так же как и могущественной Германии, происходит единственно по следующим причинам: первого — благодаря полиции, а второго — благодаря армии; и лишь до тех пор, пока над ними обоими сохраняется тщательный надзор. Потому что есть голодные люди, которые охотно съели бы этот обед, и народы, которые с радостью стали бы столь же могущественны, как Германия. Во-вторых, что ни обед князя Бисмарка, ни мощь Германской империи, не только не соответствуют целям и назначению универсальной жизни, но что они находятся в вопиющем противоречии с ними. И, в-третьих, что как тот, кто варит обед, так и мощь Германии, очень скоро умрут, и что так же скоро исчезнут и обед, и Германия. И сохранится одна лишь вселенная, которая никогда не уделяла ни одной мысли ни обеда, ни Германии, и в наименьшей степени думала о тех, кто «сварил» их.

Как только интеллектуальное состояние человека возрастает, он приходит к идее о том, что никакое счастье, связанное с его индивидуальностью, не является достижением, но есть лишь необходимость. Индивидуальность — это лишь то начальное состояние, с которого начинается жизнь, и конечный предел жизни...

Меня могут спросить: где же тогда начинается жизнь, и где ее конец? Где кончается ночь, и где начинается день? Где на морском берегу кончаются владения моря, и где начинаются владения суши?

Есть день, и есть ночь; есть суша, и есть море; есть жизнь, и есть *отсутствие* жизни.

Наша жизнь, как только мы начинаем осознавать ее, — это подобное маятнику движение между двумя крайностями.

Одна крайность — это некое абсолютное безразличие к жизни бесконечной вселенной, энергия, направленная только на удовлетворение потребностей своей собственной индивидуальности.

Другая крайность — это полный отказ от этой индивидуальности, величайшая забота о жизни бесконечной вселенной, в полном согласии с ней, перенос всех наших желаний и доброй воли с себя самого на эту бесконечную вселенную и все создания, которые находятся вокруг нас.¹

Чем ближе к первой крайности, тем меньше жизни и счастья, чем ближе ко второй — тем больше жизни и счастья. Поэтому человек все время движется от одной цели к другой, то есть, он живет. ЭТО ДВИЖЕНИЕ И ЕСТЬ САМА ЖИЗНЬ.

И когда я говорю о жизни, знайте, что представление о ней неразрывно связано в моей концепции с идеей *сознательной* жизни. Мне, как и любому другому человеку, неизвестна никакая иная жизнь, кроме сознательной.

Мы называем жизнью — жизнь животных, органическую жизнь. Но это вовсе не жизнь, а лишь определенное состояние или условие жизни, проявляющейся для нас.

Но что же такое это сознание или разум, необходимость которого исключает индивидуальность и переносит энергию человека вовне и в то состояние, которое считается нами блаженным состоянием любви?

Что такое сознательный разум? Чему бы мы ни давали определение, мы определяем это нашим сознательным разумом. Следовательно, чем же мы будем определять разум?..

Если мы должны давать определение всему нашим разумом, из этого следует, что сознательный разум не может быть определен. И все же все мы не только знаем его, но это единственное, что дано нам знать доподлинно...

Это тот же самый закон, как закон жизни всего органического, животного и растительного мира, с той лишь разницей, что мы *видим* осуществление разумного закона в жизни растения. Но закона сознательного разума, которому мы подчиняемся, как и дерево подчинено своему закону, мы не *видим*, но исполняем его...

Мы определили, что жизнь — это то, чем наша собственная жизнь не является. Именно здесь глубоко зарыт корень ошибки. Вместо изучения той жизни, которую мы осознаем внутри себя, безусловно и несомненно, — поскольку мы не можем знать ни о чем больше, — чтобы обдумать ее, мы наблюдаем то, что лишено наибо-

¹ Короче говоря, это как раз то, что для теософов означает «прожить *данную* жизнь».

лее важного фактора и способности нашей жизни, а именно, разумного сознания. Поступая таким образом, мы ведем себя как человек, который пытается изучить предмет по той тени или отражению, которое он отбрасывает.

Если нам известно, что частицы вещества подчиняются во время своего преобразования деятельности организма, мы знаем об этом не потому, что мы наблюдали или изучали это, но просто потому, что мы обладаем неким сходным организмом, объединенным с нами, а именно, нашим животным организмом, который столь хорошо нам известен как материя нашей жизни; то есть, тот, именем которого мы называемся, чтобы работать и управлять, подчиняя его закону разума... Человек утрачивает веру в жизнь и переходит от этой жизни к другой, которая жизнью не является, не раньше, чем он станет несчастным и увидит смерть... Человек, который воспринимает жизнь такой, какой он находит ее в своем сознании, не знает ни страдания, ни смерти: ибо вся радость в жизни для него состоит в подчинении его животного начала закону разума, и сделать это не только в его власти, но это неизбежно происходит в нем. Мы знаем о смерти частиц в животном существе. Мы знаем о смерти животных и человека, как некоего животного; но нам неизвестно о смерти сознающего разума, и мы не можем ничего об этом знать *именно потому, что сознательный разум — это сама жизнь. А Жизнь никогда не будет Смертью...*

Животные ведут счастливую жизнь, не видя смерти и не зная о ней, и умирают, не осознавая этого. Почему же тогда человек получил дар видеть и знать ее, и почему смерть столь ужасна для него, что поистине мучает его душу, часто заставляя его покончить с собой из-за ужасного страха смерти? Почему так происходит? Потому что человек, который видит смерть, это больной человек, тот, кто нарушил закон своей жизни и более не ведет сознательного существования. Он сам стал животным, животным, которое к тому же нарушило закон жизни.

Жизнь человека — это стремление к счастью, и то, к чему он стремится, дается ему. Свет, возникший в душе человека, — это счастье и жизнь, и этот свет никогда не сможет стать тьмой, так как существует — истинно, для человека существует — лишь этот единственный свет, который горит в его душе».

Мы перевели [с русского на английский] этот достаточно обширный фрагмент из конспекта превосходной лекции графа Толстого, потому что его слова звучат как некое эхо самых тонких учений универсальной этики истинной теософии. Его определение жизни, — которой в абстрактном и конкретном

смысле должен следовать каждый искренний теософ, в соответствии и в меру своих *естественных* способностей, — это краткое обобщение и альфа и омега практической психической, если не духовной, жизни. В лекции есть такие фразы, которые покажутся среднему теософу чересчур туманными и, быть может, несовершенными. Однако он не найдет в ней ни одного предложения, на которое мог бы возразить даже самый требовательный практический оккультист. Ее можно назвать трактатом по алхимии души. Ибо этот «единственный» свет в человеке, который горит вечно и никогда не сможет стать тьмой по своей внутренней, присущей ему природе, хотя «животная природа» вовне нас может оставаться слепой по отношению к нему, — это тот «свет», о котором были написаны обширные тома неоплатониками Александрийской школы, а после них, розенкрейцерами и, в особенности, алхимиками, хотя и по сей день подлинный смысл их писаний является глубокой тайной для большинства людей.

Это правда, граф Толстой — не александрийский, и не современный теософ; еще в меньшей степени он розенкрейцер или алхимик. Но то, что последние сокрыли под специфической фразеологией огненных философов, намеренно смешивая космические превращения с духовной алхимией, все это было перенесено великим русским мыслителем из царства метафизической жизни в область жизни практической. То, что Шеллинг определил бы как осознание тождественности субъекта и объекта во внутреннем эго человека, то, что соединяет и связывает последнее с универсальной душой, — то, что является лишь тождеством субъекта и объекта на высшем плане, или неведомым божеством, — все это граф Толстой соединяет вместе, не покидая земного, материального плана. Он является одним из тех немногих *избранных*, которые начинают с интуиции и заканчивают почти всеведением. Развитие и проявление высшей САМОСТИ человека, которого достиг граф, — это трансмутация неблагородных металлов (*животного вещества*) в золото и серебро, или философский камень. *Алкахест* рядового алхимика — это *All-geist*, всепроникающий Божественный Дух высшего посвященного; ибо алхимия была и является, что известно сегодня лишь немногим, в такой же степени духовной философи-

ей, как и физической наукой. Тот, кто ничего не знает об одной из них, никогда не узнает многого о другой. Аристотель, поучая своего ученика, Александра, говорил о философском камне: «Это не камень. *Он был и есть везде, и в каждом человеке*, его называют *целью* всех философов», — как «Веданта» является *вершиной* всех философий.

Заканчивая данное эссе *о науке жизни*, можно сказать несколько слов о вечной загадке, которую предложила смертным Сфинкс. Потерпеть неудачу в разрешении проблемы, содержащейся в ней, это значит обречь себя на несомненную смерть, поскольку Сфинкс жизни пожирает недогадливого, который жил лишь в своем «животном теле». Тот, кто живет ради себя, и только ради *себя*, несомненно, умрет, как об этом сообщает высшее «я» низшему «животному я» в данной лекции. Есть семь ключей к этой загадке, и граф открывает эту тайну одним из самых высоких. Ибо, как это прекрасно выразил сам автор, говоря о «герметической философии»:

«Подлинная тайна, наиболее близкая и в то же время крайне отдаленная от любого человека, *в которую он должен быть посвящен, или же исчезнуть как атеист, — это он сам*. Для него существует эликсир жизни, выпить который, перед открытием философского камня, значит испить напитка смерти, в то время как адепту и *эпopty* он дарует истинное бессмертие. Он может познать истину, какова она есть в действительности — *Алетейю*, дыхание Бога, или Жизни, сознательный разум в человеке».

Это и есть «всерастворяющий алкахест», и граф Толстой прекрасно справился с этой загадкой.

РУССКИЙ «СИМПОЗИУМ»

Недавно трое известных русскоязычных авторов были вовлечены в дискуссию о российско-британских отношениях. Один из них, г-н Мартынов, профессор Санкт-Петербургского университета, статья которого «Русские и китайцы» полностью напечатана в *«Revue du Droit International»* и обширно цитирована в *«Pioneer»* за 20 января [1881 г.], ныне опубликовал другой, еще более интересный памфлет, который привлек к себе значительное внимание. На этот раз ученый профессор обсуждает проблему «России и Англии в Центральной Азии» в целом и пытается найти в этой ситуации «совпадение англо-русских интересов». По его словам, «никто из образованных русских людей никогда не помышлял о завоевании Индии». В то же самое время г-ну Мартынову не кажется абсурдным предположение, что попытка такого рода является вероятной и может возникнуть как результат ухудшения отношений между двумя странами. И каков бы ни был возможный итог, он воображает, что английский престиж обязательно пострадает, так как в случае русского вторжения английская армия будет, соответственно, состоять в основном из индусов. Для защиты отечества объединятся все индийские князья независимых княжеств. Когда захватчики потерпят поражение, азиатские союзники Великобритании припишут себе всю славу этой победы. Чем они будут многочисленнее, тем сильнее, разумеется, будет их убеждение, что без их помощи британская армия была бы разгромлена; отсюда распространится общая уверенность в бесилии английского правительства и его вооруженных сил. «Такая уверенность чревата для Англии, ибо она может привести только к всеобщему восстанию в Индии».

Благодаря подобным умозрительным заключениям, основанным на неправильной интерпретации основополагающих

фактов, возникает комичная путаница. Когда наши русские критики рассуждают об индийских князьях и независимых княжествах, призванных объединиться для защиты своей страны, можно себе представить ту степень, в которой иностранцы бессильны понять реальное положение в отношениях независимых княжеств с верховными властями в Индии. Не только г-н Мартынов, но и его русские оппоненты равным образом неспособны уяснить истинный характер этих фактов. Так г-н Даневский, профессор и ректор Харьковского университета, опубликовал в Лондоне *свои* воззрения в небольшом памфлете, написанном на французском языке. Полностью соглашаясь с вышеприведенными соображениями г-на Мартынова, этот автор расходится с ним относительно предполагаемых общих интересов двух соперничающих сил. Будучи профессором международного права (которое он понимает таким образом, что считает своим долгом нудно читать пространные проповеди о гармонии и солидарности международных интересов), г-н Даневский берет на себя особую функцию доказать, что «между Англией и Россией не может быть никаких общих интересов, потому что таких интересов не может быть никогда». «И лишь от воли Божьей зависит», — благочестиво восклицает он, — «чтобы такая война никогда не разразилась между двумя этими народами», но, тем не менее, он берется предположить, что, «в соответствии со всеми предзнаменованиями и знаками, вероятность мира очень мала», отчего он со всей определенностью угрожает Англии российской военной кампанией в Индии. Детально комментируя противоречивость русских интересов в восточном вопросе, как он сегодня стоит, г-н Даневский фактически основывает часть своих аргументов на коммерческих интересах Великобритании в Турции!

Вслед за ним на арену выступает третий претендент. Лондонский корреспондент Санкт-Петербургского «Нового времени» с неуважением отзывается о двух упомянутых авторах, особо наваливаясь на изыскания г-на Даневского в отношении английской коммерции в Турции. «Если бы автор хотя бы мельком взглянул на британскую коммерческую статистику», — отмечает он, — «он смог бы убедиться, что в настоящее время турецкие рынки играют сравнительно незначительную роль в английском экспорте». Но вот чего, по всей

вероятности, не замечают англичане, так это, напротив, то, сколь сильно переплелись их интересы в данной области с успехами, а, следовательно, и с интересами русских. «С освобождением балканских жителей и возрастаянием их благосостояния под руководством свободного национального правительства, британский экспорт и торговля в целом могут лишь увеличиться». Далее корреспондент сетует на одну из частей памфлета харьковского профессора. «Г-н Даневский признает», — говорит он, — «что хорошее взаимопонимание и совершенное *entente cordiale* [сердечное согласие, *франц.*] в восточном вопросе между Россией и Англией, безусловно, нужно сохранить, и английскому правительству следует поддерживать его всеми силами до тех пор, пока правит министерство Гладстона. Но г-н Даневский также добавляет, что поскольку сам м-р Гладстон не может оставаться у власти вечно, его кабинет также может однажды пасть, и тогда вновь возобладают непримиримые *британские интересы*, а война Англии против России станет почти неизбежным, если не абсолютно очевидным фактом. Откуда следует, согласно г-ну Даневскому», — приходит к заключению корреспондент, — «что м-р Гладстон, дабы сохранить хорошие отношения с Россией, по мнению автора должен будет принести в жертву британские интересы!» Критик, конечно, должен отдавать себе отчет в том, что, утверждая это, он окончательно *reductio ad absurdum* [доводит до абсурда, *лат.*]. Хотя возможно английские читатели воспримут этот аргумент в несколько ином свете.

Вряд ли нам стоит объяснять, что, обсуждая эту полемику, мы просто хотели показать, на основании каких неточных и ошибочных представлений о ситуации в целом формируется общественное мнение в России, — а вовсе не из стремления представить взгляды, имеющие якобы какие-то серьезные основания на привлечение к себе внимания.

СУЕВЕРИЕ

Благодаря фантастическим отчетам поверхностных и предубежденных путешественников и своему полному незнанию азиатских религий, а довольно часто и своих собственных, — западные народы пребывают в странном убеждении, что в мире нет более глупых и суеверных людей, чем «языческое» население Индии, Китая и других нехристианских стран. Они говорят, что лишенные благодатного света Евангелия несчастные язычники во тьме отыскивают на ощупь признаки таинственных сил в наиболее неподобающих для этого объектах: так, они будут связывать будущее благополучие или неблагополучие души умершего родственника с тем, примет или отвергнет прыгающая боком ворона рисовый шарик во время обрядовой церемонии «шраддха»; и они будут верить, как верил ставший ныне известным заговорщик из Колхапура, что «совиные глаза», которые носят в качестве амулета, сделают их владельца неуязвимым. Само собой разумеется, что все подобные суеверия столь же унижительны, сколь нелепы и абсурдны...

Но еще более *зablуждается*, если не намеренно искажает истину, тот, кто утверждает, что подобные странные верования ограничиваются лишь языческим миром, или что они являются прямым следствием языческих религий. Они интернациональны; это совокупное творение и необходимое следствие уловок бесконечных поколений недобросовестных и нечестных служителей *всех религий* и во все времена. Выработанная древнейшими иерархиями жрецов политика подчинения невежественных масс, основанная на *игре* на их наивном воображении, доверчивости и страхах, с целью добраться через душу до их кошельков, была признана действенной и повсеместно применялась как жрецом, так и священником по

отношению к мирянину и на заре истории, и вплоть до нашего времени. Повсюду в природе, как в абстрактной, так и в конкретной, есть две стороны, как и для каждого яда обязательно найдется противоядие. Религия, или вера в невидимый мир, основывается на дуальном принципе — Бог и Сатана, или ДОБРО и ЗЛО, и если ФИЛОСОФИЯ — источник истинного религиозного чувства — может быть уподоблена чистому потоку, то, с другой стороны, СУЕВЕРИЕ — это клоака всех догматических культов, которые основаны на слепой вере. Говоря без преувеличений, это сточная канава, заполненная затхлыми водами халдейско-ноевского потопа. Неостановимый, он прокладывает свой путь сквозь язычество, иудаизм и христианство, вбирая в себя весь мусор и хлам буквальных человеческих интерпретаций; в то время как на его грязных берегах толпится духовенство всех времен и вер и зазывает легковверных людей поклоняться его вредоносным водам как «священному потоку», — называя его сегодня Гангом, а завтра Нилом или Иорданом.

Почему же тогда западные люди должны обвинять в таких верованиях одни лишь нехристианские народы? Сколь же небольшое может сделать «истина Божия» в окружении *такого* количества лжи, и она обнаруживает свою слабость, когда какая-нибудь религия пытается обманном путем привлечь к ней внимание иноверцев. История показывает, что занимаясь, на первый взгляд, уничтожением всякого следа язычества и осуждением поверий в древнем фольклоре относительно действия «чар» как происков дьявола, христианские миссионеры становятся хранителями всех подобных суеверий и, постепенно принимая их, позволяют им свободно распространяться среди людей, но лишь под другими именами. Вряд ли имеет смысл повторять все сказанное нами ранее по этому поводу, лучше всего об этом говорит и доказывает статистика преступлений, совершенных на почве суеверия во всех христианских странах. Подобные верования самого грубого, как и в высшей степени опасного, свойства, являются обычным делом в католической Франции, Испании, Италии и Ирландии, в протестантской Англии, Германии и Скандинавии, а так же в православной России, Болгарии и других славянских странах, и они столь же живы сегодня среди людей, как и во времена короля

Артура, первых пап или варяжско-русских великих князей. Если высший и средний классы благодаря цивилизации освободились от таких абсурдных фантазий, то с массами сельских жителей этого не произошло. Низшие классы были оставлены на милость и попечение сельского священника, — который, если он сам не был невежествен, всегда прекрасно понимал важность содержания своей паствы в умственном рабстве, — и они верят в чары, заклинания и дьявольские силы *сегодня* так же, как они верили в них *тогда*. И, до тех пор, пока вера в Сатану и его легионы падших ангелов (ныне дьяволов) остается догмой для христианской церкви, — а мы не видим никакой возможности для ее ликвидации, потому что это краеугольный камень учения о (ныне дьявольском) спасении, — в ней будут сохраняться такие разлагающие суеверия, ибо вся структура последней основана на этой вере в могущественного соперника Бога.

Только за последний год в России перед судом предстали не менее шестидесяти человек обоего пола за самовольную расправу над мнимыми колдунами и ведьмами, которые, как предполагалось, навели порчу на некоторых истеричных женщин. Судебное заседание продолжалось несколько месяцев и раскрыло ряд ужасающих преступлений самого отвратительного толка. И все же крестьяне были оправданы, поскольку они были признаны не несущими ответственность за свое *преступление*. Снова справедливость восторжествовала в России над мертвой буквой закона. А теперь перейдем к сообщениям о последствиях этого же суеверия еще более ужасающего свойства. Дальнейшее можно воспринять как средневековую историю о днях «святой» инквизиции. В «Русском вестнике» опубликован официальный отчет губернатору из Чембара (Пензенская губерния), который мы вкратце излагаем:

«В конце декабря прошлого года, во время Рождества, деревня Межевка стала ареной кошмарного и неслыханного преступления, вызванного суеверием. Один помещик, Н. М., получил очень большое наследство и прибыл незадолго до Рождества в Пензу, чтобы оформить его. Население деревни — одной из многих пострадавших в этот год от голода — было в большинстве своем очень бедным; и двое из наиболее бедных и голодных крестьян решили ограбить по-

мещика во время его отсутствия. Не желая понести наказание за свое преступление, они отправились сперва к деревенской знахарке (буквально «знающей», ведьме). В русской деревне, где ведьма столь же необходима, как кузница или трактир, или астролог в индийской деревне, количество таких людей увеличивалось в зависимости от благосостояния и потребностей каждого населенного пункта. Так, два наших будущих громилы посоветовались с «колдуньей» о том, как им лучше совершить грабеж и в то же время остаться незамеченными. Ведьма посоветовала им *убить человека, вырезать сальник из нижней части живота, растопить его и изготовить из него свечу, зажечь ее и, войдя в дом помещика, спокойно ограбить его: благодаря колдовскому свету человеческой свечи они останутся невидимыми для всех людей*. Точно следуя данному совету, эти два крестьянина вышли из своих лачуг в два часа пополудни и, встретив на своем пути наполовину пьяного бедолагу, своего соседа, только что вышедшего из трактира, убили его и, вырезав его сальник, закопали тело в снегу невдалеке от коровника. На третий день после убийства труп был вырыт собаками, и было назначено следствие. Было арестовано большое количество крестьян и, в ходе поисков вещественных доказательств в крестьянских домах, обнаружили горшок, наполненный топленным жиром; был проведен анализ его содержимого и доказано, что это *человеческий жир*. Обвиняемый признался в преступлении и выдал своего сообщника, и оба они сознались в содеянном».

Они признали свою вину, но сказали, что действовали по совету ведьмы, имени которой они, однако, не предали разглашению, больше опасаясь мести колдуньи, чем человеческого правосудия. Этот факт тем более важен, поскольку до тех пор оба убийцы считались хоть и бедными, но благонадежными, уравновешенными и весьма честными юношами. По-видимому, совершенно невозможно определить, какая из живущих по соседству «ведьм» — поскольку их много, и некоторые из них неизвестны никому, кроме своих «клиентов» — виновна в этом смертоносном совете. Нет никакого шанса получить какой-либо ключ к этому от крестьян, так как даже самые уважаемые из них никогда не согласятся навлечь на себя недовольство кого-либо из числа этих продавшихся дьяволу. Мы привели этот пример для того, чтобы показать, что существуют *суеверия* гораздо более преступного свойства, чем сравнительно безобидное поверие колхапурских заговорщиков в действенность «совиных глаз».

А теперь перейдем к следующему случаю «чародейства». В декабре этого же года сельский совет Александровска постановил изгнать из села и насильственно выдворить в Сибирь одного состоятельного крестьянина по фамилии Родинин. Было зачитано обвинение, показывающее ответчика виновным «в великом преступлении, что он был весьма искусен и сведущ в колдовской науке, и в искусстве побуждать людей отдавать себя во власть Сатаны», и решение присяжных было единодушным. Обвинительный акт утверждает, что

«как только подсудимый Родинин приближался к кому-нибудь, особенно если этот человек получал от него стакан водки, он тут же становился одержимым... Жертва немедленно начинает жаловаться, что она ощущает внутри себя как бы поток жидкого огня, и жалобно уверять присутствующих, что Сатана разрывает на клочки его внутренности... С этого момента он не знает покоя ни днем, ни ночью и вскоре умирает в ужасной агонии. Многочисленными были жертвы этого дьявольского колдовства, совершенного подсудимым... В связи с этим местный суд присяжных находит его «виновным» и почтительно просит власть наложить на него соответствующее наказание».

Этим «наказанием» было решение сослать Родинина в Сибирь, что и было сделано.

Любому западному человеку известна народная и повсюду, особенно в Германии и России, распространенная вера в таинственную силу определенного трехлистного папоротника, сорванного в полночь накануне дня св. Иоанна в глухом непроходимом лесу. Побуждаемый неким заклинанием, обращенным к дьяволу, этот лист начинает расти уже при завершении первого стиха и вырастает окончательно, когда произносятся его последние слова. Если экспериментатор не убоится ужасающих видений, которые обступают его, — а они превосходят все мыслимые и не мыслимые кошмары, — не поддастся им и не падет духом, внимая крикам «лесной нечисти» и видя их попытки помешать ему в его начинании — его усердие вознаградится тем, что он получит растение, которое даст ему власть над дьяволом в течение всей его жизни и *заставит* последнего служить ему.

Это вера является верой в Сатану и *его* силу. Можем ли мы упрекать за такую веру невежественных или даже образо-

ванных, но все же набожных людей? Разве церковь, католическая, протестантская или греческая, не вселяет в нас с самого раннего возраста и, фактически, не *требует* от нас этой веры? Разве это не *sine qua non* [необходимое условие, лат.] христианства? Да, ответят люди; но церковь проклянет нас за любую такую *связь* с Отцом Зла. Церковь хочет, чтобы мы верили в дьявола, но чтобы мы в то же самое время презирали и «отвергали» его; и только она, через своих законных представителей, имеет право вступать в контакт с его почтенным величеством и поддерживать с ним непосредственные сношения, таким образом прославляя Бога и показывая мирянам ту великую власть, которую она получила от божества, чтобы управлять дьяволом во имя Христа, в чем, однако, ей никак не удастся преуспеть. Она бессильна доказать это; но это вовсе не тот случай, когда лучшим доказательством чего-то является тот факт, что в это верит большинство людей. Наиболее убедительное доказательство объективности Ада и Сатаны, которое когда-либо выдвигала церковь, было предоставлено в средние века, когда святая инквизиция была наделена божественным правом силой зажигать адский огонь на земле и жечь в нем еретиков. С достойной похвалы беспристрастностью она сжигала равным образом тех, кто не верил в ад и дьявола, как и тех, кто слишком рьяно верил в силу последнего. И тогда, пожалуй, не лишено смысла убеждение тех бедных, доверчивых людей, которые верят в возможность «чудес» вообще. Поверив в Бога и Дьявола и видя, что зло преобладает на земле, они едва ли смогут избежать мысли о том, что все это является очевидным доказательством победы Сатаны в своей извечной борьбе с Богом. А если это так, то его власть и союз с ним не следует подвергать презрению. Муки ада далеки, а нищета, страдание и голод есть участь миллионов людей. Если покажется, что Бог пренебрег ими, они обернутся к другой силе. Если в одном случае Бог наделяет некий «лист» таинственными силами, почему же тогда не может быть полезным лист, если он вырос под непосредственным наблюдением Дьявола? И разве мы не читаем многочисленные легенды, в которых грешники, заключив некий *договор* с Дьяволом, обманывали его и не отдавали ему свои души перед концом, приобретая покровительство какого-либо святого, раскаиваясь и прося

об «искуплении» в последний момент? Двое убийц из Чембара, признаваясь в своем преступлении, прямо утверждали, что как только в результате кражи их семьи были бы обеспечены, они собирались отправиться в монастырь и, взяв «святой обет, раскаяться»!! И если, в конце концов, мы рассматриваем веру в один-единственный листик как грубое, унижительное суеверие, то почему же государство, общество и, едва ли еще сто лет назад, — закон, подвергали человека наказанию за то, что он не верил в чудеса церкви? Вот свежий пример «чудотворного» листа, извлеченный нами из «Католического зеркала». Мы приводим его для сравнения, и после этого наши читатели, быть может, станут более милосердными к суевериям «бедных язычников», лишенных благословенного знания Христа и веры в него.

ЧУДОТВОРНЫЙ ЛИСТ

Отец Игнатий, в настоящее время исполняющий проповедническую миссию в Шеффилде, сообщил нам о весьма удивительном «чуде» исцеления, произошедшем, по слухам, с одной дамой из Брайтона благодаря листу с того куста, на который, как говорят, снизошла Дева Мария во время своего недавнего небесного явления, которого было удостоено аббатство Лантони. Подробно описав видение, отец Игнатий заявил, что Бог удостоверил их подлинность самым благословенным из всех возможных способов. Листья с этого куста были разосланы многим страждущим и по милости Божьей употреблены во исцеление. Одно из великих чудес, по его словам, произошло с пожилой дамой, которая содержала школу для девочек в Брайтоне, и потому была широко известна. Эта дама в течение тридцати восьми лет страдала от ужасных болей, в результате заболевания тазобедренного сустава, которые не позволяли ей ни сидеть, ни лежать с удобством. Фактически она была полным инвалидом. Он сам был свидетелем, как она становится совершенно мертвенно-бледной от боли в суставе. Он послал ей один лист, не думая о том, что это излечит ее, но желая оставить ей некую память об этом видении. Когда она легла в эту ночь в постель, она взяла с собой его письмо и этот лист, и слова «по вере твоей да пребудет с тобой», которые она вычитала в «*Hawker's Morning and Evening Portion*», звучали в ее ушах. Помолившись, она приложила лист к гнойнику на своей ноге, и гнойник немедленно исчез, тотчас прекратилось выделение гноя, боль утихла, и она смогла правиль-

ным образом поставить свою ногу на пол. С этого момента она стала ходить так же, как и другие люди, и она совершенно избавилась от ужасных и мучительных страданий. Отец Игнатий согласен назвать имя этой дамы и ее адрес любому, кто пожелает исследовать данный случай, а сама дама, со своей стороны, готова предоставить любую информацию.

Некое «видение» в аббатстве Лантони или некое «видение» в кабинете медиума — на самом деле мы не видим большой разницы в этих двух заблуждениях; и если Бог снисходит до того, чтобы действовать через какой-то листок, почему же этого не может сделать дьявол, который все за Ним повторяет подобно обезьяне?

ВСЕГО-НАВСЕГО — ГИПНОТИЗМ?

Один американский «подписчик» просит нас «прокомментировать» некое любопытное сообщение в «*Chicago Tribune*», которое он прислал нам. Мы делаем это весьма охотно, поскольку оно содержит весьма искреннюю, заново изобретенную «попытку» открыть истинную природу таких трюков, как «выращивание манговых деревьев», «мальчик из корзины» и т. п., производимых индийскими «фокусниками», и соответствующее «научное» объяснение этих феноменов. Последнее, однако, старо, как мир, и известно каждому оккультисту, и из него никогда не делалось секрета. Заголовок статьи «ВСЕГО-НАВСЕГО — ГИПНОТИЗМ» (*всего-навсего — что?*) претендует на то, чтобы вытащить кота из мешка, и «Чикагский» интервьюер, похоже, в восторге от такого подвига своего соотечественника. Однако, перейдем к фактам; итак:

КАК ИНДИЙСКИЕ ФАКИРЫ ОБМАНЫВАЮТ СВОИХ ЗРИТЕЛЕЙ

Фред С. Элмор, молодой уроженец Чикаго, наглядно продемонстрировал правоту своей теории, находясь в индийском городе Гая: манговые деревья, дети, а также другие объекты, якобы создаваемые факиром на глазах у зрителей, как показано в результате осуществленного хитроумного плана, являются всего лишь плодом воображения!

«Почти каждый путешественник, возвращающийся из Индии, привозит с собой более или менее удивительные истории о представлениях индийских факиров или фокусников. Всякому, кто когда-либо слышал одну из таких историй, было бы любопытно узнать объяснение тайны. Предлагались различные виды теорий, и все они

были более или менее неудовлетворительными. Юному жителю Чикаго не оставалось ничего другого, как самому найти объяснение, которое действительно ставит точки над «и», и предоставить то, что явилось бы решающим доказательством правильности его идеи. Открытие его имеет шанс привлечь внимание людей во всех частях света, и он может стать столь же широко известным, как открыватель электричества».

Да, он мог бы, вне всякого сомнения, достичь этого, если не обращать внимания на два пустяковых факта: (а) если бы то, что он открыл, не было известно восточным оккультистам в течение много веков как ГУПТА МАЙЯ, или «тайная иллюзия»; и (б) если бы не существовало около сорока лет Теософского общества, которое рассказывало историю «Эллмора» каждому *гоби-мучи*, склонному верить в *таинственный и сверхъестественный* характер так называемых индийских «фокусников». Уже свыше десяти лет назад все подобные явления — и даже более удивительные и феноменальные, поскольку они являются вполне научными и объяснимыми при помощи естественных причин — были многократно охарактеризованы автором данной статьи в Симле как «психологический трюк», к глубокому разочарованию ее чересчур восторженных друзей. Что собой представляют в действительности такие *психологические трюки*, и в чем состоит разница между ними и «простыми фокусами», это будет объяснено ниже. А теперь вернемся к сообщению в «*Tribune*». После сообщения некоторых частных подробностей относительно м-ра Фредерика С. Эллмора, описывающих его детство, учебу в колледже и цвет его волос, и дающих адрес местожительства его семьи, интервьюер показывает его, вместе с его другом и одноклассником, м-ром Георгом Лессингом — один из них «фотограф-энтузиаст», другой искусный художник — в стране Священной Коровы и ушлых *факиров*.

«Рассказывая корреспонденту «*Tribune*» о своем замечательном опыте, приобретенном в Индии, м-р Эллмор сказал: «Мы нашли Западную Индию совершенно очаровательной, и провели некоторое время в Калькутте. Оттуда мы отправились на север, остановившись на короткое время в Раджмахале и Динапуре. Из последнего города мы поехали южнее, к Гая, которую и достигли к концу июля. Лессинг и я часто говорили об индийских факирах и их удивительных

представлениях, и мы решили провести тщательное изучение их сил. Мы были постоянно наготове в ожидании первоклассных фокусников. Однажды после полудня, когда я собирался вздремнуть, Лессинг ворвался в комнату и сказал мне, что перед домом находится факир, готовый начать свое представление. Я был так же обрадован, как и он. Никто из нас до этого времени не имел возможности увидеть кого-нибудь из этих людей, но мы разработали небольшой план, который и привели в действие, когда представилась возможность. Я теоретически предполагал, что объяснение всех приписываемых им сверхъестественных трюков могло бы быть найдено в гипнотизме, но я все же не знал, как они это делают, пока Лессинг не предложил такой план для проверки моей теории. В то время как факир проделывал свои фокусы, Лессинг должен был бы сделать быстрый карандашный набросок того, что он видел, а я в тот же самый момент сделал бы моментальный снимок моим «Кодаком».

Приготовившись привести наш план в исполнение, мы вышли из нашего жилища и обнаружили факира, толпу его соотечественников и одного или двух европейцев. Факир оказался чудаковато выглядящим стариком. Его волосы были длинными и спутанными, и его борода низко свисала на его грудь. Его единственным украшением было медное кольцо или браслет, одетый на его правую руку между запястьем и локтем. Его глаза были замечательны своим блеском и своей напряженной глубиной, если можно это так выразить. Они были совершенно черными и казались сидящими необычайно глубоко на его лице. Когда мы вступили в небольшой кружок вокруг него, его глаза охватили нас от головы до пят. Он расстелил на земле грубый ковер из необычной ткани, около четырех футов в ширину и шести в длину. Справа от него находилась небольшая глиняная чаша, и на коленях лежал музыкальный инструмент странного вида.

Получив сигнал, что все готово, он взял чашу в свои руки и высыпал содержимое — красноватую, похожую на песок, смесь — на ковер. Он перемешал ее своими пальцами, очевидно, чтобы показать, что она не содержит никаких скрытых предметов. Вновь насыпав песок в чашу, он поместил ее в центр ковра, на расстоянии нескольких футов от своих коленей, и покрыл ее небольшим платком, предварительно положив в смесь несколько зерен манговых плодов. Затем он сыграл таинственную мелодию на своей дудочке, раскачиваясь взад и вперед, и, делая это, неторопливо всматривался в каждого из толпы наблюдателей своими удивительными глазами. Раскачивание и игра на дудочке продолжалась две или три минуты. Затем он внезапно остановился и приподнял один из краев платка. Мы увидели несколько зеленых ростков в два или три дюйма высотой. Он

опустил платок, поиграл еще немного на своей дудочке, и я мог бы поклясться, что я увидел платок, поднятый на три фута в воздух. Он снова остановился и убрал платок. В это время там было настоящее дерево, двух или более футов в высоту, с длинными тонкими плоскими листьями. Лессинг легко подтолкнул меня, и я сделал свой фотоснимок, он же нарисовал набросок. В то время как мы наблюдали создание странного старика, оно, как показалось, исчезло из наших глаз. Когда это произошло, он перенес чашу и разостлал ковер перед собой. За этим последовало еще больше музыки и раскачивания, еще больше смотрения в землю, и так как мы следили за грязным прямоугольником из ткани, который он постелил на землю, мы увидели под ним очертания двигающегося предмета. Когда мы наблюдали за этим, он схватил платок за два угла и рывком приподнял его с земли. На том месте, где он был за мгновение до того, сидел самый странный рябой индийский ребенок из всех, которых я видел во время моего путешествия. Нервы Лессинга были в лучшем состоянии, чем у меня. Я бы забыл, что я должен делать, если бы он не напомнил мне об этом. Я сделал фотографию, а он — свой рисунок. Ребенок оставался лишь одно мгновение, после чего факир вновь покрыл его платком, и, вытащив нож, нанес удары по тому месту, где сидел ребенок. В следующее мгновение он сорвал платок, под которым ничего не было.

Едва мы успели оправиться от изумления, как факир вытащил из-под своих колен клубок серой веревки. Зажав свободный конец между своими зубами, он резким движением вверх бросил клубок в воздух. Вместо того чтобы возвратиться к нему обратно, клубок все поднимался и поднимался до тех пор, пока не скрылся от нашего взора, и остался лишь длинный качающийся конец веревки. Когда мы опустили глаза после попыток увидеть клубок, мы все были изумлены, увидев стоящего около факира мальчика примерно шести лет. Его не было там, когда клубок был брошен в воздух, но он был там теперь, и по команде факира обошел вокруг веревки и начал карабкаться по ней, некоторым образом подражая обезьяне, поднимающейся по виноградной лозе. Когда он начал подниматься, я навел на него фотоаппарат и сделал снимок, и в то же самое время Лессинг делал зарисовку. Мальчик исчез, когда он достиг высоты тридцати или сорока футов над землей, по крайней мере, мы не могли его увидеть. Моментом позже веревка исчезла. Затем факир встал, свернул свой ковер, взял чашу и, обходя толпу, стал просить вознаграждения.

У меня не было возможностей для проявления фотографических пленок, и Лессинг взял их с собой для проявки, вместе с тысячей или еще большим количеством других негативов. Изображения факира

вместе с некоторыми другими я получил сразу после обеда. После ухода факира Лессинг дополнил свои наброски и оставил их у меня. Вы увидите, сравнивая рисунки Лессинга с фотографиями, что ни в одном случае камера не зарегистрировала удивительных особенностей представления. Например, набросок Лессинга показывает дерево, выросшее из куста, в то время как камера не обнаруживает там никакого куста. Лессинг, а также и я, видели мальчика, и он попал в его набросок, хотя камера демонстрирует отсутствие мальчика. Рисунок Лессинга, на котором изображен карабкающийся по веревке мальчик, это доказательство, что он видел это, но камера утверждает, что не было никакого мальчика и никакой веревки. Поэтому я был вынужден поверить, что моя теория абсолютно верна, — что факир просто загипнотизировал всю толпу, но не смог загипнотизировать камеру. Я собираюсь написать историю об этом, сделать копии с рисунков и послать их в Лондонское Общество психических исследований. Я не сомневаюсь, что они найдут им хорошее применение».

У нас также нет каких-либо сомнений по этому поводу. «О. П. И.», конечно, найдет «хорошее применение» наброскам м-ра Лессинга и фотографиям м-ра Эллмора, как оно это сделало с сотнями своих сеансов со спиритическими медиумами, и с доказательствами, представленными теософами: неспособное связать эти вещи со своим излюбленным «телепатическим воздействием», оно заклеит в целом все вышеприведенные многочисленные и хорошо известные феномены как фокусничество, ловкость рук и трюки *à la* «Маскелин и Кук». Ибо это обычно бывает единственным объяснением, даваемым «ученым» Обществом всему, что его члены не понимают и неспособны понять.

Мы с радостью поздравляем м-ра Эллмора и м-ра Лессинга и должны сказать несколько слов по данной теме для их пользы в и благополучия в будущем.

Прежде всего, мы спрашиваем их, почему они называют «фокусника» — «факиром»? Если он является одним из них, то он не может быть другим; ибо факир — это просто *мусульманский фанатик*, который все свое время проводит в благочестивых делах, таких, как стояние днями на одной ноге или на макушке своей головы, и не уделяет внимания каким-либо другим феноменам. Он не может быть также и йогом, ибо имя последнего несовместимо с «собираанием толп» для показа

своих психических сил. Человек, которого они видели в Гая, был просто — как бы его назвать покорректней — публичным фокусником, или, как его обычно называют в Индии, *ядувалла* (колдун) и «создатель иллюзий, будь он индусом или мусульманином. Как подлинный фокусник, то есть тот, кто заявляет нам о том, что он покажет нам сверхъестественные феномены, или *сиддхи* йогов, он в такой же мере имеет право на использование колдовских трюков, как, например, Гофман, или Маскелин и Кук. Ну что ж, мы приглашаем последних джентльменов и всех «волшебников Севера», повторить, если они могут, даже такие *фокуснические феномены*, как вышеприведенные, одетыми, а точнее раздетыми, как и фокусники, и под куполом неба, а не под крышей или потолком зала или театра. *Они никогда не смогут сделать этого. А почему? Да потому что такие «фокусники» — это не те, кто использует «ловкость рук». Они являются квалифицированными и подлинными психологами, месмеризаторами, наделенными наиболее феноменальными силами, которые до сих пор неизвестны и почти не практикуются в Европе, кроме некоторых исключительных случаев. И что касается данного пункта, мы спрашиваем, основывая наши вопросы на логике аналогий: если существование таких феноменальных сил «очаровывания», как распространение чар на аудиторию часто в несколько сотен или даже тысяч человек, доказано хотя бы однажды в простых профессиональных фокусниках, то кто же может отрицать те же самые силы, только в двадцать раз более могущественные, в обученных адептах оккультизма? Это будет крепким орешком для Общества психических исследований — если оно когда-либо примет свидетельство м-ра Эллмора, в чем мы сомневаемся. Но если оно и будет принято, то, какое же право будут иметь члены этого Общества или публика сомневаться в заявлениях, сделанных от имени великих йогов и ученых адептов и «махатм», которые создают во много раз более удивительные феномены? Единственный факт, поистине, состоит в том, что все собравшиеся видят веревку в воздухе,¹ конец которой кажется закрепленным в облаках, мальчика, поднимающегося по ней, ребенка под корзиной, и расту-*

¹ См. «Разоблаченную Изиду», I, 73, 495 и далее.

щее манговое дерево, когда на самом деле нет ни веревки, ни мальчика, ни мангового дерева, — все это может дать нам право назвать это величайшим из возможных ментальных чудес; некий «психологический трюк» — это почти верно, но с ним никогда не сможет конкурировать, и даже приблизиться к нему, никакое физическое явление, сколь бы удивительным одно ни было. «*Всего-навсего — гипнотизм*», — говорите вы. Но те, кто говорит так, не знают разницы между гипнотизмом, который в лучшем случае является лишь *чисто физиологическим проявлением* даже в руках наиболее сильного и обученного экспериментатора, и истинным месмеризмом, не говоря уж о *махамайе* или даже *гупта майе* в древней и современной Индии. Мы бросаем вызов всем и каждому, от Шарко и Рише до всех второсортных гипнотизеров, включая и величайших физических медиумов, чтобы они создали то, что м-р Эллмор и м-р Лессинг приписывают их «фокуснику».

Для тех, кто неспособен понять всю важность такой психо-спиритуальной силы в человеке, которую «*Tribune*» столь невежественно и глупо называет «гипнотизмом», все, что мы можем сказать, будет бесполезно. Мы попросту отказываемся отвечать им. Но другим, кто поймет нас, мы скажем: *да*; это *вошебство*, очаровывание, психология, назовите как захотите, но это не «гипнотизм». Последний является неким помрачением ума, создаваемым некоторыми людьми, действующими на других людей посредством прикосновения, или путем пристального взглядывания человека в сильно освещенное пятно, или неких других манипуляций; но что это по сравнению с коллективным и одновременным *очаровыванием* сотен людей одним мимолетным взглядом «фокусника» (*Vide supra* [см. выше]), даже если этот взгляд «охватывает каждого человека» «от головы до пят». Никакой теософ, который что-либо знает об оккультизме, никогда не объяснял такие феномены никаким другим образом, кроме как *магическими чарами* и *очаровыванием*; и приписывать им что-либо еще равнозначно тому, как если бы учить *сверхъестественному* и чудесному, — то есть тому, что невозможно в природе. В одной только Англии есть множество теософов, которые в любой день могли бы засвидетельствовать, что их за многие годы до сегодняшнего дня учили тому, что такие физические феномены в Индии яв-

ляются результатом очаровывания и психологических сил тех, кто их совершает. И все же никто в Теософском обществе никогда не заявлял об открытии им и об объяснении тайны мангового дерева, так как это учение известно уже в течение многих веков, и ныне ему обучают всех, *кто хочет знать*.

Тем не менее, как было сказано в начале, мы отдаем долг благодарности м-ру Эллмору и его другу за их удачную идею использовать фотографический тест для исследования такого трюка, так как никакие чары (или, как говорит, по утверждению репортера, Эллмор, «гипнотизм») не могут воздействовать на фотокамеру. Кроме того, кажется, что и оба молодых путешественника, и репортер «*Tribune*» поработали именно для Теософского общества. Поистине, можно с уверенностью предсказать, что никто, включая и Общество психических исследований, не уделит больше внимания «открытию» м-ра Эллмора, — поскольку последнее, невзирая на ошибочное именование гипнотизмом, является только фактом и истиной. Таким образом, лишь одно Теософское общество будет благодарно за еще одно подтверждение его учений при помощи независимого и неопровержимого доказательства.¹

¹ Дополнительное подтверждение оккультного учения дается в брошюре, озаглавленной «Материализм, агностицизм и теософия», выпущенной *Pacific Coast Committee for Theosophical Works*: «В связи с тем самым вопросом (относительно туманности), около трех лет назад мадам Блаватская, этот *bête noire* [козел отпущения, *франц.*], как со стороны религии, так и науки, заявила, что если бы ученые смогли усовершенствовать приборы и сделать их достаточно мощными для того, чтобы проникнуть в эту туманность, они бы поняли ложность своего предположения о всеобщем действии гравитации. Это осталось без ответа... Но совсем недавно один калифорнийский ученый совершенно неожиданно подтвердил это кажущееся необоснованным утверждение. Одним из первых результатов изучения звездного неба при помощи большого Ликского телескопа было осторожное сообщение профессора Голдена о том, что устройство материи во многих туманностях, казалось бы, прямо приводит к заключению, что там действуют некие другие силы, нежели гравитация».

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА

Мы получили несколько писем в связи с тем вопросом, который обсуждался в редакторской статье последнего номера: «Пусть каждый человек проявит себя на деле». Можно сделать несколько коротких замечаний, не в качестве ответа на какое-либо из писем — *которые не могут быть опубликованы* (и отрецензированы, согласно общему правилу), *поскольку они анонимны и не содержат никаких сведений об авторах*, — но в ответ на взгляды и обвинения, содержащиеся в одном из них, за подписью «М». Его автор выступает от имени церкви. Он отвергает утверждение о том, что этой организации не хватает просвещенности, чтобы создать подлинную систему филантропии. Он также пытается возражать против высказанного мнения, что «на практике люди, делая добро, часто неумышленно наносят вред», и приводит в защиту христианства — которое, между прочим, ни в коей мере не подвергалось нападкам в критикуемой им редакторской статье — пример работников в наших трущобах.

На что, повторяя уже сказанное выше, мы утверждаем, что эмоциональной благотворительностью было сделано больше зла, чем хотели бы это признать сентименталисты. Любой человек, изучающий политическую экономию, знаком с этим фактом, считающимся трюизмом у всех тех, кто посвятил свое внимание данной проблеме. Не существует никакого другого благородного чувства, кроме этого, которое воодушевило бы неэгоистичного филантропа; но обсуждаемая тема вовсе не ограничивается признанием этой истины. Следует проверить практические результаты его работы. Мы должны посмотреть, не сеет ли он семена большего зла, в то время как облегчает меньшее.

То, что «большая часть населения нашей страны, занимаясь тяжелым физическим трудом», находится за чертой бедно-

сти — это факт, отражающий огромное доверие к репутации таких работников. Это не влияет на их кредо, ибо подобные натуры останутся верными себе, независимо от изменений преобладающих догм. И, безусловно, очень жалкой иллюстрацией тех плодов, которые принесли долгие века догматического христианства, является то, что Англия сегодня столь ослаблена страданиями и нищетой, — особенно принимая во внимание библейскую заповедь, что о дереве судят по его плодам! Можно бы было также возразить, что необходимо открыть новую страницу в церковной истории, прошлое которой запятнано преследованиями, подавлением знания, преступлениями и убийствами. Но трудности на этом пути непреодолимы. «Церковное вероучение», поистине, сделало лучшее из того, что могло, став наравне с веком, признавая учения науки и заключая с ней негласные перемирия, но оно неспособно дать миру истинно духовный идеал.

Та же самая христианская церковь нападает с бесполезным упрямством на всевозрастающее воинство агностиков и материалистов, но *совершенно ничего не знает, как и последние, о тайнах посмертного существования*. Величайшей необходимостью для церкви, согласно профессору Флинту, является сохранение в числе своей паствы лидеров европейской мысли. Однако такие люди рассматриваются как анахронизм. Церковь разъедает скептицизм в ее собственных стенах, и ныне стали весьма обыденными свободомыслящие священники. Этот постоянный отток жизненных сил поставил истинную религию в очень затруднительное положение, и необходимо влить в современную мысль новый поток идей и устремлений, короче говоря, подвести логическую основу под возвышенную нравственность, науку и философию, соответствующую тому времени, в котором в мире появилась теософия. Простая материальная филантропия, без привнесения новых идей и облагораживающих представлений о жизни в умы простых людей, совершенно бесполезна. Одно лишь постепенное усвоение человечеством великих духовных истин преобразит лицо цивилизации и будет, в конце концов, много более эффективной панацеей от зла, чем простое копание в поверхностных страданиях. Предупреждение болезни лучше ее лечения. Общество создает своих собственных отверженных, пре-

ступников и распутников, а затем проклинает и уничтожает своих собственных Франкенштейнов, осуждая свое собственное потомство, «кость от кости, и плоть от плоти», на жизнь в проклятии на земле. И все же это общество признает и в высшей степени лицемерно навязывает христианство — то есть, «церковное вероучение». Должны мы в таком случае, или нет, сделать из этого вывод, что это вероучение не отвечает требованиям человечества? Безусловно, первое, и наиболее болезненно и очевидно для ее современной догматической формы то, что оно превратило прекрасные этические наставления Нагорной проповеди в плод Мертвого моря, не более чем в чисто выбеленный склеп.

Далее, тот же «М», в отношении Иисуса, к которому могут быть применены лишь две альтернативы, пишет, что он «был либо Сыном Божиим, либо самым подлым самозванцем, которого когда-либо носила эта земля». Наш ответ — ничего подобного. Жил ли Иисус Нового Завета, или нет, существовал ли он как исторический персонаж, или был просто вымышленной фигурой, собравшей вокруг себя библейские аллегории, — Иисус из Назарета Матфея и Иоанна, это тот идеал, которому всякий стремящийся к мудрости и западный кандидат в теософы должен следовать. То, что такой человек как он был «Сыном Бога» — это столь же несомненно, как и то, что он был не *единственным* «Сыном Бога», не первым из них и даже не последним, который завершил бы ряд «Сынов Бога», или детей Божественной Мудрости, на этой земле. Неправомерно и такое утверждение, что при жизни он (Иисус) когда-либо «говорил о себе как о единосущем с Иеговой, Всевышним, Центром Вселенной», равно как в его не применяющихся, но не отмененных законах, так и в скрытом мистическом значении. Ни в одном месте Иисус не ссылается на «Иегову», но, напротив, опровергая законы Моисея и так называемые Заповеди, завещанные на горе Синай, он предельно четко и выразительно отделяет себя и своего «Отца» от синайского родового бога. Вся пятая глава Евангелия от Матфея проникнута страстным протестом «миротворца, сеющего любовь и милосердие» против жестоких, суровых и эгоистичных заповедей «мужа брани», «Господа» Моисея (Исход, 15:3). «Вы слышали, что сказано древним», — так-то и так-то — «А

Я говорю вам», — совершенно противоположное. Христиане, которые все еще придерживаются Ветхого Завета и Иеговы израильтян, являются в лучшем случае *евреями-схизматиками*. Пусть они, при всем при этом, останутся таковыми, если пожелают; но они не имеют права называть себя не только *христианами*, но и *христианами*.¹

Совершенно несправедливо и неправомерно утверждать, как это делает наш анонимный корреспондент, что «вольнодумцы известны несправедностью своей жизни». Некоторые из выдающихся личностей и глубочайших мыслителей нашего времени украшают ряды агностиков, позитивистов и материалистов. Последние являются злейшими врагами теософии и мистицизма; но это не причина для того, чтобы не воздать им должное. Полковник Ингерсолл, отъявленный материалист и лидер свободомыслия в Америке, признается даже его врагами — идеальным мужем, отцом, другом и гражданином, одной из самых благородных личностей, украшающих Соединенные Штаты. Граф Толстой — это вольнодумец, давно расставшийся с православной церковью, и, тем не менее, всей своей жизнью он служит примером самопожертвования и альтруизма, сравнимого с альтруизмом Христа. Каждому «христианину», чтобы стать добродетельным, следовало бы взять за образец в личной и общественной жизни этих двух «*безбожников*». Щедрость многих свободомыслящих филантропов обнаруживает разительный контраст с апатией богатых сановников церкви. Отвергать их как «врагов церкви» — столь же абсурдно, сколь и достойно презрения.

«Что вы можете предложить умирающей женщине, которая боится идти в одиночестве в ТЕМНУЮ НЕИЗВЕСТНОСТЬ?» — спрашивают нас. Наши христианские критики искренне признают при этом: (а) что христианские догмы лишь развили *страх* перед смертью, и (б) *агностицизм ортодоксальных верующих* в христианскую теологию в отношении будущего состояния *после смерти*. Поистине, трудно понять специфический тип блаженства, который ортодоксия предлагает своим верующим в виде — *осуждения на вечные муки*.

¹ См. статью «Эзотерический характер Евангелий», — Е.П. Блаватская. Скрижали астрального света. Изд-во «ЭКМО-Пресс», 2001. Стр. 698-739.

Умиравший человек — средний христианин — с *омраченными* воспоминаниями о жизни, вряд ли сможет понять это благодеяние; в то время как кальвинист или фаталист, который вскормлен идеей о том, что постоянное страдание может быть предопределено для него Богом извечно, не из-за какой-то вины этого человека, но просто потому, что он — Бог, более чем оправдан в том, что он рассматривает последнего как нечто в десять раз худшее, чем любой дьявол или черт, которого могла бы выдумать греховная человеческая фантазия.

Теософия, напротив, учит тому, что в природе царит *совершенная, абсолютная справедливость*, хотя узко мыслящие люди и неспособны увидеть ее во всех деталях на материальном и даже психическом плане, и что каждый человек сам определяет свое будущее. Истинный Ад — это жизнь на Земле, как результат кармического наказания, которое следует из-за предыдущей жизни, в течение которой были созданы дурные причины. Теософ *не верит в ад*, но с уверенностью ожидает покоя и блаженства во время *промежутка* между двумя воплощениями, как вознаграждения за все несправедливые страдания, которые он вытерпел в некоей жизни, в которую он был ввергнут Кармой, и в течение которой он в большинстве случаев столь же беспомощен, как оторванный листок, кружимый дующими в разные стороны ветрами личной и общественной жизни. В различные времена было достаточно сказано об условиях посмертного существования, так что существует достаточное количество надежной информации по этому вопросу. Христианской теологии нечего добавить на эту животрепещущую тему, кроме разве тех случаев, когда она скрывает за тайной и догмой свое незнание; в отличие от оккультизма, который, раскрывая библейский символизм, тщательно объясняет его.

БЛАГОДЕЯНИЯ ГЛАСНОСТИ

Один широко известный лектор и знаменитый египтолог сказал в одной из своих лекций, направленной против теософских учений, несколько наводящих на размышления фраз, которые мы здесь процитируем и на которые мы должны дать ответ:

«Ошибочно полагать, что в опыте и в мудрости прошлого есть что-либо, достоверные результаты чего могут быть сообщены только из-под покрова или из-под маски мистерии... Объяснение — это душа науки. Они скажут вам, что *мы не можем получить их знание без того, чтобы не прожить их жизнь...* Публичные экспериментальные исследования, пресса и позиция свободомыслия отменили необходимость тайны. Для науки более нет необходимости использовать покрывало, как это она делала из соображений безопасности в прошлом», и т. д.

Это мнение весьма ошибочно в одном отношении. «Тайны чистой и мудрой жизни» не только *могут*, но и *должны* быть сделаны известными всем. Но существуют *такие тайны в магии оккультизма, которые убивают*, и если человек не ведет соответствующий образ жизни, они не могут быть доверены ему.

Покойный профессор Фарадей очень серьезно задумывался над тем, мудро и разумно ли делать достоянием широкой публики некоторые из открытий современной науки. Химия в нашем столетии привела к открытию слишком ужасных средств разрушения, чтобы позволить им попасть в руки профана. Какой здравомыслящий человек — перед лицом таких жестоких применений динамита и других взрывчатых веществ, как те, которые были изготовлены теми воплощениями Разрушительной Силы, с гордостью называющие себя анархистами и социалистами — не согласится с нашим утверждени-

ем, что было бы гораздо лучше для человечества, если бы оно обошлось без взрыва скал с помощью современных средств, чем оно покалечило хотя бы один процент даже тех, кто пострадал таким образом от безжалостной руки русских нигилистов, ирландских фениев и анархистов. То, что такие открытия, и особенно их смертоносное применение, следует утаивать от общественного знания, можно убедительно показать, прибегнув к авторитету статистики и комиссий, предназначенных для исследования результатов злонамеренных деяний. Следующая информация, собранная из общедоступной периодики, даст представление о том, что может быть уготовано бедному человечеству.

Одна только Англия — центр цивилизации — имеет 21.268 фирм, изготавливающих и продающих взрывчатые вещества.¹ Но центры торговли динамитом, адскими машинами, и другие подобные результаты современной цивилизации находятся преимущественно в Филадельфии и Нью-Йорке. Именно в этом первом городе «братской любви» процветает сейчас наиболее знаменитый изготовитель взрывчатки. Это один из хорошо известных и уважаемых людей — изобретатель и производитель наиболее смертоносных «игрушек из динамита», — который, будучи допрошенным сенатом Соединенных Штатов, озабоченным тем, чтобы принять средства к подавлению *слишком свободной торговли* подобными изделиями, нашел аргумент, достойный быть увековеченным за его циничную софистику:

«Мои машины», — как заявил в интервью этот эксперт, — «выглядят совершенно безвредными, поскольку они могут быть изготовлены в виде апельсинов, шляп, лодок, и прочих предметов, нравящихся людям... Преступник — это тот, кто убивает людей при помощи таких устройств, а не тот, кто их делает. Фирма отказывается признать, что если бы не было предложения, то не было бы и спроса их на рынке; она настаивает на том, что любой спрос должен удовлетворяться готовым предложением».

¹ Нитроглицерин нашел путь даже в медицинские препараты. Терапевты и фармацевты соперничают с анархистами в своих попытках разрушить остатки человечества. Знаменитые шоколадные таблетки против диспепсии, как говорят, содержат нитроглицерин! Они могут спасти, но они могут с гораздо большей легкостью и убивать.

Это «предложение» есть плод цивилизации и гласности в отношении открытия каждого из смертоносных свойств материи. Что это такое? В докладе комиссии, назначенной для исследования особенностей так называемых «адских машин», уже сейчас содержится данные о следующих орудиях мгновенного уничтожения людей. Наиболее модным среди многих разновидностей производимого мистером Холгейтом являются: «часы», «механизм восьмого дня», «маленький уничтожитель» и «бутылочный механизм». «Часы» внешне похожи на кусочек свинца длиной в один фут и толщиной в четыре дюйма. Они содержат стальную трубку, заполненную неким видом пороха, изобретенного самим Холгейтом. Этот порох, внешне похожий на любой другой подобный порошок, имеет, однако, взрывную силу в двести раз большую, чем обычный порох; таким образом, «часы» содержат порох, равный по взрывной силе двум сотням фунтов обычного пороха. На конце устройства укреплен скрытый часовой механизм, служащий для определения времени взрыва, которое может быть фиксировано от 1 минуты до 36 часов. Запал создается посредством стальной иголки, которая дает искру в месте касания, и далее огонь распространяется по всему устройству.

«Механизм восьмого дня» считается наиболее мощным и одновременно наиболее сложным из всех изобретений. Необходимо ознакомиться с правилами обращения с ним для того, чтобы обеспечить его успешное применение. Именно по причине этой сложности, ужасная судьба, предназначенная Лондонскому мосту и его окрестностям, обернулась внезапным убийством двух фенийских¹ преступников. Размер и вид этого устройства меняется, подобно Протею, в соответствии с необходимостью сделать его тем или иным образом не воспринимаемым для жертвы. Его можно спрятать в хлебе, в корзине с апельсинами, в жидкости, и так далее. Комиссия экспертов, по слухам, заявила, что взрывная сила этого устройства такова, что она может мгновенно превратить в атомы самое крупное здание мира.

«Маленький уничтожитель» является с виду вполне безобидной простой посудинкой в форме небольшого кувшина. Он

¹ Фении, члены ирландского тайного общества, борющиеся за освобождение Ирландии от английского господства. — *Прим. редактора.*

не содержит ни динамита, ни пороха, но, тем не менее, скрывает в себе смертоносный газ; к его горлышку прикреплен малозаметный часовой механизм, стрелка которого определяет время, когда газ начнет распространяться. В закрытом помещении этот новый смертельный «врил» *задушит почти мгновенно* всякое живое существо на расстоянии ста футов, таков радиус действия смертоносного кувшина. Этими тремя «последними новинками» периода высшего развития христианской цивилизации заканчивается каталог террористов и мятежников; все остальное принадлежит к устаревшей «моде» прошлых лет. Это шляпы, портсигары, обычного вида бутылки и даже *флаконы дамских духов*, наполненные динамитом, нитроглицерином и т. д., и т. п. — виды оружия, некоторые из которых, бессознательно следуя кармическому закону, убили многих мятежников во время последней чикагской «революции». Добавьте к этому недавно открытую и многообещающую вибрационную силу Кили, способную превратить за несколько секунд мертвого вола в кучку праха, и спросите себя, мог ли *Inferno* [Ад, *um.*] Данте когда-нибудь тягаться с землей в создании в высшей степени адских машин разрушения!

Таким образом, если чисто материальные устройства способны взорвать величайшие города мира, при условии, что смертоносное оружие находится в искусных руках, — к каким ужасным опасностям могли бы привести магические *окультные* тайны, если их открыть и позволить им попасть во власть неразумных людей! Они в тысячи раз опаснее и смертоноснее, поскольку ни рука преступника, ни примененное *нематериальное*, невидимое оружие никогда не могут быть обнаружены.

Прирожденные *черные* маги — те, которые соединяют врожденную склонность к злу с высокоразвитой медиумической природой — чересчур многочисленны в наше время. В скором времени физиологи и верующие, по крайней мере, должны будут прекратить пропагандировать прелесть гласности и требование знания всех тайн природы для всех людей. И не в нашем веке «соблазна» и «взрывчатых веществ» оккультизм может широко раскрыть равно перед всеми людьми двери своих лабораторий.

ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ

Использование гипнотического внушения в криминальных целях существенно повлияло на ход судебного процесса над Эйраудом и Бомпардом в Париже. Решающую роль в этом деле сыграло свидетельство профессора Льежуа, представляющего знаменитую парижскую медицинскую школу. Профессор привел в качестве примера случай с одной женщиной, которой он сделал в гипнотическом состоянии внушение, что она видит двух бродяг, крадущих 20 фунтов у некой дамы, и он велел ей пойти в суд и сообщить эту информацию. Она так и сделала и дала подробные описания двоих мужчин, повторив впоследствии по прошествии некоторого времени свои показания слово в слово.

Далее профессор рассказал о случае, происшедшем с одним дантистом в Париже, которого видели, как он в состоянии гипноза воровал вещи в магазине подержанных товаров. Позднее в ходе следственного эксперимента было установлено, что он совершил кражу в нормальном состоянии, не имея к тому никакого другого побуждения, кроме сделанного ему в гипнотическом состоянии внушения. Один красноречивый проповедник, который часто слышал о воздействии гипнотического «внушения», проэкспериментировал на весьма податливом молодом человеке, призывая его пойти и украсть некоторые вещи и принести их ему. Молодой человек сделал все в точности, как ему было сказано. В другом случае, подчиняясь приказу, полученному им в таком же гипнотическом состоянии, он вызвал немалое удивление прихожан, принявшись во весь голос декламировать тексты из Евангелий. На третий раз он был послан на воровство и схвачен с поличным. Некий офицер в казармах внушил поддающемуся гипнозу горнисту, что он — младший лейтенант. Горнист сразу же отправился к

полковнику объявить о своем повышении в звании, на что тот изумленно воскликнул: «Этот тип спятил! Его место в психушке». Когда несколькими часами позже горнист пробудился, он ничего не помнил об этом, и его приключение вызвало много шуток среди офицеров.

Д-р Льежуа хотел показать суду подборку фотографий человека, которому во время гипноза внушили, что он получил тяжелый ожог, и это настолько сильно отразилось в его нервной системе, что через тридцать шесть часов на его теле появились следы от ожога, как если бы это произошло на самом деле, на что председатель суда заявил: «Я не позволю этого; это совершенно незаконно». Затем д-р Льежуа прокомментировал эти случаи, приведя под конец еще один, который произошел в Вузье более пятидесяти лет назад, когда человеком в гипнотическом состоянии было совершено двойное убийство, и который был признан не несущим ответственности за свои действия.

Нет никакого сомнения в том, что широкое распространение в печати сведений о деталях и методах гипнотического внушения поставило общество лицом к лицу с очень серьезной опасностью. Думается, что многие после этого оценят по достоинству древнюю традицию: сохранять в тайне то знание, которое давало бы в руки беспринципных и неразборчивых людей контроль над тончайшими силами природы.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Исключительно интересно проследить за быстрой эволюцией общественного мнения в отношении мистики. Образованный ум, безусловно, пытается сбросить с себя тяжелые оковы материализма. Безобразная гусеница бьется в смертельной агонии, стараясь мощными психическими усилиями скрытой в ней бабочки вырваться из тюрьмы, которую построила для нее наука, и каждый день приносит новые радостные известия о тех или иных ментальных прорывах к свету.

Как справедливо отмечает нью-йоркский «Path» в своем сентябрьском выпуске [1887], когда «теософская и близкая по духу тематика ... превращается в содержание романов», и, добавим мы, научных эссе и брошюр, «это приводит к тому, что интерес к ним широко распространяется среди всех слоев населения». Этот род литературы является «парадоксальным свидетельством того, что оккультизм вышел из области легкомысленного развлечения и вошел в область серьезного исследования». Читатель должен лишь бросить ретроспективный взгляд на публикации последних нескольких лет, чтобы обнаружить, что такие темы, как мистицизм, магия, волшебство, спиритуализм, теософия, месмеризм, или, как он сейчас называется, гипнотизм, — все эти различные аспекты *оккультной* стороны природы становятся доминирующими во всех видах литературы. Они, очевидно, увеличиваются в гораздо большей степени, чем усилия, направленные на то, чтобы дискредитировать движение к истине и воспрепятствовать исследованию — либо в области теософии, либо в спиритуализме — таким образом, чтобы вымазать дегтем и вывалить в перьях ее наиболее выдающихся вестников, первопроходцев и защитников.

Основная тональность мистической и теософской литературы была задана в книге Мариона Кроуфорда «М-р Исаак». За ней последовала другая его книга «Зороастр». Затем появились: «Роман о двух мирах» Мэри Корелли; «Д-р Джекил и м-р Хайд» Р. Луи Стивенсона; «Падший идол» Энсти; «Копи царя Соломона» и исключительно знаменитая книга «Она», написанные Райдером Хаггардом; «Влечения» и «Брат призрака» миссис Кемпбелл Пред; «Дом слез» Эдмунда Дауни, и много других менее известных произведений. Сейчас происходит оживление в этой области литературы благодаря книгам: «Дочери тропиков» Ф. Марриэта и «Странные приключения Люси Смит» Ф. К. Филлипса. Нет нужды детально рассматривать литературу, созданную признанными теософами и оккультистами, хотя некоторые из их работ просто замечательны, а другие, несомненно, носят научный характер, такие как «Разоблаченная каббала» С. Л. Макгрегора Мазера; «Парацельс» и «Магия, белая и черная» д-ра Ф. Хартманна, и т. д. Мы должны отметить также тот факт, что теософия уже пересекла Ла-Манш и прокладывает путь во французской литературе. «La France» публикует необычный роман Ч. Чинчолли «Великая Жрица», наполненный теософией, оккультизмом и месмеризмом, а в «La Revue politique et litteraire» (от 19 февраля 1887 года, и далее) печатается роман «Эмансипированная», подписанный Т. Бенцон, в котором эзотерические доктрины и их приверженцы упоминаются наряду с именами хорошо известных теософов. Примета времени!

Литература — особенно в странах, свободных от правительственной цензуры — является сердцем и пульсом общества. Исходя из того, что там, где нет спроса, не будет и предложения, современная литература создается только ради удовольствия, и поэтому является со всей очевидностью зеркалом, правдиво отражающим состояние общественного сознания. Правда, консервативные редакторы, и послушные им корреспонденты и репортеры, время от времени нападают на мистический спиритуализм и теософию, а некоторые из них иногда находят удовольствие в *грубых* личных выпадах. Однако они в целом не причиняют ущерба, за исключением, может быть, их собственной редакторской репутации, поскольку таких редакторов нельзя заподозрить в высокой куль-

туре и хорошем вкусе после нескольких личных выпадов неджентльменского характера. Напротив, они делают добро. Ибо, когда на теософов и спиритуалистов нападают таким образом, они со спокойствием Сократа смотрят на сквернословия, поливающего их бранью, и утешаются сознанием того, что ни один из этих эпитетов, очевидно, неприменим к ним; с другой стороны, *слишком большое количество* брани и поношений заканчивается тем, что в обществе, во всяком случае, у консерваторов и людей, не входящих ни в какие партии, пробуждается симпатия к жертве.

В Англии народ в целом любит честную игру. Башибузукские действия, доблестные поступки тех, кто получает удовольствие от надругательства над убитыми и ранеными, не могут найти устойчивую симпатию в обществе. Если — как считают наши мирские недруги и неустанно повторяют некоторые *наивные* и чересчур оптимистически настроенные миссионерские газеты — спиритуализм и теософия «мертвы как дверной гвоздь» (т. е., «не подают никаких признаков жизни», дословная цитата из американской христианской периодики), — пусть так, «мертвы и похоронены», почему же, в таком случае, добрые отцы церкви не оставят мертвеца в покое до «Судного Дня»? И если их нет, то чего же редакторы — как непосвященные, так и клерикальные — до сих пор боятся? Не показывайте свою трусость, если правда на вашей стороне. *Magna est veritas et praevalēbit* [велика истина, и она восторжествует, *лат.*], и, рано или поздно, как это всегда бывает, «убийство будет раскрыто». Откройте ваши страницы для *свободной* и бесстрашной дискуссии и поступайте так, как это всегда было принято в теософской периодике, и как «Люцифер» делает это сегодня. «Сын утренней зари» не боится света. Он стремится к нему, и готов публиковать любые конфронтирующие материалы (изложенные, разумеется, в приличных выражениях), как бы ни отличались они от его теософских взглядов. Им принято решение о создании одинаковых условий для того, чтобы были услышаны, во всех случаях, обе соперничающие стороны, и чтобы факты и соображения могли оцениваться в соответствии с их собственными достоинствами. Ибо почему, или чего следует бояться, когда твоей единственной целью является факт и истина? «*Di hoc*

des opinions jaillit la vérité) [из столкновения мнений рождается истина, *франц.*], как сказал один французский философ. Если теософия и спиритуализм являются не более чем «гигантским обманом и блуждающими огоньками нашего века», тогда к чему такие *дорогостоящие* крестовые походы против них? А если они таковыми не являются, то почему агностики и искатели правды в широком смысле должны помогать фанатически мыслящим материалистам, сектантам и догматикам «держать наш свет под спудом» при помощи грубой силы и незаконно захваченной власти? Нетрудно поразить честные намерения беспристрастного человека. Еще легче дискредитировать то, что уже является непопулярным в силу своей оригинальности, и что едва ли может пользоваться доверием даже в дни своих побед. «Никакое предположение мы не приветствуем с таким удовольствием, как то, которое соглашается с нашими предрассудками и укрепляет их», — говорит известный автор в «Доне Эсуальдо». Таким образом, *факты* часто обращаются искусно состряпанным «обманом»; а самоочевидная ложь воспринимается как евангельская истина при первых звуках *клеветы* Дона Базилио, — теми, для кого такие клеветнические окостеневшие предубеждения неотличимы от божественной росы.

Но, возлюбленные недруги, «свет Люцифера» сможет, в конце концов, рассеять в какой-то мере окружающую тьму. Мощный, громовой голос разоблачения, столь приятный для тех, чьей мелкой ненависти и умственной стагнации в объятиях социальной респектабельности он способствует, можно, однако, заставить замолчать с помощью голоса истины — «тихого, спокойного голоса», — которому судьбой предназначено первому проповедовать в пустыне. Тот холодный и искусственный свет, который все еще высвечивает мнимую недобросовестность профессиональных медиумов, предполагаемые погрешности и оплошности *непрофессиональных* экспериментаторов, свободных и независимых теософов, может, однако, угаснуть на вершине своей славы. Ибо это не вечная лампа философа-алхимика. Это совсем не тот свет, который «никогда не светил ни на суше, ни на море», но тот луч божественной интуиции, та искра, которая подспудно мерцает в духовных, никогда не ошибающихся ощущениях мужчины и

женщины, и которая пробуждается сейчас — потому что ее время пришло. Еще несколько лет, и лампа Алладина, из которой был вызван джинн, пожирающий медиумов и теософов, подобно тому, как фокусник глотает мечи на деревенской ярмарке, сломается. Ее свет, в котором до сих пор одерживали победы антитеософы, потухнет. Затем обнаружится, что то, что провозглашалось как прямой луч, исходящий из источника вечной истины, на самом деле не более чем грошова свеча, обманчивый запах и копоть которой гипнотизировали людей так, что они видели все вверх ногами. Выяснится, что ужасные монстры клеветы и обмана не существуют нигде, кроме как в помраченном мозгу Алладина. И что, наконец, приличные люди, все это время видевшие видения и слышавшие что-то, находились в неосознанном состоянии и под соответственным внушением.

Это научное объяснение, и оно не требует никакого вмешательства черных магов, или *дугна*; ибо «внушение», как оно практикуется ныне колдунами от науки, — это сам *дугнаизм*, *pur sang* [чистых кровей, *франц.*]. Никакой восточный «адепт левой руки» не может принести больше вреда своим дьявольским искусством, чем авторитетный гипнотизер с медицинского факультета, ученик Шарко или какого-нибудь другого научного светила первой величины. В Париже, как и в Санкт-Петербурге, под таким «внушением» совершались преступления. Происходили разводы, и мужья чуть ли не убивали своих жен и их предполагаемых любовников, из-за трюков, разыгрываемых над невинными уважаемыми женщинами, которые тем самым утрачивали свое доброе имя, и вся их последующая жизнь оказывалась разрушенной. Сын, находящийся под таким влиянием, взломал ящик стола своего скупого отца, который застал его за этим и чуть не застрелил в припадке ярости. Один из ключей оккультизма находится в руках науки — холодной, бессердечной, материалистичной, грубо игнорирующей другую, истинно психическую сторону явлений, и, таким образом, бессильной провести демаркационную линию между физиологическими и чисто духовными эффектами внушенного заболевания, и неспособной предотвратить результаты и последствия того, о чем она не имеет знаний и, поэтому, не может контролировать.

В «Lotus», за сентябрь 1887 года, мы обнаруживаем следующее:

«Во французской газете, «Paris», за 12 августа, имеется обширная и превосходная статья Ж. Монтогуэля, озаглавленная «Проклятые науки», из которой мы помещаем нижеследующий отрывок, поскольку, к сожалению, не можем процитировать ее полностью:

Несколько месяцев назад, не помню уже по какому поводу, вопрос о внушении был поднят и принят к рассмотрению судьями. На скамье подсудимых мы, конечно, увидим людей, обвиненных в злоупотреблении оккультной практикой. Но каким образом будет вести судебное разбирательство? С какими аргументами оно будет считаться? Преступление, совершенное под «внушением» — это идеальное преступление без доказательств вины. В этом случае самые тяжелые обвинения будут не более чем предположениями, и весьма шаткими предположениями. И на этих хрупких «подпорках» подозрений будет основываться обвинение? Никакого исследования, кроме морального, в этом случае быть не может. Мы не должны слушать, как главный прокурор говорит обвиняемому: «Обвиняемый, в результате тщательного расследования, проведенного в вашем мозгу, и т. д.»

Ах, бедные юристы! кого и пожалеть, как не их. Принимая свою работу близко к сердцу, они уже имеют огромные трудности в различении между правдой и неправдой даже в тех простых случаях, когда факты совершенно очевидны, все их детали понятны, и ответчики установлены. А мы собираемся взывать к их душе и совести, чтобы решить проблемы черной магии! Поистине, их доводы не продержатся и двух недель; они отступят перед мистикой, и сами впадут в нее.

Мы на верном пути. Странные суды над волшебством расцветут вновь; сомнамбулы, которые раньше выглядели просто нелепыми, предстанут в трагическом свете; гадалки на кофейной гуще, которые до сих пор рисковали лишь оказаться в полицейском участке, услышат свой приговор в судах. «Дурной глаз» будет фигурировать среди уголовных преступлений. В эти уходящие годы XIX-го столетия мы увидим себя идущими все дальше и дальше, до тех пор, пока мы, в конце концов, не достигнем второго такого судебного казуса: Лобардемон против Урбана Великого».

Серьезные научные и политические статьи полны горячих дискуссий на эту тему. В Санкт-Петербургской «Ежедневной газете» содержится пространный фельетон о «Значении гипнотических внушений для уголовного права». «Случаи приме-

нения гипнотизма в криминальных целях в последнее время увеличиваются с все возрастающей скоростью», — сообщает она читателям. И это не единственная газета, и Россия не единственная страна, где рассказываются подобные истории. Выдающимися юристами и медицинскими авторитетами были проведены тщательные исследования. Скрупулезно собранные данные показали, что этот любопытный феномен — над которым скептики до сих пор смеялись, а молодежь рассматривала его как вечерние *невинные детские забавы* — представляет собой новую и довольно серьезную опасность для общества и государства.

Два факта ныне встали перед юристами и учеными со всей очевидностью:

(1) *что, в восприятии человека, подвергшегося гипнозу, воображаемые представления, вызванные «внушением», обретают реальное существование, причем этот человек, на какое-то время, становится автоматическим исполнителем воли гипнотизера; и —*

(2) *что подавляющее большинство обследованных людей подвержено гипнотическому внушению.*

Так, Лебо обнаружил лишь *шестьдесят* не подверженных гипнозу людей из *семисот* обследованных; Бернхейму из 1.014 субъектов не удалось загипнотизировать только *двадцать шесть*. Поле деятельности прирожденных *джадувала* (торговцев волшебством) поистине огромно! Дьявол обрел площадку для игр, на которой он может теперь упражняться, навязывая свою волю многим поколениям бессознательных жертв. Ибо преступления, невообразимые в бодрствующем состоянии, сейчас приветствуются и поощряются этой новой «проклятой наукой». Истинные инициаторы этих темных дел могут теперь остаться навсегда скрытыми от мести человеческого правосудия. Рука, реализующая криминальное внушение, — это всего лишь рука безответственного автомата, память которого не сохраняет никаких следов этого внушения, и кого, как неугодного свидетеля, легко можно устранить, принудив к самоубийству — опять же посредством «внушения». Что же еще более эффективно можно поставить на службу дьявольской похоти и мщению, этим темным силам, называемым человеческими страстями, всегда готовым нарушить все-

ленские заповеди: «Не укради, не убий, не возжелай жены ближнего своего»? Лебо *внушил* молодой девушке, что она должна отравить себя синильной кислотой, и она проглотила воображаемый яд, не колеблясь ни секунды; д-р Легуа *внушил* молодой женщине, что она должна ему 5.000 франков, и она тотчас подписала чек на эту сумму. Бернхейм *внушил* другой возбудимой девушке длительное и сложное видение, связанное с одним криминальным случаем. Через два дня, в течение которых гипнотизер не оказывал на нее какого-либо воздействия, она повторила всю эту внушенную ей историю юристу, специально посланному к ней. Если бы ее показания принимались всерьез, их было бы достаточно, чтобы обвиняемого послали на гильотину.

Эти случаи являют собой два темных и опасных аспекта. С нравственной точки зрения подобные процессы и *внушения* оставляют несмываемое пятно на чистоте субъективной природы. Даже невинный разум десятилетнего ребенка может, таким образом, заразиться злом, ядовитые ростки которого разовьются в его последующей жизни.

Нет нужды детально вдаваться в юридический аспект этой проблемы. Достаточно сказать, что такая характерная черта гипнотического состояния, как полное подавление воли и самосознания гипнотизером, приобретает исключительную важность в глазах правовых авторитетов с точки зрения преступного ее использования. Человек, подверженный гипнозу, всецело находится во власти гипнотизера, так что тот незаметно для него самого может заставить его совершить, так сказать, любое преступление; как же тут избежать ужасных «юридических ошибок»? И что удивительного в том, что юриспруденция одной страны, вслед за тем, как была поднята шумиха в другой стране, предпринимает одну меру за другой для подавления гипнотизма! Так, он-только что запрещен в Дании. Ученые экспериментировали на людях, подверженных гипнозу, и успех превзошел все ожидания: над загипнотизированным подопытным открыто смеялись, когда он шел, чтобы совершить преступление, которое он непременно осуществил бы, так и не осознав этого, если бы гипнотизер заблаговременно не предостерег его.

В Брюсселе всем хорошо известен такой недавно произошедший печальный случай. Молодая девушка из хорошей се-

мы, находясь в гипнотическом состоянии, была соблазнена мужчиной, который впервые подверг ее внушению в общественном месте. Сама она осознала свое состояние лишь через несколько месяцев, когда ее родные, догадавшись о преступлении, заставили ее соблазнителя исполнить единственно возможную компенсацию, т. е. жениться на своей жертве.

Во Французской Академии недавно дебатировался вопрос: в какой мере подвергнутый гипнозу человек может превратиться из «просто жертвы» в регулярное орудие преступления. Конечно, никакой юрист или законодатель не может быть индифферентным к этому вопросу; и было доказано, что преступления, совершенные под *внушением*, до того беспрецедентны, что некоторые из них вряд ли могут быть рассматриваемы в рамках закона. Таким образом, بلاواسطه правовое запрещение, только что принятое во Франции, которое предписывает, что никто не должен подвергаться гипнозу другого человека, за исключением лиц медицинской профессии, имеющих специальную квалификацию для этого. И даже врач, обладающий таким правом, может подвергать человека гипнозу только в присутствии другого квалифицированного медика и при наличии письменного разрешения на эту процедуру, данного гипнотизируемым. Публичные *сеансы* гипноза запрещены; сами эти процедуры строго ограничены и могут проводиться лишь в *клинических* учреждениях и лабораториях. Нарушившие этот закон будут подвергаться высоким штрафам и тюремному заключению.

Однако эта идея уже запала в голову, и существует множество способов, какими может быть использована эта *черная магия*, невзирая на ее запрещение законом. То, что она будет использоваться и впредь, обусловлено фактом наличия низких страстей, присущих человеческой природе.

Многочисленные и странные фантастические истории ждут нас впереди; ибо правда часто является более причудливой, чем выдумка, а то, что кажется выдумкой, гораздо чаще представляет собой правду.

Неудивительно, что подобная оккультная литература множится с каждым днем. Оккультизм и волшебство носят в воздухе, а истинно философское знание, способное направлять экспериментаторов и сдерживать результаты их вредных

опытов, отсутствует. В «*фантастическом жанре*» вопиют разного рода романы и повести. «Вымысел» в описании персонажей, а также приключений, выпавших на долю их героев, — это одно. Но совсем другое дело — излагаемые *факты*. Они являются *не вымыслом*, но истинным *предчувствием* того, что находится в самом сердце будущего, и что не может быть подтверждено *научными* экспериментами. Примета времени! Завершение психического цикла! Время феноменов, демонстрируемых через медиумов, как профессиональных, так и непрофессиональных, истекло. Это лишь самое начало периода цветения, времени, о котором говорится в Библии;¹ дерево оккультизма готовится сейчас к тому, чтобы «принести плоды», и дух оккультного пробуждается в крови новых поколений. И если старцам только «снятся сны», то молодые имеют уже видения,² и — записывают их в романах и других фантастических произведениях. Горе неведающим и неподготовленным, а также тем, кто слушает сирен материалистической науки! Ибо воистину, воистину, многие будут бессознательно совершать преступления, и многие будут жертвами, которые невинно погибнут на виселице или гильотине от руки праведных судей и чересчур наивных присяжных заседателей, одинаково не ведающих о дьявольской мощи «ВНУШЕНИЯ».

¹ «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (Иоиль, 2:28).

² Любопытно отметить, что м-р Луи Стивенсон, один из наиболее ярких наших писателей с исключительно богатым воображением, недавно сообщил репортеру, что у него есть привычка создавать фабулу своих историй, в том числе «Доктора Джекила», во время сна. «Я видел во сне», — продолжает он, — «историю *Олалла* ... и сейчас у меня есть две ненаписанные истории, которые я тоже увидел во сне... Даже когда я крепко сплю, я знаю, что все происходящее во сне — это плод моего воображения»... Но кто поручится, что эта идея о «плоде воображения» не является результатом того же «сна»!

АЛХИМИЯ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Язык древней химии, или алхимии, всегда был символическим, подобно языку древних религий.

Мы показали в «Тайной Доктрине», что все в этом мире следствий обладает тремя атрибутами или является тройным синтезом семи принципов. Чтобы сделать это более понятным, можно сказать, что все существующее в этом, нашем мире, образовано из трех принципов и четырех аспектов, точно так же, как и сам человек. Как человек является составным, сложным существом, состоящим из тела, разумной души и бессмертного духа, так и каждая вещь в природе обладает неким объективным внешним обликом, живой душой и божественной искрой, чисто духовной и субъективной. Первое из этих утверждений совершенно бесспорно, едва ли можно отрицать и второе, поскольку если официальная наука признает, что металлы, древесина, минералы, порошки и лекарства способны оказывать воздействие, тогда она молчаливо признает и последнее. Что же касается третьего утверждения, присутствия абсолютной квинтэссенции в каждом атоме, материализм, не нуждающийся в *anima mundi* [мировой душе, лат.], целиком отвергает его.

Во всем этом есть и своя положительная сторона. Поскольку материализм является лишь доказательством нравственной и духовной слепоты, мы вполне можем предоставить слепому вести слепого, и на этом закончить.

Итак, как и все в этом мире, любая наука обладает тремя фундаментальными принципами и может применяться на практике с использованием всех трех или же лишь одного из них. Прежде чем алхимия превратилась в науку, ее квинтэссенция уже действовала в природных взаимосвязях (разумеется, она продолжает действовать и поныне) на всех планах бы-

тия. Когда на земле появились люди, наделенные высшим разумом, они позволили ей действовать и получили таким образом свои первые уроки. Все, что от них требовалось — всего лишь подражать ей. Но для того, чтобы достигнуть тех же результатов по своей воле, они должны были развить в своем человеческом организме силу, именуемую в оккультной фразеологии *крийяшакти*. Эта способность является *творческой* по своим следствиям, поскольку выступает как действующий агент этого атрибута на объективном плане. Подобно громотоводу, проводящему электрический флюид, способность *крийяшакти* служит проводником творческой квинтэссенции и направляет ее. Оставленная на волю случая, она может убить, но направляемая человеческим разумом, она может соиздать в соответствии с подготовленным заранее планом.

Так родилась алхимия, магнетическая магия, а также многие другие ветви древа оккультной науки.

Когда в ходе веков появились народы, в своем эгоизме и непомерном тщеславии убежденные в своем полном превосходстве над всеми остальными, существовавшими ранее или современными им, когда развитие *крийяшакти* стало все более и более трудной задачей, и эта божественная способность полностью исчезла с лица земли, они мало-помалу забыли науку своих далеких предков. Они пошли еще дальше и совершенно отвергли традицию своих предков, с презрением отрицая присутствие духа и души в этой самой древней из всех наук. Из трех великих атрибутов природы они признавали существование лишь материи, или, точнее, ее иллюзорного аспекта, ибо в отношении подлинной материи, или СУБСТАНЦИИ, даже сами материалисты исповедуют совершенное невежество; в самом деле, они никогда не могли уловить даже ее малейшего отблеска.

Так родилась на свет современная химия.

Все меняется в результате циклической эволюции. Совершенный круг становится Единицей, треугольником, четырехугольником и пятиугольником. Творческий принцип, истекающий из БЕСКОРНЕВОГО КОРНЯ абсолютного Бытия, не имеющего ни начала, ни конца, или *perpetuum mobile* [вечного двигателя, *лат.*], символически изображаемого глощающим собственным хвост в попытке достать до головы,

превратился в *ртуть* средневековых алхимиков. Круг становится треугольником, причем один эманурует из другого, подобно Минерве, исходящей из головы Юпитера. Круг олицетворяет абсолют; правая дуга обозначает метафизический синтез, левая — физический. Когда Мать-Природа сделает из своего тела горизонтальную линию, соединяющую их, тогда настанет момент пробуждения космической активности. До этого момента *Пуруша*, Дух, отделен от *Пракрити* — все еще непроявленной материальной природы. Его ноги существуют лишь в потенциальном состоянии; он не может двигаться и не имеет рук, чтобы работать над объективной формой вещей в подлунном мире. Лишенный членов, *Пуруша* не может начать строить, пока не сядет на шею слепой *Пракрити*,¹ и тогда треугольник станет пятиугольником, звездой микрокосма. До наступления этой стадии они оба должны пройти через состояние четвертичности, где зачинается крест. Это крест земных магов, повсюду выставляющих свой поблекший символ, а именно, крест, разделенный на четыре части, которые можно прочесть как «Таро», «Тора», «Атор» и «Рота». Девственная субстанция, или земля Адама, Святой Дух древних алхимиков Розового Креста, стали сегодня благодаря каббалистам, этим лакеям современной науки, Na_2CO_3 , *содой*, и $\text{C}_2\text{H}_6\text{O}$, или *спиртом*.

Ах! Утренняя звезда, дочь зари, как утратила ты свое возвышенное положение — бедная алхимия! На этой нашей древней планете, трижды обманутой, все обречено устать и преходить. И все же то, что когда-то было, все еще существует и будет существовать всегда, до скончания времен. Слова меняются, и их смысл становится совершенно искаженным, но вечные идеи остаются и никогда не исчезнут. Под ослиной шкурой, в которую как в сказке Перро облачилась Принцесса-Природа, ученик философов прошлого всегда распознает истину и восславит ее. Эта ослиная шкура, казалось бы, более отвечает вкусам современных философов и алхимиков-материалистов, приносящих живую душу в жертву мертвой форме, чем Принцесса-Природа во всей ее наготе. Потому эта шкура спадет только перед Очарованным Принцем, который

¹ Философская система Капилы *санкхья*.

поймет смысл помолвки в посланном кольце. Всем тем придворным льстецам, которые толпятся вокруг Госпожи Природы, когда разрывается ее материальная оболочка, ей нечего предложить, кроме своего наружного покрова. Именно по этой причине они утешают себя тем, что дают новые имена вещам, старым как мир, громогласно объявляя, что открыли что-то совершенно новое. Некромантия Моисея стала современным спиритуализмом, а Наука древних Посвященных Храма, магнетизм гимнософистов Индии, целительный месмеризм Эскулапа, «Спасителя», признаются теперь только в том случае, если их называют *гипнотизмом*, то есть настоящим именем черной магии.

Везде фальшивые носы! Но давайте порадуемся хотя бы тому, что чем больше в них фальши и чем они длиннее, тем скорее они отвалятся сами собой!

Современные материалисты хотели бы заставить нас поверить, что алхимия, или превращение неблагородных металлов в золото и серебро, с самых давних времен было всего лишь чистой воды *шарлатанством*. Они говорят, что это не наука, а суеверие, а потому все, кто верит или делает вид, что верит в нее — либо простофили, либо мошенники. Наши энциклопедии полны оскорбительных обвинений в адрес алхимиков и оккультистов.

Что ж, господа академики, все это просто замечательно, но предоставьте нам хотя бы какие-то доказательства *абсолютной* невозможности трансмутации металлов. Объясните нам, почему металлическое основание обнаруживается даже в щелочах. Мы знаем некоторых ученых физиков, которые считают идею о возвращении элементов к их первоначальному состоянию, и даже к их первичной сущности (например, м-р Крукс и его *метаэлементы*), не столь уж нелепой, какой она выглядит на первый взгляд. Господа, эти элементы — раз уж вы допустили гипотезу о том, что все они существовали в начале в виде огненной массы, из которой, говорите вы, сформировалась земная кора — могут быть снова возвращены в первоначальное состояние и проведены через серию превращений, чтобы снова стать тем, чем они были изначально. Нужно лишь найти достаточно сильный растворитель, чтобы достигнуть за несколько дней или даже лет такого эффекта,

для которого природе требуются века. Химия и, прежде всего, м-р Крукс убедительно доказали, что между металлами существуют столь заметные связи, которые свидетельствуют не только об их общем источнике, но и об одинаковом происхождении.

Итак, господа, вы, кто так громогласно смеется над алхимией и алхимиками и отрицает эту науку, как же случилось, что один из ваших крупнейших химиков, мосье Берто, автор «*La Synthèse chimique*», весьма сведущий в алхимии, не может отказать алхимикам в *глубочайшем знании материи?*

И почему, опять-таки, мосье М.-Э. Шеврель, этот *почтенный ученый*, познания которого не уступали его преклонному возрасту, в котором он по-прежнему сохранял все присущие ему способности, приводившие в восхищение нынешнее поглощенное своей высокомерной самонадеянностью поколение, до которого так трудно достучаться; почему, спрашиваем мы, именно он, сделавший столь много полезных открытий для современной промышленности, мог стать обладателем такого количества трудов по алхимии?

Так ли невероятно, что ключ к его долголетию мог быть найден в одном из этих трудов, которые, как вы полагаете, являются всего лишь грудой суеверий, столь же глупых, сколь и нелепых?

То факт, что такой великий ученый, патриарх современной химии, взял на себя труд завещать после своей смерти библиотеке Музея многочисленные книги по этой «лженауке», находившиеся в его пользовании, весьма показателен. Не довелось нам услышать и о том, что светила науки, приставленные к этому храму, выбросили в мусорную корзину эти книги по алхимии, как бесполезный хлам, якобы полный фантастических грез, родившихся в болезненных и неуравновешенных умах.

Кроме того, наши ученые мужи забывают о двух вещах: прежде всего, не найдя ключа к *тайному языку* этих герметических книг, они не имеют никакого права решать, истинно или ложно то, что на этом *тайном языке* проповедуется; и, во-вторых, эта Мудрость, несомненно, родилась не с нашими современными мудрецами, не с ними она и *погибнет*.

Мы повторяем, что любая наука имеет *три аспекта*; все признают существование двух из них — объективного и субъективного. К первому мы можем отнести алхимические превращение с использованием или без использования *порошка проекции*; ко второму — все интеллектуальные построения. В третьем сокрыт смысл высочайшей духовности. Поскольку символы первых двух внешне идентичны и, кроме того, как я попыталась показать в «Тайной Доктрине», допускают семь видов истолкования, значения которых различаются применительно к той или иной сфере природы — физической, психической или чисто духовной, — легко понять, что лишь высокие посвященные способны истолковать *тайный язык* герметических философов. К тому же, поскольку в Европе существует больше ложных, чем подлинных алхимических текстов, здесь запутался бы и сам Гермес. Кто не знает, на пример, что определенный набор формул может найти вполне конкретное и практическое применение в технической алхимии, тогда как тот же символ, использованный для передачи некоей идеи из области психологии, получит совершенно иное значение? Наш покойный брат Кеннет Маккензи выразил это такими словами, говоря о герметических науках:

«...Для алхимика-практика, целью которого было получение богатства при помощи особых правил своего искусства, развитие полу-мистической философии имело второстепенное значение и осуществлялось безотносительно какой-либо окончательной теософской системы, — тогда как мудрец, взошедший на высший уровень метафизического созерцания, отказывается от чисто материальной части своих занятий, как недостойной более его внимания».¹

Из всего этого становится очевидно, что символы, взятые в качестве проводников, ведущих к трансмутации металлов, имеют совсем немного общего с методами, которые мы сегодня именуем *химическими*. Кстати, при этом возникает вопрос: кто из наших видных ученых осмелился бы обвинить в мошенничестве таких людей, как Парацельс, Ван Гельмонт, Роджер Бэкон, Берхау и многих других знаменитых алхимиков?

¹ «Королевская масонская энциклопедия», стр. 310.

В то время как господа академики насмеваются над Каббалой, так же как и над алхимией (хотя и черпая при этом из последней свое вдохновение и наиболее важные открытия), каббалисты и оккультисты Европы в целом начинают *sub rosa* [по секрету, *лат.*] изучать тайные науки Востока. Фактически, мудрость Востока не существует для наших западных мудрецов; она умерла с тремя Волхвами. Тем не менее, алхимия, которая, если мы тщательно исследуем этот вопрос, окажется основой всех оккультных наук, пришла к ним с Дальнего Востока. Некоторые уверяют, что она является лишь дальнейшим развитием халдейской магии. Мы попытаемся доказать, что последняя — это всего лишь приемница сперва допотопной алхимии, а впоследствии алхимии египтян. Олаф Борричий, авторитет в этом вопросе, призывает нас искать ее источник в глубочайшей древности.

К какой же эпохе мы можем отнести возникновение алхимии? Ни один из современных авторов не может дать на это точного ответа. Одни называют ее первым адептом Адама, другие приписывают ее появление неблагоприятию «сынов Божиих», которые «увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их к себе в жены» [Бытие, 6:2]. Моисей и Соломон являются более поздними адептами этой науки, поскольку им предшествовал Авраам, а его в свою очередь опередил в «Науке наук» Гермес. Разве не говорит нам Авиценна, что «Изумрудная скрижаль», древнейший из имеющихся алхимических текстов, была обнаружена на теле Гермеса, похороненного за много веков до того в Хевроне, Саррой, женой Авраама? Однако само слово «Гермес» никогда не служило в качестве имени какого-либо человека; это родовое название, подобное использовавшемуся в прежние времена термину «неоплатоник», и применяемому сегодня обозначению «теософ». Что же действительно известно о Гермесе Трисмегисте, «трижды-величайшем»? Меньше, чем мы знаем об Аврааме, его жене Сарре и наложнице Агари, которых св. Павел объявил *аллегорией*.¹ Даже во времена Платона, Герме-

¹ Св. Павел объясняет это совершенно ясно: по его словам, Сарра символизирует «горный Иерусалим», а Агарь — «гору в Аравии», Синай, которая «соответствует нынешнему Иерусалиму» (Послание к Галатам, 4:25-36).

са уже отождествляли с Тотом египтян. Однако это слово *тот* означает не только «разум»; оно значит также «собрание» или *школа*. На самом деле Тот-Гермес — это просто персонификация голоса (или сакрального учения) жреческой касты Египта, голоса Великих Иерофантов. Но если это так, разве мы можем сказать, в какую доисторическую эпоху эта иерархия посвященных жрецов стала процветать в стране *Хеми*? Даже если бы мы смогли ответить на это вопрос, то были бы все еще далеки от решения наших проблем. Ибо древний Китай не менее чем древний Египет претендует на роль родины *алкахеста* и физической и трансцендентальной алхимии; вполне возможно, что Китай здесь прав. Давний житель Пекина, миссионер Уильям А. П. Мартин называет его «колыбелью алхимии». *Колыбель* — это, пожалуй, не совсем удачное слово, но очевидно, что Небесная Империя вправе числить себя среди древнейших школ оккультных наук. Во всяком случае, мы покажем, что алхимия проникла в Европу именно из Китая.

Тем временем наш читатель может выбирать, поскольку другой благочестивый миссионер, Худ, торжественно уверяет, что алхимия зародилась в саду, «посаженном в Эдеме в стороне, обращенной к Востоку». По его мнению, она есть порождение Сатаны, искушавшего Еву в облике змея; но он забыл запатентовать свое открытие, как показывает нам наш превосходный автор самим названием этой науки. Ибо древнееврейское название змеи — *нахаш*, во множественном числе — *нахашим*. Очевидно, что как раз от этого последнего слога «шим» и происходят слова «химия» и «алхимия». Разве это не ясно, как божий день, и не установлено в соответствии со строжайшими правилами современной филологии?

Теперь перейдем к нашим доказательствам.

Крупнейшие специалисты по древним наукам — в частности, Уильям Годвин — предоставили нам неоспоримые доказательства того, что хотя алхимия была распространена практически у всех народов уже задолго до наступления нашей эры, греки начали изучать ее лишь после начала христианской эры, а общедоступной она стала гораздо позднее. Конечно, имеются в виду лишь миряне, т. е. непосвященные греки, ибо адепты эллинских храмов Великой Греции знали ее с

дней аргонавтов. Поэтому возникновение алхимии в Греции датируется именно этим временем, что прекрасно проиллюстрирует аллегорическая история о «Золотом Руно».

Нам нужно лишь процитировать, что говорит Суидас в своем «Лексиконе» об экспедиции Ясона, слишком хорошо известной, чтобы ее требовалось здесь пересказывать:

«*Δέρας, дерас, золотое руно, добытое Ясоном и аргонавтами во время путешествия по Черному морю в Колхиду, при помощи Медеи, дочери Ээта, царя страны Эа. Только вместо того, о чем толкуют поэты, они взяли написанный на коже (δέρμασι) трактат, в котором объяснялось, как изготовить золото химическим путем. Современники назвали эту овечью шкуру золотым руном вероятнее всего из-за огромной ценности, приписанной содержащимся на ней указаниям*».

Такое объяснение несколько яснее и правдоподобнее, чем ученые предположения наших современных мифологов,¹ ибо нам следует помнить, что Колхида греков — это современная Имеретия на Черном море, а пересекающая ее большая река Риони — это античный Фасис, сохранивший до наших дней следы золота; и что предания местных народов, живущих на побережье Черного моря, таких как мингрелы, абхазы и имеретины, полны древних легенд о золотом руно. В них говорится, что все их предки были «поставщиками золота», то есть обладали секретом трансмутации, которая называется сегодня алхимией.

В любом случае не вызывает сомнения, что греки, за исключением посвященных, были невежественны в области

¹ Граф Ж. А. де Губернатис («Zoological Mythology», том I, стр. 402-403, 428-432), который полагает, что поскольку «на санскрите баран называется *меша* или *меха*, тот, кто проливает или изливает», золотое руно греков должно было быть «пеленой ... *льющей воды*»; и Фридрих Л. Вильгельм Шварц, который сравнивает овечье руно с ненастной ночью и говорит нам, что «блеяние барана — это голос, который, как может показаться, исходит из грозового облака» («Ursprung der Mythologie», стр. 209, прим. 1), вызывают у нас смех. Эти славные ученые мужи подчас слишком легкомысленны, чтобы их фантастическая интерпретация была когда-либо принята серьезными исследователями. Тем не менее, Поль Дешарм, автор книги «Mythologie de la Grèce antique», похоже, разделяет их мнение.

герметических наук вплоть до эпохи неоплатоников (до конца 4-го и 5-го веков) и ничего не знали о настоящей алхимии древних египтян, тайны которой, конечно, не открывались широкой публике. В третьем веке христианской эры император Диоклетиан опубликовал свой знаменитый эдикт, повелевающий провести в Египте тщательный поиск книг, трактующих о получении золота, и сжечь их на публичном *аутодафе*. У. Годвин говорит, что после этого на поверхности земли в царстве фараонов не осталось ни одной книги по алхимии, и в течение двух веков о них не упоминалось ни разу.¹ Он мог бы добавить, что под землей все еще сохраняется значительное количество таких сочинений, написанных на папирусе и захороненных вместе с мумиями десять тысяч лет назад. Весь секрет — в умении распознать такой алхимический трактат в том, что кажется всего лишь сказкой, будь то история *золотого руна* или «приключения» первых фараонов. Но не тайная мудрость, сокрытая в аллегориях папирусов, познакомила Европу с алхимией или герметическими науками. История говорит нам, что алхимию практиковали в Китае более чем за шестнадцать веков до нашей эры, и что она никогда не достигала большего расцвета, чем в первые века христианства. Именно к концу четвертого века, когда Восток открыл свои ворота торговле с романскими народами, алхимия снова проникла в Европу. Византия и Александрия, два главных центра этой торговли, внезапно были наводнены сочинениями по трансмутации, тогда как было известно, что в Египте их к тому времени больше не было. Откуда же появились эти трактаты, содержащие наставления по получению золота и продлению человеческой жизни? Конечно, не из святилищ Египта, раз уж этих египетских трактатов более не существовало. Мы утверждаем, что большинство из них были просто более или менее точными интерпретациями аллегорических историй о зеленых, голубых и желтых драконах и розовых тиграх, алхимических символах китайцев.

Все трактаты, которые можно найти сегодня в публичных библиотеках и музеях Европы, представляют собой всего лишь весьма проблематичные гипотезы некоторых мистиков

¹ У. Годвин: «Lives of the Necromancers», Лондон, 1834 г.

разных времен, остановившихся на полпути и не дошедших до великого посвящения. Стоит всего лишь сравнить некоторые из так называемых «герметических» трактатов с теми, которые были недавно вывезены из Китая, чтобы убедиться, что Тот-Гермес, или точнее наука, носящая это имя, здесь совершенно не при чем. Из этого следует, что все, что было известно об алхимии, начиная со средних веков и по девятнадцатый век, было импортировано в Европу из Китая и впоследствии превратилось в герметические сочинения. Большинство этих сочинений были созданы греками и арабами в восьмом и девятом веках, затем в средние века переработаны и остаются недоступными для понимания в девятнадцатом столетии. Сарацины, чья наиболее известная школа алхимии находилась в Багдаде, хотя и принесли с собой более древние традиции, сами же утратили ключ к ним. Великий Гебер скорее заслуживает титула отца современной химии, чем герметической алхимии, хотя именно ему приписывается перенос алхимической науки в Европу.

Даже после акта вандализма, совершенного Диоклетианом, ключ к тайнам Тота-Гермеса покоится глубоко в предназначенных для инициации криптах древнего Востока.

Сравним теперь китайскую систему с так называемыми герметическими науками.

1. Двойная цель, к которой стремятся обе школы, идентичны — это получение золота и омолаживание человека, продление человеческой жизни при помощи *menstruum universale* или *lapis philosophorum*. Третья цель, или истинное значение «трансмутации» полностью отрицалась христианами адептами, ибо, всецело удовлетворенные своей верой в бессмертие души, последователи алхимиков прошлого никогда должным образом не понимали этой цели. Теперь же, отчасти из-за неуважительного отношения, отчасти из-за неупотребления, она совершенно исчезла из *summum bonum*, к которому стремились алхимики христианских стран. Тем не менее лишь последняя из трех этих целей интересует подлинных восточных алхимиков. Все адепты-посвященные, презирая золото и испытывая глубокое безразличие к жизни, весьма мало заботились о двух первых целях алхимии.

2. Обе школы признают существование *двух эликсиров*: великого и малого. Использование второго на физическом плане связано с трансмутацией металлов и восстановлением молодости. Великий «эликсир», который является эликсиром лишь в символическом смысле, дарует наивысшее благо: *сознательное бессмертие в Духе*, нирвану на протяжении всех циклов, предшествующую ПАРАНИРВАНЕ, или абсолютно-му соединению с ЕДИНОЙ Сущностью.

3. Принципы, составляющие основание двух этих систем, также идентичны, а именно: смешанная природа металлов и их развитие, проистекающее из общего зародыша. Иероглиф *tsing* китайского алфавита, обозначающий «зародыш», и *t'ai*, «матка», постоянно встречающиеся в китайских сочинениях по алхимии,¹ являются прародителями тех же слов, столь часто встречаемых в алхимических трактатах герметических авторов.

4. Ртуть и свинец, ртуть и сера равным образом используются и на Востоке, и на Западе, при этом, как и в связи со многими другими элементами, мы видим, что обе школы алхимии признавали за ними тройное значение. Последнего, или третьего из этих значений как раз и не понимают европейские алхимики.

5. Алхимики обеих школ признают также учение о цикле трансмутаций, в течение которого благородные металлы возвращаются к своим первоэлементам.

6. Обе школы алхимии тесно связаны с астрологией и магией.

7. И наконец, обе они используют *экстравагантную* фразеологию, — факт, отмеченный автором «Изучения алхимии в Китае», который полагает, что язык европейских алхимиков, столь серьезно отличающийся от языка остальных западных наук, является прекрасной имитацией метафорического языка восточных народов, будучи блестящим доказательством того, что источником европейской алхимии является Дальний Восток.

¹ «Изучение алхимии в Китае», доклад преподобного Уильяма Александра Парсона Мартина, сделанный в октябре 1868 года на заседании Восточного общества в Нью-Хейвене, США.

Не должно возникнуть никакого возражения и относительно нашего утверждения о том, что алхимия находится в близком родстве с *магией* и *астрологией*. Слово «магия» — это древний персидский термин, означающий *знание* и охватывающий все науки, изучавшиеся в те времена, как физические, так и метафизические. Халдейские жрецы и ученые учили *магии*, от которой произошли *магизм* и *гностицизм*. Разве Авраама не называли «халдеем»? Иосиф [Флавий], благочестивый еврей, говоря об этом патриархе, утверждает, что он учил в Египте математике, или эзотерической науке, в том числе науке звезд, поскольку ученый маг с необходимостью должен был быть и астрологом.

Было бы большой ошибкой смешивать алхимию средневековья и алхимию допотопных времен. Согласно современным представлениям, в алхимии есть три основных агента: *философский камень*, используемый при трансмутации металлов; *алкахест*, или универсальный растворитель; и *эликсир жизни*, обладающий свойством бесконечно продлевать человеческую жизнь. Однако ни настоящие философы, ни посвященные не занимались двумя последними из них. Три алхимических агента, подобно Троице, *единой и неделимой*, стали тремя различными агентами единственно по той причине, что наука подпала под влияние человеческого эгоизма. В то время как каста жрецов, алчных и честолюбивых, антропоморфизировала духовное и абсолютное Единство, разделив ее на три *персоны*, класс лже-мистиков отделил божественную Силу от универсальной *крийяшакти* и превратил ее в *три агента*. В своей «*Magia naturalis*» Джамбаттиста делла Порта ясным образом утверждает:

«...Я не обещаю вам ни золотых гор, ни философского камня ... ни даже того золотого напитка, который дарует бессмертие тому, кто его выпьет... Все это просто грезы, ибо мир непостоянен и подвержен изменениям, все, что он создает, будет разрушено».

Гебер, великий арабский алхимик,¹ говорит еще более определенно. В следующих словах он высказывает, по-видимому, своеобразное предсказание о будущем:

¹ Гебер, или Джабир (полное имя Абу Муса Джабир ибн Хайям), родился в городе Тусе (близ современного Мешхеда) примерно в 721-

«Если мы что-то и утаили, вы, сыны учения, не удивляйтесь; ибо не от вас утаили мы это, но сообщили таким языком, чтобы могло сие быть сокрыто от злых людей, и не смогли узнать это несправедливые и низкие. Но вы, сыны истины, ищите и обретете этот прекраснейший дар Божий, предназначенный для вас. *Вы же, сыны глупости, нечестия и богохульства, да избегнете вы искать сие знание; разрушительным будет оно для вас и повергнет вас в позор и нищету*».

Рассмотрим теперь, что говорили по этому вопросу другие авторы. Придя к мысли о том, что алхимия является, в конечном счете, лишь философией, всецело метафизической, а не физической наукой (в чем они заблуждаются), они объявили, что удивительное превращение неблагородных металлов в золото было всего лишь метафорическим выражением, обозначающим трансформацию человека, освобождающую его от наследственных пороков и недостатков, чтобы он смог достигнуть ступени возрождения, которое вознесет его к божественному Существованию.

Это действительно является синтезом трансцендентальной алхимии и главной ее целью; однако это вовсе не единственная цель, которую преследует эта наука. Аристотель, который поведал Александру, что «философский камень вовсе не камень, что он заключен в каждом человеке, повсюду, во все времена, и зовется *конечной целью* всех философов», ошибался в своей первой посылке, хотя и был совершенно прав во второй. В физическом мире тайна *алкахеста* создает элемент, который называется философским камнем, но для тех, кто не озабочен тленным золотом, *alkahest*, как говорит нам профессор Уилдер, «есть лишь *algeist*, или божественный дух, удаляющий любую более грубую природу, чтобы ее не-

722 г. нашей эры. После казни его отца по политическим мотивам, он был выслан на Аравийский п-ов, где он примкнул к местному шиитскому имаму Джафару ал Садику, от которого он, вероятно, получил свое первое познание в оккультизме и примыкающих науках. Позже он вступил в Суфийский орден. Подружившись с Мармакидом, могущественным советником Гаруна ал Рашида, он разделил с ним изгнание из Багдада в 803 г. нашей эры. В течение десяти лет он жил в уединении в Куфре, после чего вновь вернулся к активной деятельности. С тех пор он приобрел репутацию не имеющего равных в химии. — *Прим. редактора.*

чистые принципы могли быть устранены...» Таким образом, *эликсир жизни* — это всего лишь живая вода, которая, по словам Годвина, «есть универсальное лекарство, обладающее силой омолаживать человека и бесконечно продлевать его жизнь».

Примерно сорок лет назад доктор Герман Копп опубликовал в Германии свою «Историю химии». Говоря об алхимии и видя в ней своего рода предтечу современной химии, немецкий ученый использует весьма многозначительное выражение, которое сразу поймут пифагореец и платоник. Он говорит: «Если слово мир обозначает микрокосм, представленный человеком, тогда становится легко истолковать сочинения алхимиков».

Иреней Филалет заявляет следующее:

«Философский камень представляет огромную вселенную (или макрокосм) и обладает всеми свойствами большой системы, собранными вместе и включенными в меньшую систему. Последняя имеет некую магнетическую силу, притягивающую к ней то, к чему оно имеет сродство во вселенной. Это божественная сила, распространяющаяся во всем творении, но воплощенная в своем уменьшенном и ограниченном подобии (то есть человеке)».

Послушаем теперь, что говорит Алипили¹ в одной своей переведенной работе:

«Тот, кто познал микрокосм, не может более оставаться в неведении относительно макрокосма. Именно об этом столь часто говорили египтяне, неутомимые исследователи природы, во всеулышание провозглашая, что каждый должен познать самого себя. Их неразумные последователи восприняли этот призыв в нравоучительном смысле и в своем невежестве высекали его на стенах своих храмов. Но я напоминаю тебе, кто бы ты ни был, желающий погрузиться в сокровенные области природы: если то, что ты ищешь, не найдешь ты внутри себя самого, никогда не найдешь ты его и вне

¹ Скорее всего, это псевдоним. Единственная работа, опубликованная под этим именем: «*Centrum naturae concentratum*», или соль естественной регенерации, неправильно интерпретированная как философский камень. Труд, написанный Алипили Мавританином на арабском языке, первоначально был переведен на нижненемецкий язык в 1694 г. На английском языке он вышел в Лондоне в 1696 году в переводе И. Брайса. — *Прим. редактора.*

себя. Если не познал ты совершенство своего собственного дома, зачем ты стремишься к совершенству других вещей и ищешь его? Вся сфера Земли не вмещает столько великих тайн и совершенств, как маленький Человек, созданный Богом по своему образу. Тот, кто хочет быть первым среди изучающих Природу, нигде не найдет лучшего источника для удовлетворения своего желания, чем в себе самом.

Поэтому я, следуя примеру египтян, от всего сердца и основываясь на полученном мною истинном опыте, повторяю моему ближнему слова, сказанные египтянами, и во весь голос ныне призываю: О Человек, познай самого себя; в тебе сокрыто сокровище сокровищ...»

Ирней Филалет Космополит, английский алхимик и герметический философ, писал в 1669 году, намекая на преследования, которым подвергалась тогда философия:

«...многие верят (будучи случайными людьми в Искусстве), что если бы они обладали им, то сделали бы то-то и то-то; и даже мы сами сначала верили в это, но становясь все более осторожными из-за подстерегающей нас опасности, мы избрали более тайный метод...»¹

И алхимики были достаточно мудры, чтобы сделать это. Живя в эпоху, когда за малейшее отличие во взглядах на религиозные вопросы мужчин и женщин называли еретиками, подвергали анафеме и объявляли вне закона, когда науку клеймили как колдовство, вполне естественно, как говорит профессор А. Уилдер:

«...что люди, разделявшие идеи, выходявшие за рамки общепринятых, изобрели тайный язык символов и паролей, посредством которого общались друг с другом, сохраняя тайну для своих кровожадных врагов».²

¹ Ирней Филалетас, или Эриней Филалет, Космополит: «Тайное Откровение, или открытые Двери Королевского Дворца». Содержит величайшее сокровище химии, никогда до сих пор ясным образом не объясненное. Опубликовано Уильямом Купером, Лондон, 1669 г. — *Прим. редактора.*

² Д-р. Александр Уилдер: «Неоплатонизм и алхимия. Очерк доктрин и основных эклектических учений, или александрийской школы; также обзор внутренних доктрин алхимиков средневековья», Альбани, Нью-Йорк, 1869 г. — *Прим. редактора.*

Автор напомнил нам индийскую аллегорию о Кришне, который однажды повелел своей приемной матери заглянуть ему в рот. Она сделала это и увидела там всю вселенную. Это находится в полном согласии с каббалистическим учением, которое утверждает, что микрокосм есть лишь точное отражение макрокосма — фотографическая копия для того, кто понимает. Именно потому Корнелий Агриппа, пожалуй, наиболее широко известный из всех алхимиков, говорит:

«Существует одна вещь, сотворенная Богом, исполненная всей чудесностью земной и небесной; она воистину животная, растительная и минеральная; пребывающая повсюду, известная немногим, никем не отраженная надлежащим образом, но сокрытая в числах, изображениях и загадках, без которой ни алхимия, ни естественная магия не могут достичь своей истинной цели».

Намек станет еще яснее, если мы прочитаем следующий фрагмент в «Справочнике алхимика» (1672):

«Сейчас, в этом трактате, я открою тебе положение в природе философского камня, облеченного *тройным* покровом, камня богатства и милосердия, могучего снадобья от увядания, который содержит в себе все тайны, будучи божественной мистерией и даром Божиим, выше которого нет ничего в этом мире. Потому с усердием внимай словам моим, а именно, тому, что окружен он тройным покровом, то есть, телом, душой и духом».

Иначе говоря, этот камень содержит в себе: тайну трансмутации металлов, тайну эликсира долголетия и *сознательно-го бессмертия*.

Древние философы считали, что стоит рассматривать одну лишь последнюю тайну, предоставляя малым светилам современности с их ложным чутьем изнурять себя в попытках решить две остальные. Она есть то *Слово*, или «неизреченное имя», о котором Моисей сказал, что не нужно далеко ходить за ним, «но весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём» [Второзаконие, 30:14].

Филалет, английский алхимик, говорит то же самое другими словами:

«...Обоюдоострым ножом окажутся наши сочинения в мире сем; одним они станут лакомствами, другим послужат лишь для того,

чтобы отрезать им пальцы; и нет в том нашей вины, ибо мы со всей серьезностью убеждаем всякого, кто примется за этот труд, что он покушается на высшую область философии, существующую в природе, и хотя мы пишем по-английски, трудно, как греческие писания, будет сказанное нами для тех, кто будет думать, что хорошо понимают нас, истолковав нас совершенно неверным образом; ибо разве можно вообразить, что они, неискушенные в жизненных силах, окажутся мудрыми в книгах наших, о жизненных силах свидетельствующих?»

От того же предостерегает своих читателей и Эспажнэ:¹

«Пусть возлюбивший истину пользуется лишь немногими авторами, но наиболее уважаемыми и достойными; пусть с подозрением отнесется он к тому, что легко и доступно, особенно если это касается мистических терминов и тайных операций; ибо истина сокрыта во тьме, и нет ничего более ложного в писаниях философов, чем ясное, и более истинного, чем темное».

Истина не может быть выставлена на публичное обозрение, и сегодня это верно еще в большей степени, чем в то время, когда апостолам советовали не метать бисер перед свиньями.

Мы полагаем, что все приведенные нами отрывки являются достаточными доказательствами выдвинутого нами утверждения. Кроме школ адептов, почти недоступных для западных исследователей, во всем мире — не говоря уж о Европе — не существует ни одной работы по оккультной науке, и прежде всего по алхимии, которая была бы написана ясным и точным языком, или открывала бы публике систему или метод, которому можно было бы следовать, как в физических науках. Любой трактат, исходящий от посвященного или адепта, древнего или современного, *будучи не в состоянии*

¹ Жан д'Эспажнэ. Французский магистрат и алхимик первой половины XVII века. Выступал против Фронды с таким же рвением, как и против злонамеренного колдовства. Он считался одним из самых выдающихся знатоков герметической философии своего времени. Главный его труд: «Enchiridion physicae restitutae», Париж, 1623 г., в котором он излагает физическую теорию, служащую основой для трансмутации металлов, философию александрийской школы и учение о трех сферах: элементарной, небесной и первичной. — *Прим. редактора.*

открыть все, ограничивается тем, что проливает свет лишь на некоторые проблемы, которые дозволено открыть по необходимости тому, кто достоин *знать*, оставляя их при этом сокрытыми от тех, кто не достоин воспринять истину, из опасения, что они злоупотребят ею. Таким образом, тот, кто недоволен неясностью и путаницей, преобладающих, по его мнению, в сочинениях последователей Восточной школы, сравнивает их со средневековыми или современными писаниями, которые кажутся ему более понятными, доказывает лишь одно из двух: либо он, пав жертвой самообмана, вводит в заблуждение других; либо распространяет современное шарлатанство, *ни на минуту не забывая о том*, что обманывает своих читателей. Много развелось популярных работ, написанных четко и методично, но излагающих лишь *личные* идеи автора, то есть, имеющих ценность лишь для того, кто *абсолютно ничего не смыслит* в подлинной оккультной науке. Мы часто говорим об Элифасе Леви, который один, несомненно, знал намного больше, чем все наши европейские маги конца девятнадцатого века вместе взятые. Однако теперь, когда полдюжины книг аббата Луи Констанана прочитаны, перечитаны и выучены наизусть, насколько мы продвинулись в практической оккультной науке, или хотя бы в понимании каббалистических теорий? Его стиль поэтичен и совершенно очарователен. Его парадоксы, а почти каждая фраза в его книгах является парадоксальной, насквозь проникнуты французским духом. Но даже если мы выучим их так, что сможем повторить наизусть с начала и до конца, скажите, чему же он научил нас в действительности? Ничему, абсолютно ничему — кроме, разве что, французского языка. Мы знаем нескольких учеников этого великого мага современности, англичан, французов и немцев, людей глубокого ума и железной воли, многие из которых посвятили этим исследованиям долгие годы. Один из его учеников назначил ему пожизненную ренту, которую тот получал свыше десяти лет, и, кроме того, платил ему по 100 франков за каждое письмо во время вынужденной отлучки. По прошествии десяти лет этот человек знал о магии и каббале меньше, чем чела, обучавшийся в течение десяти лет у индийского астролога. В адьярской библиотеке у нас имеется несколько рукописных томов его писем о магии, написанных по-

французски и переведенных на английский, и мы утверждаем, что поклонники Элифаса Леви не смогут представить нам ни одного человека, который стал бы оккультистом, даже теоретически, следуя учению этого французского мага. Почему же это так, если он, несомненно, получил свои тайны от посвященных? Просто потому, что он *никогда не получал права посвящать других*. Те, кому известно что-либо об оккультизме, поймут, что мы имеем в виду; те же, кто лишь *претендует* на это, оспорят нас и, быть может, возненавидят нас еще больше за то, что мы сообщили столь суровые истины.

Оккультные науки, или скорее тот *ключ*, который только и объясняет их тайный язык, не может быть обнародован. Подобно Сфинксу, который умирает в тот момент, когда Эдип разгадывает тайну его существования, они остаются оккультными лишь до тех пор, пока они неизвестны непосвященным. К тому же, их нельзя ни купить, ни продать. Розенкрейцером *«становятся, а не делаются»*, гласит древнее изречение герметических философов, к которому оккультист добавляет: «Наука богов берется силой; она должна быть завоевана, и не дается сама». Именно эту мысль хотел довести до нас автор «Деяний Апостолов», приводя ответ Петра Симону Магу: «Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги» [Деяния, 8:20]. Оккультное знание не должно использоваться ни для получения денег, ни ради какой-либо эгоистической цели, ни в качестве средства для удовлетворения собственного тщеславия.

Пойдем теперь дальше и еще раз повторим, что — за исключением тех крайне редких случаев, когда золото могло стать средством для спасения всего народа — даже сам акт трансмутации, если его единственным мотивом является получение богатства, становится черной магией. В связи с этим ни секреты магии, ни тайны оккультизма или алхимии не могут быть открыты в период существования нашей расы, с всевозрастающим неистовством поклоняющейся золотому тельцу.

Вследствие этого, чего стоят сочинения, сулящие дать нам *ключ* к посвящению в ту или иную из этих наук, которые, по сути, едины?

Мы прекрасно понимаем таких адептов-посвященных, как Парацельс и Роджер Бэкон. Первый из них был одним из великих предвестников современной химии, второй — физики. Роджер Бэкон в своем «Трактате о замечательных силах искусства и природы» показывает это со всей очевидностью. Мы обнаруживаем в нем провозвестие обо всех науках нашего времени. Он упоминает в нем о порохе и предрекает использование пара в качестве движущей силы. Гидравлический пресс, водолазный колокол и калейдоскоп — все это описано им; он предсказывает изобретение летающих машин, сконструированных таким образом, что тот, кто сидит в середине этого механического приспособления, в котором мы с легкостью узнаем модель современного воздушного шара, должен лишь поворачивать механизм, чтобы привести в движение искусственные крылья, которые немедленно начинают бить по воздуху, наподобие птичьих крыльев. Он защищает также своих собратьев-алхимиков от обвинений в использовании тайнописи.

«Причина, по которой мудрые скрывали свои тайны от широких масс, — это пренебрежение и насмешки со стороны последних над тайнами мудрости мудрейших, а также невежество людей, не могущих найти правильное применение столь возвышенным материям. Ибо если благодаря случайности подлинная тайна и открывалась им, то они искажали и извращали ее, принося многочисленные неудобства отдельным людям и целым сообществам. Неосмотрителен тот, кто, описывая какую-либо тайну, не утаил ее от черни, и не заставил попотеть более разумного, прежде чем тот сможет разгадать ее. В этом полноводном потоке разума человек плавает от начала времен, всячески затуманенном, скрывающем части мудрости от всеобщего распространения. Некоторые прячут многие тайны при помощи каббалистических знаков и стихов. Другие — с помощью загадок и метафор... Третьи сохраняют свои тайны, прибегая к особой манере письма, пропуская в словах гласные буквы; никто не знакомый с сигнификацией этих слов не сможет прочесть их [герметический *тайный язык*]...»¹

Криптография такого рода использовалась среди евреев, халдеев, сирийцев, арабов и даже греков; она широко применялась в прошлые времена, особенно евреями.

¹ Роджер Бэкон: «De mirabili potestate artis et naturae», Лондон, 1659 г., гл. VIII, стр. 37. — *Прим. редактора.*

Доказательством этого служат еврейские рукописи Ветхого Завета, книги Моисея или *Пятикнижие*, ставшие после введения масоретских огласовок еще более нереальными. Но как Библию стараниями масоретов и отцов церкви заставили говорить все что угодно, кроме того, что в ней содержится на самом деле, так же поступили и с книгами по каббале и алхимии. Ключ к ним был утерян много веков назад в Европе, и лишь каббала (*благая* каббала маркиза де Мирвиля, согласно бывшему раввину, шевалье Драху, набожному и самому католическому гебраисту) служит ныне свидетельством, подтверждающим и Новый, и Ветхий Завет. Зогар, по мнению современных каббалистов, является книгой современных пророчеств, связанных, главным образом, с *католическими догматами римской церкви*, а также краеугольным камнем Евангелий; все это могло бы быть правдой, если бы признавалось, что и в Евангелиях, и в Библии каждое имя является символическим, а каждая история — аллегорией, точно так же, как и во всех священных текстах, предшествующих христианскому канону.

Прежде чем завершить эту статью, и так уже слишком длинную, позвольте сделать краткое резюме уже сказанного.

Я не знаю, дойдут ли наши доводы и многочисленные выдержки из текстов до наших читателей в целом. Но я уверена, что на каббалистов и новоявленных «магистров» они подействуют, как красная тряпка на быка; но мы давно перестали бояться и более острых рогов. Эти «магистры» всей своей наукой обязаны мертвой букве каббалы и фантастическим истолкованиям, созданным отдельными мистиками нашего и прошедшего столетия, в которые «посвященные» библиотек и музеев, в свою очередь, внесли многочисленные изменения; поэтому они готовы защищать их не на жизнь, а на смерть. Люди увидят лишь огонь и дым, и победителем станет тот, кто будет кричать громче всех. Тем не менее — *Magna est veritas et praevalebit* [Велика истина, и она восторжествует, *лат.*].

1. Было доказано, что алхимия проникла в Европу из Китая, и что, попав в руки профанов, алхимия (подобно астрологии) не является больше чистой и божественной наукой школ Тота-Гермеса эпохи первых египетских династий.

2. Столь же очевидно, что Зогар, фрагментами которого располагают Европа и другие христианские страны, не идентичен Зогару Симона бен Йохан, но является компиляцией древних сочинений и преданий, собранных вместе в XIII веке Моше де Леоном из Гвадалахары, который, согласно Мосхайму, во многих случаях следовал толкованиям, переданным ему христианами гностиками Халдеи и Сирии, где он побывал, разыскивая их. Подлинный, древний Зогар находится во всей своей целостности только в халдейской Книге Чисел, от которой до нас дошли лишь три неполных копии, хранящиеся у посвященных раввинов. Один из них жил в Польше в строгом уединении и уничтожил свой экземпляр перед своей кончиной в 1817 г.; что касается другого, мудрейшего палестинского раввина, он уехал из Яффы несколько лет тому назад.

3. От подлинных герметических книг сохранился лишь один фрагмент, известный под названием «Изумрудная Скрижаль», к которому мы еще вернемся. Все труды, составленные по книгам Тота, были уничтожены и сожжены в Египте по приказу Диоклетиана в третьем веке нашей эры. Все остальные, включая «Пэмандр», являются в своем современном виде лишь более или менее неясными и ошибочными воспоминаниями различных греческих или даже латинских авторов, которые часто, без каких-либо колебаний, выдавали свои собственные интерпретации за подлинные герметические фрагменты. И даже если бы эти фрагменты случайно все еще сохранились, они были бы в такой же степени непонятны нынешним «магистрам», как и сочинения средневековых алхимиков. В доказательство этого утверждения мы процитировали их собственные и довольно искренние признания. Мы показали, какими причинами они [герметисты] руководствовались: (а) их мистерии, слишком священные, чтобы допустить их профанацию несведущими, были записаны с пропуском гласных букв и объяснялись лишь во время ритуала немногими адептами-посвященными; и они [мистерии] были к тому же слишком опасными, чтобы попасть в руки тех, кто способен злоупотребить ими; (б) в средние века меры предосторожности десятикратно усилились, ибо в противном случае для них [герметистов] возни-

кал риск быть сожженными заживо к вящей славе Бога и Его церкви.

4. Ключ к тайному языку алхимиков и к подлинному значению символов и аллегорий каббалы следует искать только на Востоке. Поскольку он так никогда и не был снова открыт в Европе, что же могло послужить путеводной звездой нашим современным каббалистам, чтобы они смогли распознать истину в сочинениях алхимиков и в тех немногих, написанных *истинными посвященными*, трактатах, которые все еще хранятся в наших национальных библиотеках?

Таким образом, отсюда следует, что, отвергая помощь из единственного источника, откуда в нашем столетии они могут надеяться получить ключ к древнему эзотеризму и Религии Мудрости, они — будь то каббалисты, «избранники Божии» или современные «пророки» — выбрасывают на ветер последний шанс узнать изначальные истины и воспользоваться ими.

Во всяком случае, мы можем быть уверены, что в проигрыше здесь останется отнюдь не Восточная школа.

Позволим себе отметить, что многие французские каббалисты часто высказывали мнение, что Восточная школа никогда не будет иметь большого значения, сколь бы она ни гордилась тем, что обладает тайнами, неизвестными европейским оккультистам, *потому что принимает в свои ряды женщин*.

В качестве ответа мы могли бы процитировать басню, рассказанную братом Джозефом Н. Наттом, «великим магистром» масонской ложи для женщин в Соединенных Штатах,¹ чтобы показать, на что способна женщина, если она не скована мужскими узами — как человеческими, так и Божьими:

«Лев, проходя мимо скульптуры, изображающей атлетическую, могучую фигуру человека, разрывающего пасть льва, сказал: *Если бы это изображение было выполнено львом, эти фигуры поменялись бы местами!*»

¹ Великий капитул ордена Восточной звезды в штате Нью-Йорк. Лекция и прения во время Великого капитула: «Женщина и Восточная звезда», 4 апреля 1877 г.

То же самое замечание имеет силу в отношении женщины. Если бы только ей было позволено изображать сцены человеческой жизни, она распределила бы роли в обратном порядке. Именно она первая привела мужчину к Древу Познания и заставила его узнать Добро и Зло; и если бы ее оставили в покое и позволили делать то, что она хочет, она привела бы его к Древу Жизни и *тем самым сделала бы его бессмертным.*

СПИНОЗА И ЗАПАДНЫЕ ФИЛОСОФЫ

Самым величайшим из материалистов, который когда-либо жил на земле и который привел более сильные аргументы в защиту своей теории, чем кто бы то ни было, — был Эпикур. Великий, целомудренный, благородный и строгий Эпикур, назвавший высшие цели и божественные законы простыми изобретениями человеческого разума и отрицавший представление о бессмертии человеческой души. Кто из наших современных позитивистов сказал когда-либо об источнике нашего бытия что-либо более сильное, чем это:

«Душа ... должна быть материальной, потому что мы прослеживаем ее происхождение от материального источника; потому что она существует, и существует единственно в материальной системе; она питается материальной пищей; растет вместе с ростом тела; созревает вместе с его созреванием; приходит в упадок вместе с его ослаблением; и, следовательно, принадлежит ли она человеку или животному, должна умереть вместе с его смертью».

И все же он был деистом и теософом, ибо — не говоря о его собственной системе, мудрая философия которой проявляет себя в той связующей силе его школы, равной которой никогда не было среди любых других школ античной философии — он посвятил всю свою жизнь изучению естественных наук и анализу божественной деятельности в ее соотношении с природой. Его вывод состоял в том, что вселенная, которая бесконечна, не могла бы быть результатом божественного действия, поскольку тогда не может быть объяснено существование зла. Несмотря на все это, хотя и не веря в Бога в виде некоего разумного Принципа, он признавал существование и Высшего Существа, и богов или духов, живых и бессмертных существ, имеющих человеческий облик, но гигантские размеры.

Спиноза, со своей стороны, был признанным «последовательным атеистом», как заклеил его Пьер Бейль. Против него была произнесена ужасная *анафема мараната*, и его систему отрицания Мальбранш назвал нелепой и страшной химерой. И все же на земле никогда не было более чистой и духовной натуры, чем Спиноза. Если благодаря Эпикуру абстрактные представления постепенно превратились в грубые конкретные формы материальной вселенной, то благодаря Спинозе материальные концепции науки, от Солнечной системы до молекулярной структуры листочка, приобрели поистине рафаэлевские оттенки, и самые грубые субстанции приняли туманные, эфирные очертания в некоем идеальном мире. И этот мученик трансцендентной теософии столь сильно запечатлел себя в последующих поколениях мыслителей, что Шлейермахер с самым трогательным пафосом говорит о «святом, но гонимом Спинозе».

«Дух Божий пронизывал его», — говорит он. «Бесконечное было его началом и концом, вселенная была его единственной и вечной любовью. В святой простоте и глубоком смирении он отражал себя в вечном мире и видел также, что он был его самым прекрасным зеркалом. Он был наполнен религией и святым духом, и потому он остается единственным и непревзойденным мастером этого искусства, но возвышенным над мирским обществом, без учеников и даже без гражданства!»

Концепции этого «атеистического» теософа о Боге являются одними из наиболее оригинальных. Скованные, как всегда, законом необходимости, царящим повсюду в физической природе, мы видим, что он решает самые абстрактные идеи при помощи четких геометрических определений. Его система — это система метафизических представлений, из которых вытекает серия теорем — некая демонстрация из восьми определений и семи аксиом первой книги «Этики».

Тот, кто знаком с индийской философией, усмотрит здесь исключительное сходство с ведантой и высшей буддийской системой, известной как школа свабхавика. Согласно их представлениям, Бог — это «некая субстанция, состоящая из бесконечных атрибутов, каждый из которых выражает некую абсолютно бесконечную и вечную сущность». Следовательно,

эта субстанция — необходимая и бесконечная, единая и невидимая, является Богом, единственным Самосущим, Всесовершенным и абсолютно Беспредельным. Если удалить отсюда имя божества, то вы получите абстрактные представления свабхавиков о единственной творящей силе в мире.

«Во вселенной не существует ничего, кроме субстанции — или природы», — говорят последние. — «Эта субстанция существует благодаря самой себе и посредством себя (свабхават), она никогда не была сотворена и не имела Творца».

И Спиноза, не осознавая того, повторяет за ними:

«Нет», — говорит он, — «в этом мире не существует ничего, кроме субстанции и разновидностей ее атрибутов; и, так как субстанция не может производить субстанцию, нет такой вещи, как творение».

Это убеждение большинства индийских философов. И снова:

«...Оно (творение)», — говорит Спиноза, — «не имеет ни начала, ни конца, но все вещи должны происходить или эманировать из Бесконечного Единого, и будут вечно исходить таким образом».

Согласно его философии, нам известны лишь два из не имеющих числа атрибутов божества: протяженность и мысль, объективное и субъективное, для которых Он (Бесконечное) является тождеством. Бог — это единственная свободная Причина (*causa libera*), все же остальные существа, не обладая ни свободой воли, ни выбора, двигаются благодаря жестким законам причинности. Божество — это

«*Causa immanens omnium* [причина, пребывающая во всем, лат.], не существующая отдельно от вселенной, но проявленная и выраженная в ней, как в некоем живом одеянии».

В книге «Зогар» творение или вселенная также называется «покрывом Бога», сотканным из его собственной субстанции.

«Вот так на шумном Ткацком станке Времени я свиваю
И тку для Бога покров, который ты зришь на Нем», —

говорит Гете, другой немецкий теософ, в своем «Фаусте». И в веданте мы находим Брахму, Божественного Абсолюта, не

замечающего вселенной и остающегося вечно независимым от прямых взаимоотношений с ней. Бенаресский пандит Прамада Даса Митра говорит в своей «Ведантической концепции Брахмы»:

«В то время как ведантист отрицает наличие у Божества земного преходящего сознания, он утверждает ... с настойчивостью ... что Он является Абсолютным Сознанием... Он и Его сознание нераздельны... Именно эта постоянная Сущность частично проявлена [в человеке], но превосходит все сознательные существа, то есть, является Вездесущим Духом... Ведантист верит, что он [мир] *был* ничем и *есть* ничто в обособлении от Единого абсолютного Существа — Бога».

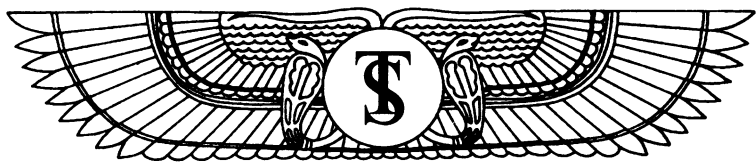
И лишь когда еврейский философ описывает «атрибуты» Бога — пусть даже и бесконечного, — он расходится с учением веданты; ибо последняя позволяет одному лишь человеку называть свое сознание неким атрибутом своей души, «потому что оно видоизменяется, в то время как сознание (чайтанья) Бога едино и неизменно, а следовательно, никакое подобное разделение на субстанцию и атрибут неприменимо для Него». Тогда как божество Спинозы — *natura naturans* — постижимо в своих атрибутах просто и однозначно; и то же самое божество — *natura naturata* — также постижимо в бесконечной серии видоизменений и взаимосвязей, следствий, непосредственно вытекающих из свойств этих атрибутов, — что является божеством ведантистов в чистом виде. То же самое тонкое метафизическое различие обнаруживается в тайне, благодаря которой безличный Брахма — Единый и Нераздельный, *абсолютное* «сознание», — *не наделенный сознанием* вселенной, становится посредством явной метафизической необходимости Ишварой, личным Богом, и ставит себя в прямую связь с вселенной — творцом которой он является — соответственно под определениями майи (иллюзии), шакти (силы) и пракрити (природы).

Ведантический Брахма-Ишвара имеет столь выдающееся значение в философии Спинозы, что мы обнаруживаем, как эта идея окрашивает последующие воззрения Гегеля, одного из тех философов, который в наибольшей степени был вдохновлен этим еврейским идеалистом. В гегельянской схеме Аб-

солют заявляет о своих правах в наибольшей степени. Гегель утверждает, что он скорее бы не признал существование материальной вселенной, чем отождествил бы с ней Бога. Фихте, трансцендентальный идеализм которого первоначально был предназначен усилить идеализм Канта, и который послужил основанием для натурфилософии Шеллинга, пошел в этом направлении еще дальше Гегеля. Неспособный освободить человеческую волю от подчинения железным законам, деспотично управляющих повсюду в физической природе, он отрицал реальность и природы, и закона, и отвергал их как продукт своего собственного разума (майя?). Следовательно, он отрицал существование Бога, ибо в его философии божество — это не некое индивидуальное существо, но просто проявление высших законов, необходимый и логичный порядок вещей, *ordo ordinans* [организующий мировой разум, *лат.*] вселенной. Если принять во внимание факт, что благодаря специфической модификации языка то, что древние называли «субстанцией», современная философия определяет как *абсолют*, или *эго*, мы обнаружим еще более удивительные параллели между пантеистическим мистицизмом древних и нынешним высшим трансцендентализмом, как в физической, так и в духовной науках.

Итак, подытожим. Рассматривает ли первый вместе с Робертом Бойлем вселенную как гигантский часовой механизм, стремясь понять тайну того Самосущего Ключа, который автоматически заводит его через определенные промежутки времени. Или он принадлежит к классу тех мыслителей-позитивистов, которых герцог аргайлский [Дж. Д. Кемпбелл] обвиняет в своем «Царстве закона» в том, что они постоянно говорят о «простом навешивании ярлыков и правильной расстановке внешних фактов». Или же он подобно материалисту утверждает вместе с д-ром Тиндалем, что «порядок и энергия вселенной свойственны ей, а не привнесены в нее извне», что «это выражение четкого закона, а не переменной воли». Или же, не являясь непременно фанатичным ханжой, он выражает ранние наставления своего детства и рассматривает Бога как осязаемое, гигантское, действующее и разумное существо, наделенное личными качествами, которое периодически нисходит в различные аватары и становится «божественным му-

жем», подобно Вираджд и другим, и отрицает непонятное и ограниченное божество — некую незримую дымку. Или, следуя по стопам древних йогов, он начинает искать Безграничного и Необусловленного Единого и надеется на встречу лицом к лицу с Абсолютным и Субъективным, или верит в алхимию и хочет соперничать с Раймондом Луллием в искусстве изготовления золота и открытии философского камня; или, наконец, подобно Ямвлиху, или современному спиритуалисту, он ставит опыты в области теургии и спиритуализма, и вызывает высших и низших духов из неземных сфер...

КРИТИКА НА КРИТИКА

Мы рады, что профессор Макс Мюллер упомянул нас в январском номере «Нового обозрения» [за 1891 г.], поскольку благодаря этому мы имеем повод вернуть комплимент ученому филологу, к разработкам которого в «Науке о языке» мы всегда испытывали глубокое уважение, оставаясь в то же самое время при своем собственном мнении относительно его компетенции в писаниях или в материалах по арийским религиозным или философским системам. Статья, о которой пойдет речь, называется: «Христианство и буддизм», и, хотя мы и не можем поздравить ни одну из этих религий в связи с тем, что профессор обратил на них свое внимание, все же мы искренне сочувствуем первой из них, которую такая защита знаменитого ориенталиста поставила в столь жалкое и затруднительное положение. Возможно, позднее мы еще вернемся к обсуждению этого вопроса, чтобы показать полное незнание автором даже элементарного символизма. Однако сейчас мы намерены рассмотреть лишь первый параграф и высказать слабый протест от имени большинства местных пандитов, а так же санскритских и палийских ученых Теософского общества, которые, между прочим, достаточно многочисленны в Индии и на Цейлоне.

Вот этот параграф:

Кто за последнее время не пострадал от теософии и эзотерического буддизма? Ими наводнены журналы, ими переполнены романы, и — ох! — в частных и конфиденциальных письмах спрашивают о том, что же все это означает в действительности. Это почти столь же скверно, как и повальное англо-еврейское увлечение, даже, мания поисков прародины ариев. Эзотерический буддизм весьма непопулярен среди санскритских и палийских ученых. Они стараются держаться от него в стороне и избегать любых споров с его пророками и

пророчицами. Но это, по-видимому, не очень то им удастся, так как их постоянно порицают за то, что они не высказывают своего мнения на эту тему, хотя, в действительности, их молчание уже говорит само за себя.

Однако Эмиль Бёрнуф *сделал* заявление по этому поводу, и читатели «Revue des Deux Mondes» знают, что он сказал о теософии. Другой знаменитый ориенталист также воспользовался гостеприимством страниц «Люцифера», и профессор Макс Мюллер должен теперь ответить за то, что он отказался прислушаться к Гарпократу и нарушил завет молчания.

Из этого вступительного параграфа мы узнаем тот интересный факт, что спокойствие профессора было до некоторой степени нарушено, и для того, чтобы внушить благоговейный страх вопрошающей публике, он пытается спрятать себя под мантией учености, с ее постоянно изменяющимися оттенками, и вступить на величественный пьедестал высокомерного западного ориентализма.

Современная англоязычная публика известна своей любовью к честной игре, и она исподволь осознает тот факт, что ее систематически и старательно держат в неведении о многих вещах, что мешает ей вынести справедливое суждение, и поэтому постепенно возрастает вполне правомерное негодование. Посему мы считаем своим долгом позволить публике рассмотреть картину со всех сторон, публикуя ниже критику на нашего критика. Мы делаем это на основании двух главных принципов, вытекающих из того идеала справедливости, который является краеугольным камнем теософии; к тому же одной из целей Теософского общества является предоставление возможности туземным джентльменам обучать Запад восточным системам религии, философии и науки, и таким образом устранить то неправильное представление, которое западные ученые вселяют, сознательно или бессознательно, в умы своих менее образованных соотечественников. Эта критика — поэмы, написанной профессором на санскрите, которая перепечатывается с разрешения «Sanskrit Critical Journal» — поучительна не только по вышеизложенным причинам, но также благодаря той информации, которую она содержит о Ведах и о взглядах индусов на эти древнейшие реликвии прошлого.

Вот перевод этой поэмы и последующие критические замечания:

МАТСЬЯ СУКТА

1. О други, воспоем хвалу сей удивительной великой рыбе, чье имя — Лакша, достойная любви мужчин и женщин.

2. Она росла и набиралась силы в море и безмятежно прозябала в реках, и вот она у нас, желанный гость.

3. Пусть эта рыба (Лакша), которую как встарь, так и поныне поэты восхвалять должны, к нам призовет сюда богиню счастья Лакшми!

4. Сойдемся вместе и воззрим, сколь плоть ее красна, сколь вид ее прекрасен, и как блестит она подобно серебру!

5. Когда же рыба та всецело погрузиться в изысканнейший царский соус, исполненный благоухания и прелести,

6. Тогда мы пожелаем, о любимая, на сем собрании вкусить тебя, о радость, рожденная стать пищей для людей.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(1). «Матсья Сукта» — это поэма в шести стансах, сочиненная профессором Максом Мюллером в качестве хвалебной песни рыбе, называемой лососем, или, по-немецки, лакшей.

По прочтении данного шедевра, с первого взгляда нам показалось, что наш ученый профессор написал его как пародию на ведическую сукту, с единственным намерением развлечь своих друзей. Если наше предположение справедливо, мы поздравляем профессора с несомненным успехом, но в то же самое время выражаем сожаление, что Веды, наиболее священные из индусских книг, на которых главным образом и базируется индийская религия, были осмеяны в столь ребяческой манере таким известным и великодушным человеком, как профессор Макс Мюллер, которого повсеместно считают горячим поклонником Вед и главным поборником индуизма —

ибо пародия или насмешка, подобная этой, может унижить значение Вед в глазах индусов, сохранивших высочайшее уважение к ним с древнейших времен.

(2). Индусы считают, что Веды существовали всегда наравне с самим Всемогущим, и что они не были составлены каким либо существом. Индийские философы, в свою очередь, после долгих и горячих дискуссий установили в отношении Вед ту же самую истину. Древние мудрецы, такие как Вальмики, Васишта, Вьяса и др., которые были риши в подлинном смысле этого слова и, вероятно, были намного лучше знакомы с Ведами, чем риши данного железного века, использовали новый стиль языка для общения, называемый лаукика, или человеческий язык, совершенно отличный от ведического, для того, чтобы сохранить чистоту Вед неизменной. Поступая таким образом, они строго запрещали простым людям злоупотреблять Ведами и добавлять к ним свои собственные сочинения, как то пародии и шуточные поэмы. Очевидно, что подобная пародия унижает Веды — первоисточник индийской религии, что невыносимо для индуса.

(3). С другой стороны, если профессор со всей серьезностью намеревался показать при помощи этого сочинения, сколь совершенно его владение ведическим языком, и сколь достоин он того титула (риши), который он сам себе присвоил, тогда все это является совершенно абсурдным и столь же неуместным, и вся его попытка в этом направлении — полный провал.

(4). К примеру, взять хотя бы название поэмы, «Матсья Сукта». Слово *сукта* — это чисто ведийский специальный термин, обозначающий собрание мантр, обычно используемых при обращении к определенному божеству, и потому совершенно недопустимо употреблять именно это слово для обозначения обыкновенной поэмы, даже если это набор станс, посвященных угощению того же самого субъекта. Стансы, написанные профессором Максом Мюллером, никоим образом не могут считаться ведийскими мантрами, ибо, как мы уже сказали, в соответствии с индийскими шастрами, ведийские мантры не являются творениями ни одного из живых существ. Профессор Макс Мюллер, безусловно, прекрасно знаком с этим фактом, но все же он называл свою поэму «Сук-

той». Что может быть в этой поэме более абсурдного, чем ее название?

(5). Ведийская сукта имеет, во-первых, некое божество или предмет, к которому она относится; во-вторых, размер, в котором она написана; в-третьих, риши, благодаря которому она была впервые явлена; и, в-четвертых, она имеет винийогу, или свое применение в определенных религиозных церемониях. Следуя этим правилам, наш профессор также посвящает свою поэму божеству, рыбе Лакша, берет своим размером гайатри, а в качестве риши — самого себя; но он забывает отметить последнюю и наиболее важную вещь, винийогу, что является, без сомнения, громадным недостатком, ибо без знания винийоги сукта совершенно бесполезна.

(6). В сущности, божество, размер, риши и т. д., относящиеся к сукте, — все это ведийские технические детали. Божество никогда не обозначало тот предмет, о котором говорилось в обычных поэмах, но только тот, который имел отношение к подлинной ведической сукте. Принадлежит ли рассматриваемая поэма изначально к Ригведе, Яджурведе или Самаведе? Если это не так, тогда какое право имеет автор называть свой предмет именем божества? Мы будем в высшей степени обязаны автору, если он будет столь любезен, что удовлетворит наш интерес при помощи любого авторитетного источника.

(7). Стихотворные размеры бывают двух родов: ведические и лаукика. Ведические размеры, прежде всего, ограничиваются Ведами, в то время как размеры лаукика используются лишь в обычной поэзии. Таким образом, каждый из размеров: гайатри и т. д., имеет двойные формы, совершенно отличные друг от друга. Главной характеристикой ведической формы некоего размера является знак ударения в каждом слове, то есть, каждое слово в нем должно быть обозначено соответствующим ему ударением, ибо в Бхашьяпанини сказано, что слово, произнесенное без должного ударения, убивает говорящего так же верно, как *самтра Индры*. Из всего вышеизложенного очевидно, что ведический размер не может быть использован в обыкновенной поэзии, и даже в Ведах каждое слово должно быть отмечено соответствующим ему знаком ударения. Но мы с сожалением видим, что профессор Макс

Мюллер, великий ведийский ученый нашего времени, нарушил это правило, использовав ведийскую форму размера гайатри в своей собственной поэме, и, кроме того, не обозначил свои слова соответствующими им знаками ударения.¹ Поистине, удивительное несоответствие!

(8). Теперь о риши. Под риши сукты подразумевается тот, кто впервые увидел сукту, или тот, кому она впервые была явлена в своем полном объеме. Ибо, согласно индийским шастрам, хоть Веды существовали всегда, они иногда исчезают во время пралайи, или потопа. И в начале нового творения они вновь частично открываются по воле Божьей внутреннему взору некоторых особых людей, которых называют риши. В Ведах упоминается довольно много риши. Однако при этом следует иметь в виду, что в каждом творении Веды открываются лишь одним и тем же людям, поэтому никакой новый риши не может возникнуть в Ведах. И мы можем теперь покорно попросить профессора показать нам, на основании какого авторитета он называет себя риши, хотя ему наверняка известно, что его поэма никогда не сможет рассматриваться как оригинальная часть Вед?

(9). Кроме того, эта поэма не свидетельствует ни о каком-то исключительном мастерстве ее автора, ни о какой-либо необычной учености в области санскрита; но с другой стороны, она показывает его недостаточное знание современной санскритской грамматики. Автор не только написал в ведическом стиле, но и сохранил повсюду ведические грамматические конструкции слов, которые не только строго запрещено использовать современному поэту, но и рассматриваются как *асадху*, или некорректные. Так, слова *purbhebhiih* и т. д., хотя они и могут быть правильными в соответствии с ведической грамматикой, их не может использовать современный поэт, ибо никто кроме риши не обладает привилегией применять такие словоформы. Риши, согласно индийским шастрам, бывают двух видов: 1-й, те, кому были первоначально открыты мантры Вед; 2-ой, те, кто, будучи брахманами по касте, про-

¹ В последний момент перед отправкой в печать мы узнали о том, что 7-ой параграф основывается на ошибке европейского копировщика, который переслал экземпляр брошюры автору критических замечаний. Знаки ударения найдены в оригинале.

славились своей ученостью, аскетизмом, праведностью и познанием Вед. Так как никакая ведийская мантра никогда не была открыта профессору, рассматриваемая поэма, без сомнения, не является ведийской мантрой, так же как и он сам — не брахман по кастовому признаку. Таким образом, очевидно, что он не имел никакого права использовать такие словоформы в своем сочинении. В самом деле, знаменитый поэт Бхавабхути временами следовал ведическому стилю в своих творениях, но он повсюду тщательно придерживался современных грамматических конструкций. Так и современные поэты обязаны повсюду соблюдать правила современной грамматики, иначе же их сочинения не будут считаться *садху*, или корректными.

(10). В заключение мы хотели бы отметить, что не надо видеть в этой поэме проявления какой-то исключительной учености, ибо поэма состоит всего лишь из шести стансов или восьми строк, но даже в этих немногих строках без малейшего изменения заимствуются фрагменты из Ригvedы, в чем можно легко убедиться, если поместить рядом приводимые выше слова из поэмы и соответствующую цитату из Ригvedы, и сравнить их.¹

(11). Для поэта, пишущего на санскрите, нет ничего столь же позорного, как заимствование фрагментов из других сочинений. Кроме того, такие слова, как *adbhuta purupriya*, *sahasamputro adbhuta* и т. д., повторяющиеся с тем же самым размером (гайатри) как в мантрах, так и в Ригvedе, найти ни для кого не составит труда. Таким образом, мы видим, что в поэме авторских слов не так уж много, и они также не дают нам сколь либо серьезной уверенности в их авторстве. По нашему мнению, поэма, подобная этой, не делает чести написавшему ее, даже если она появилась из-под пера обычного ученого санскритолога.

(12). Наконец, нас в высшей степени удивил тот факт, что слово «Лакшми» переведено как богиня счастья. Любой, кто имеет хотя бы самое слабое знакомство с санскритской литературой, прекрасно знает о том, что Лакшми — это богиня богатства или судьбы, а не счастья.

¹ Например, станс 3, жемчужина всей поэмы, слово в слово повторяет стих из Ригvedы.

(13). Кроме всего прочего, поэма полна мелких противоречий и бессмысленных выражений, которые внимательный читатель легко сможет выявить; например, в третьем стансе говорится, что рыбу Лакшми как встарь, так и поныне поэты восхвалять должны. Здесь слово «риши» переведено как «поэты», что является абсурдом. К тому же в Индии ни риши нынешнего времени, ни те, которые жили в прежние времена, даже не были знакомы с таким названием этой рыбы. Как же они могли восхвалять ее?

И в завершение еще один вопрос и последнее замечание:

Вопрос: Предположим, что знаменитый индусский пандит напишет пародию на один из псалмов Давида, в котором он опишет попойку; мы желаем знать, что скажет в таком случае Общество поддержки христианского знания и другие организации воинствующей церкви. Хотя это весьма слабое сравнение, ибо размер гимнов, установленный Давидом, безвозвратно утерян благодаря масоретской профанации, в то время как *свара* Вед все еще сохраняется. Профессорская поэма — это лишь частный случай осквернения, по поводу которого индусы выражают свое недовольство; не говоря уже о сотнях других вещей, которые может понять лишь почтительным разумом человека, изучающего эзотеризм.

Замечание: Выражаем свое удовлетворение по поводу того, что наша ученость находит подтверждение из рук туземного джентльмена, и мнение Бхатта Пулли для нас значит больше, чем мнение Оксфорда.

СОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ

Считается, что душа не может воспринимать более одного объекта в данный момент времени, поскольку душа является неким единством. Окультизм учит, что наше сознание может одновременно получать не менее *семи* различных впечатлений и даже сохранять их в памяти. Это можно продемонстрировать, если извлечь в одно и то же время семь нот гаммы на музыкальном инструменте, скажем, на фортепиано. Семь звуков одновременно достигнут сознания; хотя нетренированное сознание может оказаться неспособным зарегистрировать их в первую же секунду, их продолжающиеся вибрации создадут в ухе семь различных звуков разной высоты. Все зависит от тренировки и внимания. Таким образом, передача ощущения от любого органа к сознанию происходит почти мгновенно, если ваше внимание сконцентрировано на нем; но если какой-либо шум нарушит ваше внимание, потребуется несколько секунд, прежде чем ощущение достигнет вашего сознания. Окультист должен тренировать себя в том, чтобы получать и передавать вдоль по семи уровням своего сознания любое впечатление или впечатления одновременно. Тот, кто в наибольшей степени уменьшает интервалы физического времени, достигает наибольшего прогресса.

Названия и порядок этих семи уровней таковы:

1. Чувственное восприятие;
2. Самовосприятие (или апперцепция);
3. Психическое самовосприятие, которое приводит к
4. Витальному восприятию.

Таковы четыре низших уровня, принадлежащие психофизическому человеку. Далее следуют:

5. Манасическая интуиция;
6. Волевое восприятие и
7. Духовное сознательное самовосприятие.

Специальный орган сознания — это, конечно, мозг. При жизни оно находится в ауре шишковидной железы человека. В течение процесса разумной, или мыслительной, деятельности, проявляющейся в сознании, имеют место постоянные световые вибрации. Если бы ясновидящий смог заглянуть в мозг живого человека, он воочию смог бы различить семь оттенков последовательных уровней света, от наиболее темного до самого светлого.

Сознание — это то, что не поддается психологическому определению. Мы можем анализировать и классифицировать его работу и следствия, но никогда не сможем понять его природу, если мы не примем существование некоего эго, отдельного от тела. Септенарная шкала состояний сознания отражается в сердце (или, скорее, в его поле), которое вибрирует и освещает *семь мозгов* сердца, так же, как она создает семь подразделений, или лучей, вокруг шишковидной железы.

Это сознание показывает нам различие между природой и сущностью, скажем, астрального тела и эго. Одно из них молекулярное, невидимое, если оно не сконденсировано, другое — атомарно-духовное. (См. пример курильщика — десять сигарет, причем дым каждой из них сохраняет свое свойство).

Одна лишь идея эго совместима с фактами физиологических наблюдений.

Разум или эго, *субъект* всех и каждого состояния сознания, по своей сущности является единым. Миллионы разнообразных подсостояний сознания представляют собой доказательства существования этого эго. Даже клетки мозга показывают нам такие состояния, которые доказывают нам, что существует бессмертная душа, и т. д.

Каждое из пяти осознаваемых чувств было первоначально ментальным чувством. Рыба, рожденная во тьме пещеры, слепа — отнесите ее наружу и выпустите в реку, и она почувст-

вует, что начинает видеть, пока постепенно у нее не разовьется физический орган зрения, и она окончательно прозреет. Глухой и немой человек слышит внутренне, своим собственным способом. Узнавание, ощущение, желание — это не способности разума, но его коллеги...

ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ СТРАДАЮТ?

Вопрос. Возможно ли для меня, любящего животных, узнать, как получить больше силы, чем у меня есть, чтобы облегчить их страдания?

Ответ. Врожденная бескорыстная ЛЮБОВЬ, объединенная вместе с ВОЛЕЙ, — это «сила» сама по себе. Тем, кто любит животных, необходимо проявлять свое чувство более мудро и умело, чем украшать своих любимцев ленточками и посылать их выть и царапаться на выставках.

Вопрос. Почему благороднейшие животные так сильно страдают в руках человека? Мне не нужно распространяться или пытаться объяснить этот вопрос. Города являются местами мучения для животных, которые могли бы быть использованы человеком для дела или для удовольствия! и это касается самых благородных животных.

Ответ. В Сутрах, или Афоризмах кармапы, секты, являющейся боковой ветвью великой гелугпы (желтых шапок) в Тибете, чье название объясняет ее принципы («верящие в силу кармы», то есть действия, или добрые дела), один упасака спрашивает своего Учителя, почему судьба бедных животных так изменилась за последнее время? Поблизости от буддийских или других храмов в Китае в старые времена животное никогда не убивали и не обращались с ним плохо, а сейчас их мучают и свободно продают на рынках разных городов, и так далее. Ответ наводит на размышления:

«...Не обвиняйте природу в этой беспримерной несправедливости. Не ищите понапрасну кармические следствия для объяснения грубости, ибо *тенбрел кхугний* (причинная связь, *нидана*) не будет

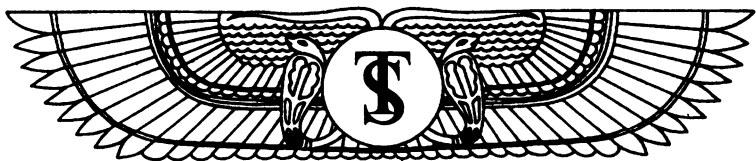
учить ничему подобному. Нежелательный приход *пелинга* (христианского чужестранца), три свирепых бога которого отказались предоставить защиту слабым и *малым* (животным), в ответе за непрестанные и душераздирающие страдания наших бессловесных товарищей...»

Ответ на вопрос, поставленный выше, содержится здесь как бы внутри ореховой скорлупы. Он может быть полезным (и в то же время неприятным) для некоторых религиозных людей, утверждая, что ответственность за это универсальное страдание полностью падает на западную религию и начальное образование. Каждая восточная философская система, каждая религия и секта в древности — брахманическая, египетская, китайская и, наконец, самая чистая и благородная из всех этических систем, буддизм — внушает доброту и защиту каждого живого существа, от зверей и птиц до пресмыкающихся. Одна лишь западная религия находится в изоляции, как памятник наибольшего эгоизма человека, когда-либо созданного человеческим мозгом, не содержащий ни одного слова для блага бедного животного. Как раз наоборот. Ибо теология, подчеркивающая одно предложение в иеговистической главе «Творения», истолковывает его как доказательство того, что животные, как и все остальное, были созданы для человека! *Ergo* [следовательно, *лат.*] — спорт стал одним из *благороднейших* развлечений верхушки общества. Отсюда — бедные невинные птицы, которых ранят, мучают и убивают каждую осень миллионами для отдыха людей во всех христианских странах. И отсюда же жестокость, и часто хладнокровная грубость, по отношению к молодым лошадям и быкам, грубое безразличие к их судьбе, когда годы делают их непригодными для работы, неблагодарность к ним после многих лет тяжелого труда на службе у человека. В какую бы страну не приходили бы европейцы, там начинается мучение животных и их бессмысленное уничтожение.

«Убивал ли когда-либо заключенный животное для своего удовольствия?» — спросил буддийский судья у человека, обвиненного в убийстве своей сестры, в пограничном китайском городе, *зараженном* благочестивыми европейскими церковниками и миссионерами. И, получив утвердительный ответ, поскольку заключенный был слугой русского полковника,

«могущественного охотника перед Господом», судья не потребовал какого-либо дополнительного доказательства, и убийца был признан «виновным» — и справедливо, как показало его последующее признание.

Должно ли христианство или средний христианский обыватель нести ответственность за это? Никоим образом. Пагубная теологическая система, многие века теократии и ужасный, всевозрастающий эгоизм в западных цивилизованных странах повинны в этом. Что *можем* мы сделать?

ПАМЯТЬ ПРИ УМИРАНИИ

В одном очень старом письме Учителя,¹ написанном много лет назад члену Теософского общества, мы находим такие наводящие на размышление элементы ментального состояния умирающего человека:

«В последний момент вся жизнь целиком отражается в нашем сознании и всплывает из всех забытых закоулков и уголков, картина за картиной, одно событие за другим. Умиравший мозг встряхивает память сильным толчком, и память правдиво восстанавливает каждое впечатление, запечатленное в ней во время активной работы мозга. То впечатление и мысль, которые были самыми сильными, естественно становятся наиболее живыми и, можно сказать, переживают все остальные, которые исчезают навсегда, но вновь появляются в девахане. Никто не умирает в состоянии умопомрачения или бессознательности, как утверждают некоторые физиологи. Даже *сумасшедший* или человек в припадке *белой горячки* имеют вспышку полной просветленности в момент смерти, хотя они и не могут сказать об этом тем, кто находится рядом. Часто кажется, что человек мертв. Но после прекращения пульса, в период между последним ударом сердца и моментом, когда последняя капля животного тепла покидает сердце, *мозг думает* и *это* живет, и в эти несколько коротких секунд вся жизнь человека проходит перед ним. Говорите шепотом, те, кто стоит у постели умирающего и находится в молчаливом присутствии Смерти. Особенно надо хранить спокойствие сразу после того, как Смерть положила на тело свою холодную руку. Говорите шепотом, повторяю я, иначе вы нарушите спокойное течение мысли и воспрепят-

¹ Имеется в виду письмо Кут Хуми, полученное А. П. Синнеттом в Симле осенью 1882 г. Это письмо явилось ответом на вопросы, заданные Синнеттом в своем письме Учителю. Оба эти письма (88 а и б) можно найти в полном объеме в сборнике «Письма махатм». — *Прим. редактора.*

ствуете тому, чтобы Прошлое оставило свое отражение на покрывале Будущего...»

Против этого утверждения неоднократно энергично выступали материалисты; было заявлено, что биология и (научная) психология — обе они против этой идеи; и хотя психология не имеет убедительных данных подняться до этой гипотезы, биология отрицает саму идею как пустой «предрассудок». Тем не менее, даже биология подвержена прогрессу, и вот что мы можем извлечь из ее последних достижений. Д-р Ферре сообщил недавно Биологическому обществу в Париже очень интересное наблюдение о менальном состоянии умирающего человека, которое удивительным образом подтверждает вышеприведенную точку зрения. Поскольку речь идет о таком специфическом явлении, как воспоминание о жизни и внезапном появлении на чистых стенках памяти «картины за картиной», возникающих из «уголков и закоулков», долгое время находившихся в забвении, д-р Ферре специально привлекает внимание к этому явлению.

Достаточно отметить лишь два из довольно большого количества примеров, приведенных этим ученым в его «Докладе», чтобы показать, как корректны в научном отношении учения, которые мы получаем от наших восточных Учителей.

Первый пример — это умирающий от чахотки человек, болезнь которого развилась вследствие поражения спинного мозга. Сознание уже покинуло его, когда, возвращенный к жизни двумя последовательными инъекциями эфира, больной слегка поднял голову и начал быстро говорить пофламандски, на языке, которого не понимали ни окружающие его, ни он сам. Получив карандаш и кусок белой бумаги, он с большой скоростью написал несколько строк на этом языке — притом довольно грамотно, как это было установлено позже, — а затем упал навзничь и умер. После перевода оказалось, что написанное им относится к очень прозаическому событию. Он писал, что внезапно вспомнил о том, что он должен какому-то человеку 15 франков с 1868 года (то есть более 20 лет) и хотел бы, чтобы эти деньги были заплачены.

Но почему он написал свое последнее желание на фламандском? Родиной покойного был Антверпен, но он покинул эту страну в младенчестве, не зная этого языка, и провел всю свою жизнь в Париже, умея говорить и писать только по-французски. Очевидно, его возвратившееся сознание, эта последняя вспышка памяти, которая представила перед ним всю его жизнь, как в ретроспективной панораме, и даже столь пустяковый факт, как то, что он одолжил у своего друга 20 лет назад 15 франков, — все это появилось не из одного *физического* ума, а скорее из его духовной памяти, из *высшего эго* (манаса перерождающейся личности). Тот факт, что он писал и говорил по-фламандски, то есть на языке, который он мог слышать лишь в те времена, когда сам еще не мог говорить, является еще одним доказательством. ЭГО *обладает полным всеведением по своей бессмертной природе*. Ибо все это в действительности не более чем «последняя степень и как бы тень существования», как Равесон, член Французского Института, говорит нам.

Теперь о втором случае.

Другой больной, умирая от туберкулеза легких, сходным образом приведенный в чувство инъекцией эфира, повернул голову по направлению к своей жене и быстро сказал ей: «Ты не сможешь теперь найти эту булавку; весь пол был заменен с тех пор». Это было связано с потерей булавки для шарфа восемнадцать лет назад, фактом столь ничтожным, что он был почти полностью забыт, но, тем не менее, ему удалось ожить в последней мысли умирающего человека, выразившего словами то, что он увидел, после чего он внезапно замолчал и его дыхание оборвалось. Таким образом, любое из тысячи мелких ежедневных событий и происшествий, случившихся в течение жизни, могут возникнуть в мерцающем сознании в наивысший момент его распада. Долгая жизнь, прожитая, по-видимому, еще раз за одно краткое мгновение!

Можно упомянуть третий случай, еще лучше подтверждающий то утверждение оккультизма, которое приписывает все такие воспоминания мысленной силе индивидуума, а не личного (низшего) эго. Молодая девушка, которая ходила во сне вплоть до своего двадцатидвухлетия, во время сомнамбулического сна занималась разнообразной домаш-

ней работой, о чем она совершенно не помнила после пробуждения.

Среди других психических импульсов, которые проявлялись только во время сна, была одна скрытая тенденция, совершенно не свойственная ей в бодрствующем состоянии. Во время бодрствования она была открытой и чистосердечной, и мало заботилась о том, что ей принадлежит; но в сомнамбулическом состоянии она могла брать предметы, принадлежащие ей или просто находящиеся около нее, и прятать их с большим мастерством. Поскольку эта привычка была хорошо известна ее друзьям и родственникам, и двум сиделкам, следившим за ее действиями во время ночных прогулок в течение многих лет, то ничего не пропадало или легко могло быть возвращено на положенное место. Но однажды в душную ночь сиделка заснула; девушка встала и отправилась в кабинет отца. Ее отец, знаменитый нотариус, работал этой ночью допоздна. Сомнамбула вошла в тот момент, когда отец ненадолго вышел из комнаты; она не спеша завладела завещанием, лежавшим на столе, а также суммой в несколько тысяч фунтов в бонах и банкнотах. Затем она спрятала их внутри двух фальшивых колонн, установленных в библиотеке наряду с настоящими, прокралась из кабинета прежде, чем вернулся ее отец, и добралась до своей комнаты и кровати, не разбудив сиделку, все еще спавшую в кресле.

В результате, поскольку сиделка решительно отрицала, что ее молодая хозяйка покидала комнату, подозрение с нее было снято, а деньги так и пропали. Однако потеря завещания повлекла за собой судебный процесс, который почти полностью разорил ее отца и совершенно разрушил его репутацию, так что семья попала в очень бедственное положение. Через девять лет девушка, которая в предшествующие семь лет уже не была сомнамбулой, заболела чахоткой и, в конце концов, умерла от нее. На смертном одре покрывало, висящее перед ее физической памятью, поднялось, пробудилась ее божественная интуиция; картины ее жизни стремительно пронеслись перед ее внутренним взором, и среди прочих она увидела сцену своего сомнамбулического воровства. Внезапно она пробудилась от летаргического сна, в котором пребывала несколько часов, на ее лице появились следы ужасного

переживания, и она закричала: «Ох! Что же я наделала?.. Ведь это я взяла завещание и деньги... Поищите в фальшивых колоннах в библиотеке, я...» Она не закончила своей фразы, потому что ее собственные эмоции убили ее. Но, тем не менее, провели поиски, и было найдено завещание и деньги внутри дубовых колонн, как она и сказала. Однако этот случай оказался весьма странным потому, что колонны были столь высоки, что, даже встав на стул и имея в своем распоряжении больше времени, чем несколько минут, сомнамбула не смогла бы дотянуться до пустых колонн и бросить вещи в них. Однако можно отметить, что люди в экстатическом и конвульсивном состоянии (см. «*Convulsionnaires de St. Médard et de Morizine*»), видимо, могут с необычайной легкостью взбираться на глухие стены и даже перепрыгивать через вершины деревьев.

Если мы примем эти факты, то не вынуждают ли они поверить в то, что сомнамбула обладает своего рода интеллектом и памятью в их грубом проявлении на физическом уровне бодрствующего низшего эго; и что эта сомнамбула заявляет о себе *in articulo mortis* [на смертном одре, *лат.*], когда тело и физические чувства личности перестают функционировать и ум, перед тем как полностью улетучиться, перебирает в сознании вереницу психических, а затем и духовных переживаний? А почему бы нет? Даже материалистическая наука начинает признавать в психологии многие факты, которые не могли быть приняты двадцать лет назад. «Истинное существование — жизнь, по сравнению с которой всякая другая жизнь лишь бледный набросок или эскиз, — это существование души», — говорит Равесон. О том, что обычные люди называют «душой», мы говорим как о «перерождающемся эго». «Быть — значит жить, а жить — значит хотеть и думать», — говорит один французский ученый.¹ Но, если физический мозг действительно является более ограниченным, чем область, в которой возникают мгновенные вспышки неограниченной и бесконечной мысли, можно сказать, что ни воля, ни мысль не могут быть созданы *внутри* него, и непроходимая пропасть между материей и сознанием

¹ «Rapport sur la Philosophie en France au XIX-me Siècle».

признается даже в соответствии с материалистической наукой Тиндалем и многими другими. Факт заключается в том, что человеческий мозг является просто каналом между двумя планами — психо-спиритуальным и материальным, — по этому каналу просачивается каждая абстрактная и метафизическая идея от манасического до более низкого человеческого сознания. Поэтому идеи о бесконечном и абсолютном не находятся, и не могут находиться, внутри *нашего* мозга. Они могут правдиво отражаться лишь нашим духовным сознанием, и оттуда в ослабленном виде проецируются на плоскости нашего восприятия на этом плане. Так, хотя из нашей памяти часто исчезают даже очень важные события, никакой даже самый ничтожный поступок в нашей жизни не может исчезнуть из памяти «души», поскольку для нее это не ПАМЯТЬ, но постоянно присутствующая реальность на этом плане, который находится вне наших представлений о пространстве и времени. «Человек есть мерило всех вещей», — сказал Аристотель; и конечно он не имел в виду человека, состоящего из мяса, костей и мускулов!

Наилучшим образом из всех глубоких мыслителей эту идею выразил Эдгар Кинэ, автор *«La Création»*.¹ Говоря о человеке, полном чувств и мыслей, которые он либо вообще не осознает, либо ощущает как туманные и смутные впечатления, он показывает, что человек реализует лишь малую часть своего духовного существа. «Мысли, которые мы создаем, но не можем определить и сформулировать, изгоняясь, находят убежище в самой глубине нашего существа»... Постоянно преследуемые нашей волей, «они отступают перед ней все дальше и глубже — кто знает, куда — в самые фибры души, где они сохраняют свою власть и влияют на нас так, что мы этого не замечаем...»

Да, они становятся невоспринимаемыми и недостижимыми для нас, также как колебания звука и света, выходящие за пределы нашего восприятия. Невидимые и неуловимые, они, тем не менее, работают, и таким образом лежат в основе наших будущих действий и мыслей, приобретая власть над нами, хотя мы, возможно, никогда не думаем о них и часто иг-

¹ «Творение», том II, стр. 377-378. — Прим. редактора.

норируем само их наличие. Нигде Кине, виднейший естествоиспытатель, не кажется более правым в своих наблюдениях, чем тогда, когда он говорит о тайнах, которыми мы все окружены:

«Тайнами не земли или неба, а тайнами, содержащимися внутри наших костей, в клетках нашего мозга, в наших нервах и волокнах. Нет никакой нужды в том», — говорит он, — «чтобы в поисках неведомого забираться в мир звезд, поскольку именно здесь, около нас и *в нас самих*, есть столько недостижимого... Как наша земля состоит большей частью из невоспринимаемых сущностей, которые в действительности и образуют ее континенты, так же и человек».

Истинно так; хотя человек является пучком темных, им самим неосознаваемых, ощущений, неопределенных чувств и неправильно понятых эмоций, забытых воспоминаний и знания, которое становится на поверхности этого плана — *неведением*. Все же, хотя физическая память у здорового человека часто затемнена, и более сильные воспоминания вытесняют более слабые, в момент великого изменения, которое человек называет смертью, то, что мы называем «памятью», по-видимому, возвращается к нам во всей своей силе и свежести.

Не может ли это быть связано просто с вышеупомянутым фактом, что, по крайней мере, на несколько секунд обе наши памяти (а скорее, два состояния сознания, высшее и низшее) соединяются вместе и образуют, таким образом, одно, и что умирающий человек оказывается на плане, где нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее? Память, как известно, сильнее всего проявляется в отношении наиболее ранних ассоциаций, возникающих тогда, когда будущий человек является всего лишь ребенком, и в нем больше души, чем тела; и если память — это часть нашей души, тогда она необходимым образом должна быть вечной, как сказал где-то Теккерей. Ученые отрицают это; мы, теософы, утверждаем, что это так. Они обосновывают свои взгляды лишь отрицательными доказательствами; мы же, напротив, имеем в нашу поддержку многочисленные факты подобного рода, как те, что содержались в трех вышеизложенных случаях. Звенья цепи причин и

следствий, связанных с разумом, являются *terra incognita* [неизвестной землей, *лат.*] и останутся таковой навсегда для материалистов. Ибо если они уже приобрели глубокое убеждение в том, что, как говорит Поп:

«До времени забытые в бесконечных закоулках мозга
Звенья наших мыслей сплетаются в единую *невидимую* цепь...»

— и все еще неспособны обнаружить эти цепи, то как же они могут надеяться раскрыть тайны высшего, духовного разума!

МЫСЛИ О КАРМЕ И РЕИНКАРНАЦИИ

«В человеческом теле есть артерии, тонкие, как тысячекратно расщепленный волос, наполненные флюидами голубого, красного, зеленого, желтого и др. цветов. В них размещается тонкая оболочка (основа, или эфирный каркас астрального тела), которая наследует мысленные остатки переживаний прошлых воплощений (или инкарнаций), *сопровождаящих ее при переходе от одного тела к другому*».

— УПАНИШАДЫ

«Судите о человеке скорее по его вопросам, чем по ответам», — поучал хитроумный Вольтер. В нашем понимании этот совет действует лишь наполовину. Для его завершения и чтобы сделать его всеобъемлющим, нам следует добавить: «установите мотивы, которыми руководствуется вопрошающий». Один человек может спрашивать из искреннего побуждения научиться чему-либо и что-то узнать. Другой будет задавать нескончаемые вопросы с единственной целью — придраться к своему оппоненту и доказать, что он неправ.

Немалое число так называемых «интересующихся теософией», как они сами себя называют, принадлежит именно к этой последней категории. Мы встретим среди них материалистов и спиритуалистов, агностиков и христиан. Некоторые из них, хотя их и немного, говорят о себе, что они «открыты для переубеждения»; иные, полагая вместе с Цицероном, что никакой либеральный, стремящийся к истине человек никогда не обвинит в непостоянстве того, кто изменил свое мнение, — становятся *действительно* обращенными и вступают в наши ряды. Но имеются и такие — и они составляют большинст-

во, — кто, выдавая себя за *спрашивающих*, являются в действительности *придирчивыми критиками*. Либо из-за ограниченности ума, либо из-за его отсутствия, они прячутся за своими собственными предвзятыми и нередко поверхностными мнениями и верованиями, и от них ни на шаг не отступят. Такой «искатель» безнадежен, так как его желание исследовать истину — это предлог, даже не мужественная маска, но всего лишь *фальшивый нос*. Он не обладает ни открытой решимостью убежденных материалистов, ни спокойным хладнокровием «сэра Оракула». Но —

«...скорее океану
Вы возбраните гнаться за луной
Волной прилива, чем в его уме
Разрушите заклатьем иль советом
То, что построил он воображеньем...»¹

Поэтому лучше всего оставить в одиночестве такого «искателя истины». Он неуступчив и неисправим, поскольку он либо толстокожий дилетант, претендующий на ученость, самонадеянный теоретик, либо глупец. Как правило, он уже говорит о реинкарнации, не узнав еще даже о разнице между *метемпсихозом*, трансмиграцией человеческой души в животную форму, и реинкарнацией, или повторным рождением того же самого эго в последующих человеческих телах. Не зная *истинного* значения этого греческого слова, он даже не подозревает, сколь абсурдна с философской точки зрения эта чисто экзотерическая доктрина трансмиграции в животных. Бесплезно говорить ему, что природа, движимая кармой, никогда не отступает назад, но всегда стремится вперед в своей работе на физическом плане; что она может поместить человеческую душу в тело человека, в моральном отношении в десять раз более низменного, чем любое животное, но она не станет переворачивать порядок, установленный в ее царствах; и, возведя неразумную монаду зверя высокого порядка в человеческую форму в первый час манвантары, она не станет низводить это эго, раз оно стало человеком, пусть даже и

¹ Шекспир, «Зимняя сказка», акт I, сцена 2, в переводе К. К. Случевского.

самого низменного типа, обратно в животный мир, — во всяком случае, не в продолжение этого цикла (или кальпы).¹

Перечень сомнительных «исследователей» никоим образом не исчерпывается этими безобидными *искателями*. Есть еще два класса — христиане и спиритуалисты, причем последние в некотором отношении ужаснее, чем кто-либо другой. Первые из них, по рождению и воспитанию верующие в Библию и сверхъестественные «чудеса» на основании *авторитета*, или, используя народную поговорку, «подтверждения из тридцать седьмых рук», часто вынуждены отступать перед лицом непосредственного свидетельства своего собственного разума и органов чувств; после этого они способны к вразумлению и переубеждению. Они создали априорные мнения и окаменели в них, подобно мухе в куске янтаря. Но этот янтарь раскололся и, как один из признаков этого, они задумываются об отчасти запоздалом, но искреннем поиске, чтобы либо удостоверить истинность своих старых суждений, либо расстаться с ними. Обнаружив, что их религия — подобно религии подавляющего большинства их товарищей — была построена на *человеческом*, а не *божественном* основании, они приходят к нам, как к хирургам, веря, что теософы могут удалить всю застарелую путаницу из их сбитых с толку мозгов. Иногда именно так и происходит; однажды увидев ошибочность того, что некогда они приняли и отождествили себя с какой-либо формой веры, и лишь потом, спустя многие годы, собрались проверить ее, они вполне естественно пытаются не впасть снова в ту же самую ошибку. Однажды они уже удов-

¹ Окультизм учит, что один и тот же порядок эволюции для человека и животных — от первой до седьмой планеты цепи, и от начала до конца седьмого цикла — имеет место в каждой *цепи* миров в нашей солнечной системе, с самого нижнего до самого высшего. Таким образом, как самое высокое, так и самое низкое эго из монад, избранных для того, чтобы стать людьми новой цепи в Манвантаре, переходя от низшей к высшей «цепи», должно, разумеется, пройти через все животные (и даже растительные) формы. Но, вступив в свою череду рождений, никакое человеческое эго не станет животным в течение любого периода из семи циклов. — См. «Тайную Доктрину».

летворились такими интерпретациями своих освященных временем догматов, поскольку это позволила сделать ошибочность, а часто и абсурдность последних; но теперь, прежде чем поверить, они стремятся узнать и понять.

Это правильное и совершенно теософское состояние ума; оно полностью соответствует заповеди Господа Будды, который учил никогда не верить просто на основании авторитета, но проверять последний средствами нашего личного разума и высшей интуиции. Лишь такие искатели вечной истины могут извлечь пользу из уроков древней Восточной Мудрости.

Поэтому наш долг помочь им защитить свои новые идеалы, снабдив их наиболее подходящим и серьезным оружием. Ибо им придется не только столкнуться с материалистами и спиритуалистами, но и сразиться со своими братьями по религии. Последние используют против них весь свой арсенал, состоящий из пугачей библейской казуистики и истолкований, основанных на буквальном понимании текстов и изворотливом переводе *псевдо* откровения. Они должны быть готовы ко всему этому. Им скажут, например, что в Библии нет ни единого слова, которое подкрепляло бы веру в реинкарнацию или более чем однократную жизнь на этой земле. Биологи и физиологи посмеются над такой теорией и уверят их, что ей противоречит уже сам тот факт, что ни один человек не имеет ни одного даже мимолетного воспоминания о *прошлой* жизни. Неглубокие метафизики и сторонники беззаботной церковной этики этого века будут серьезно рассуждать, сколь несправедливым было бы наказывать в данной жизни за поступки, совершенные нами в предыдущем бытии, о котором нам ничего неизвестно. Все подобные возражения отменяются и выглядят явно ошибочными для любого человека, серьезно изучающего эзотерические науки.

Но что же нам сказать о наших яростных противниках, последователях Кардека, или реинкарнационистах Французской школы, а также *анти*-реинкарнационистах, т. е., о большей части спиритуалистов старой школы. Тот факт, что первые верят в повторное рождение, но с их собственной грубой, нефилософской точки зрения, делает нашу задачу еще более сложной. Они вбили себе в голову, что человек умирает, и его

«дух», после нескольких утешительных визитов к тем мертвым, которых умерший оставил, может по своей собственной доброй воле перевоплотиться в кого он захочет и когда он захочет. На их взгляд, деваханический период, продолжающийся не менее чем 1.000, а, как правило, 1.500 лет, — это мучительная ловушка для разума. У них ничего подобного не будет. То же самое думают спиритуалисты. Они в высшей степени философски возражают, что «сие *попросту невозможно*». Почему? Потому что эта перспектива неприятна для большинства из них, особенно для тех, кто знает о себе, что он персональный аватар, или перевоплощение некоего великого с исторической точки зрения героя или героини последних веков (вероятность появиться на свет от, или среди, отбросов Уайтчепела,¹ для них этот вопрос не стоит). И «это так жестоко», видите ли, говорить любящим родителям, что фантазия о том, что *мертворожденный* ребенок, их дочка, которая, как они воображают, выросла в «детской» Саммерлэнда, а теперь спустилась вниз и ежедневно навешает их в семейной комнате для сеансов, — это абсурдная вера, независимо от того, есть реинкарнация или нет. Мы не должны *оскорблять их чувства*, настаивая на том, что любой ребенок, умерший до наступления разумного возраста — когда только он и становится ответственным созданием, — перерождается сразу же после своей смерти, поскольку, не имея личных заслуг или недостатков в любом из своих действий, он не может претендовать на дэваханическое воздаяние и блаженство. Кроме того, поскольку он не является ответственным, скажем, до семилетнего возраста, вся тяжесть кармических последствий, вызванных его короткой жизнью, падает прямо на тех, кто его выращивает и направляет. Они не хотят слышать ни о каких подобных философских истинах, основанных на вечной справедливости и действии кармы. «Вы оскорбляете наши лучшие, наши самые благочестивые чувства. Прочь!» — вопиют они, — «мы не признаем ваших учений».

E pur si muove! [«А все-таки она вертится!»], *ит.*] Такие аргументы напоминают одно из любопытных возражений против сферической формы земли и отрицание таковой неко-

¹ Лондонские трущобы. — *Прим. редактора.*

торами мудрыми древними отцами церкви. «Как же может земля быть круглой?» — доказывали святой умник, «достопочтенный Бэда», и манихей Августин. — «Если бы это было так, то люди *внизу* должны бы были ходить вниз головой, подобно мухам на потолке. Хуже всего, они не могли бы увидеть Господа, нисходящего в своей славе в день второго пришествия!» Так же, как эти очень логичные аргументы казались неопровержимыми христианам первых веков нашей эры, столь же правдоподобными выглядят и глубокие философские возражения наших друзей, теоретиков *Саммерлэнда*, в наш век неотесофии.

Нас могут спросить: а каковы же ваши доказательства, что действительно имеет место подобный ряд жизней, или что вообще существует такая вещь, как реинкарнация? Мы отвечаем: (1) свидетельство любого провидца, мудреца и пророка, на протяжении бесконечной череды человеческих циклов; (2) масса фактов, *выведенных логически* и очевидных даже для непосвященного. Правда, этот тип доказательств — хотя нередко люди опираются именно на такое *логическое* свидетельство — не является абсолютно надежным. Ибо, как сказал Локк: «Сделать вывод — это означает не что иное, как при помощи одного предположения, принятого за истинное, вывести истинность другого». Однако все зависит от характера и силы этого первого предположения. Те, кто верит в предопределение, могут считать истинной свою доктрину Судьбы — то милое верование, согласно которому каждому человеческому существу заранее определен нашим «Всемиловитым Отцом Небесным» либо вечный адский огонь, либо «Золотая Арфа», по принципу игры с завязанными руками. Предположение, из которого выводится и на котором утверждается истинность этого любопытного убеждения, основывается, в данном случае, всего лишь на ночных кошмарах Кальвина, которых у него было множество. Но тот факт, что его последователи насчитывают миллионы человек, не дает основания называть всеобщей и универсальной верой ни теорию тотальной вседозволенности, ни теорию предопределения. Они все же ограничиваются лишь небольшой частью человечества, и о них никогда не слышали до появления этого французского реформатора.

Существуют пессимистические учения, порожденные отчаянием; верования, искусственно привитые человеческой природе, которые, поэтому, не могут служить добру. Но кто учил человечество переселению душ? Вера в последовательные перерождения человеческого эго в ходе жизненных циклов в разные тела — это универсальная вера, несомненно, укорененная в самом сердце человечества. Даже сегодня, когда теологические догмы человеческого происхождения задушили и почти что изгнали эту естественную, врожденную идею из ума христианина, даже сегодня сотни самых выдающихся западных философов, писателей, артистов, поэтов и глубоких мыслителей все же твердо верят в реинкарнацию. По словам Жорж Санд, мы:

Брошены в эту жизнь, как в перегонный куб, где, после предшествующего существования, о котором мы забыли, мы обречены перedefеливаться, обновляться, закаляться страданием, борьбой, страстью, сомнением, болезнью, смертью. Все эти бедствия мы терпим ради наших богов, ради нашего очищения, и, так сказать, чтобы стать совершенными. Из века в век, от расы к расе, мы совершаем медленный прогресс, медленный, но очевидный, и, несмотря на все, что говорят скептики, появляются доказательства его успеха. Если все несовершенства нашего бытия и все горести нашего положения вселяют в нас ужас и повергают в уныние, то с другой стороны, все более благородные качества, которыми мы одарены, чтобы стремиться к совершенству, работают на наше спасение и освобождают нас от страха, нищеты и даже смерти. Да, божественный инстинкт, который всегда возрастает в свете и силе, помогает нам понять, что ничто во всем этом мире не умирает целиком, и что мы лишь исчезаем из одного круга вещей, окружающих нас в нашей земной жизни, чтобы вновь появиться в условиях, более благоприятных для нашего вечного возрастания в добре.

Профессор Фрэнсис Боуэн, изложение великой истины которого цитируется в «Реинкарнации; истории забытой истины»,¹ пишет:

¹ Мы призываем всех, кто не верит в реинкарнацию, прочитать доказательства ее существования в замечательной книге Э. Д. Уолкера. Это наиболее полное, из опубликованных, собрание доказательств и свидетельств всех времен.

«Можно с уверенностью утверждать, что доктрина метемпсихоза является естественной и врожденной идеей человеческого разума, судя по ее широкому распространению среди народов земли и ее преобладанию во все исторические эпохи».

Не счесть миллионы индусов, египтян, китайцев, уже ушедших с этой земли, и миллионы тех, кто верит в реинкарнацию сегодня. Та же доктрина есть и у евреев; более того, тот, кто молится *лично*, или поклоняется в безмолвии безличному, божеству или Принципу и Закону, скорее верит в эту доктрину, чем не верит. Вера заставляет нас считать «Бога» или «Закон» синонимом справедливости, давая маленькому и бедному человеку более чем один шанс на праведную жизнь и искупление грехов, действует он или бездействует. Наше неверие наделяет Невидимую Силу вместо справедливости дьявольской жестокостью. Она делает из *нее* своего рода небесного Джека Потрошителя или Нерона, соединенного с человеческим монстром. Если *языческая* доктрина почитает Божество, а христианская отказывает ему в почтении, какую из них следует принимать? И почему тот, кто предпочитает первую, называется — *неверующим*?

Но мир сегодня меняется, он менялся всегда, и вместе с ним изменяются идеи в головах консерваторов. Вопрос не в том, соответствует ли этот природный факт некоему индивидуальному хобби, или нет, но в том, действительно ли это *факт*, основанный, по крайней мере, на логическом доказательстве. Эти люди, *увлеченные своим индивидуальным хобби*, говорят нам, что это не так. Мы отвечаем: изучайте вопросы, вами отвергнутые, попытайтесь понять нашу философию, прежде чем будете отбрасывать наши учения *a priori* [заведомо, *лат.*]. Спиритуалисты жалуются, и не без оснований, на людей науки, которые, подобно Гексли, отрицают все их феномены в целом, при этом не зная о них практически ничего. Почему же они поступают точно так же с предположениями, основанными на психологическом опыте тысяч поколений провидцев и адептов? Знают ли они что-либо о законах кармы, великого Закона Воздаяния, таинственного, и все же — по своим последствиям — совершенно очевидного и ощутимого процесса в Природе, который, раньше или позже, возвращает

обратно все наши хорошие и дурные поступки, как возвращается рикошетом мяч, брошенный в стену, к тому, кто его бросил? Нет, не знают. Они верят в личного Бога, которого они наделяют разумом, и который вознаграждает и наказывает, по их мнению, за каждое наше действие, совершенное в этой жизни. Они признают это *гибридное* божество (конечное, потому что они совершенно нефилософски наделяют его обусловленными атрибутами, упорно продолжая называть его Бесконечным и Абсолютным), не замечая тысяч ошибок и противоречий, в которые ввергают их теологические учения об этом божестве. Но когда им предлагают последовательную, философскую и логическую замену для столь несовершенного Бога, полное решение большинства неразрешимых проблем и тайн человеческой жизни, — они отворачиваются, исполнившись идиотского ужаса. Они остаются безразличными к этому нашему предложению или выступают против него лишь потому, что имя ему — КАРМА вместо Иеговы; а также потому, что это учение исходит из арийской философии — самой глубокой и мудрой из всех философий мира, — а не из семитского лукавства и интеллектуального жонглирования, превратившего астрономический символ в «единого живого Бога Богов». «Нам не нужно *безличное* Божество», — говорят они нам, — «негативный символ, такой как **Не-Бытие**, недоступен и непонятен для Бытия». Совершенно верно. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [От Иоанна, 1:5]. Поэтому они и будут многословно рассуждать о своих *бессмертных* душах, и, исходя из того же самого принципа, согласно которому они называют личного Бога *бесконечным* и делают его исполинским *мужчиной*, они будут считать человеческий фантом — «духом» полковника Цицero Трикла, или «духом» миссис Аманды Джеллибэг,¹ со смутной идеей о том, что оба они, по крайней мере, вечны.

Бесполезно, вследствие этого, пытаться и убедить таких людей. Если они не могут или не хотят получить пусть даже

¹ «Treacle» в переводе с английского означает патока, «Jellybag» — марлевый мешочек для процеживания желе. — *Прим. редактора.*

самое общее представление о том, что содержится в термине *карма*, как же они смогут понять тонкие различия в доктрине реинкарнации, хотя, как показал наш преподобный брат, жрец Йалу Найдун из Хайдарабада, карма и реинкарнация является, «в действительности, азбукой Религии Мудрости». Эта мысль совершенно ясным образом выражена им в январском номере «Теософиста»: «Карма — это общая сумма наших действий, как в настоящей жизни, так и в прошлых рождениях». Утверждая, что карма бывает трех видов, он продолжает:

Санчита карма включает в себя человеческие заслуги и недостатки, накопленные в предыдущей жизни и во всех остальных прошлых рождениях. Та часть *санчита кармы*, которая предназначена влиять на человеческую жизнь ... в данном воплощении, называется *праарабдха*. Третий вид кармы — это результат заслуг или недостатков действий, совершенных в данной жизни. *Агами* распространяется на все ваши слова, мысли и поступки. То, что вы думаете, говорите, делаете, а также все те следствия, которые возникают из-за ваших мыслей, слов и поступков в вас и тех людях, на кого они воздействуют, попадают в категорию данной кармы, которая, несомненно, окажет влияние на баланс добра и зла в вашей жизни в вашем будущем развитии [или воплощении].¹

Таким образом, карма — это просто *действие*, цепь *причин и следствий*. То, что соединяет каждое следствие с его непосредственной причиной; то, что невидимо и столь же безошибочно руководит этими следствиями, чтобы они избрали для своей деятельности *надлежащего субъекта в надлежащем месте*, — все это мы называем *законом кармы*. Что же это такое? Не вернее ли будет назвать его рукой провидения? Это недопустимо, особенно в христианских странах, поскольку этот термин был связан здесь с *предвидением* и *личным замыслом* личного бога, и теологически интерпретировался как таковой; и в действующих законах кармы — *абсолютной Справедливости*, — основанных на Универсальной Гармонии, не существует ни предвидения, ни желаний; и кроме того, именно наши собственные действия, мысли и поступки *управляют этим законом*, а вовсе не он управляет ими. «Что посеет человек, то и пожнет» [Послание к Галатам, 6:7]. Лишь со-

¹ «Теософист», том X, январь 1889 г., с. 235. — Прим. редактора.

вершено нефилософская и нелогичная теология может говорить одновременно и о *свободной воле*, и о милости или проклятии, *предопределенных* для каждого человека *от* (?) вечности, как будто вечность может иметь какое-то начало, чтобы *отправляться от*! Но этот вопрос завел бы нас слишком далеко в метафизические изыскания. Достаточно сказать, что карма ведет нас к перерождению, и что это перерождение порождает новую карму, освобождаясь от старой, *санчита* кармы. Обе они неразрывно связаны друг с другом, одна из них заключена в другой. Давайте освободимся от кармы, если хотим избавиться от всех страданий перерождений, или — РЕИНКАРНАЦИИ.

Чтобы показать, как вера в реинкарнацию нашла себе почву даже среди не отличающихся особой интуицией западных авторов, мы приведем здесь следующие выдержки из одного англо-индийского ежедневного издания.

МЕТЕМПСИХОЗ ¹

...В одной претенциозной миссионерской публикации была принята попытка всерьез опровергнуть теорию «переселения душ», которая показывает, что неспособность к метафизическим изысканиям и невежество в области психологии обрекает на неудачу всякого, кто примется за такую задачу... Аргументы, выдвигаемые в этой статье, заслуживают того, чтобы рассмотреть их один за другим.

«Во-первых, метемпсихоз **пренебрегает свидетельством памяти**... Так случилось, что психологи начиная с Платона привлекали внимание к привычным ментальным феноменам, в которых люди, впервые в своей жизни попавшие в специфические обстоятельства, внезапно были поражены осознанием того, что уже испытывали такое же переживание раньше... Здесь нет никакого противоречия с высшим философским учением, или с нравственными уроками или подлинным переживанием Христа; у самого Христа, даже в зрелом возрасте, случались помрачения памяти, когда он, попадая в сложные физические условия, на время полностью забывал свое состояние до воплощения... — почему не допустить, что любой другой человек, не наделенный божественной сущностью, может забывать на

¹ Обширная статья, опубликованная в аллахабадском «Pioneer». — Прим. редактора.

более или менее продолжительные периоды времени свое состояние предсуществования, если оно у него было?.. Теологи приписывают незрелости разума то видимое отсутствие сознания у младенцев, в котором более острая интуиция может различить неизбежную пропасть между разными состояниями человеческого сознания...

Второй аргумент заключается в том, что теория метемпсихоза содержит **клевету на божественную справедливость**. Мнимая вера индусов в то, что страдание в одном состоянии бытия искупает грех в другом, которая, в сущности, не является несправедливой и ни на йоту не менее нравственна, чем догма об унаследованном и приобретенном грехе, может быть обоснованной, а может не быть таковой; однако первый же вопрос, который возникает — разве искупление, совершенное Христом, несовместимо с трансмиграцией?.. Каким мыслимым образом может теория о том, что человек является падшим духом или возвысившимся животным, или и тем, и другим, противоречить тому, что Христос на самом деле сказал?..

Третий аргумент состоит в том, что метемпсихоз **противоречит любой здоровой психологии**. Девять десятых религиозных проповедников, многословно рассуждающих именно таким образом ... испытали бы большие затруднения, пытаясь объяснить, каким образом многие высшие человеческие обязанности согласовываются между их собственными психическими и духовными природами; а также, что происходит с единством индивидуальной ответственности перед лицом такого трехстороннего распределения.

Четвертый аргумент против трансмиграции состоит в том, что **это противоречит здоровой этике**. Все, чего может требовать система со здоровой этикой, — это, конечно, чтобы личная ответственность касалась любого разумного проявления индивидуальной воли... Каждый разумный человек должен осознавать возрастание собственного нравственного сознания, благодаря которому преодолевается пропасть между его прошлым и настоящим: если его индивидуальность сохраняется для его собственной идентификации, он осознает разные уровни в своей нравственной природе, к которым относятся различные степени ответственности. Каким же образом может выступать этот факт против здоровой этики?

Пятое возражение против метемпсихоза состоит в том, что **он не соответствует научным данным**... Но что здесь противоречит в науке этой идее, если ее можно подтвердить на примере естественного отбора, согласно которому, если вообще существует какая-либо душа, то индивидуальная душа низшего организма может перейти поэтапно в высшие организмы?»

О СМЕРТИ И САТАНЕ

Редактору «Теософиста»

«Мадам, поскольку вы опубликовали посмертное письмо моего Учителя и дорогого друга, покойного Элифаса Леви, я полагаю, что вы могли бы напечатать, если посчитаете это возможным, некоторые выдержки из многочисленных рукописей, находящихся в моем распоряжении, написанных специально для меня и переданных мне моим незабвенным Учителем.

Для начала, я посылаю вам две статьи о «Смерти» и «Сатане», вышедшие из-под его пера.¹

Я не могу закончить это письмо, не выразив глубокого негодования по поводу низменных обличений, напечатанных в лондонском «Спиритуалисте» и направленных против вашего Общества и его членов. Любой честный человек будет возмущен этими несправедливыми обвинениями, особенно если они исходят от такого уважаемого человека, как м-р Гаррисон (редактор «Спиритуалиста»), который принимает в свой журнал анонимные статьи, что равносильно публикации клеветы».

С величайшим уважением,
мадам, преданный Вам,
барон Дж. Спедальери

Марсель, 29 июля 1881 г.

¹ Учитель Кут Хуми, ознакомившись со статьями Элифаса Леви, опубликованными в октябрьском номере «Теософиста» за 1881 г., сделал на полях журнала заметки и пояснения, которые мы приводим в настоящем издании в квадратных скобках с пометкой — «К. Х.». Так же инициалами в квадратных скобках отмечены выделения в тексте, сделанные рукой Учителя. Экземпляр «Теософиста» с комментариями Кут Хуми хранится в Британском музее в так называемом «Архиве махатм». — *Прим. редактора.*

С чувством искренней признательности мы благодарим барона Спедальери за его исключительно ценное предложение. Покойный Элифас Леви был самым ученым каббалистом и оккультистом нашего века в Европе, и все, что появилось из-под его пера, для нас поистине драгоценно, поскольку это помогает нам провести сравнение западных оккультных доктрин с восточными и, используя и те и другие, доказать миру спиритуалистов и мистиков, что две эти системы — восточно-арийская и западная, или халдео-еврейская каббала, — едины в своих главных метафизических учениях. Однако в то время как восточные оккультисты никогда не теряли ключ к своему эзотеризму и ежедневно проверяют и развивают свои доктрины посредством личных экспериментов, принимая во внимание данные современной науки, то западные, или еврейские каббалисты, помимо того, что они веками были введены в заблуждение внедрением в каббалу чужеродных элементов (таких как христианские догмы, буквальные истолкования Библии, и т. д.), они, несомненно, утратили подлинный ключ к эзотерическому смыслу каббалы Симона бен Йохан и пытаются восполнить эту утрату при помощи истолкований, очерпнутых в глубинах собственного воображения и внутреннего сознания. Это очевидно в случае Дж. К., самозванного лондонского «адепта», чьи анонимные и беспомощные поношения Теософского общества и его членов совершенно справедливо называются бароном Спедальери «равнозначными клевете». Но мы должны быть более милосердны. Этот бедный потомок библейских левитов (кем он, насколько нам известно, является) в своих ничтожных попытках низвергнуть теософов, по всей видимости, разбил себе голову об одно из своих собственных «оккультных» утверждений. Таково, в частности, утверждение в «Спиритуалисте» за 22 июля, к которому мы привлекаем внимание мистически настроенных людей, ибо этот отрывок вполне вероятно и явился причиной печального происшествия, случившегося с человеком со столь «светлой» головой. Как бы то ни было, но это лишает теперь прославленного Дж. К. возможности «научно передавать свое знание» и вынуждает его в то же самое время оставаться, как он сам называет это, «в некоммуникабельном экстатическом состоянии». Ибо ни в каком ином «состоянии» наш великий

современный адепт — автор такого «масштаба»,¹ что заподозрить его в невежестве так же вызывающе смело, как выразить сомнение в добродетели жены Цезаря — не смог бы написать следующие строки, в которых, как мы полагаем, он собирался дать ясное и точное объяснение своего собственного психокаббалистического учения, противопоставленного им «грубым», «заморским формулировкам», «моральным и философским банальностям» и «труднопроизносимым выражениям ученых теософов».

Вот каковы «драгоценные камни оккультной мудрости» знаменитого еврейского каббалиста, подобно неброской фиалке скрывающего свою оккультную ученость под двумя скромными инициалами.

«В каждом человеке находится в латентном состоянии в произвольной части его существа достаточное количество вездесущего, абсолюта. Для того чтобы пробудить сокрытый абсолюта, который является произвольной частью нашего произвольного сознательного существа, чтобы он стал проявленным, важно, чтобы стала латентной произвольная часть нашего существа. После предварительного очищения от приобретенных грехов, должна произойти своего рода интроверсия: произвольное должно стать произвольным благодаря тому, что произвольное становится произвольным. Когда

¹ «Обвинить автора такого масштаба в невежестве — это столь же забавное недоразумение, как обвинить Порсона в незнании греческого языка», — пишет он в «Спиритуалисте» за 8 июля... — «Оккультное знание — это сфера моих профессиональных интересов, и ... *есть очень мало того ... чего я не знаю*», — добавляет он. У нас сразу же возникает вопрос по поводу вышеприведенной фразы. Не только никто из «адептов», но и никакой мирянин или непосвященный, даже если его интеллектуальные и личные качества пользуются всеобщим признанием, никогда не осмелится — из опасения, что с этого момента к нему начнут относиться как к самому что ни на есть смешному и нелепому из героев Эзопа — использовать такую формулировку, говоря о себе самом! Столь идиотски высокомерным и трусливо-нахальным показал он себя, скрываясь за щитом своих инициалов, в своих откровенных нападках на гораздо более честных и достойных людей, чем он сам, в вышеупомянутом номере «Спиритуалиста», что, вне всякого сомнения, мы первый и последний раз оказываем ему честь, упоминая о нем на наших страницах. Мы убеждены, что у нашего журнала намного более благородная задача, чем полемизировать с теми, кого обычно называют в народе хвастунами и хулиганами.

сознательное становится полубессознательным, то, что до того было для нас бессознательным, становится всецело сознательным. Частичке вездесущего, которая есть внутри нас, дарующему рост и жизнь, произвольному, оккультному или женскому принципу дается возможность выразить себя в произвольной, ментальной, проявленной или мужской части человеческого существа, тогда как последняя остается в состоянии совершенной пассивности, две прежде разъединенные части воссоединяются друг с другом в одно священное (все) совершенное существо, и божественное проявление становится неизбежным».

К счастью, Дж. К. сам дает нам ключ к этим высокопарным излияниям, добавляя:

«Осуществить все это с безопасностью можно лишь ведя исключительно строгую и чистую жизнь, ибо в противном случае возникает опасность утраты *равновесия* — *безумия*, или сомнительной формы *медиумизма*».

Курсив наш. Несомненно, у нашего безупречного «адепта произвольному, оккультному или женскому принципу» *не* позволили «выразить себя в произвольной, ментальной, проявленной или мужской части» его существа — и вот результат!

В назидание нашим индийским читателям, недостаточно «прогрессивным», чтобы читать писания Дж. К. или участвовать в «великой умственной трапезе», устроенной этим знаменитым «адептом» на станицах «Спиритуалиста», мы можем добавить, что в той же самой статье он информирует своих английских читателей, что именно «индусские мистификации, воздействуя на западную легковёрность, произвели на свет Теософское общество». «Индийская философия», согласно этому великому светилу девятнадцатого века, это вовсе не «философия», но скорее «мистицизм».

«Следуя по стопам вводящих в заблуждение и заблуждающихся индусов, они (теософы) считают четыре вышеупомянутые способности (сиддхи Кришны): анима, махима, лагхима и гарима теми силами, к которым они (мы) должны стремиться».

Поистине, сколь нелепое смешение причины со следствием! Повреждение мозга должно было быть действительно

очень серьезным. Остается надеяться, что своевременные и повторные примочки «гамамелиса» или «универсального магического бальзама» окажут свое благотворное воздействие. Тем временем, мы обращаем внимание наших индусских читателей и всех изучающих оккультизм на тождество во всех главных и жизненно важных моментах доктрин, проповедуемых Элифасом Леви (над которым этот «адепт» также презрительно насмехается, помещая его в компанию «братьев», «йогов» и «факиров»), и учениями наших восточных посвященных.

СМЕРТЬ

Смерть является необходимым растворением несовершенных комбинаций. [1, 2, 3, 4 и 5-й. — К. Х.] Это повторное поглощение грубого контура индивидуальной [Личность и личное эго. — К. Х.] жизни в великую работу жизни универсальной; только совершенный [6-й и 7-й принципы. — К. Х.] бессмертен.

Это купание в забвении. [До времени воспоминания. — К. Х.] Это источник молодости, куда с одной стороны погружается старость, и откуда с другой стороны выходит младенчество.¹

Смерть — это преобразование живого; трупы — это лишь мертвые листья на Древе Жизни, которое еще распустит все свои листья весной. Воскресение людей вечно напоминает эти листья.

Тленные формы обусловлены нетленными прототипами.

Все те, кто жил на земле, все еще живут в новых экземплярах своих прототипов, [К. Х.] но души, которые превзошли свои прототипы, получают в другом месте новую форму, основанную на более совершенном типе, так как они вечно восходят по лестнице миров; ² плохие экземпляры разрушаются, и их вещество возвращается в общую массу.³

¹ Перерождение эго после смерти. Восточная, и особенно буддийская, доктрина эволюции нового эго из старого.

² Из одной локи в другую, из положительного мира причин и деятельности в негативный мир следствий и пассивности.

³ В космическую материю, когда они необходимым образом утрачивают свои *самосознания* или *индивидуальности*, [Свою монаду, 6-й и 7-й принципы. — К. Х.] или уничтожаются, как говорят восточные кабалисты.

Наши души являются как бы музыкой, а наши тела — инструментами для нее. Музыка существует без инструментов, но она не может быть услышана без материального посредника; [Поэтому дух не может сообщаться. — К. Х.] нематериальное нельзя ни постигнуть, ни осознать.

Человек в своем нынешнем существовании помнит и сохраняет лишь некоторые предрасположенности своих прошлых существований. [Карма. — К. Х.]

Вызывания умерших — это всего лишь уплотнение памяти, воображаемое окрашивание теней. Вызвать тех, кого больше нет здесь, означает лишь вынудить их прототипы вновь появиться из воображения природы.¹

Чтобы находиться в непосредственном общении с воображением природы, необходимо быть либо в состоянии сна, опьянения, экстаза, каталепсии, или безумия. [И чтобы быть в непосредственном контакте с *разумом* Природы, ему нужно стать адептом.]

Вечная память сохраняет только нетленное; все то, что подвержено Времени, по праву подлежит забвению.

Сохранение трупов — это нарушение законов природы; это оскорбление благопристойности смерти, которая скрывает свою работу разрушения так же, как и мы скрываем свои акты воспроизведения. Сохранять трупы — это значит создавать призраки в воображении земли; ² [Мы никогда не хороним наших усопших. Их либо сжигают, либо оставляют над землей.] привидения ночных кошмаров, галлюцинаций и страхов, являются лишь удивительными фотографиями сохраненных трупов. [Их отражения в астральном свете. — К. Х.] Именно эти сохраненные или плохо разрушенные трупы распространяют среди живых людей чуму, холеру, заразные болезни, уныние, скептицизм и разочарование в жизни.³ Смерть истощается смертью. Кладбищенские яды городской атмосферы и миазмы трупов отравляют детей даже в чреве их матерей.

Около Иерусалима, в долине Геенны, поддерживался постоянный огонь для сожжения останков и скелетов животных, и это об

¹ Страстно желая увидеть умершего человека, следует *вызвать* образ этого человека, призвать его из астрального света или эфира, в котором остаются запечатленными образы *Прошлого*. Это именно то, что отчасти совершается на «сеансах». Спиритуалисты — это бессознательные НЕКРОМАНТЫ.

² Усилить эти образы в астральном или звездном свете.

³ Люди начинают интуитивно осознавать эту великую истину, и во многих европейских странах сегодня создаются учреждения для сожжения тел и *крематории*.

этом вечном огне упоминает Иисус, когда он говорит, что грешники будут гореть в *Геенне*, подразумевая, что с душами умерших будут обращаться так же, как и с их телами.

Талмуд говорит, что души тех, кто не верил в бессмертие, не станут бессмертными. Одна лишь вера дает личное бессмертие;¹ [В девакхане эго видит и чувствует только то, к чему были направлены его устремления. Тот, у кого нет желания продолжения чувственной личной жизни после физической смерти, минует эту стадию. После нового рождения он останется бессознательным, как в переходном состоянии. — К. Х.] наука и разум могут утверждать лишь общее бессмертие.

Смертный грех — это самоубийство души. Такое самоубийство происходит, если человек посвящает себя служению злу со всей силой своего разума, с совершенным знанием добра и зла и полной свободой действия, которая кажется невозможной на практике, но возможна в теории, потому что сущность независимой индивидуальности — это неограниченная свобода. Божество ничего не навязывает человеку, даже существование. Человек имеет право даже удалиться прочь от божественной доброты, и догма об адском огне является лишь утверждением вечной свободы воли.

Бог не низвергает никого в ад. Это человек свободно может идти туда, бесповоротно, окончательно и по своему собственному выбору.

Те, кто находится в аду, то есть, так сказать, во мраке зла² и страданий неизбежного наказания, вовсе не желая этого, призываются выйти оттуда. Этот ад для них лишь чистилище. Проклят навсегда, абсолютно и без всякой отсрочки — Сатана, который есть не что-то разумно существующее, а просто необходимая гипотеза.

Сатана является последним словом творения. Он есть конец бесконечно освобожденного. Он возжелал быть равным Богу, противником которого он является. Бог — это гипотеза, необходимая

¹ Вера и сила воли. Бессмертие является обусловленным, как мы это всегда утверждали. Это награда чистому и доброму. Греховный человек, человек, увлеченный чувственным и материальным, только выживает. Тот, кто ценит лишь физические удовольствия, не живет и *не может* жить в посмертии как сознающее себя существо.

² То есть, они вновь рождаются в «низшем мире», который не является ни «адам», ни каким-либо богословским чистилищем, но миром почти абсолютной *материи*, и после него следует последний мир в «круге необходимости», из которого «нет освобождения, ибо там царит абсолютная духовная тьма» («Книга Кхиу-ти»).

для разума, Сатана — гипотеза, необходимая для безрассудства, утверждающего себя как свободную волю. [То, что подчеркнуто красным карандашом, на первый взгляд *выглядит как противоречие*, но это не так. — К. Х.]

Для того чтобы быть *бессмертным* [Употребляя слово «бессмертие», герметисты, как правило, ограничивают его продолжительность от начала до конца малого цикла. Их нельзя осуждать за ограниченность их собственных языков. Вряд ли можно назвать это полубессмертием. Древние называли это «панэонической вечностью», от слов: *παν* — совокупность всего, или природа, и *αιων* — неопределенный период времени, предел которого известен лишь посвященным. См. словари: *зон* — это период времени, который включает в себе человеческий срок жизни, промежуток существования вселенной, а также *вечность*. Это понятие являлось «словом мистерий» и его значение было намеренно сокрыто. — К. Х.] во благе, следует отождествить себя с Богом; чтобы быть бессмертным во зле — с Сатаной. Это два полюса в мире душ; между этими двумя полюсами прозябает и умирает безо всякого воспоминания бесполезная часть человечества.

Это может показаться непонятным среднему читателю, *ибо это одно из наиболее сложных учений оккультной* [Западной. — К. Х.] *доктрины*. [К. Х.] Природа двойственна: в ней существует как физическая и материальная сторона, так и сторона духовная и моральная; и в ней существует и добро, и зло, и последнее является неизбежной тенью от ее света. Для того, чтобы проникнуть в поток бессмертия, или, скорее, достигнуть бесконечного ряда перерождений в виде сознательных индивидуальностей (см. «Книгу Кхиу-ти», том XXXI [Гл. III. — К. Х.]), *следует стать сотрудником природы, либо во БЛАГЕ, либо во ЗЛЕ, в ее работе по сотворению и воспроизведению, или же в разрушении*. [Эта сентенция указывает на виды посвященных — адептов и колдунов. — К. Х.] И лишь от бесполезных трутней она избавляется, насильственно изгоняя их и заставляя миллионами [Одно из ее обычных преувеличений. — К. Х.] погибать в качестве самосознающих существ. [Пара бессмысленных слов. — К. Х.] Таким образом, в то время как добрый и чистый стремится достигнуть *нипанг* (*нирваны*, или такого состояния *абсолютного* существования и *абсолютной* сознательности, которое, в мире конечного восприятия, является не-существованием и

не-сознательностью) — греховный, напротив, будет желать иметь серию жизней в виде сознательных, определенных существований или существ, предпочитая вечно страдать, находясь под властью закона воздающей справедливости, [Кармы. — К. Х.] чем отказаться от своих жизней, как от частей единого, универсального целого. Существа прекрасно сознают, что они не могут никогда надеяться на обретение конечного успокоения в чистом духе, или *нирване*, и они скорее будут цепляются за жизнь в любой форме, [Посредством медиумов, существовавших везде и во все века. — К. Х.] чем отринут это «желание жить», или *танху*, которая служит причиной создания новой комбинации *сканах*, или перевоплощения индивидуальности. Природа — это добрая мать как по отношению к жестокой хищной птице, так и к безобидному голубю. Мать-природа накажет своего сына, но если он стал ее соратником в деле разрушения, она не сможет отринуть его. [Не до завершения эона, если только ему известно, как пересилить ее. Но это есть жизнь мучений и вечной ненависти. Если вы верите в нас, как вы можете не верить в них? — К. Х.] Существуют такие совершенно развращенные и порочные люди, которые все же имеют столь же высокоинтеллектуальное развитие и *духовную* проницательность для злых целей, как и те, кто духовен ради добра. [Теневые братья. — К. Х.] Эго таких людей могут избегать закона окончательного разрушения или уничтожения в течение веков. [Большинство *вынуждено* покидать эту планету и перемещаться на 8-ую, как она ее называет. Но высшие будут жить, развивая землю, до самого порога конечной нирваны. — К. Х.] Именно это подразумевает Элифас Леви под теми, кто становится «бессмертными во зле» посредством отождествления с Сатаной. «Знаю твои дела; ты ни *холоден*, ни *горяч*», — говорится в видении в «Откровении» св. Иоанна (3:15-16). — «Но как ты *тепл*, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». «Откровение» — это полностью каббалистическая книга. Жар и холод — это два «полюса», то есть, добро и зло, *дух* и *материя*. Природа *извергает* «теплое», или «бесполезную часть человечества» из своих уст, то есть, уничтожает ее. Это представление о том, что значительная часть человечества может в конце концов не обла-

дать бессмертными душами, не будет нова даже для европейских читателей. Сам Колридж сравнивал этот случай с дубом, несущим поистине миллионы желудей, но из которых при номинальных [Нормальных. — К. Х.] условиях едва ли один из тысячи может когда-либо развиться в дерево, и предполагал, что поскольку большинство желудей бессильно вырасти в новое живое дерево, то вероятно и большинству людей не удастся развиться в новое живое существо после своей земной кончины.

САТАНА

Сатана — это всего лишь символ, а не реальный персонаж.

Это некий тип, противостоящий типу Божественному, который необходимым образом мешает ему в нашем воображении. [К. Х.] Это искусственная тень, которая делает видимым для нас бесконечный свет Божественного.

Если бы Сатана был реальным персонажем, [К. Х.] тогда было бы два Бога, и вера манихеев была бы истинной. *Сатана является воображаемым представлением об абсолютном зле;* [К. Х.] концепцией, необходимой для полного утверждения свободы человеческой воли, которая, при помощи этого воображаемого абсолюта, кажется способной уравновесить даже совокупную силу Бога. Это самая смелая, самая наглая и, быть может, самая возвышенная мечта человеческой гордости.

«Вы будете как боги, знающие добро и зло», — говорит аллегорический змий в Библии. Поистине, сделать зло наукой — это значит сотворить из Бога дьявола, и если какой-либо дух может постоянно сопротивляться Богу, то больше нет единого Бога, но есть два Бога.

Чтобы сопротивляться Бесконечному, необходима бесконечная сила, и две бесконечные силы, противоположные одна другой, должны нейтрализовать друг друга.¹ Если сопротивление со сторо-

¹ И поскольку зло бесконечно и вечно, ибо оно современно материи, то напрашивался бы логический вывод о том, что нет ни Бога, ни Дьявола — как персональных существ, а есть лишь Один Несотворенный, Бесконечный, Неизменный и Абсолютный Принцип или Закон: ЗЛО, или ДЬЯВОЛ — чем глубже он погружается в материю, и ДОБРО или БОГ, как только он очищается от последнего и вновь становится чистым неомраченным Духом или АБСОЛЮТОМ в своей вечной, непреложной Субъективности.

ны Сатаны является возможным, то сила Бога не может существовать далее, Бог и Дьявол уничтожают друг друга, и человек остается один; он остается в одиночестве с призраком своих богов, гибридным сфинксом, крылатым быком, держащим в своей человеческой руке меч, блистающие молнии которого ведут воображение человека от одной ошибки к другой, и от деспотизма света к деспотизму тьмы.

История земных бедствий и страданий — это лишь роман о войне Богов, войне все еще не законченной, пока христиане поклоняются Богу в Дьяволе, и Дьяволу в Боге.

Антагонизм сил — это анархия в догме. Таким образом, церкви, которая утверждает существование Дьявола, мир отвечает с ужасающей логикой: тогда не существует Бог; [К. Х.] и бесполезно пытаться избежать этого аргумента, изобретая превосходство Бога, который позволил бы Дьяволу сделать так, чтобы люди были прокляты; это разрешение было бы чудовищным и походило бы на соучастие, и бог, который смог бы стать сообщником дьявола, не мог бы быть Богом.

Догматический Дьявол является персонификацией атеизма. Дьявол в философии — это преувеличенный идеал свободной воли человека. Реальный или физический Дьявол есть магнетизм зла.

Вызвать Дьявола — это значит лишь представить на мгновение эту воображаемую личность. Это влечет за собой то, что в эго человека преступается граница безумной порочности, и он совершает самые преступные и бессмысленные поступки.

Следствием такого деяния является смерть души в безумии, а часто и смерть тела, как бы подобная удару молнии, в результате инсульта.

Дьявол всегда надоедает просьбами, но никогда ничего не дает взамен.

Святой Иоанн называет его «Зверем» (*la Bête*), потому что его сущность — это человеческая глупость (*la Bêtise humaine*).

Вот вероучение Элифаса Леви (*Bona Memoriae*) и его учеников.

Мы верим в Бого-Принцип, сущность всего сущего, всего добра и всей справедливости, неотделимый от природы, которая есть его закон и которая обнаруживает себя через разум и любовь.

Мы верим в человечество, дочь Бога, все члены которого неразрывно связаны друг с другом, так, что все люди долж-

ны сотрудничать в деле спасения каждого, и каждый — в деле спасения всех.

Мы верим, что для служения божественной сущности необходимо служить человечеству.

Мы верим в исправление зла и в победу добра в жизни вечной.

FIAT

АСТРАЛЬНЫЙ ПРОРОК

Каждый образованный англичанин слышал имя генерала Ермолова, одного из величайших военачальников нашего века, и если он вообще знаком с историей Кавказских войн, то он должен знать о подвигах одного из главных победителей этой страны неприступных крепостей, в которой Шамиль и его предшественники многие годы боролись против мастерства и стратегии русских армий.

Как бы то ни было, странное событие, случившееся там и рассказанное самим героем Кавказа, может заинтересовать изучающих психологию. Ниже приводится дословный перевод из русскоязычной работы В. Потто «Война на Кавказе». Во втором томе, в главе «Кончина Ермолова» (стр. 829-832) есть такие строки:

«Тихо и незаметно прошли в Москве последние дни, отпущенные герою. 19 апреля 1861 года он умер на 85-ом году жизни, сидя в своем любимом кресле, положив одну руку на стол, а вторую на колено; но за несколько минут до этого он по своей старой привычке постукивал ногой по полу».

Невозможно лучше выразить те чувства, которые возникли в России в связи с этой смертью, чем это сделано в некрологе из (русской) газеты «Кавказ», в котором не сказано ни одного лишнего слова:

«12 апреля в 11.45 в Москве закончилась жизнь генерала артиллерии, знаменитого во всей России, Алексея Петровича Ермолова. Каждый русский знает это имя; оно связано с самыми яркими событиями нашей славной истории: Ватутино, Бородино, Кульм, Париж и Кавказ всегда будут связаны с именем героя — гордости и украшения русской армии и русского народа. Мы не будем приводить здесь послужной список Ермолова. Его имя и титул: истинный сын России, в полном смысле этого слова».

Любопытный факт заключается в том, что его смерть оказалась связанной с преданием странного и мистического свойства. Вот что пишет друг, хорошо знавший Ермолова:

«Однажды, покидая Москву, я позвал Ермолова, чтобы попрощаться с ним, и обнаружил, что не смогу скрыть свои эмоции при расставании.

— Не бойся, — сказал он мне, — мы еще встретимся; я не умру до твоего возвращения.

Это было за 18 месяцев до его смерти.

— Один Бог властен в нашей жизни и смерти, — заметил я.

— А я тебе точно говорю, что моя смерть случится не в течение года, а несколькими месяцами позже, — ответил он. — Пойдем со мной, — и с этими словами он повел меня в свой кабинет; здесь, достав из закрытого ящика исписанный листок бумаги, он положил его передо мной и спросил:

— Чей это почерк?

— Твой, — сказал я.

— Тогда прочти это.

Я согласился.

Это была своего рода памятная записка, содержащая различные даты с того времени, когда Ермолов был произведен в чин подполковника, и показывающая, как в программе, каждое значительное событие, которое должно было случиться в его жизни, столь богатой такими событиями. Он следил за моим чтением, и когда я подошел к последнему параграфу, он закрыл рукой последнюю его строчку.

— Это тебе не надо читать, — сказал он, — на этой строчке записаны год, месяц и день моей смерти. Все, что ты прочел, было написано мной заблаговременно и произошло именно так, вплоть до мельчайших деталей. Сейчас я расскажу, как я это написал. Когда я был еще молодым подполковником, меня послали по делу в небольшой городок. Мое жилище состояло из двух комнат — одной для слуг, а второй лично для меня. В мою комнату можно было пройти только через комнату прислуги. Однажды поздно ночью, когда я писал, сидя за столом, я впал в задумчивость, и, внезапно подняв глаза, вдруг увидел стоящего передо мной по ту сторону стола незнакомого мужчину, который, судя по его одежде, принадлежал к низшим слоям общества. Прежде чем я успел спросить его, кто он или чего ему угодно, незнакомец сказал: «Возьми свое перо и пиши». Чувствуя себя под влиянием неодолимой силы, я молча повиновался. Тогда он продиктовал мне все, что должно было случиться со мной в течение всей жизни, включая дату и час моей смерти. С последним словом он внезапно исчез. Прошло несколько минут, прежде чем я

полностью пришел в себя и, вскочив со стула, бросился в соседнюю комнату, через которую незнакомец обязательно должен был бы пройти. Распахнув дверь, я увидел моего писаря, пишущего при свете свечи, и ординарца, спящего на полу возле входной двери, которая была крепко заперта на замок и задвижку. На мой вопрос «кто это только что был здесь?» — удивленный писарь ответил: «Никого». До сего дня я никогда и никому не говорил об этом; я заранее знал, что некоторые заподозрили бы, что я все это придумал, а другие сочли бы, что я подвержен галлюцинациям. Но для меня лично вся эта история является абсолютно *неопровержимым фактом*, объективным и достоверным, доказательство которого содержится в этом самом документе.

После смерти генерала оказалось, что последняя дата в его записке была верна. Он умер в тот же самый год, день и час, как это было указано в его рукописи.

Ермолов похоронен в Орле. Неугасимая лампа, изготовленная из корпуса бомбы, горит перед его могилой. На ее железной поверхности неискусной рукой написаны слова: «Кавказские солдаты, служившие в Гунибе».¹ Вечно горящая лампа была создана благодаря усердию и благодарной любви нижних чинов Кавказской армии, собравших необходимую сумму из своего скудного жалования (поистине, по копейке). И этот простой памятник представляет большую ценность и вызывает большее восхищение, чем самый богатый мавзолей. Другого памятника Ермолову в России нет. Но гордые и величественные скалы Кавказа представляют собой бессмертный пьедестал, на котором для всякого истинно русского человека всегда будет находиться величественный образ генерала Ермолова, окруженный орлом вечной славы».

Теперь несколько слов о природе этого видения.

Без сомнения, каждое слово яркого и четкого рассказа генерала Ермолова является абсолютно правдивым. Он был выдающимся приверженцем фактов, искренним и ясномыслящим человеком, без малейшего оттенка мистицизма, настоящим солдатом, благородным и прямолинейным. Более

¹ «Гуниб» — это название последнего укрепления черкесов, в котором был побежден и взят в плен русскими, после многих лет отчаянной борьбы, великий шейх горцев — Мюрид Шамиль. Гуниб — это гигантская скала, которая долгое время казалась неприступной, но, в конце концов, была взорвана и взята русскими солдатами ценой огромных жертв. Ее захват на самом деле положил конец войне на Кавказе, которая длилась более 60-ти лет, и стал гарантией его завоевания.

того, этот эпизод из его жизни был удостоверен его старшим сыном, лично знакомым мне и моей семье в течение многих лет, когда мы жили в Тифлисе. Все это является надежным доказательством истинности этого явления, удостоверенного, к тому же, письменным документом, оставленным генералом, в котором содержится точная дата его смерти. И что же можно сказать о таинственном посетителе? Спиритуалисты, конечно, увидят в нем бестелесную сущность, «материализованный дух». Они будут заявлять, что *человеческий дух* сам по себе может предсказать целую серию событий и абсолютно ясно видеть будущее. Мы тоже так считаем. Но, соглашаясь в этом, мы расходимся во всем остальном; то есть, тогда как спиритуалисты говорят, что это видение было видением духа, отличного от высшего эго генерала и независимого от него, мы придерживаемся совершенно обратной точки зрения и говорим, что это было именно то самое эго. Давайте обсудим это беспристрастно.

Но какова же *raison d'être* [государственная необходимость, *франц.*], *основная* причина такого видения пророка; и каким образом вы или я, например, после смерти, появимся перед совершенно незнакомым человеком ради удовольствия сообщить ему то, что должно с ним случиться? Если бы генерал узнал в своем госте какого-либо близкого родственника, собственного отца, мать, брата или закадычного друга, и получил бы от него некое предостережение, слабый намек на то, как могло бы быть, — тогда мы получили бы что-нибудь в пользу этой теории. Но ничего подобного не было: просто «незнакомый мужчина, принадлежащий, судя по его одежде, к низшим слоям общества». Если это так, то почему душа бедного утратившего тело торговца или рабочего озабочена тем, чтобы появиться перед каким-либо незнакомцем? И если только «дух» *предполагает* такое появление, к чему тогда вообще этот маскарад и *посмертная* мистификация? Если такие посещения происходят по свободной воле «духов», если такие откровения могут происходить для удовольствия бестелесной сущности и независимо от каких-либо законов общения между двумя мирами, — тогда какова же может быть причина, побуждающая этот «дух» играть с генералом в прорицательницу Кассандру? Ничего подобного. Настаивать на этом —

значит добавить еще одно абсурдное и отталкивающее свойство к теории «посещения духов» и внести дополнительный элемент насмешки в сакральность смерти. *Материализация нематериального духа* — божественного дыхания — спиритуалистами стоит в одном ряду с антропоморфизацией Абсолюта теологами. Именно эти утверждения вырыли почти непроходимую пропасть между теософами-окультистами и спиритуалистами с одной стороны, и теософами и церковными христианами с другой.

Теперь о том, как теософ-окультист объяснил бы видение в соответствии с эзотерической философией. Он бы напомнил читателю, что высшее сознание в нас, со своими *sui generis* [особого рода, *лат.*] законами и условиями проявления, является почти полностью *terra incognita* [неизвестной землей, *лат.*] для всех (включая спиритуалистов), и для людей науки, прежде всего. Далее он бы напомнил читателю об одном из основных учений оккультизма. Он сказал бы, что, кроме того, что божественное всеведение присуще его собственной природе и сфере его действий, для *индивидуального* бессмертного эго в вечности не существует ни *Прошлого*, ни *Будущего*, а только одно бесконечно длящееся НАСТОЯЩЕЕ. И, раз эта доктрина принята, или хотя бы постулирована, оказывается вполне естественным, что вся жизнь личности, которую одушевляет эго, от рождения до смерти, должна быть столь же ясно видна высшему эго, как она невидима и скрыта от того ограниченного зрения, которое имеет его временная и смертная форма. Таким образом, вот что, скорее всего, произошло в соответствии с представлениями оккультной философии.

Генерал Ермолов сказал другу, что когда он писал *поздно ночью*, он внезапно впал в *задумчивость*, и, подняв глаза, внезапно увидел незнакомца, стоящего перед ним. Эта *задумчивость* представляла собой внезапно наступившее дремотное состояние, вызванное усталостью и чрезмерной работой, и во время его происходило некое механическое действие чисто сомнамбулического характера. Когда *личность*, внезапно становится восприимчивой к присутствию своего высшего ЭГО, тогда спящий человек автоматически подпадает под влияние индивидуальности, и тотчас рука, которая в течение нескольких часов до того была занята писанием, механически возоб-

новляет свою работу. При пробуждении *личности* кажется, что документ, лежащий перед ней, написан под диктовку посетителя, чей голос она слышала, тогда как на самом деле это была просто запись наиболее глубоких внутренних мыслей (или, скажем, знания) ее собственного божественного «эго», пророческого, в силу всеведения *духа*. «Голос» последнего был просто трансляцией в момент пробуждения, посредством памяти, ментального знания относительно жизни смертного человека, переданного низшему сознанию от *высшего*. Все другие детали, сохраненные в памяти, также допускают естественное объяснение.

Так, незнакомец, одетый как бедный мелкий торговец или рабочий, говоривший с ним *стоя перед ним*, принадлежит, также как и «голос», к тому классу хорошо известных явлений, которые знакомы нам как *ассоциации идей* и *реминисценции* в наших сновидениях. Картины и сцены, видимые нами во сне, события, длящиеся в наших снах часами, днями, а иногда и годами, — все это на самом деле занимает меньше времени, чем вспышка света в момент пробуждения и возвращения к полному сознанию. Физиология дает многочисленные примеры таких случаев сильных мгновенных фантазий. Мы протестуем против материалистических дедукций современной науки, но никто не может опровергнуть ее факты, накопленные за долгие годы тщательных экспериментов и наблюдений ее ученых, и эти факты подтверждают наш аргумент. Генерал Ермолов провел несколько дней в маленьком городе, занимаясь расследованием, в ходе которого его главным занятием был, вероятно, опрос множества людей низших классов; это объясняет, почему в его воображении — столь же живом, как и сама реальность — возник образ мелкого торговца.

Давайте обратимся к опытам и объяснениям большой группы философов и посвященных, глубоко знакомых с тайнами внутреннего эго, вместо того, чтобы возлагать ответственность на действия «духов умерших», побуждения которых нельзя объяснить никаким разумным образом.

ПСИХИЧЕСКОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

«Не может ли кто-нибудь из многочисленных читателей «Тео-софиста» просветить меня относительно влияния, оказанного на меня в случае, о котором пойдет речь ниже? Я, конечно, категорически отрицаю, что это было некое духовное проявление, но без сомнения здесь действовала какая-то необыкновенная сила, объяснить и постичь которую я не смог до сих пор.

Я учился в школе с мальчиком приблизительно того же возраста; затем мы расстались и встретились опять лишь, примерно, через тридцать пять лет. Это произошло в Агре, где он служил помощником сборщика налогов, а я — главным клерком в том же учреждении. Наша дружба возобновилась, и вскоре мы очень привязались друг к другу; между нами фактически не было секретов. Это продолжалось несколько лет, и почти каждый день мы видели друг друга. Я имел возможность посетить моего зятя, богатого землевладельца в Мератхе, во время праздников Дасара, и после своего возвращения я рассказал своему другу о празднованиях, которые я там видел. Мой друг обещал, что если ему удастся это устроить, то он тоже хотел бы поехать вместе со мной к моему зятю на следующие праздники Дасара. Между тем, и особенно когда праздники стали приближаться, мы многократно обсуждали наши планы, и когда наступило время, мы сделали все необходимое для успеха нашего предприятия. Однако в последний рабочий день в офисе, когда я попросил, чтобы мой друг встретил меня со своим багажом в определенное время вечером на железнодорожной станции, то к моему крайнему удивлению и разочарованию он сказал, что очень сожалеет, но не сможет поехать со мной, потому что его семья предложила изменить эти планы, и он собирается отправиться вместе со своими близкими в Рамбах (горный курорт на другом конце Агры). При расставании он пожал мне руку, еще раз выразил свое сожаление и сказал, что «хотя и не телесно, но мысленно и духовно будет присутствовать рядом со мной». Пока мы с женой ехали в поезде, мы решили: сперва поехать в Мератх, и, проведя там четыре дня, отправиться в Дели, где моя жена еще не бывала, затем провести один день в Алигархе вместе с

родственниками, после чего вернуться в Агру накануне начала моей работы. Наша программа была окончательно определена. Спустя два дня мы прибыли к моему зятю, где провели время с большим удовольствием. Рано утром на третий день, после того, как мы выпили освежающие напитки и уселись вместе, чтобы подумать о развлечениях на этот вечер, вдруг, совершенно внезапно у меня возникло очень странное ощущение, я почувствовал уныние и меланхолию, и сказал зятю, что должен возвратиться в Агру немедленно. Он был чрезвычайно удивлен. Поскольку я собирался провести этот и следующий день с ним, то вся семья возражала против моего внезапного предложения и пришла к естественному заключению, что я на что-то обиделся. Но все попытки удержать меня хотя бы на один день оказались безуспешными, и уже через час я был вместе с багажом на вокзале Мератха. Но прежде чем мы взяли билеты до Агры, моя жена уговорила меня поехать только до Газибада (откуда отходит железнодорожная ветка на Дели). Однако прежде чем поезд отправился в путь, страстное желание ехать в Агру возвратилось ко мне. Не затягивая нашего путешествия, по прибытии в Газибад я взял билет прямо до Агры. Это очень удивило мою жену, она чувствовала себя совершенно обескураженной, и всю дорогу до Алигарха мы просидели, не обменявшись ни одним словом. В Алигархе она настойчиво спрашивала меня посетить ее родственников. Я отпустил ее, но она не смогла уговорить меня составить ей компанию, и я поехал в Агру; и в ночь моего прибытия я, как ударом грома, был поражен ужасным известием о том, что мой друг именно тем утром внезапно скончался от апоплексического удара в Рамбахе, вероятно в то же самое время, когда я пил освежающие напитки в Мератхе. На следующее утро я был очевидцем того, как останки моего дорогого друга обрели свое последнее пристанище. Каждый, кто был на похоронах и знал, что я не собирался возвращаться сюда до открытия офиса, засыпал меня вопросами, как я мог услышать об этом печальном событии и кто послал мне телеграмму об этом. Но я со всей искренностью уверяю, что никакого сообщения мне не было послано, и даже не была сделана такая попытка, кроме душевной депрессии, страстного и непреодолимого желания прибыть в Агру как можно скорее.

*А. Константин,
Эсквайр».*

Нет необходимости приписывать вышеприведенное «оповещение» чему-то сверхъестественному. В жизни есть много разнообразных психических феноменов, которые непреднаме-

ренно или как-либо иначе приписываются действию бестелесных «духов», или же полностью и намеренно *игнорируются*. Говоря так, мы вовсе не намереваемся лишить теорию духов ее *raison d'être* [разумного основания, *франц.*]. Но кроме этой теории в нашей повседневной жизни имеются другие проявления той же самой психической силы, на которые обычно не обращают внимания или же ошибочно трактуют их как результат простого совпадения; ибо единственная причина этого состоит в том, что мы не можем немедленно дать этой силе логическое и умопостижимое объяснение, хотя сами проявления, без сомнения, обнаруживают признаки научного характера и принадлежат к тому классу психо-физиологических феноменов, которыми сейчас заняты люди с большими научными заслугами, и даже такие специалисты, как доктор Карпентер. Причину этого необыкновенного явления следует искать в оккультном (и все же бесспорном) влиянии, оказываемом активной волей одного человека на волю другого, даже если воля последнего застигнута в момент отдыха или пассивного состояния. Мы имеем в виду *предчувствия*. Если бы каждый человек привлек свое пристальное внимание (с опытной и научной целью, разумеется) к своим повседневным поступкам и проследил бы за своими мыслями, разговорами и вытекающими из них действиями, и тщательно бы проанализировал их, не пропуская даже тех деталей, которые кажутся ему ничтожными, тогда для большинства этих действий и мыслей он нашел бы *причины*, основанные на взаимном психическом влиянии, оказываемом друг на друга разумами, заключенными в тело.

Можно добавить здесь несколько примеров, более или менее знакомых каждому благодаря его *личному* опыту. Мы приведем лишь два из них. Два друга, или даже просто знакомых, не встречаются друг с другом годами. Один из них, оставшийся дома и никогда не думавший о своем давнем знакомом, вдруг вспоминает о нем. Он вспоминает его без какой-либо видимой причины, и давно забытый образ проносится по молчаливым коридорам ПАМЯТИ и предстает перед его глазами так живо, как если бы он действительно был здесь. Через несколько минут, или может быть через час после этого, этот пропавший человек *вдруг наносит ему неожиданный визит*.

Другой пример: А. дает почитать Б книгу. Б., прочитав эту книгу, откладывает ее в сторону и больше не думает о ней, хотя А. просил вернуть ее немедленно после того, как она станет не нужна. В течение дней, а может быть и месяцев после этого, мысль Б., занятая важными делами, внезапно возвращается к этой книге, и он вспоминает о своем упущении. Автоматически он покидает свое место, идет в свою библиотеку и достает книгу, думая о том, чтобы в этот раз обязательно отослать ее обратно. И в тот же самый момент открывается дверь, входит А., говоря, что он пришел специально, чтобы забрать книгу, которая ему нужна. Совпадение? Совсем нет. В первом случае дело было в госте, который, решив навестить старого друга или знакомого, *сконцентрировал свою мысль на нем*, и эта мысль, благодаря своей собственной активности, оказалась энергетически достаточной, чтобы преодолеть *пассивную*, в тот момент, мысль хозяина дома. То же самое объяснение хорошо подходит и для случая с А. и Б. Но м-р Константин может возразить: «Мысль моего покойного друга не могла повлиять на мою, так как он был уже мертв, когда меня неудержимо тянуло в Агру». Наш ответ очевиден. Не существовала ли самая теплая дружба между автором письма и умершим? Не обещал ли последний быть с ним «мысленно и духовно»? И это приводит к положительному выводу, что перед смертью его мысль была сильно занята тем, кого он ненамеренно огорчил. Сколь бы внезапной ни была эта смерть, мысль все же гораздо быстрее ее. Более того, в момент смерти она, конечно, была усилена в сотни раз. Мысль — это последнее, что умирает или скорее затухает в мозгу умирающего человека; а мысль, как показано наукой, является материальной, так как она представляет собой лишь вид энергии, которая меняет свою форму, но является вечной. Таким образом, эта мысль, сила и мощь, которая всегда пропорциональна ее интенсивности, стала, так сказать, конкретной и осязаемой, и благодаря большой близости между обоими друзьями, она охватила и подчинила себе все чувства и мысли м-ра Константина и заставила волю последнего действовать в соответствии с желанием умершего. Думающая субстанция была мертва, и инструмент, порождающий мысли, лежал разбитым навсегда. Но его последний звук еще жил и не мог полностью погибнуть в волнах

эфира. Наука говорит, что колебание одной-единственной музыкальной ноты будет задержано в своем движении по коридорам вечности; а теософия полагает, что последняя мысль умирающего человека превращается в него самого; она становится его *эйдолоном*. Нас не удивило бы, если бы скептики взаправду обвинили бы м-ра Константина либо в предрассудках, либо в том, что, находясь в галлюцинаторном состоянии, он видел перед собой *мысленный образ*, или так называемый «призрак» своего умершего друга. Ибо этот «призрак» не был ни сознательным духом, ни душой умершего человека, а просто его на мгновение *материализованной* мыслью, проецируемой бессознательным образом, при помощи всего лишь мощи его собственной энергии, в направлении того, кто занимал эту МЫСЛЬ.

ЦАРСТВО СНОВ И СОМНАМБУЛИЗМ

«Это письмо вызвано сообщением об одном сновидении в «Chamber's Journal». Я выражаю надежду, что вы напечатаете его и любезно согласитесь дать исчерпывающие объяснения нижеследующим темам.

1. Всегда ли сны являются реальными? Если это так, что порождает их; если они нереальны, то не может ли быть, что они все же несут в себе некий глубокий смысл?

2. Не могли бы вы подробнее рассказать нам об антинатальной стадии существования и о трансмиграции души?

3. Не сообщите ли вы нам что-либо заслуживающее внимание с точки зрения психологии в дополнение к этой статье?

*Искренне преданный вам,
Джехангир Курсетджи Тарачанд,
член Теософского общества.*

Бомбей, 10 ноября 1881 г.»

Если сформулировать данную просьбу более точно, нас просят дать в пределах одной статьи «исчерпывающие объяснения» фактов, охватывающих все тайны подлунного мира. Они включали бы:

1. Всю философию сновидений, прослеженных в их физиологическом, биологическом, психологическом и оккультном аспектах.

2. Буддийские *джатаки* (рассказы о перерождениях и воплощениях нашего Господа Шакьямуни), вместе с философским эссе о трансмиграции 387.000 будд, «вращавших колесо веры» в течение того периода, на протяжении которого миру последовательно открылись еще 125.000 других будд, святых, которые могли «брать под контроль и распутывать завязанные тысячей узлов нити нравственной цепи причинности», добавив к тому же трактат о *ниданах*, цепи из двенадцати

ти причин, снабженный полным перечнем двух миллионов их следствий, а также обширные дополнения архатов, «достигших потока, истекающего в нирвану».

3. Вся совокупность мечтаний всемирно-известных психологов: от египетского Гермеса и его «Книги Мертвых», определения души Платоном, в «Тимее», и т. д., до «Ночных бесед в будуаре с бесплотным духом», преп. Адрамелеха Ромео Тибериуса Тафскина из Цинциннати.

Вот какую скромную задачу поставили перед нами. Но сперва мы приведем фрагмент из данной статьи, которая вызвала столь великую жажду философской информации, а затем попытаемся сделать то, что в наших силах. Это весьма любопытный случай — если только он не является полной литературной выдумкой:

«У автора данной статьи есть родной брат, который чувствует, что некоторые из его снов носят удивительный и многозначительный характер; и его опыт показывает, что существует странная и необъяснимая связь между такими снами и состоянием сомнамбулизма. Прежде чем во всех деталях привести некоторые примеры сомнамбулизма, проявленные им и его дочерью, я дам описание одного из его снов, который был четыре раза повторен в своих удивительных и особенных деталях с разными интервалами в течение последних тридцати лет. Он был в своей юности практикующим агрономом, но теперь уже на пенсии. Всю свою жизнь он был худошавым, активным, доброжелательным и очень дружелюбным человеком, и ни в каком отношении не может быть назван книжным червем. Его сон состоял в следующем: он обнаружил себя в одиночестве стоящим перед монументом, сложенным из очень твердого камня, и рассеянно глядящим на его северную сторону, когда, к его изумлению, средние камни на уровне его глаз постепенно раздвинулись и один за другим соскользнули вниз, пока отверстие не стало достаточно большим для того, чтобы там смог поместиться человек. Внезапно внутри отверстия возник маленький человечек, одетый в черное и с большой лысой головой, который, по-видимому, удерживался там при помощи своих ног, замурованных по колено в монументе. Выражение его лица было мягким и интеллигентным. Они смотрели друг на друга, как показалось, очень долго, и ни тот, ни другой не пытался заговорить; изумление моего брата все время возрастало. Наконец, как это выразил сам спящий, «Маленький человечек в черном, с лысой головой и спокойным выражением лица», сказал: «Вы меня не знаете? Я тот человек, которого вы убили на *антинапальной* стадии *сущест-*

ования; и я ожидал, когда вы придете, и буду ждать этого, не сомкнув глаз. Нет доказательства дурного поступка в вашем состоянии человеческого существования, поэтому вам не надо опасаться в вашей смертной жизни, — сокройте меня обратно во тьме».

Спящий принялся, по его мнению, складывать камни в их первоначальное положение, заметив маленькому человечку, как он сам это выразил: «Все это — ваш сон, ибо нет никакой антинатальной стадии существования». Маленький человек, который выглядел все меньше и меньше, сказал: «Закрой меня и убирайся». В этот момент спящий проснулся.

Прошли годы, и сон, как водится, забылся, и вот — обратите внимание! — без какой-либо предшествующей мысли по этому поводу, он увидел во сне, что он стоит при свете солнца перед старинной стеной сада, прилегающего к большому необитаемому дому, как вдруг камни перед ним начинают падать вниз медленно и плавно, и скоро открылась та же самая таинственная фигура, со всеми присутствующими ей чертами, включая и произношение, такое же, как и в первый раз, хотя минуло уже много лет. Тот же самый сон повторялся еще дважды за некоторый период времени; но выражение лица человека в черном не менялось».

Мы не чувствуем себя достаточно компетентными, чтобы обсуждать достоинства или недостатки этого специфического сна. Его интерпретацию можно благополучно оставить Данилам от физиологии, которые, подобно У. А. Хаммонду, доктору медицины из Нью-Йорка, объясняют сновидения и сомнамбулизм как результат *возбужденного состояния спинного мозга*. Он может быть бессмысленным, случайным сном, вызванным взаимодействием мыслей, которые механически занимают мозг в течение сна:

Когда рассудок угасает,
И разум лишь едва мерцает, —
Причудливо расцветит ночь
Игры воображенья дочь...

— когда наши мысленные действия продолжают совершаться независимо от наших сознательных желаний.

Наши физические чувства — это агенты, при помощи которых астральный дух, или «нечто сознающее» внутри нас, получает посредством контакта с внешним миром знание о фактическом существовании; тогда как духовные чувства астрального человека являются посредниками, «телеграфными

проводами», через которые он поддерживает связь со своими высшими принципами и получает от них способность ясного и зрительного восприятия царств невидимого мира.¹ Буддийская философия утверждает, что благодаря практике *дхиан* можно достигнуть «просветленного состояния ума, проявляющего себя в непосредственном восприятии священной истины, так, что, открывая Писания (или вообще любую книгу?), их истинное значение сразу же вспыхивает в сердце».²

Однако если в первом случае вышеприведенный сон был бессмысленным, то в трех последующих случаях он мог быть повторен благодаря внезапному пробуждению той части мозга, которой он был обусловлен, поскольку во время сновидений или в сомнамбулическом состоянии мозг спит лишь частично и пробуждается к деятельности под воздействием внешних чувств, вызванных некой особой причиной: произнесенное слово, мысль или картина, запавшая в латентном состоянии в одну из клеток памяти и пробудившаяся от внезапного звука падающего камня, мгновенно порождает у дремлющего человека видение кирпичных стен, и т. д. Когда человек внезапно пугается во сне, при этом полностью не пробуждаясь, он не начинает и не заканчивает свой сон с одним этим простым звуком, частично его разбудившим, но часто переживает в своем сновидении длительную череду событий, сконцентрированных в узком отрезке времени, которое занимает этот звук, и приписываемый единственно этому звуку. Как правило, сновидения вызываются ассоциациями бодрствующего состояния, которое им предшествовало. Некоторые из них производят такое впечатление, что малейшая идея, касающаяся какого-либо предмета, связанного с определенным сновидением, может вызвать его повторение годами позже.

Тартини, знаменитый итальянский скрипач, создал свою «Дьявольскую сонату» под впечатлением своего сновидения. Во сне он увидел дьявола, явившегося перед ним и предложившего ему испытать искусство игры на его собственной, личной скрипке, принесенной им прямо из адских обителей; Тартини принял вызов. Когда он проснулся, мелодия «Дья-

¹ См. статью: «Являются ли сны лишь бесполезными видениями?»

² Beal's «Catena, &c.», стр. 255.

вольской сонаты» столь живо запечатлелась в его уме, что он тут же записал ее; но когда он приблизился к ее *финалу*, все дальнейшие воспоминания внезапно оборвались, и он должен был отложить в сторону неоконченное музыкальное произведение. Двумя годами позже ему приснилось то же самое, и в нем он попытался заставить себя вспомнить *финал* при пробуждении. Сон повторился из-за того, что слепой уличный музыкант играл на своем инструменте под его окном.

Сходным образом Колридж написал во сне свою поэму «Кублай-хан». Проснувшись, он обнаружил знаменитые ныне строки столь сильно врезавшимися в свой разум, что он тут же записал их. Причиной этого сна было то, что поэт заснул в своем кресле, прочитав следующие строки из «Странствия» Пёрча: «Здесь Кублай-хан приказал построить дворец ... окруженный стеной».

Популярную веру в то, что среди большого количества бессмысленных снов есть и такие, в которых часто содержатся предсказания о будущих событиях, разделяют и многие широко образованные люди, но не наука. И все же существуют бесчисленные хорошо документированные примеры сновидений, которые были подтверждены последующими событиями, и которые, таким образом, могут быть названы пророческими. Сочинения греческих и латинских классиков пестрят сообщениями о знаменитых сновидениях, некоторые из которых стали историческими. Вера в духовную природу сновидения была столь же широко распространена среди языческих философов, как и среди христианских отцов церкви; вера в предсказания и толкования снов (онейромантия) вовсе не ограничивалась языческими народами Азии, поскольку ими наполнена сама Библия. Вот что говорит о таких предсказаниях, видениях и пророческих снах великий современный каббалист Элифас Леви:¹

«Сомнамбулизм, предчувствия и ясновидение — это лишь случайная или унаследованная предрасположенность видеть сновидение и пробуждаться во время произвольного, специально вызванного, или же естественного сна; т. е. воспринимать [и интуитивно постигать] аналогичные отражения астрального света... Атрибуты и инст-

¹ «Догма и ритуал высшей магии», том I, стр. 356-357.

рументы для предсказаний — это просто средства для установления [магнетической] связи между предсказателем и тем, кто просит у него совета; они служат для того, чтобы фиксировать и концентрировать две воли [одинаково направленные] на одном и том же знаке или предмете; странные, сложные, движущиеся фигуры помогают собрать отражения астрального флюида. Таким образом, человек может иногда видеть в кофейной гуще или в облаках, в белке яйца и т. д. фантастические формы, существующие лишь в транслюциде [или воображении ясновидящего]. Видение в воде порождается усталостью ослепленного ярким светом оптического нерва, которая приводит к передаче его функций транслюциду и созданию церебральной иллюзии, заставляющей простые отражения астрального света выглядеть как реальные образы. Поэтому, для такого рода предсказаний наиболее подходят люди с нервным темпераментом, со слабым зрением и живым воображением, лучше всего приспособлены к нему дети. Но *никоим образом не следует неправильно интерпретировать природу той функции, которую мы приписываем воображению в искусстве предсказания.* Несомненно, мы видим посредством нашего воображения, и это является естественным аспектом данного чуда; но мы видим действительные и подлинные вещи, и именно в этом заключается чудо данного природного феномена. За подтверждением сказанного нами мы обращаемся к свидетельству всех адептов...»

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ СНЫ ЛИШЬ БЕСПОЛЕЗНЫМИ ВИДЕНИЯМИ?

«Несколько месяцев назад один бабу, Джагат Чандр Чаттерджи, помощник налогового инспектора Моршедабада, был *pro tempore* [временно, лат.] назначен на службу в Канди — провинцию округа Моршедабад. Он покинул свою жену и детей в Бахрампуре, столице округа, и остановился в Канди в доме бабу Сурджи Кумар Басакха (помощника налогового инспектора провинции).

Получив предписание проделать некоторую работу в месте, расположенном примерно в десяти милях от Канди, внутри страны, бабу Джагат Чандр условился соответственно отправиться на следующий день. Ночью он увидел во сне свою жену, терзаемую холерой в Бахрампуре и сильно страдающую. Это привело его в беспокойство. Он рассказал утром свой сон бабу Сурджи Кумару, и они оба решили, что это был бессмысленный сон, и приступили без каких-либо посторонних мыслей к своей работе.

После завтрака бабу Джагат Чандр удалился, чтобы немного отдохнуть перед дорогой. Во сне он увидел то же самое сновидение. Он увидел свою жену, сильно страдающую от ужасной болезни, став свидетелем той же самой сцены, и, вздрогнув, проснулся. Теперь он обеспокоился и, встав, рассказал снова сон № 2 бабу Сурджи, который не знал, что на это сказать. Было решено, что, так как бабу Джагат Чандр должен отправиться в то место, куда он был послан, его друг бабу Сурджи Кумар будет пересылать ему без промедления любое письмо или извещение, которое он получит на свой адрес из Бахрампуре, и предпримет специальные меры для этой цели; бабу Джагат Чандр уехал.

Едва ли минуло несколько часов после его отправления, как прибыл курьер из Бахрампуре с письмом для бабу Джагата. Его друг вспомнил то настроение, в котором он покинул Канди, и, опасаясь дурных новостей, открыл письмо и обнаружил в нем подтверждение повторенного дважды сна. Жена бабу Джагата заболела холерой в Бахрампуре в ту самую ночь, когда ее муж видел ее во сне, и все еще страдала от нее. Получив эти вести, посланные со

специальным курьером, бабу Джагат сразу же вернулся в Бахрампур, где была оказана немедленная помощь, и заболевшая, в конце концов, выздоровела.

Этот рассказ мне довелось услышать в доме бабу Лал Кори Мукерджи, в Бахрампуре, в присутствии самого бабу Джагат Чандра и Сурджи Кумара, которые пришли туда с дружеским визитом, и эта история была, таким образом, подтверждена свидетельством того, кто был здесь и слышал об этом в то время, когда никто из них двоих еще и не помышлял о том, что что-то случилось.

Я убежден, что вышеописанный случай может рассматриваться как прекрасный пример присутствия постоянно бодрствующей астральной души человека, обладающей разумом, не зависящим от разума его собственного физического мозга. Однако я был бы весьма обязан, если бы вы любезно согласились дать объяснение этого феномена. Бабу Лал Кори Мукерджи является подписчиком «Теософиста», и поэтому он, конечно, сможет прочитать его. Если он вспомнит даты или увидит какое-либо обстоятельство, пропущенное или ошибочно привнесенное сюда, автор будет очень обязан ему за предоставление дополнительных деталей и исправление, если это необходимо, каких-либо ошибок, которые я мог допустить, при передаче его рассказа.

Насколько я могу припомнить, это происшествие случилось в 1881 году.

*Навин К. Сарман Банерджи,
член Теософского общества».*

«Сны — это интерлюдии, которые создает фантазия», — говорит нам Драйден; вероятно, показывая, что даже поэт иногда ставит свою музу на службу псевдонаучному предубеждению.

Вышеприведенный пример является лишь одним из целой серии таких явлений, которые могут рассматриваться как исключительные случаи во время сна, среди общей массы снов, являющихся поистине лишь «интерлюдиями, которые создает фантазия». Это политика материалистической, сухой науки — всеми возможными способами игнорировать такие исключения, может быть, на том основании, что исключения подтверждают факты, но мы полагаем, что, скорее для того, чтобы избежать неприятной работы по объяснению подобных исключений. На самом деле, если один единственный пример упорно не поддается определению как «странное совпа-

дение» — что обрадовало бы скептиков, — тогда пророческие, или проверенные, сновидения потребовали бы полной реконструкции физиологии. И, что касается френологии, то признание и принятие наукой пророческих снов (а, следовательно, и утверждений теософии и спиритуализма), что впрочем, маловероятно, «принесло бы с собой новую педагогическую, социальную, политическую и теологическую науку». Следовательно: наука никогда не признает сновидения, спиритуализм или оккультизм.

Человеческая природа — это пропасть, которую физиология и человеческая наука в целом изучила в меньшей степени, чем те, кто никогда не слышал даже самого слова физиология. Никогда еще высшие цензоры Королевского общества не были столь сбиты с толку, чем когда они лицом к лицу столкнулись с этой непостижимой тайной — внутренней природой человека. Ключ к ней — это дуальное человеческое существо. Это тот ключ, который они не решаются использовать, опасаясь, что если когда-либо дверь в святая святых распахнется, они будут вынуждены одну за другой отбросить свои излюбленные и взлелеянные теории и заключения, которые, как это было неоднократно доказано, являются не больше, чем хобби, ложными, как что-либо построенное на основе недостоверных или неполных предпосылок и исходящее из них. Если мы должны удовлетвориться половинчатыми объяснениями физиологии относительно бессмысленных снов, *как, в таком случае, рассматривать* многочисленные реальные сны, подтвержденные фактами? Сказать, что человек является дуальным существом; что в человеке, используя слова св. Павла: «Есть природное тело, и есть духовное тело», и что поэтому он должен, по необходимости, иметь двойную структуру органов чувств, — в глазах образованных скептиков равносильно тому, чтобы высказать непростительное и в высшей степени ненаучное заблуждение. И все же это необходимо сказать — невзирая на науку.

Человек, бесспорно, наделен двойным набором органов чувств: природных, или физических, которые можно благополучно оставить физиологии для ее занятий; и субприродных, или духовных, полностью принадлежащих к области психологической науки. Пусть будет правильно понято, что латинская

приставка «суб» была использована здесь в смысле, диаметрально противоположном тому, в котором она применяется, например, в химии. В нашем случае это не предлог, а префикс, как в словах «субтон» или «суббас» в музыке. Фактически, совокупный звук природы является, как было показано, одним ясным тоном, заданная вибрация которого исходит из вечности и через вечность; он имеет неоспоримое существование *per se* [сам по себе, лат.], но все же обладает высотой, доступной лишь «для исключительно тонкого слуха»,¹ — так же определенная гармония или дисгармония внешней природы человека выглядит для наблюдателя всецело зависящей от характера основной тональности, издаваемой *внутренним* человеком для *внешнего*. Это духовное ЭГО, или ЛИЧНОСТЬ, служит фундаментальной базой, определяющей тональность всей жизни человека — этого наиболее капризного, неопределенного и переменчивого из всех инструментов, который в большей степени, чем любой другой требует постоянной настройки; это один его голос, который подобно суббасу органа лежит в основе мелодии всей его жизни — будь его тона благозвучными или грубыми, гармоничными или беспорядочными, *legato* или *pizzicato*.

Таким образом, мы говорим, что человек в добавление к физическому мозгу имеет также мозг духовный. Если первый, с одной стороны, целиком зависит по своему уровню восприимчивости от своей собственной физической структуры и развития, то с другой стороны, он полностью подчиняется последнему, поскольку тот является единственным духовным эго, и в соответствии с тем, устремлен ли он в направлении двух своих высших принципов,² или же, скорее, в направлении своей физической оболочки, он более или менее живо запечатлевает во внешнем мозгу восприятие вещей чисто духовных и нематериальных. Следовательно, от остроты ментальных ощущений внутреннего эго, от степени духовности его способностей зависит перемещение впечатлений о том,

¹ Этот тон, как утверждают специалисты, является средним *фа* фортепиано.

² Шестой принцип, или духовная душа, и седьмой — чистый духовный принцип, «Дух», или *Парабрахм*, эманация из бессознательного АБСОЛЮТА. (См. «Фрагменты оккультной истины»).

что воспринимает полудуховный мозг, слова, которые слышит, и то, что чувствует спящий физический мозг внешнего человека. Чем выше духовность способностей последнего, тем легче будет для эго пробудить спящие полушария, вызвать активность в сенсорных ганглиях и мозжечке и запечатлеть в первом — находящемся всегда в состоянии полной неактивности и покоя в течение глубокого сна — живые картины того, что таким образом переносится. В чувственном, бездуховном человеке, в том, чей образ жизни и чьи животные привязанности и страсти полностью разрушили связь между его пятым принципом, или животным, астральным эго, и его высшей «духовной душой»; а также в том, чей тяжелый, физический труд столь истощил его материальное тело, что сделал его временно невосприимчивым к голосу и прикосновению астральной души, — в течение сна их мозги остаются в состоянии анемии, или полной пассивности. Такие люди очень редко, если вообще когда-нибудь, видят какие-либо сны, и реже всего — «видения, отражающие действительность». У первого, когда приближается время пробуждения и его сон становится менее глубоким, начинают возникать ментальные изменения, создающие сновидения, в которых разум не играет никакой роли; его наполовину пробужденный мозг производит только картины, являющиеся лишь смутными, гротескными репродукциями его диких жизненных привычек; в то время как у последнего — если только его мозг не занят какой-либо исключительно важной мыслью — вечно присутствующий в нем инстинкт активной жизни не позволит ему остаться в таком полудремотном состоянии, в течение которого происходит возвращение сознания, и мы видим сны разного рода, но когда мы разбудим его, он сразу же и без всякого промедления вернется в состояние полного бодрствования. С другой стороны, чем выше духовность человека, тем сильнее активность его фантазии и больше вероятность того, что он получит в видении правильное впечатление, переданное ему его всевидящим, вечно бдительным эго. Духовные чувства последнего, не имеющие препятствий со стороны физических органов чувств, находятся в непосредственной близости с его высшим духовным принципом; последний, хотя он *per se* есть квази-подсознательная часть совершенно не наделенного соз-

нением, потому что полностью *нематериального*, Абсолюта,¹ — все же содержащего в себе врожденные способности к Всеведению, Вездесущности и Всемогуществу, который, как только чистая сущность приходит в контакт с чистой сублимированной и (для нас) неощутимой материей, — передает ему эти свойства в некоторой степени как чистое астральное эго. Следовательно, духовно высокоразвитые люди будут наблюдать видения и сновидения в течение сна и даже в часы бодрствования: таковы сенситивы, прирожденные ясновидящие, ныне неопределенно именуемые «духовными медиумами», причем не проводится различие между субъективным ясновидящим, *нейрпсихологическим* субъектом, и даже адептом — тем, кто сделал себя независимым от своих физиологических идиосинкразий и полностью подчинил внешнего человека *внутреннему*. Те люди, которые менее развиты духовно, будут видеть такие сны лишь изредка, и точность последних зависит от интенсивности их ощущений, относящихся к воспринимаемому объекту.

Если бы расследовать случай с бабу Джагат Чандром более пристально, мы бы наверняка выяснили, что так или иначе, либо он, либо его жена, были сильно привязаны друг к

¹ Любое исключение в этой области будет приниматься теистами и вызовет различные возражения у спиритуалистов. Очевидно, что мы не можем дать в узких рамках короткой статьи полное объяснение этого в высшей степени непонятого и эзотерического учения. Сказать, что АБСОЛЮТНОЕ СОЗНАНИЕ является *бессознательным* в отношении собственного осознания, и, следовательно, для ограниченного интеллекта человека должно быть «АБСОЛЮТНОЙ БЕССОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ», — это все равно, что говорить о квадратном треугольнике. Мы надеемся развить это утверждение более полно во «Фрагментах оккультной истины». Тогда мы, вероятно, докажем, для того, чтобы удовлетворить непредубежденных читателей, что *Абсолют*, или *Необусловленное*, и (особенно) *несказанное* — это просто прихотливая абстракция, выдумка, если только мы не посмотрим на нее с точки зрения и в свете более светящего пантеиста. Чтобы сделать это, мы должны будем рассматривать «Абсолют» просто как скопление всех разумов, совокупность всех существ, неспособный проявить себя кроме как через взаимодействие своих частей, так как *Он* абсолютно непознаваемый и несуществующий вне своих феноменов, и полностью зависит от своих постоянно коррелирующих Сил, которые, в свою очередь, зависят от ЕДИНОГО ВЕЛИКОГО ЗАКОНА.

другу; или, что вопрос о жизни и смерти имел величайшую важность для одного из них, или для обоих. Древняя пословица гласит: «Душа душе весть подает». Отсюда — предчувствия, сны и видения. Во всех событиях этого рода, по крайней мере, в таких снах действовали вовсе не «бестелесные» духи, причем предупреждение имело отношение либо к одному, либо к другому, либо к обоим из двух живущих и воплощенных эго.

Таким образом, в этом вопросе о подтвердившихся снах, как и в столь многих других, наука стоит перед нерешенной проблемой, непонятная природа которой была создана ее собственным материалистическим упрямством и ее излюбленной рутинной политикой. Ибо, хотя очевидно, что человек — это дуальное существо, с заключенным в него внутреннем эго,¹ причем это эго — «истинный» человек, отличный и независимый от внешнего человека в той степени, в какой в нем преобладает или недостает его материальное тело; эго, сфера чувствительности которого простирается далеко за пределы, дозволенные для физических чувств человека; эго, которое переживает разрушение своих внешних покровов, по крайней мере, на время, даже когда дурной образ жизни не дает ему возможности достигнуть совершенного единства со своим духовным высшим Я, то есть, сочетать свою *индивидуальность* с ней (*личность* постепенно угасает в каждом случае); и, наконец, есть свидетельства миллионов людей, охватывающие несколько тысячелетий; доказательства предоставлялись и в нашем столетии сотнями наиболее образованных людей — часто величайшими светилами науки, — но мы видим, что все это ни к чему не приводит. За исключением маленькой кучки научных авторитетов, окруженной нетерпеливой толпой скептиков и псевдоученых, которые никогда ничего не видели, и поэтому требуют себе право отрицать все — мир обречен, как гигантский сумасшедший дом! В нем, однако, существует

¹ С одним ли единственным эго, или душой, как утверждают спиритуалисты, или с несколькими — то есть, состоящими из семи принципов, как учит восточный эзотеризм, — это в данном случае не является вопросом для обсуждения. Сначала мы докажем, используя наш общий опыт, что в человеке существует нечто, выходящее за пределы бюхнеровской силы и материи.

особое отделение. Оно предназначено для тех, кто, доказав нормальность своего разума, должен с необходимостью рассматриваться как ОБМАНЩИК и ЛЖЕЦ...

Изучен ли феномен сновидений наукой столь досконально, что больше нечего узнать о нем, отчего она и говорит столь авторитетным тоном об этом вопросе? Вовсе нет. Явления ощущения и воли, интеллекта и инстинкта, безусловно, проявляют себя посредством каналов нервных центров, важнейшим из которых является мозг. Особая субстанция, посредством которой происходят такие действия, имеет две формы — везикулярную и фиброзную, причем последняя из них, так сказать, является просто проводником впечатлений, передающихся к везикулярному веществу и от него. Все же, хотя эта физиологическая структура различается, или подразделяется наукой на три разновидности — моторную, сенсорную и связующую, — таинственная деятельность интеллекта остается столь же непостижимой и приводит в затруднение великих физиологов, как и во времена Гиппократа. Научное предположение о том, что может существовать четвертая структура, связанная с мыслительной деятельностью, не помогло в решении проблемы; оно не смогло пролить даже малейший луч света на эту непостижимую тайну. Наши ученые никогда не поймут ее, пока они не примут гипотезы ДУАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

ФРАГМЕНТЫ ОККУЛЬТНОЙ ИСТИНЫ

I

Мы получили от одного собрата-теософа весьма интересное сдержанное замечание о некоторых возможных ошибках оккультистов, имеющих дело с феноменом спиритуализма. Эта тема пользуется всеобщим интересом, а потому мы можем без каких-либо специальных объяснений опубликовать здесь фрагменты уроков, преподанных нам на эту тему в оккультных школах, которые, вероятно, смогут одновременно помочь устранить некоторые затруднения и сообщить спиритуалистам в целом более ясное представление о причинах многих феноменов, ими переживаемых.

«Теософов, отрицающих вполне законное участие бесплотных духов в чудесных феноменах», на самом деле весьма немного, ибо подавляющее большинство теософов весьма слабо интересуются спиритуализмом или же не знают о нем вовсе. В сущности, наших членов можно разделить на пять основных классов, и описать следующим образом.

(1). Люди, глубоко увлеченные восстановлением первоначальной чистоты своих религиозных философий — убежденные буддисты здесь численно превышают остальных. Они либо вообще не знают о спиритуализме, либо он их не заботит.

(2). Люди, изучающие различные философии, ищущие истину повсюду, где она может находиться. Они ни верят, ни не верят в духов. Они открыты для убеждения, но ничего не принимают из вторых рук.

(3). Материалисты, свободомыслящие, агностики, которых столь же мало заботит оккультизм, как и спиритуализм. Единственное, что их интересует — как освободить массы от

оков невежества и суеверия и дать им образование. Многие, нет, большинство из них — это филантропы, считающие более целесообразным тратить свои силы на помощь живым людям, чем проводить время в беседах с умершими.

(4). Спиритуалисты и спиритисты, которых, разумеется, нельзя обвинить в подобной «ереси». И, наконец —

(5). Оккультисты, не составляющие и половины процента среди членов Теософского общества.

Эти последние только и являются «теософами», действительно открытыми для вышеприведенного обвинения; но даже они, если взглянуть поверх словесного покрова, в большей или меньшей степени скрывающего идеи спиритуалистов и оккультистов, будут меньше отличаться по этим пунктам от воззрений философских спиритуалистов, чем это кажется на первый взгляд. Ибо, как в столь многих случаях, это в значительной мере обусловлено тем, что две разные партии используют различные обозначения для одних и тех же понятий, а вовсе не непримиримыми расхождениями между ними. Бэкон говорит: «Слова сильнее всего затуманивают и усложняют мудрость мудрейшего, подобно луку татарина, стреляющему назад, в умы тех, кто следует за ним»; и потому конфликт мнений между спиритуалистами и оккультистами связан единственно с тем фактом, что первые, переоценивая качество и характер общающихся с ними существ, величают именем «духи» некие останки умерших человеческих существ, тогда как оккультисты оставляют имя «Дух» для высшего принципа человеческой природы и рассматривают эти останки как простые эйдолоны или астральные подобию подлинного Духа.

Для того чтобы лучше понять точку зрения оккультистов, необходимо сказать несколько слов об устройстве живого человеческого существа. Даже спиритуалистическая теория учит, что человек — тройственен, и состоит из: (1) высшего духа или, как его называли древние философы, «духовной души»; (2) его оболочки — эфирной формы или тени человеческого тела, которую неоплатоники называли «животной душой»; и (3) физического тела.

Хотя с одной точки зрения такое деление в целом, верно, все же, согласно оккультистам, для того, чтобы яснее изло-

жить наши представления об этой истине и успешнее следовать по пути, открывающемуся перед человеком в посмертии, необходимо дополнительно подразделить три эти сущности и разложить их на составляющие принципы. Такой анализ практически неизвестен западным народам, а потому в некоторых случаях чрезвычайно трудно подобрать английские слова для обозначения оккультных подразделений, однако мы приводим их здесь, используя более простую терминологию, чем имеется в нашем распоряжении.

РАЗДЕЛЫ, ВЫДЕЛЯЕМЫЕ СПИРИТУАЛИСТАМИ

1. Тело.

2. Животная душа, или *периспирит*.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОККУЛЬТИСТОВ

1. Физическое тело — состоит целиком из материи в ее самой грубой и наиболее осязаемой форме.

2. Жизненный Принцип (или дживатма) — неразрушимая форма силы. Когда прерывается ее связь с одной системой атомов, она немедленно притягивается другими.

3. Астральное тело (лингa шарира) — состоит из материи в тонкоэфирном состоянии. В своем обычном пассивном состоянии оно совершенным образом, но весьма туманно дублирует тело; его деятельность, консолидация и форма всецело зависят от камарупы.

4. Астральная форма (камарупа) или тело желания — принцип, определяющий конфигурацию —

5. Животного или психического разума, сознания или эго, аналогичного, хотя и пропорционально более высокого, чем рассудок, инстинкт, память, воображение и т. д., существующие¹ у высших животных.

¹ Западная наука, по этому поводу, как правило, утверждает, что животные не имеют сознательного эго, но мы знаем, что это не так; не

3. Духовная душа, или дух.

6. Высший или духовный разум или сознание, или духовное эго, в котором, главным образом, и находится состояние сознания *совершенного* человека, хотя низшее, более слабое животное сознание пребывает в № 5.

7. Дух — эманация Абсолюта, несотворенная и вечная; это скорее некое состояние, чем сущность.

Изменение, которое мы называем смертью, непосредственно влияет лишь на первые три составляющие; тело распадается, чтобы перейти в новые комбинации, а жизненная сила рассеивается, чтобы помочь вдохнуть жизнь в новые организмы, тогда как астральная человеческая форма (линга шарира) умирает вместе с телом.

Остаются четыре принципа. Как правило (мы не рассматриваем случай высших адептов), в соответствии с всеобщим законом сродства осуществляется один из двух возможных вариантов. Если духовное эго в течение жизни было по своим наклонностям материальным, получая наибольшее удовольствие и сосредотачивая все свои устремления на материальных

имея духовного, они обладают животным сознанием. Если бы люди могли вступить с ними в общение, то обнаружили бы не только этот факт, но и то, что многие человекообразные обезьяны обладают разумом, сознанием и т. д., не в меньшей степени, чем безумные, сумасшедшие, а также некоторые особо злонамеренные и развращенные люди, ставшие, фактически, животными из-за временной или постоянной потери своего шестого и седьмого принципов, даже если комбинация пяти остальных принципов все еще остается незатронутой, хотя бы и в течение этой жизни. Что это? Некая смутная традиция, представляющая истину, переданную посредством римско-католической церкви, которая всегда обладала неким тайным знанием учений античных мистерий? Или же совершенные душами великих поэтов проникновения в Астральный Свет, позволившие Данте изобразить души некоторых своих врагов уже пребывающими в «Аду», хотя сами эти люди еще жили тогда на земле? Конечно, этот фрагмент истины был совершенно разрушен пагубным влиянием преобладающего тогда суеверного представления о материальном аде, но вполне возможно, как все еще полагает современный Запад, что души некоторых таких зловредных людей могут уже отойти, (хотя и не в мифический Ад), тогда как сами люди все еще продолжают жить.

объектах и удовлетворении мирских желаний, тогда в момент смерти оно продолжает слепо прилепляться к низшим элементам своей бывшей комбинации, а истинный дух отделяется от них и отовсюду исчезает. Мы не можем в настоящей статье рассмотреть этот вопрос подробнее, поскольку остающиеся принципы, в которых сохраняется личное или животное сознание, навсегда отделяются от него (эго), и для того, чтобы детальнее рассмотреть его судьбу потребовалось бы полное изложение всей философии оккультизма; здесь же достаточно сказать, что оно исчезает — не унося с собой никакого фрагмента индивидуального сознания человека, с которым оно было временно связано, — чтобы исполнить свою миссию, все еще ведомое и направляемое неодолимым космическим импульсом, впервые испустившим его сквозь покров первичной космической материи.

Но если, с другой стороны, тенденции эго были направлены к духовным материям, если его устремления обращались к небу — мы используем здесь этот общепринятый термин, — если оно обладало, будучи взвешенным как бы на весах, бóльшим тяготением к духовным, чем к материальным составляющим той комбинации, в которой она недавно принимала участие, и все это сопровождалось соответствующими желаниями, тогда оно прилепится к духу и вместе с ним проникнет в соседний так называемый мир следствий (в действительности это некое состояние, а вовсе не место), и там, очищенное от большей части все еще сохраняющегося материального налета, «испустит» из себя при помощи духа новое эго, чтобы вновь родиться после краткого периода свободы и наслаждения в следующем высшем мире причин, объективном мире, похожем на наш земной мир, но расположенном выше по духовной шкале, где материя и материальные тенденции и желания играют намного более слабую роль, чем здесь, на земле.

В любом случае, все это не имеет отношения к суду, спасению и проклятию, небесам и аду, но всецело связано с действием универсального закона сродства или притяжения, заставляющего эго в одном случае прилепляться к более материальным, а в другом — к более духовным компонентам бывшего агрегата, ныне разделенного в результате смерти. Однако ни во время созревания в субъективном мире следствий, ни в те-

чение временного периода наслаждения плодами добрых поступков, т. е. его земной кармы, в состоянии своего новорожденного эго, ни после того, как оно вступает в высший объективный мир причин, — эго не может вновь попасть в наш земной мир. В течение первого периода оно, так сказать, дремлет, и так же не может выйти из состояния, в котором пребывает и претерпевает развитие, как и ребенок, который не может появиться из материнского чрева, прежде чем завершится период беременности. Во время второго периода, сколь бы эфирным и очищенным от грубой материи ни было возрожденное эго, оно все еще находится под властью физического и универсального закона материи. Оно не может преодолеть той пропасти, которая отделяет его состояние от нашего. Люди могут духовно навестить его, однако само оно не может низойти в нашу грубую атмосферу и достигнуть нас. Оно притягивает, но не может быть притянуто; его духовная полярность является непреодолимым препятствием. Переродившись в высшем мире, где не существует никакой физической возможности общения между этим миром и нашим миром ни для кого, кроме самых высших адептов, это новое эго становится новой личностью; оно утратило свое прежнее сознание, связанное с земными переживаниями, и приобрело новое сознание, которое, по прошествии некоего времени, проникнется его переживаниями в этой высшей сфере. И, несомненно, настанет такое время, когда, пройдя еще много ступеней вверх по лестнице, эго снова получит сознание всех своих прошлых уровней существования; но в следующем за нашим миром высшем мире причин, или деятельности (по отношению к нашему миру), новое эго имеет не больше воспоминаний о своем земном пути, чем помним здесь мы о своей прошлой жизни.

Таким образом, оккультисты утверждают, что никакие «духи» умерших не могут появляться в комнатах для сеансов или принимать участие в происходящих там явлениях. Тому же, что может в них появляться и участвовать в этих феноменах, оккультисты отказываются давать название «духи».

Однако можно задать справедливый вопрос: что же там все-таки может появляться?

Отвечаем: просто животные души или периспиты умерших. Из всего вышесказанного может показаться, что, соглас-

но нашему объяснению, если это верно в случае духовно обращенных людей, то в случае материально-настроенных мы будем иметь и эти животные души, и духовное эго, или сознание. Однако это не так. Непосредственно после отделения духа в момент смерти или, на что мы уже намекали, в некоторых случаях — до смерти, духовное эго рассеивается и перестает существовать. Это является результатом воздействия духа на материю и может быть для большей ясности описано как некая комбинация духа и материи, подобно тому, как пламя есть результат сочетания кислорода с окисляемым веществом и легко может быть описано как комбинация двух этих элементов. Уберите кислород — и пламя исчезнет; уберите дух — и исчезнет духовное эго. В духе не может существовать чувство индивидуальности, если он не связан с материей. Поэтому чистые планетарные духи, когда они впервые начали двигаться в цикле необходимости, не имели индивидуального сознания, но обладали лишь абсолютным сознанием, в котором они соучаствовали вместе со всеми фрагментами духа, до тех пор совершенно не связанного с материей. По мере того как они, вступив в процесс порождения, опускаются вниз по лестнице и постепенно все глубже и глубже погружаются в материю, обособляясь от универсального духа, возрастает чувство индивидуальности, ощущение духовного эго. Каким же образом в конце концов, шаг за шагом вновь взойдя по этому циклу, они снова обретают, соединившись с универсальным, абсолютное сознание, а одновременно и все индивидуальные сознания, развитые ими на каждом этапе своего нисходящего и восходящего пути, — это одна из величайших тайн.

Но вернемся к состоянию духовного эго, развиваемому на этой земле; если оно слишком загрязнено материальным, чтобы следовать за духом на пути его восхождения, оно как бы отрывается от него. Оставаясь в земной атмосфере без поддерживающего духа, давшего ему существование, оно должно исчезнуть подобно тому, как исчезает пламя, когда израсходован весь кислород. Все материальные элементы, придававшие ему в сочетании с духом согласованность и связность, уносятся под действием закона сродства, чтобы присоединиться к трем другим принципам, которые составля-

ют перисприт, или естественную душу, а духовное эго перестает существовать.

Таким образом, как и во всех остальных случаях, все, что может появиться — это лишь оболочки умерших, два принципа, называемые нами животными или выжившими астральными душами или животным эго.

Следует, однако, заметить по этому поводу следующее. Подобно тому, как, по словам Саади, глина кувшина, которому выпала честь принимать в себе розу, долго сохраняет ее аромат, так и эфиризированная материя, находившаяся в комбинации с духом, долго сохраняет силу сопротивляться распаду. Чем чище духовное эго, тем меньше материи, формировавшей его в сочетании с духом, он оставляет, прилипая к двум принципам; чем грязнее духовное эго, тем большая остается масса такой оживленной духом материи, чтобы придать силу останкам.

Таким образом, отсюда следует, что в случае чистого и доброго эго оболочки быстро распадаются, а животная душа, всегда находившаяся в зависимости, слаба и безвольна; и очень редко, если вообще когда-либо случается, что она произвольно появляется или проявляет себя, ибо их жизненная сила, желания и устремления практически целиком существовали в том, что уже умерло. Несомненно, существует сила, которая может вызвать появление даже таких оболочек, сила, которой обучает зловредная наука некромантия, совершенно справедливо отвергаемая всеми добропорядочными людьми прошлого. Но почему же она зловредна, можно спросить? Потому что до тех пор, пока не рассеются такие оболочки, существует определенное соответствие между ними и умершим духовным эго, взращиваемым в бездонном чреве соседнего мира следствий; беспокоить такие оболочки при помощи некромантии — это значит в то же самое время беспокоить эмбриональное духовное эго.

Мы говорили, что эти оболочки в подобных случаях быстро распадаются, причем скорость распада прямо пропорциональна чистоте умершего духовного эго; и мы можем добавить, что скорость созревания нового эго пропорционально чистоте старого эго, из которого оно развивается. К счастью, некромантия неизвестна современным спиритуалистам, по-

этому очень маловероятно, что останки доброго и чистого могут появиться в комнатах для сеансов. Несомненно, подобия некоторых духовных эго, уделом которых было постоянное колебание вокруг точки равновесия, чьи наклонности в сторону земного и небесного, используя популярную фразеологию, были практически одинаковыми, которые оставили позади слишком много материи, участвовавшей в их формировании, и которые долгое время будут находиться в эмбриональном состоянии, прежде чем смогут развиваться в новое эго, — несомненно, скажем мы, такие подобия могут выжить в течение долгого времени и изредка появляться при исключительных обстоятельствах в комнатах для сеансов, с весьма тусклым и смутным осознанием своих прошлых жизней. Но даже это, в связи с необходимыми для такого появления условиями, случается крайне редко; они никогда не будут активными или мыслящими, поскольку более сильные части их воли, высшие части их разума, удалились в какое-то другое место.

Природа не проводит никаких твердых линий, хотя в балансе сил весьма незначительные различия в противоборствующих энергиях могут вызвать очень далеко отстоящие друг от друга следствия. Все сущности, двигаясь от одного конца цепи к другому, незаметно переходят с одной неразличимой ступени на следующую, и человек не может точно установить тот уровень чистоты умершего, на котором становится невозможным произвольное появление его останков под воздействием медиума; но абсолютно верно, что, вообще говоря, лишь останки людей, настроенных не духовно, духовное эго которых погибает, появляются в комнатах для сеансов и возвеличиваются спиритуалистами под названием «духи умерших».

Такие оболочки, такие животные души, в которых все еще сохраняется большая часть разума, силы воли и знания, которыми они обладали, когда воплощались в человеческой комбинации, к тому же усиленные посредством повторной ассимиляции одухотворенной материи, некогда сочетавшейся с духом при образовании их духовного эго, часто обладают некой силой и являются исключительно разумными в течение продолжительного периода времени, причем сильное влечение к земной жизни позволяет им извлекать из распадающих-

ся подобий обильный и непрочный материал для продолжения своего существования.

Оккультисты называют такие эйдолоны элементариями; именно они при помощи привлекаемых ими полумрачных сил природы совершают большинство чудес в комнатах для сеансов. Итак, именно в отношении таких эйдолонов, утративших свое бессмертие, чья божественная сущность исчезла навсегда, спиритуалисты настойчиво употребляют наименование «духи умерших»; это вовсе не духи, они тленны и смертны, это то, что остается от умерших, когда отлетают их души, однако понимать все это и, тем не менее, предпочитать именно такое их название, которое прямо противоположно их природе, — это, прежде всего, просто грубая терминологическая ошибка.

Но пусть здесь даже и нет ошибки в отношении того, чем они являются; сотни и тысячи умерших и распавшихся мужчин и женщин по всей земле свидетельствуют о деградации, к которой слишком часто приводит их подчинение влиянию в среде медиумов, и мы, знающие истину, не выполним свой долг, если самым решительным образом не предупредим всех спиритуалистов о недопустимости неправильного употребления терминов, вводящих их в заблуждение относительно подлинной природы и характера бесплотных сущностей, с которыми они постоянно столь тесно имеют дело.

Теперь, возможно, спиритуалисты согласятся, что наши взгляды вполне объясняют огромное количество всевозможной ерунды, пустой нелепицы и лжи, сообщаемое через медиумов, а равным образом и то, как многие из них, будучи сначала вполне добрыми и искренними людьми, постепенно превращаются в безнравственных обманщиков. Но здесь могут возникнуть многие возражения. Один человек скажет: «Я постоянно общался со своим покойным отцом; никогда не существовало другого столь добросердечного и духовно мыслящего человека, как он; и однажды он сообщил мне один факт, неизвестный мне ранее, как, я думаю, и никому другому из живых людей, в истинности которого я впоследствии удостоверился».

Нет ничего более простого — образ отца находился в уме его сына. Таким образом, при установлении связи во время

сеанса бесплотный элементарий, если он принадлежит к одному из более-менее разумных классов, мельком улавливает вещи в астральном свете и может то там, то тут смутно различить картины, на которых отражено каждое деяние, слово и мысль, — картины, которые все мы непрестанно и бессознательно создаем, картины, которые сохраняются еще долгое время после исчезновения своих создателей. Этот элементарий, говорим мы, который, рассматривая их, легко собирает достаточное количество фактов для своей цели и по своей воле материализуется — частично из материи, почерпнутой из тела медиума, частично из инертного космического вещества, доставленного ему при помощи элементаров, или полуслепых сил природы, которые он, а быть может и медиум, привлек, — создает двойника умершего отца и сообщает о вещах, известных лишь этому умершему отцу. Конечно, если сообщаемое было известно кому-либо из присутствующих, элементарий и медиум в состоянии транса также могут узнать это, но мы нарочно предложили здесь один из тех редких случаев, которые считаются сильнейшими доказательствами, так сказать, «идентичности» этих «духов». Само собой разумеется, также, что все, что однажды прошло перед разумом сына — интонация голоса, особенности поведения, недостатки характера и, быть может, в тот момент было забыто, в действительности неизгладимо записано в его памяти. Это прекрасно доказывает тот факт, что они немедленно вспоминаются, когда их воспроизводит элементарий, извлекая их из таких скрытых записей.

При этом следует напомнить, что такие сильные и совершенные случаи крайне редки, и что элементарии, если они принимают вид каких-либо известных людей, обычно делают грубые ошибки и практически всегда тем или иным образом выдают свой обман, — Шекспир и Мильтон, несущие всякую чушь, Ньютон, совершенно невежественный в своих собственных “Principia”, Платон, который учит бледной неоплатонической или сентиментальной христианской философии, и тому подобное. В то же самое время несомненно, что в редких случаях призрачные остатки очень умных, очень злонамеренных и решительных людей образуют высокоинтеллектуальные бесплотные сущности, которые продолжают

существовать еще долгое время, и чем более порочны и материальны они во всех своих устремлениях, тем дольше избегают они разрушения.

Православная церковь ближе к истине, называя «демонами» те сущности, с которыми главным образом и имеют дело в комнатах для сеансов, чем спиритуалисты, именующие их «духами». Мы вовсе не имеем в виду, что все они активно злонамеренны, однако магнетически они тяготеют к злу; они склоняют и ведут тех, с кем часто общаются, к тем же самым дурным материальным страстям, которые были причиной их собственной гибели.

Естественно, спиритуалисты будут возражать, что это не может быть правдой, поскольку кроме массы всего того глупого, нечленораздельного или ложного, что часто слышится в комнатах для сеансов, нередко через медиумов высказываются в высшей степени чистые и действительно возвышенные идеи и наставления.

При этом, однако, надо не упускать из виду следующие моменты. Во-первых, элементарии никоим образом не являются активно и во всех отношениях обращенными к злу, хотя они и непригодны для дальнейшего развития и, таким образом, в большинстве случаев обречены, в соответствии с вечным законом выживания наиболее приспособленных, на то, чтобы после разрушения и утраты индивидуального сознания снова трудиться в низших мирах в новых комбинациях. Если взвесить их на «весах», окажется, что их природа намного ближе к материи, чем к духу, а потому они неспособны к дальнейшему прогрессу; однако когда они имеют дело со спиритическим кругом, состоящим из чистых людей, и говорят через еще более чистого медиума, — а ведь поистине лишь немногие из медиумов сохраняют это качество в процессе своей деятельности, — проявляется лучшая и наименее испорченная сторона их природы, и элементарии вполне могут иметь совершенное интеллектуальное знание, высоко ценить добродетель и чистоту и обладать весьма просвещенными представлениями об истине, внутренне оставаясь порочными в своих тенденциях. Мы встречали множество людей, которые сентиментально любили добродетель, и все же их жизнь проходила в непрерывном потакании своим страстям и желаниям,

и какими были эти люди, таковы же будут и элементарии, их останки. Мы иногда весьма резко отзываемся о распространенном современном христианстве именно потому, что знаем, что, при всех остальных своих облагораживающих и спасительных тенденциях, в этом исключительно важном вопросе оно приводит к разрушению мириады душ. Ибо приводит людей к вере, что деяния человека значат совсем немного, если только он верит, что грехи прощаются ему и, положившись на заслуги Иисуса Христа, он может избегнуть Божьего возмездия. Однако не существует ни антропоморфного Господа, ни возмездия, ни прощения; есть просто действие закона природы, установленного Абсолютом во вселенной, это просто вопрос соотношения свойств или влечений; и те, чьи поступки и общие наклонности являются земными и материальными, опускаются вниз по шкале и лишь редко, крайне редко снова поднимаются вверх в своих собственных индивидуальностях, тогда как те, кто обладают духовными устремлениями, восходят ввысь.

Однако мы не можем подробнее рассмотреть здесь те важнейшие вопросы, о которых мы вкратце упомянули, а потому возвратимся к теме высоких, или относительно высоких учений, передаваемых через медиумов.

Никоим образом не следует впадать в заблуждение, что все, слышимое нами от последних, исходит от элементариев. Прежде всего, великое множество знаменитых медиумов являются искусными обманщиками. Существует целый ряд известных трансовых медиумов, главным образом женщин, которые постоянно разрабатывают и репетируют свои так называемые трансовые речи; это и на самом деле искусные люди, пишущие хорошие книги, создающие вполне приличные, а порой и замечательные эссе. Здесь не происходит никакого духовного влияния; единственное очевидно аномальное явление в таких случаях — это то, что лица, обладающие такими прекрасными способностями, хотят таким образом их протипуировать, и что люди, которые могут столь хорошо и трогательно говорить об истине и чистоте, ведут в то же самое время столь лживую и аморальную жизнь. Девиз "*Vide meliora proboque, deteriora sequor*" [«Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему», Овидий, *лат.*] всегда находил отклик в слыш-

ком многих человеческих сердцах и во все века звучал похоронным звоном полного уничтожения столь многих индивидуальностей.

Во-вторых, в случае чистых и подлинных медиумов, которые находятся в состоянии транса под влиянием своего собственного седьмого принципа, *аугозйда* греков, все наставления исходят из души самого медиума, и лишь очень редко можно получить таким образом что-либо более возвышенное, чем то, что может произвести в состоянии духовного возбуждения собственный разум медиума.

Можно сказать, что во многих подобных случаях медиум сам говорит, что его (или ее) учит судья Эдмондс или покойный епископ такой-то, однако это происходит просто из-за вмешательства вредных элементариев, которые постоянно клубятся вокруг любого медиума и, даже если он и слишком чист, чтобы позволить им овладеть собой, все же запутывают и обманывают его, вечно стремясь всюду сунуть свой «нос». Лишь адепт может ясно, сознательно и всецело поставить духовное эго под власть духа. Медиумы, которые неосознанно достигают состояния транса, не имеют ни малейшего представления об источнике собственных ощущений. На них может оказать влияние любой элементарий и, используя любую слабую точку в их характере, заставит поверить, что эти ощущения исходят от него. То же самое, хотя и в меньшей степени, имеет место в случае с теми редкими и возвышенными, по причине своей особой чистоты, медиумами, чьи эго и дух могут воспарить вверх, в астральный свет, в то время когда их остальные составные части находятся в состоянии транса, и прочесть там все самые высокие мысли, которые только могут появиться в уме человека. Действительно, эго высочайших, лучших медиумов могут воспроизвести в этом материальном мире лишь фрагментарным и искаженным образом то, чтобы было прочитано ими в астральном свете; и все же даже такое воспроизведение иногда намного превосходит по своему характеру способности как самого медиума, так и всех присутствующих на сеансе. Каким образом происходит, что медиум часто начинает приписывать духам такие мысли, выловленные из астрального света подобно жемчужинам, мы уже объяснили.

Но еще более распространенным источником инспирации медиумов является разум одного или нескольких из присутствующих. Пребывая в трансе, духовная душа — шестой и седьмой принципы — может читать все то, что записано в уме и в памяти тех, к кому она каким-либо образом тяготеет, и высказывания медиума будут в таких случаях в высшей степени соответствовать мыслям тех людей, с кем он находится таким образом *en rapport* [в контакте, *франц.*]. Если это чистые, высокоразвитые люди, полученные таким путем наставления будут равным образом чистыми и интеллектуальными. Однако, опять-таки, бессознательный медиум, как правило, не знает, откуда исходит все, что им воспринято. Своей духовной душой он, несомненно, понимает это, но в комбинации с остальными принципами — комбинации, необходимой для того, чтобы записывать такие впечатления или говорить о них — он находится в полной темноте, и первый попавшийся элементарий, обладающий достаточной силой, может внушить ему любое представление о том, что он хочет сообщить.

Действительно, медиумизм — это опасная, а зачастую и фатальная способность; и если мы выступаем против спиритуализма с такой настойчивостью и с таким постоянством, то вовсе не потому, что мы отрицаем реальность таких феноменов, которые, как нам известно, могут происходить, и происходят в реальности, несмотря на множество мошеннических подражаний, и которые наши адепты могут воспроизводить по своей воле и без какой-либо для себя опасности, но из-за того неискоренимого духовного вреда (не говоря уже о простых физических страданиях), который наносит девяти десятым практикующим медиумам их приверженность к спиритуализму. Мы знали десятки, нет, сотни необыкновенно добрых, чистых, искренних мужчин и женщин, которые, по всей вероятности, во всем, кроме культивирования этой дьявольской способности получать впечатления от элементариев, вели достойную и возвышенную жизнь; однако под постепенным вредоносным влиянием этих низших, связанных с землей сущностей, опускались все ниже и ниже, заканчивая, зачастую преждевременно, свои жизни, которые могли привести лишь к духовной гибели.

Все это вовсе не спекуляция — мы говорим о том, что знаем, — даже если один из пяти медиумов, постоянно использую-

щих эту способность, и избегает этой судьбы, уготованной столь многим, эти исключения вовсе не могут оправдать спиритуалистов, поддерживающих и подстрекающих толпу профессиональных медиумов, которые рискуют потерять свое бессмертие ради низших материальных влияний. Одно дело — это практика медиумических способностей с благими целями, изредка осуществляемая добродетельными медиумами, которые постоянно заботятся об укреплении своей нравственной и духовной природы, ведут чистую жизнь и имеют самые высокие устремления; совсем другое дело — обычная практика, совершаемая беззаботно и бесчестно, ради выгоды. Нельзя переусердствовать в осуждении этой последней практики, и это в высших интересах как самих медиумов, так и пользующихся их услугами.

«Дурные связи портят хорошие манеры» — это вечная истина, хотя, быть может, несколько затасканная и банальная, и никакие дурные связи не является столь вредоносными, как эти тонкие влияния, исходящие от низких, бестиальных элементариев, клубящихся в комнатах для сеансов у безнравственных или в какой-то мере деморализованных медиумов, слишком слабых и подавленных, чтобы мочь что-либо увидеть или услышать, но достаточно сильных в своих исключительно материальных наклонностях, чтобы ввести нравственный яд в ментальную атмосферу всех присутствующих.

В том, что люди, заблудившиеся в обветшавших руинах пришедших в упадок религий, будут иступленно хвататься за каждую нить, в которой увидят проблеск надежды проникнуть в закрытый облаками лабиринт тайны вселенной, нет ничего удивительного и достойного осуждения; но вовсе не через медиумов — добычу любого свободного призрака и элемента — может быть достигнута эта великая истина, но тем суровым и строгим путем учения, самодисциплины и самоочищения, которому учат в храме оккультизма, самым прямым путем к которому в настоящее время является теософия.

II

Из чего состоит подлинное знание? Этот вопрос лежит на пороге оккультного обучения. В реальной практике, он пер-

вым ставится перед обычным изучающим оккультизм человеком, который попадает к учителям оккультного мира. Его учат (или ему показывают), что существует два вида знания, реальное и нереальное; реальное связано с вечными истинами и первичными причинами, нереальное — с иллюзорными следствиями. До тех пор, пока кажется, что это утверждение связано лишь с некими туманными абстракциями, едва ли кто-нибудь будет его отрицать. Любая школа мыслителей легко признает его, оставляя за собой предположение о том, что иллюзорными следствиями являются те соображения, которые пленяют ее соперников, а вечные истины — это ее собственные умозаключения. Но с достаточной ясностью понять, какие из ментальных построений следует классифицировать как иллюзорные следствия, мы сможем не раньше, чем обнаружим, что эта первая предпосылка оккультной философии находится в полном противоречии со всей совокупностью повседневной мировой практики в том, что касается всех разновидностей научного исследования. Вся физическая наука и львиная доля того, что западный мир предпочитает называть метафизической спекуляцией, покоится на грубой и поверхностной вере в то, что единственный путь, по которому идеи могут проникнуть в разум — это каналы органов чувств. Физик все свои усилия тратит на тщательное исключение из массы материалов, на которых он строит свои выводы, всего, что не попадает в разряд того, что он считает реальными фактами. А реальными фактами он считает все то, что явным образом воздействует на органы чувств, — то есть то, что мудрая философия восточного оккультизма особо и с самого начала осуждает как иллюзорный, по самой своей природе, результат, временное, вторичное следствие реального факта, стоящего за ним. Поступая таким образом, не совершает ли оккультная философия некоего произвольного выбора между соперничающими методами, подобно тому, как химик может выбрать тот или иной из двух разных методов анализа? Вовсе нет. Подлинная философия не может делать никакого выбора произвольно; существует лишь одна вечная истина и в ее поисках мысль вынуждена идти одним-единственным путем. Знание, которое обращается к органам чувств, не может иметь дело ни с чем иным, кроме иллюзорных следствий, ибо все формы

этого мира и его материальные комбинации суть лишь отдельные картинки в великой, постоянно изменяющейся панораме эволюции; ни в одной из них нет ничего от вечности. Делая простой вывод из физических фактов, наука, исходя из своих собственных методов, поймет, что было некое время, предшествовавшее тому моменту, когда какие-то зародыши жизни, какими бы они ни были, приняли формы, в которых они проявляются сегодня. Разумеется, наступит такое время, когда все эти формы исчезнут в процессе космического изменения. Что предшествовало им, вызвав их эволюцию из огненной туманности, какие следы оставят они за собой? Из ничего они появились, в ничто и возвратятся — так звучит дважды иррациональный ответ, который является единственным логическим выводом из физической философии, делающей из них реальные факты, единственную основу реального знания.

Следует помнить, конечно, что нереальное знание, происходящее из наблюдения иллюзорных, поскольку временных и вторичных, следствий, успешно работает лишь в отношении короткой цепи событий, которую оно может сконструировать. Именно это приводит столь многие, в других отношениях могучие умы к слепой удовлетворенности этим знанием. Некоторые из законов материи можно хотя бы обнаружить, если не понять, простым наблюдением материи; однако очевидно, что то, из чего произошла материя, и то, к чему она возвратится, нельзя обнаружить материальными органами чувств. Каким же иным образом можно распространить наблюдение за рамки материальных чувств? Лишь если оно будет расширено, для человека станет доступно знание, связанное с вечными истинами и первичными причинами — реальное знание, отличное от временного и нереального. Физик же, пребывая в полном неведении относительно методов, благодаря которым наблюдаемая область может быть расширена за пределы чувств, немедленно заявит: «О гипотетических вечных истинах вы можете лишь мечтать и предаваться иллюзорным догадкам — все это просто порожденная мозгом фантазия». Таким образом, весь мир в целом, не довольствуясь излюбленными иллюзиями и называя их реальностями, с презрением отказывается от реальности и отвергает ее, как иллюзию.

Но может ли быть достигнута вечная истина? Даже если самые строгие факты считать иллюзией, поскольку они преходящи, не следует ли из этого, что то, что свободно от изменения, находится за пределами наблюдения? Не должны ли мы восходить к теоретическому допущению о возможности реального знания через практическое допущение, что никакой человек никогда не сможет иметь к нему никакого отношения? Последовательный материалист, который искренне верит, что человек — это просто состоящая из газа, фосфатов и химических элементов структура, функционирующая только внутри себя самой, получит ответ, основанный на фактах, повторять которые нет необходимости, встретившись со спорищиками, понимающими, во всяком случае, что живое тело содержит в себе некий духовный принцип, и что этот духовный принцип способен жить отдельно от тела, когда последнее умирает. Не вызовет возражения у спиритуалиста такая концепция, согласно которой, если дух человека живет, наблюдает, мыслит и сообщает свои впечатления после того, как тело сожжено или захоронено, то при определенных условиях тот же самый дух может временно отделиться от тела еще при жизни и тем самым установить такие отношения с духовным миром, что получит абсолютное знание о его феноменах. Теперь, совершенно ясно, что, во всяком случае, для нас самих такой мир является миром вечных истин. Мы знаем, что этот мир мимолетный и преходящий. Легко понять, и все аналогии подразумевают этот вывод, подкрепляемый всеми возможными духовными утверждениями, что мир духа более прочный и долговременный. То знание реально, которое сохраняется, а нереально то, которое исчезает, — как в случае посвященного адепта, принесшего с собой обратно на землю четкие, ясные, детально выверенные воспоминания о собранных фактах и информации, полученную в невидимой сфере реальности; дух человека, вступившего в прямые и сознательные отношения с духовным миром, обретает реальное знание, тогда как дух человека, который живет в темнице собственного тела и питается лишь крошками знания посредством своих органов чувств, обладает лишь нереальным знанием.

Но если заключенный в темницу дух не восходит к прямому общению с духовным миром, но его посещает некая

эманация, исходящая из этого мира, — или некий дух, если принять на мгновение гипотезу спиритуалистов, — дает ли это нам право признать, что он получает реальное знание? Конечно, нет. Ибо хоть он и обсуждает духовные вещи, знание, обретенное таким путем, ничем, в сущности, не отличающимся от метода, которым получают знание чисто физического сорта, знание иллюзорных следствий, будет поверхностным. Спиритуалист, даже если он сам является медиумом, получающим сообщения, имеет дело со знанием столь же нереальным, неправдоподобным и подверженным искажениям при каких-либо ошибках наблюдения, как и то, с которым связан совершенно бездуховный наблюдатель материального мира.

«Кто же тогда обладает реальным знанием, противоположным нереальному?» — спрашивают изучающего оккультизм, и у него есть единственный, как мы уже показали, вариант ответа на этот вопрос: «Только адепты обладают реальным знанием, только их разум находится *en rapport* с универсальным Разумом». Согласно учению адептов, спиритуалисты ошибаются в девяносто девяти случаях из ста, полагая, что контактируют с духами умерших друзей или благожелательными существами из иной сферы; для тех, кому известно что-либо о том, кем или чем являются адепты, это знание столь же достоверно, как факт. Но если это факт, то любая концепция спиритуалистов, ему противоречащая, должна быть развенчана, то есть должна существовать возможность свести любой случай, касающийся спиритуализма, к некоторой группе феноменов, относительно которых можно будет показать, что они являются вовсе не тем, что воображают спиритуалисты. Поскольку феномены спиритуализма столь бесцеремонно отвергаются во всех отношениях, практически невозможно расследовать их в каждом случае, и, что касается всей этой темы в целом, лучше испытать их и объяснить, почему феномены спиритуализма не могут быть тем, что понимают под ними сами спиритуалисты, чем разбираться с каждым отдельным случаем. Прежде всего, это касается автоматического письма. Нам нет надобности выходить за рамки личного опыта, чтобы показать, что создание рукой медиума рукописи, факсимиле которой воспроизводится мнимым ду-

хом — это вовсе не доказательство мнимой идентичности этого духа или даже его индивидуальности. Одна русская дама, страдавшая в юности от медиумизма, или наоборот, одаренная этой способностью, пусть уж решает читатель, что ему ближе, «контролировалась» в течение примерно шести лет неким «духом», который появлялся каждый вечер и обычным автоматическим способом исписывал посредством детской руки целые кипы бумаги. Дух этот убеждал в том, что он является некой старой дамой, которая жила в регионе России, весьма удаленном от того, в котором она проявилась теперь. Она приводила многочисленные подробности о своей жизни и своей семье, рассказав в том числе и о том, как ее сын покончил жизнь самоубийством. Иногда сам этот сын являлся «в духе», овладевал детской рукой и писал длительные отчеты о своем раскаянии и о тех страданиях, которые последовали за его самоубийством. Старая дама красноречиво рассказывала о небесах и их обитателях, включая Деву Марию. Не нужно говорить о том, сколь словоохотлива была она относительно обстоятельств своей собственной смерти и интересной церемонии последнего таинства. Однако она писала и о вполне мирских материях. Она привела подробный отчет о петиции, поданной ею императору Николаю, а также дословный ее текст. Она писала частично по-русски, частично по-немецки, причем последний язык девочка-медиум знала в то время очень слабо. В конце концов, один из родственников юной дамы отправился в то место, где жил этот дух. Да: ее прекрасно помнили; она очень страдала из-за беспутного сына, покончившего с собой; она уехала в Норвегию, где, как полагали, и умерла, и так далее. Короче говоря, все автоматически записанные сообщения подтвердились, а петиция оказалась в архиве Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге. Рукопись была воспроизведена совершенно точно. Мог ли иметь какой-либо дух лучшее доказательство своей идентичности? Разве не может сказать спиритуалист о подобном опыте: «Я знаю, что духи умерших людей могут вступать в общение и доказать сохранение собственной индивидуальности»? Спустя год после опознания умершей в том месте, где она жила, а также проверки петиции, туда, где жила девочка-медиум и ее родственники, прибыл некий офицер, оказавшийся пле-

мянником этого «духа». Он показал ребенку одну миниатюру. Она узнала в ней этого духа. Затем последовало объяснение и оказалось, что тетушка офицера вовсе не умерла, как, впрочем, и ее сын. Во всех остальных отношениях медиумические сообщения были точны и обоснованны. Сын пытался покончить с собой, но пуля, которой он в себя выстрелил, была извлечена, и его жизнь оказалась спасена.

Самой этой истории, как простого изложения фактов, вполне достаточно, чтобы ответить на утверждения спиритуалистов, касающиеся автоматического письма. Она показывает, что феномен автоматического письма, приписываемый спиритуалистами деятельности «духов» умерших людей, может иметь место вовсе без участия подобных «духов»; таким образом, опыты, на которые ссылаются спиритуалисты, теряют свою убедительность. Но мы можем пойти еще дальше и попытаться объяснить эту русскую историю, во всяком случае, с точки зрения оккультной «гипотезы», как, несомненно, назовут эту точку зрения некоторые из наших читателей. Кем или чем был тот разум, который писал рукою русской девочки-медиума? Дьявол? — как утверждают православные священники. Некий лживый дух? — как могут предположить спиритуалисты. Элементарий? — как могут подумать некоторые читатели оккультной литературы. Во все нет. Это был пятый принцип самого медиума, ее животная или физическая душа, частичка универсального Протeya; она действовала точно так же, как действует душа ясновидящего во время сна его тела. Офицер, показавший, в конце концов, миниатюру, познакомился с этой семьей несколькими годами раньше. Медиум видела эту картинку, будучи еще совсем маленьким ребенком, но совершенно забыла об этом. Она играла также с разными вещами, имевшими отношение к этому «духу» и находившимися в распоряжении ее (т. е. «духа») племянника.

Добросовестно храня память обо всем увиденном и услышанном в «астральном свете», или в «душе вещей», — многие читатели, несомненно, поймут содержащийся здесь намек на книгу Дентона с таким же названием, — во время игры с миниатюрой и другими безделушками, несколькими годами позже внутренняя личность девочки-медиума из-за некоторых

ассоциаций, возникших в ее памяти, начала бессознательно воспроизводить эти картинки. Мало-помалу внутренняя личность, или пятый принцип, втянулась в поток такого рода личных или индивидуальных ассоциаций и эманаций, и, как только был дан медиумический импульс, ничто не могло остановить его развитие. Факты, аккуратно наблюдаемые «летучей душой», были сложнейшим образом перемешаны с чистой фантазией, источником которой было получаемое медиумом обучение — отсюда рассказ о небесах и Деве Марии.

Mutatis mutandis [с известными оговорками, *лат.*] сходное, по всей видимости, объяснение получил бы не только случай автоматического письма, но также и некоего руководящего или покровительствующего духа, оказывающего на медиума ментальное влияние, и которого наблюдали провидцы. Тот факт, что учение об этой разумной сущности в общем подтверждает спиритуалистическую доктрину о пространственных перемещениях и тому подобное, — это серьезное свидетельство в пользу того, что в действительности эта сущность есть эманация собственного разума медиума; а то, что мнимого духа видели ясновидящие медиумы, вовсе не может быть сочтено доказательством его объективного существования. Картины, появляющиеся в астральном свете, имеют вид совершенной реальности для тех, кто их видит; так, облик того «духа», о котором мы говорили, был столь же реален для нашей девочки-медиума, как и вид любого из духов, когда-либо материализовавшихся в удивительной комнате для сеансов братьев Эдди в Америке, хотя сама эта добрая дама провела все это время, спокойно занимаясь своим вязанием, и просторы Европы пролегали между ней и ее семейным кругом, который она бессознательно навещала в виде призрачного гостя.

Трудность различения между созданиями мозга самого ясновидящего и призрачными или духовными, по отношению к нему действительно внешними, феноменами, по-видимому, и является причиной того смущения и той путаницы, в которую попадают необученные, непосвященные наблюдатели, когда естественный медиумический дар позволяет им перешагнуть за порог астрального мира и воспринять удивительные вещи, подобно ауре окружающие физическую планету.

От Сократа до Сведенборга, от Сведенборга до ясновидящего наших дней никакой непосвященный провидец никогда не мог вести наблюдения с полной точностью и достоверностью. Какие бы вредные и смущающие влияния не испытывали на себе естественные провидцы прошлых веков, никто из них не был окружен таким количеством искусственной путаницы и неразберихи, которыми омрачена деятельность современного медиума-спиритуалиста. Масса всевозможных предубеждений с самого начала овладевает его умом; любому наблюдению он придает форму разработанной, заранее предусмотренной теории; любая картина, представшая перед его тонкими и изощренными органами чувств, искажается, чтобы она соответствовала ожиданиям его фантазии, и раскрашивается цветами предварительно сформулированного символа веры. Спиритуалист может искренне считать себя искателем истины, однако тот спиритуалист, который сам в какой-то степени является медиумом, пленяется созданиями своей собственной веры и уносится вызванным им потоком в фантазмагорический мир, населенный образами своего воображения. Их кажущаяся реальность подтверждает те предположения, из которых они и возникли, и все предложения, вызывающие сомнение в характере этих видений, кажутся такому ревностному фанатику почти что кощунством. Но изучающему оккультизм наиболее прекрасным кажется последовательное обучение адепству, а вовсе не возбуждение медиумического откровения, поскольку над ним воссияет тогда священный свет абсолютной Истинности. Медиумизм может дать лишь внезапные вспышки неожиданного чуда, подобно тому, как фрагменты некоего странного ландшафта на мгновение ока освещаются молнией, однако наука адепства освещает постоянным дневным светом все окружающее пространство. Конечно, спиритуалисты, которые по своему разумению, по крайней мере, на голову выше простых материалистических кротов своего подслеповатого поколения, поскольку понимают, что существует некий ландшафт, который можно увидеть, если только его должным образом осветить, осмотнительно не станут оказывать предпочтение методу выстраивания догадок о его особенностях при помощи случайных вспышек света медиумизма, но воспользуются тем прекраснейшим освещением, которое возвы-

шенный гений и неустанная работа тайных мудрецов Востока предоставили тем, чьи духовные интуиции позволяют воспринять всю его тонкость и вверить свои устремления его водительству.

III

Какой же ответ мы можем дать тому, кого совершенно не удовлетворили наши объяснения спиритуалистических феноменов, кто все еще тяготеет к теориям спиритуалистов и отрицает факты оккультистов?

Он может вполне естественно заявить, что это вовсе не доказательство, и что он не видит причины, по которой доктрины, предложенные последними должны скорее приниматься за факты, чем те, которых придерживаются первые.

Посмотрим, как же все обстоит на самом деле. Предложите некоторому количеству людей прийти посмотреть на представление фокусника; показываются все виды удивительных трюков; наиболее интеллигентные зрители начнут выдвигать гипотезы, чтобы объяснить, каким образом все это делается; представления повторяются каждый вечер, хотя их детали часто меняются. Самые умные зрители также приходят сюда каждый вечер, все с большей и большей настойчивостью пытаясь обнаружить *разумное объяснение* чудес, свидетелями которых они являются. Они постепенно разрабатывают теорию, которая кажется достаточно последовательным объяснением всего того, что столь их изумляло, и, заводя разговор с некоторыми из участников представления, обнаруживают, что они в значительной степени подтверждают их выводы. Вслед за тем они убеждаются, что их взгляды правильны, и принимают свои теории как факты. Но при всем при том они все еще находятся лишь перед огнями рампы, они так никогда и не были за занавесом, они никогда не видели в действительности, как реально получаются те удивительные результаты, свидетелями которых они были; их так называемые факты все еще остаются простыми теориями.

Но вот некоторые наблюдатели познакомились с людьми, обычно находившимися за сценой, которые досконально изу-

чили аппаратуру, могли попросить воспроизвести для них любой трюк, какой им захочется увидеть, могли при помощи своей аппаратуры совершить подобные и еще более поразительные чудеса, и эти люди рассказали изобретательным зрителям, что их теории совершенно ошибочны, а фактическая сторона этого дела обстоит так-то и так-то.

Теперь, конечно, все признают, что это вовсе не несостоятельное доказательство и не предположение со стороны тех, кто получил *доступ* за сцену, но простая истина, когда они утверждают, что их знание основывается на фактах, тогда как заключения обычных зрителей — это всего лишь теории.

Именно таково взаимное положение спиритуалистов и оккультистов, если иметь в виду под последними, разумеется, не скромных учеников, сочиняющих статьи, подобные нашей, но их пастырей, учителей и живых духовных руководителей.

«Но каким образом я узнаю», — может спросить спиритуалист, — «что эти ваши Учителя действительно находятся за сценой? Так говорите вы. Но каковы тому доказательства?»

Прежде всего, это факт, и любой человек может на собственном опыте убедиться, что все без исключения в течение жизни получают подтверждения присутствия Учителей, и таким образом, отпадает необходимость в наших доказательствах и свидетельствах других людей.

Также фактом является то, что, как нам известно, Учителя обладают силой контролировать всех элементалов и элементариев, с которыми, за некоторыми исключениями, а вовсе не с сознательной или бессознательной деятельностью медиумов, и связаны объективные феномены в комнатах для сеансов. Именно обладание и проявление этой силы позволяет нам считать их утверждение о том, что они были за сценой и знают все о ней, доказанным, а также побуждает нас принять их утверждения о том, что происходит, в качестве фактов.

Стоит напомнить о том, что мы никогда не отрицали, что в некотором смысле возможно установить связь между людьми и подлинными духами умерших. Мы лишь утверждали, что, за исключением определенных случаев, о которых мы еще будет говорить впоследствии, лишь оболочки, а вовсе не истинные духи могут появляться и действовать в комнатах для сеансов.

В нашем первом «Фрагменте» мы говорили о таком духе: «Люди могут духовно навестить его, однако сам он не может низойти в нашу грубую атмосферу и достигнуть нас. Он притягивает, но не может быть притянут».

Мы никогда не спорили о том, что существует некое состояние, с которым, вне всякого сомнения, связаны представления спиритуалистов о Саммерлэнде, в котором духи-ушедших получают воздаяние за свои заслуги. Именно это состояние, известное тибетским оккультистам как девакхан, мы и имели в виду в первой статье, когда говорили: «ни в течение временного периода наслаждения плодами добрых поступков, т. е. его земной кармы, в состоянии своего новорожденного эго...».

Таким образом, мы вовсе не собираемся оспаривать утверждение одного корреспондента о том, что при помощи магнетического действия он преуспел, войдя, по его словам, *en rapport* с некоторыми нетелесными принципами определенных сенситивов — по крайней мере, с некоторыми духовными сущностями — и миром духовным, — миром, поистине, необъятным.

Совершенно верно, что в случае чистых сенситивов этого можно достигнуть, но мы утверждаем, что полученная таким образом информация никогда не будет достоверна. Тому есть несколько причин. Во-первых, принципы, осуществляющие познание в этом случае, отличны от тех, которые дают внешнее выражение познанных предметов, и в случае неопытного ясновидящего легко может произойти перенос впечатлений от духовных способностей, их зафиксировавших, к простым физическим способностям, которые их и проявляют вовне. Даже если предположить, что и сенситив, и магнетизер совершенно свободны от каких-либо предубеждений или ожиданий в отношении изучаемых предметов, все же в процесс простой передачи наблюдений от одного к другому классу способностей могут вкрасться ошибки и искажения.

Кроме того, не будет преувеличением сказать, что в первую очередь сами духовные способности нетренированного ясновидящего не позволяют ему что-либо правильно зафиксировать. Даже наши физические органы наблюдения требуют тщательной тренировки, прежде чем они смогут должным об-

разом служить нам. Посмотрите, сколь слабыми способностями к определению расстояний, как правило, обладает ребенок; и точно так же, как у ребенка не разработаны физические способности, так и у магнетического сенситива не тренированы духовные способности. Несомненно, с течением времени, если здоровье и обстоятельства позволят им постоянно исследовать невидимый мир, даже такие нетренированные сенситивы могут приобрести некоторый опыт и тренировку, а также способность к сравнительно точным наблюдениям. Но таких сенситивов немного, и даже лучшие из них испытывают явный недостаток в точности. Так что даже при исключительно благоприятных условиях вы имеете, во-первых, несовершенную фиксацию наблюдений; и, во-вторых, более или менее ошибочное выражение этой несовершенной записи.

Однако в девяносто девяти случаях из ста либо сенситив, либо магнетизер, либо оба они имеют четкие предубеждения о том, с чем, как они полагают, они имеют дело; поэтому сколь бы искренними и сознательными они ни были, эти предубеждения будут в той или иной степени исказить переданные сведения. Поистине, это столь несомненно, что, вообще говоря, возможность ошибки в случае магнетизированного сенситива удваивается по сравнению с ясновидящим, который без вмешательства магнетизера может при помощи «гипнотизма» того или другого рода вступить *en rapport* с духовными сущностями. Таким образом, Сведенборгу было намного сложнее ошибиться, чем даже лучшим сенситивам, требующим вмешательства магнетизера, чтобы пробудить свои сверхчувственные способности.

Но существует и другой источник ошибок. Даже лучшие и чистейшие сенситивы могут контактировать только с отдельной духовной сущностью и могут узнать, увидеть и почувствовать лишь то, что отдельная сущность знает, видит и чувствует. Неодухотворенная сущность, находясь в девахане, вынужденно бездействует в ожидании избавления от груза земного притяжения, т. е. пребывает в состоянии неопределенности; а ведь, собственно говоря, лишь с такими существами сенситив может входить *en rapport*. Она живет в раю или во сне собственного творения, и совершенно неспособна дать какое-либо представление о том, что происходит с остальными

ми. Каждый индивидуальный дух в девакхане видит свой собственный сон, живет в своем собственном Саммерлэнде (только это некое состояние, а вовсе не страна), окруженный теми людьми и предметами, которые он любил и к которым стремился. Но все они идеализированы, и каждый из людей, которые, по его мнению, его окружают, быть может, также видит свой собственный сон в своем собственном идеальном раю, или же некоторые из них могут все еще находиться на земле или даже пройти через безжалостные колеса полного уничтожения. И через покровы, окружающие счастливый сон каждого духа, нельзя увидеть землю, хотя бы мимолетный проблеск которой непременно добавил бы горькую каплю в чашу блаженства. Также не возможно никакое сознательное общение с душами живых людей, покинувших телесную оболочку для того, чтобы выяснить, где находятся духи умерших, что они делают, и что они думают, чувствуют и видят.

Что, тогда, означает *en rapport*? Это отождествление молекулярных вибраций между астральной частью воплощенного сенситива и астральной частью развоплощенной личности. Дух сенситива как бы «одилизируется» аурой духа, когда последний пребывает в состоянии бездействия в земной области или видит сны в девакхане; устанавливается тождество молекулярных вибраций, и на короткое время сенситив становится умершей личностью и пишет ее почерком, используя ее выражения и думая ее мыслями. В такие моменты сенситивы могут уверовать, что те, с кем они сию минуту находятся *en rapport*, спустились на землю и общаются с ними, тогда как в действительности это просто их собственные духи, которые, настроенные в унисон с духами других, как бы проникают в них на некоторое время.

В случае если сенситив — честный и чистый человек, многие из его субъективных коммуникаций являются подлинными; но в любом случае они лишь отражают представления одного-единственного духа, неспособного заглянуть за рамки своего собственного ментального коккона или идеального рая; кроме того, необученный сенситив в целом не может наблюдать и фиксировать с точностью то, что он видит и слышит во время такого соединения; равным образом сенситив не может передать неискаженными впечатления, полученные посредст-

вом его сверхчувственных способностей, к органам чувств, через которые он только и способен передавать сообщения миру, и такие сообщения будут еще сильнее искажаться и подавляться представлениями или убеждениями, уже предварительно существующими в уме сенситива, магнетизера или их обоих.

Однако наш критик скажет, что, сравнивая описания материй, духовным образом переданные ему разными сенситивами в состоянии транса, он обнаружил общую гармонию, что «каждый из описанных миров или сфер, более прекрасных, чем этот, населен формами, имеющими человеческий облик и более высокий уровень интеллектуального развития». Но чего же еще он может ожидать, он, честный и добропорядочный европеец нашего времени, имеющий дело с чистыми и более или менее образованными сенситивами? Если он подвергнет испытанию сенситива из австралийских аборигенов и старательно будет держать свой собственный разум в пассивном состоянии, он услышит совсем другой рассказ. Более того, хотя определенный костяк истины (но не всей истины) и содержится во всех подлинных сообщениях, он обнаружит сильнейшие расхождения в деталях между мнимыми фактами, установленными им самим, и теми, которые установлены не менее внимательными наблюдателями со столь же безупречными медиумами во Франции, в Германии и Америке.

Однако нет никакой необходимости настаивать на этом и дальше; все, что мы хотим в настоящий момент, — это объяснить, что, никоим образом не оспаривая подлинность такого рода коммуникаций, исходя из вышеизложенных причин, мы знаем, что они с необходимостью должны быть недостоверными, в той или иной степени неточными и искаженными.

Теперь, что касается автоматического письма высшего порядка, мы должны отметить, что действительно имеется возможность существования некой вполне определенной духовной сущности, оказывающей влияние на разум записывающего. Другими словами, это, насколько нам известно, может быть некий дух, с которым его духовная природа приходит на некоторое время в состоянии тесной гармонии, чьи мысли, чей язык и т. д. на время становится его собственным,

а в результате кажется, что этот дух общается с ним. Мы говорили ранее, что объяснение, сходное с предложенным нами в отношении фактов, относящихся к одному из случаев, по всей видимости, было бы удовлетворительно и в случае с этим корреспондентом. Но если он уверен, что это объяснение к его случаю не подходит, тогда возможно, хотя вовсе и не обязательно, что он, как правило, попадает в состояние *rapport* с подлинным духом и на некоторое время отождествляет себя с ним, и, в значительной степени, хотя и не до конца, думает его мыслями и пишет его почерком.

Но даже в этом случае не следует полагать, что такой дух вступает с медиумом в сознательное общение или что он тем или иным образом знает что-либо о нем или о любом другом человеке или предмете на земле. С установлением *rapport* он просто временно отождествляется с этой другой личностью и думает, говорит и пишет так, как это происходило бы на земле.

Что же касается фигуры красивого, интеллигентного и на вид благожелательного человека, которого постоянно наблюдают провидцы, это вполне может быть реальным астральным изображением земной формы этого самого духа, появившимся в ауре нашего корреспондента благодаря синхронизации его природы и природы этого духа.

Можно дать и многие другие объяснения; разнообразие причин таких феноменов исключительно велико, и надо быть адептом и действительно исследовать происходящее, чтобы смочь объяснить в каждом таком случае, что же именно за ним скрывается; однако совершенно точно, что никакой добрый и благожелательный человек, удалившийся в высшие миры сто лет тому назад, не может навещать медиума, давать ему советы и утешать его. Молекулы его астральной природы могут время от времени вибрировать в унисон с молекулами духа такого человека, пребывающего в тот момент в девакхане, а в результате может сложиться впечатление, что он общается с этим духом и получает от него советы; при этом ясно-видящие могут видеть в астральном свете изображение земной формы этого духа, но, согласно полученным нами наставлениям, это самое благоприятное из всех возможных объяснений данной спиритуалистической гипотезы.

Если бы этот «гид», о котором упоминает один из корреспондентов, покинул землю не столь давно, тогда, несомненно, было бы возможно другое объяснение, более отвечающее взглядам спиритуалистов, хотя это и представляется нам исключительно маловероятным, но мы вернемся к этому позже.

Если принять еще одну точку зрения, то несмотря даже на их не вызывающий сомнений характер, наставления могут исходить от простых *reliquiae* [останков, *лат.*] людей или индивидуальностей, недостаточно духовных для дальнейшего прогресса. В первом «Фрагменте» мы показали с достаточной определенностью, что «все элементарии никоим образом не являются активно и во всех отношениях обращенными к злу. Когда они говорят через наиболее чистого медиума — а ведь, поистине, лишь немногие из медиумов сохраняют это качество в процессе своей практики, — проявляется лучшая и наименее испорченная сторона их природы, и элементарии вполне могут иметь совершенное интеллектуальное знание, высоко ценить добродетель и чистоту и обладать весьма просвещенными представлениями об истине, внутренне оставаясь порочными в своих тенденциях».

Вполне возможно, что замечательные наставления, приведенные нашим критиком, могут исходить от некой личности высшего разряда, слишком интеллектуальной, чтобы показаться в истинном свете перед ним и его друзьями, и все же способной сыграть совершенно иную роль в менее чистом кругу.

Но намного более вероятно, что дух медиума действительно вступил *en rapport* с неким духовным существом в девахане, мысли, знания и чувства которого образовали содержание коммуникации, а собственная индивидуальность медиума и имеющиеся у него идеи — его форму. Мы не придаем особого значения той словесной форме, в которой было выражено сообщение. Она может быть вкладом самого медиума, когда он временно отождествляет свою духовную природу с природой духовного существа.

Однако, как правило, такие видения имеют место лишь в течение нескольких минут после физической смерти или незадолго до ее наступления. Конечно, мы имеем в виду настоящую смерть; последняя часть человеческой структуры, кото-

рая умирает — это мозг, который нередко продолжает жить и переполняться своими образами долгое время или, по крайней мере, в течение многих часов или дней после того, как было объявлено о кончине человека. Действительно, период между смертью и вступлением в состояние созревания варьируется в случае людей, умерших естественной смертью, от нескольких часов до нескольких лет, но для духа было бы совершенно ненормальным появиться где-либо в это время, не считая очень непродолжительного периода сразу после смерти. Оставляя в стороне случаи адептов и тех, кого они подготовили к такому концу, эго через несколько мгновений после смерти впадает в бессознательное состояние, из которого оно не возвратится до тех пор, пока в нем не завершится борьба между высшей и низшей природой; в сфере земного притяжения — в камалоке, царстве желаний — остается лишь оболочка, либо (в редком случае индивидуальности, обреченной на полное уничтожение) оболочка из двух с половиной принципов, либо (в случае, когда высшие принципы одержали победу и увлекли с собой лучшие элементы пятого принципа) оболочка из полутора принципов, которая вскоре должна распасться.

Даже когда «дух» появляется «через несколько дней после смерти», это в действительности всего лишь бессознательный призрак. Дух, пребывающий в своем *post-mortem* [посмертном, *лат.*] трансе (конечно, при всей его сравнительной эфирности и бесплотности, это все еще занимающая определенное пространство материальная сущность), рождается благодаря магнетическим токам, кружащимся повсюду подобно мертвым листьям, уносимым водным потоком. В этот момент он может попасть в поле зрения какого-либо провидца или его отражение в астральном свете может быть уловлено внутренним взором ясновидящего. Сам дух при этом будет иметь столь же слабое представление о таком появлении, как человек, который, двигаясь через комнату и не зная, что в ней находится зеркало, вдруг видит свое изображение в нем. Обычно положение и вид этих форм со всей очевидностью указывают на бессознательное состояние духа, но бывают и другие случаи; ментальная активность духа может возродиться в последовательности сновидений, сохраняющих субъективную сознательность, в то время как все еще продолжает преобладать

объективная бессознательность, и в таких случаях форма может принимать сознательный, одушевленный или даже преображенный облик; все зависит от характера и интенсивности сновидений, а они в свою очередь зависят от духовного уровня и чистоты умершего.

Вовсе не обязательно (и, согласно вышеизложенной нами гипотезе, не факт), - что всякая реальная сознательная коммуникация должна происходить между почившим духом и провидцем. Для последнего достаточно войти в прямой *rappor*t с духом или его астральным образом, чтобы думать точно так же и то же, что думал бы этот дух, если бы он все еще был в сознании и обитал на земле.

В случае коммуникации, достигаемой при помощи магнитических сенситивов, магнетизер, осторожно присоединяясь к умершему напряжением своей магнитической силы, бессознательно приводит сенситива *en rappor*t с духом умершего, с которым дух сенситива отождествляется в течение некоторого времени более или менее совершенным образом; при этом сенситив приходит к убеждению, что он видит умершего таким, каким он был обычно на земле, и получает от него сообщения или указания, осознаваемые им лишь тогда, когда оба эти духа на мгновение соединились.

Превращения, происходящие при одних и тех же условиях, имеют менее сомнительный характер, и есть три способа объяснить это.

Во-первых: гипнотическое воздействие магнетизера приводит дух сенситива *en rappor*t с духом его нежно любимого покойного друга. Затем, когда на время устанавливается тождество двух этих духов, и если природа умершего, принятая сенситивом, намного более духовна и могущественна, чем его собственная, а природа его физической конституции допускает такие изменения, тело этого человека сразу же начинает показывать аналогичную перемену, соответствующую тому изменению, которое претерпела его духовная природа в связи с произошедшим смешением.

Во-вторых: превращение напрямую зависит от интенсивности и четкости изображения лица умершего друга в сознании оператора. Поскольку это лицо столь сильно запечатлелось в его памяти, вполне естественно, что его память, из-за

своей чрезвычайно активной деятельности во время сеанса, должна излить необычное количество энергии и, так сказать, укрепить (сделать более плотным) близкий образ эфирными волнами его ауры. Таким образом, сам того не осознавая, он может побудить ее к соответствующему действию, которое, трансформируя изображение из субъективного в объективное, в конце концов заставляет его двигаться под влиянием тока притяжения до тех пор, пока оно не останавливается и не отражается в лице медиума. Изображения, встречаемые нами в бесконечных галереях пространства, которые прибиты к нерушимым стенам акаши, — это всего лишь безжизненные и пустые маски, образные записи наших мыслей, слов и деяний. В случае, о котором недавно упомянул один из наших корреспондентов, невидимая реальность в ауре магнетизера нанесла некий объективный отпечаток на пластичные черты его сенситива, и таким образом был вызван этот феномен.

В-третьих: мысль, память и воля являются энергиями мозга и, подобно всем остальным силам природы (если использовать язык современной науки), имеют две основные энергетические формы: потенциальную и кинетическую. Потенциальная мысль посредством ясновидения различает и выбирает себе предмет в астральном свете; воля становится движущей силой, которая приводит ее в движение, направляет и ведет ее, куда бы ей ни захотелось, и таким образом адепт производит свои оккультные феномены физического или духовного характера. Однако последние могут происходить и без какого-либо вмешательства разумной воли. Пассивное состояние медиума делает его легкой добычей для проделок элементариев, а также тех полуразумных стихийных существ (элементалов), которые постоянно нежатся и маскируются в сидерическом свете и легко могут сами вызвать подобный феномен, просто благодаря окружающим их благоприятным условиям. Сидерический образ человека, по нашему мнению, сохранится бледным и неподвижным, оставаясь неким неизгладимым отпечатком в эфире до тех пор, пока его атомы не активизируются сильным магнетическим притяжением, которое исходит от молекулярных сплетений медиума, как бы пропитанных мыслями магнетизера об этом образе. Отсюда и феномен превращения.

Такие превращения сравнительно редки, однако мы знаем прекрасные примеры этого явления; некоторые наиболее любопытные примеры можно найти в книге полковника Олькотта, озаглавленной «Люди из иного мира».

Изложенное нами, вероятно, объясняет все особенности упомянутого выше частного случая; но для того, чтобы получить возможность в любом таком случае высказать положительное утверждение о том, что случившееся было вызвано той или иной причиной, исключительно важно ознакомиться с каждой его деталью в отдельности. А пока мы имеем дело лишь с самым общим описанием, все, на что мы можем претендовать, — это дать более или менее вероятные разъяснения.

Один из критиков говорит нам, что даже если мы и объясним один или два таких случая, он все же найдет целый ряд упрямых фактов, противоречащих нашим объяснениям, в смысл которых он неспособен проникнуть. Мы можем лишь пообещать ему, что если он предоставит нам точное описание подробностей всех случаев, известных ему лично, которые, по его мнению, не могут быть объяснены с точки зрения оккультных доктрин, мы покажем ему, что они столь же объяснимы, или же вовсе покинем поле битвы.

Но мы должны поставить здесь два условия. Во-первых, мы примем лишь те случаи, о которых он обладает собственной и полной информацией; мы не примем случаи, описания которых извлечены из книг и статей. Наш критик — это заслуживающий доверия, философски мыслящий исследователь, от которого мы надеемся получить факты, полученные в результате тщательного наблюдения и аккуратно записанные. Разобраться с такими фактами нам будет несложно. Но что касается случаев, записанных там-то и там-то, многие из них, по нашему мнению, являются просто измышлениями, тогда как остальные, хотя и записанные вполне добросовестно, столь сильно трансформировались в процессе наблюдения и записи, что обсуждать их — совершенно безнадежное дело.

Во-вторых, он не должен удивляться, если в ходе наших объяснений будет упомянуто множество новых фактов самого разного рода, до сего момента не затронутых. Предмет этот

чрезвычайно обширен. Существуют сложнейшие взаимосвязи, взаимопереплетения законов и исключения из них. До сих пор мы намеренно следовали лишь самому общему представлению о наиболее важных особенностях этой истины. Если требуется большая точность и детальность, то к каждому нашему общему закону необходимо добавить определенные условия и ограничения. Детальное изложение того, что нам известно об этих духовных феноменах, полностью заняло бы несколько номеров «Теософиста», а если в наше объяснение включить описание всей системы элементалов — будущих людей в течение грядущего цикла — и других малоизвестных сил, которые даже не были нами упомянуты, потребовалось бы несколько томов *in octavo* [ин-октаво, *лат.* — формат издания в 1/8 долю печатного листа, что в 4 раза больше формата данной книги], чтобы вместить весь этот материал.

Тот же критик говорит:

Если доказательство может быть получено лишь путем отречения от мира, отказа от всех человеческих качеств, привязанностей и обязанностей, какую же пользу имеет оно для человечества? Лишь один из миллиона может воспользоваться им, и сколько человек из оставшихся девятисот девяносто девяти тысяч девятисот девяносто девяти поверят в его свидетельство?

Мы вынуждены заметить, что он ошибается в своих предположениях, и что его выводы, даже если его предположения справедливы, являются необоснованными. Даже если принять, что лишь один человек из миллиона сможет воспользоваться возможностями, предоставляемыми полученным доказательством, будет ли тогда у оставшихся девятисот девяносто девяти тысяч девятисот девяносто девяти человек какая-либо причина отказаться принять его свидетельство? Разве так бывает на практике? Конечно, нет. В наше время не более одного человека из миллиона (а может и того меньше) хотят воспользоваться возможностями от полученного ими доказательства астрономических фактов. И все же остальные признают эти факты, совершенно удовлетворенные тем, что кто-либо, решивший пройти необходимый курс обучения, смог получить такое доказательство, и что все, кто прошел через такой же курс обучения, согласны с обоснованностью этого доказательства.

Астрономия — это наука, с названием и основным содержанием которой знакомы все достаточно образованные люди. Оккультизм — это наука, до сих пор скрывавшаяся в глубочайшей тайне, о которой не знал никто, кроме самих оккультистов. Но раз человечество познакомилось с его идеями, пусть оно знает, что доказательства может получить лишь тот, кто решился пойти на необходимые жертвы, и что те, кто получил эти доказательства, считают их убедительными, и тогда остальное человечество легко согласится признать эти факты, даже основываясь на свидетельстве одного человека из миллиона, который предпринял проверку утверждений своих предшественников.

Однако предположения нашего корреспондента ошибочны; практический отказ от мира в том смысле, какой в него вкладывали апостолы, убеждая всех христиан быть в этом мире, но не от мира сего, — несомненно, очень существенен, однако для этого вовсе не требуется разрывать все человеческие связи и привязанности, тем более что совершенно непозволительно, и еще менее необходимо, отказаться от человеческих обязанностей. Эти последние [христиане] могут пересмотреть свои взгляды, могут — и даже должны — с возрастанием знания и силы охватить значительно большую сферу, и привязанности должны расширяться и стать более космополитичными, однако именно самоотречение, а вовсе не эгоизм, а также деятельность, направленная на благо остальным, — вот что помогает идти по пути адептства.

Что же касается свободы от ошибок, которой, как мы утверждаем, обладают доктрины оккультизма, нет необходимости отмечать здесь разницу между эмпиризмом и наукой, ведь в данном случае непосвященные являются эмпириками, а оккультисты — учеными. Это станет вполне очевидным, если принять во внимание, что в течение многих тысячелетий сотни посвященных исследовали невидимый мир; что результаты их исследований были записаны и собраны вместе, а разногласия сглажены новыми исследованиями; что установленные факты были обобщены и на их основании были выведены законы, ими управляющие, а правильность этих выводов была проверена экспериментально. Таким образом, оккультизм является точной наукой в любом значении этого слова, в то вре-

мя как учения даже самых способных, но необученных провидцев, работающих без посторонней помощи, могут иметь лишь эмпирический характер.

Когда в нашей первой статье мы сказали, что «мы знаем» (выражение, которое, возможно справедливо, вызвало протест со стороны критика), мы имели в виду лишь следующее: говоря с людьми, несведущими в математике, мы можем заявить, что знаем, что кривая, которую описывает луна в пространстве, имеет форму эпициклоиды, выраженной таким-то и таким-то уравнением, при этом вовсе не утверждая, что мы сами исследовали эту достаточно темную и неясную проблему, но лишь подразумевая, что мы знакомы с методом, благодаря которому она была решена, и что все остальные пришли к тому же заключению. Конечно, те, кто незнаком ни с математикой, ни с математическими действиями, могут выдвинуть вполне обоснованное возражение, что, насколько им известно, орбита луны выглядит совершенно иначе. Опыт, которому мы столь доверяем, — это вовсе не наш личный опыт, хотя так думают многие, в том числе, по-видимому, и наш критик. Насколько нам известно, его опыт может превосходить наш собственный и, по этой причине, мы никогда бы не осмелились авторитетно отвергать его взгляды в силу нашего собственного опыта или наших знаний. То, чему мы доверяем, — это обобщенные результаты опыта, полученного в течение продолжительного периода времени членами огромной организации обученных парапсихологов, главным устремлением которых всегда было достижение истины в изучении духовных материй, и первейшим долгом которых, хоть и тайно, было всячески способствовать росту благосостояния всего человечества.

Теперь, попытавшись ответить на некоторые возражения, вызванные нашими предыдущими «Фрагментами», мы полагаем, что имеет смысл перейти к дальнейшему рассмотрению доктрины, описание которой мы начали в первой статье, и более детально объяснить, почему мы столь активно выступаем против укоренившегося медиумизма.

Вообще говоря, объективные феномены спиритуалистов (о субъективных коммуникациях мы уже говорили раньше) — это результат, или по крайней мере следствие, деятельности

или вмешательства элементалов, полуразумных сил природы, существ, которые в некоем достаточно удаленном цикле, пройдя через все низшие объективные царства, в конце концов будут рождены как люди; а также элементариев, или оболочек. Такие оболочки бывают двух типов: во-первых, оболочки, принадлежащие людям, шестой и седьмой принципы которых, притянув к себе также и как бы квинтэссенцию пятого принципа, удалились с тем, чтобы претерпеть новое развитие. Такие оболочки состоят из четвертого и частично пятого принципов. Они лишены половины или еще большей части своей личной памяти, и все, что у них осталось — это лишь животные и материальные инстинкты. Этот остаток, этот шлак, забытый в тигле после того, как оттуда было извлечено очищенное золото, обычно и является «ангелом-водителем» среднего медиума. Конечно, такие существа продолжают жить лишь временно; постепенно все их сознание угасает, и они разрушаются. Только медиумы высшего класса могут привлечь их, причем лишь некоторых из них. Чем чище личности, тем слабее их жизненная сила, тем меньше срок их посмертного существования и шанс принять участие в медиумических проявлениях. Чем в большей степени личность запятнана грехом, искажена пороком и животными страстями, тем выше жизненная сила ее остатков, тем дольше срок их существования и тем больше шанс, что они проникнут в комнату для сеансов. Человек, в целом, мог быть достаточно добрым, добро могло активно преобладать в нем, и все же все дурные части его натуры, его низшие и животные инстинкты, выступая теперь обособленно и уже не нейтрализуясь всеми добрыми частями, могут быть весьма зловредными.

Совершенно исключено, чтобы из общения даже с этим классом оболочек могло получиться какое-либо реальное добро; они не будут активно злонамеренными, для этого они слишком слабы и несовершенны, но все же их длительное влияние не может быть возвышающим. И, кроме того, весьма опасно возбуждать активность таких оболочек или сообщать им новый импульс — подобный тому, который они часто получают от медиумов, — поскольку между личностью умершего и ее останками продолжает существовать сильная симпатическая связь, и любое стимулирование этих останков, любая

их гальванизация и возвращение к обновленной выдуманной жизни — как часто и происходит с ними через медиумов, — несомненно, мешает созреванию личности, препятствует развитию ее нового эго и таким образом отодвигает момент ее вступления в состояние блаженства (девакхан), в котором, в своем новом эго-обличье, она пожинает плоды своих добрых деяний, прежде чем перевоплотиться и вновь родиться здесь, в нашем мире — если еще не окончилась определенная ей чередой земных жизней, — или же на следующей высшей планете.

Но, как правило, намного более опасно, иметь дело с другим типом элементариев. В том случае, когда личность человека должна быть уничтожена, четвертый и пятый принцип остаются незатронутыми, и более того, пятый ассимилирует все то, что может остаться от личных воспоминаний и от восприятия собственной индивидуальности в шестом. Этот второй класс во всех отношениях намного более выносливый, более активный и, в большинстве случаев, определенно зловредный. Несомненно, он никоим образом не страдает от своего общения с людьми, но вот последние неизбежно будут испорчены в результате общения с оболочками этого типа. К счастью, они сравнительно немногочисленны; конечно, если говорить вообще, существуют миллионы миллионов таких оболочек, но к чести человеческой природы следует отметить, что личности, обреченные на полное уничтожение, составляют лишь небольшой процент от их общего количества.

Кроме того, оболочки, обладающие подобной природой, не остаются в земной атмосфере неопределенно долгое время, но подобно соломинкам, кружащимся в водовороте, уносятся этим ужасным вихрем, влекущим всех неудачников к уничтожению на планете материи и смерти — так же ментальном, как и физическом спутнике нашей земли!

Что же касается элементалов, этих, несомненно, недоразвитых, зачаточных людей, находящихся в еще более эмбриональном состоянии, чем дух, дремлющий в минерале, которые, хотя и способны стать могущественными силами, соединившись с оболочками под чарами колдунов или водительствовавшими адептов, являются, как правило, безответственными-

ми, тупыми, нейтральными существами, получающими нравственные и ментальные черты от доминирующего и более развитого духовного существа, с которым, или под контролем которого, они работают; но даже они, хотя сами и неспособны причинить вред, могут стать очень опасными для медиумов, обладающих склонностью к злу.

Таким образом, можно сказать, что именно элементалы и элементарии совершают большую часть физических феноменов, о которых говорят спиритуалисты. В любом случае, связь ни с одним из этих трех классов не может принести благо человечеству в целом. Разнообразие в природе столь бесконечно, что мы не станем утверждать, что не было ни единого случая, в результате которого человек не извлек бы пользу от общения с каким-либо отдельным представителем одного из этих классов. Но мы заявляем, что от подобных связей, вообще говоря, не следует ожидать ничего, кроме вреда. Более того, медиумическое общение с любым из этих трех классов влечет за собой очевидный вред для наивных существ.

Но хотя элементалы и элементарии и составляют значительный процент исполнителей, существуют и другие классы действующих лиц. Мы не претендуем на то, чтобы представить здесь полное изложение этого вопроса, впрочем, и не обещаем сделать это, однако все же можно упомянуть об одном из наиболее важных классов существ, которые принимают участие в объективных феноменах помимо элементалов и элементариев.

Этот класс включает в себя духов сознательных самоубийц, совершивших этот акт в здравом уме. Они являются духами, а не оболочками, потому что в их случае не происходит, во всяком случае, пока, полного и безвозвратного разрыва между четвертым и пятым принципом с одной стороны, и шестым и седьмым — с другой. Отделенные друг от друга, они существуют порознь, и все же некая связь все еще соединяет их, они могут снова воссоединиться, и тогда эта личность, находящаяся под жестокой угрозой исчезновения, может попытаться предотвратить свою гибель; ее пятый принцип все еще держит в своих руках ту нить, следуя за которой через лабиринт земных грехов и страстей она может снова достиг-

нуть священной обители. Но в этот момент, хотя она и на самом деле является духом и может так называться, она, в сущности, еще совсем недалеко ушла от оболочки.

Духи этого класса, несомненно, могут общаться с людьми, но, как правило, они должны дорого заплатить за пользование этой привилегией, несмотря на то, что сделать это они могут не иначе, как, ослабив и обесценив моральные качества тех, с кем и через кого они осуществляют это общение. Большой или меньший вред нанесет подобное общение — это, вообще говоря, лишь вопрос степени; случаи, в которых был реальный, неизменно благой результат, столь уникальны, что не стоит принимать их в расчет.

Рассмотрим, как происходят такие случаи. Несчастное существо, восставшее против жизненных испытаний (испытаний, являющихся результатом его собственных прошлых поступков, испытаний, которые суть милостивое снадобье небес, исцеляющее ментальные и духовные болезни), решает — в отличие от большинства людей, ведущих борьбу с морем окружающих их трудностей, — опустить занавес и, как он воображает, покончить с ними.

Он разрушает тело, но обнаруживает, что ментально он столь же живой, как и прежде. У него есть отведенный ему жизненный срок, определенный сложнейшей сетью прошлых причин, которую не может разорвать его внезапный самовольный поступок. Этот срок должен быть истрачен до последней песчинки. Вы можете разбить нижнюю часть песочных часов так, что мельчайшие песчинки, струящиеся из верхней половины, будут рассеиваться сразу после появления из отверстия под давлением воздушных потоков, однако эта струйка будет продолжать незаметно течь до тех пор, пока не исчерпается весь запас в верхней части часов.

Точно так же вы можете разрушить тело, но не сможете прервать отмеренный срок сознательного существования, который предопределен просто потому, что растворение личности является следствием множества причин; это должно протекать в течение установленного промежутка времени.

То же самое и в остальных случаях; таких, например, как жертвы несчастных случаев или насилия — они, также, должны завершить свой жизненный срок, но о них мы поговорим в

следующий раз; здесь же достаточно будет отметить, что независимо от того, добрые они или порочные, их ментальное состояние во время смерти совершенно отлично от их последующего положения. Они, также, должны пребывать в ожидании в царстве желаний до тех пор, пока волна их жизни не достигнет назначенного берега; но ждут они либо окутанные снами утешения и блаженства, либо наоборот, в соответствии с их ментальным и нравственным состоянием в момент фатальной кончины и непосредственно перед ней. И хотя они практически свободны от дальнейших материальных соблазнов и, вообще говоря, неспособны, кроме как в момент реальной смерти, общаться *suo motus* [по своей воле, *лат.*] с человечеством, они все же доступны для высших форм «проклятой науки» — некромантии. Этот вопрос чрезвычайно глубокий и трудный для понимания. На остающихся в нашем распоряжении немногих страницах невозможно объяснить, сколь сильно отличаются друг от друга условия, в которых оказывается сразу после смерти человек, сознательно пожертвовавший (а не просто рискнувший) собственной жизнью из альтруистических побуждений в надежде сохранить жизни других людей, и тот, кто намеренно отказался от своей жизни из эгоистических мотивов в надежде избежать возникших перед ним испытаний и трудностей. Природа или Провидение, Судьба или Бог является просто самонастраивающимся механизмом, так что на первый взгляд может показаться, что результаты в обоих случаях должны быть одинаковыми. Но хотя это и машина, мы должны помнить, что это машина *sui generis* [особого рода, *лат.*]:

Из себя он плетет
Вечную сеть правды и лжи,
И всегда ощущает слабейшее колыхание
Вдоль самой тонкой из нитей!

— машина, по сравнению с которой самая совершенная чувствительность и приспособленность наивысшего человеческого интеллекта — всего лишь грубая неуклюжая копия.

И мы должны помнить, что мысли и побуждения являются материальными, а порой и удивительно мощными материальными силами, и тогда мы, быть может, начнем понимать,

почему герой, принесший свою жизнь в жертву из чистого альтруизма, погружается, когда иссякает его жизненная сила, в сладкий сон, где

Все, кто ему дорог, и все, кого он любит,
Сопровождают улыбкой его солнечный путь,

но лишь до тех пор, пока он не пробудится в состоянии активного, или объективного, сознания, возродившись в Обители Счастья; тогда как бедный, несчастный и заблудший смертный, который, стремясь избежать судьбы, эгоистично порвал серебряную струну и разбил золотую чашу жизни, обнаружит себя, к своему ужасу, в полном сознании и бодрствующим, исполненным всеми худыми страстями и желаниями, которые отравляли его земное существование, но без тела, в котором он мог им потворствовать, к тому же способным получить лишь такое частичное облегчение, которое может принести более или менее удачный эквивалент удовольствия, — и все это под угрозой полного разрыва со своими шестым и седьмым принципами и последующего окончательного уничтожения после продолжительного периода страдания.

Однако не следует думать, что для духов этого класса — сознательных, умышленных самоубийц — не существует никакой надежды. Если, упорно неся свой крест, он терпеливо проходит через все страдания, борясь против плотских желаний — все еще присущих ему во всей своей силе, хотя, конечно, в той мере, насколько он был увлечен ими в земной жизни, — если, говорим мы, он смиренно переносит все это, никогда не позволяя себе соблазниться недопустимым удовлетворением греховных потребностей, тогда с наступлением предначертанного смертного часа его четыре высших принципа объединятся, и в конечном разложении на части, которое затем последует, все для него может закончиться благополучно, и он вступит в период созревания и дальнейшего развития.

До тех пор, пока в урочный час не прозвонят похоронные колокола, у него еще есть шанс; страданиями и раскаянием он может стереть со страниц Кармы отметки о многих черных деяниях, но — и на этот пункт мы хотим обратить особое внимание спиритуалистов — он может добавить записи о сот-

нях еще более отвратительных поступков к тем черным пятнам, которые уже и так оскверняют эти страницы.

Это касается не просто медиумов или «тех, кто сидит с ними за одним столом», но, прежде всего тех несчастных наполовину потерянных братьев и сестер, которых мы призываем.

Внезапно оборвав свою жизнедеятельность, практически все сознательные самоубийцы — а мы говорим только о таких, поскольку бессознательные самоубийцы являются всего лишь жертвами, — более или менее глубоко запятнанные одним из тяжелейших грехов — гневом, ненавистью, похотью или алчностью, — обнаруживают, что окружавшие их грехи преследуют их с неумолимой силой. В их среду проникают медиумы, многие из которых открывают себя тем, кого они неразумно считают ангелами-водителями. Им остается лишь овладеть этими ко всему готовыми добровольными помощниками, чтобы те приняли участие в их дьявольских развлечениях; или, собрав из своей ауры и слабосцементированных физических структур, и даже из еще более отвратительных источников — могил и боен, материал для создания своего собственного хрупкого физического организма, чтобы пуститься при содействии медиумов во все мыслимые греховные удовольствия. Это те, кого в средневековье называли инкубами и суккубами, те, кого в наше время называют «духами жен» и «мужей», и это те, которые, просто вселяясь в человека, не принимая какой-либо определенной объективной формы, становятся демонами пьянства, обжорства, ненависти и злобы, упоминания о дьявольских выходках которых мы находим равным образом, как в настоящем времени, так и в прошлых веках.

Вступив на путь зла и отмежевавшись (пусть и не до конца) от своего шестого и седьмого принципов, а также лишившись сдерживающих влияний, которые незаметно воздействовали на них, эти духи слишком часто деградируют, превращаясь в настоящих психических вампиров. Они подталкивают к разрушению одну жертву за другой, подстрекая к самым отвратительным, немислимым преступлениям и получая от этого определенное наслаждение, до тех пор, пока не наступит окончательный час их смерти, когда приливная волна совер-

шенных ими злодеяний унесет их далеко от земной ауры, в сферы, где одно лишь полное их уничтожение завершит зоны невообразимых страданий.

А ведь многие из них, прежде чем превратиться в настоящих монстров, были не такими уж очень, очень плохими при жизни — пользуясь современной фразеологией, это были, пожалуй, «темные лошадки», с неустойчивым, мятежным, вспыльчивым характером, который и привел их, в конечном счете, к самоубийству, однако им было еще очень далеко до тех демонов, которыми они впоследствии стали. И хотя отторжение высших принципов косвенным образом способствовало тому невероятно-ужасному превращению в демонические существа, которое с ними произошло, все же эта трансформация связана практически исключительно с искушениями и благоприятными условиями для удовлетворения их низменных желаний, созданными для них медиумами, дипломированными или нет, поглощенными низшими физическими проявлениями.

Увы! для большей части таких медиумов. Увы! Для слишком многих их спиритуалистических поклонников и партнеров. Мало кто из них может даже вообразить, что две трети всех самых чудовищных преступлений во всем мире происходят на почве этого низшего физического медиумизма. Непризнанные как таковые, сотни несчастных медиумов гибнут на эшафоте, заявляя, не без основания, что совершить преступления, за которые они обречены на такие страдания, их подстрекал дьявол, на самом деле это был вселившийся дух, обычно именно этого класса. Действительно, в тысячах и тысячах случаев можно проследить связь тяжелейших грехов — таких как пьянство, обжорство, половая распущенность, грубость во всех своих проявлениях, принесших горе и запустение в столь многие любящие человеческие сердца и ввергших в страдание и бесчестье не одну счастливую семью — с духами этого класса, которые обязаны своим происхождением как силе своих порочных желаний и грязных помыслов, так и той фатальной способности медиумизма, склонного к примитивным физическим манифестациям.

И этот медиумизм содержит подвох, так как, подобно ядовитой сорной траве, при общем попустительстве, разрас-

тается с течением времени. Понимают ли и осознают ли до конца спиритуалисты, которые с таким усердием занимаются сами, более того, с таким рвением гоняются за медиумами, через которых возможны эти физические проявления, что они делают? В результате такого общения они подвергают опасности потерпеть нравственное кораблекрушение не только самих себя, но и этих медиумов, — хотя от этого (правда, в исключительных случаях) можно защититься соблюдением совершенной чистоты в словах, мыслях и действиях; также и медиум может быть столь сильно предрасположен к добру (а это тоже случается крайне редко), что вселившийся в него дух, если только он уже не охвачен неистой злобой, не причинит ему особого вреда; но вот то, что, безусловно, находится вне контроля со стороны медиума и его помощников, так это сопровождающее развитие медиумизма распространение в акашической атмосфере медиумических семян, которые, находя то там, то тут благоприятную почву в людях с неустойчивой или очень чувствительной психикой, принесут впоследствии урожай еще более испорченных медиумов, в число которых неминуемо попадут многие из отвратительных грешников, а то и самые отъявленные преступники этого века.

Такая форма медиумизма — это смертоносный сорняк, и вместо того, чтобы поощрять его размножение (а именно этим и занимаются спиритуалисты, собираясь вместе), необходимо искоренить его, повсеместно отказавшись от его использования. К сожалению, интерес к нему существовал всегда, спорадически возникая то там, то тут; и, задержавшись в своем развитии, он вносит немалый вклад в вызывающие отвращение анналы порока и преступлений; но поистине чудовищно оказывать помощь в распространении этого бедствия, усиливая его позиции, поддерживая и соучаствуя в развитии и функционировании этих вопиющих образчиков.

Пусть никто из занимающихся этим не обольщается, что его не коснутся неминуемые следствия. Все, кто принимал участие в действиях, в результате которых умножились беды, страдания и грехи других людей, могут действовать по неведению, из добрых побуждений, и потому избежать нравственного падения — самого ужасного из следствий причиненного

зла, — но никоим образом не смогут избавиться от других следствий и будут вынуждены претерпеть в грядущих жизнях яростные удары карающей справедливости, которая хоть и дремлет в настоящее время, в следующей жизни спать уже не будет.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АКСИОМЫ И СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ

В своей растянутой рецензии на книгу А. Лилли «Будда и ранний буддизм», наш уважаемый друг, критик М. А. (Оксон), пользуется случаем, чтобы сделать еще один выпад против своих доброжелателей, теософов. На основании авторитета (?) м-ра Лилли, который, по-видимому, обладает всезнанием по данному вопросу, обозреватель опровергает и разоблачает утверждения и теории, сформулированные теософами. Приведем теперь цитату из его рецензии «Буддизм и западная мысль», опубликованной в октябрьском номере «*Psychological Review*»:

«Каждому читателю, до сих пор следовавшему за мной, будет очевидно, что буддийская вера пронизана тем, что я описываю как некий специфический, **характерный признак современного спиритуализма** — *верой в существование и руководящую роль духов умерших*. (!?)¹ Я признаю, что это явилось для меня некоторой неожиданностью, и, можно сказать, приятной неожиданностью, ибо натолкнуло меня на мысль, что между восточным и западным образом мышления и верованиями в данном вопросе существует заметный антагонизм. *Мы слышали немало пренебрежительных слов относительно этой особой области веры от некоторых из наших друзей, которые многое поведали нам о теософских убеждениях индусов и, превознося преимущества буддийской веры над христианской, страстно восхваляли одну из них, выказывая чрезвычайное презрение к другой...* Но как бы то ни было, нам слишком часто говорили, что мы должны принять это как урок от тех, кто знает больше нас, и что наша западная вера в деятельность духов умерших людей в нашем мире является «крайним» заблуждением.

¹ Курсив, восклицательные и вопросительные знаки наши. Мы хотели бы знать, что сказали бы на это ученые священники Цейлона, светила буддизма, такие как Сумангала Уннанс?

А мы-то были уверены, что таким было восточное кредо. Для самих себя, мы (по крайней мере, некоторые из нас) предпочитаем наш собственный опыт наставлениям кого бы то ни было, чьи догматические утверждения столь же огульны, как и взгляды восточных экспертов, с которыми нам довелось ознакомиться. Их утверждения и претензии в целом кажутся нам чрезмерными. Быть может, нас склоняют к мысли, что духи умерших не действуют на Востоке, но в любом случае они *проявляют* активность на Западе. И хотя мы далеки от того, чтобы отказать признать истину, которая в значительной степени наполняет восточный спиритуализм, более того, мы изо всех сил пытались убедить наших друзей расширить свои взгляды, выборочно приняв ее, нам ничего не осталось, как с грустью констатировать, что она совершенно противоречит западному опыту.

Некоторое утешение мне доставил м-р Лилли. Повсюду в его книге я нашел не только весьма поучительное разнообразие мнений, которые я мог с большой пользой сопоставить со своими собственными убеждениями и теориями, но также обнаружил, что вера во вмешательство духов умерших людей, о которой все мы воображали, что она *anathema maranatha* [проклята, *лат.*] на Востоке, является, в результате, общепринятым принципом буддизма, по его мнению». (Часть II, стр. 174.)

После этого автор продолжает разглагольствовать о «буддийском спиритуализме» ... «основным принципом» которого является «вера в то, что живые люди могут находиться *en rapport* [в контакте, *франц.*] со своими умершими друзьями»; о существовании адептов, являющихся «высокоразвитыми медиумами»; и приводит интересную цитату из книги м-ра Лилли. Вот что говорит вышеназванный авторитет:

«Я столь подробно остановился на этой вере в сверхъестественное, потому что она имеет исключительную важность для нашей темы. Буддизм, безусловно, был *тщательно разработанной системой для компенсации действия злых духов при помощи добрых духов, которые оказывают наибольшее воздействие при посредстве трупа или части трупа главного содействующего духа.* Буддийский храм, буддийские ритуалы и буддийская литургия, все, по видимому, сходились на этой одной идее о необходимости наличия всего тела умершего человека или его части. Кем же были эти духи-помощники? Каждый буддист, древний или современный, немедленно признал бы, что дух, все еще не достигший личного, или духовного пробуждения, не может быть добрым духом. Он все еще

пребывает во владениях камы (смерти, страсти).¹ Он не в состоянии сделать ничего хорошего; более того, он *должен* творить зло... Ответ северного буддизма, если мы поищем его в таких книгах, как «Белый лотос дхармы» и «Лалитавистара», состоит в том, что добрые духи — это будды, умершие пророки. Они приходят из «сфер будд» общаться с землей».

Все это к вящей радости М. А. (Оксона), так как он полагает, что это подтверждает спиритуальные теории и, предположительно, должно поставить в тупик теософов. Однако мы опасаемся, что все это, в конце концов, приведет в смущение лишь м-ра Лилли.

«Жизнь Будды проникнута тем», — говорит обозреватель, — «что кажется мне безусловным спиритуализмом...»; и с торжеством добавляет: «Знаменательно, что нигде во всем этом объяснении буддийского спиритуализма мы ни разу не натолкнулись на элементарного или элементарного духа».

Тут нечему удивляться, поскольку они имеют в буддийском и брахманическом эзотеризме свои собственные рабочие названия, обозначения которых м-р Лилли — если он понял их смысл столь же правильно, как и значение слова *кама* — просто проглядел или включил их в общее название «духов». Мы не будем пытаться в личном порядке обсуждать спорные вопросы с нашим другом М. А. (Оксоном), так как наш голос обладает для него не бóльшим авторитетом, чем голос м-ра Лилли — для нас. Но мы все же сообщим ему о том, что мы предприняли. Как только мы получили его компетентную рецензию, мы тщательно изучили ее и отослали два номера журнала с ней двум авторитетам для того, чтобы они, в свою очередь, отрецензировали ее и исправили. Мы надеемся, что эти специалисты в области эзотерического буддизма будут сочтены много более весомыми, чем м-р Лилии или любой другой авторитет в этом вопросе; ибо эти двое: (1) г-н Сумангала Уннанс, буддийский первосвященник с Адамова пика

¹ Мы не читали книгу м-ра Лилли; но если он в ней учит многим другим вещам столь же ошибочным, как и его идея о том, что *кама* означает «смерть», то его авторитет становится весьма хрупким. *Кама* никогда не означала смерть, но всегда была синонимом вожделения, страсти; в данном случае — страстного желания продолжения жизни.

(Цейлон), учитель м-ра Риса Дэвидса, член нашего Генерального Совета и наиболее ученый знаток северного буддизма; и (2) коган-лама из Ринччадзе (Тибет), глава архив-регистраторов тайных библиотек далай-ламы Ринпоче в Ташилхунпо, — также член нашего Общества. Кроме того, последний является «панченом», или великим наставником, одним из наиболее ученых богословов северного буддизма и эзотерического ламаизма. От него мы уже получили обещание показать, сколь ошибочны по всем пунктам взгляды обоих, и автора, и его рецензента, в своем последующем письме, сопровождаемое некоторыми нелестными замечаниями в адрес первого, которые вряд ли польстят его авторскому тщеславию. Мы надеемся, что первосвященник Сумангала также поделится своими мыслями относительно «буддийского *спиритуализма*», как только он выкроит свободное время, — что, кстати, не так-то легко, принимая во внимание его загруженность делами. Если и после этого авторитет и ученость м-ра Лилли все же будет считаться выше свидетельства этих двух наиболее ученых *буддийских* толкователей южного и северного буддизма наших дней, тогда нам ничего более не останется, как развести руками.

Между тем, никто не будет отрицать тот факт, что эзотерический буддизм и брахманизм по сути *одно* и то же, ибо первый произошел из последнего. Однако хорошо известно, что наиболее важной особенностью реформы Будды было то, что он сделал адепство или *просветление* (посредством *дхьянических* практик *иддхи*) открытым для всех, тогда как брахманы ревниво лишали всех людей за пределами своей собственной высокомерной касты привилегии учиться совершенной истине. Поэтому, в данной связи мы приведем идеи ученого брамина о спиритуализме, рассматриваемом с эзотерической точки зрения.¹ Автор статьи, более опытный в брахманических оккультных науках, чем любой индийский мирянин за пределами внутреннего конклава адептов, рассматривает в ней *семеричный* принцип в человеке, как он дается во «Фрагментах оккультной истины», и проводит для этой цели исчерпы-

¹ См. статью Субба Роу «Арийско-архатские эзотерические учения о семеричном принципе в человеке», с комментариями Е. П. Б., опубликованную в «Скрижалях астрального света», стр. 574-597, изд-во «ЭКС-МО-Пресс», 2000. — *Прим. редактора.*

вающее сопоставление между двумя эзотерическими доктринами, брахманической и буддийской, которые он считает «идентичными по существу». Его письмо было написано по нашей личной просьбе, и не с целью вступить в полемику, поскольку сам автор, отвечая нам, скорее всего, был далек от мысли, что оно когда-либо будет опубликовано. Однако, получив его разрешение на публикацию, мы теперь с удовольствием воспользуемся этой возможностью. Помимо того, что это будет, вероятно, лучшей рецензией на столь сложный для понимания вопрос, которую мы когда-либо рассчитывали бы получить, это покажет М. А. (Оксону) и другим нашим друзьям, спиритуалистам, сколь поверхностно усвоили такие авторы, как м-р Лилли, «основной принцип» азиатских религий и философии. К тому же читатели смогут осмыслить, в какой мере современный спиритуализм, в его нынешней интерпретации, является «распространенным принципом» брахманизма, старшего брата буддизма.

ГИПНОТИЧЕСКИЕ МЕДИУМЫ И «ИСТОРИЧЕСКИЕ» ВИДЕНИЯ

Софья Перовская как «дух»

О достоверности опознания *возвращающихся* духов можно сделать некоторый вывод из той порции свежей информации, которая была получена недавно из «Религиозно-философского журнала» за 23 июля. Одна дама из Рочестера, США, некая миссис Корнелия Гарднер, написала сообщение о личном опыте своих собственных ясновидческих сил. Рассказывая об «индивидуальности духов и их посланиях», она говорит: «Обычно я принимаю их за то, чего они заслуживают, и если я получаю доказательство истинности, я более чем довольна; если же этого не происходит, я кладу их на чаши весов вместе со многим другим, и буду ждать доказательств, прежде чем что-либо решить, ибо я верю, что духов надо испытывать так же, как и медиумов».

Несомненно; и очень жалко, что автор должен был в данном случае отступить от своей мудрой политики. Пренебрегая «ожиданием доказательств», ныне она навлекает большое сомнение в достоверности и ясности своего ясновидения. Вот суть того дела, о котором она рассказывает нам: мадам (?) Перовская, нигилистка, казненная за ужасное убийство царя Александра II, по-видимому, поспешила в субботний полдень, после казни пяти нигилистов в Санкт-Петербурге, появиться в эфирном теле в Рочестере перед миссис Гарднер, которая услышала ее возглас:

— Я рада, что я сделала это! Это было сделано ради свободы и моих соотечественников. Я страдала вместе с другими членами моей семьи от власти тирании, и я чувствовала некую силу, которая побуждала меня идти вперед и которой я не

могла сопротивляться. Теперь я знаю, чем было это невидимое влияние, и почему я не могла ему сопротивляться. Я действовала в согласии с невидимыми силами высших разумных существ, которые осуществляют великие изменения на земле, чтобы доказать, что пробил час человека.

На вопрос ясновидящей:

— Кто вы? — голос ответил:

— Я мадам Софья Перовская. Я была казнена в Санкт-Петербурге вместе с нигилистами за убийство царя.

Черты верхней части лица становились видимыми, они показывали «ясный, широкий и высокий лоб», который помог ясновидящей отождествить это лицо с лицом Софьи Перовской. На следующий день она обнаружила в газетах сообщение об этой казни. «Наиболее замечательным объектом», — пишет она, — «в экипаже, который перевозил узников к эшафоту, был «широкий, высокий лоб» мадам Перовской, которая ехала к месту своей казни с непокрытой головой. Это описание вполне отвечало той голове, которую я видела в состоянии ясновидения».

Очень хорошо. А теперь мы проанализируем это замечательное видение. Итак. В едва ли дюжине строк, которые были, как нам говорят, произнесены «духом», мы обнаруживаем около полудюжины *посмертных* выдумок. Софья Перовская, которая, между прочим, никогда не имела «широкого, высокого лба», но обладала очень *узким* и вытянутым лбом (у нас имеется ее фотография), и чело лишь делало ее естественную красоту немного грубоватой, — не могла «ехать к месту казни с непокрытой головой». Помимо того, что правила требуют, чтобы на заключенных были надеты их черные шапки, ее руки были связаны. И с этой шапкой она появилась, по крайней мере, на фотографических изображениях ужасной процессии и в официальных сообщениях о казни, где нет места поэтической фантазии, и где упоминается эта шапка. Кроме того, Софья Перовская не могла бы представляться после своей смерти как «мадам», как она не делала этого и в своей жизни, поскольку она не была замужем и всегда называлась «мадемуазель» Перовская и в русских, и в европейских газетах. И опять-таки — все «другие члены моей (ее) семьи» пострадали лишь от того вечного позора, который навлекло на них это

жалкое и бессердечное создание. Эта семья, долгие годы проживавшая в Крыму, известна всему одесскому обществу, так же как и лично автору; и мы говорим не боясь никаких опровержений, что едва ли был другой русский человек, столь лояльный и преданный покойному императору, как несчастный отец Софьи Перовской, — отец, который не смог пережить такого бесчестья, вследствие чего умер от разрыва сердца, или, как многие предполагают, в результате самоубийства. «Ради свободы» и ее соотечественников! Благодаря безумному акту цареубийства несчастная Россия была отброшена на сорок лет назад, ее политические оковы ныне стали тяжелее и сильнее, чем когда-либо. Но наиболее дискредитирующая и опасная часть (опасная для «ангелов») тирады Перовской-привидения — это заключительная фраза о ее тесных связях. Если эта хладнокровная убийца действовала «в согласии с невидимыми силами *высших* разумных существ», и эти «высшие разумные существа» побудили ее совершить самое ужасное из преступлений — убийство *престарелого человека* (тот факт, что этот человек был императором, ничего не добавит к нашему негодованию) и самого доброго, высокопатриотичного и наиболее благожелательно настроенного к своему народу человека и правителя, которого когда-либо имела Россия; который, если бы его оставили в покое вместо того, чтобы посылать ежедневные угрозы, и дали время, несомненно, смог бы осуществить все необходимые реформы и, таким образом, добавить их к тем великим реформам, которые уже были проведены, — тогда какой же характер, можем мы спросить, должны иметь «низшие» разумные создания? И подумать о том, что данное «духовное сообщение» было опубликовано именно в то же самое время, когда президент Соединенных Штатов, генерал Гарфилд, был смертельно ранен рукой подлого убийцы и вскоре умер... Не эти ли «высшие разумные существа» направляли руку Гито? И если это так, то чем раньше мы, смертные, закроем наши двери от вторжения таких опасных гостей, тем лучше это будет для нравственности во всем мире.

Это удивительное письмо заканчивается другой информацией не менее вредоносного характера. «Однажды», — пишет миссис Гарднер, — «она (Перовская) появилась снова в

доме одного друга вместе с женщиной, которую российское правосудие арестовало перед родами и жестоко замучило до смерти».

Сколь же это удивительно! Если бы ясновидящая лишь ожидала «доказательств», она могла бы узнать из августовских газет официальные новости, что «женщина, которую российское правосудие ... жестоко замучило до смерти» (позорная выдумка русских нигилистов в Париже), а именно, еврейка Джесси Гелффман, была помилована императором, а ее смертный приговор был заменен пожизненной ссылкой. Именно в связи с петицией, посланной ею императрице и умоляющей о милосердии во имя детей императора и ее собственного невинного ребенка — ребенка цареубийцы, — была сохранена ее никчемная жизнь. Не ожидала ли миссис Гарднер, что убийца будет не только прощена, но и произведена императрицей в придворные дамы? Мы бы посоветовали ей в таком случае использовать свои психологические силы для того, чтобы склонить американских республиканцев проголосовать за назначение Гито государственным секретарем, если не президентом Соединенных Штатов вместо его жертвы.

Эти две небольшие психологические ошибки напоминают нам о другой ошибке того же рода, которая имела место также в «Религиозно-философском журнале» несколько лет назад. В серии писем, вспоминая о пребывании в Санкт-Петербурге, некий м-р Джесси Шеппард — безусловно, подлинный, хотя и очень странный медиум, «гипнотический пианист» и певец из Америки, благодаря удивительным горловым связкам которого покойные мадам Каталани, Малибран, Гризи и синьоры Лаблаш, Ронцони и Ко., вместе с множеством других оперных знаменитостей, ежедневно совершали свои посмертные представления — рассказывает о некоторых своих удивительных «видениях». Такие видения, которые мы можем назвать *историческими*, были получены им в состоянии ясновидческого транса в России. Захватывающей темой одного из них было убийство императора Павла I. В это время м-р Джесси Шеппард посетил тот дворец, в котором было совершено ужасное цареубийство, и состояние транса и последующие видения были вызваны, как он сам сообщает нам, печальными asso-

циациями, которые подобно невидимому покрывалу окутывали весь дворец. Но как же вообще смог знаменитый медиум попасть во дворец, который был разрушен до основания более чем восемьдесят лет тому назад, — собственно, сразу же после того, как произошло это преступление, на его месте было построено военное училище, — этого мы не можем объяснить. Однако, и несмотря на все это, м-р Дж. Шеппард был там, — поскольку он сам сообщает нам об этом, — и там он увидел в апокалиптическом и ретроспективном видении сцену кошмарного убийства, со всеми ее отвратительными, но все же историческими подробностями. Он видел, что императору Павлу *перерезали горло* двое крепостных, которые носили русско-американские имена — фавориты Екатерины II, «жены Павла», которую медиум видел спокойно ожидающей финала этой небольшой супружеской драмы в своей собственной спальне, и т. д., и т. д... Теперь, принимая во внимание тот незначительный и неоспоримый исторический факт, что Екатерина Великая *была матерью Павла и умерла еще до того, как Павел взошел на российский престол*, и что, как логическое следствие, она не могла быть в то же самое время его женой, а следовательно, не имела никакого отношения к его несчастной кончине; и, в-третьих, что император Павел был задушен своим собственным форменным шарфом, и потому вдобавок перерезать ему горло — это было бы весьма необдуманное нанесение еще одной травмы в дополнение к уже имеющейся; мы можем сказать, что в течение всей нашей жизни, с тех пор как мы читали и обдумывали это видение, мы никогда не могли найти разумную причину такого «явления»! И мы не можем ничего понять в большинстве современных медиумических видений. Может ли это сделать кто-то другой?

Само собой разумеется, что эти заметки навлекут на нашу голову новый ураган оскорблений, который, в ходе своего вихреобразного и все усиливающегося движения, будет находить свое развитие во все новых видах совершенно удивительного и неожиданного поношения и оскорбления. Так, я ожидаю, что меня вновь назовут «обманщицей»; подкупленным агентом живых иезуитов, нанятым для разрушения спиритуализма; и «медиумом» иезуитов мертвых, а именно, «духов иезуитов», которые используют меня для этой цели. Меня

будут обвинять в бигамии, тригамии и полигамии, в том, что я ограбила Английский банк и, быть может, убила своими «психологическими силами, соединенными с плутовством», папу римского и нескольких британских премьер-министров; в том, что я являюсь одной из героинь Эмиля Золя и говорю на французском *арго* [сленге], сходным с языком одного из воров-карманников в «Парижских тайнах» Эжена Сю (это скорее комплимент моим лингвистическим способностям, чем наоборот, и даже более того, поскольку наши собственные обвинители вряд ли могут правильно говорить на своем собственном языке). Если закончить перечень наших ужасающих пороков, то мы будем прямо обвиняться в курении трубки и «сигарет», (!) «неистовом богохульстве» (!!) и «неодолимом пристрастии к спиртным напиткам». (!!!) И все это потому, что мы подвергаем сомнению достоверность и правдивость «духов», которые пренебрегают изучением истории, и отказываемся признать существование «призраков» людей, о которых мы знаем, что они живы. *Furor arma ministrat* [орудием служит бешенство, *лат.*]... Поистине, только лишь правда, да к тому же самая неприятная, какая только может быть, способна вызвать у людей такие припадки безумной ярости!

В связи со всем вышеизложенным мы сожалеем о том, что до настоящего времени уважаемое и «философское» издание опустилось на уровень совершенно непристойного маленького журнальчика — определенно безумного органа спиритов «*Weekly*» в Филадельфии. Это весьма прискорбно, что руководители журнала, который предполагает посвятить себя религии и философии, позволяют беспринципным корреспондентам превращать его страницы в средство для распространения самой низкой клеветы, состряпанной для удовлетворения личной злобы. Позорное письмо (позорное для журнала, который его опубликовал) — за появление которого, как мы надеемся, не несет непосредственной ответственности полковник Бунди, редактор «Религиозно-философского журнала», которого не было в то время в стране — изливает поток грязной клеветы, направленный против редакторов «Теософиста». Эта тирада — которую никогда не написал бы ни один джент-

льмен, и даже человек, обладающий самыми слабыми привычками джентльмена — не заслуживает детального рассмотрения, так как она может вызвать лишь чувство отвращения к автору в некоторых людях, а у всех остальных лишь гомерический смех. Однако, как бы то ни было, ее появление связано с мстительной враждебностью одной слабоумной француженки с «дальнего Запада», мнимого медиума для создания «спиритических фотографий», которая никогда не простит теософов за то, что они отказывали ей в чести пребывать в окружении семьи знаменитого покойного Бонапарта в астральной сфере. «Факты, которыми я обладаю», — и которыми этот автор столь наивно хвастается, являются по большей части информацией из вторых рук, полученной им от этого бедного, обманутого создания. Тот факт, что он обвиняет меня в страсти к спиртному и пособничестве иезуитам, сам по себе достаточен в глазах всех, кто меня знает, для того, чтобы определить характер нападения, о котором нам не нужно более распространяться.

СЛУЧАЙ ОДЕРЖИМОСТИ

Подробности, относящиеся к случаю «одержимости», который упоминался в апрельском номере нашего журнала, даются в следующем письме уважаемого английского доктора, который ухаживает за жертвой:

«Я позволяю себе обратиться к Вам по причине человеколюбия и с намерением привлечь ваши симпатии и получить всю возможную помощь, какую Вы можете предоставить в случае так называемого «контроля». Вы поймете, что джентльмен *становится медиумом* против его воли при посещении им нескольких спиритических сеансов с намерением быть свидетелем «материализации».

С тех пор как он был в той или иной степени подвержен серии преследований со стороны «контролирующих» духов, и, несмотря на все его попытки избавиться от такого влияния, его заставляли страдать наиболее позорно и болезненно очень многими способами, при исключительно мучительных и тяжелых обстоятельствах, особенно путем направления его мыслей по запретному руслу без какой-либо внешней причины, — деятельность органов его тела была чрезмерно усилена, что приводило к тому, что он очень сильно кусал свой язык и щеки во время еды и т. д., и подвергался разным мелким неприятностям, служащим средством «контроля» (неизвестного), обеспечивающего поддержание связи. Детали, в своих наиболее болезненных чертах, таковы, что я не могу написать вам о них; но если существуют какие-либо средства, известные вам, для того, чтобы отвести это влияние, и если необходимы большие подробности в моем описании этого случая, я пошлю вам всю информацию, которая у меня имеется».

В Индии столь мало известно о последней и наиболее ужасающей фазе западных медиумических феноменов — «материализации», — что необходимо сказать несколько слов объяснения для того, чтобы сделать понятным этот случай. Коротко говоря, в течение нескольких лет в присутствии не-

которых медиумов в Америке и Европе наблюдалось — часто в хороших для проверки условиях — появление умерших людей, которые во всех отношениях казались похожими на живые существа. Они прогуливаются, пишут сообщения присутствующим и отсутствующим друзьям, говорят вслух на языках, известных им в течение их жизни, даже если медиум может быть незнаком с ними, и одеваются в те наряды, которые они носили при жизни. Были обнаружены многие случаи мошеннического выдавания себя за умершего, поддельные медиумы иногда по несколько лет обманывали доверчивых людей, но также и истинные медиумы, чьи психические силы, несомненно, были доказаны, были пойманы на том, что они совершали трюки в некое злосчастное время, поддавшись либо любви к деньгам, либо к славе. Принимая во внимание эти случаи, все же очевидно, что имеется какое-то количество истинных случаев материализации, или того, что делаются видимыми, осязаемыми и слышимыми изображения умерших людей. Эти удивительные феномены рассматривались исследователями различным образом. Большинство спиритуалистов смотрели на них как на наиболее точные доказательства продолжения существования души; в то время как теософы, знакомые с взглядами древних теургистов и еще более древних арийских философов, рассматривали их как наиболее обманчивые заблуждения чувств, чреватые опасностью для физической и нравственной природы как медиума, так и наблюдателя — если последний оказался восприимчивым к определенным психическим воздействиям. Такие люди, изучающие оккультизм, отмечали, что эти медиумы, которые совершают материализацию, слишком часто имеют подорванное состояние здоровья из-за истощения их организма и нарушений их нравственности. Они снова и снова предупреждали спиритуалистически настроенную публику, что медиумичность — это наиболее опасный дар, допустимый лишь с очень большими предосторожностями. И за это они получили многочисленные обвинения и немногие благодарности. И все-таки наш долг нужно исполнить любой ценой, и случай, находящийся сейчас перед нами, дает ценную возможность еще для одного дружеского совета.

Нам не нужно прекращать обсуждение вопроса о том, являются ли вышеописанные так называемые материализован-

ные формы — формами умерших, на которых они похожи, или же нет. Это можно отложить до тех пор, пока будут лучше поняты основные факты восточной психической науки. Нам не следует также спорить о том, была ли когда-нибудь совершена достоверная материализация. Опыты м-ра Уильяма Крукса, из Общества психических исследований, в Лондоне, и полковника Олькотта в Америке (оба они столь широко известны и обладают столь убедительной репутацией), предоставляют нам достаточное обоснование для обсуждаемых фактов. Мы допускаем реальность материализации и приведем пример, описываемый английским медиком как повод для установления диагноза.

Описывается пациент, который как бы оказался под «контролем» после посещения нескольких «кружков», на которых проводились материализации; он стал рабом некоторой злой силы, заставляющей его говорить и совершать болезненные и всегда отвратительные поступки, несмотря на его сопротивление. Почему это произошло? Как можно заставить человека действовать против его воли? Что такое одержимость? Это три коротких вопроса, но очень трудно объяснить их непосвященной публике. Законы одержимости могут быть хорошо поняты лишь тем, кто изучил глубины индийской философии. Единственный ключ к тайне, которым обладает Запад, содержится в такой в высшей степени благородной науке, как магнетизм или месмеризм. Он учит тому, что существует жизненный флюид внутри и вокруг человека; что есть различные человеческие полярности; что возможно для одного человека передавать этот флюид или силу по своей воле другому человеку, иначе поляризованному. Теория барона Рейхенбаха об *одиле*, или *одической* силе, показывает нам существование того же самого флюида в минеральном и растительном царствах так же, как и в царстве животных. Завершая цепь доказательств, открытие Бьюкеноном психометрической способности в человеке дает нам возможность доказать, при помощи этой способности, что люди оказывают тонкое воздействие на дома и даже на те места, где они живут, на бумагу, на которой они пишут, одежду, которую носят, на ту часть универсального эфира (арийская *акаша*), в которой они существуют, — и что это постоянное воздействие, которое может быть воспринято

даже в весьма удаленные эпохи по отношению к тому времени, когда данный человек жил и оказывал это воздействие. Другими словами, мы можем сказать, что открытия западной науки подтверждают наиболее полным образом намеки, высказанные греческими мудрецами и более определенные теории некоторых индийских философов.

Индуисты и буддисты равным образом верят в то, что мысль и поступок являются материальными, так что они продолжают существовать, что злые и добрые желания человека окружают его в мире, созданном им самим, что такие желания и мысли принимают форму в такой степени, что они становятся реальными для него после смерти, и что *мокша* в одном случае, и *нирвана* — в другом не могут быть достигнуты до тех пор, пока бестелесная душа не пройдет полностью через этот темный мир появившихся мыслей, и не станет полностью свободной от последнего пятнышка ее земного порока. Прогресс западных открытий в этом направлении до сих пор происходил крайне постепенно, и так, очевидно, будет всегда. От феноменов грубой материи — к явлениям, происходящим в более тонкой, возвышенной материи, и лишь после этого по направлению к тайнам духа — такова трудная дорога, которую необходимо пройти согласно наставлениям Аристотеля. Западная наука впервые установила, что в воздухе, выходящем при нашем дыхании, содержится углекислый газ, который, будучи в избытке, является смертельным для человеческой жизни; далее, что определенные опасные заболевания переходят от одного человека к другому в виде спор, выдыхаемых в воздух больным; далее, что человек переносит на любое тело или любую вещь, с которой он сталкивается, некую магнетическую *ауру*, свойственную для него; и, наконец, что физические нарушения преобразуются в эфире в процесс мыслительной эволюции. Другим шагом в продвижении вперед будет реализация магической творящей силы человеческого разума и понимание того факта, что моральный порок так же передаваем, как и физический. «Влияние» плохих товарищей будет понято тогда как дурной личный магнетизм, более тонкий, чем впечатление, передаваемое глазу или уху посредством взглядов и звуков в порочной компании. Последнего можно избежать путем решительного отказа видеть и слышать

плохое; но первый окутывает сенситива и пронизывает все его существо, если он лишь окажется там, где воздух пропитан моральным ядом. «Животный магнетизм» Грегори, «Исследования» Рейхенбаха и «Душа вещей» Дентона сделают многое из этого понятным для западного человека, хотя никто из этих авторов и не проследил связи своей любимой области науки с ее родоначальником — индийской психологией.

Возвращаясь к выше приведенному случаю, мы видим человека, в высшей степени чувствительного к магнетическим впечатлениям, несведущего в природе «материализаций» и поэтому неспособного защитить себя от дурных влияний, вовлеченного в контакт с сомнительного рода кругами, где впечатлительный медиум долгое время был невольным ядром злых притяжений, его организм насытился эманациями продолжающих свое существование мыслей и желаний тех, кто живет, и тех, кто уже умер. Мы можем отослать читателя к интересной статье Гаджила, эксперта из Барода, где ясно изложен вопрос о связанных с землей душах, или *пишачах*.

«Считается», — говорит этот автор, — «что в этом состоянии душа, лишенная способов для наслаждения чувственными удовольствиями посредством своего физического тела, постоянно мучается от голода, влечений и других телесных желаний, и может получить лишь викарное удовольствие, входя в живые тела других людей, или поглощая тончайшие испарения от жертвоприношений и возлияний, совершающихся ради них самих».¹

Что же может удивить нас в том факте, что отрицательно заряженный человек чувствительного темперамента, внезапно вовлеченный в ток отвратительных эманаций, исходящих от какого-либо злобного человека, может быть, еще живого, а может быть и мертвого, воспринимает предательский яд так же быстро, как негашеная известь воспринимает влагу, до тех пор, пока он не насытится им? Таким образом чувствительный организм улавливает вирус оспы, или холеры, или тифа, и нам нужно лишь напомнить это, чтобы провести аналогию, которая, как это подтверждает оккультная наука, является оправданной. Поблизости от поверхности земли над нами висит,

¹ См. декабрьский номер «Теософиста» за 1879 г.: «Индуистские представления об общении с мертвыми».

если можно использовать такое сравнение, паробразный моральный туман, состоящий из не рассеявшихся испарений человеческих грехов и страстей. Этот туман проникает до самой глубины души сенситива; его психическое эго поглощает его, как губка поглощает воду, или как свежее молоко поглощает миазмы. Это парализует его нравственное чувство, активизирует его основные инстинкты, пересиливает его добрые решения. Как запах, исходящий из кабака, делает мозг находящегося рядом человека как бы «танцующим», или как рудничный газ перехватывает дыхание в шахте, так это тяжелое облако безнравственных влияний выводит сенситива за пределы самоконтроля, и он становится «одержимым», как наш английский больной.

Какое же средство можно предложить в этом случае? Не говорит ли об этом сам установленный нами диагноз? Сенситив должен разрушить свою чувствительность; отрицательная полярность должна быть превращена в положительную; вместо того, чтобы быть пассивным, он должен стать активным. Ему может помочь магнетизер, который понимает природу одержимости и является нравственно чистым и физически здоровым; это должен быть сильный магнетизер, то есть человек со способной управлять силой воли. Но борьба за свободу, при всем том, должна вестись самим больным. Должна пробудиться его собственная сила воли. Он должен изгнать яд из своего организма. Дюйм за дюймом он должен отвоевать обратно потерянную землю. Он должен осознать, что это вопрос жизни и смерти, спасения или гибели, и бороться за победу подобно тому, кто делает последнюю героическую попытку спасти свою жизнь. Его диета должна быть самой простой, он не должен есть животную пищу, не должен прикасаться к чему-либо стимулирующему или попадать в какую-нибудь компанию, где есть хотя бы малейшая возможность для появления нечистых мыслей. Он должен оставаться в одиночестве минимально, но его компаньоны должны быть выбраны исключительно тщательным образом. Он должен делать упражнения, быть много на свежем воздухе и использовать для очага дрова, а не уголь. Каждое указание на то, что плохое влияние все еще действует на него, должно рассматриваться как призыв проверить свои мысли и вынудить их к тому, чтобы они пребывали

в чистых, возвышенных, духовных областях, и во что бы то ни стало скорее подвергать себя страданию, чем открывать путь этому влиянию. Если этот человек будет иметь такой дух, и его лечащий врач может обеспечить ему благоприятную помощь сильного, здорового гипнотизера, обладающего хорошей репутацией, то он может быть спасен. Случай, почти точно такой же, как этот, за исключением того, что пациентом была женщина, происходил под нашим наблюдением в Америке; тот же самый совет, что и вышеприведенный, был дан и тогда, и ему последовали; вызывающий одержимость «дьявол» был изгнан и с тех пор не появлялся.

ЛОГИКА ПРОТИВ «ПЕРИПАТЕТИКА»

Вряд ли в сферу деятельности нашего журнала входит упоминание о мимолетных выходках случайных корреспондентов в ежедневных газетах, хотя иногда отдельные статьи содержат некоторую полезную или весьма интересную и совершенно объективную информацию. До сих пор мы придерживались этого хорошего правила и надеемся так же поступать и далее. В соответствии с этим принципом, мы едва ли обратили бы какое-либо внимание на заметку в «Bombay Gazette» (16 марта, 1881), подписанную «ваш Перипатетик», и озаглавленную «Ходячая философия», если она не позволила бы нам хорошо проиллюстрировать тот порочный дух, называемый «почтительным уважением к общественному мнению», который мы «для краткости» называем лицемерием. Автор бросает камни в наш огород, и лишь потому, что у нас сегодня появилось некоторое безразличие к такого рода вещам. Мы могли бы найти в его выпадах достаточное оправдание для наших возражений против него, но мы имеем много более серьезное намерение, и это спекулятивное, вымученное произведение «ходячего» философа сослужит нам лучшую службу, чем это, вероятно, ожидала его партия. Ибо для нас «Перипатетик», безусловно, представляет некую партию. Он является рупором того большинства в нашем современном обществе, которое проводит тщательно разработанную политику, полную софистики и парадоксов, за которой каждый из его членов неуклюже скрывает свои собственные личные взгляды. Слова из Откровения: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч»,¹ более приложимы к нашему современному обществу, чем к Лаодикийской церкви; и, зная *их* труды и то,

¹ Откровение, 3:15. — Прим. редактора.

что они «ни холодны, ни горячи», но подобны точному термометру, следующему за изменениями моральной температуры дня, мы теперь проанализируем некоторые отрывочные *ραψωδίαι* [рапсодии, или песни рапсода, «высокопарное пустозвонство», *греч.*,] автора «Ходячей философии».

Если бы мы этого не сделали, он был бы волен порадоваться своему перу, сотворившему довольно пошлое обличение «простоты» м-ра *** и «окультистов» из Симлы! Навешивая ярлык «Простоты» на джентльмена, которого «Перипатетик» называет в газете полным именем (дурной пример, следовать которому мы, конечно, не собираемся), обладающего исключительно острым и выдающимся интеллектом, чьи способности и таланты равно признаны как в Индии, так и в Европе, автор, между прочим, расписывается в своей собственной недалёковидности. Когда кто-либо берет на себя смелость, подписываясь «Перипатетик», он должен уважать свой классический *псевдоним* и, по меньшей мере, позаимствовать немного логики, если уж он не имеет своей собственной. Бегло упомянув, таким образом, о его жалком выпаде против «простаков» из Симлы, мы представим теперь читателю образец логики этого мнимого ученика Аристотеля, которую «Перипатетик» столь парадоксальным образом приписывает себе.

Цитируя знаменитое утверждение Карлейля (который мог иметь в виду таких «Перипатетиков») о том, что население Великобритании состоит из «тридцати миллионов преимущественно дураков», и, принеся на алтарь патриотизма, прибегая к самовосхвалению, свой собственный постулат о том, что «интеллект среднего британца, все же, значительно выше, чем средний интеллект человечества в целом», критик переходит — да простится нам американизм — к *скальпированию* тех, кто верит в феномены. Простота «окультистов из Симлы», однако, по его собственному признанию, «была превзойдена невежеством некоторых *титулованных особ*, которые, согласно данным очевидца опыта Флетчера, *готовы поверить во что угодно*», — утверждение, которое представляется абсолютно точным.

Флетчера и компанию, включающую две трети продажных профессиональных медиумов, мы можем отдать ему на

милость. Обличая их в течение последних шести лет, мы в некоторых отношениях искренне соглашаемся с автором, например, тогда, когда он резко осуждает тех, кто «поверил бы во что угодно». Ни один из этих чересчур доверчивых людей, которые, во время сеансов, проходящих в затемненных помещениях, столь охотно готовы признать в каждой тени на стене или в носовом платке медиума своих «тетю или дядю, или еще кого-нибудь», не имеет права жаловаться, если их посчитают «дураками», хотя даже в таких случаях намного более достойно оказаться искренним дураком, чем обманщиком-медиумом. Также мы не осуждаем автора, когда он высмеивает тех, кто столь легко поверил: «что, когда медиум попросил завести музыкальную шкатулку, один из этой интеллектуальной аудитории стал уверять, что он почувствовал исходящую из него силу, и что этот магнетизм завел шкатулку»; как бы это ни было жестоко, это все же естественно. И если бы «Перипатетик» прекратил свои философские изыскания следующим замечанием: «И все же, вероятно, эти *титулованные* глупцы были бы не прочь поговорить о темных предрассудках невежественных индусов или, если бы они оказались ревностными протестантами, о заблуждениях их католических соседей, полагая, что сами они, вне всякого сомнения, занимаются научным исследованием», — то эту рецензию на «Ходячую философию» не следовало бы публиковать. Мы бы даже пропустили ту странную ошибку, в которую он впадает вместе со многими другими критиками, смешивая явления, в которых якобы участвуют «бестелесные духи», с *естественными* феноменами, в которых нет и намека на сверхъестественное. Мы могли бы не заметить его невежества, поскольку ему, может быть, никогда не говорили, что теософы признают *лишь естественные* феномены, и для них это *единственный* подход к раскрытию тайны; и что *их* целью является развенчание каждого элемента суеверия или веры в чудесное и сверхъестественное, а вовсе не в их одобрении, как он полагает. Но что мы должны думать о философе, считающем себя перипатетиком, который после своих резких высказываний о «глупости» *суеверий* спиритуалистов и оккультистов, заканчивает в высшей степени неожиданным кульбитом. Утверждение, которое он делает не переводя дыхание, кажется до такой степени нелю-

гичным и невероятным, что мы можем охарактеризовать его лишь уместными здесь словами Саутея, *viz.* [а именно, *лат.*], как «одно из наиболее несостоятельных, которое когда-либо было выдвинуто извращенным, парадоксальным разумом». Послушайте его и рассудите, вы, логики и истинные ученики Аристотеля:

«Нет, нет!» — восклицает наш философ. — «Религиозные верования, которые мы впитали с молоком матери, и которые принимает большинство из нас, не могут рассматриваться как суеверие. Для ума человека естественно рассматривать учения, одобренные авторитетом прошедших поколений, как возможные и естественные. Самая искренняя вера такого рода *не всегда может заслуживать нашего уважения*, но она должна неизменно привлекать нашу симпатию, а суеверные глупости *столовращателей* и *спиритистов* всех мастей могут заслужить лишь наше искреннее осуждение. Сколько нужно времени для того, чтобы объяснить людям подобного сорта, что тайны природы, сокрытые от таких исследователей, как Ньютон, Деви, Фарадей и Тиндаль, вряд ли будут открыты ими?»

Да будет нам позволено сказать ему, что тот, кто не верит в *спиритуализм*, не может верить и в христианство, ибо истинной основой этой веры является *материализация Спасителя*. Христианин, если он вообще имеет право выступать против духовных феноменов, может делать это лишь на основе догм своей религии. Он может сказать: «все эти проявления от дьявола»; он не может сказать, что «они невозможны и *не существуют*». Ибо спиритуализм и оккультизм являются суеверием и обманом по сравнению с христианством, тем самым христианством, с его чудесами Моисея и Аэндорскими ведьмами, с его воскрешениями и материализациями ангелов, и сотнями других спиритуальных и оккультных феноменов.

Не забывает ли «Перипатетик», что среди всемирно известных ученых есть много истинных исследователей, таких как г-да Уоллес, Крукс, Вагнер, Бутлеров, Цельнер, Хари, Фихте и Камилл Фламарион, которые основательно изучили и вполне верят в феномены, названные «спиритуальными», пока им не найдено лучшее имя, а в некоторых случаях они сами являются спиритуалистами; но ни Тиндаль, ни Гексли, ни Фарадей и никакой исследователь, со дня творения, не в состоянии были доказать не только какую-либо из религиоз-

ных *человеческих* догм, но даже существование души или Бога?

Мы не «спиритуалисты», и, следовательно, говорим беспристрастно. Если религиозная «искренняя вера, даже не внушающая нам уважения, все же неизменно вызывает нашу симпатию», почему же тогда искренняя вера в духовные феномены — наиболее утешительная, наиболее священная из всех вер, дающая надежду на сохранение тех, кого мы больше всего любили на земле — не должна «привлекать нашу симпатию»? Не потому ли, что это — ненаучно, и точная наука никогда не сможет доказать это? Но религия еще более *ненаучна*. Является ли вера в Святого Духа, спросим мы, менее *слепой*, чем вера в «духов» наших умерших отцов и матерей? Является ли вера в абстрактный и недоказуемый с точки зрения науки принцип более «респектабельной» или достойной симпатии, нежели эта другая вера людей — не менее искренних, чем христиане, — согласно которой духи тех, кого они больше всего любили на земле, их матерей, детей и друзей, постоянно находятся около них, хотя и покинули свои тела? Разумеется, мы «впитываем с молоком матери» такую же любовь к ней, как и к мифической «Матери Божьей». И если в первом случае это *не* рассматривается как суеверие, то к другому случаю это можно отнести еще в меньшей степени! Мы полагаем, что если бы перед профессором Тиндалем или м-ром Гексли встал выбор, верить в воплощение Девы Марии в Лурде или Кноке, или материализацию их собственных матерей в комнате для сеансов, они скорее рискнули бы оказаться «одураченными» в последней. Ибо феномены, как бы редко это не происходило, но все же более чем единожды, оказывались *реальными*, о чем было засвидетельствовано людьми, обладающими бесспорным авторитетом в науке. Под феномены подводятся научные основания; все психологические проявления рассматриваются как факты, имеющие отношение к *точной* науке — физиологии, патологии или магнетизму. Физические, как и психологические, феномены поддаются экспериментам и научным исследованиям, тогда как *сверхъестественная* религия боится и всячески избегает их. Первые не требуют в подтверждение никаких чудес, ничего сверхъестественного, в то время как религия не может обойтись без них и терпит полное фиаско, лишаясь такой веры.

Сами мы, как уже было сказано ранее, не верим в участие «бестелесных духов» в физических медиумических феноменах, но это не дает нам права догматизировать это и пытаться заставить других отказаться от своих убеждений. Все, что мы можем сказать сейчас — это то, что последнее слово об этих феноменах все еще не было сказано; и как теософы — то есть искатели истины, не претендующие на непогрешимость — мы говорим, что спиритуалисты, в конце концов, могут быть столь же правы на своем пути, как правы, по нашему мнению, и мы на своем. То, что никто из спиритуалистов никогда не верил в чудеса и сверхъестественные воздействия, хорошо доказывает их многочисленная литература. Может ли «Перипатетик» сказать то же самое о христианской вере? Послушаем бомбейского епископа, публично провозглашающего свой символ веры:

«Мы», — обращается он к своему клиру, — «те, кого профессиональная честь обязывает утверждать и разъяснять превосходство сверхъестественного над естественным ... упрочили свое исключительное общественное положение в реальности и притязаем сделать то же самое в сверхъестественном. Наше одеяние, наш статус, наш труд, все наше ежедневное окружение, является постоянным напоминанием миру о важности духовных вещей; о том, что они превосходят, по крайней мере, в наших глазах, агрессивные претензии всего преходящего. Следовательно, мы обязаны, исходя из чувства нашего собственного достоинства, подтверждать то, что мы ежедневно провозглашаем».

И это *обязан* делать каждый верующий, независимо от того, во что он верит, если он не хочет потерять *свое лицо*.

Однако в этих иезуитских словах «Перипатетика» отражается в целом положение современной веры. Вера в «сверхъестественное» не может внушать ему уважение, но он чувствует себя обязанным симпатизировать ей; ибо это вера тех, кто его окружает, и это считается заслуживающим уважения; короче говоря, это общепринятая государственная религия, и, возможно, — религия его собственных принципов и приоритетов. И все же к такой честной и искренней вере, как спиритуализм, у него есть «лишь презрение». Почему? Потому что она непопулярна; потому что люди его круга, вовлеченные в такую веру благодаря очевидности *фактов*, скрывают это от

остальных и, подобно Никодиму, пробираются к ее «профессорам» лишь под покровом ночи. Это не модно. Религия и спиритуализм, это примерно то же самое, что распитие в обществе спиртного и курение сигарет. Дама, которая не покраснеет, опустошив на виду у всех стопку крепкого бренди с содовой, будет вытаращив глаза и в шоковом изумлении смотреть на представительницу ее пола, курящую невинную сигарету! Не потому ли автор статьи в «Gazette», которому следовало бы назвать себя «Софистом», ставит подпись «Перипатетик». Очевидно, что он *не* является христианином, ибо, если бы он был таковым, он никогда не осмелился бы на *lapsus calami* [описку, лат.], которая вынуждает его признать, что христианство «не всегда может заслуживать нашего уважения»: но, тем не менее, он таковым считается. И в этом тенденция нашего девятнадцатого века: человек образованного, цивилизованного мира скорее выскажет самый нелогичный, абсурдный софизм, чем искренне признает свою веру того или иного рода! «Для ума человека естественно», — считает он, — «рассматривать учения, одобренные авторитетом прошедших поколений, как возможные и естественные». Если это так, то мы приглашаем всех перипатетиков прошлого, настоящего и будущего, указать нам какую-либо другую доктрину, хоть наполовину столь же живучую, или такую, в какую верили бы столь повсеместно бесчисленные «ушедшие поколения» во всем мире, чем вера в «привидения» и «духов». Вот уж действительно, лучше тысячекратно столкнуться с искренним, сквернословящим, бескомпромиссным фанатиком, чем с глумливым лицемером, говорящим вкрадчивым голосом.

НЕВО БИРС НИМРУДА¹

Sed et Serpens [но и Змий, *лат.*] ***. Какой капитал нажила на этом церковь! Но где же то место в древности, с ее любящими добродетель философами и святыми мудрецами, в котором бы отсутствовал этот символ? Дракон или Змей всегда использовался для аллегорического выражения божественного разума и скрытой мудрости. Древний звездный и астрономический Змей — это сегодня падший Юпитер, прототип падшего архангела; Князь Воздуха стал на средневековых изображениях своего рода фантастическим *Draco volans* [летучим драконом, *лат.*], одной из разновидностей райского искусителя. Драконы и Змеи повсюду, и даже Светоносец, ослепительный Люцифер, стал ныне Князем Тьмы и «Адским» Змием. Когда христианские народы, разрушая учебные заведения и языческие храмы, утратили ключ к истинному значению этого символа и древним драконическим структурам, их духовенство захотело видеть дьявольские рога и копыта, которые выглядывали бы из-под основания всякого величественного храма, любого древнего нехристианского святилища.

Истинное философское значение легенд и аллегорий о священном змее ныне совершенно утрачено. Причина того, почему древние египтяне находили в драконе и его многочисленных змеевидных разновидностях нечто *божественное*, объяснялась самыми разными способами, но никогда не была истолкована удовлетворительно. «Божественное», — говорит

¹ Звездочками в тексте отмечены неразборчивые в рукописи места, не поддающиеся расшифровке. Оригинал рукописи хранится у Годфри Уоткинса, сына Джона М. Уоткинса, известного в свое время книгоиздателя и распространителя трудов Блаватской, которому довелось быть лично знакомым с Е. П. Б. — *Прим. редактора.*

Элиан в своей «Природе животных»,¹ — «да; но в то же самое время было бы лучше оставить его в покое (*divinius quodque praestet ignorari*)», и он добавляет как бы мимоходом, что истинная цель, ради которой афиняне вскармливали больших змей в своих храмах, заключалась в том, что «они хотели иметь у себя под рукой *пророков*». Но то же самое по сей день делают не только «язычники» индусы, но и мусульманские унитарии-теисты Каира и других исламских центров, чьи мудрецы дают точно такое же объяснение этому, как и мудрецы древности. Священный дракон Эпидавра, который, согласно легенде, сам явился на зов жителей этого города, потребовал, чтобы ему был сооружен храм на Тибре, у подножия горы Палатин; месте, где он изменил свой вид, «чтобы они никогда не перестали советоваться с ним как с пророком».²

Слово «дракон», как говорится, это некий термин, имеющий у каждого из древних народов такой же смысл, какой вкладывают в него по сей день китайцы — протяженность, или «существо, выдающееся своим умом», и в греческом языке δράκων означает «того, кто видит и наблюдает». Согласно Ж. де Камбри («*Monumens Celtiques*», стр. 299),³ «*drouk*» на языке Британии, во Франции, означает *дьявола*, отсюда происходит и *droghedanum sepulcrum*, или «дьявольская могила». В Лангедоке духи стихий назывались *drac*, во Франции *drogg*, а в Бретони слова *dreag*, *wraie Wran* имели, безусловно, то же самое происхождение, и замок *Drogheda* в Британии имеет ту же самую этимологию, но в каждом из вышеприведенных случаев связь этих терминов с «дьяволом» имела христианское, а, следовательно, более позднее происхождение. Ни одно из процитированных слов не несло такого смысла в дохристианское время.⁴

Но сегодня, как уже было отмечено, всякий «языческий» памятник связывают с духом зла. Хорошим примером для этого служит слово *Babel* [Вавилон], которое в древние времена

¹ Кн. XI, гл. xvii.

² «*Val. Max.*», кн. I, viii, § 2.

³ Жакуи де Камбри: «Кельтские памятники; или исследования культа камней», Париж, 1805 г. — *Прим. редактора*.

⁴ Де Мирвиль, «*Pneumatologie. Des Esprits, etc.*», том II, стр. 423, прим. 1.

означало «дворец (или жилище) Бога». Вольтер выразил удивление, почему это слово стали переводить как «смешение» (языков) ***. «Так как *ba* обозначает «отца» во всех восточных языках, а *bel* — «Бога», то, следовательно, Вавилон следует читать как **град Бога**.¹ Но церковь настаивает на своей трактовке слова *babel* как «смешение».

Но здесь на сцену выступает ассириология, которая предлагает нам свои новейшие открытия. Благодаря стараниям м-ра Ж. Опперта были переведены некоторые вавилонские клинописные таблички, из которых явствует: что бы ни означало слово *Babel* в дни (несуществующего) Ноя, во времена Навуходоносора, царя, который восстановил, по его собственным словам *** Бирс Нимруд, первоначально посвященный Нево, Богу Мудрости, а затем — Бэлу-Меродаху, его отцу, — оно не означало ничего подобного. Эти таблички были доставлены в Англию полковником Роулинсоном, обнаружившим их при раскопках в Борсиппе, или «Бирс Нимруде», и ни один из переведенных текстов не позволяет нам сделать вывод о каком-либо смешении языков, произошедшем в Вавилоне. В них сообщается, что Навуходоносор, царь вавилонский, заново воздвиг и отстроил «семь легендарных башен» и «храм *семи светил*»; храм (первоначальный Вавилон), который был разрушен землетрясением за *сорок два поколения* до этого. Позже мы узнаем, что этот храм с самого начала был возведен для астрологических целей, которым всегда и служил, а именно, что он был построен в честь *семи светил*, или семи планетарных духов, идентичных с христианскими «семью духами Господа» ***. Так как их обожествление проводилось более или менее открыто в течение средних веков, начиная с VIII столетия, и то же самое продолжается и по сей день римскими католиками,² — мы положительно не усматриваем никакой веской причины, по которой эти «духи» должны были быть менее божественными или более дьяволическими, или, опять-таки, более змееподобными, когда им поклонялись в Вавилоне, чем те же самые духи, которым воздают почести и хвалу в Риме?

¹ «Dictionnaire Philosophique», ст. «Вавилон».

² См. «Люцифер», том II, стр. 355 и далее, о культе семи духов в римско-католической церкви.

Это факт, что та вавилонская башня, которая, согласно легенде, была отстроена Нимродом, не имеет никакого отношения к подлинной башне, выстроенной в Вавилонии задолго до того времени, когда жили составители книг Моисея. «Вавилон» не имеет ничего общего с еврейским словом *бавель* или *бабиль*, «бормотание», ибо ныне забыто даже правильное произношение этого наименования. Одна легенда, сохраненная кочевыми племенами Малой Азии, говорит о некоей башне, называемой *Не-ба-бэл*, и это было подлинным названием пирамиды, восстановленной Навуходоносором. Его этимология будет самой простой и очевидной вещью в мире, если мы вспомним о том, кем является Нево. Действительно, он был сыном Меродаха, или *Бэла*, и именно в честь этого Бога Мудрости (Сына), «Спасителя, Мудреца, который ведет людей к голосу Великого Бога, своего отца, и получает свет от Него», и был построен этот храм, который назывался *Небабэл*, или «Нево (сын) Эла».

Это божество было тесно связано с величественным *Бирс Нимрудом* по той простой причине, что его храм был расположен в верхней башне семи этажей, из которых состояло пирамидальное здание Бирс Нимруда.¹ Воспользуемся здесь авторитетным свидетельством Геродота. Он говорит о нем (кн. I, § 181), называя его храмом Юпитера-Бэлуса, и упоминает капеллу, или башню, на последнем, или седьмом, этаже (хотя описывает ее как восьмой этаж), где можно увидеть удивительную по своему великолепию усыпальницу бога с золотым столом и ложем, на котором временами *отдыхает Нево*.

Тот факт, что слова *бабиль*, *бабилух* или *бавель* означают в сирийском и еврейском языках «невнятный говор», как это представлено у де Ружмона, по мнению которого «клинописные таблички, по всей видимости, подтверждают реальное существование Моисея»,² — поистине имеет весьма небольшое значение для кого бы то ни было, кроме того, кто заинтересован в защите библейских утверждений. Ибо малейшее

¹ *Бирс*, «жилище богов», или семи духов, Нимрода, *** астро *** и халдеев.

² «Первобытные люди», том III, стр. 96.

изменение гласной, неправильное ударение или интонация могут дать совершенно иное значение любому слову и изменить, таким образом, его первоначальное значение или идею. Вавилонские жрецы, которые, согласно Цицерону, «утверждают, что они сохранили на своих памятниках наблюдения, которые охватывают период времени в 470.000 лет»,¹ могли преувеличивать, а могли и нет, — но все же должно было пройти много тысячелетий между ранней и первобытной конструкцией халдейских языков и еврейским языком более поздних сохранившихся свитков, в которых слово *babel* интерпретируется как «смешение», и таким образом возникает повод для отождествления этого слова, в библейских целях, с вавилонской башней. Отсюда — широкий простор для всяческих спекуляций.

В любом случае, поскольку современная наука постепенно приходит к мудрому заключению, что было бы чересчур опасным испытанием для веры признание того, что «все существующие языки различных народов могли произойти одновременно и из одного общего источника под влиянием божественного вмешательства» (Ренан: «Langues Semitiques»),² перевод Вавилона как *смешение* можно не принимать во внимание, оставив его на совести толкователей Библии.

Что касается Нево, то он был «Богом» в представлении простых людей и, эзотерически, таинственной СИЛОЙ, управляющей планетой Меркурий — символом и «домом тайной мудрости», *** к которому халдеи обращались как к «Тому, кто сам себя создал *из себя самого*», — иначе говоря, *божественной* мудростью. Все то, что ныне известно относительно этого «божества», запечатлено на глиняных табличках, найденных и привезенных в Европу полковником Роулинсоном, *** клинописный текст которых был частично переведен *** м-ром Жюлем Оппертом, выдающимся ориенталистом и членом Азиатского общества в Париже, а позднее дополнен Джорджем Смитом. Буквальное значение перевода, даже если принять его в таком несовершенном виде, как существующий,

¹ «De Divinatione», I, 36.

² Эрнест Ренан: «Всеобщая история и сравнительная система семитских языков», Париж, 1893 г. — *Прим редактора*.

все же годится для того, чтобы открыть изучающему оккультизм истинный характер «бога», к которому обращены данные тексты.

Вот они:

«Я, *Нево*хадносор, царь Вавилона, слуга Предвечного Единого, находящегося в сердце Меродаха, Высший Монарх, который превозносит Нево, Спасителя, Мудреца, *который выслушивает наставления этого великого бога*: Царь-Наместник ***, который восстановил пирамиду и башню из [семи этажей]. Я, сын *Нево*полассора, царь Вавилонии.

Великий Господь Меродах породил меня и повелел восстановить его обитель. Нево, который наблюдает за *небесными и земными воинствами*, вооружил мою руку скипетром правосудия.

Эта пирамида является великим храмом Неба и Земли, жилищем Учителя Богов — Меродаха. Святилище в ней, которое я воссоздал из чистого золота, — это место отдыха Его Владычества. Семизэтажную Башню,¹ вечный Дом, который я вновь отстроил и восстановил, я отделал полированными плитами из кедра и кипариса, и завершил его великолепие золотом, серебром и другими металлами ***.

...Я закончил *первое* здание, храм в центре земли, с которым связана память Вавилона, и сделал ему надстройку из кирпича и меди.

Второе сооружение таково: храм Семи светил Земли,² с которым связана память Борсиппа («Бирс Нимруда»), начатый первым царем — со времени правления которого минули сорок две человеческие жизни,³ — и по вине которого его вершина осталась незавершенной много веков назад, так как мысли его были выражены весьма беспорядочно. («Оставшийся план строения был

¹ В соответствии с прочтением надписей на глиняных табличках Роулинсона, Бирс Нимруд состоял из семи этажей, символизирующих концентрические круги семи сфер, каждый из которых был построен из цветных плит и металлов, соответствующих цвету управляющей планеты. (Ср. Генри К. Роулинсон: «О Бирс Нимруде, или великом храме Борсиппы», в «Трудах Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии», том XVIII, 1861 г., стр. 17-19). Точное соответствие цветов каждой отдельной планете показано ныне телескопическими и спектроскопическими открытиями современной науки.

² Эти светила являются семью планетами, которые символизируются в еврейской скинии семисвечником.

³ Сорок два *столетия*, если считать продолжительность человеческой жизни за 100 лет.

слишком неопределенным», — как переводят это место некоторые ориенталисты.) Землетрясение и гром разрушили свежие кирпичи, которые раскрошились и упали вниз, образовав небольшие холмики.

Чтобы восстановить его, великий бог Меродах завладел моим сердцем; я не менял его местоположения и не перекладывал его фундамент *** , но обновил окружающие его балюстрады *** и отстроил заново его вершину.

Нево, сам себя породивший, Высший Разум ... благослови мой труд ... благоволи ко мне всегда на пути *грядущих времен, в семикратном умножении в перерождениях* (стать совершенным семеричным существом в каждом перевоплощении), победе на троне и т. д., и т. п. *** Навуходоносор, царь, который восстановил это, останется распростертым перед твоим ликом».

Имя *Навузардан*, включающее в себя *Нево*, или *Наву*, по всей видимости, только в еврейском языке означает «Наву есть Господь» (*גבּוּר אֱלֹהִים*); но в персидском языке и у людей античности *Наву* всегда означало *премудрого* (Господа). Поэтому префикс *Наву* присоединялся к имени каждого посвященного адепта, предназначенного для служения Бэлу и Нево, «*надзирающим над всеми небесными и земными легионами*», или «*воинствами*». Отсюда происходят названия *Наву-Кадан-Ашур*, *Наву-Пал-Ашур*, *Наву-Зарадан* и т. д., и т. д. Короче говоря, *Наву* было неким абстрактным качеством: персонифицированным — когда имелся в виду седьмой принцип, «*высшее эго*» человека; неким прилагательным — если его относили к некоему особому предмету; и, в конце концов, синтетическим атрибутом семи халдейских богов — планетарных духов. Меркурий имел не больше прав называться Нево, чем какая-либо из шести других планет, но его называли таким образом согласно более поздней идее, пытающейся соединить в одно целое бога, планету и атрибут. До сих пор существует глубокое убеждение *** среди современных евреев и христиан, что Моисей умер и был погребен на горе НЕВО, входящей в горный хребет Фасги.

Изучающему оккультизм следует хорошо поразмышлять над теми материалами и системами измерений, которые использовались согласно подробным наставлениям самого Бога Израиля при создании скинии (см. Исход, гл. 25 и далее), если

он хочет узнать, каким образом «жилище бога» — называется ли оно скинией, домом, пирамидой или храмом — было приспособлено для оккультных целей. Если системы измерений таких строений по «весу, размеру и объему» являются «символически» и «эзотерически» совершенными копиями друг друга, или, говоря иначе, обнаруживают полную идентичность, когда их изучают при помощи современной метрологии и геометрии, а также соответствуют *астрономическим* планетам (включая землю) своими взаимосвязями, диаметрами и длинами окружностей, и т. д.; то насколько же больше могло бы быть открытий, если бы их архитектура и материалы, из которых они построены, были изучены в свете алхимии, оккультных и психофизических соотношений. Если бы были установлены тайные силы, скрытые в любом металле, древесине, краске и материале — как, например, в *козлином волосе*, — и благодаря этому были бы найдены связующие силы во всех многократных комбинациях таких объектов, тогда мир получил бы неоспоримое доказательство того, что «ноев ковчег» и «ковчег завета» божества-покровителя народа Израиля были совершенно *идентичны* с «седьмым этажом» и «местом отдыха» халдейского «Господа Бога» — *их* национального и покровительствующего божества. Что то же самое распределение и та же комбинация «золота, серебра и меди», «голубого, пурпурного и алого, тонкого холста и козьего волоса», дерева *шеттим*,¹ бараньих шкур, окрашенных охрой, *оникса* и меди, — требовались для храма халдейского *Бэла*,² или Нево, что и для еврейского Эла, или Иеговы, если *ожидалось, что одна из этих Сил проявит себя в, и будет говорить из соответствующего магического убежища*. В конце концов они получили бы неопровержимое доказательство того, что если предполагаемое поклонение звездам халдеев было *идолопоклонством*, — таким же был предполагаемый монотеизм евреев. Ибо если вавилонский Бэл означал СОЛНЦЕ, то Иегова израильтян означал САТУРН. Каждый из «богов» народов

¹ Дерево *шеттим* не означает «некий вид акации», но любое дерево со сладким запахом, освященное для теургических целей, такое как сандал, кипарис, и т. д., и т. п.

² Возможно, аббревиатура *Аб* (отец) и *Эл* (Бог)?

имел свою «звезду», или планету, и эта звезда, носившая такое же имя, предполагалась домом или местом обитания этого ангела. «Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана (Хиуна), изображения, которые вы сделали для себя», — выражает свое недовольство «Господь» через Амоса (Амос, 5:26).¹ Кем же был Ремфан, или Хиун, как не Ваалом — более поздним Бэлом? Вся религия евреев сплошь состоит из обрывков халдейского и египетского культов; Библия описывает Даниила как рабби, главу вавилонских астрологов и магов, и поэтому ему сопутствуют малые ассирийские быки и атрибуты Шивы, которые появляются вновь в сильно видоизмененном облике в херувимах талмудических евреев, как можно проследить и быка Аписа в сфинксах и херувимах Моисеева ковчега, и найти через несколько тысяч лет того же самого ассирийского быка в компании с египетским львом, птицей Юпитера, орлом, и вдобавок с ликом некоего ангела, изображенных вместе с четырьмя апостолами Нового Завета — четыре каббалистические фигуры.

Совершенно очевидно, что *Нево* управлял халдеями и вдохновлял их в течение долгого периода вавилонской цивилизации. Никакие современные средства, находящиеся в распоряжении наших архитекторов, не могли бы помочь построить такие гигантские города и здания в нашем веке, какими были Вавилон и Ниневия. И все же предполагают, что они были построены не ранее приблизительно девятнадцатого века до н. э., внуками той самой одинокой семьи, которая пережила Потоп!

Три ориенталиста — Опперт, Фреснель и Томас — организовали в 1851 году при содействии правительства научную экспедицию в «Месопотамию», и вот что они написали по возвращении о Вавилоне:

«Вообразите себе площадь в десять раз обширнее, чем весь Париж со своими пригородами, протяженностью больше, чем департамент Сены, окруженную стеной в 80 футов толщиной и от 105 до 328

¹ «Избранный народ», по-видимому, поклонялся этой звезде в течение сорока лет в пустыне, — таким образом, эта звезда была жилищем Иеговы, — что делает его идентичным с *Хиуном*, Молохом.

футов высотой — как раз такой высоты достигает шпиль на доме Инвалидов, — это и будет Вавилон».

Опперт обнаружил на месте города модуль гигантских размеров, который в точности подтверждает сообщения Геродота, в описании которого Вавилон изображен в виде «огромного квадрата, каждая из сторон которого имела 120 стадий в длину, огороженного стеной в 50 царских локтей в толщину, и 200 в высоту», — едва ли эти измерения могут страдать недостатком точности. Кроме того, знаменитая надпись Навуходоносора подтверждает свидетельство Геродота. Как замечает античный автор: «Пирамиды Египта выглядели бы карликами в древнем Вавилоне».

Однако наиболее любопытным документом на данную тему является лекция того же самого Жюлья Опперта, прочитанная им в Академии изящных искусств, которая называлась: «Клинописные ассирийские надписи»; ниже мы приводим краткое изложение этой лекции.

Древнейшими документами, находящимися в руках ориенталистов, являются глиняные таблички, которые использовались для письма царями нижней Халдеи приблизительно с XXX по XX век до н. э. Перевод надписи царя Тиглатпалассара был сделан около двадцати пяти лет назад в Лондоне четырьмя разными ориенталистами, одновременно и независимо друг от друга, по заказу Азиатского общества. И эти четыре версии, как оказалось, по причине их совпадения оставляют весьма небольшие сомнения в правильном значении главных черт исторических фактов, описанных там. Большинство табличек принадлежат к периоду Саргона, царя-основателя Хорсабада, история которого (почти слово в слово совпадающая с библейской легендой о детстве Моисея) была расшифрована и опубликована покойным Джорджем Смитом. Города и памятники, построенные Саргоном, бесчисленны, и его сын, великий завоеватель Сенахериб, продолжал строительство после него. В надписях Быков, Саргон таким образом описывает религиозную церемонию:

«*** В долине ... ниже Ниневии я построил город и назвал его Хисри-Саргон. Для того чтобы населить этот город и сохранить память о разрушенных алтарях, я построил алтари великим богам и

дворцы для моего величия, чтобы жить в ***. Затем я выбрал в Хисри-Саргоне места для Нисроха, Сина (Луны), Самаса (Солнца), Ао (Сатурна),¹ Нинип Сандан *и т. д., и т. д.*, и их скульптурных изображений (статуй)».

В дальнейшей церемонии описывается закладка фундаментов и особенности всех богов и богинь. Мы не будем касаться здесь всех их и можем привести лишь то, что имеет отношение к Нево:

«Вавилонская башня», — продолжает Опперт, — «известная сегодня как Бирс Нимруд, состояла из семи квадратных башен, помещенных одна на другую и поддерживаемых неким гигантским основанием».

Геродот ошибочно называет число восемь, принимая последнюю надстройку также за башню.²

«На верхнем этаже располагался просторный храм, в котором не было ничего кроме ложа, *на котором возлегал бог* во время своих кратковременных визитов».

Все тексты говорят о верхней башне как о *месте отдыха бога НЕВО* ***. Ниже находился еще один храм, посвященный Нево. Все указывает на то, и это действительно так, что башня Борсиппы была специально предназначена этому богу. Далее цитированная выше надпись упоминает о

«святилище Нево, *которое находится внутри пирамиды* и называется *Бабиль*, или центральным местом, *** где собирались и возвещали оракулы».

Таким образом, сообщение о вавилонской башне в 11-й главе Книги Бытия является чисто аллегорическим и неправильно понятым. В вавилонской башне находилось святилище, в котором боги или *конкретный бог* говорили через ора-

¹ Или Иао — который является Иеговой так же, как и Сатурном. Диодор утверждает, что среди евреев рассказывали о том, что Моисей называл Бога Иао. Феодорит говорит, что они произносили его имя как Иахо. И лишь благодаря более позднему введению масоретских знаков раввины стали произносить это имя как Иегова, Адонай, и т. п. (См. стр. 253-254 в «Разоблаченной Изиде», том II, издания Российского теософского общества, 1992 г.)

² Геродот, кн. I, 181. — *Прим. редактора.*

кулов таким же образом, как и бог евреев или боги (ангелы) говорили через первосвященников и даже *viva voce* [живым голосом, лат.] с народом израильским. Скиния и ковчег были не в большей степени святы, чем место отдыха бога и обитель оракула. Все они были святилищами ГОВОРЯЩИХ БОГОВ.¹

¹ Кирхер сообщает *modus operandi* [механизм действия, лат.], извлеченный из древних манускриптов в Ватикане. «На священном алтаре каждого храма», — говорит он, — «стоящий изображал *Правителей Мира* (духов планет), украшенных присущими им знаками отличия; вокруг алтаря внимательные жрецы наблюдали за тем, что показывал им последний в отношении откровений о будущем, которые они должны были получить впоследствии благодаря заклинанию через отверстие в середине стола, которое у всех у них называлось — *великими вратами богов*». («Эдип Египетский», в «*Tabula Isiaca*».)

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Я только что вернулась из-под далеко падающей тени восьмого чуда света — гигантской моркови, которая называется Эйфелевой башней. Дитя своей страны, потрясающая по своим размерам, бесполезная по своей цели, трясущаяся, как республиканская почва, на которой она построена, она не обладает ни одной из духовных добродетелей ее семи предшественников, в ней нет ничего атавистического, чтобы можно было этим хвастаться. Архитектурный Левиафан 1889 года по своей полезности не находится на одном уровне даже со статуей Свободы в Нью-Йорке, этому потенциальному сопернику древнего Фароса. Это просто один из последних грибов современной коммерческой предприимчивости, выросшей на почве искусной спекуляции, чтобы привлечь бесчисленных мух в виде туристов со всех четырех концов света, что она добросовестно и делает. Даже ее великолепная конструкция ничего не добавляет к ее полезности, но заставляет даже «непопулярного философа» провозгласить: «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*» [Суета сует и всяческая суета, *лат.*]. Должна ли современная цивилизация задирать нос и смеяться над своей древней и старшей сестрой?

Чудеса мира — семь чудес язычников — никогда не будут воссозданы в наши дни. Почитатели мосье де Лессепа могут смотреть с пренебрежением на дамбу, построенную Дексифаном за три столетия до нашей тщеславной эры, но астральные атомы его, как и его сына, Сострата Книдианского, могут покоиться без тревоги и какой-либо зависти. Архитектура мраморной башни на Фаросе, поднимавшейся «к богам-спасителям для блага моряков», осталась до сих пор непревзойденной, во всяком случае, по той общественной пользе, которую она принесла. И мы можем это ска-

зять, не взирая на создание статуи Свободы на острове Лонг-Айленд.

Поистине, все чудеса нашего века предназначены быть лишь эфемерными явлениями для столетия, которое медленно приближается к нам, оставаясь лишь снами и часто ночными кошмарами для нашего времени. Все это, конечно, пройдет и исчезнет. Завтра могут случиться сейсмические толчки в Египте, и тогда Земля «откроет свой рот» и поглотит воды Суэцкого канала, и он превратится в непроходимое болото. *Terremotos* [землетрясения], или еще хуже, *sucussatore*, как они называются в Южной Америке, могут поднять Лонг-Айленд с его «Свободой» и швырнуть их на сотню футов вверх, а затем опустить вниз, покрывая их подводную могилу никогда не высыхающими солеными слезами Атлантического океана. Кто может знать? «*Non Deus proevidet tantum sed et divini ingenii viri*», — сказал хитрый Цицерон в своей книге «*De Divinatione*», говоря о космических явлениях. И то же самое угрожало Лютетии прошлого, или Парижу настоящего, так же как и нашим Британским островам. Нет, никогда Бог не предсказывал столько же, сколько божественный интеллект человека; конечно, нет. Чувства Цицерона не изменились бы, если бы он прочитал «Крик войны» в свое время или принимал бы у себя адвентистов. И каков бы был, в конце концов, Цицерон в присутствии современного материалиста? Что бы он чувствовал? — спрашивала я себя. Признался бы он себе, что находится в затруднительном положении, или же заметил бы, по примеру Иова, этому новоявленному философу, своему преследователю: «Не пролил ли ты (современную) мудрость как молоко, и не сквасил ли ты ее подобно сыру», для того, чтобы показать нам, что это такое?

Где же вы, о реликвии былой языческой славы? Заподозрим ли мы ваше присутствие в мифах о солнце или будем надеяться, что увидим перевоплощение висячих садов Вавилона в этого кита из стекла и железа, вместе с двумя гигантскими стеклянными ручками от зонтика, названного Кристалльным

дворцом? Прочь такие оскорбительные мысли! Неугомонный призрак надменной Семирамиды может все еще восхищаться ее работой в астральной галерее вечных образов и называть ее не имеющей себе равных. Мавзолей Артемисии остается непревзойденным и самым великолепным из современных сооружений, поднявшихся только к «богам Биржи акций, Разрушителям совместного капитала».

Святылище Эфесской Дианы, какой храм мог когда-либо сравняться с тобой в поэтичности? Современные скульптуры, конные или пешие, которые заполняют сегодня залы французской выставки, какие из вас могут когда-либо заставить покраснеть астральный образ Олимпийского Юпитера Фидия? Какому скульптору или художнику нашего гордого времени мог бы сказать современный Филипп Фессалоникийский слова, адресованные им божественному греческому художнику: «О, Фидий, или Бог спустился с небес на землю, чтобы самому увидеть тебя, или это ты поднялся туда для созерцания Бога!» «Несомненно, лишь мы (не) являемся людьми, и Мудрость (не) была рождена нами», и она не умрет с нами, добавим мы.

Длинные ряды изделий из глины и бронзы, разнообразных приспособлений, игрушек, обуви и других товаров ежедневно осматриваются восхищенными толпами в залах Французской выставки. «Непопулярный Философ» без колебания обменял бы все это на возможность бросить хотя бы взгляд на коллекцию м-ра Флиндерса Петри, которую можно увидеть сейчас во дворцах Оксфорда. Эти уникальные сокровища были только что выкопаны на месте бывшего Кахуна (XII династия). Если сравнить промышленность XIX века н. э. и XXVI века до н. э. (принимая, во избежание споров, хронологию современных археологов), то победа должна быть присуждена последней, и легко показать, почему. Все эти орудия, домашние и сельскохозяйственные инструменты, иностранные весы, ожерелья, игрушки, цветные нити, текстиль и обувь, которые мы видим сегодня, имеют ту уникальную особенность, что они принесены к нам из времен Еноха и Мафусаила, согласно библейской хронологии. Экспонаты, говорят нам, устанавливают связь с двенадцатой династией, существовавшей 2600

лет до н. э. — если мы должны верить вычислениям археологов, — то есть они показывают нам, какую обувь носили за 250 лет до потопа. Одна только мысль о том, что можно увидеть те самые сандалии, которые, может быть, упали с ног первого великого мастера и основателя масонства, Еноха, когда «Бог взял его», должна наполнить сердце каждого масона, верящего в Бытие, восторгом, полным благоговения. Перед лицом такой необыкновенной возможности кажется незначительным удовольствие, которое можно получить от вдыхания запаха русской кожи в обувной галерее на Парижской выставке. Никому из верующих в «божественного Еноха, первенца Каина-Сифа-Иареда», Ханоха посвященного, никакому истинному масону не следует стремиться в этот веселый Париж, раз он может прикоснуться к таким сокровищам.

До сих пор существуют пирамиды Египта, чтобы мы могли восхищаться ими и раскрывать их тайны, если нам это удастся. Пирамида Хеопса — загадка и чудо нашего века так же, как это было и во времена Геродота. Мы видим лишь ее скелет, тогда как «Отец Истории» исследовал ее, покрытую внешней оболочкой из чистого мрамора. Он был испачкан лишь надписями о 1600 талантах,¹ потраченных на редиску, лук и чеснок для его строителей. Сделаем паузу, чтобы отвернуть наш орган обоняния от запахов, исходящих от столь непозитической пищи. Ибо с древними была их мудрость, хотя она и превосходит наше современное понимание. Не будем торопиться, произнося свое суждение, чтобы нам не попасть в сети своей собственной хитрости. Лук и чеснок, о котором мы упомянули, могут быть такими же символами, как пифагорейские бобы. Давайте смиренно подождем, пока на нас не снизойдет лучшее понимание. *Quien sabe* [кто знает]? Прекрасная наружная оболочка обеих пирамид — Хеопса и Сен-Саофиса — исчезла во дворцах Каира и других городов. И вместе с ней исчезли надписи и выгравированные записи, и непонятные иератические символы. Не признавался ли «Отец Истории» в своей нелюбви говорить о божественных вещах, и не избегал

¹ 444.000 английских фунтов стерлингов.

ли он подробного изложения символики? Попробуем поискать света и помощи от великих ученых востоковедов, ремесленников греческой риторики и аккадского просвещения. До сих пор мы слышали много странных историй. По-видимому, теперь нам скажут, что эти «редиска, лук и чеснок» принадлежат все к тем же «соляным мифам» и... покраснеют от стыда за наше невежество.

Но какова же судьба последнего из семи чудес света? Где мы должны искать останки бронзового гиганта, Колосса Родосского, могучие ступни которого опирались на два мола, образующие ворота гавани? Между его ногами корабли проходили под полными парусами, а моряки торопились принести принятые по обету жертвы. История говорит нам, что этот шедевр, созданный учеником Лисиппа за двенадцать лет, был частично разрушен землетрясением в 224 году до н. э. Он почти 894 года оставался в руинах. Историки не имеют обыкновения говорить людям о том, что стало с останками шести чудес; и о том, что каждый большой народ имел свои семь чудес: например, в Китае, где была своя Фарфоровая башня в Нанкине,¹ сейчас, как говорит один писатель, ее «находят только в виде отдельных кусочков в стенах крестьянских хижин». Однако можно найти в некоторых старых хрониках слухи о том, что бедный Колосс был продан некоему еврею.

Странные книги можно найти иногда в лавках старых русских раскольников в Москве. Одна из них толстая, *in folio* [большого формата, *лат.*], на старославянском языке, озаглавленная: «Законы церковные и гражданские, из хроник Барония, собранные в старых монастырях; переведены с польского и напечатаны в столице Москве в году 1791». В этой весьма любопытной книге, наполненной древними фактами и утверждениями, историческими и давно забытыми записями начиная с 1-го года, можно прочесть в году 683-ем, на странице 706, следующее:

¹ Гуцлав, «История Китая», том I, стр. 372.

«Сарацины разрушали и грабили Римскую страну, не останавливая своего злобного вторжения даже на море.¹ Их лидер Магувий, сильный и ужасный, возвратился на остров Родос, приблизился к бронзовому идолу, которого звали Колосс (*sic*); этого идола, который стоял в гавани Родоса, восхваляли как седьмое чудо света. Его высота составляла 21 сотню стоп.² Упавшая на землю его верхняя часть была покрыта землей и поросла мхом, но в остальном он оставался целым до этого дня. Магувий опрокинул и эти ноги и *продал их вместе с туловищем некоему иудею*. Грустным был конец этого мирового чуда».

И хроникер добавляет, что имя этого еврея было Аарон из Эдессы. Он не был единственным, кто предоставил такую информацию. Другие старые авторы свидетельствуют, что, разбив Колосс с помощью сарацинских воинов на кусочки, иудей нагрузил ими 900 верблюдов. Цена металла достигла 36.000 фунтов стерлингов на восточных рынках. *Sic transit gloria mundi* [Так проходит мирская слава, *лат.*].

Более того, говорят, что еще до мусульман и иудеев сами родосцы получили большие суммы денег от благочестивых жертвователей для того, чтобы починить и снова поставить Колосс. Но они обманули своих богов и верующих. Они, честные опекуны, поделили деньги и положили конец законным вопросам, переложив вину на дельфийского оракула, который якобы запретил им восстанавливать Колосс из руин. Так наступил конец для последнего из чудес языческого мира, освободив тем самым место для чудес христианской эры — эры вечно спекулирующего, копящего деньги еврея. Это притча славянского фольклора — или, вернее сказать, пророчество? — что по прошествии длительного промежутка времени, когда наш земной шар станет дряхлым и ветхим в результате износа, подземных и геологических причин, этот «наилучший из возможных миров» — по мнению д-ра Панглосса — будет куплен на аукционе евреями, разложен на металлы, собран в бес-

¹ Оригинал этого отрывка написан на церковно-славянском языке и с трудом поддается переводу во всей своей подлинности, которая очень сомнительна.

² Некоторые классики дают только 105 стоп, или 70 локтей.

форменные кучи и свернут в шарики для использования их в качестве акций. После этого сыны Авраама и Иакова сядут на корточки вокруг несчастных реликвий и будут держать совет, как лучше переправить их на следующий еврейский базар и всучить этот умерший мир какому-нибудь наивному христианину, ищущему подержанную планету. Такова притча.

Se non e vero e ben trovato [Если это и неправда, то во всяком случае, хорошо придумано, *итал.*]. Как бы там ни было, пророчество о чем-то говорит, даже если и в аллегорической форме. Поистине, если Колосс Родосский мог быть столь легко продан как металлолом некоему еврею, то каждому королевскому Колоссу в Европе стоит опасаться такой же судьбы. Почему не может каждый монарх, один за другим, попасть в руки еврейства, после того как они уже побывали в этих когтистых объятиях? Если читатель покачает головой и заметит на это, что королевские Колоссы не сделаны из металла, но занимают свои соответствующие троны «по воле Божьей» и являются «Божьими помазанниками» — ему мягко возразят, что «Бог дает, Бог берет» и что он «не взирает на чины и звания». Кроме того, существует некая карма, которая участвует в этом деле. Немного есть монархов, которые не погрязли бы по уши в долгах (золотые троны, а есть нечего) перед какими-либо еврейскими магнатами. В конце концов, «Господь», по милости которого они находятся на троне, от покойного короля Сулука до последнего принца Болгарии, это тот же самый Эль-Шаддай, всемогущий Иегова-Саваоф, которого они или их отцы незаконно вынесли из «святая святых» и поместили в свои алтари. Сыновья Израиля являются, фактически и юридически, его законными детьми, его «избранным народом». Таким образом, если придет день, когда еврей, заявляя о своих правах, выбросит как отработанный материал последних из королей, после чего снова начнет расхваливать свою землю как новый товар, это будет отчасти справедливое возмездие, запоздалый акт Немезиды.

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА

I

Когда осматриваешь величественные руины Мемфиса или Пальмиры, стоишь у подножия великой пирамиды в Гизе, путешествуешь вдоль берегов Нила, или предаешься размышлениям среди разрушенных твердынь давно исчезнувшего и загадочного Петра, — сколь бы туманным и таинственным ни казалось происхождение этих доисторических останков, тем не менее, обнаруживаешь хотя бы некоторые фрагменты того твердого основания, на котором можно построить некое предположение. И какой бы плотной ни была завеса, за которой сокрыта история этих древностей, все же кое-где в ней существуют прорехи, через которые можно уловить проблески света. Мы знакомы с потомками строителей. И, пусть поверхностно, но мы знаем историю народов, чьи следы рассеяны вокруг нас. Но далеко не так обстоит дело с древностями Нового Света обоих Америк. Там, вдоль всего побережья Перу, по всему Панамскому перешейку и в Северной Америке, в каньонах Кордильер, в непроходимых ущельях Анд, и, особенно, в Мексиканской долине, лежат в руинах сотни когда-то могущественных городов, исчезнувших из памяти людей и утративших даже свои собственные названия. Похороненные в густых лесах, погребенные в недоступных долинах, иногда на глубине шестидесяти футов под землей, они с самого момента своего открытия и по сей день всегда оставались загадкой для науки, заводившей в тупик любое исследование, и они были еще более молчаливыми, чем сам египетский Сфинкс. Мы не знаем ничего об Америке, предшествующей завоеванию, — положительно ничего. Не сохранилось никаких хроник, даже сравнительно новых; не существует никаких традиций среди

племен аборигенов, относящихся к их прошлому. Мы пребываем в полном неведении о тех народах, которые построили эти циклопические сооружения, как и о том странном культе, вдохновившим допотопных скульпторов вырезать на стенах длиной в сотни миль, на монументах, монолитах и алтарях таинственные иероглифы, изображающие группы животных и людей, запечатлевшие неизвестную жизнь и утраченные искусства, — сцены, временами столь фантастичные и дикие, что невольно возникает идея о болезненном сне, чьи фантазмагии по мановению могущественной руки некоего мага кристаллизовались в гранит, чтобы на долгие века приводить в смущение нарождающиеся поколения. Еще в начале нашего [девятнадцатого] века не было известно о существовании такой сокровищницы древностей. Мелочная, наполненная подозрениями зависть испанцев с самого начала сотворила своего рода «китайскую стену» между их американскими владениями и чересчур любопытными путешественниками: и невежество и фанатизм завоевателей, а также их безразличное отношение ко всему кроме удовлетворения своей ненасытной жадности, помешали научным исследованиям. Даже полные энтузиазма отчеты Кортеса и его армии разбойников в рясах, а также Писарро и его грабителей-монахов, о великолепии храмов, дворцов и городов Мексики и Перу, долгое время пользовались недоверием. В своей «Истории Америки» д-р У. Робертсон заходит столь далеко, что уверяет своих читателей, что дома древних мексиканцев были «просто лачугами, построенными из дерна, грязи и ветвей деревьев, подобно хижинам диких индейцев»;¹ и, на основании свидетельства некоторых испанцев, он даже рискует утверждать, что «на всем протяжении этой громадной империи» не было ни «одного монумента или следа какого-либо строения древнее периода завоевания!» Истина ожидала своего оправдания от великого Александра Гумбольдта. В 1803 году этим знаменитым и ученым путешественником был пролит новый луч света на мир археологии. Ему посчастливилось стать пионером, проложившим дорогу для будущих исследователей. Его описание

¹ Дж. Л. Стивенс: «Случаи из путешествий по Центральной Америке», Лондон, 1841.

охватило только Митлу, или Долину Смерти, Шочикалко и величественный пирамидальный храм Чолула. Но вслед за ним появились Стивенс, Катервуд и Скуайер; а в Перу — д'Орбиньи и д-р Чадди. С тех пор немало путешественников посетили эти места, предоставив нам детальные описания многих памятников древности. Но кто может сказать, сколько еще остается неисследованного, и даже неизвестного нам? Что касается доисторических построек, — и Перу, и Мексика соперничают в этом отношении с Египтом. Не уступая ему в грандиозности своих циклопических построек, Перу все же превосходит последний по их количеству; к тому же Чолула превышает великую пирамиду Хеопса если не по высоте, то, по крайней мере, по ширине. Общественные сооружения, такие как стены, фортификационные укрепления, террасы, водопроводы, акведуки, мосты, храмы, кладбища, целые города и искусно вымощенные дороги длиною в сотни миль, вытянувшиеся в одну непрерывающуюся линию, — словно сеть, покрывают эту страну. На побережье они были построены из высушенных на солнце кирпичей; в горах — из порфиритового известняка, гранита и кварцевого песчаника. Истории ничего не известно о поколениях людей, построивших их, и даже предания умалчивают об этом. По существу, большинство из этих каменных руин скрыты густой растительностью. Разрушенные города полностью поглощены лесами, и, за немногими исключениями, все они лежат в развалинах. Но даже по тому, что до сих пор сохранилось, можно судить о былом величии.

С совершенно легкомысленным неведением, испанские историки относят сегодня почти все руины к временам инков. Вряд ли можно заблуждаться более. Иероглифы, которые иногда покрывают стены и монолиты от вершины до основания, являются, как и ранее, мертвой буквой для современной науки. Но они были такими же и для инков, хотя историю последних можно проследить назад вплоть до одиннадцатого века. У них не было ключа к их значению, но они приписывали все эти надписи своим *неизвестным* предшественникам; таким образом, исключается предположение о собственном их происхождении от первых цивилизаторов этой страны. Вкратце, история инков развивалась следующим образом:

Инка — на языке кечуа титул вождя или императора, и название правящей и наиболее аристократической расы или, скорее, *касты* в этой стране, которая управлялась ими в течение *неизвестного* периода времени, предшествовавшего испанскому завоеванию. Некоторые относят их появление из *неизвестного места* в Перу к 1021 году; другие полагают, или предполагают, что это произошло через пять веков после библейского «потопа», в соответствии со скромными представлениями христианской теологии. И все же последняя теория, безусловно, ближе к истине, чем первая. Инки, судя по их исключительным привилегиям, могуществу и «непогрешимости», являются копией браминской касты в Индии. Подобно последним, инки заявляли о своем непосредственном происхождении от Божества, которое, как и в случае династии Сурьяваншы в Индии, есть Солнце. Согласно единственному, но общераспространенному преданию, в то время все население той земли, которая ныне называется Новым Светом, было раздроблено на независимые, воюющие друг с другом, варварские племена. В конце концов «высшее» божество — Солнце — сжалилось над ними и, чтобы избавить народ от невежества, им были посланы вниз на землю для его обучения двое его детей: Манко Капак и, его сестра и жена, Мама Окльо — идентичных, опять-таки, египетским Осирису и, его сестре и жене, Изиде, так же как и некоторым индусским богам и полубогам и их женам. Эти двое появились на прекрасном острове на озере Титикака — о котором мы поговорим позже — и оттуда отправились на север, в Куско, ставший в последствии столицей инков, где они начали сеять семена цивилизации. Сплотив различные народы из всех районов Перу, божественная пара разделила между собой обязанности. Манко Капак учил мужчин земледелию, законодательству, архитектуре и искусствам, в то время как Мама Окльо наставляла женщин в ткачестве, прядении пряжи, вышивании и ведении домашнего хозяйства. Инки считают себя потомками именно этой небесной пары; и все же они находятся в полном неведении относительно тех, кто построил некогда величественные, а ныне лежащие в руинах города, покрывающие всю территорию их империи, которая простиралась тогда от экватора до 37 градуса южной широты и включала в себя не только западные

склоны Анд, но и всю горную цепь с ее восточными областями, опускающимися к бассейнам Амазонки и Ориноко. Как прямые потомки Солнца, лишь они могли быть верховными жрецами государственной религии, а так же императорами и высшими сановниками этой страны: благодаря этому они, подобно брахманам, приписывали себе божественное превосходство над простыми смертными, образуя, таким образом, как и «дважды рожденные», исключительно аристократическую касту — расу инков. Признаваемый сыном Солнца, каждый царствующий Инка был верховным жрецом, оракулом, военачальником во время военных действий и абсолютным монархом; воплощая, таким образом, в жизнь совмещение папской и королевской власти, к которому так стремились римские понтифики. Его приказы исполнялись беспрекословно, и самому ему воздавались божественные почести. Самые высокопоставленные чиновники страны *не могли появиться обутыми в его присутствии* (это, опять таки, указывает на восточное происхождение), к тому же обычай, по которому юноши королевской крови прокалывали себе уши и вставляли в них золотые кольца, «размер которых увеличивался по мере их продвижения по службе, что, в конечном счете, приводило к растяжению хрящей и деформации ушных раковин», наводит на мысль о странном сходстве между теми многочисленными скульптурными изображениями, которые мы обнаруживаем в не столь древних руинах, и образами Будды и некоторых божеств, не говоря уж о современных нам денди из Сиамы, Бирмы и Южной Индии. Также как и в Индии, в период расцвета власти браминов, никто, кроме привилегированной касты инков, не мог получить светское или религиозное образование. И, когда царствующий Инка умирал, или, как считалось, «был призван домой во дворец своего отца», вместе с ним, во время церемонии погребения, убивали большое количество его слуг и его жен, что идентично тому, что мы обнаруживаем в древних хрониках Раджастана, и тому, что происходило во время недавно запрещенного обряда сутти. Принимая все это во внимание, археолог не может удовлетвориться кратким замечанием историков о том, что «в данной традиции мы лишь прослеживаем другую версию истории развития цивилизации, сходную для всех древних народов, и повторяющийся обман,

связанный с небесным родством, который обеспечивал коварным правителям и хитрым жрецам неограниченную личную власть над людьми». Не вносит ясности и наблюдение, что «Манко Капак сродни китайскому Фуси, индийскому Будде, земному Осирису Египта, мексиканскому Кецалькоатлю и Вотану Центральной Америки»; ибо все это — слишком очевидно. Нам хотелось бы знать, каким образом эти народы, жившие в столь удаленных друг от друга странах — Индии, Египте и Америке, — могли проявить такое удивительное сходство не только в своих общих религиозных, политических и социальных воззрениях, но даже в мельчайших деталях. Совершенно непосильной задачей является — определить, кто из них кому предшествовал. Как объяснить, что эти народы смогли развить в разных частях света сходную архитектуру и одинаковые искусства, если не было такого времени, когда — как свидетельствует Платон, и с ним согласны многие современные археологи, — отсутствовала всякая необходимость в кораблях для каких-либо сообщений, ибо два мира составляли единый континент?

Согласно самым последним исследованиям, в одних только Андах существовало пять разных архитектурных стилей, наиболее поздний из которых представлен храмом Солнца в Куско. Однако именно этот символ могущества считается единственным строением, которое, по данным современных путешественников, можно с уверенностью отнести к империи инков, слава которой, согласно традиции, была лишь последним отблеском цивилизации, чье происхождение теряется в глубине веков. Д-р Э. Р. Хит из Канзаса (США) полагает, что «задолго до Манко Капака, Анды населяли племена, чьи корни уходят к тем же временам, что и корни дикарей Западной Европы. Циклопическая архитектура свидетельствует о существовании некогда племени гигантов, строителей вавилонской башни и египетских пирамид. Греческие лабиринты, обнаруженные во многих местах, — заимствованы (?) у египтян; похоронные обряды и способ погребения усопших так же указывают на Египет». Далее этот ученый путешественник заключает, что черепа, извлеченные из гробниц, принадлежат, по данным краниологов, к трем различным расам: чинчам, населявшим западную часть Перу, от Анд до побережья Тихого

океана; аймарам, обитавшим в высокогорных долинах Перу и Боливии, на южном берегу озера Титикака; и уанков, «занимавших плато, расположенное среди горных отрогов Анд, к северу от озера Титикака до 9-го градуса южной широты». Смешивать постройки эпохи инков, в Перу, и эпохи Монтесумы и его касиков, в Мексике, с монументами аборигенов — фатальная ошибка археологии. В то время как Чолула, Уксмал, Киче, Пачакамак и Чичен-Ица прекрасно сохранились и были все обитаемы во время вторжения испанских *banditti*, сотни разрушенных городов и твердынь уже тогда лежали в руинах; их происхождение было неизвестно завоеванным инкам и касикам точно так же, как и нам; и они, без сомнения, являются останками неизвестных и ныне исчезнувших народов. Странная форма профилей голов и человеческих силуэтов, изображенных на монолитах Копана, служит подтверждением этой гипотезы. Ярко выраженное отличие между черепами этих рас и черепами индоевропейцев вначале приписывали механическим средствам, которые применяли матери для придания определенной формы головам своих детей в младенчестве, что часто практикуется у других племен и народов. Но, как сообщает нам тот же источник, обнаружение в «мумии утробного плода семи или восьмимесячного возраста, имеющего ту же самую форму черепа, поставило под сомнение достоверность этого факта». Помимо предположений, у нас есть неопровержимое научное доказательство существования в Перу цивилизации много веков назад. Если бы мы назвали число тысячелетий, минувших с тех пор, не приведя достаточных доводов, подкрепляющих данное предположение, у читателя захватило бы дух. Поэтому начнем с фактов.

Перуанское *гуано* (*huano*) — это очень ценное удобрение, состоящее из помета морских птиц, смешанного с их разложившимися телами, яичной скорлупой, останками тюленей, и т. п., скопившееся на островах Тихого океана и на побережье Южной Америки, и их отложения ныне хорошо изучены. Гумбольдт был первым, кто открыл его и привлек к нему внимание всего мира в 1804 году. И, описывая его залежи, покрывающие гранитные скалы Чинча и других островов слоем толщиной от 50 до 60 футов, он отмечает, что накопления за последние 300 лет, прошедшие со времени завоевания, соста-

вили всего лишь несколько линий¹ в толщину. Несложно подсчитать, сколько тысячелетий потребовалось для того, чтобы сформировать залежи толщиной 60 футов. В этой связи мы можем процитировать теперь исследование, в котором говорится о перуанских древностях.²

«На островах Чинча, на глубине 62 футов под землей, были обнаружены каменные идола и глиняные сосуды для воды, в то время как на глубине 35-33 футов были найдены деревянные идола. Из-под слоя гуано на островах Гуанапе, к югу от Трухильо, и Макаби, к северу от него, были извлечены мумии, птицы и птичьи яйца, золотые и серебряные украшения. На острове Макаби рабочие нашли несколько больших драгоценных золотых ваз, которые они разбили и поделили между собой, хотя им и предлагали взамен золотые монеты того же веса, таким образом, эти реликвии, представлявшие огромный интерес для ученых, были навсегда потеряны. Тот, кто сосчитает, сколько веков потребуется для образования тридцати и шестидесятифутового слоев гуано на этих островах, учитывая незначительность увеличения отложений за истекшие триста лет со времени завоевания, — сможет получить представление о древности этих реликвий».

Произведя несложные арифметические вычисления, исходя из того, что в дюйме 12 линий, а в футе 12 дюймов, и что за столетие накапливается всего лишь одна линия, мы неизбежно приходим к выводу, что люди, создавшие эти бесценные золотые вазы, жили 864.000 лет назад! Если, чтобы оградить себя от возможных ошибок, мы примем, что за сто лет накапливается две линии, или даже двенадцать, то все же мы вынуждены будем признать, что, по крайней мере, 72.000 лет тому назад существовала цивилизация, не уступающая — судя по ее общественным сооружениям, прочности конструкций и грандиозности построек, — а во многих отношениях и превосходящая нашу собственную.

Имея хорошо сложившиеся представления о периодичности циклов, как для мира в целом, так и для отдельно взятых народов, империй и племен, мы убеждены, что наша современная цивилизация является всего лишь последним отбле-

¹ Линия — мера длины, равная 1/12 дюйма. — Прим. редактора.

² Статья, опубликованная м-ром Э. Р. Хитом в «Kansas City Review of Science and Industry», ноябрь 1878 г.

ском тех культур, которые уже развивались бесчисленное число раз на этой планете. Это мнение не обязательно должно представлять точную науку, но оно является результатом индуктивного и дедуктивного логического вывода, основанного на теориях менее гипотетических и более вероятных, чем многие другие теории, признанные чисто научными. Выражаясь словами профессора Ф. Ю. Найфера, из Сент-Луиса, «мы друзья не теории, но — истины», и пока эта истина не найдена, мы будем приветствовать каждую новую теорию, сколь непопулярной она ни была бы вначале, из опасения отбросить по своему невежеству тот камень, который со временем может оказаться краеугольным камнем истины. «Не счесть ошибок, допущенных людьми науки, и вовсе не потому, что они представляют науку, но потому, что они — люди», — говорит тот же самый ученый; а теперь процитируем прекрасные слова Фарадея:

«Довольно часто бывает, что *не следует торопиться* с окончательным вынесением суждения. Откладывать свое решение может быть весьма неприятно и мучительно, но поскольку никто не застрахован от ошибок, нам следует проявлять осторожность».¹

Вряд ли когда-либо были предприняты попытки, детально описать так называемые американские древности, за исключением немногих наиболее известных руин. Однако для того, чтобы провести параллель между ними, такая работа была бы совершенно нелишней. Если задаться целью разгадать историю религии и мифологии, и — что гораздо важнее — происхождение, развитие и окончательное формирование человеческого рода, то нам следует скорее доверять археологическим исследованиям, чем гипотетически дедуктивным выводам филологии. Мы должны начать с анализа конкретных скульптурных отображений древней мысли, зачастую более выразительной в своей неизменной форме, чем ее словесное выражение, тысячекратно искаженное благодаря многократным интерпретациям. Это даст нам более легкий и правдоподобный ключ к раскрытию тайны. Археологическим Обществам не помешало бы взяться за составление полной энциклопедии мировых руин, с перечнем наиболее важных гипотез

¹ «Экспериментальные исследования», 24-й выпуск.

относительно каждой достопримечательности. Ибо, сколь бы фантастическими и дикими не казались эти гипотезы на первый взгляд, все же каждая из них может пригодиться в соответствующее время. Как справедливо заметил Макс Мюллер, часто более полезно знать, что чего-либо *нет*, чем о то, что *это есть*.

К сожалению, подобная задача не может быть выполнена в ограниченных рамках статьи в нашем журнале. Однако, используя сообщения правительственных чиновников, заслуживающих доверия путешественников, ученых, и даже свой собственный ограниченный опыт, мы попытаемся в будущих выпусках дать нашим индийским читателям, которые, вероятно, никогда не слышали об этих древностях, общее представление по этому вопросу. Наши самые последние сведения заимствованы из по возможности достоверного источника; обозрение перуанских древностей, по большей части, основано на вышеупомянутой талантливой статье д-ра Хита.

II

Само собой разумеется, мы, ТЕОСОФЫ, не единственные борцы с предрассудками в этом мире взаимного обмана и лицемерия. Мы не единственные, кто верит в циклы и, вопреки библейской хронологии, склоняется к таким взглядам, которые тайно разделяются большинством, но публично признаются лишь очень немногими людьми. Мы, европейцы, сравнительно недавно появились в самом начале нового цикла и лишь начинаем развиваться с течением времени, в то время как азиатские народы — особенно это касается индусов — представляют собой остатки былых народов, населявших землю в предыдущие и давно прошедшие циклы. Произошли ли арии от древних американцев, или же наоборот, последние произошли от доисторических ариев, — на этот вопрос не может ответить ни один из живущих людей. Но то, что некогда должна была существовать тесная связь между древними ариями, доисторическими обитателями Америки (как бы они не назывались), и древними египтянами — это утверждение легче доказать, чем опровергнуть. И вероятно, если подобная

связь когда-либо существовала, то это имело место в те времена, когда Атлантический океан не разделял еще два полушария, как это обстоит сегодня.

В своих «Перуанских древностях»¹ д-р Хит из Канзас-Сити — *rara avis* [«белая ворона», *лат.*] среди ученых, бесстрашный исследователь, признающий истину везде, где бы он ни обнаружил ее, и не боящийся высказывать ее прямо в лицо догматически настроенным оппонентам. — подводит итог своим впечатлениям от перуанских реликтов в следующих словах:

«Трижды Анды погружались на сотни футов в воды океана и снова постепенно возвращались к прежней отметке высоты. Человеческая жизнь слишком коротка даже для того, чтобы пересчитать те столетия, которые минули за время этого процесса. Перуанское побережье поднялось на восемьдесят футов с тех пор, как оно ощутило на себе поступь Писарро. Если предположить, что Анды поднимаются равномерно и непрерывно, то для достижения ими нынешней высоты должно было потребоваться 70.000 лет.

Кто знает, таким образом, может быть причудливая идея² Жюля Верна об исчезнувшем континенте Атлантида недалеко от истины? Кто может с уверенностью сказать, что там, где ныне плещутся волны Атлантического океана, не существовал ранее плотно заселенный материк, население которого имело высокоразвитые науки и искусства, и которое, обнаружив, что их земля погружается в океан, переселилось на запад и на восток, распространившись, таким образом, по всему свету? Это объяснило бы сходство их археологических сооружений и рас, а их различия были бы вызваны изменением климата и приспособлением к соответствующим условиям жизни в разных странах. Так лама отличается от верблюда, хотя они принадлежат к одному и тому же виду; то же самое можно сказать относительно деревьев альгорара и эспино; так среди северно-американских индейцев ирокезов и древнейших арабов созвездие «Большой Медведицы» называлось одним и тем же именем; так различные народы, никогда не общавшиеся между собой и не передававшие друг другу знаний из-за непреодолимого расстояния, разделяющего их, делили зодиак на двенадцать созвездий и называли их одинаковыми именами; так северные индусы называют свои Гималайские горы Андами,

¹ См. «Теософист» за март 1880 г.

² Эта «идея» ясно выражена и утверждается как факт Платоном в его «Пире», и была развита лордом Бэконом в его «Новой Атлантиде».

подобно тому, как называют южно-американцы свой самый высокий горный хребет.¹ Должны ли мы следовать проторенной дорогой и полагать, что нет других «путей» заселения Западного полушария, кроме «Берингова пролива»? Должны ли мы все так же помещать географический Эдем на Востоке и мечтать о существовании геологически древней земли обетованной, которая должна была принять после бесцельных скитаний *пропавшее колено Израилево?*»

Как бы далеко мы ни зашли, исследуя американские древности — в Северной ли, Центральной или Южной Америке, — нас, прежде всего, впечатляют размеры этих реликтов веков и неведомых рас, а затем их удивительное сходство с курганами и строениями древней Индии, Египта и даже некоторых областей Европы. Каждый, кто видел один из этих курганов, видел все. Каждый, кто стоял перед циклопическими постройками одного континента, может составить совершенно точное представление обо всех остальных. Однако следует оговориться, что нам известно о возрасте древностей Америки еще меньше, чем даже о возрасте древностей долины Нила, о которых мы не знаем почти ничего. Но их символизм — не говоря об их внешней форме, — безусловно, везде одинаков, как в Египте и Индии, так и в других местах. Стоя перед великой пирамидой Хеопса в Каире; или перед большим курганом, вышиной в 100 футов, в долине Кахокия (недалеко от Сент-Луиса, штат Миссури), который насчитывает 700 футов в длину и 800 футов в ширину у основания и занимает восемь акров земли, имея объем 20.000.000 кубических футов; и курганом на берегу Браш Крик в Огайо, столь детально описанным Скуайером и Дэвисом, не знаешь, чем больше восторгаться: соблюдением ли геометрических пропорций, запечатленных с удивительной точностью таинственными строителями в форме своих монументов, или же глубоким символизмом, кото-

¹ «Название *Америка*», — говорила я в «Разоблаченной Изиде» (том II, стр. 591) три года назад, — «может однажды быть тесно увязано с *Меру*, священной горой в центре *семи* континентов». Во время первого открытия Америки выяснилось, что некоторые племена аборигенов называют ее *Атлантой*. В центрально-американских штатах мы обнаруживает название *Америх*, обозначающее, подобно *Меру*, великую гору. Также остается неясным происхождение названия американских индейцев *камас*.

рый они, без сомнения, пожелали отразить в них. Курган в Огайо представляет собой змею, превышающую 1.000 футов в длину. Грациозно изогнутая в причудливую кривую линию, она заканчивается хвостом, образующим тройное кольцо. «Насыпь, создающая это изображение, имеет свыше пяти футов в высоту, тридцать футов у основания в середине тела, постепенно сужаясь к хвосту».¹ Шея змеи вытянута, и в своей широко раскрытой пасти она держит овальный предмет. «Образованный насыпью в четыре фута высотой, этот овал имеет идеальную форму очертаний, и его наибольший и наименьший диаметры», — по словам человека, снимавшего с него размеры, — «составляют соответственно 16 и 8 футов». Все это в целом представляет собой универсальную космологическую идею о змее и яйце. Это предположение само напрашивается на ум. Но *каким образом* этот великий символ герметической мудрости древнего Египта смог получить свое выражение в Северной Америке? Как получилось, что священные сооружения, обнаруженные в Огайо и в других местах — эти квадраты, круги, восьмиугольники и другие геометрические фигуры, в которых столь не сложно распознать доминирующую идею пифагорейских священных чисел, — выглядят так, словно они скопированы из «Книги Чисел»? Не говоря уж о полном молчании об их происхождении, которое хранят индийские племена, сохранившие так или иначе свои собственные традиции, древность этих руин доказывается существованием огромных и древних лесов, выросших на территории погребенных городов. Осторожные американские археологи, как правило, определяют их возраст в 2.000 лет. Но кто воздвиг их, переселились ли их строители в другие места или сгнули в результате войн, прекратили ли существование из-за каких-то страшных эпидемий или всеобщего голода, это вопросы, «ответы на которые», — по словам археологов, — «вероятно, находятся за пределами возможностей человеческого познания». Древнейшими обитателями Мексики, о которых история имеет хоть какие-то сведения — скорее гипотетические, нежели достоверные, — являются тольтеки. Они,

¹ Вклад Джорджа Смита в Общество распространения христианских знаний, том I.

предположительно, появились с севера, и, как в это *верят*, пришли в Анахуак (плато на юге Мексики) в 7-м веке н. э. Им также приписывается строительство в Центральной Америке, где они распространились в одиннадцатом веке, нескольких крупных городов, ныне лежащих в руинах. В таком случае, именно они должны быть теми, кто вырезал иероглифы, покрывающие некоторые из этих реликтов. Но почему же тогда пиктографическая система письма, которую использовали завоеванные народы Мексики, изученная их завоевателями и миссионерами, не дает ключей к иероглифам Паленки и Копана, не говоря уж об иероглифах Перу? И кто были сами эти цивилизованные тольтеки и откуда они пришли? И кем были ацтеки, следовавшие за ними? Даже среди иероглифических систем Мексики были такие, которые не поддавались изучению иностранных толкователей. Это были так называемые диаграммы судейской астрологии, «приведенные без объяснения лордом Кингсборо в опубликованном собрании», и отложенные им как чисто метафорические и символические, «предназначенные лишь для использования жрецами и прорицателями, понимающими их эзотерический смысл». Многочисленные монументы Паленки и Копана исписаны подобными иероглифами. Все «жрецы и прорицатели» были убиты католическими фанатиками, — вместе с ними умерла и их тайна.

Практически все курганы Северной Америки состоят из террас, на вершину которых ведут большие пологие ступени. В основании их лежит иногда квадрат, иногда шести или восьмиугольник, вершина у них часто усеченная. Во всех отношениях они похожи на *теокалли* Мексики и *ступы* Индии. И как создание последних повсюду в этой стране приписывается пяти пандавам Лунной расы, так же циклопические монументы и монолиты на берегах озера Титикака, в республике Боливия, приписываются творению гигантов, пяти изгнанным братьям «из-за горья». Они поклонялись *Луне как своему Прародителю*, и жили во времена, предшествовавшие приходу «Сынов и Дев Солнца». Сходство арийской традиции с южноамериканской здесь, опять-таки, слишком очевидно; солнечная и лунная расы — сурьяванша и чандраванша — возрождаются в Америке.

Озеро Титикака, расположенное в центре одного из наиболее примечательных тектонических бассейнов на поверхности земли, протянулось «на 160 миль в длину и от 50 до 80 миль в ширину. Оно несет свои воды через долину Эль Десагуадеро на юго-восток, в другое озеро, называемое Оллекас, которое, вероятно, сохраняет свой пониженный уровень в результате испарения или фильтрации, поскольку сток его так и не найден. Поверхность этого озера возвышается на 12.846 футов над уровнем моря, и оно, таким образом, является самым большим высокогорным водоемом в мире». Поскольку уровень воды в озере сильно понизился за прошедший исторический период, есть все основания полагать, что когда-то вода окружала приподнятый участок земли, на котором обнаружены замечательные руины Тиауанако.

Последние, без сомнения, представляют собой памятники эпохи аборигенов, предшествовавшей периоду инков, столь же удаленной, как и эпоха дравидов и других народов, населявших Индию до прихода ариев. Хотя традиции инков упоминают о том, что великий законодатель и наставник перуанцев, Манко Капак (Ману Южной Америки), распространял свое знание и влияние из этого центра, все же это утверждение не подтверждается фактами. Если аймары, или «раса инков», берут свое происхождение именно отсюда, как утверждают некоторые источники, то почему же ни инки, ни аймары, живущие на берегах озера и по сей день, ни тем более древние перуанцы, не имеют ни малейшего представления о своей истории? Кроме неясных преданий, повествующих о «великанах», построивших эти громадные сооружения за одну ночь, мы не находим ни малейшего ключа к разгадке. И мы имеем все основания сомневаться в том, что инки вообще принадлежат к расе аймаров. Инки ведут свое происхождение от Манко Капака, сына Солнца, а аймары считают этого законодателя своим наставником и основателем их цивилизации. И все же ни инки периода испанского завоевания, ни аймары не предоставили доказательств этому. Язык последних сильно отличается от *иничуа* — языка инков; к тому же они были единственным народом, не утратившим своего языка после их завоевания потомками Солнца, как об этом повествует д-р Хит.

Эти руины имеют все признаки глубочайшей древности. Некоторые имеют форму пирамиды, как и большинство американских курганов, и занимают несколько акров земли; в то время как монолитные ворота, колонны и каменные идолы, покрытые столь искусной резьбой, «высечены в *стиле, совершенно отличном* от любых других искусственных останков, обнаруженных в Америке». Д'Орбиньи рассказывает об этих руинах с исключительным вдохновением.

«Эти памятники», — говорит он, — «состоят из кургана высотой около 100 футов, окруженного колоннадой; из храмов от 600 до 1.200 футов в длину, сориентированных точно на восток и украшенных колоссальными угловыми столпами; из портиков, высеченных из цельного камня, покрытых искусными барельефами, символически представляющими Солнце и кондора, его посланника; из базальтовых статуй с нанесенными на них барельефами, в которых поворот вырезанной из камня головы почти соответствует египетским изображениям; и, наконец, из внутренней части дворца, сложенной из хорошо подогнанных гигантских скальных блоков, размеры которых часто достигают 21 фута в длину, 12 — в ширину и 6 — в высоту. В храмах и дворцах порталы не наклонены, как у инков, но перпендикулярны; и их внушительные размеры и громадный вес превосходят по своей красоте и грандиозности все то, что было построено впоследствии суверенами Куско».¹

Подобно другим своим коллегам-исследователям, мосье д'Орбиньи убежден, что эти руины были созданы расой, жившей задолго до инков.

В основе реликтов на озере Титикака лежат два различных архитектурных стиля. Развалины острова Коати, например, во всех своих деталях сходны с руинами Тиауанако; к ним относятся и большие каменные блоки, сплошь покрытые рельефами, некоторые из которых, согласно сообщениям исследователей, проводивших замеры в 1846 году, достигают «3-х футов в длину, 18-ти футов в ширину и 6-ти футов в высоту»; в то же время на некоторых островах озера Титикака сохранились памятники огромного размера, «но истинно перуанского типа, предположительно, останки храмов, разрушенных испанцами». Знаменитое святилище с человеческой фигурой внутри принадлежит к первому типу. Его портал,

¹ А. Д. д'Орбиньи: «Voyage dans l'Amérique Meridionale», 1839-42.

имеющий 10 футов в высоту, 13 футов в ширину, с входным отверстием в 6 футов 4 дюйма на 3 фута 2 дюйма, высечен из цельного камня. «Его восточная стена имеет карниз, в центре которого находится человеческая фигура странной формы, увенчанная лучами, чередующимися со змеями, головы которых украшены гребнем. По обе стороны от этой фигуры располагаются три ряда отделений, заполненных человеческими и другими фигурами, имеющими явно символическое значение...» Если бы этот храм находился в Индии, он без сомнения был бы посвящен Шиве; но он в другом полушарии, куда никогда не ступала нога ни шиваита, ни кого-либо из племени нагов, насколько это известно, хотя у мексиканских индейцев и есть свой *нагуаль*, или главный колдун и хранитель культа змей. Руины раскинулись на возвышенности, которая, судя по отметкам, оставленным вокруг нее водой, когда-то, вероятно, была островом озера Титикака, и «поскольку уровень озера понизился к настоящему времени на 135 футов, а его берега удалились на 12 миль, этот факт, в связи со всеми остальными, подтверждает предположение о том, что эти останки древнее любых других известных в Америке». ¹ Следовательно, все эти реликвии единодушно приписываются одному и тому же «таинственному народу, который предшествовал перуанцам, как тульхуатеки, или тольтеки, — ацтекам. По-видимому, здесь обитала самая древняя цивилизация Южной Америки, народ которой оставил после себя такие гигантские памятники своего могущества и мастерства»... И все такие монументы являются либо *драконтиями* — храмами, посвященными Змею, либо храмами Солнца.

Того же самого характера и разрушенные пирамиды Теотиуакана, и монолиты Паленке и Копана. Первые находятся примерно в восьми лье от города Мехико, на равнине Отумла, и признаются самыми древним в этой стране. Каждая из двух основных посвящена Солнцу и Луне, соответственно. Они построены из обработанного камня, имеют квадратную форму, четыре яруса и плоскую площадку на вершине. Самая большая, посвященная Солнцу, имеет 221 фут в высоту, 680-футовый квадрат в основании, и занимает площадь в 11 акров,

¹ «Новая Американская энциклопедия», статья: «Теотиуакан».

почти равную пространству, которое покрывает пирамида Хеопса. И все же, согласно Гумбольдту, пирамида Чолула выше пирамиды Теотиуакана на десять футов и, имея в основании квадрат со сторонами в 1.400 футов, занимает площадь в 45 акров!

Интересно послушать, что говорят предыдущие авторы — историки, видевшие их во время первого завоевания, — к примеру, хотя бы о самом позднем из этих строений, большом храме Мехико. Он состоял из огромной площадки квадратной формы, «окруженной восьмифутовой стеной из известкового камня, с зубцами, украшенными множеством каменных барельефов *в виде змей*», — повествует один. Кортес утверждает, что на огороженной территории могли бы легко разместиться 500 домов. Внутри он был вымощен каменными плитами, столь гладко отполированными, что «лошади испанцев не могли ступить по ним и шагу, не поскользнувшись», — пишет Бернал Диас.¹ В связи с этим мы должны вспомнить, что это не испанцы завоевали Мексику, но их *лошади*. Так как никто из коренных американцев никогда не видел лошадей, вплоть до момента высадки на берег первых европейцев, аборигены, хотя и наделенные исключительной храбростью, «были настолько уstraшены видом лошадей и ревом артиллерии», что поверили в божественное происхождение испанцев и послали им людей в качестве жертвоприношения. Эта суеверная паника в достаточной мере объясняет историческую загадку, каким образом кучка людей смогла столь легко одержать победу над неисчислимыми тысячами воинов.

Согласно Гомаре,² четыре стены, огораживающие храм, соответствуют четырем сторонам света. В центре этой гигантской площадки возвышается большой храм, огромное пирамидальное здание в восемь этажей, облицованное камнем, с квадратом со сторонами в 300 футов у основания и 120 футов в высоту, усеченное и имеющее плоскую вершину, на которой расположены две башни, места поклонения двум божествам, которым посвящен храм — Тескатлипока и Уицилопочтли.

¹ Б. Д. дель Кастильо: «Historia Verdadera de la Conquista de la Nueva Espana».

² Ф. Л. де Гомара: «Historia de las Indias y Cronica de la Conquista de la Nueva Espana», Медина, 1553.

Именно здесь совершались жертвоприношения, и *поддерживался вечный огонь*. Клавигеро доводит до нашего сведения, что помимо этой великой пирамиды существовали еще сорок подобных сооружений, посвященных различным божествам. Одно носило название *тескакали*, «дом Сверкающих Зеркал, посвященный *Тескатлипоке*, Богу Света, Душе Мира, Жизнедателю, Духовному Солнцу».¹ Жилища жрецов, количество которых, согласно Сарате,² достигало 8.000, располагались неподалеку, так же как семинарии и школы. Были обустроены многочисленные пруды и фонтаны, роши и сады, в которых цвели и благоухали различные растения, используемые в некоторых священных ритуалах и для украшения алтарей; а внутренний двор храма был столь велик, что, по словам Солиса, — «8 или 10 тысяч человек могли свободно отплясывать там во время торжественных празднований».³ Торквемада оценивает количество таких храмов в Мексиканской империи в 40.000, но Клавигеро, говоря о величественных *теокаллиях* (буквально, домах Бога), называет еще большую цифру.

Черты сходства между древними святынями Старого и Нового Света столь поразительны, что сам Гумбольдт, не в силах сдержать свое изумление, восклицает:

«Какие удивительные аналогии просматриваются между монументами старых континентов и подобными памятниками тольтеков, которые ... построили свои колоссальные сооружения, усеченные многоступенчатые пирамиды, подобно храму Бела в Вавилоне! Откуда они взяли образчик для подражания?»⁴

Знаменитый натуралист мог бы также поинтересоваться, откуда мексиканцы унаследовали все свои *христианские* добродетели, будучи всего-навсего бедными язычниками? Свод законов ацтеков, по словам Прескотта, «обнаруживает заботу о главных нравственных принципах, и столь же ясное понимание этих принципов, как это пристало более культурным

¹ Ф. Х. М. Клавигеро: «Storia Antica del Messico», Чезена, 1780-81.

² А. де Сарте: «Historia del descubrimiento y Conquista de la provincia del Peru», Антверпен, 1555.

³ Р. А. де Солис: «Historia de la Conquista de la Mejico», Мадрид, 1684.

⁴ А. фон Гумбольдт: «К изучению обычаев и памятников древних жителей Америки», Лондон, 1814.

нациям».¹ Некоторые из них весьма любопытны, поскольку они являют сходство с некоторыми заповедями евангельской этики. «Тот, кто смотрит на женщину с излишним любопытством, совершает прелюбодеяние своими глазами», — гласит один из них. «Храните мир со всеми; переносите оскорбление со смирением; Бог, который видит, отомстит за тебя», — провозглашает другой. Признавая лишь единую Высшую Силу в Природе, они обращались к ней как к божеству, «которому мы обязаны своим существованием, вездесущему, всеведающему и всеблагому, без которого человек — ничто; невидимому, бестелесному, одинаково безупречному в совершенстве и чистоте, под чьими крылами мы обретаем покой и полную защиту». И, давая имена своим детям, говорит лорд Кингсборо, «они совершали ритуал, странным образом похожий на христианский обряд крещения: губы и грудь младенца окроплялись водой, и Господа умоляли *смыть грех*, который был дан от основания мира, *так, чтобы ребенок смог родиться заново*». «Их законы были совершенны; справедливость, довольство и мир царили в стране этих темных язычников», когда разбойники и иезуиты Кортеса высадились в Табаско. Столетия убийств, грабежей и насильного обращения в другую веру привели тому, что этот тихий, безобидный и мудрый народ стал таким, каким мы его видим сегодня. Догматическое христианство извлекло из них всю выгоду, какая только была возможна. И тот, кто когда-либо бывал в Мексике, знает, что это означает. Страна переполнена кровожадными христианскими фанатиками, ворами, бродягами, пьяницами, дебоширами, убийцами и самыми отвратительными в мире лжецами! Мир и слава вашему праху, о, Кортес и Торквемада! Перестаньте, хотя бы в этом случае, хвастаться просвещенностью *вашего* христианства, обрушившегося на бедных, и когда-то добродетельных, язычников!

III

Руины Центральной Америки впечатляют не в меньшей степени. Массивные, с невероятно толстыми стенами, они, как

¹ У. Х. Прескотт: «История завоевания Мексики».

правило, снабжены широкими лестницами, ведущими к главному входу. В многоэтажных строениях каждый последующий этаж обычно меньше предыдущего, что придает им вид многоярусной пирамиды. Внешние стены, либо каменные, либо оштукатуренные, покрыты искусно вырезанными, символическими фигурами; а внутренняя часть здания состоит из коридоров и темных камер с арочными перекрытиями; своды поддерживаются перекрывающими друг друга горизонтальными рядами камней, «образующими конические арки, сходные по своему типу с древнейшими памятниками Старого Света». В некоторых камерах в Паленке Стивенс нашел таблички, покрытые странными барельефами и иероглифами искусного исполнения. В Гондурасе, в районе Копана, Стивенс и Катервуд раскопали в старом лесу целый город — храмы, дома и огромные монолиты с витиеватой резьбой на них. Барельефы и общий стиль Копана уникальны, и нигде, кроме Квиригуа и островов озера Никарагуа, более не было обнаружено ничего подобного или хотя бы приближающегося к этому стилю. Никто не может расшифровать таинственные иероглифические надписи на этих алтарях и монолитах. За исключением нескольких строений из необработанного камня, «Копану можно с уверенностью приписать возраст более древний, чем любому другому из всех известных нам памятников Центральной Америки», — говорится в «Новой Американской энциклопедии». Во время испанского завоевания руины Копана давно уже были преданы забвению, воспоминания о которых оставались лишь в наиболее смутных и неясных преданиях.

Не менее экстраординарны и останки различных эпох в Перу. Руины Храма Солнца в Куско все еще производят впечатление, несмотря на то, что мстительная рука испанских вандалов тяжело прошла по нему. Если мы можем поверить рассказам самих завоевателей, то по прибытии туда они обнаружили, своего рода, сказочный замок. В самом центре города располагался главный храм, с прилегающими к нему часовнями и строениями, окруженный со всех сторон гигантской каменной стеной, и даже его развалины непременно вызывают восхищение у путешественника.

«За священной оградой были вырыты акведуки; также внутри были разбиты сады и проложены дороги, окруженные по бокам кус-

тами и цветами из золота и серебра, точно повторяющими творения живой природы. За ним следили 4.000 жрецов... Земля на 200 шагов вокруг храма считалась священной, и никому не позволялось пересекать ее границы, не сняв обувь».¹

Кроме этого великого храма, в Куско было еще 300 других менее значимых храмов. Следующим после него по величелипию был священный храм Пачакамак. Еще один большой храм Солнца упоминается Гумбольдтом; также, «в основании Каннарского холма находилось когда-то знаменитое святилище Солнца, отмеченное универсальным символом этого светила, созданным самой природой на поверхности огромной скалы». Со слов Романа, «храмы Перу были построены на возвышенных местах или вершинах холмов, и были окружены тремя-четырьмя кольцевыми земляными валами, один внутри другого».² Другие развалины, обращающие на себя внимание — особенно это касается курганов, — состоят из двух, трех и четырех окружностей, сооруженных из каменных глыб. Недалеко от города Кайамбе, на том самом месте, где Уоля обнаружил и описал древний перуанский храм, «совершенно круглой формы, и без крыши»,³ есть и другие подобные *кромлехи*. Прочитируем статью, опубликованную в «*Madras Times*» за 1876 год, в которой м-р Дж. Г. Риветт-Карнак дает исчерпывающую информацию о наиболее интересных курганах в окрестностях Бангалора:⁴

«Невдалеке от селения обнаружено не менее сотни кромлехов. Эти кромлехи состоят из отдельных каменных концентрических окружностей, некоторые из них трех-четырёх слойные. Один из них, самый примечательной, выложен из больших каменных глыб, составляющих четыре окружности, и называется местными жителями *Пандавара Гуди*, или храмом Пандавов... Возможно, это единственный случай, когда местные жители как один признают сооружения

¹ Гарсиласо де ла Вера: «Comentarios reales que traton del origen de los Incas».

² Роман-и-Замора: «Republicas del mundo», 1575.

³ А. д'Уоля: «Relacion historica del viaje a America Meridional», Мадрид, 1748.

⁴ Дж. Г. Риветт-Карнак: «Археологические заметки о древних скальных скульптурах Кумаона, Индия», похожих на те, что обнаружены на монолитах и скалах в Европе.

такого рода храмом исчезнувшей, если не мифической, расы. Многие из этих сооружений состоят из трех, некоторые из двух, а реже из одной каменной окружности».

Аризонские индейцы Северной Америки, обитающие вдоль 35-го градуса северной широты, и поныне сохраняют свои примитивные алтари, состоящие из точно таких же окружностей; и их священный источник, открытый майором Альфредом Р. Калхоуном, членом Геологического общества, офицером-топографом армии США, окружен такими же символическими каменными кольцами, какие лежат в основе Стоунхенджа и других мест.

Наиболее интересное и полное описание перуанских древностей из всех, что мы прочитали за долгое время, вышло из-под пера уже упомянутого м-ра Хита из Канзаса. Сжато излагая обширную картину этих развалин на ограниченном пространстве нескольких страниц периодического издания,¹ он все же ухитрился дать мастерское и живое изображение всего их великолепия. Многие спекулянты разбогатели за несколько дней, оскверняя *уаки*.² Останки бесчисленных поколений неизвестных народов, которые покоились там в неприкосновенности — кто знает, как много веков, — ныне оставлены святотатцами-кладоискателями рассыпаться в пыль под жарким тропическим солнцем. Выводы д-ра Хита, возможно еще более поразительные, чем его открытия, достойны того, чтобы упомянуть о них здесь. Вкратце мы процитируем его описание:

«В долине Хекетепеке, в Перу, в четырех милях к северу от порта Пакасмайо, расположенного на 70° 24' южной широты, течет река Хекетепеке. Вблизи от ее южного берега находится высокая терраса *квадратной формы со сторонами в четверть мили и сорока футов в высоту, сложенная целиком из обожженных на солнце кирпичей*. Стена шириной в 50 футов связывает ее с другой террасой, имеющей 150 футов в высоту, 200 футов в вершине и 500 в основа-

¹ См. «Kansas City Review of Science and Industry», ноябрь, 1878.

² *Уака* — дух, святыня, в представлениях индейцев кечуа, обладающая сверхъестественной силой. Это мог быть храм, идол, ритуальный сосуд или камень необычной формы. С *уакой* связывалась духовная жизнь, как отдельного человека, так и всего племени. — *Прим. редактора.*

нии, имеющем приблизительно квадратную форму. Последняя разбита на секции, представляющие собой камеры, имеющие десять футов в основании, шесть футов в вершине и около восьми футов в высоту. Все подобного рода курганы — либо храмы для поклонения солнцу, либо, по-видимому, крепости, — имеют со своей северной стороны покатую поверхность для подъема. Кладоискатели проникли в один из них и, по слухам, добравшись до середины, обнаружили золотые и серебряные украшения на *150.000 долларов*. Это место явилось последним пристанищем для многих тысяч людей, и неподалеку были найдены скелеты, в изобилии снабженные украшениями из золота, серебра, меди, кораллов и т. д. «К северу от реки раскинулись обширные развалины окруженного стеной города, занимающие две мили в ширину и шесть в длину... Следуя вдоль реки по направлению к горам, вы все время будете пересекать руины за руинами, и уаку за уакой» (места погребений). Близ Толона есть другой разрушенный город. Пятью милями выше по реке «находится отдельно стоящая гранитная глыба, имеющая 4-6 футов в обхвате, сплошь покрытая иероглифами; еще через четырнадцать миль, на высоте более чем пятьдесят футов, в месте, где сходятся два ущелья, вершину горы покрывают такого же рода иероглифы — птицы, рыбы, змеи, кошки, обезьяны, люди, солнце, луна и многие другие фигуры, смысл которых ныне понять невозможно. Скала, на которой они вырезаны, состоит из силикатного песчаника, а многие линии имеют глубину в одну восьмую дюйма. В одном большом камне проделаны три отверстия, тридцати-сорока дюймов в глубину, шести дюймов у основания на поверхности и двух дюймов в глубине... В Анчи, на реке Римак, на поверхности отвесной стены, на высоте свыше 200 футов над рекой, есть два иероглифа, представляющие собой неясно выраженную букву «В» и вполне очевидную «D». В расщелине под ними, у реки, были найдены спрятанные сокровища из серебра и золота стоимостью 25.000 долларов. Когда инки получили известие о гибели своего вождя, что сделали они с тем золотом, которое предназначалось для его выкупа? Согласно устной традиции, они его закопали... Не об этом ли повествуют нерасшифрованные надписи в Йонане, коль скоро они расположены на дороге, ведущей к городу инков?»

Цитируемая выше статья была опубликована в ноябре 1878 года, в то время как в октябре 1877, в своей книге «Разоблаченная Изида»,¹ я привела легенду, которую, по причинам,

¹ См. том I, стр. 791-792, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000, серия «Великие посвященные». — *Прим. редактора.*

которые было бы слишком долго объяснять, я считаю совершенно правдоподобной. Она имеет отношение к тем самым захороненным сокровищам, которые должны были послужить выкупом за Инка. Один журнал, скорее язвительный, нежели учтивый, сравнил ее с баснями барона Мюнхгаузена. Тайной со мной поделился один перуанец. В Арике, по пути из Лимы, возвышается огромная скала, которая по преданию считается местом погребения инков. Когда последние лучи уходящего солнца касаются поверхности этой скалы, можно увидеть любопытные иероглифы, написанные на ней. Эти знаки являются одним из ориентиров, указующих на то, как пройти к бесчисленным сокровищам, погребенным в подземных проходах. Подробности этого приводятся в «Изиде»,¹ и я не буду повторять их. Весомые доказательства в подтверждении этому можно обнаружить ныне во многих современных научных работах; и отмахнуться от этого утверждения сегодня труднее, чем в то время, когда оно было высказано. В нескольких милях за Йонаном, на горном кряже, возвышающемся над рекой на высоте 700 футов, расположены стены другого города. Через шесть и двенадцать миль на пути возникают обширные стены и террасы; в семидесяти восьми милях от побережья, «вы поднимаетесь по зигзагообразному склону горы на высоту 7.000 футов, затем спускаетесь на 2.000» и прибываете в Кохамалку, город, где и поныне стоит дом, в котором томился в качестве узника Атауальпа, несчастный Инка, заключенный сюда вероломным Писарро. Это тот самый дом, который Инка «обещал наполнить золотом настолько, насколько смогут дотянуться руки завоевателей, в обмен на собственную свободу» в 1532 году. Он сдержал свое слово, наполнив его золотом общей стоимостью в 17.500.000 долларов, но Писарро, этот бывший испанский свинопас и достойный прислужник священника Эрнандо де Лугеса, убил его, невзирая на данное им клятвенное обещание. В трех милях от этого города «есть стена, неизвестно кем построенная. Она скреплена цементом, причем этот цемент прочнее самих камней... В Чепене есть гора, обнесенная стеною двадцатифутовой высоты, вершина которой полностью искусственная. В пятидесяти милях к югу

¹ Там же, стр. 792-795. — *Прим. редактора.*

от Пакасмайо, между морскими портами Уанчако и Трухильо, расположены руины Чан-Чан, столицы царства Чиму... Дорога из порта в город, построенная на земляной насыпи высотой в четыре фута, ведет через эти руины, петляя от одной группы развалин к другой; под нею проложен тоннель». Независимо от того, были ли они в прошлом фортификационными сооружениями, замками, дворцами или могильными курганами, именуемыми «уаками», — все они ныне носят название «уака». Часы, проведенные в верховых прогулках среди этих руин, дают лишь весьма путаное представление о них, и никакой исследователь не смог бы определить, где были дворцы, а где — хижины... Строительство столь высоких ограждений, должно быть, потребовало затраты невероятного количества труда.

Для того чтобы дать некое представление о богатствах, найденных в этой стране испанцами, мы приведем следующий отрывок, выписанный м-ром Хитом из записей муниципалитета города Трухильо. Это копия отчета, обнаруженного в книге, содержащей сведения о внесении в казну пятой доли от найденных сокровищ за период с 1577 по 1578 год, и о кладах, найденных в «Уаке Толедо» одним-единственным человеком.

(1). В Трухильо, Перу, 22-го июля 1577 года, дон Гарсиа Гутиеррес де Толедо явился в королевскую казну, чтобы внести в королевский фонд пятую долю сокровищ. Он принес слиток золота весом в 19 карат и оцененный в 2.400 испанских долларов, стоимость пятой части которого составила 708 долларов, включая полтора процента главному пробирщику, каковая сумма и была положена в королевское хранилище.

(2). 12-го декабря он явился с двумя слитками золота весом в 15 и 19 карат, оцененными в 8.918 долларов.

(3). 7-го января 1578 года он пришел выплатить пятую часть от больших золотых слитков и пластин, общим числом 150 штук, весом от 15 до 20 карат, оцененными в 153.280 долларов.

(4). 8-го марта он принес шестнадцать слитков золота, весом от 14 до 21 карата, оцененные в 21.118 долларов.

(5). 5 апреля он принес разнообразные золотые орнаменты, представляющие собой небольшие золотые полоски, с на-

несенным на них узором в виде початков кукурузы, и другие изделия весом в 14 карат, оцененные в 6.272 доллара.

(6). 20 апреля он принес три небольших слитка золота, весом 20 карат, оцененные в 4.170 долларов.

(7). 12 июля он пришел с сорока семью слитками, весом от 14 до 21 карата, оцененными в 777.312 долларов.

(8). В тот же самый день он вернулся с другой порцией золота, орнаментированного кукурузными початками и фрагментами изображений животных, оцененной в 4.704 доллара.

«Общая сумма принесенного за эти восемь раз составила 278.174 золотых долларов, или испанских унций. Умножив эту сумму на шестнадцать, получим 4.450.784 серебряных доллара. За вычетом королевской пятой части — 985.953 доллара 75 центов, доля самого Толедо составляла 3.464.830 долларов 25 центов! Даже после такого огромного трофея, время от времени находили золотые изображения различных животных. Так же были выкопаны мантии, украшенные квадратными золотыми пластинами, и одеяния из разноцветных перьев. Существует поверье, согласно которому в уаке Толедо были сокрыты два клада, известные как большая и малая рыбы. Считается, что открыта лишь малая. Между Уачо и Сапе (последний находится в 120 милях к северу от Кальяо), неподалеку от населенного пункта, называемого Атауанки, расположены два огромных кургана, имеющие сходство с Кампаной и Сан-Мигелем в долине Уатика, к описанию которых мы вскоре перейдем. Примерно в пяти милях от Патавилки (на юг, недалеко от Сапе), есть место, называемое *Парамонга*, или крепость. Руины крепости, занимающие огромное пространство, хорошо просматриваются; стены ее сложены из обожженной глины и имеют толщину шесть футов. Главное строение возведено на вершине холма, но стены, окружающие его, спускаются к его подножию, образуя хорошо укрепленную линию обороны; лестничные пролеты выются вокруг холма подобно лабиринту, и их многочисленные повороты, вероятно, служили для защиты этого места. В близлежащих окрестностях были открыты многочисленные сокровища, спрятанные там, вероятно, доисторическими индейцами, так как не имеется никаких свидетельств того, что инки когда-либо заселяли данную область Перу, покорив эту страну».

В окрестностях Анкона, в радиусе шести-восьми миль, «повсюду вы можете увидеть черепа, кости ног, рук и целые скелеты, разбросанные на песке... В Пасамайо, в сорока милях к северу», на морском побережье есть еще одно большое захо-

ронение. Тысячи скелетов лежат на поверхности, выброшенные кладоискателями. Надо преодолеть более полумили, чтобы пересечь его... Оно простирается по склону холма от побережья до высоты почти 800 футов... Откуда появились эти сотни и тысячи людей, погребенных в Анконе? Снова и снова перед археологами встают такие вопросы, на которые они могут лишь пожать плечами и повторить вслед за местными жителями — «*Quien Sabe?*» — кто знает?

Д-р Хатчинсон пишет в номере «*South Pacific Times*» за 30 октября 1872 года:

«Я пришел к заключению, что Чанкай — это великий город мертвых, или в прошлом огромное кладбище Перу; ибо, куда бы вы ни пошли, на вершину горы, на плоскую равнину или на морской берег, везде вы встретите черепа и кости всевозможных видов».

В долине Уатика, сплошь покрытой руинами, расположены семнадцать курганов, называемых «уаками», хотя, как отмечает автор, «выглядят они скорее крепостями или замками, чем могильниками». Тройная стена окружает город. Эти стены местами имеют толщину в три ярда и достигают пятнадцати-двадцати футов в высоту. На востоке от него расположен огромный курган, называемый Уака Пандо ... и внушительные развалины крепости, которую местные жители называют Уакой Колокола. Уаки Пандо, *la compania* [заодно, исп.], включают в себя ряд больших и малых курганов, количество коих не возможно указать без проведения точных подсчетов, и представляют собой огромное их скопление. Вышеупомянутый курган «Колокол» имеет высоту 110 футов. Ближе к Кальяю расположено прямоугольное плато (протяженностью 278 ярдов и 96 в поперечине), с вершины которого спускаются восемь пологих ярусов, каждый из которых на один-два ярда ниже предыдущего, и в совокупности дающие в длину и ширину около 278 ярдов, согласно вычислениям профессора естественной истории из Мичигана Дж. Б. Стира.

Вышеупомянутое прямоугольное плато у основания разделяется на две части ... каждая из которых является почти правильным квадратом 47 на 48 ярдов; оба они соединяются вместе и образуют площадку в 96 ярдов. Кроме этой площадки имеется и другой прямоугольник размером 47 на 48 ярдов.

Вернувшись обратно на вершину, мы обнаружим здесь ту же самую симметрию измерений, кратную двенадцати, и, что весьма любопытно, почти все руины в этой долине отличаются тем же самым. Что это, случайность или замысел?.. Курган имеет форму усеченной пирамиды, его объем, согласно вычислениям, составляет 14.641.820 кубических футов... «Крепость» представляет собой гигантское сооружение высотой 80 футов, со сторонами 150 ярдов. На вершине проглядывают очертания больших квадратных комнат, но они засыпаны землей. Кто принес туда эту землю, и с какой целью заполнил ею комнаты? Работа по заполнению этих комнат рыхлой землей представляется почти столь же сложной, как и строительство самого этого здания... В двух милях к югу перед нашим взором открывается другое подобное сооружение, еще более обширное и с большим количеством помещений... Оно имеет около 170 ярдов в длину, 168 в ширину и 98 футов в высоту. Все эти руины ... окружены высокой стеной из адобов — огромных глиняных кирпичей, некоторые из которых достигают 1 ярда в ширину и 2 ярдов в длину. Уака «Колокола» содержит в себе около 20.220.840 кубических футов строительного материала, а «Сан-Мигель» — 25.650.800. Оба эти здания, со своими террасами, парапетами и бастионами, с огромным количеством комнат и квадратных площадок, — ныне доверху заполнены землей!

Неподалеку от «Мира Флорес» находится Очеран — самый большой из курганов в долине Уатика. Он имеет высоту 95 футов, ширину у вершины 55 ярдов, и общую длину 428 ярдов, или 1.284 фута, *то есть кратное двенадцати число*. Он окружен двойной стеной, 816 ярдов в длину и 700 в поперечнике, которая заключает в себе 117 акров земли. Между Очераном и океаном расположены от 15 до 20 скоплений руин подобных тем, что уже были описаны.

Храм Солнца инков, подобно храму Чолула в мексиканских прериях, относится к разновидности широких террасированных земляных пирамид. Он имеет 200-300 футов в высоту, и образует фигуру в форме полумесяца протяженностью свыше полумили. Площадь его вершины составляет около 10 акров. Во многих местах его стены покрыты красной краской и выглядят такими же свежими и яркими, как и много веков на-

зад, когда они были только что сложены... В долине Канет, расположенной напротив островов Чинча Гуано, находятся огромные руины, описанные Скуайером. На холме, называемом «Золотым Холмом», были найдены медные и серебряные булавки, подобные тем, которыми дамы закалывают свои шапки; также щипчики для выщипывания волос на бровях, веках и висках, и серебряные чашки.

«Побережье Перу», — говорит м-р Хит, — «простирается от Тумбеса до реки Лоа на протяжении 1.233 мили. Вдоль него рассеяны тысячи руин, не считая уже упомянутые выше. Повсеместно почти каждый холм и каждая вершина горы имеет на себе или около себя какую-либо реликвию прошлого, и в каждом ущелье, от побережья и до центрального плоскогорья, расположены останки стен, городов, крепостей, гробниц, и многие-многие мили террас и водопроводов. Если вы пересечете это плоскогорье и спуститесь по восточным склонам Анд к жилищам диких индейцев, то вы обнаружите то же самое. Однако в горах, где с небес постоянно низвергаются потоки дождя и снега, сопровождаемые ужасающими раскатами грома и молниями, и так на протяжении многих месяцев в году, развалины выглядят иначе. Сделанные из гранита, порфиритового известняка или силикатного песчаника, эти массивные, колоссальные, циклопические постройки сопротивляются разрушению временем, геологическими процессами, землетрясениями и кощунственными руками завоевателей и кладоискателей. Каменная кладка, лежащая в основании стен, храмов, домов, башен, крепостей или гробниц, сложена без применения цемента и удерживается на своем месте благодаря смещению центра тяжести и точной подгонке каждого камня к тому месту, которое ему предназначено; камни имеют шесть и более граней, и каждая из них ошлифована и притерта одна к другой с такой точностью, что тонкое лезвие перочинного ножа не может быть вставлено ни в один из стыков, ни в полностью скрытой средней части кладки, ни на внешней или же внутренней поверхности. Эти камни, выбранные безо всякого намека на единообразие по форме или величине, варьируют от полутора до 1.500 кубических футов, и если вы среди *многих, многих миллионов* камней сможете обнаружить один, который может быть поставлен на место другого, то это будет чистой случайностью. На *Триумфальной улице* в городе Куско, в стене одного древнего дома Дев Солнца есть очень большой камень, известный как *камень с двенадцатью углами*, потому что он соединен с окружающими его камнями двенадцатью сторонами, каждая из которых имеет свой угол наклона. Кроме этих двенадцати граней он имеет внешнюю сторону, и никто не знает, сколько граней

сокрыто внутри кладки. В стене в центре крепости Куско есть камни 13 футов в высоту, 15 футов в длину и 8 футов в толщину, и все они были добыты в карьерах за несколько миль отсюда. Невдалеке от этого города лежит продолговатый гладкий валун, имеющий 18 футов в своей длинной оси и 12 — в короткой. С одной его стороны вырезаны просторные ниши, в которых человек может стать в полный рост и, раскачивая свое тело, заставить камень качаться. Эти ниши, безусловно, были сделаны именно для этой цели. Одним из наиболее удивительных и пространных каменных творений является так называемый Ольянтайтамбо, руины которого находятся в 30 милях к северу от Куско, в узком ущелье на берегу реки Урубамба. Они состоят из крепостных сооружений, расположенных на вершине покатой скалистой возвышенности. От простирающейся внизу равнины к ним поднимается каменная лестница. В верхней части лестницы, одна к другой, уложены шесть массивных плит, имеющих 12 футов в высоту, 5 футов в ширину и 3 фута в толщину; снаружи между ними проглядывают тонкие каменные полоски шириной около 6 дюймов, идеально подогнанные к плитам и отшлифованные. У подножия холма, частично насыпанного вручную, и у начала лестницы проходит каменная стена 10 футов в ширину и 12 футов в высоту, уходящая на некоторое расстояние на равнину. В стене имеются многочисленные ниши, все они обращены на юг».¹

Руины на островах озера Титикака, откуда ведется история Инков, были уже многократно описаны.

В Тиаяуанако, несколькими милями южнее озера, есть камни в форме колонн, частично обработанные, расположенные вдоль одной линии на определенном расстоянии друг от друга и возвышающиеся над землей на 18-20 футов. На той же самой линии находятся монолитные ворота, ныне разрушенные, 10 футов в высоту и 13 в ширину. Дверной проем, вырезанный в цельном камне, имеет 7 футов 4 дюйма в высоту и 3 фута 2 дюйма в ширину. Вся поверхность камня над дверью покрыта резьбой. Другая подобная конструкция, но меньшего размера, лежит на земле позади них. Эти камни состоят из твердого порфирита и отличаются в геологическом отношении от окружающих скал; отсюда напрашивается вывод, что они были доставлены сюда из другого места.

В Чавин-де-Уанта, городе в провинции Уари, также есть руины, достойные упоминания. Входом в них служит кори-

¹ Э. Р. Хит: «Перуанские древности».

дор, 6 футов в ширину и 9 футов в высоту, перекрытый грубо обработанными плитами песчаника, и имеющий свыше 12 футов в длину. По обе его стороны расположены комнаты шириной 12 футов, перекрытия коих выполнены из больших кусков песчаника в 1½ фута толщиной и от 6 до 9 футов шириной. Стены комнат имеют толщину 6 футов, и содержат в себе отверстия, которые, вероятно, служили для вентиляции. В полу этого коридора проделан очень узкий лаз в подземный коридор, ведущий под руслом реки на другой берег. Отсюда было извлечено множество уак, каменные сосуды для питья, медные и серебряные инструменты, и скелет сидящего индейца. Большая часть этих руин были снабжены акведуками. Мост, ведущий к этим крепостям, сложен из трех обработанных гранитных глыб, имеющих 24 фута в длину, 2 фута в ширину и 1½ в толщину. Местами гранитные камни испещрены иероглифами.

В Кораллонесе, в 24 милях от Арекипы, на гранитных массивах вырезанны иероглифы, которые выглядят так, словно они нарисованы мелом. Это силуэты людей, лам, круги, параллелограммы, знаки, напоминающие буквы «R» и «O», и даже фрагменты астрономической системы.

В Уайтаре, в провинции Кастро Виррейна, есть величественное здание с такими же высеченными изображениями.

В Наске, провинция Ика, обнаружены удивительные руины акведуков, 4-5 футов в высоту и 3 футов в ширину, очень прямых, окруженных двойной стеной, сложенной из необработанного камня и облицованных плитами.

В Квеллапе, недалеко от Чочапайяс, недавно проводились исследования обширных сооружений. Стена из обработанного камня, протяженностью 3.660 футов, имеет 560 футов в ширину и 150 в высоту. Нижняя часть ее состоит из массивных блоков. Другая стена, расположенная выше, имеет свыше 600 футов в длину, 500 в ширину, и так же возвышается на 150 футов. В обеих стенах есть ниши, высотой 3 фута, шириной и глубиной 1½ фута, в которых хранятся останки их древних жителей, некоторые неприкрытые, другие же завернутые в разноцветные хлопковые покрывала с богатой вышивкой...

За воротами второй, расположенной выше стены, находятся гробницы, похожие на небольшие печи, 6 футов в высоту и

24 в окружности; на их дне, на каменных плитах, покоятся тела умерших. С северной стороны, на отвесном скалистом склоне, на высоте 600 футов от подножия горы, построена кирпичная стена, в которой проделаны маленькие окна. *Ни ее значение*, ни подступы к ней на сегодняшний день неизвестны. Искусно изготовленная посуда и утварь из золота и серебра, обнаруженная здесь, изобретательность и прочность, с какими было построено это гигантское сооружение из обработанного камня, со всей вероятностью свидетельствует о его доинковском происхождении... Если посчитать, что на территории Перу, протянувшейся на 1.200 миль, находятся пять сотен ущелий, и в каждом из ущелий по десять миль террас, расположенных на пятидесяти уровнях, что составляет всего лишь по пять миль на двадцати пяти террасах с каждой стороны, то мы получим 250.000 миль каменных стен, в среднем трех-четырёх футовой высоты, — этого достаточно, чтобы десять раз опоясать нашу землю. Сколь бы удивительной не выглядела бы эта оценка, мы совершенно уверены в том, что если бы было проведено действительное измерение, то полученная цифра была бы перекрыта более чем в два раза, поскольку длина этих ущелий варьирует от 30 до 100 миль. Только в Сан-Матео; городе в долине реки Римак, где горы возвышаются на 1.500-2.000 футов над уровнем реки, мы насчитали две сотни уровней, ни один из которых не имел меньше четырех миль, а очень многие превышали шесть миль в длину.

«Кто они», — весьма уместно спрашивает м-р Хит, — «эти люди, проложившие шестидесятимильный путь сквозь гранит; переместившие блоки твердого порфирита вааловых размеров на много миль от того места, где они были высечены, через долины, простирающиеся на тысячи футов, преодолев горы и миновав равнины, не оставив никакого следа того, как и где они это совершили; люди (предположительно) невежественные в применении дерева, использующие слабосильных лам в качестве единственных животных для перевозки грузов; люди, добывшие эти камни и подогнавшие их друг к другу с моисеевой точностью; покрывшие террасами тысячи миль горных склонов; построившие холмы из необожженного кирпича и земли и огромные города; оставившие после себя изделия из глины, камня, меди, серебра, золота и шитья, многие из которых невозможно повторить в наше время; люди, явно соперничающие с дивами в богатстве, с Геркулесом — в силе и энергии, и с муравьями и пчелами — в трудолюбии?»

Кальяо был затоплен в 1746 году и полностью разрушен. Лима превратилась в руины в 1678 г.; в 1746 году остались стоять лишь 20 домов из трех тысяч, в то время как древние города в долинах Уатика и Лурин все еще пребывают в сравнительно хорошей сохранности. Сан-Мигель де Пиро, основанный Писарро в 1531 году, был полностью разрушен в 1855, в то время как древние руины недалеко от него мало пострадали. Город Арекипа был разрушен в августе 1868 года, но руины рядом с ним не претерпели никаких изменений. По крайней мере, в инженерном искусстве настоящее может научиться у прошлого. Как, впрочем, и во многих других областях, что мы надеемся показать далее.

IV

Как мы уже отметили, относить все эти циклопические сооружения к временам инков — это еще более необосновано, и выглядит еще большим заблуждением, чем широко распространенная ошибка, состоящая в том, чтобы приписывать буддийским строителям каждый пещерный храм в Индии. Как свидетельствуют многие научные авторитеты — в том числе и д-р Хит, — история инков прослеживается назад лишь до одиннадцатого века н. э., и периода, прошедшего с того времени до начала завоевания, явно недостаточно для того, чтобы объяснить, откуда взялись столь гигантские и многочисленные строения; испанские историки знают об этом не больше, чем наши. К тому же мы не должны забывать о том, что языческие храмы были предметами ненависти для слепых и ограниченных фанатиков римского католицизма тех времен; и что при любой возможности они либо превращали их в христианские церкви, либо разрушали до основания. Другое серьезное возражение против этой идеи состоит в том факте, что инки были лишены письменного языка, а эти древние останки ушедших эпох покрыты иероглифами.

«Принято считать, что Храм Солнца в Куско был построен инками, но он представляет собой позднейший из пяти архитектурных стилей, которые мы видим в Андах, каждый из которых, вероятно, является этапом в человеческом прогрессе».

Иероглифы Перу и Центральной Америки были, есть и, вероятнее всего, так и останутся навсегда для наших криптографов мертвыми буквами, каковыми они были и для инков. Последние, подобно древним китайским и мексиканским варварам, делали свои записи при помощи *кипу* (или узелкового письма перуанцев) — веревки, длиною в несколько футов, с которой свисали разноцветные нити, образуя пеструю бахрому; каждый цвет обозначал какой-либо определенный предмет, а узлы на нитях служили в качестве цифр.

«Таинственная наука кипу», — говорит Прескотт, — «давала перуанцам средства передачи их идей от одного человеку к другому, и возможность обращения к будущим поколениям...»¹

Однако в каждой местности был свой метод интерпретации этих сложных записей, а потому каждый отдельно взятый кипу понимали лишь там, где он имел хождение.

«Многие прекрасно сохранившиеся кипу были извлечены из земли, не потерявшие ни цвета, ни текстуры», — пишет д-р Хит, — «но уста, которые только и могли озвучить словесный ключ к ним, сомкнулись навеки, а искатели древностей вряд ли смогут указать точное место, где каждый из них был найден, таким образом, эти записи, которые могли поведать нам многое из того, что мы хотели бы узнать, останутся неразгаданными вплоть до последнего дня, когда откроются все тайны».

...если тогда вообще что-либо откроется. Но что *ныне* действительно является откровением, заставляющим наш мозг обрабатывать, а наше сознание столь остро воспринимать некоторые исключительные, наводящие на размышление факты, так это непрерывные открытия археологии, геологии, этнологии и других наук. Поскольку человечество существует на земле миллионы лет — что ни для кого не секрет, — убеждение в том, что теория циклов — это единственная правдоподобная теория, способная разрешить величайшие проблемы человечества, связанные с объяснением взлетов и падений бесчисленных народов и рас, и этнологических различий среди них, становится все более неопровержимым. Эти различия — которые, хотя и столь же заметны, как разница между

¹ «История завоевания Перу».

статным и образованным европейцем и австралийским индейцем-корнеедом, все же бросают несведущего в дрожь и вызывают у него громкий протест при мысли о разрушении воображаемой «великой пропасти между человеком и неразумным созданием» — находят свое объяснение в следующем. Индеец-корнеед, за одно со многими другими более развитыми, по сравнению с ним, дикарями, которые, безусловно, принадлежат к вымирающим нациям, освобождающим пространство для людей и рас более высокого вида, должен рассматриваться в таком же аспекте, как и многочисленные вымирающие виды животных, — и не более того. Но кто может с уверенностью сказать, что предки этого плоскоголового дикаря — предки, которые, возможно, жили и процветали среди высочайшей цивилизации до ледникового периода — не оставили далеко позади в искусствах и науках эту нынешнюю цивилизацию, — хотя они и могли двигаться в совершенно ином направлении? То, что человек жил в Америке, по крайней мере, 50.000 лет назад, сегодня доказано наукой и является неоспоримым фактом. В лекции, читанной в июне прошлого года в Манчестере м-ром Г. А. Олбуттом, почетным членом Королевского Антропологического общества, прозвучало следующее утверждение:

«Недалеко от Нового Орлеана, в одном из районов современной дельты, при разработках газового месторождения, было вскрыто несколько пластов, практически полностью состоящих из растительных остатков. В выработке, на глубине 16 футов под землей, и под четырьмя слоями павших лесов, расположенных один над другим, рабочие обнаружили некоторое количество древесного угля и скелет человека, череп которого, как сообщалось, принадлежал к типу исконной краснокожей индейской расы. Возраст этого скелета был определен д-ром Даулером примерно в 50.000 лет».

Неумолимый цикл с течением времени сломил современных потомков покойного обладателя этого скелета, и они деградировали как интеллектуально, так и физически; как деградировал современный слон по отношению к своему величавому и исполинскому предку, доисторическому *sivatherium*, чьи окаменевшие останки все еще находят в Гималаях; или, как ящерица по отношению к *plesiosaurus*. Почему же человек

должен быть единственным видом на земле, никогда не изменяющим свое строение с первого дня появления на этой планете? Воображаемое превосходство каждого поколения человечества над предшествовавшим ему не является все же столь обоснованным, чтобы однажды мы не додумались до того, что, также как и все на свете, эта теория имеет двусторонний аспект — непрерывный прогресс с одной стороны цикла, как и неудержимый упадок с другой. Вот что говорит по этому поводу современный ученый:

«Что касается знания и могущества, то прогресс в этой области, о котором некоторые говорят как о характерной особенности человечества, совершается благодаря выдающимся личностям, которые появляются в некоторых расах при исключительно благоприятных условиях, и в полной мере совместим с длинными периодами застоя, и даже упадка».¹

Эта точка зрения находит свое подтверждение в том, что мы видим на примере современных деградировавших потомков некогда великих и могущественных рас древней Америки — перуанцев и мексиканцев.

«Как все переменилось! Как же должны были пасть инки, если маленькая группа из ста шестидесяти человек беспрепятственно проникла в их горные убежища, перебила их обожещаемых королей и тысячи их воинов, и унесла их богатства, и это в стране, где несколько человек при помощи камней могли успешно сопротивляться целой армии! Кто смог бы распознать в нынешних индейцах инициуа и аймара их благородных предшественников?...»

Так пишет д-р Хит, и его уверенность в том, что Америка была когда-то объединена с Европой, Азией, Африкой и Австралией, так же незыблема, как и наша. Наряду с интеллектуальными и духовными циклами, должны существовать геологические и физические; планеты и звезды, так же как расы и народы, рождаются для роста, прогресса, упадка и — смерти. Великие народы распадаются, рассеиваются на малые племена, утрачивают всякое воспоминание о своем единстве, постепенно впадают в первобытное состояние и — исчезают, один

¹ «Научный журнал» за февраль, статья: «О мнимом различии между человеком и животном».

за другим, с лица земли. То же происходит и с великими континентами. Некогда Цейлон отделился от Индийского континента. Так же, по всей видимости, Испания когда-то была соединена с Африкой, и узкий канал между Гибралтаром и этим материком некогда был сушей. Гибралтар густо населен крупными человекообразными обезьянами того же вида, какие во множестве обитают на противоположном африканском побережье, тогда как нигде в Испании, не то что человекообразные, но и простые обезьяны не водятся. Также в пещерах Гибралтара найдено множество гигантских человеческих костей, что подтверждает теорию о существовании допотопной человеческой расы. Тот же д-р Хит упоминает о городе Итен, расположенном на 7° южной широты в Америке, обитатели которого говорят на односложном, моносиллабическом языке, понятном для привезенных туда китайских рабочих с первого же дня их прибытия. Они имели свои собственные законы, обычаи и одеяния, жили обособленно и запрещали всяческие сообщения с внешним миром. Никто не может сказать, откуда они пришли или когда; было ли это до или после испанского завоевания. Они представляют собой живую тайну для всех, кому случается посетить их...

Имея перед собой такие факты, ставящие в тупик точную науку и демонстрирующие наше поистине полное невежество относительно прошлого, мы не признаем ни за каким человеком на земле — в области географии ли, этнологии ли, точных или абстрактных наук — права говорить своему ближнему: «вот твой рубеж, который тебе не переступить!»

Но, осознавая свой долг перед д-ром Хитом из Канзаса, талантливая и интересная статья коего снабдила нас таким количеством фактического материала и предоставила необозримое поле для обсуждения, мы не можем сделать более того, чем процитировать его заключительные выводы.

«Тринадцать тысяч лет тому назад», — пишет он, — «*Вега*, или *α Лирь*, была полярной звездой; сколь многим переменам на нашей планете она стала свидетелем с тех пор! Сколь многие народы и расы, появившись на свет, достигли наивысшей точки своего величия, и затем приходили в упадок; и когда мы переживем следующие тринадцать тысяч лет, и она вновь займет свое место на севере, завершая **Платонический**, или **Великий Год**, то неужели вы полагаете, что те,

кто тогда займет наше место на земле, будут более сведущими в нашей истории, чем мы — в истории наших предшественников? **Воистину**, можем мы воскликнуть, прибегая к почти псаломной фразеологии, **Великий Боже, Создатель и Управитель Вселенной, что есть человек, чтобы Ты помнил о нем!**»

Аминь! — таков должен быть ответ всех верующих в Бога, являющегося «Создателем и Управителем Вселенной».

ПОЯСНЕНИЯ К «ТАИНСТВЕННОЙ СТРАНЕ»

«С большим удовольствием я прочитал вашу превосходную статью о «Тайнственной стране». В ней вы проявили дух исследователя и любовь к истине, благодаря которым вы поистине заслуживаете похвалы и не можете не вызвать одобрения у всех беспристрастных читателей. Но есть в ней некоторые вопросы, по которым я не могу с вами согласиться. Для того чтобы продемонстрировать в высшей степени тесное сходство, которое существует между образом жизни, обычаями, социальными устоями и традициями древних народов двух миров, вы возвращаетесь к старой платоновской идее о стране, которая была связующим звеном между ними. Но недавние исследования в Нове-Мире раз и навсегда опровергли эту теорию. Они показали, что за исключением отделения Австралии от Азии, никогда под воду не погружалась территория столь гигантских размеров, на месте которой мог бы возникнуть Атлантический или Тихий океан, и что со времени своего образования океаны никогда не изменяли своих древних бассейнов в сколько-нибудь значительной степени. Профессор Гейке утверждает в своей физической географии, что континенты всегда занимали ту позицию, которую они занимают и поныне, если не считать того, что их берега время от времени то отступают, то выдвигаются в море на несколько миль.

Вы бы не впали ни в какую ошибку, если бы вы приняли теорию миграций через океан мосье Кватрофага. Равнины Центральной Азии были признаны всеми моногенистами тем центром, в котором зародилась человеческая раса. Из этого места последовательно распространялись волны эмигрантов до самых дальних уголков нашего мира. Неудивительно, что древние китайцы, индусы, египтяне, перуанцы и мексиканцы — люди, которые когда-то обитали на этой самой территории — обнаруживают тесное сходство в некоторых аспектах своей жизни. Близость двух континентов в районе Берингова пролива давала возможность переселенцам перебираться из Азии в Америку. Немного южнее, течение Тассена — Куросиво, или «черный поток», японцев — открывает широкую дорогу для азиатских мореплавателей. Китайцы были морским народом со времен глубо-

кой древности, и нет ничего невозможного в том, чтобы их корабли, подобно баркам португальского мореплавателя Кабрала в сравнительно недавнее время,¹ могли случайно доплыть до берегов Америки. Но, оставляя в стороне всяческие домыслы о вероятности и случайности, мы твердо знаем, что китайцы открыли свойство магнитной стрелки еще за две тысячи лет до нашей эры. С ее помощью и используя течение Тассена, им было нетрудно переправиться в Америку. Они основали там, как нас информирует об этом Пас Зольдан в своей «Географии Перу», компактную колонию; и буддийские миссионеры «к концу пятого века послали туда религиозные миссии, чтобы принести в Фу-Сан (Америку) учения Будды». Это, безусловно, покажется весьма неприятным для многих европейских читателей. Они нерасположены к тому, чтобы поверить утверждению, отнимающему у них честь открытия Америки и приписывающему ее тем, кого они снисходительно именуют «полу-варварской азиатской нацией». Тем не менее, это неоспоримая истина. Тем, у кого возникнет желание подробнее узнать об открытии Америки китайцами, советую прочитать XVIII главу «Рода человеческого» А. де Кватрофага, хотя автор, не располагая достаточным местом в своем сочинении, дал лишь очень беглый обзор этой темы. Я искренне надеюсь на то, что вы обратитесь к этой проблеме и расскажете нам все подробности, которые вы можете сообщить по этому поводу. Пролить толику света на вопрос, который до сих пор окутан таинственной мглой, — это ли не достойное дело для пера человека, всю жизнь посвятившего поиску истины, и, обнаружив ее, остающемуся верным ей, чего бы это ему ни стоило.

Амрита Лал Бисвас

Калькутта, 11 июля».

Недостаток времени в этом месяце [август, 1880] не позволил нам дать подробный ответ на возражения против атлантической гипотезы, которые с пониманием дела были выдвинуты нашим корреспондентом. Но давайте посмотрим, являются ли они столь сокрушительными, как это может показаться на первый взгляд, хотя они и основываются на «недавних исследованиях», которые «раз и навсегда опровергли эту теорию».

Не слишком углубляясь в этот вопрос, мы ограничимся одним коротким замечанием. Многие научные вопросы, кото-

¹ Педру Алвариш Кабрал, направляясь во главе португальской флотилии в Индию и отклонившись от курса, достиг побережья нынешней Бразилии в 1500 г. — *Прим. редактора.*

рые одно время казались решенными раз и навсегда, были в последствии разбиты над головами теоретиков, забывших об опасности попыток возведения простой теории в ранг непогрешимой догмы. Мы не подвергаем сомнению утверждение о том, что «никогда под воду не погружалась территория столь гигантских размеров, на месте которой мог бы возникнуть Атлантический или Тихий океан», ибо в наши планы не входит предлагать новую теорию образования океанов. Океаны могли быть там, где они находятся сейчас, со времени их образования, и все же целые континенты могли разрушиться, частично уйдя под воду, частично оставшись над поверхностью, образуя многочисленные острова, как в случае затопленной Атлантиды. Мы имели в виду, что в доисторические времена и в течение длительного периода после них земной шар изобиловал цивилизованными народами. Азия, Америка и, вероятно, Европа, были частями огромного материкового образования, объединенные либо узкими перешейками, каковой, очевидно, существовал когда-то там, где сейчас находится Берингов пролив (соединяющий Северный Тихий и Северный Ледовитый океаны, и имеющий менее двадцати-двадцати пяти морских саженей в глубину), либо более широкими участками суши. Мы не будем полемизировать с моногенистам, которые утверждают, что Центральная Азия была *единственной* колыбелью человечества, но оставим эту задачу полигенистам, которые способны успешнее справиться с ней, чем мы сами. Но, в любом случае, прежде чем мы сможем принять теорию моногенеза, ее защитники должны предоставить нам *неопровержимую* гипотезу, которая более убедительно объяснила бы наблюдаемые различия между человеческими типами, чем гипотеза о «расхождении, вызванном различием климата, обычаев и *религиозной культуры*». Мосье Кватрофаг, безусловно, может оставаться самым выдающимся натуралистом — врачом, химиком и зоологом, — и все же мы совершенно не понимаем, почему мы должны оказывать предпочтение его теориям перед всеми остальными и безоговорочно принимать их. М-р Амрита Лал Бисвас, очевидно, ссылается на рассказ о некоторых научных экспедициях вдоль берегов Атлантики и Средиземного моря, совершенных этим знаменитым французом, озаглавленный «*Souvenirs d'un Naturaliste*». Он, по-

видимому, рассматривает мосье Кватрофага в качестве непогрешимого папы в решении научных вопросов: мы же воздерживаемся от этого, хотя он и является членом Французской Академии и профессором этнологии. Его теория миграции через океаны может быть уравновешена более чем сотней других теорий, полностью противоположных ей. Именно потому, что мы посвятили всю свою жизнь поискам истины — за столь лестное признание мы благодарим нашего критика, — мы *никогда не признаем на веру утверждения никакого авторитета* по любому вопросу и в какой бы то ни было форме; и, добиваясь самолично ИСТИНЫ и прогресса посредством досконального и мужественного изыскания, не отвлекаясь ни на какие посторонние обсуждения, мы бы не посоветовали никому из наших друзей поступать иначе.

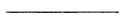
Произнеся столь много слов, мы можем теперь сказать еще немного о том, почему мы верим в пресловутую «басню» о затонувшей Атлантиде, — хотя мы уже в достаточной мере разъяснили этот вопрос в «Разоблаченной Изиде».¹

1. Мы имеем в качестве свидетельства наиболее древние предания различных и находящихся далеко друг от друга народов — легенды Индии, древней Греции, Мадагаскара, Суматры, Явы и многочисленных отдельных островов Полинезии, а также легенды обеих Америк. Как в изустных традициях дикарей, так и в богатейшей литературе в мире — в санскритской литературе Индии, — есть сходное сказание о том, что давным-давно в Тихом океане существовал огромный материк, который в результате геологического сдвига был поглощен океаном. И наше твердое убеждение — в которое, по ходу, вносятся коррективы — состоит в том, что большинство, если не все острова от Малайского архипелага до Полинезии, являются обломками этого единого огромного погрузившегося под воду континента. И полуостров Малакка, и Полинезийские острова, лежащие на двух противоположных точках океана, никогда не имели, да и не могли иметь в пределах человеческой памяти, никакого сообщения друг с другом, и даже не знали о существовании друг друга; и все же они облада-

¹ Том I, стр. 784-786, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000. — *Прим. редактора.*

ли преданиями, общими для всех островов и островков, в которых говорилось о том, что их территории простирались далеко-далеко вглубь океана; что в мире существовали лишь два огромных континента, один из которых был населен желтыми, а другой черными людьми; и что океан, по велению богов и в наказание людям за их постоянную вражду, поглотил их.

2. Несмотря на тот географический факт, что Новая Зеландия, Сандвичевы ¹ острова и остров Пасхи отдалены друг от друга на расстояние от 800 до 1000 лиг; и что, согласно любым свидетельствам, ни эти, ни какие-либо другие внутренние острова, как, например, Маркизовы острова, острова Общества, острова Фиджи, Таити, Самоа и другие, не могли, с момента своего заселения людьми, не знающими компаса, иметь какие-либо сообщения друг с другом вплоть до прихода европейцев; все же, на них, на каждом в отдельности и на всех вместе взятых, уверяют, что их территории простирались далеко на запад, в направлении Азии. Кроме того, за незначительными различиями, все они говорят на диалектах, безусловно, одного и того же языка, и понимают друг друга почти без труда; имеют одни и те же религиозные верования и предрассудки; и очень сходные обычаи. И поскольку Полинезийские острова были открыты чуть более ста лет назад, да и о существовании самого Тихого океана европейцы не ведали до времен Колумба, а эти островитяне никогда не меняли свои древние традиции вплоть до прибытия первых европейцев, — нам представляется вполне логичным, что наша теория ближе к истине, чем любая другая. Случай мог бы изменить квинтэссенцию названия и значения, если бы все зависело только от случая.

¹ Так, до захвата их США, назывались Гавайские о-ва. — *Прим. редактора.*

СЕМНАДЦАТИЛУЧЕВОЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДИСК

Нижеследующее любопытное письмо было получено нами из Фресно, штат Калифорния. Поскольку оно носит личный характер, мы приводим лишь выдержки из него.

«При исследовании в прошлом году Копана и Куинкуа, в Гондурасе и Гватемале, мне посчастливилось сделать открытие, которое, я уверен, будет интересно для вас. Как вам известно, наиболее выдающиеся скульптурные памятники в Копане состоят из четырехгранных колонн высотой 10-12 футов. Только на одной стороне этих колонн имеются крупные скульптурные изображения — барельефы.

На остальных сторонах также имеются орнаменты и иероглифические надписи, до сих пор не прочитанные и не расшифрованные. Одна из колонн, до сих пор не описанная, содержит только иероглифы, покрывающие все ее стороны. По-видимому, это запись то ли законов, то ли исторических событий. Колонна имеет около 10 футов высоты, при ширине каждой стороны в 3-4 фута. Но наиболее примечательно то, что эта колонна была покрыта сверху «шапкой» в форме очень низкой усеченной пирамиды. На пирамиде была видна странная голова колоссальных размеров, окруженная широким «солнечным диском», увенчивающим саму эту «шапку». Лучи солнечного диска были совершенно отчетливы. Его сходство с солнечными дисками, обычно встречающимися в египетских памятниках, было столь очевидно, что мне сразу же пришло в голову, что *число лучей* должно быть равно 17 — сакральному числу египетских солнечных дисков. Сосчитав эти лучи, я нашел то, что и предполагал: 17.

Является ли это простым «совпадением», или же это одно из звеньев той сломанной и разбросанной цепи, находки которых указывают на древние связи между народами Центральной Америки (мая и другими) и египтянами, связанными друг с другом посредством Атлантиды?

Заслуживает упоминания и другое удивительное обстоятельство, которое естественно рассматривать как «совпадение». У одной из

этих скульптурных фигур, одетой в одежду священника и держащей в руке небольшой ящичек квадратной формы, ноги были обуты в сандалии с изображением *лунного серпа*. Тот же знак использовали римляне для обозначения бессмертия; они так же помещали его на сандалиях.

Не могут ли ваши транс-гималайские Братья дать нам какой-либо ключ к иероглифам, написанным на памятниках Центральной Америки? Или нет ли у вас психометристов, которые могли бы расшифровать их психометрически? Если кто-нибудь захочет попытаться сделать это, я мог бы послать ему небольшой отрывок из записей, имеющихся в моем распоряжении; может быть, из этого что-нибудь и получится.

Е. Г.»

Безусловно, открытие, упомянутое в данном письме — колонна с семнадцатилучевым солнечным диском, — указывает еще раз на древние связи, существовавшие между народами Центральной Америки и исчезнувшим континентом Атлантидой. Сходство значения символов американских древностей и древних памятников, связанных с «религией мудрости» в Египте и других частях Европы и Азии, где их можно встретить, конечно, гораздо более замечательно, чем это признается теоретиками, которые желают рассматривать его с помощью усердного слуги — совпадения. Это сходство было с огромным терпением прослежено при помощи разнообразных археологических находок м-ром Донелли в его новой книге «Атлантида, или мир до Потопа». Вторая часть заглавия этой книги, кстати, не до конца будет принята теми, кто изучает этот вопрос с точки зрения оккультной науки. О потопе лучше не говорить до тех пор, пока космогония не будет понята гораздо лучше, чем сейчас. Нет ни одного потопы, который можно бы условно принять за поворотный пункт в мировой истории, признавая тем самым все, что было до него, за то, что было «до Потопа», а то, что было после, — за то, что «после Потопа». Было много таких потопов, разделяющих различные расы человечества в определенный момент своего развития. Эта ситуация уже рассматривалась в книге «Фрагменты оккультной истины». В течение того времени, как Земля покрыта огромной приливной волной человечества, на ней последовательно развивались семь великих рас, причем в каждом слу-

чае их конец был отмечен гигантским катаклизмом, изменяющим лицо земли за счет изменения соотношения суши и воды. Как это неоднократно утверждалось, нынешняя раса человечества — это пятая раса. Обитатели великого континента Атлантиды принадлежали к четвертой расе. Когда они пережили свой расцвет, европейского континента не было в том виде, каким мы его сейчас знаем, и, тем не менее, существовала свободная связь между Атлантидой и теми частями Европы, которые были тогда, а также Египтом. Сам древний Египет не был колонией Атлантиды. В этом отношении м-р Донелли ошибается, однако Религия мудрости посвященных была у них, конечно, одинаковой, а отсюда и сходство в символике скульптур. Именно это говорят «гималайские Братья»; увидят ли что-нибудь еще наши психометристы, это зависит от степени их развития; но в любом случае мы принимаем предложение нашего уважаемого корреспондента с благодарностью и подождем обещанной части надписей, прежде чем решимся сказать что-нибудь еще по этому вопросу.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ПУРАНАМ»

О тривикрама и демоне Бали. Так как большинство наших читателей возможно незнакомы с пураническими мифами, мы полагаем, что целесообразно дать одно-два пояснительных примечания.

Вот история о Вишну и его *тривикрама*, или «трех шагах», и о «демоне» Бали. Говорится, и это достаточно любопытно, что «демон» Бали был исключительно добрым и благочестивым царем дайтьев, который победил Индру, покорил богов и распространил свое владычество на все три мира, благодаря своей *набожности и покаянию*. В самом деле, он был набожным и святым аскетом, подобно многим другим «демонам» в Пуранах, ибо асуры, как это уже подробно объяснялось в «Тайной Доктрине», являются божественными эго, *навшими* в материальный мир, или воплощенными в человеческие формы. Христианский миф о «падших ангелах» имеет то же самое значение.

Поэтому боги обратились за помощью к Вишну, и это божество низшло в аватаре карлика, чтобы обуздать Бали. Затем он обратился к Бали с просьбой подарить ему земли на три шага. Бали сразу же согласился, и бог в два шага переступил через небесный свод и верхнюю землю (атмосферу); но по причине добродетельности Бали, он остановился, не сделав последний шаг, и оставил ему Паталу, эзотерически связанную с землей.

... змея является очень существенным символом, как это будет видно из данных ей имен *Шеша* и *Ананта*. Шеша изображается в виде змея с тысячью головами, который, так сказать, служит ложем и навесом для Вишну, когда он спит в периоды между творениями. Иногда Шеша представляют поддерживающим на себе мир, а иногда — держащим семь

Патал (ада, земли, и т. д.). Всегда, когда он зевает, происходят землетрясения. В конце кальпы он извергает огонь и уничтожает таким образом все сотворенное. Во время пахтания Океана (или космоса) Шеша был дважды обернут вокруг горы Мандара и использовался в качестве гигантской веревки, чтобы заставить ее вращаться. Боги держали за один конец этой импровизированной веревки, а демоны — за другой. Капюшон Шеси, тысячеглавой кобры, называют «Островом драгоценностей», а его дворец, по слухам, «окружен стеной, украшенной драгоценными камнями». Но это не земные драгоценности, как это сразу же станет ясно даже самому недалекому из новичков в символизме; они суть драгоценности мудрости и самопознания.

О пураническом перечне Дхрувы, Саптарши, Индры и Ману для каждой манвантары. Они имеют отношение к Полярным звездам, созвездиям, небесам и человечеству каждого цикла.

О посмертном путешествии сущности, известному как «переход на солнце» и «переход на луну». См. «Тайную Доктрину», I, стр. 86.

Сампрадайя. Комментаторы.

Путь в направлении голока (области лучей), или солнца, — это вайтарани из Гаруда-пураны, которая показывает, что сущность плывет (витри) сквозь пространство и приходит к солнцу лишь при помощи его лучей (го), другими словами, благодаря и посредством помощи потоков космической праны, исходящих из него... Но буквальное истолкование делает Вайтарани физической рекой, которую сущность пересекает при помощи хвоста коровы (го).

Вайтарани — «река, которую следует пересечь». Предположительно, это река ада, которую необходимо преодолеть, прежде чем можно будет войти в нижние области, или субъективный мир. По описаниям эта река наполнена кровью и отбросами всех сортов и обладает очень быстрым течением. Ее следует преодолевать на одинокой хрупкой лодочке, рулевым которой является Вишну (высшее эго). Немногим людям удастся сделать это, так как они должны заплатить за переправу; те, кому нечем платить, возвращается назад. Согласно народным верованиям, людям перед смертью следует отдать на бла-

готворительные нужды молочных коров, так как по этой вере после смерти они смогут ухватиться за их хвосты и таким образом безопасно переправиться через ужасную реку Вайтарани и достигнуть другого ее берега. Толкование это доступно каждому теософу, ибо здесь подразумевается корова, которая дает молоко мудрости; корова, которая приносит драгоценности: и хвост сей коровы — это луч данного знания, нить мудрости, или Вак, которая соединяет нас с нашей высшей личностью.

Гаруда. Гаруда изображается с головой, крыльями, когтями и клювом орла, и телом и конечностями человека. Его лицо белое, крылья золотые, а тело красное.

Ратнас. Драгоценности.

Кайласа. Как говорят, это дом Шивы — высочайший пик Меру, горы, которую использовали для пахтания океана. Там обитает один лишь Шива, и это единственное место, где его можно увидеть.

Тантрика. Магический.

Гаджанана. Слоноликий.

Сканда или Картикея. Соответствует Марсу.

Ведический текст: *Ekam sat vipra bahudā vadanti*. Брахманы многих направлений провозглашают единственную вещь как бытность; эта единственная вещь есть *sat*, или «суть», и, следовательно, «божественная сущность» (или реальность).

Пуранический текст: *sarva deva namaskārah Keśavam prati gachchhati*. Каждый бог идет по направлению (приближается) к Кришне с почтением.

О РАЗДЕЛЕНИИ НАРОДОВ, ЯЗЫКЕ ЖЕСТОВ И САНСКРИТЕ

Мидийцы, кельты, славяне, индусы, персы, греки, римляне и германцы появились в нашей истории как нации и народы, отличающиеся по языку и истории, каждый со своим далеким прошлым, своими непохожими обычаями и обрядами, в период времени от двух до четырех тысяч лет назад. Они называются арийской и кавказской расами, и обе эти расы, как считают, произошли от одного и того же ствола — от древних ведийских ариев с Оксу, и только от них. И все же это разделение народов, следовательно, возраст Вед, определяется не древнее, чем три-четыре тысячи лет, хотя известно, что брахманы принесли их с собой в Индию [*sic.*]. Таким образом, ваша история оказывается в долгу перед филологией, а этнология делает из этого разделения народов фактическую Вавилонскую башню ... *плюс* язык — в виде отдельной истории, формы, окраса и обычаев для каждого из них. Мы заявляем — и у нас есть убедительные исторические доказательства для подобного утверждения, — что так называемые *варварские* народы, «физические и политические представители зарождающейся арийской расы, говорившие на ныне исчезнувшем арийском языке» и жившие до разделения народов, обладали более высокой цивилизацией, будучи коренной расой и ее подрасой, чем это можно выявить в геологических слоях. И таким образом, хотя это и допускает, что самый удаленный период времени, о котором сохранились до наших дней документальные сведения, это лишь первый, самый ранний проблеск, едва видимая точка вашего исторического периода, за которым простирается необъятная и неопределенная череда доисторических веков, все же никакая цивилизация, никто, кроме варваров и дикарей, не заполняет их на протяже-

нии 100 000 лет вплоть до того момента, который наступил три-четыре тысячи лет назад (для сравнения период развития нынешней цивилизации составляет два или три столетия). Более того, сам период времени, когда зарождающейся человеческой речи прокладывал дорогу язык знаков, как полагают, всего лишь на две тысячи лет предшествовал появлению санскрита — самого совершенного и наиболее возвышенного из всех человеческих языков!

Процесс индукции оспаривается историческими авторами, львами в сопровождении своры шакалов из ежедневной прессы.

Таким образом, геологи относят первое появление человека к периоду послеледникового дрейфа, к той эпохе, которая называется сегодня четвертичным периодом. И хотя первый период, несомненно, имел место между 250 и 300 тысячами лет назад, все же энциклопедисты настаивают на том, что древность этого события, «по крайней мере, не больше десятков тысяч лет». Это представление в высшей степени абсурдно как с физической и этнологической, так и с психологической и эволюционной точек зрения. Воображать, опираясь на свои собственные цифры, что множество рас в течение последних 25 тысяч лет были ничем не лучше животных, дикарей и нецивилизованных варваров (в лучшем случае), и затем от людей палеолитического, или древнего каменного века, за которыми следовали люди неолитического, или нового каменного века, вплоть до рас бронзового и раннего железного веков, с которых начинается историческая античность в Европе, произвольно перескакивать к древне вавилонской и египетской цивилизациям, — это весьма рискованное занятие. Почему же тогда не сделать напрашивающийся вывод о том, что поскольку между высокими цивилизациями Греции и Рима и современной цивилизацией (возраст которой едва перевалил за две сотни лет) находился смутный период темных и средних веков (в миниатюрном масштабе повторяя один из малых циклов), то сходный промежуток времени мог быть между древними вавилонянами и халдеями — самыми высокими цивилизациями Египта и Вавилонии, начало которых каждый истинный и беспристрастный ориенталист относит к периоду от 10 до 15 тысяч лет назад, и предшествующими им высоко-

развитыми цивилизациями подчас, которые ныне канули в Лету. Двадцати вековая европейская история неспособна вместить возраст каменных орудий, найденных в Темзе или во французской Сомме. Не только перемещение ледников и донного льда, но и другие геологические факторы следует учитывать, прежде чем определять возраст даже для изделий из бронзы и высокохудожественных полированных украшений неолитического периода, не говоря уж о доледниковых орудиях древнего каменного века. Современное исчисление веков никогда до такой степени не входило в противоречие с исторической хронологией, как в данном случае. В скважинах, пробуренных в долине Нила, на глубине в шестьдесят футов были найдены кирпичи и осколки керамики, как было установлено, их возраст составляет, по крайней мере, 25 тысяч лет, а в некоторых местах подобные находки были сделаны на глубине в 120 футов. Если до сих пор были обнаружены лишь следы различных промежуточных цивилизаций низшего порядка, это вовсе не означает, что не было ни одной цивилизации более высокого уровня, чем одни эти древние цивилизации, причем этот другой уровень цивилизации и древность обнаруженных памятников, как правило, отбрасывается и игнорируется, а реликвии более интеллектуального [бытия] не могут дойти до нас — как и останки нашей современной литературы, искусства и науки не смогут достичь внимания археологов 6-ой расы, — что вполне закономерно... Остатки социальной или психологической культуры едва ли могут быть найдены в геологических слоях, в пластах земли. Повсеместно в Италии и Германии обнаруживаются реликвии древней до-римской цивилизации. Связь между внутренними водоемами и океаном очень сильно изменялась, а во многих случаях была полностью нарушена со времен бронзового века. Но до тех пор, пока разрушенные города Египта, подобно циклопическим постройкам Рамсеса, будут ожидать своей идентификации и определения собственной хронологии по Книгам Моисея, всецело завися от них, им нельзя приписать никакого возраста. Бругш-беи многочисленны, и их авторитет слишком мало подвергается сомнению и слишком многое от них зависит. Все то, что находится за пределами немногочисленных страниц всеобщей истории, ныне с легкой руки западных хри-

стианских народов становится чистым мифом, а все то, что обнаруживается в виде записей в сомнительных хрониках одного небольшого племени, происхождение которых историкам до сих пор неясно, считается *подлинной историей*, чья достоверность неоспорима.

СТРЕЛЯЯ ПО ВОРОНЬЮ, НЕ ПОПАДИТЕ В КОРОВУ!

Трудно переоценить значение голоса прессы в жизни Лондона, но временами ее тяжелые орудия стреляют *sal Atticum*.¹ Кто же из газет сравнится с тобой, о «Эхо», в подобном занятии? Кто, спрашиваем мы, превзойдет тебя в оригинальности твоих шуток и в разнообразии твоей информации? «Никто», — полагает «Эхо» и ошибается. *Vade retro* [не обольщайтесь, *лат.*]!.. У вас нет даже собственного голоса, а только искаженный отзвук многих смешанных голосов — *vox et praeterea nihil* [запредельные голоса, *лат.*]. От прекрасной греческой нимфы по имени *Эхо*, которая чахла и сохла, пока не исчезла вовсе, остался ее жалобный голос, повторяющий все услышанное ею. От Чеширского кота, который исчезал на глазах у собеседника, растворяясь по частям в воздухе, осталась *его ухмылка*. От «Эхо» же не остается даже этого. Оно зубоскалит, преследуя свои собственные интересы, и не находит ни отклика, ни опровержения, на что, собственно, и рассчитывает. Разумеется, здравомыслящему человеку нет нужды всерьез обдумывать ответ и вступать в полемику с недалеким, легкомысленным «попкой-дураком». Но его слепое невежество так восхитительно, а претензии на остроумие так гротескны, что на этот раз нельзя не отметить допущенную этой газетой грубейшую тройную ошибку.

Читаем: «мадам Блаватской ... полагалось бы быть русской», — далее следует бессмысленное и комичное замечание по поводу авторитета «гималайского монаха ... имя которого звучит как Кут Хуми». То, что подобное замечание могло ро-

¹ Дословно: *аттическая соль*, в переносном смысле означает изощренную остроуту. — *Прим. редактора.*

даться только в «умных головах» сотрудников «Эхо», вряд ли нуждается в комментариях. Но, пройдясь по «монаху» и «мадам Блаватской», газета задевает третье лицо, и это не кто-нибудь, а знаменитый оксфордский профессор-санскритолог. В разделе «Читателям на заметку» газета «Эхо» доводит до сведения читателей, что: «озадаченный профессор Макс Мюллер (уж он-то должен знать) не может сказать ничего определенного относительно этимологии этого странного имени («Кут Хуми»). Ясно одно, что это не санскрит и, вообще, не имеет отношения ни к одному известному ему языку».

Так как «озадаченное» «Эхо» способно лишь разносить подобно сороке всякие *сплетни* и вряд ли может надеяться, что его *услышат*, разумеется, никто из его сотрудников не захочет обременять себя выяснением этимологии непонятого имени (безусловно, работы м-ра А. П. Синнета не читаются в такого рода учреждениях), а также проверкой высокопарного утверждения, что имя «Кут Хуми» не санскритское. Но это не объясняет, почему знаменитый ученый-санскритолог делает опрометчивое заявление и тем самым разделяет невежество репортеров «Эхо». Даже неосведомленный и наивный писака не имел право расписываться в собственном незнании. Если не он сам, то его редактор должен был открыть кн. IV, гл. 3, «Вишну Пуран», прежде чем публиковать голословные утверждения о том, что вышеупомянутое имя «не санскритское». Он должен был посетить библиотеку Азиатского общества, чтобы выяснить наличие восемнадцати родов Кут Хуми (или Кут'хуми) в Бенгалии, ведущих свое происхождение со времен Риши. Поистине, журналист заслуживает большего внимания *Барнума*, чем какое бы-то ни было Общество. У «озадаченного профессора Макса Мюллера» есть все основания подать иск за клевету, возведенную на него. Вот только ... как могло столь некомпетентное «Эхо» вторгнуться в изучение *sanctum sanctorum* [святая святых, *лат.*] знаменитого европейского филолога.

КНИГА НАЧАЛ

Если бы кто-нибудь взялся для каких-то собственных целей собрать вместе все легковесные выпады, которые кажутся столь характерными чертами всех наших литературных критиков, то он смог бы быстро набросать свой список замечаний по содержанию выходящей за обычные рамки книги, которая лежит перед нами,¹ совершенно не думая о последствиях для ее автора. Но тот, кто когда-либо пытался сам писать в духе преданности истине, слишком хорошо знает угрызения совести и сердечные муки автора, когда он видит памятник своих изысканий, оскверняемый неискренними восхвалениями или незаслуженной клеветой своих рецензентов. С той поры, как появился замечательный труд м-ра Джеральда Массея, наше внимание привлекали многочисленные критические статьи о нем. И едва ли хотя бы одна из них показывает хорошее знакомство критика с этой книгой, в то время как большинство ясно выказывают тот факт, что ее страницы были лишь бегло просмотрены, к тому же небрежно и второпях.

Эта книга — не литературная компиляция, изготовленная подобно некой коммерческой спекуляции, но добросовестное собрание и анализ всего доступного материала, который имеет отношение к истории Египта или проливает свет на проблему возникновения его народа. Весь этот гигантский труд был предпринят автором для того, чтобы поддержать теорию о том, что человеческая речь, если не сама человеческая раса, возникла в дельте Нила, или первоначально произошла от предков древних египтян, — и это его утверждение ни в коей мере не уменьшает нашего восхищения его ученостью и усер-

¹ «Книга Начал» Джеральда Массея, в 2-х томах (Лондон, Williams & Norgate, 1881).

дием. Если мы не ошибаемся, большая часть знания в мире обязана своим происхождением специалистам и теоретикам, ибо только они обладают достаточной целеустремленностью, которая помогает им преодолеть все препятствия на пути к раскрытию истины. Эта книга содержит в себе энциклопедию египтологии, и хотя читатель весьма вероятно не согласится с м-ром Массеем в отношении африканского, а не американского или азиатского происхождения человеческой расы, все же он должен во всех отношениях весьма высоко оценить ее как лучшее из существующих в настоящее время собраний сведений, которые необходимы любому, кто изучает историю или этнологию, для понимания этих предметов. Часто испытываешь удовольствие оттого, что обнаруживаешь в обычной современной книге хоть один запоминающийся факт или хорошую идею, которую стоило бы усвоить; но в этой «Книге Начал» каждая страница изобилует свидетельствами кропотливых изысканий. Теория м-ра Массея состоит в том, что человек произошел от человекообразной обезьяны, и через негроидные расы эволюционировал до нынешнего разнообразия цветов кожи и уровней развития. Он пытается подкрепить свою позицию, что Египет и Центральная Азия являются колыбелью языков, при помощи сравнительных словарей египетских слов и слов в языках бриттов, маори, аккадийцев, готтов, бирманцев, а так же санскрите и других языках. Если бы наша цель не ограничивалась лишь тем, чтобы привлечь внимание к этому энциклопедическому труду и рекомендовать приобрести его азиатским и англо-индийским покупателям, мы могли бы высказать сомнения по поводу филологических выводов автора и его этнической теории. Весьма маловероятно, что столь либеральный мыслитель, как м-р Джеральд Массей, будет отрицать наше утверждение о том, что еще не было сказано последнее слово о происхождении и распространении рас человечества. Вероятно, он может даже признать разумность нашего убеждения, что этот туман никогда не рассеется до тех пор, пока не будут открыты миру определенные сокрытые *библиотеки*, которыми владеет группа азиатских отшельников. Но как бы то ни было, мы испытываем слишком большую благодарность ему за данный вклад в египтологическую литературу, чтобы попытаться провести какое-либо критиче-

ское рассмотрение после лишь однократного прочтения его книги в спешке, вызванной издательскими и официальными обязанностями. Мы можем сказать, по меньшей мере, одно: что он с необыкновенным усердием проследил египетское происхождение целой серии библейских мифов и чудес. «Бессильные попытки» поклонников Библии превратить мифологию в историю, облагороженную удивительным названием «Книги Бога», заслуживают полного презрения со стороны тех, кто подобно ему кропотливо исследовал происхождение еврейских концепций. Эти попытки, по его словам, «породили самую невообразимую путаницу, которая когда-либо одолевала человеческий разум. Не существовало другого столь же изобильного источника разных противоречий, как этот предполагаемый источник всеобъемлющей мудрости, именуемой Книгой Бога, которая, как невежественно полагают, была изустно передана неким объективным божеством человеку... В мифах Египта содержатся чудеса еврейских писаний, и истинное объяснение первых должно неизбежно повлечь за собой разоблачение ложных претензий последних... Ключ к этим (библейским) писаниям был утрачен, и он обнаружен в Египте». Все это весьма неприятная истина для наших благочестивых врагов — священников, но м-р Массей доказывает свою теорию. Они могут ругать его, но не смогут ему ответить.

В заключение мы должны высказать одно свое достаточно веское недовольство в отношении этой книги: в ней нет общего указателя. Читатель без какой-либо помощи должен выбирать нужные ему факты из приводящей в замешательство груды разнообразных данных. Это влечет за собой огромное напряжение и потерю времени, и сильно снижает эффективность в работе с этой книгой.

БЕРЛИНСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Вся Европа и Америка потешалась над искренним негодованием одного итальянского критика, который, рецензируя книгу Марка Твена «Простаки за границей», разразился гневным протестом против одурманивающего невежества этого знаменитого юмориста.

Он всерьез спрашивал своего гида Фергюссона из Генуи о том, на самом ли деле умер прославленный Колумб или нет! Вот уж поистине замечательный автор, чтобы решиться написать книгу о переселенцах! Памятуя об этом случае, я хотела бы проверить смутное подозрение, возникшее в моей голове при чтении одной из статей в сегодняшнем номере «Образцовой газеты», относительно того, что этот итальянский критик, вероятно, сменил ныне свое местожительство и телеграфирует теперь «Образцовые» новости из Берлина. Увы, телеграмма припозднилась! Эта история о «неизвестном английскому читателю» случае была рассказана в присутствии нескольких англо-индийских чиновников на публичном обеде в Симле лично «надменной русско-индусской леди». Также не является такой уж большой тайной для Министерства иностранных дел Индии ни псевдоним «Радда-Бай», ни ее вера, или, скорее, знание о тех «таинственных подземных проходах» (факт существования которых мы по-прежнему продолжаем отстаивать), ибо она никогда не делала из этого никакого секрета. Если в «Индийских письмах»¹ «сильно выражена неприязнь по отношению к британскому правлению в Индии», то еще больший антагонизм должно испытывать к «*Thornton's Gazetteer of India*» и различным путеводителям, которые, что легко

¹ Имеется в виду книга Е. П. Б. «Из пещер и дебрей Индостана», носящая подзаголовок «Письма из Индии». — Прим. редактора.

проверить, поставляют всю необходимую политическую информацию своего собственного сочинения, за исключением, возможно, редких выдержек из лондонских и англо-индийских газет, необходимых как *исторический* балласт к ее [Е. П. Б.] чисто вымышленным историям. «Радда-Бай» не претендовала на то, чтобы отображать исторические или политические новости. И насколько точны ее географические, этнологические и психологические факты, настолько она имеет полное право вызывать из своего воображения героев и героинь, как и любой другой писатель. Это не более чем позолота обивочных гвоздей, призванных удерживать вместе ее изобразительные гобелены. Но англоязычной публике предстоит самой вынести суждение о степени «неприязни», допущенной в этих «Индийских письмах», так как автор переводит их на английский, и в скором времени они будут опубликованы одним американским издателем одновременно с их лондонским изданием. Бедный корреспондент поступил благоразумно, «не приняв всего этого на веру», ибо в письме о пещерах Канпура, как приглашение от Такура к русской публике посетить их, так и он сам, были всего-навсего навеяны Бароном Мюнхгаузеном.

Автор, «Радда-Бай», *побывала* в Канпуре летом 1879 года, в сопровождении индусского джентльмена, среди прочих, по имени Такур (к великому нашему сожалению ныне покойного). Мы посетили Джаджмоу в компании двух английских друзей, одного помощника судьи, коллектора северо-западной провинции и его брата, англо-индийского инженера: детективы политического департамента или полиции (я никогда не могла их различить) сопровождали нас в эти дни благословенной *консервативной* истины подобно соколам, парящим ради нанесения стремительного удара, которого так и не последовало. То, что этого не произошло, уже само по себе примечательно, так как если у меня и была «неприязнь», то именно в *те* дни, когда мне постоянно давали понять, что появление русского в Индии рассматривается почти как преступление, какими бы невинными не были его цели.

Несчастный «Образцовый» редактор, вынужденный оплачивать столь важные телеграммы! Стоило ли, за пол цены я написала бы ему оригинальную главу с новыми подробностями! Остается надеяться, что при смене правительства, невзи-

рая на «русско-афганские козни» (тоже мне новость), подобные процессы — привычные в России, но скандальные для конституционного правления — также легко не повторятся. Наиболее пикантной деталью данного положения является, что в то время как некоторые пессимистично настроенные паникеры рассматривают ее как «русскую шпионку», ее собственные соотечественники подозревают бедную «Радду-Бай»¹ в *проанглийском уклоне!* По совету некоторых британских друзей она отправила в санкт-петербургские газеты объемную статью, для избежания возможных ошибок, с призывом к русским читателям не позволять одурачивать себя историями о всяком мелком индийском мошеннике, возомнившим себя «изгнанным принцем». Статья эта была отвергнута под предлогом, что она, «очевидно, написана под давлением англо-индийских официальных властей!» Итак, хоть я и не питаю никакой пылкой привязанности к монархическому правительству, более того, ощущаю определенное отвращение и ненависть к его политике, все же я никогда не испытывала и половину той неприязни к наиболее деспотичным ее проявлениям, чем та, что возникает у меня по отношению к тем озабоченным сенсациями злонамеренным «корреспондентам», которые, ввиду отсутствия сколь либо важных новостей, годных для отправки, пытаются впутать людей, ни в чем не провинившихся перед страной, предоставившей им если не реальную помощь, то, по крайней мере, кров, фабрикуя из сплетен и предположений блюдо, в котором в числе приправ отсутствует доля здравого смысла.

¹ Игра слов. На санскрите *râdhâ* означает «благосостояние», «успех», а *râddha* — «завершенный», «подготовленный». — Прим. редактора.

ТАИНСТВЕННАЯ РАСА

Во время путешествия от места высадки — мадрасского «Букингемского канала» — до Неллуру, мы переживали новые впечатления пятнадцатимильной поездки в комфортабельных современных экипажах, причем каждый из них быстро тащила дюжина сильных и веселых людей, в которых мы признали обыкновенных индусов низшей касты, или париев. Велик был контраст между этими шумными и довольными людьми, которые были сейчас перед нами, и теми носильщиками паланкинов, которые только что доставили нас сюда, проделав путь в пятьдесят пять миль по песчаным, жарким равнинам от Гантура до Падагангама, расположенного на этом канале. Эти носильщики паланкинов, как нам сообщили, принадлежали к касте мойщиков; у них очень тяжелая жизнь, работа день и ночь, без определенных часов для сна и всего лишь за несколько *пайсов* в день; и только если *пайсы* удавалось превратить в *анны*,¹ то они могли позволить себе такую роскошь, как *мутный суп*, сваренный из неочищенного и поврежденного риса, который они называли «перченой водой». Вполне естественно, что мы смотрели на этих людей-тяжеловозов, которые тащили наш экипаж, так же, как и на носильщиков паланкинов. Однако вскоре нас вывели из этого заблуждения, потому что один из наших братьев — м-р Касава Пиллэй, секретарь Теософского общества в Неллоре — рассказал, что эти две касты не имеют между собой ничего общего. Первые принадлежат к низшей касте индусов, вторые — к *янадхи*. Информация относительно этого племени оказалась настолько интересной, что мы хотим поделиться ей с нашими читателями.

¹ *Пайса* и *анна* — мелкие индийские монеты. 1 анна = 6,25 пайсов = 1/16 рупии. — Прим. редактора.

КТО ТАКИЕ ЯНАДХИ?

Слово «янадхи» — это искажение слова «анати» (*ab origine* [изначальный, лат.]), означающее «не имеющий истоков». Большинство из них живут на побережье океана в дистрикте Неллуру, округ Мадраса. Они разделяются на два класса: (1) *каннала*, или *кхалла*, т. е. «поедатели лягушек», или «поедатели мусора»; и (2) правильные, или «хорошие», янадхи. Представители первого класса живут, как правило, отдельно от шудр, населяющих этот дистрикт, и добывают средства на жизнь тяжелым трудом. *Каннала* используют как тягловую силу вместо крупного рогатого скота для перетаскивания тележек и экипажей (лошади в этом дистрикте встречаются крайне редко, так как их содержание обходится слишком дорого). Представители второго класса, правильные *янадхи*, живут или в деревнях, или в джунглях, помогая фермерам в возделывании земли и других сельскохозяйственных работах.

И все же оба эти класса знамениты своим мистическим знанием оккультных свойств природы, и их считают практикующими магами.

И те, и другие являются заядлыми рыболовами и непревзойденными охотниками на крыс и бандикутов. Они добывают полевых мышей, выкапывая их из норок, и ловят рыбу просто руками, не пользуясь крючком и сетью. Они принадлежат к монгольской расе, причем цвет их кожи варьируется от светло-коричневого до очень темной *сении*. Их одежда состоит из куска ткани, которым они обматывают голову, и другого куска, опоясывающего бедра. Живут они в маленьких хижинах круглой формы, около 8-ми футов в диаметре, имеющих вход шириной примерно 1,5 фута. Прежде чем построить хижину, они рисуют большой круг вокруг того места, где она должна быть построена, и произносят определенные магические слова, которые должны удержать злых духов и змей от вторжения в их жилище. Они также сажают вокруг хижины определенные травы, которые, как они верят, имеют свойства отгонять ядовитых рептилий. Поистине удивительно видеть, что в этих хижинах живут две дюжины людей, поскольку у янадхов редко бывает меньше дюжины детей. Их пища состоит главным образом из крыс, бандикутов, полевых

мышей, канги, гуано и небольшого количества риса, и даже корешки диких растений используются ими для еды. Такая диета в большой степени объясняет их физические особенности. Поедание полевых мышей отчасти объясняет, почему каждый из них имеет столь много детей. Они живут до глубокой старости; и лишь очень редко среди них можно встретить человека с седыми волосами. Это можно объяснить влиянием крахмала, содержащегося в большом количестве в канги, которую они ежедневно пьют, а также легкой и беззаботной жизнью, которую они ведут.

Их исключительным достижением является сокровенное знание оккультных свойств корней, зеленых трав и всевозможных растений. Они могут использовать свойства этих растений, нейтрализуя наиболее губительные яды различных змей; и даже самая свирепая кобра прячет свой капюшон перед конкретным зеленым листочком. Названия, определение и знание свойств этих растений, они держат в строгом секрете. Никто никогда не слышал, чтобы их кусали змеи, хотя они живут в исключительно опасных местах среди джунглей; в то же время, смерть от укуса змеи весьма обычна среди высших классов. Одержимость бесами исключительно редко встречается среди их женщин. Они изготавливают удивительно эффективное средство, представляющее собой отвар из более чем сотни различных корней; говорят, что он обладает невероятной способностью излечивать любую болезнь.

В случае крайней необходимости или смертельной болезни они совещаются со своим провидцем (обычно одним на 20—25 семей), который обращается к божеству-хранителю и при этом бьет в барабан перед горящим костром, а женщина поет рядом с ним. Через час или два он впадает в транс, то есть приводит себя в состояние, при котором он может назвать причину заболевания и прописать определенное тайное средство, которое способно вылечить больного. Предполагается, что дух умершего, чье имя подверглось оскорблению, или божество, которым они пренебрегали, сообщает им теперь через провидца, за что на них свалилось это несчастье, требуя от них обещания, что они будут хорошо вести себя в будущем, и после этого исчезает. Нередко случается, что представители высших каст, даже брамины, обращаются к ним по

тому же поводу и с тем же успехом консультируются у них. *Провидец отрицает свои волосы и не допускает, чтобы бритва когда-либо прикоснулась к его голове.* Янадхи бреют свои головы при помощи острой кромки стекла. Таким же образом обсуждается процедура выбора имени для ребенка, вступление в брак, намерение отправиться в путешествие и тому подобное.

У них очень остро развито обоняние и другие чувства, так что они легко могут узнать, где находится нужная им птица или где прячется тот, с кем они играют. Они часто бывают востребованы как сторожа, вследствие их редкой способности выслеживать и находить по следам вора или незнакомого человека. Если какой-либо чужак посещал их деревню ночью, янадхи могли сказать, что деревня посещалась им (чужаком), лишь взглянув на следы множества ног.

ПАЛИБОТРА МЕГАСФЕНА

Эта тема потребовала бы большего места, чем она заслуживает, чтобы показать, сколь отличаются друг от друга в подробностях разные классические авторы, которые упоминают о «Палиботре» Мегасфена; и что все они располагают этот город на том или ином расстоянии от места слияния Ганга и Эрранобаос, хотя последней реки, судя по названию, не существует. И если Плиний располагает «Палиботру» в 425 римских милях *ниже* соединения Ганга и Джамны, то Страбон, следуя Эратосфену, считает его удаленным на 6 000 стадий от устья Ганга. Арриан, к тому же, называет «другую» реку неподалеку от Ганга — Эрранобаос. И хотя оба они, и Арриан и Плиний, показывают ясное различие между Соном и мифической Эрранобаос, все же профессор Макс Мюллер, а вслед за ним м-р Каннингем, без колебаний определяют ту самую реку, «на которой стояла древняя Палиботра», как Сон. В качестве некоего неопровержимого подтверждения этого утверждения, а также ответа, данного на возражение Д. Уилсона, он заявляет, что «хотя в настоящее время Патна не расположена возле слияния Ганга и Сона ... это, однако, объясняется изменением русла реки Сон ... что точно установлено посредством географического метода доказательства».¹ «Доказательство» географов, без сомнения, является безупречным; но это доказательство не указывает нам год или даже приблизительный период времени, когда Сон изменил свое русло. Наш текст, однако, обесценивается свидетельством греков, если Эрранобаос означает Сон. Оставим оксфордских филологов и генерала Каннингема, принимающих эту иден-

¹ См. Макс Мюллер: «История древнесанскритской литературы», стр. 250.

тичность и настаивающих на ней, для согласования своих расхождений при помощи доказательств, которые, со своей стороны, выдвигают их оппоненты, и которые показывают весомые и очевидные причины того, что Сон не может быть Эрранобаос,¹ и попытаемся привлечь внимание ученых топографов к следующему: Самое беглое исследование покажет, что Сон изменил свое течение со времен Махабхараты, где он упоминается несколько раз, и со времени Будды — дважды. И что ни один из этих периодов отклонения не мог бы предоставить подтверждающее свидетельство в пользу утверждения классических авторов, приведенного в выделенном нами тексте. Мы не касаемся эпохи последнего отклонения этой беспокойной реки от своего русла, которое, быть может, произошло, как утверждается в «Обзрении», незадолго «до вторжения мусульман», а может быть и нет; но мы говорим о том времени, которое согласовывало бы утверждения греков с действительным направлением течения Сона. Насколько нам это известно, никакой из периодов не мог бы послужить для этой цели. Ибо, если географическое свидетельство и топографические выводы, сделанные из различных упоминаний об этой религиозно-исторической реке в Махабхарате и Рамаiane, а также в путевых заметках Сюаньцзана и Фасянь, подтверждают заключение о том, что Сон неким образом еще раз изменил свое русло в течение двух веков, предшествовавших вторжению мусульман в Индию, выделенный нами текст связывает ее первое отклонение, безусловно, со смертью Будды. Таким образом, изменял ли Сон свое русло в 6-ом веке «до рождения Христова» или в 8-ом веке «нашей эры», это было вовсе не во время Мегасфена (4-ый век до христианской эры) — «к которому Палиботра относится». В многочисленных легендах, связанных с нирваной Господа Будды, Маханада Сон (великая красная река) упоминается в числе семи рек, которые разбегаются в разные стороны, «чтобы не быть свидетелями печали множества архатов и биккху (обитающих на берегах изменчивых рек) из-за смерти их Господа». Хотя много более естественное явление, чем эта сомнительная параллель, имело место 500 годами позднее, когда «покров храма был разорван на-

¹ См. «Археологическое обозрение», 1881 г., том VIII.

двое ... и могилы открылись, и многие святые, которые спали, восстали и вошли в священный город», и т. д., — при этом даже не было предпринято попытки связать изменение неким определенно таинственным образом движения потоков со смертью Мудрого. Но если реальный факт этого совпадения ставится под сомнение, тогда необходимо признать за создателем легендарного учения пророческий дар предвидения, ибо он прямо говорит, что «Маханада Сон повернет вспять и потечет назад в восточном направлении»; этот факт подтверждается повторением того же самого явления позднее, поскольку Сон течет ныне в западном направлении.

КУЛЬТ МИТРЫ

«Всем посетителям классических галерей Британского музея знакома статуя митраического быка. Юноша во фригийском колпаке, сидя на быке, вонзает в него нож, причем этот бык одновременно подвергается нападению некоего насекомого, не то скорпиона, не то краба; быка сопровождают два ворона или другие птицы. Естественно встает вопрос о смысле этой скульптурной композиции.

I. Существует ли аналогия между этим кумиром и индусской Вач?

II. Существует ли здесь аналогия с еврейским «золотым тельцом» или «херувимом», изготовленным евреями в пустыне из металла, похищенного ими у египтян?

III. Символизирует ли это насекомое *Рака* или *Скорпиона*?

IV. Следует ли этих двух воронов интерпретировать как воронов Мефистофеля (см. «Фауст» Гете); в духе скандинавской мифологии; или же высшего символизма, представленного в «Тайной Доктрине»? Не содержится ли в митраическом мифе своего рода истолкования мистического смысла слова «ворон», играющего столь большую роль в легендах о Ное и Илии?

Буквоед».

На первый вопрос мы отвечаем:

I. Мы не усматриваем никакой аналогии между персидским Митрой и индусской Вач.¹ Если «Буквоед» что-то знает об этом, пусть он «встанет и объяснит».

¹ Митра, или Мифра (буквально «договор»), древнеиранский бог солнца, первоначально считался двуполом. Геродот сопоставлял его с Афродитой, позднее его стали отождествлять с мужским божеством и отводили ему роль посредника между людьми и верховным богом. К концу первого тысячелетия до н. э. к Митре перешли функции Ахурамазды, возник культ Митры, впитавший в себя элементы маздеизма и зороастризма, а также вавилонские астральные культы и магию. — *Прим. редактора.*

II. За исключением того факта, что херувим и телец имеют одно и то же символическое значение, мы не видим никакой связи между золотым тельцом евреев и митраическим быком. Оба эти быки, и молодой и старый, являются символами мощи и творящей или порождающей силы. Кроме того, аллегория Моисея содержит намек на то тайное знание, которое евреи похитили у египтян. Моисей был обучен их мудрости и использовал ее с благими целями; еврей, воспринимая ее лишь в *буквальном смысле*, стремились использовать ее в эгоистичных целях, или для *черной магии*. В связи с этим Моисей разрушил этот предмет; использованный им метод с очевидностью показывает его знакомство с алхимией. Ибо говорится, что он сжег «золотого тельца», стер в прах, рассыпал его по воде и «дал ее пить сынам Израилевым» (Исход, 32:20) — подвиг, имеющий некий смысл для алхимика, но выглядящий беспорядочной смесью совершенно невозможных физических явлений для профана.

III. Это насекомое, конечно, символизирует ♏ (Скорпиона), знак Зодиака, астрологически управляющий репродуктивной способностью и генеративными органами, а также эзотерически представляющий сильные животные страсти человека, символом которых является бык. Духовный человек — это Митра, солнце. Как солнце правит астрологически огненной триадой — ♈ (Овном, или агнцем), ♌ (Львом) и ♏ (Скорпионом), так и Митра изображается в виде *раскрепощенного* человека (отсюда, вероятно, фригийский колпак), восседающего на ♋ (Тельце, знак, следующий за Овном) и убивающего его — т. е., животные страсти. Это аллегорическое изображение, весьма искусное и прекрасное, напоминает о митраических мистериях, в которых человек учился подчинять свою животную самость.

IV. Вороны не могут обозначать ни первое, ни второе предположение. Именно упадок *божественной* магии и превращение ее в магию *черную* сделали из воронов помощников ведьм и демонов. И в арийской, и в семитской мифологиях птицы символизируют ангелов, божественных посланцев, а во *внутреннем* человеке — его духовную и человеческую души, или *буддхи* и *манас*. Две эти птицы следуют за *насекомым*, которое возбуждает животные страсти (обратите внимание на

орган «митраического» быка, который подвергся такому нападению), чтобы возвратиться в человека, когда он победит животную природу в себе, изображенную в виде быка. Но эти предполагаемые *вороны*, скорее всего, являются ястребами. Ястреб был божественной птицей, посвященной солнцу (Митре) практически в каждой мифологии, тогда как ворон символизирует долголетие, мудрость, постигаемую в опыте, разум и твердую волю в человеке. Отсюда и аллегии о вороне Ноя, вороне, который так никогда и не возвратился в Ковчег, и о вороне Илии, который кормил его утром и вечером — т. е., о его разуме (*манасе*), снабжающем его скудными средствами к существованию. Ибо если рассматривать эти истории в буквальном смысле, — за который с нами будут ломать копья многие фанатичные поклонники Библии, — каким же образом ворон, который в физиологическом и библейском значении является *нечистой* птицей (см. Левит, 11: 15), был избран «Господом Богом», чтобы кормить Тишби,¹ в предпочтение голубю или любой другой чистой и *священной* птице?

¹ Прозвище пророка Илии. — *Прим. редактора.*

ТЕОСОФЫ И ИНДУССКИЙ ПАНТЕИЗМ

Именно эту вышеозначенную тему обсуждает в мадрасской «*Philosophic Inquirer*» м-р Генри Аткинсон из Булони, Франция. Обычно этот джентльмен, талантливый и пользующийся широкой известностью писатель, ясно и определенно излагает свои идеи. Именно поэтому мы премного удивлены и не можем найти объяснения тому, что он задел в своей вышеупомянутой статье теософов. Свой анализ системы Веданты, который, по сути, является сжатым изложением *антитеистических теорий* профессора Флинта, приведших его к заключению, что отрицание реальности миров вместе с утверждением, что Парабрахма является неким безличным божеством (вид пантеизма, называемый *акосмизм*), м-р Аткинсон подкрепляет следующим выводом:

«Точно также пантеизм имеет своим следствием атеизм».

Насколько нам известно, это не так, — вот наш ответ. Согласно тому, как этому учат самые талантливые и ученые ведантисты Бенареса, пандиты и знатоки санскрита, их пантеизм приводит к прямо противоположному результату. Однако не будем отклоняться от нашей непосредственной темы. Автор говорит:

«От этого виртуального атеизма всего лишь один шаг до общепризнанного атеизма. Философия санкхьи и буддизм — суть индийские иллюстрации этой тенденции пантеистического мировоззрения. То, что материальные атомы существуют извечно, не требует никаких доказательств. Причина, по которой вера в творение отвергается индийскими философами, по своей сути аналогична той, которую мы обнаруживаем, таким образом, в одной сутре, принадлежащей к системе санкхья: *Не может быть создано что-либо из ничего; то, чего нет, не может развиться в то, что есть — создание того, что не*

существовало бы уже в потенциальном виде ранее, невозможно; потому что необходимым образом должен существовать некий материал, из которого будет создан продукт, так как все вещи не могут находиться повсюду одновременно; и потому что нечто возможное должно быть создано из чего-либо достаточного для создания его».

Сразу же за этим отрывком следует совершенно неожиданный и потому весьма удивительный вопрос.

«Не призывают ли сегодня нас теософы возвратиться к таким внутренне противоречивым, призрачным абстракциям, таким произвольным блужданиям древних непросвещенных времен и стран, лишенных научного знания?»

И это *единственное* упоминание о ТЕОСОФАХ, которое мы находим в данной статье. Поэтому мы не в силах понять уместность этого вопроса и его связь хоть с чем-то в статье м-ра Аткинсона; мы также не видим ничего «ненаучного» в этом отрывке из сутры; более того, мы вообще не видим в этом примере, приведенном автором, какой-либо возможной связи с теософией. Что общего в этом отношении имеют *теософы* с рассуждениями профессора Флинта, с ведантизмом, санкхьей и даже с буддизмом. Теософы изучают все системы и... никого не поучают, предоставляя каждому обдумывать и выбирать истину для себя. Члены нашего Общества лишь помогают в совместной работе, и каждый из нас всегда открыт для убеждения, когда предполагаемая истина какой-либо данной гипотезы демонстрируется ему в свете современной науки, логики или разума. Ни один теософ более чем вся современная наука, вечно балансирующая на одной ноге на краю «непреодолимой пропасти», не «призывает кого-то возвратиться куда-то, остаться где-то» или перейти к «внутренне противоречивым, призрачным абстракциям» и «произвольным блужданиям древних непросвещенных времен», — если такие «блуждания» не являются закономерными исходя из еще больших блужданий и многочисленных недоказанных суждений нашего собственного «просвещенного» века. Если наука, неспособная самостоятельно сложить дважды два так, чтобы при этом не получилось пять, вынуждена была вернуться к атомической теории древнего Демокрита и гелиоцентрической сис-

теме еще более древнего Пифагора — причем оба они жили в те времена, которые ныне принято считать «непросвещенными», — то мы не понимаем, почему теософам отказывают в праве обращаться к тем временам для поиска решения наиболее жизненных проблем, к которым еще никто из современных философов, действующих в меру своих способностей, не смог даже приблизиться. Но вот к чему мы всегда решительно призывали и будем призывать, так это к тому, чтобы люди изучали, сравнивали и самостоятельно обдумывали, прежде чем принять что-либо на веру на основании полученных из вторых рук доказательств. Поэтому мы выступаем против многочисленных авторитетных и столь деспотичных допущений этого нашего так называемого «просвещенного и научного века». До сих пор, наш повседневный совместный опыт показывал нам, что эти прилагательные есть не более чем словоблудие и пустое бахвальство; и мы полностью готовы доказать нашу позицию, приглашая и заверяя в нашей признательности м-ра Аткинсона или кого бы то ни было, кто возьмется опровергать ее.

Начнем с того, почему это мы должны называть наш век «просвещенным» веком, отмечая его превосходство и допуская для него больше оснований так называться, чем век Александра Великого, или даже халдейского Саргона? В нашем столетии родились многие люди науки; еще больше тех, кто воображают себя весьма образованными людьми, но вряд ли смогут доказать это при перекрестном тестировании; и — огромные массы «невежд», которые почти столь же темны, сколь и суеверны, и также же умственно неразвиты и необразованны *ныне*, какими были какие-нибудь добропорядочные обыватели во времена гиксосов, Перикла или Рамы — в те дни. Никто не станет отрицать, что на каждого подлинного человека науки приходится, по крайней мере, сотня лжеученых — претендующих на ученость — и десять миллионов совершенно невежественных людей по всему миру. Также никто не будет опровергать утверждения о том, что к каждому просвещенному и действительно широко образованному человеку в обществе мы должны прибавить несколько сотен полуобразованных болванов, которые прикрываются не более чем внешним налетом общественных предрассудков для того, что-

бы скрыть свое грубое невежество. Кроме того, Наука, или скорее Знание, и Невежество взаимосвязаны, как и все остальные противоположности в природе, — антагонистичные, но все же скорее подтверждающие друг друга, чем опровергающие. Поэтому, если современный ученый в чем-то одном бесконечно превосходит ученого, который процветал в дни фараона Тутмоса, то последний, вероятно, в чем-то другом добился неизмеримо больших успехов, чем все наши Тиндали и Герберты Спенсеры вместе взятые, доказательство чему мы усматриваем в «утраченных» искусствах и науках. И если наш век — это век удивительных достижений в физических науках, век пара и электричества, железных дорог и телеграфов, телефонов и много другого, то это также век, в котором лучшие умы не находят себе лучшего, более надежного или разумного прибежища, чем в агностицизме, в современной разновидности этой самой древней темы греческого философа: «Все что я знаю — это то, что я ничего не знаю». За исключением горстки мужей науки и образованных людей в целом, — это также век принудительного обскурантизма и, как прямое его следствие, упрямого невежества, и большая масса нынешнего населения земного шара не менее «непросвещенна» и в той же степени грубо суеверна, как и 3 000 лет назад.

Готов ли м-р Аткинсон или кто-либо еще (кроме христиан) отрицать следующее утверждение, которое весьма легко проверить: что выбранный наугад один из миллиона *необразованных* буддистов — тех, что придерживаются «благого закона», которому учат на Цейлоне с тех пор, как его принес им сын царя Ашоки, Махинда, в «непросвещенный» век за 200 лет до нашей эры — в сто раз менее легковверен и суеверен, и в своей вере ближе к научным истинам, чем выбранный также наугад один из миллиона христиан, воспитанный в этом «просвещенном» веке? Любому, кто соберется опровергнуть сказанное нами, мы предложили бы сперва взять «Буддийский катехизис» полковника Олькотта, предназначенный для бедных, невежественных детей столь же невежественных и непросвещенных сингалезских родителей, и положить рядом с ним «Римский католический катехизис» или тщательно разработанный «Вестминстерский символ веры», или даже «39 статей» [свод догматов] англиканской церкви, — и сравнить, де-

лая выписки. Пусть он, прочитав их, изложит свои впечатления в свете науки, а затем скажет нам, какие догмы — буддийские или христианские — ближе к учениям современной науки? В связи со всем этим нам следует принять к сведению, что буддизм в том виде, как ему учат сегодня, совершенно идентичен тому, каким его проповедовали в течение первых столетий после смерти Будды, а именно, с 550 года до н. э. по 100 г. н. э. в «древнее непросвещенное время и в древней непросвещенной стране» раннего буддизма, в то время как вышеупомянутые толкования христианских взглядов (особенно это касается двух протестантских сочинений) являются тщательно переработанными и исправленными изданиями, плодом совместных усилий высокоученых теологов и величайших грамотеев нашего «просвещенного» века. Хотя, с другой стороны, они являются выражением и исповеданием веры, сознательно принятой самыми культурными классами Европы и Америки. Таким образом, поскольку подобное учение сохраняет свой авторитет для большинства западного населения — одинаково как для образованных, так и для необразованных, — мы чувствуем за собой полное право утверждать, что наш век не только «непросвещен» в целом, но и то, что западный религиозный мир поистине ненамного опередил дикарей-идолопоклонников.

БУДДИЗМ, ХРИСТИАНСТВО И ФАЛЛИЦИЗМ

К трудам специалистов и ученых следует относиться с определенным уважением, поскольку они принадлежат науке. Но такие произведения, как «Культ Приапа» П. Найта, «Древние Истины» и др. д-ра Инмана, явились первыми каплями того ливня фаллицизма, который обрушивается на читающую публику в виде «Рек жизни» генерала Форлонга. Очень скоро к этому ливню присоединились светские писатели, и за прекрасной книгой Г. Дженнингса «Розенкрейцеры» последовал его «Фаллицизм».

Поскольку детальный анализ этой работы — занимающейся поиском сексуального культа, от его грубых форм в идолопоклонстве, до наиболее утонченного и скрытого символизма в христианстве — более соответствовал бы требованиям газетного, а не журнального толка, то, прежде всего, необходимо объяснить причину, по которой эта рецензия была написана. «Фаллицизм»¹ и другие книги подобного рода, хотя теософы полностью игнорируют их, могли бы быть использованы против теософии. Последние произведения м-ра Г. Дженнингса были написаны, по всей видимости, чтобы встать на пути прогресса теософии, которую он, как и многие другие, не отличает от оккультизма и даже самого буддизма. «Фаллицизм» появился в 1884 году, в то самое время, когда все французские и английские газеты провозгласили прибытие из Индии нескольких теософов, провозвестников буддизма в христианской Европе; первые отличились своей обычной легкомысленной манерой, а последние — энергией, достойной лучшего применения, которую лучше бы было направить, по

¹ «Фаллицизм, небесный и земной, языческий и христианский; его связь с розенкрейцерами и гностиками и его обоснование в буддизме».

заявлению некоторых газет, против «сексуального культа у себя дома». Так это или нет, но общественное мнение приписывает это «мистическое» произведение м-ра Дженнингса появлению теософии. Как бы то ни было, и кто бы ни повлиял на автора, его усилия оказались успешными только в одном направлении. Несмотря на то, что сам он весьма скромно объявляет себя «первым, кто выразил великую философскую проблему *этого загадочного буддизма*», и провозглашает свою работу «бесспорно новой и оригинальной», не переводя дух, заявляя, что «все великие люди и глубокие мыслители прошлого, трудившиеся в течение веков на этом поприще, работали впустую», легко доказать, что он ошибается. Его «энтузиазм» и самовосхваление, вероятно, вполне искренни, а его труды, как он сам выражается, «объемны»; тем не менее, они повели его по совершенно ложному пути, раз он заявляет, что:

«Эти физиологические споры (о происхождении животных) ... возникшие у ранних мыслителей, заложили величественный фундамент фаллического культа. Они привели к сильным расколам в религии и к буддизму».

Именно буддизм был первой религиозной системой в истории, которая возникла с определенной целью положить конец всем мужским богам и деградирующей идее личного сексуального божества, как создателя человечества и Отца людей.

Автор уверяет нас, что его книга: «Будучи небольшого формата, содержит все, что известно о доктринах буддистов, гностиков и розенкрейцеров, относительно фаллицизма».

Здесь он ошибается вновь, и очень глубоко, или же, что еще хуже, он пытается ввести в заблуждение читателя, наполняя его отвращением к таким «тайнам». Его работа «нова и оригинальна», поскольку она объясняет с энтузиазмом и почтением ярко выраженный фаллический элемент в Библии; ибо, по его словам, «Иегова без сомнения означает вселенское мужское», а Марию Магдалину, до ее обращения, он называет «женским св. Михаилом», определяя это как мистическую антитезу и парадокс. Не было никого в христианских странах, кто когда-либо имел моральную смелость говорить столь открыто, как он, о фаллическом элементе, которым изобилует христианская (римско-католическая) церковь; и в этом главная заслуга и

значение автора. Все достоинства хваленой «разумности и краткости» его «небольшого формата» исчезают, когда становятся очевидными средства, посредством которых он сбивает с толку читателя, опираясь на совершенно ложные впечатления; особенно, когда немногие, если вообще кто-либо из его читателей, последуют за ним, или даже просто разделят с ним «энтузиазм ... преобразованный из полного исходного неверия в эти удивительно вдохновляющие и прекрасные фаллические верования». Было бы нечестно высказать лишь часть истины, не оставив никакой возможности для паллиатива, как в случаях Будды и Христа. То, что первый совершил в Индии, Иисус повторил в Палестине. Буддизм был страстным протестом против фаллического культа, который вел каждый народ сперва к восхищению личным Богом, а в конце концов — к черной магии; то же самое явилось целью Посвященного и Пророка из Назарета. Буддизм избежал опасности черной магии, сохраняя в своей религиозной системе личного мужского Бога в чистом виде; но поскольку эта концепция является ведущей в так называемых монотеистических странах, черная магия толкает их в «Мальстрим», в котором всякая нация становится зараженной грехом и колдовством, и тем сильнее, чем меньше верят в нее самые горячие ее приверженцы, не осознающие, вероятно, ее присутствия. Никто из оккультистов не верит в церковного Дьявола, традиционного Сатану; каждый, изучающий оккультизм, и каждый теософ верит в черную магию и в темные природные силы, если он принимает белую, или божественную, науку как истинный факт нашего мира. Поэтому с полным доверием можно повторить мысль, высказанную кардиналом Вентурой в отношении Дьявола (относя ее, однако, к черной магии):

«Величайшая победа была достигнута Сатаной в тот день, когда ему удалось сделать так, чтобы в него перестали верить».

Далее можно сказать, что «черная магия царствует над Европой как всемогущий, хотя и незаметный, правитель», причем ее главные сознательные приверженцы и служители находятся в римской церкви, а бессознательные функционеры — в протестантской. Все тело так называемых «привилегированных» классов в Европе и в Америке пронизано неосознаваемой черной магией, или колдовством самого низкого свойства.

Но Христос не ответственен за средневековое и современное христианство, сфабрикованное от Его имени. Если автор «Фаллицизма» прав, говоря о трансцендентальном сексуальном культе в римской церкви и называя его «истинной, хотя несомненно парадоксальной, конструкцией, имеющей глубокое мистическое истинно христианское значение», — он ошибается, называя его «небесной или теософской доктриной несексуального, трансцендентального фаллицизма», поскольку эти слова, сталкиваясь вместе, становятся бессмысленными, аннулируя друг друга. «Конструкция», которая пытается показать фаллический элемент «в могиле Искупителя», и йонический — в нирване, и находит Приапа в выражении «Слово стало плотью», или Логосе, действительно должна быть «парадоксальной». Но такова «Приапомания» в нашем веке; что даже наиболее горячие приверженцы христианства должны признать элемент фаллицизма в своих догмах, если они не хотят, чтобы их обвиняли в этом оппоненты.

Все это следует рассматривать не как критику, но лишь как защиту реальной, истинной магии, которую автор «Фаллицизма» ограничивает «божественной магией творения». «Фаллические идеи», — по его словам, — «лежат в основе всех религий».

В этом нет ничего «нового» или «оригинального». Со времени возникновения государственных религий не было ни одного посвященного или философа, Учителя или его последователя, который бы не знал об этом. Нельзя увидеть открытие и в том факте, что евреи поклонялись Иегове в виде необработанных «фаллических камней», коротко говоря, это был такой же фаллический Бог, как и другие лингамы, что перестало быть тайной после Дюпи. То, что Приап был выдающимся мужским божеством, сейчас полностью доказано без какого-либо излишнего мистицизма Рэлстоном Скиннером из Цинциннати в его удивительно талантливой книге, демонстрирующей большую эрудицию автора, «Источник мер», опубликованной несколько лет назад; в ней он показывает этот факт, исходя из математических выводов, поскольку он является специалистом в каббалистических числовых счислениях. Чем же подкрепляет свои слова автор «Фаллицизма», утверждая, что в его книге будет обнаружено «более полное и связ-

ное, чем имелось ранее, изложение, касающееся различных форм того особого поклонения (не идолопоклонства), которое носит название фаллического культа»? «Никто из писателей не изучил столь полно», — скромно добавляет он, — «оттенки и разновидности этого своеобразного ритуала, берущего свое основание в глубинах природы и связанного с возникновением истории человечества, и не проследил в таком объеме его таинственные связи с различными философскими идеями».

Лишь одна вещь является действительно «оригинальной» и «новой» в «Фаллицизме»: отмечая и подчеркивая наиболее непристойные ритуалы, связанные с фаллическим культом у всех «языческих» народов, автор идеализирует аналогические ритуалы христиан, набрасывая на них покров из самой мистической ткани. И в то же время, автор принимает библейскую хронологию и настаивает на ней. Так, он приписывает Вавилонской башне халдеев, «этому огромному, величественному, вертикально стоящему, вызывающему фаллосу», как он ее называет, возраст «вскоре после Потопа»; а пирамидам — «время немногим позже основания египетской монархии Мицраимом, сыном Хама, в 2188 до н. э.». Хронологические взгляды автора «Розенкрейцеров», по-видимому, сильно изменились впоследствии. Есть некая тайна в отношении этой книги, трудная, но все же отчасти доступная для понимания, что может быть выражено словами графа де Гаспарина, сказанными им о трудах маркиза де Мирвиля о Сатане: «Но все идет к тому, чтобы показать работу, являющуюся, по существу, поступком, и имеющую значение коллективного труда». Но все это не имеет значения для теософов. То, что имеет реальное значение, — это его ошибочное утверждение, для обоснования которого он ссылается на авторитет Уилфорда, о том, что легендарная война, начавшаяся в Индии и распространившаяся по всему земному шару, была вызвана различием мнений об относительном «превосходстве мужского или женского символа ... в идолопоклонническом магическом культе... Эти физиологические диспуты, которые привели к сильному расколу в религии и даже к кровопролитным опустошающим войнам, многократно наблюдались в истории ... или же от них не осталось ничего, кроме традиции».

Это решительно отрицается посвященными брахманами.

Если вышесказанное основано на авторитете полковника Уилфорда, то выбор автора «Фаллицизма» не был счастливым. Читатель должен лишь обратиться к «Науке религии» Макса Мюллера и найти там подробную историю того, как полковник Уилфорд стал жертвой брахманической мистификации в отношении мнимого присутствия в Пуранах Сима, Хама и Иафета, во что он искренне уверовал. Истинная история распространения и причин великой войны хорошо известна посвященным брахманам, однако они не будут говорить об этом, поскольку это могло бы быть направлено против них самих и их верховенства над теми, кто верит в личного Бога или богов. Совершенно верно, что происхождение каждой религии основано на двух силах абстрактной природы, мужской и женской, которые, в свою очередь, являются эманациями бесконечного, абсолютного, бесполого Принципа, Единого, который исповедуют в духе, а не при помощи ритуала; чьи вечные законы не могут быть изменены словами или жертвами молящихся, и чье влияние, светлое или темное, благоприятное или неблагоприятное, чье благоволение или проклятие в форме кармы могут определяться только действиями всецело преданного ему человека, а не пустыми мольбами. Такова была религия, единая Вера всего первобытного человечества и «Сыновей Бога», *Б'не Элохим*, прежних времен. Эта вера гарантировала своим последователям полное обладание трансцендентальными психическими силами, истинно божественной магией. Позже, когда человечество пало и, в ходе естественной эволюции, вступило «в череду поколений», то есть, в последовательность рождений и порождений, перенеся происходящие в природе процессы из духовной плоскости в материальную, оно, в своем эгоизме и животном восхищении самим собой, сделало Богом человеческий организм, и стало поклоняться себе в виде объективного, личного божества, — вот тогда и возникла черная магия. Эта магия, или колдовство, основана целиком на эгоистических импульсах, из них она возникает и им обязана своей жизнью и душой; таким образом постепенно развилась идея личного Бога. Первый «столб из необработанного камня», впервые явившийся как «знак и свидетельство о Боге», творящем и порождающем, «Отце людей», стал архетипом и предшественником длинной серии мужских

(вертикаль) и женских (горизонталь) божеств, в виде колонн и конусов. Антропоморфизм в религии является непосредственным источником и стимулом для занятий черной магией (магией левой руки). Опять-таки чувство национальной исключительности (даже не патриотизм), гордости и самовосхваления перед всеми другими народами привело Исаию к тому, чтобы увидеть разницу между одним живым Богом и идолами соседних народов. В день великой «перемены», карма, вызываемая личным или безличным провидением, не заметит разницы между теми, кто устраивает алтарь (горизонталь) Богу посреди Египетской земли и столб на ее границе (Исаия 19:19), и теми, «кто поклоняется идолам, волшебникам, семейным духам и чародеям», ибо все это — человеческое, а значит — дьявольская черная магия.

Именно эта магия вместе с антропоморфическим культом привела к «Великой Войне» и послужила причиной «Великого Потопа», погубившего Атлантиду; поэтому Посвященные, которые остались верными первоначальному Откровению, сплотились в обособленные общины, хранящие свою магию и религиозные ритуалы в глубочайшей тайне. От тех дней происходит каста браминов, потомков «рожденных в духе Риши и Сыновей Брахмы», а также их «мистерии».

Естественные науки, археология, теология, философия, — все они соединились в «Тайной Доктрине», чтобы дать доказательства в поддержку изложенных в ней учений. *Vox audita perit; litera scripta manet* (услышанный голос исчезнет; написанная буква останется, лат.). Опубликованные откровения не могут быть опровергнуты никем, даже оппонентом: они доказали свою состоятельность. Если бы я действовала по-другому, «Тайная Доктрина», с первой до последней главы, состояла бы из неподтвержденных личных заявлений. Ученые, благодаря некоторым из последних открытий в различных областях науки, могли бы проверить те гипотезы, которые кажутся среднему читателю нелепыми и основанными на непроверенных утверждениях, и разъяснить разумность этих гипотез. Оккультное учение будет, в конце концов, исследовано с точки зрения науки, как физической, так и духовной.

ЛОЖНЫЙ «СВИДЕТЕЛЬ»

«Случайный свидетель», кажется, некоторое время назад позволил себе высказать некое казуистическое нравоучение по поводу распространения «теософов». Термин, использованный этой добродетельной газетой, весьма неопределенен, ибо «теософы» столь же многочисленны и разнообразны, как и их мнения и убеждения. Все же, поскольку этот выпад выглядит столь же подозрительно, как и другие, совершенные против нас, мы принимаем на себя неприятную обязанность ответчика, хотя стрелы и не достигли цели. Говорит «Свидетель» (курсив наш):

Теософы жалуются в последнем номере своего журнала, что «с тех пор, как мы поселились в этой стране, побуждаемые искренними и честными намерениями — хотя, возможно, как мы сегодня сами готовы признаться, слишком эмоциональные, чересчур необычные для иностранцев, чтобы внушить доверие местным жителям без предоставления каких-либо более существенных доказательств, чем просто наши слова, — мы были окружены большим числом врагов и оппонентов, чем друзей и симпатизирующих нам людей». Главным образом они сами должны быть виноваты в том сопротивлении, которое они встретили. О том, каковы были их мотивы, мы не беремся рассуждать, но их действия были во многих отношениях позорными. Они начали с вынесения совершенно бессовестных и лживых обвинений против миссионеров и проявления такой безумной ненависти к христианству, которая делала смехотворными их последующие призывы к всеобщей любви и братству. Их убеждения были возвышенными, а их практическая деятельность — низменной, и нет ничего удивительного в том, что большая часть их приверженцев покинула их с чувством разочарования и отвращения. Их оккультные представления [?], были ли они вызваны ловкостью рук или некой особой одаренностью в области животного магнетизма, не носили такой характер, который повысил бы мнение о них среди мыслящих

людей или показал, что они могли бы привести к достижению каких-либо важных или полезных целей. Мы не удивимся, если вскоре нам доведется услышать, что они безвозвратно покинули берега Индии, опечаленные и в чем-то мудрее, чем они были тогда, когда пришли сюда. В то же время, основанное Богом стоит прочно, и Его церковь преуспевает [sic] на своем триумфальном шествии к несомненной победе.

Поистине, это очень любезно! Не это ли тогда «бальзам долины Гилеад» для тех «теософов», которые исчезнут с этих берегов «опечаленные и в чем-то мудрее»? Мы столь непротестительно невежественны в отношении названий бесчисленных христианских сект и подсект, которые действуют в Индии, что мы действительно не знаем, какая из них оплачивает свидетельство редактора «Случайной» газеты. Имя этим сектам — *Легион*. Ибо, не обращая внимания на прямое указание: «Не засевай виноградника своего двумя родами семян, чтобы не сделать тебе *заклятым* сбора семян, которые ты посеешь» (Второзаконие, 22:9), они все вместе и каждая в отдельности пытаются превратить покрытую пальмами Арьяварту в «Виноградник» своего Господа, делая брахмана, который пьет их вино, подобно Ною, «пьяным», и таким образом «делают *заклятым*» сбор своих семян. Впрочем, мы склонны думать, что это голос методистов. Лишь эти великодушные сектанты столь щедры, что считают «возможным спасение всего рода человеческого». Однако принадлежит ли «Свидетель» к перво-методистам, новому объединению методистов, методистской церкви, кальвинстам-методистам, объединенной свободной методистской церкви, уэслианским реформистам, библейским христианским епископалам (англиканам), пресвитерианам, баптистам или любым другим сектам, мы сожалеем, что вынуждены развенчать их редакторский дар не только в божественном пророчестве, но и в примитивном медиумическом ясновидении. «Теософы», то есть, основатели Теософского общества, не намерены «безвозвратно покидать берега Индии». Они искренне сожалеют, но действительно не могут угодить своим «Случайным» добрым друзьям и другим миссионерским центрам.

А теперь «обращение к здравому смыслу». Давая себе волю в резкой и католической критике, наш цензор (кем бы он

ни был) очевидно, «забыл спросить совет у своей собственной подушки», как говорится. Поэтому он перескакивает к заключениям, которые, как минимум, опасны для него самого и братии, поскольку это обоюдоострое оружие. Ни у какого другого класса, во всем мире, нет столь «возвышенных убеждений» и столь «низменной практической деятельности», как у наших благожелательных друзей, *падре*, — разумеется, за некоторыми почетными исключениями. Опираясь на наши слова, что мы были «окружены большим числом врагов и оппонентов, чем друзей и симпатизирующих нам людей», он заявляет, что «большая часть» наших приверженцев покинула нас «с чувством разочарования и отвращения». Даже если считать с полдюжиной «приверженцев» в Бомбее, которые оставили нас по мотивам чисто личным и эгоистическим, не имеющим никакого отношения к «теософии», в 1881 году Общество — во всех его отделениях — покинули всего девять человек. Далее наш критик внушает самому себе веру в то, что если мы встретили «сопротивление», то это является результатом (1) того, что наши действия были «во многих отношениях *позорными*»; (2) наших «совершенно бессовестных [?] и лживых обвинений против миссионеров»; и (3) нашего «проявления такой безумной ненависти к христианству, которая делала смехотворными их (наши) последующие призывы к всеобщей любви и братству», — вот три обвинения, первое из которых является злобой, нечестивой и совершенно неуместной клеветой, и мы попросили бы автора доказать это утверждение при помощи *безупречных фактов*; второе заявление — лживое и огульное; третье — это весьма неблагоприятное и опрометчивое отождествление, которое мы бы назвали смешением «центра с окружностью», причем христианство — это одно, а христиане — это совсем другое. «Много званых, но немного избранных», — эта аксиома применима к миссионерам и духовенству с много большим основанием, чем к теософии. Должны ли мы в сотый раз повторять, что, верим ли мы во Христа как в Бога или нет, мы имеем не больше «ненависти к христианству», чем к любой другой религии, в которую мы заведомо не верим? И мы *ни во что* не верим вслепую. Мы боремся не против наставлений Христа — столь же чистых, мудрых и добрых, как, в целом, и любые другие, — но против догм и их

самовольных интерпретаций сотнями конфликтующих и совершенно противоположных друг другу сект, называющих себя «христианами», которые, на самом деле, стремятся лишь к власти, удовлетворению амбиций, в лучшем случае, к созданию человеческих организаций. То, что «основано Богом» — если под Богом здесь подразумевается Истина, — «стоит прочно», это совершенно верно. Истина одна, и никакое количество ее искажений и извращений, допущенных «Случайным свидетелем» или даже «Теософистом», никогда не сможет возобладать над Единой Истиной. Но, прежде чем наши истинно добродетельные конкуренты по прессе позволят себе в дальнейшем похвастаться тем, что «церковь преуспевает на своем триумфальном шествии к несомненной победе» (конечно, они имеют в виду лишь свою собственную церковь), мы должны настоять на том, чтобы они доказали, что права именно их секта, и никакая из сотен других, ибо все они не могут быть правы. Для того чтобы подтвердить наши слова и показать, что «церковь», вместо успешного продвижения к «несомненной победе», не только зашла в этом веке в окончательный тупик, но и все больше и больше исчезает из поля зрения, мы приведем здесь признание одного христианского священника. Пусть «Случайный свидетель» опровергнет его, если сможет.

Последующую выдержку из речи, произнесенной недавно в шотландском городе Пейсли преподобным Дэвидом Уотсоном, священником пресвитерианской церкви, можно найти в работе м-ра Таермана «Оправданное свободомыслие».

Великие, мудрые и могущественные не с нами. Я боюсь, что все мы чувствуем это, сколь бы ни печально нам было это говорить; и чем больше мы читаем историю, поэзию, биографию и литературу этого века, тем больше мы убеждаемся в этом. Лучшая мысль, наиболее мудрое знание и самая глубокая философия отбрасывает нашу церковь за ненадобностью. И не то чтобы они занимали враждебную позицию по отношению к нам — ее имеют некоторые, но не все, — но они повернулись к нам спиной со спокойной неприязнью, невысказанным неодобрением и практическим отказом, намного более убедительным, чем это мог бы выразить какой-нибудь многословный человек. Я не упоминаю имен, было бы нечестно делать это, ибо все еще существует социальное клеймо, которым метят человека, пытающегося освободиться от общепринятой веры. Но это ни на йоту

не меняет ничего — великие, мудрые и могущественные не с нами... Они не с нами даже номинально. Они не смотрят на наши небеса, они не страшатся нашего ада. Они ненавидят то, что они называют бесчеловечностью нашей веры, и презирают тот систематизированный спиритуализм, в который мы верим. Они ушли в умозрительный атеизм, ибо они могут там дышать свободнее... Но, заметите вы, они не переходят к практическому атеизму, ибо сколь бы не было им ненавистно название ортодоксии и всего теологического, их сердца слишком великодушны, а их души слишком религиозны — инстинктивно религиозны, — чтобы забыть то благоговение и почтение, которое является должным, подобающим и достойным. Некоторые стали практикующими филантропами и философскими наставниками человечества, поддерживая промышленность, распространяя знание, защищая умеренность и воздержание, основывая организации, которые служат воплощением христианства, способствуя развитию общества тысячами способов, реформируя нравы и создавая человека своего времени и своей страны... Все они совершенно уверены в окончательном спасении человека — это вера, которая вдохновляет их усердно трудиться и испытывать стыд за наше жалкое лицемерие. И все же этих людей — выдающихся умов и великих лидеров человечества — Контов, Карлсйлей, Гете, Эмерсонов, Гумбольдтов, Тиндалей и Гексли, согласно вашей воле, мы называем атеистами; они выпадают из нашей основной христианской церкви, и в нашей пресвитерианской ортодоксии их ставят к позорному столбу как «еретиков» перед Богом и человеком. Почему же эти люди и подобные им находятся за оградой христианской церкви? Не потому, что они негодны — мы сами не лучше; не потому, что они слишком велики — нам это известно; но потому, что мы недостойны их, и силой невежественной толпы их гонят прочь. *Они избегают нас из-за нашего неправильного понимания и упорно искаженного представления о небе, человеке и Боге.* Они чувствуют, что их хорошие манеры не вписываются в наши злобные отношения; они ощущают наше ограниченное видение, сокращающееся и приближающее бесконечный горизонт, и, потому, как некое необходимое условие самого существования своих душ, они обособляют себя от нас и отказываются — а многие из них делают это весьма неохотно, — поклоняться вместе с нами нашему общему Богу.

Это признание честного и благородного человека, который равным образом бесстрашен в своей речи и искренен в своей вере и религии. Для него эта религия представляет истину, но он не смешивает ее с личными качествами ее духо-

венства. Небеса запрещают нам когда-либо выступить против столь правдивого человека, сколь мало мы сами не верили бы в *его* Бога! Но до самого последнего нашего дня мы будем громко протестовать против Муди и Санки, и им подобных. «Мы все виновны в предательстве Христа, и мы все должны придти к нему с веревками, повязанными вокруг наших шей, зная, что мы заслуживаем адского огня», — таково замечание м-ра Томаса Спарджона, которое, как пишет одна сиднейская ежедневная газета, он сделал в своей речи, произнесенной в Протестантском Холле, при содействии Христианского союза молодых людей.

Таковы люди и миссионеры, против которых мы выступаем. Что же касается «бессовестных [?] и лживых обвинений против» последних, то это как раз бессовестное и лживое обвинение, выдвинутое «Случайным свидетелем» против нас. Мы никогда не публиковали ничего задевающего наших друзей, *надре*, не приводя тому веских доказательств. Может ли наш преподобный критик предоставить доказательства хотя бы одного из наших «позорных деяний»? Если же он не может — а он и в самом деле не может, — то, как же тогда должны мы назвать его поступок?

«Случайный свидетель» — в нашем случае *ложный* «свидетель» — говорит, что наши «оккультные представления ... не носили такой характер, который повысил бы мнение о них [нас] среди мыслящих людей или показал, что они [мы] могли бы привести к достижению каких-либо важных или полезных целей». Никогда не совершая «оккультных представлений», но лишь *экспериментируя с оккультными силами* перед немногочисленными личными друзьями и в частных домах — и «Случайному свидетелю» известно об этих опытах не более чем он смог выудить из газеты, изобилующей анекдотами, — мы могли бы совершенно не упоминать об этом. Но мы все же напоминаем его редакторам, что в экспериментальной науке нет явлений более высокого или более низкого порядка; все открытия естественного закона уважаются и превозносятся. Мы полагаем, что «Свидетель» столь высокопарно и напыщенно отзывается о наших экспериментах с «папиросной бумагой» и других, о которых до него дошли слухи. Хорошо; дублирование клочка бумаги или «чашки», или чего-либо

еще — столь же научно и, во всяком случае, по своему положению это явление не ниже, чем мгновенное превращение «пыли земной» во «вшей» или «лягушек», которые, умирая, «пахнут землей»; к тому же это практичнее и, определенно, менее опасно или в меньшей степени ведет к злу, чем превращение воды в вино. Наши опыты были безобидными и научными экспериментами, без малейшей претензии на их божественное или сатанинское происхождение. Напротив, они имели определенную цель рассеять любую веру в «чудеса» или «сверхъестественное», которая является позором в наш век науки. А оккультные фокусы «Моисея, повелевающего *вшами*», и тому подобные чудеса, помимо изначальной низости, привели к тому, что пятьдесят миллионов человек были уничтожены огнем и мечом в течение восемнадцати столетий либо за то, что они не верили в подлинность этого мнимого «чуда», либо потому что они желали повторить его на более научных основах. Но ведь, по ходу дела, наши «представления», которые не являлись ни публичными, ни тем более «чудесами», а наоборот, были научно обоснованны — даже если кажутся «невероятными» на взгляд скептиков, — вовсе не предназначались для того, чтобы возвысить «мнение о нас среди мыслящих людей» (причем под последними, безусловно, подразумеваются исключительно редакторы миссионерской «Случайной» газеты и ее немногочисленные читатели). Очень хорошо, пусть будет так. Наши «призывы к всеобщей любви и братству» являются «смехотворными», потому что мы осудили некоторых невежественных, фанатичных миссионеров, которым намного лучше было бы остаться дома и пахать землю, чем жить за счет труда бедных глупых служанок, которых они запугивают до обморочного состояния своими историями об адском огне. Одну вещь, по крайней мере, отрицать даже «Случайный свидетель» не может. Мы живем не за счет вымогательства или добровольных пожертвований, но работаем для поддержания нашей жизни и теософию проповедуем бесплатно. Мы не принимали и не просили не единого пенса от тех, кто видел наши «оккультные представления» и верит в них; мы также не претендуем на непогрешимость, как наших учений, так и нас самих. Могут ли сказать о себе то же самое христианские миссионеры?

Предполагаемые христианизаторы Индии поступили бы намного мудрее, если бы они последовали примеру своих более разумных собратьев в Америке и Англии! Если бы падре признали истину, как это сделал преподобный Дэвид Уотсон в приведенном выше фрагменте, или рассмотрели религиозные верования своих оппонентов, как поступил преподобный Генри Уорд Бичер в отношении самого смертельного врага христианства — полковника Роберта Дж. Ингерсолла, — тогда «теософы» стали бы их друзьями и проявили бы не больше враждебности по отношению к их мнениям и христианским взглядам, чем они [теософы] проявляют сегодня по отношению к правоверным брахманам, которые также отвергают их [теософов] догмы и взгляды, но чьи Веды, как древнейшая философия и древнейшая книга на земле, пользуется у них [теософов] глубоким уважением. Пространство человеческих представлений, философских и религиозных, широко, и там есть место для всех, чтобы мы не сталкивались друг с другом лбами и носами. Нижеследующий материал является характерным признаком этого века. Мы приводим его из уважаемой нами австралийской газеты «Предвестник света», ученый редактор которой является представителем нашего Теософского общества в Мельбурне:

Генри Уорд Бичер и Ингерсолл, «американский Демосфен», побратались таким способом, который шокировал многие религиозные души и привел в изумление остальных. В «New York Herald» говорится: «Сенсация, произведенная преподобным Г. У. Бичером в Музыкальной академии Бруклина, когда он произнес блестящую хвалебную речь полковнику Роберту Дж. Ингерсоллу и публично пожал ему руку, все еще не утихла». Впоследствии оба эти джентльмена были независимо проинтервьюированы репортером «Herald», который жаждал выяснить, какого мнения они придерживаются друг о друге. По его словам, полковник Ингерсолл заявил: «Я считаю м-ра Бичера величайшим человеком из всех проповедников в мире... Я сказал ему в ту ночь, что я поздравляю мир с тем, что в нем есть священник с достаточно широким интеллектуальным горизонтом и ментальным небом, усыпанным звездами таланта настолько, чтобы с презрением относиться ко всем вероучениям, которые вызывают возмущение в человеческом сердце... М-р Бичер уверен во многих вещах, которые я самым решительным образом отрицаю, но в целом мы верим в свободу мысли. У меня есть два основных воз-

ражения против ортодоксальной религии — рабство здесь и ад там. Я не верю, что м-р Бичер не согласится со мной в этих вопросах. Реальное различие между нами в том, что он говорит — Бог, я говорю — Природа. Подлинное согласие между нами в том, что мы оба говорим — Свобода... Он является великим мыслителем, удивительным оратором, и, по моему мнению, он больше и грандиознее, чем любая вера любой церкви. Мужество — это его величайшее *достоинство*, и я хотел бы жить и умереть его другом».

Об оценке Ингерсолла м-ром Бичером можно сделать вывод со следующих слов: «Я считаю его одним из самых великих людей этого века. Я посвящен в сан и верю в богооткровенную религию. Поэтому я обязан считать всех людей, которые не исповедуют эту религию, впадающими во грех. Но на широкой платформе человеческой свободы и прогресса я должен братски протянуть им свою правую руку. Я готов сделать это тысячекратно. Мне в точности не известны религиозные взгляды полковника Ингерсолла, но я имею о них общее представление. У него есть такое же право свободно мыслить и говорить, как и у меня... Я искренне восхищаюсь Ингерсоллом, потому что он не боится говорить вслух то, что он думает, и мне остается лишь сожалеть о том, что он не думает так же, как я. Мне никогда не доводилось слышать в течение двухчасовой речи столь яркие и сильные слова, как в эту ночь. Я хотел бы, чтобы все мои прихожане были там, чтобы слышать их».

Браво, Атеист и Священник! Вот то, что мы могли бы называть волком и овцой, лежащими вместе.

СОВРЕМЕННЫЕ АПОСТОЛЫ И ПСЕВДОМЕССИИ

Вероятно, на нашей памяти никогда не было периода, который предоставил бы больше «великих миссий» и миссионеров, чем нынешний. Это движение началось, по-видимому, приблизительно сто лет назад. До того времени было опасно делать такие утверждения, которые являются общепринятыми в наши дни. Но пророки того далекого времени были малочисленны и редки по сравнению с теми, которые обнаруживаются сегодня, ибо имя им — легион. Воздействие одного или двух из них было очень сильным; остальных, чьи верования опасно походили на обычную форму лунатизма, — почти незаметным. Все должны понимать большую разницу между Анной Ли, последователи которой процветают в настоящее время, и Джоанной Сауткот, галлюцинации которой уже давно, и в ее собственные дни, вызывали улыбку у разумных людей. Преподобная леди шекеров,¹ «жена» из 12-й гл. Апокалипсиса, учила некоторым истинам среди беспорядочных идей относительно их практического использования. По крайней мере, живя в довольно распушенном веке, она придерживалась идеала чистой жизни, который должен был постоянно взывать к духовной природе и устремлениям человека.

За этим последовал период морального упадка в мессианских представлениях и трудах. Многобрачие, которому учили и которое практиковали Джозеф Смит и Бриджем Янг, было одной из наиболее странных особенностей любого современного откровения, или так называемой религии. Ими, этими водителями слепых, было объяснено религиозное рвение и

¹ *Шекеры*, члены американской религиозной секты. — *Прим. редактора.*

мученичество — одно как отсутствие знания, другое как нечто худшее, чем простая бесполезность. Это было пророчество наиболее необузданных пророков и наиболее ужасных последствий.

С распространением спиритуалистического культа, мессианское безумие значительно увеличилось, в его водоворот были вовлечены равным образом и мужчины и женщины. Сильное желание как-нибудь реформировать религиозный и социальный аспекты мира, личная ненависть к некоторым из его сторон, вера в видения и послания, — и результат налицо; «Мессия» появился как универсальная панацея от всех бед человечества. Если он (иногда она) не делали какого-либо заявления, то его очень часто делали за него. Вынесенная благодаря магнетической силе, красноречию или смелости, единственная идея апостола *pro tempore* [в соответствии с требованиями времени, *лат.*], позволяет принять его, по самым разным причинам, как создателя откровения на час или на долгие времена.

Разжигая возмущение по поводу порабощения женщины в браке, Виктория Вудхалл выступила с провозглашением свободы. Силы, собравшиеся внутри и вокруг нее, противостояли оскорблениям, клевете и угрозам. Каковы были точно ее высказывания, или что она имела в виду, это нелегко понять сегодня. Если она действительно проповедовала свободную любовь — это значит, что она проповедовала женское проклятие. Если же она просто сорвала социальные завесы и выстрелила по лицемерам и ханжам — тогда она сослужила службу для человечества. Человек пал на столь низкий материальный уровень, что сексуальное желание уже невозможно сдержать, — но экзальтация по этому поводу является свидетельством его гибели. Некоторые видели в ее поучениях путь свободы, дорогой для их собственных симпатий и желаний, и их слабости и глупости всегда наносили смертельный удар любой реальной или воображаемой доктрине свободной любви, безразлично, кем бы она ни поддерживалась. Виктория Вудхалл замолчала, и позднейшие ее толкования по поводу Эдемского сада и грехопадения, которыми она нарушила это молчание, не приближаются сколько-нибудь по своей истинности и ясности к вдохновенным находкам Лоуренса Олифанта относительно

значения некоторых из этих древних аллегорий в книге Бытия. Не видя ключа к человеческой жизни в философии реинкарнации, с ее неуязвимой логикой, он обнаруживает некоторые живительные проблески истины в своей «Научной религии».

И все же следует воздать должное Виктории Вудхалл. Она была силой в этой стране, и после ее появления, которое расшевелило мысль в вялых и инертных людях, увеличилась возможность говорить и писать по поводу социальных вопросов и их бесконечных проблем. Столь многочисленные откровенные и действительные глупости создали условия для того, чтобы было выслушано немного мудрости.

После этого на спиритуалистическом горизонте появилось много светил меньшей величины. Некоторые открыто защищали сексуальную свободу и были окружены влияниями наиболее опасного свойства. Мир и счастье многих семей были разрушены этими учениями и никогда больше не возвратились. Они разрушили жизнь слабых и неосторожных, переживших длительные страдания, которых мир ошибочно считал безнравственными. Наконец борьба против наиболее очевидных опасностей спиритуализма стала очень сильной, но хотя и публично осужденный, — Онеида Крик никогда не стала бы популярной! — замаскированный яд прокрался по тайным путям и является одной из первых ловушек в спиритуализме, которых должен опасаться человек, задающий медиумические вопросы. «Духовное родство» должно спасти мир; в то время как оно стало притчей во языцех. Существует ненаписанная история спиритуализма, которую никто из его ловких защитников никогда не обнаружит. Некоторые из их последних мессий и их заявления игнорируются, и их имена едва ли упоминаются, но мы ничего не слышим о том «оранжерейном» процессе, при котором создаются такие аномальные условия. Некоторые из них были поистине жертвами своих верований — это люди, чье мужество и вера в более праведное дело привела бы их, в конце концов, к победе. И некоторые из них похожи на безумные водовороты, в которые рано или поздно попадают неопытные люди. Апофеоз страсти, от горьких плодов которого человеку необходимо все время спасаться, — это несомненный знак нравственной деградации. Свобода любви, связанная с чувственными импульсами, —

это наиболее глубокое рабство. С самого начала природа ограничивала этот путь болезнью и смертью. Несчастное, как бесконечные браки, гнусное, как созданные человеком законы, которые помещают брак на самый низкий уровень, спасение свободной любви — это шепот змея в ухо современной Евы.

Никто не сомневается в том, что существуют аспекты спиритуализма, которые являются полезными в некоторых отношениях. Однако мы не будем этого касаться. Мы указываем сейчас на то направление, в котором он подчеркивал одно общее заблуждение.

Требования окончательного присвоения предсказанного 1881 года, двух свидетелей и женщины, облеченной в солнце, столь разнообразны и многочисленны, что мне нет смысла говорить об этом. Истинное понимание каббалистической аллегории и символики галерей и комнат Великой пирамиды сразу рассеяло бы эти идеи и осветило бы их истинную окраску. Различение белых лучей истины от потока, исходящего из астральной сферы, требует некоторой тренировки, которой обычные сенситивы, будь они явными спиритуалистами или нет, не обладают. Невежество поощряется, и слабый всегда будет поклоняться наглому.

Некоторые из этих апостолов отрицают как спиритуализм, так и теософию; некоторые принимают последнюю, но сочиняют ее заново в своей собственной версии; и некоторые, по-видимому, выросли независимо от какого-либо другого культа, благодаря силе своих собственных или чьих-то иных убеждений.

Никто не может сомневаться в поэтической природе вдохновения Томаса Лейка Харриса. У него разумная голова и поэтическое сердце. Если бы он придерживался высоких требований, он считался бы, по крайней мере, человеком литературного дарования и реформатором, которому желали бы пожать руку другие реформаторы. Его поэма о «Женственности» должна вызвать отклик в каждом вдумчивом сердце. Но требование личного превосходства и авторитета над другими людьми и теории «духовного родства» выбросили его на пустынный, бесплодный берег.

В Соединенных Штатах имеются открыто признанная реинкарнация Будды и открыто признанная реинкарнация

Христа. Оба они имеют последователей; у них часто берут интервью, и о них много говорят. Они и им подобные обладали знаками, озарениями, знанием, необычным для людей, и событиями, указующими явным образом на их конечную участь. В разных местах был даже слух о сверхъестественных рождениях. Но им не хватало проницательных глаз, которые могли бы привести эти факты в должный порядок и правильно истолковать их. Появляются короли, монархи и мечтатели, но никогда нет среди них какого-либо пророка или Даниила. И грустно видеть результат всего этого, ибо кажется, что каждый из них коронует себя сам.

Если бы теософия даже не сделала ничего другого, она бы потребовала человеческой благодарности за то, что она выявила истину и ложь этих психических опытов, раскрытий и заблуждений, прямо перед людьми, и объяснила их *смысл*. Она показала уровень своей зрелости и неопровержимо доказала его многим людям, уровень, который превосходит любые возможности инспирированной психики того, кто может вообразить себя посланником для целого мира. Она поместила личную чистоту на уровень, который заставляет девять из десяти таких претендентов отказаться от всякой мысли о своем предполагаемом наследстве, и показала, что такое условие чистоты, намного превосходящее любой общеизвестный идеал, является абсолютно необходимым и все-существенным основанием духовной интуиции и постижения. Она лишила почвы тех бедных мужчин и женщин, которые прислушивались к так называемым сообщениям ангелов о том, что они являются избранниками небес, и призваны выполнять миссию всемирного значения. Жанны д'Арк, Христосы, Будды и Михаила были вынуждены столкнуться с истиной, о которой они и не подозревали, и способности, которыми они никогда не обладали, проявились в безмолвии и с мощной силой людьми, чьи имена даже не известны истории, и представленные только скрытым ученикам, или им подобным. Перед взором этих пламенных реформаторов стоит нечто более высокое, чем слава — а именно, истина. Было продемонстрировано нечто более высокое, чем даже самый чистый союз между женщиной и женщиной в наиболее духовной форме; речь идет о бессмертном союзе души человека с Богом. Где бы ни распространя-

лась теософия, она не может ни сбить с пути заблудших, ни повести их за собой. Она показывает новый путь, забытую философию, которая жила многие века, знание психической природы человека, открывающего в себе подобие подлинного католического святого и спиритуалистического медиума, осуждаемого церковью. Она собирает вместе реформаторов, проливает свет на их пути, учит их тому, как наиболее эффективно трудиться ради желаемой цели, но запрещает кому-либо присваивать себе корону или скипетр, и освобождает от бесполезного тернового венца. Месмеризмы и астральные влияния отступают, и небо становится достаточно чистым для высочайшего света. Она заставляет умолкнуть возгласы: «А вдруг здесь! а вдруг там!» — и заявляет, что Христос, как Царствие Небесное, находится внутри. Она оберегает и использует каждое устремление и каждую способность человека для блага человечества и показывает ему, как это надо сделать. Она низвергает временный пьедестал и заботится о человеческом существе, имея под собой твердую почву. Таким образом, в этом, как и во всех других отношениях, она является истинным освободителем и спасителем нашего времени.

Перечисление различных «мессий», их трудов и верований, заняло бы много томов. В этом нет необходимости. Когда требования вступают в конфликт, тогда все они не могут быть истинными. В некоторых учениях ошибок меньше, чем в других, и это почти единственное различие между ними.

Разумно мыслящие люди, не говоря о теософах, могут быть уверены в одном. А именно в том, что служение человечеству является самодостаточным вознаграждением для них; и что самый громкий звук издают пустые горшки. Если знать хотя бы немного о философии жизни, о человеческих возможностях исправлять зло и учить людей, если понимать, как пробираться по запутанному лабиринту жизни на этой земле и достигать чего-либо, приносящего длительную и *духовную* пользу, это наверняка избавит от всякого желания или мысли о том, чтобы выдать себя за посланного с небес спасителя народа. Ибо даже очень малое понимание себя, в действительности, является «уравнителем», более демократичным, чем этого могли бы пожелать даже самые крайние радикалы. Лучшие из известных реформаторов-практиков несправедливостей внеш-

него мира, таких как рабство, лишение прав женщин, узаконенная тирания, угнетение бедных, никогда не помышляли о том, чтобы их принимали за мессий. Слава, которая ничего не стоит сама по себе, непрошено следовала за ними, ибо дерево известно по его плодам, и по сей день «их труды сопровождают их». К душе, растрачивающей себя ради других, можно отнести эти великие слова поэта:

Избрав покой, ты навсегда оставишь
Те силы, что трудились на тебя;
Твои великие союзники — и на земле, и в небе,
И меж землей и небом — тебя забудут;
Твои друзья — неукротимый разум,
Восторг борьбы и светлая любовь!

С приходом теософии, мессиомания, несомненно, доживает свой последний день, и уже виден ее роковой конец. Ибо если она учит, или учила, чему-либо со всей откровенностью, так это тому, что «первый станет последним, а последний — первым». И перед лицом подлинного духовного роста и истинного вдохновения теософ возрастает в своей силе, чтобы поистине помочь своим братьям; при этом он становится наиболее скромным, наиболее молчаливым и наиболее сдержанным из людей.

Спасители своего народа, в известном смысле, жили и будут жить. Таким образом, случаи, когда известность была целесообразной или возможной, крайне редки. Поэтому, лишь глупцы кидаются туда, где «боятся ступить ангелы».

БЫЛ ЛИ КАЛИОСТРО ШАРЛАТАНОМ?

Прогнать обиженного прочь и не пытаться
Зло, причиненное ему, исправить,
Кем ни был бы обидчик, и обида
Какою бы туманной ни была,
Порочного и слабого достойно —
Марает честь, и низлагает короля.

Смоллетт

Упоминание имени Калиостро производит двойной эффект. Одних людей оно наводит на воспоминание обо всей череде удивительных событий, произошедших с самых древних времен; у других, современных потомков чересчур реалистического века, имя Алессандро, графа Калиостро, вызывает удивление, если не презрение. Люди неспособны понять, как этот «чародей и маг» (читай «шарлатан») мог когда-то закономерно производить такое воздействие, какое он оказывал на своих современников. Это даст нам ключ к пониманию посмертной репутации сицилийца, известного как Джозеф Бальзамо, той репутации, которая заставила верящего в него брата-масона сказать, что (подобно принцу Бисмарку и некоторым теософам) «Калиостро мог бы быть назван самым оскорбляемым и ненавидимым человеком в Европе». Тем не менее, и невзирая на моду наделять его ругательными и оскорбительными именами, никто не должен забывать о том, что среди его горячих поклонников были Шиллер и Гете, и они оставались таковыми до самой своей смерти. Гете во время своего путешествия на Сицилию потратил много сил и времени, собирая информацию о «Джузеппе Бальзамо» на его предполагаемой родине; именно на основе этих многочисленных записей создатель «Фауста» написал свою пьесу «Великий Кофта».

Почему же этому удивительному человеку оказывается столь мало чести в Англии? Благодаря Карлейлю. Самый страшный и правдивый историк своего века, который ненавидел ложь в любом обличье, закрепил *imprimatur* [«печатью», лат.] своего честного и знаменитого имени, и таким образом освятил наиболее несправедливую из исторических несправедливостей, совершенных благодаря предрассудкам и фанатизму. Это произошло из-за ложных сообщений, подавляющее большинство которых исходило от того класса людей, которых он ненавидел не меньше чем неправду, а именно от иезуитов, или — воплощенной лжи.

Само имя Джузеппе Бальзамо, преобразованное при помощи каббалистических методов, означает: «Тот, кто был послан», или «Данный», а также «Господин Солнца», — показывает, что оно не было его истинным родовым именем. Как отмечает Кеннет Р. Х. Макензи,¹ член Теософского общества, к концу прошлого столетия среди некоторых теософских профессоров того времени установилась мода транслитерировать в восточной форме любое имя, которое давалось оккультными братствами своим ученикам, предназначенным для работы в миру. И кто бы ни был отцом Калиостро, его звали не «Бальзамо». Во всяком случае, в этом можно быть уверенным. Кроме того, поскольку известно, что в юности он жил вместе с человеком, которого называли, предположительно, Алтотом, или «великим герметическим мудрецом», или, другими словами, адептом, и получал от него наставления, нетрудно поверить преданию о том, что именно этот последний и дал Калиостро его символическое имя. Но что еще более очевидно, так это то уважение, которым он пользовался у некоторых наиболее ученых и прославленных людей своего времени. Во Франции мы обнаруживаем, что Калиостро — который был до этого личным другом и помощником химика в лаборатории Пинто, гроссмейстера Мальтийского ордена — стал другом и *протезе* кардинала де Рогана. Его почтил своей поддержкой и дружбой некий высокородный сицилийский принц, как и многие другие титулованные лица. «Возможно ли тогда», —

¹ Кеннет Роберт Хендерсон Маккензи: «Королевская масонская энциклопедия», Лондон, 1875-1877 гг. — *Прим. редактора.*

задает вполне уместный вопрос м-р Макензи, — «чтобы человек со столь обаятельными манерами мог быть лживым обманщиком, как это пытались доказать его враги?»

Главной причиной всех его жизненных трудностей был его брак с Лоренцой Феличиани, которая была орудием в руках иезуитов; и двумя меньшими причинами были его исключительно добрая натура и та слепая доверчивость, которую он проявлял в отношении своих друзей — некоторые из которых стали предателями и его непримиримыми врагами. Никакое из тех преступлений, в которых его обвиняли, не привело к уменьшению его славы и к ухудшению его *посмертной* репутации; но все это произошло из-за его слабости к недостойной женщине и обладания тайнами природы, которые он не разгласил церкви. Будучи уроженцем Сицилии, Калиостро, естественно, был рожден в римско-католической семье (неважно, какова была их фамилия) и был взят к себе монахами «Кастильонского доброго братства», как нам рассказывают его биографы; таким образом, ради спокойной жизни он должен был внешне исповедовать верования церкви и оказывать ей уважение, поскольку традиционная политика последней всегда определялась лозунгом: «кто не *с нами*, тот *против нас*», и она немедленно уничтожала в зародыше своих врагов. И все же, в связи с этим, Калиостро и по сей день обвиняют в том, что он служил иезуитам в качестве шпиона; и это делают масоны, которые должны бы в последнюю очередь возводить подобные обвинения против ученого брата, который преследовался Ватиканом даже в большей степени как масон, чем как оккультист. Если это было так, то почему те же самые иезуиты до сих пор поносят его имя? И если он служил им, то как могло случиться, что он не оправдал возложенных на него надежд, поскольку человек такого бесспорного интеллектуального дарования не мог бы плохо справиться с поставленной задачей или игнорировать *приказания тех, кому он служит*? Но что же мы видим вместо этого? Калиостро обвиняют в том, что он был самым ловким и удачливым обманщиком и шарлатаном своего века; в том, что он принадлежал к отделению иезуитского ордена в Клермонте во Франции; в том, что он появился (как доказательство его связи с иезуитами) в церковном облачении в Риме. И все же, этот «ловкий обман-

щик» был подвергнут испытанию и приговорен — усилиями тех же самых иезуитов — к постыдной смерти, которая впоследствии была заменена всего лишь на пожизненное заключение из-за таинственного вмешательства или воздействия, которое было оказано на папу!

Не более ли милосердным и согласным с истиной было бы сказать, что именно его связь с восточной оккультной наукой, его знание многих секретов — губительных для церкви — и вызвало сначала преследования Калиостро иезуитами, и, в конце концов, столь суровые меры со стороны церкви? Именно его чистосердечие, которое делало его слепым по отношению к недостаткам тех, о ком он заботился, заставившее его поверить двум таким мошенникам, как маркиз Аглиато и Оттавио Никастро, и лежит в основе всех тех обвинений во лжи и мошенничестве, которые ныне расточаются в его адрес. И все преступления этих двух «героев» — впоследствии казненных за невиданное надувательство и убийство — ныне сваливают на Калиостро. Тем не менее, известно, что он и его жена (в 1770 г.) остались без средств в результате бегства Аглиато со всеми их денежными сбережениями, и были вынуждены просить милостыню во время своего пребывания в Пьемонте и Женеве. Кеннет Макензи убедительно доказал, что Калиостро никогда не принимал участие в политических интригах, — которые являются самой сутью деятельности иезуитов. «Он, безусловно, был совершенно неизвестен в таком своем качестве тем, кто ревностно охранял архивы, связанные с подготовкой Революции, и поэтому представление о нем, как о защитнике революционных принципов, лишено всякого основания». Он был просто оккультист и масон, и как таковой, он пострадал от рук тех, кто, добавляя оскорбления к несправедливости, сначала попытались убить его при помощи пожизненного заключения, а затем распространили слух о том, что он был их презренным агентом. Эта хитроумная затея по своей дьявольской изощренности была вполне достойна своих первоначальных авторов.

Есть в биографиях Калиостро много вех, которые свидетельствуют о том, что он учил восточной доктрине о «принципах» в человеке, о «Боге», заключенном в человеке, — как потенциальности *in actu* [в действии, *лат.*] («высшее я»), — и

в каждом живом существе и даже атоме, — как потенциальности *in posse* [возможности, *лат.*], — и что он служил Учителям Общины, которых он *не назвал*, потому что согласно данному им обету *он не мог* этого сделать. Доказательством этого является его письмо к новому мистическому, а скорее, разношерстному братству (к ложе) *филалетов* [любителей истины, *греч.*]. Филалеты, как это известно всякому масону, были основаны на церемонии в Париже в 1773 году в *Loge des Amis Réunis*, базирующейся на принципах мартинизма,¹ члены которой специально изучали оккультные науки. Материнская ложа была философской и *теософской* ложей, и потому Калиостро был прав в своем стремлении очистить ее отпрыска, ложу филалетов. Вот что говорится по этому поводу в «Королевской масонской энциклопедии»:

«15 февраля 1785 года ложа филалетов на торжественном заседании, в присутствии Лавалетта де Ланжа, королевского казначея, банкира Тассина и королевского чиновника Тассиана, открыла братское собрание в Париже... Князя (русские, австрийские, и др.), отцы церкви, советники, рыцари, финансисты, адвокаты, бароны, теософы, каноники, полковники, профессора магии, инженеры, писатели, доктора, купцы, почтмейстеры, герцоги, послы, хирурги, преподаватели языков, судебные исполнители, и, особенно, две лондонские знаменитости — Боасье, оптовый торговец, и Брукс из Лондона — участвовали в этом собрании, а также мосье граф де Калиостро и Месмер, «изобретатель», — как отзывается о нем Тори,² — «учения о магнетизме!» Без сомнения, там собрались весьма достойные люди, способные привести мир в порядок, какого никогда не видела Франция ни до, ни после того!»

Недовольство ложи было вызвано тем, что Калиостро, сперва предложивший взять на себя заботу о ней, отказался от своих предложений, так как «собрание» не приняло постановления о египетском ритуале, а также из-за того, что *филалеты* не согласились предать огню свои архивы, — что было его *sine qua non* [непременным, *лат.*] условием. Кажется весьма

¹ Мартинисты были мистиками и теософами, которые утверждали, что они обладают тайной установления связи с (элементарными и планетарными) духами запредельных сфер. Некоторые из них были практикующими оккультистами.

² «Acta Latomorum», том II, стр. 95.

странным, что его ответ этой Ложе рассматривается братом К. Р. Х. Макензи и другими масонами, как исходящий «из иезуитского источника». Сам его стиль является восточным, и никто из европейских масонов — и менее всего, иезуиты — не мог бы написать в подобной манере. Ответ был такой:

«...Неведомый великий магистр истинного масонства бросил свой взор на филалетиан... Тронутый искренностью открытого признания их желаний, он соизволил простереть свою руку над ними, и согласился пролить луч света в темноту их храма. Это есть желание неведомого гроттмейстера, *показать им существование единственного Бога* — основы их веры; *первоначальное достоинство человека; его силы и его предназначение*... Показать, что они познают через действия и факты, благодаря свидетельству органов чувств — БОГА, ЧЕЛОВЕКА и *промежуточные духовные существа (принципы), находящиеся между ними*; всему этому истинное масонство дает символические значения и указывает истинный путь. Пусть же филалеты примут учения этого истинного масонства, подчинятся правилами его высшего руководителя, и примут его постановления. Но прежде всего да будет очищено Святилище, и пусть филалеты знают, что свет может снизойти лишь на Храм Веры (основанной на знании), а не на Храм Скептицизма. Пусть они предадут огню бесполезные и ненужные залежи своих архивов; ибо лишь на руинах Башни Беспорядка может быть воздвигнут этот Храм Истины».

В оккультной фразеологии некоторых оккультистов «Отец, Сын и Ангелы» обозначают сложный символ физического и астро-спиритуального ЧЕЛОВЕКА.¹ Этот термин использует Иоган Георг Гихтель (конец XVII в.), страстный поклонник Бёме, провидца, о котором св. Мартин говорил, что он был *женат* «на небесной Софии», Божественной Мудрости. Таким образом, становится очевидным, что подразумевал Калиостро, желая показать филалетам на основании их собственных «чувств», упоминая «Бога, человека и *промежуточных* Духовных существ», которые являются посредниками между Богом (*атмой*) и Человеком (*эго*). Не сложнее понять и истинный смысл его слов, в которых он упрекает братьев в своем прощальном письме:

«Мы предложили вам истину; вы пренебрегли ею. Мы предложили ее ради ее самой, и вы отвергли ее *из-за любви к формально-*

¹ Чтобы лично убедиться в этом, см. «Три принципа» и «Семь форм природы» Бёме, и попытайтесь понять их оккультное значение.

стям... Можете ли вы возвыситься до (*вашего*) Бога и самопознания, опираясь на вашего секретаря и собрание?» и т. д.¹

Существует множество абсурдных и совершенно противоречивых утверждений о так называемом Джозефе Бальзамо, графе де Калиостро, некоторые из которых были собраны Александром Дюма для его «Записок некоего врача», с такими многочисленными отклонениями от истины и факта, которые столь характерны для романов Дюма-отца. Но хотя мир и обладает в высшей степени разнообразной и многочисленной информацией, относящейся практически ко всей жизни этого в высшей степени замечательного и глубоко несчастного человека, все же о его последних десяти годах и о его смерти не известно ничего определенного, кроме одной лишь легенды, согласно которой он окончил свои дни в тюрьме инквизиции. Поистине, некоторые фрагменты, недавно опубликованные итальянским *savant* [ученым, *ит.*], Джованни Сфорца, из частной корреспонденции Лоренцо Просперо Боттини, римского посла республики Лукка в конце прошлого столетия, отчасти восполняют этот большой пробел. Эта переписка с генеральным канцлером вышеупомянутой республики, Пьетро Каландрини, началась в 1784 году, но действительно интересная информация появляется только в 1789 году, в письме, датированном 6 июня данного года, и даже тогда мы узнаем не так уж и много.

В нем сообщается о «прославленном графе ди Калиостро, который недавно прибыл из Трентона *viâ* [через, *ит.*] Турин в Рим. Люди говорят, что он уроженец Сицилии и удивительно богат, но никто не знает, откуда это богатство. У него было рекомендательное письмо от епископа г. Трентона к епископу г. Олбани... До сих пор его ежедневные занятия, также как и

¹ Утверждение, сделанное на основании авторитета Бесвика, что Калиостро был связан с *Loge des Amis Réunis* под именем графа Грабионка, не доказано. В то время во Франции был польский граф, носящий такое имя, мистик, который упоминается в письмах мадам де Крюднер, хранящихся у семьи писательницы, и который принадлежал, по словам Бесвика, вместе с Месмером и графом Сен-Жерменом, к ложе филалетов. Где находятся рукописи Лавалетта де Ланжа и документы, оставшиеся после его смерти, связанные с философской шотландской церемонией? Потеряны?

его личный статус, и общественное положение, безупречны. Многие ищут встречи с ним, чтобы из его собственных уст услышать подтверждение того, что о нем говорят». Из другого письма мы узнаем, что Рим оказался неблагоприятным городом для Калиостро. У него было намерение обосноваться в Неаполе, но этот план не был осуществлен. Ватиканские авторитеты, которые до тех пор оставляли в покое графа Калиостро, внезапно наложили на него свою тяжелую длань. В письме от 2 января 1790 года, то есть через год после прибытия Калиостро, говорится, что: «в последнее воскресенье в совете в Ватикане происходили тайные и совершенно необычные дебаты». Он (совет) состоял из госсекретаря и Антонелли, Пиллотта и Кампанелли; обязанности секретаря выполнял монсиньор Фиджеренти. Предмет рассмотрения на этом тайном совете оставался в секрете, но слухи утверждали, что он был созван по причине внезапного ареста в ночь с субботы на воскресенье графа ди Калиостро, его жены и капуцина Фра Джузеппе Мавриджио. Граф был заключен в форт Сен-Анджело, графиня — в монастырь св. Аполлония, а монах — в тюрьму Арачели. Этот монах, который называл себя «отцом Свиззеро», считался сообщником знаменитого мага. В число преступлений, в которых его обвиняли, включено было обвинение в распространении некоей книги неизвестного автора, осужденной на публичное сожжение и озаглавленной: «Три Сестры». Цель этой книги — «стереть в порошок три определенные персоны знатного происхождения».

Легко догадаться об истинном значении этого в высшей степени неправильного толкования. Это была работа по алхимии; «три сестры» символически обозначают три «Принципа» в своем двойном символизме. В оккультной химии они «распыляют» тройной ингредиент, используемый в процессе трансмутации металлов; на духовном плане они уничтожают три «низших» *персональных* «принципа» в человеке, — это объяснение, которое должно быть понятно любому теософу.

Суд над Калиостро затянулся надолго. В письме от 17 марта Боттини пишет своему корреспонденту в Лукку, что знаменитый «чародей» в конце концов предстал перед святой инквизицией. Действительная причина затягивания судопроизводства была в том, что инквизиция, при всей своей ловко-

сти в фабрикации доказательств, не могла найти веских свидетельств, чтобы доказать вину Калиостро. Тем не менее, 7 апреля 1791 года он был приговорен к смерти. Он был обвинен в различных и многочисленных преступлениях, самым главным из которых было то, что он масон, «иллюминат»¹ и «чародей», занимающийся противозаконными и запрещенными исследованиями; он был также обвинен в высмеивании *святой Веры*, в причинении вреда обществу, в обладании большой суммы денег *неизвестного происхождения*, и в том, что он подстрекал других людей, невзирая на их возраст, пол и социальное положение, следовать ему. Короче говоря, мы видим несчастного оккультиста, приговоренного к позорной смерти за свершенные им дела, подобные которым, ежедневно и публично, по сей день творятся многими великими магистрами масонов, равно как и сотнями тысяч мистически настроенных каббалистов и масонов. После этого приговора, «архиеретические» документы, дипломы от иностранных дворов и обществ, масонские регалии и *семейные реликвии* были торжественно сожжены общественными палачами на пьядца делла Минерва, перед огромными толпами народа. Сначала были уничтожены его книги и инструменты. Среди прочих был манускрипт: *Maçonnerie Egyptienne* [«Египетское масонство»], который, таким образом, не мог больше служить свидетельством *в пользу* опороченного человека. После этого осужденный оккультист должен был бы перейти в руки гражданского трибунала, если бы не случилось таинственное событие.

Некий чужестранец, которого никто никогда не видел в Ватикане ни до, ни после того, появился и потребовал личной аудиенции у папы, послав ему через кардинала-секретаря некое *слово* вместо имени. Он был немедленно принят, но остался у папы лишь несколько минут. Он ушел не раньше, чем его святейшество отдал распоряжение заменить смертный приговор графу на пожизненное заключение в крепости, называемой замком Сен-Лео, и чтобы вся эта операция была проведена в великой тайне. Монах Свиззеро был осужден на десятилетнее заключение; а графиня Калиостро была выпущена

¹ Член тайного религиозно-политического общества в Баварии во второй половине XIII в. — *Прим. редактора.*

на свободу, но только для того, чтобы ее снова заключили в монастырь по новому обвинению в ереси.

Но каким был этот замок Сен-Лео? Он находится на границе нынешней Тосканы, в то время, в герцогстве Урбино папского государства. Он построен на вершине огромной скалы, почти отвесной со всех сторон; чтобы попасть в «замок» в те дни, надо было забраться в своего рода открытую корзину, которая поднималась при помощи канатов и блоков. Что же касается преступника, то его помещали в специальный ящик, после чего тюремщик поднимал его «со скоростью ветра». 23 апреля 1792 года Джузеппе Бальзамо — если мы можем так называть его — вознесся *на небеса* в ящике для преступников, и был навечно заточен в этой могиле для живых. Последний раз Джузеппе Бальзамо упоминается в корреспонденции Боттини в письме, датированном 10 марта 1792 года. Посол рассказывает о чуде, совершенном Калиостро в своей тюрьме во время отдыха. Длинный заржавленный гвоздь, вытащенный узником из двери, был превращен им без помощи каких-либо инструментов в остроконечный трехгранный *стиллет*, столь же гладкий, блестящий и острый, как если бы он был сделан из превосходной стали. В нем можно было опознать старый гвоздь лишь по его шляпке, оставленной узником для того, чтобы удобнее было держать его в руке. Госсекретарь приказал отнять его у Калиостро и доставить в Рим, удвоив наблюдение за последним.

И вот пришло то время, когда осел смог последний раз пнуть умирающего, или уже мертвого, льва. Луиджи Анголини, тосканский дипломат, так описывает это:

«В конце концов, этот самый Калиостро, который делал такой вид, словно он был современным Юлием Цезарем, обзаведясь такой славой и столь многими друзьями, умер от апоплексического удара 26 августа 1795 года. Семирони похоронил его внизу в деревянном сарае, из которого крестьяне частенько воровали королевское добро. Хитрый капеллан очень точно рассчитал, что человек, который во время своей жизни внушал такой суеверный страх всему миру, будет внушать людям то же самое чувство и после своей смерти, и таким образом охранит его от воров...»

Но вот — вопрос! Действительно ли Калиостро умер и был погребен в 1795 году в замке Сен-Лео? И если это действ-

вительно так, то почему зрители замка Сен-Анджело в Риме показывают наивным туристам небольшую квадратную тюремную камеру, в которой, по их словам, был заточен и «умер» Калиостро? Откуда такая неуверенность или — обман, и такое разногласие в легендах? Некоторые итальянские масоны по сей день рассказывают об этом странные истории. Одни уверяют, что Калиостро необъяснимым образом исчез из своей поднебесной тюрьмы, вынудив, таким образом, своих тюремщиков распространять заведомо ложные сообщения о своей смерти и погребении. Другие доказывают, что он не только исчез, но, благодаря Эликсиру Жизни, жив и поныне, хотя ему должно быть уже более ста двадцати лет!

«Почему бы», — задается вопросом Боттини, — «если ему действительно были подвластны те силы, которые он сам себе приписывал, ему на самом деле не исчезнуть из-под надзора своих тюремщиков, и, таким образом, не избежать столь унижительного наказания?»

Мы слышали о другом узнике, более великом во всех отношениях, чем Калиостро когда-либо претендовал стать при жизни. Об этом узнике тоже говорили, насмехаясь:

«Других спасал, а Себя Самого не может спасти... пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него...»¹

Доколе еще милосердные и доброжелательные люди будут творить биографии живых и разрушать репутации почивших, с таким несравненным равнодушием, опираясь на безосновательные, а зачастую и полностью лживые сплетни о людях, оставаясь при этом, как правило, рабами предрассудков!

До тех пор, мы вынуждены думать, пока они остаются в неведении о законе кармы и его железной справедливости.

¹ От Матфея, 27:42. — Прим. редактора.

САМЫЙ ДРЕВНИЙ ИЗ ХРИСТИАНСКИХ ОРДЕНОВ

Стремясь докопаться до сути всех вещей, включая этимологию их названий, и воздавая должное всем религиозным и философским системам без предубеждения, ограничения и пристрастия, мы рады сообщать миру о новом открытии, которое сделал недавно в этой области один наш молодой христианский подписчик. По всей видимости, это ученый-богослов с немалыми добродетелями, бывший ученик Колледжа св. Ксавье в Бомбее, и именно благодарность «добрым отцам-иезуитам», возможно, побудила его потратить свое время и труд на открытие способов, ведущих к еще большему прославлению его бывших профессоров. Он собрал «такое количество исторических и неопровержимых фактов», насколько это было в его силах; фактов, которые предназначены образовывать, по его словам, «в некоем отдаленном будущем [когда в Индии денег будет больше, а рупия будет выше цениться в Европе?] необходимый материал для нового и более обширного биографического и генеалогического очерка об этой самой замечательной организации мудрецов, который затмит все то, что было написано до сих пор ее почитателями». Между тем, открыв один из фактов «величайшей важности», он любезно посылает его нам с тем, чтобы он появился в нашем «теоретическом журнале».

Мы спешим исполнить его невинное и справедливое желание, тем более что эта тема имеет непосредственное отношение к тому направлению исследований, которыми мы занимаемся наиболее скрупулезно, то есть, прославлению и распознаванию того, что принадлежало к временам седой древности и пользовалось тогда уважением, а ныне отрицается, извращается и преследуется неблагодарным человечеством нашего материалистического века. Он пришел к выводу, опи-

раясь на авторитет Святой Библии, что «Общество Иисуса» — этот самый знаменитый и влиятельный из всех религиозных орденов — не было основано Игнатием Лойолой, как это в настоящее время ошибочно предполагается всеми, но было лишь «оживлено и восстановлено под тем же самым названием» этим святым, а затем утверждено Папой Павлом III в 1540 г.». Данное заявление молодого этимолога, подтверждающее древность этого ордена, и, следовательно, его право на наше уважение и на обладание всеобщим авторитетом, показывает его неясные очертания сквозь дымку того, что он называет «первой исторической переписью», сделанной по распоряжению самого Господа Бога, вследствие «блудодействия и идолопоклонства Израилева». Мы приносим извинение нашим читателям, но мы приводим цитаты из письма, в котором, в свою очередь, цитируется Святое Писание (Числа, гл. 25). Мы полагаем, что наш юный благочестивый друг не обидится, если мы из уважения к читателю отберем лишь основные факты из его длинного сообщения.

Оказывается, что Господь Бог сказал Моисею: «Возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем[?], и отвратится от Израиля ярость гнева Господня», и затем Финеес (внук Аарона священника), взяв копье, пронзил им, в соответствии с желанием Господа, «сына Израилева» и мадианитянку «в чрево ее»: и моровая язва, которая унесла 24 000 человек, немедленно оставила «сынов Израилевых». Это прямое вмешательство руки Провидения дало прекрасные результаты, и мы рекомендуем этот план оздоровления при помощи копья департаменту здравоохранения. Благодаря этому похвальному поступку — протыканию тела женщины оружием (женщины, вина которой, как мы поняли, состояла лишь в том, что она была мадианитянкой), — который принес «искупление народу Израиля», Финеес, кроме «завета мира», получил немедленно «завет священства вечного, за то, что он показал ревность по Боге своему». И это оказало влияние на дальнейшее историческое и политическое развитие.

Господь Бог, приказавший Моисею «враждовать с мадианитянами и поражать их», так как они были столь несносны, что «враждебно поступили» с избранным народом, «в коварстве своем... прельстив Хазвою», которую они убили, «доче-

рю начальника мадиамского, сестрою своею», впоследствии распорядился провести перепись.

Сегодня в переписи нет ничего экстраординарного, кроме некоторых больших или меньших неудобств, которые она приносит пересчитываемым. Недавно мы благополучно пережили одну из них в Бомбее, проведенную по предписанию хоть и не божественной, но все же не менее повелительной власти. Но едва ли можно с уверенностью предсказать, не вызовет ли она после себя столь же ужасающее развитие событий, как и ее еврейский прототип. Открытие, обнародованное нашим корреспондентом, несомненно предоставит д-ру Фарру, который, в нашем представлении, является начальником службы регистрации акта гражданского состояния Великобритании и Ирландии, свежее доказательство важности статистической науки, поскольку она дает нам возможность как-нибудь предложить посильную помощь нашим археологам и доказать глубокую древность иезуитского принципа: «цель оправдывает средства». Но в чем заключается подлинная важность Моисеевой переписи, так это в той бесспорной услуге, которую с ее помощью оказал наш юный друг римско-католическому миру и старым французским маркизам из предместья Сен-Жермен в Париже, тем набожным аристократкам, которые совсем недавно испытали неудобства содержания в тюрьме за то, что избили и украсили фингалами полицейских, изгонявших скрытных сынов Лойолы из их укрепленных жилищ.

Снабдить иезуитский религиозный мир таким доказательством древнего происхождения — это значит дать им самое сильное оружие против неверующих и заслужить полную благосклонность Папского Престола. И это сделал наш юный друг, чего не осмелится отрицать ни один скептик перед лицом следующего свидетельства:

Когда Моисей и Елезар, сын Аарона, приступили к подсчету сынов Израилевых, всех тех, кто был «годен для войны», они «исчислили всех», кто «вышел из земли Египетской». Мы обнаруживаем (Числа, гл. 26), что после перечисления 502 930 человек, они начали считать сынов «Асировых» (стих 44); «сыны Асировы по поколениям их: от Имны поколение Имнино, от Ишвы (Jesui) поколение Ишвино (Jesuites, ИЕЗУИТОВ!!)». Они (сыны Асировы) насчитывают 53 400

человек и входят в «шестьсот одну тысячу семьсот тридцать» (стих 51) тех, кто «были исчислены Моисеем и Елеазаром священником, которые исчисляли сынов Израилевых на равнинах Моавитских у Иордана, *против* Иерихона» (стих 63).

Вывод из всего вышеизложенного просто сокрушителен для протестантов — естественных врагов добрых отцов-иезуитов. Мы не только видим, что орден иезуитов имел честь возникнуть, на основании авторитета Богооткровенной Книги, *против* Иерихона и выйти за его пределы, в то время как отечество реформированной веры может похвастаться только «откровениями барона Мюнхгаузена», но и этот текст наносит смертельный удар по протестантскому прозелитизму. Ни один любитель глубокой старины, или почтительно относящийся к древнему и благородному происхождению, не захочет связать свою веру с деноминацией, основателем которой является всего лишь квазисовременный Лютер или Кальвин, если он может отдать себя делу единственно сохранившихся потомков одного из «пропавших колен», которые «вышли из страны Египетской». Они не смогут восстановить свое безнадежно утраченное основание, если они — что, впрочем, мало вероятно — не подружатся и не соединят свои усилия с некоторыми археологами теософского толка. Исходя из нашей общеизвестной беспристрастности (если не сказать полным безразличии) и к католикам, и к протестантам, мы могли бы дать им дружеский намек, как доказать родство их преподобного епископа Гебера с семьей «Хеверовой», потомками «Хевера, сына Вери» (стих 45), которых подсчитывали сразу после семьи Ишвы, или «иезуитов»; и в том случае, если благородный епископ Трансвааля откажется иметь в *своих* предках столь пеструю компанию, наши друзья, протестантские «падре», всегда могут заявить, что прозектор Пятикнижия вставил фрагменты этой главы в Книгу Чисел на досуге — в чем мы, поистине, уверены.

ТЕОСОФИЯ ИЛИ ИЕЗУИТИЗМ?

«Изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекой, или богам Аморреев». (Иисус Навин, 24:15.)

«Тринадцатый номер «Лотоса», общепризнанного теософского органа, среди многих статей, представляющих бесспорный интерес, содержит некий ответ мадам Блаватской аббату Рока. Выдающийся писатель, наиболее известная женщина из всех, которых мы знаем,¹ обсуждает следующий вопрос: «Существовал ли когда-либо Иисус?»² Она детально опровергает христианскую легенду, апеллируя, по крайней мере, к неоспоримым источникам, которыми обычно пренебрегают религиозные историки.

Эта статья произвела основательную сенсацию в католическом и иудео-католическом болоте: нас это не удивляет, поскольку аргументы автора, подобные этим, трудно опровергнуть, даже тому же самому закаленному в спорах византийскому богословию». («Париж», вечерняя газета от 12 мая 1888 г.)

Ряд статей, одна из которых упомянута в приведенной выше цитате из известной французской вечерней газеты, был первоначально вызван статьей аббата Рока в «Лотосе», перевод который был опубликован в январском номере «Люцифера».³

¹ Скромная названная личность выражает свою благодарность редактору «Парижа»: не так много места для лестного отзыва, высказанного, к редкому удивлению, чтобы имени "Блаватской", на этот раз, не предшествовали и не сопровождали его всевозможные из обычных оскорбительных эпитетов и прилагательных, которые высококультурные английские и американские газеты и их джентльмены-редакторы так любят увязывать с упомянутой фамилией.

² Вопрос, скорее, был сформулирован так: "Существовал ли когда-либо исторический" Иисус?

³ Аббат Рока: «Эзотеризм христианской догмы», стр. 160-173, «Лотос», Париж, том II, № 9, декабрь, 1887. — *Прим. редактора.*

Эти статьи, как и следовало ожидать, разбередили дремлющую вражду. Особенно их появление задело иезуитскую партию во Франции. Некоторые корреспонденты писали нам, привлекая наше внимание к той опасности, которой подвергают себя теософы, восставая против таких страшных и могущественных врагов. Некоторые из наших друзей хотели бы, чтобы мы хранили молчание по этим вопросам. Однако не такова наша политика, и такой она никогда не будет. Поэтому мы воспользуемся представившимся случаем для того, чтобы раз и навсегда заявить о тех взглядах, которых придерживаются теософы и оккультисты в отношении Общества Иисуса. В то же самое время, всем тем, кто в великой жизненной пустыне бессмысленных мимолетных удовольствий и пустых условий преследует *идеал, ради которого стоит жить*, предлагается сделать выбор между двумя вновь выросшими сегодня силами — альфой и омегой двух противоположных концов царства непостоянного, тщетного существования — ТЕОСОФИЕЙ и ИЕЗУИТИЗМОМ.

Ибо в пространстве интеллектуальных и религиозных занятий они являются единственными светилами — *доброй* и *злой* звездой, поистине, вновь замерцавшими из-за дымки Прошлого, и восходящими на горизонте умственной деятельности. Они являются единственными силами, способными в нынешнее время вывести человека, жаждущего интеллектуальной жизни, из холодной грязи застоявшейся лужи, известной как Современное Общество, которое столь затвердело в своем лицемерии, и выглядит столь тоскливо и монотонно в своем движении, подобно белке, крутящейся в колесе моды. Теософия и иезуитизм — это два противоположных полюса, один против другого, и последний находится много ниже даже этого унылого болота. Оба они придают силу: первая — духовному, последний же — психическому и интеллектуальному эго в человеке. Первая — это «мудрость, которая дана *свыше* ... чистая, умиротворяющая, добрая ... полная милосердия и благих результатов, без пристрастий и без лицемерия», в то время как последний — это «мудрость, которая *не снизошла свыше*, но является земной, чувственной, ДЬЯВОЛЬСКОЙ». ¹ Одна есть сила Света, другая же — сила Тьмы...

¹ Соборное послание Иакова, 3:15-17.

Конечно, последует вопрос: «Почему кто-либо должен выбирать из этих двух? Не может ли остаться жить в этом мире добрый христианин, принадлежащий к какой-либо церкви, не притягиваясь ни к одному из этих полюсов?» Несомненно, он может сделать это, на какое-то время. Но цикл быстро приближается к последнему пределу, к своей поворотной точке. Одна из трех великих церквей христианства раскалывается на мельчайшие секты, число которых возрастает ежегодно; дом, раздираемый разногласиями, как протестантская церковь, — ДОЛЖЕН ПАСТЬ. Третья, римско-католическая церковь, единственная, которая до сих пор кажется успешно сохраняющей всю свою целостность, быстро разлагается изнутри. Она повсюду подточена и быстро пожирается жадными микробами, порожденными Лойолой.¹

Она сегодня не лучше, чем плод Мертвого моря, прекрасный для того, кто на него лишь смотрит, но полный гнили разложения и смерти внутри. Римский католицизм — это только название, как и церковь — это призрак прошлого и маска. Она абсолютно и неразрывно связана и опутана Обществом Игнатия Лойолы; ибо, как это правильно выразил лорд Роберт Монтегю, «римско-католическая церковь является (ныне) крупнейшим Тайным Обществом в мире, по сравнению с которым масонство — это лишь пигмеи». Протестантизм медленно, коварно, но уверенно заражается латинизмом — новой ритуальной сектой высшей церкви, и такие люди среди ее духовенства, как отец Ривингтон, являются тому неопровержимым доказательством. Еще через пятьдесят лет, при такой скорости успешного проникновения латинизма в «высшую десятку», английская аристократия вернется к вере короля Чарльза II, а его холопский подражатель — смешанное Общество — приобретет соответствующего феодала. И тогда иезуиты начнут править единолично всем христианским миром, ибо они внедрились даже в греческую церковь.

Бесполезно обсуждать и доказывать различие между иезуитизмом и истинным римским католицизмом, поскольку последний сегодня поглощен первым и неразрывно слился с

¹ Лойола Игнатий (Иниго Лопес де Рекальдо, 1491-1556 гг.) — основатель ордена иезуитов. — *Прим. редактора.*

ним. Мы находим публичное подтверждение этому в послании епископа Кембрии 1876 года.

«Клерикализм, ультрамонтантизм и иезуитизм являются одним и тем же, а именно — римским католицизмом, и различия между ними были созданы врагами религии», — говорится в этом «Послании». — «Было такое время», — добавляет монсеньер кардинал, — «когда во Франции бытовало широко принятое определенное теологическое мнение относительно авторитета папы... Оно было ограничено нашей нацией и имело недавнее происхождение. Гражданская власть в течение полутора веков внедряла официальную директиву. Тех, кто признавал это мнение, называли галликанами, тех, кто не принимал его — ультрамонтанами, потому что центр их учения находился за Альпами, в Риме. Сегодня различия между двумя школами больше недопустимы. Теологический галликанизм не может существовать далес, потому что это мнение перестало быть дозволенным церковью. Оно было торжественно осуждено, навсегда и без возврата, Экуменическим собором в Ватикане. НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТЕПЕРЬ КАТОЛИКОМ, НЕ БУДУЧИ УЛЬТРАМОНТАНОМ — И ИЕЗУИТОМ».

Откровенное заявление; и столь же дерзкое, сколь откровенное.

Это послание вызвало некоторый шум во Франции и в католическом мире, но вскоре было забыто. И так как уже два века утекли с того времени, как были *an exposé* [обнародованы, франц.] позорные принципы иезуитов (о которых речь пойдет ниже), то «черная милиция» Лойолы имела достаточно времени для того, чтобы лгать столь успешно, отрицая справедливые обвинения, что даже сейчас, когда нынешний папа высочайше санкционировал высказывание епископа Кембрии, римские католики вряд ли поверят в это. Странное проявление *непогрешимости* пап! «Непогрешимый» папа, Климент XIV (Ганганелли), запретил иезуитов 23 июля 1773 года, и все же они вновь возродились; «непогрешимый» папа, Пий VII, воссоздал их орден 7 августа 1814 г. «Непогрешимый» папа, Пий IX, мечущийся, на протяжении всего своего долгого понтификата между Сциллой и Харибдой иезуитского вопроса; его непогрешимость очень мало помогла ему. И сегодня «непогрешимый» Лев XIII (фатальное число!) снова вознес иезуитов на высочайшую вершину их дурной и бесстыдной славы.

Последняя «Грамота» папы (менее двух лет назад), датированная 13 июля (то же самое фатальное число), 1886 г., — это событие, важность которого вряд ли можно переоценить. Она начинается словами: *Dolemus inter alia*, и восстанавливает иезуитов во всех правах этого ордена, которые были навсегда отменены. Это было манифестом и громким вызовом всем христианским народам Нового и Старого света. Из статьи Луиса Ламберта в «Gaulois» (18 августа 1886 г.) мы узнаем:

«В 1750 году было 40.000 иезуитов во всем мире. В 1800 г. по официальным подсчетам их было лишь около тысячи человек. В 1886 г. они насчитывают 7-8 тысяч».

Эта последняя скромная цифра может быть поставлена под сомнение. Ибо, поистине:

«Если вы сегодня встретите человека, верящего в целительную природу лжи, или в божественный авторитет сомнительных вещей, и фантазирующего, что для того, чтобы служить благу делу, он должен для своей поддержки призвать дьявола, — это последователь неканонизированного Игнатия», — говорит Карлейль, и добавляет о черной милиции Лойолы следующее: «Они дали современным языкам новое имя существительное. Слово «иезуитизм» сегодня во всех странах выражает идею, для которой ранее в природе не было прототипа. До наступления последних веков человеческая душа не создавала такой мерзости и не нуждалась в том, чтобы называть ее. Поистине, они достигли многого в этом мире, и общий результат таков, что мы не можем не назвать его удивительным».

И сегодня, со времени своего восстановления в Германии и повсюду, они добиваются еще больших и еще более удивительных результатов. Ибо будущее может быть легко прочитано в прошлом. К сожалению, в этом году папского юбилея, цивилизованная часть человечества — и даже протестанты — выглядит полностью забывшим это прошлое. Тогда пусть те, кто открыто презирает теософию — прекрасное дитя ранней арийской мысли и александрийского неоплатонизма, — склонятся перед ужасным демоном века, но пусть они не забывают, в то же самое время, его историю.

Надо было видеть, с каким упорством орден с самых ранних времен нападал на все, что было похоже на оккультизм, а также на теософию с момента основания нашего Общества.

Мавры и евреи Испании почувствовали угнетающую длань обскурантизма не в меньшей мере, чем каббалисты и алхимики средних веков. Можно подумать, что эзотерическая философия и особенно оккультные искусства, или магия, были отвратительны для этих святых отцов? И что именно поэтому мир поверил им. Но если поближе ознакомиться с историей и трудами их собственных авторов, опубликованных с *imprimatur* [одобрения, лат.] ордена, что же обнаружится? То, что *иезуиты практиковали не только оккультизм, но и ЧЕРНУЮ МАГИЮ в ее худшей форме,¹ более чем кто-либо из живущих людей; и что именно этому они в большой степени обязаны своей силой и влиянием!*

Для того чтобы освежить память наших читателей и *всех тех, кого это может заинтересовать*, можно еще раз попытаться дать краткий обзор деяний наших добрых друзей. Ибо тем, кто склонен насмеяться и отрицать тайные и, поистине, адские средства, применяемые «черной милицией Игнатия», мы можем предоставить факты.

В «Разоблаченной Изиде» об этом святом Братстве было сказано, что: «хотя оно и было образовано в 1535-1540 годах — в 1555 году оно уже вызвало общий протест против себя». И более того:

«Эта хитрая, ученая, бессовестная, ужасная душа иезуитизма в теле римской церкви, медленно, но верно захватывала престиж и всю духовную власть, которая ей доставалась... Где во всем античном мире, в какой стране мы можем найти что-либо подобное этому ордену, или что-либо хотя бы приближающееся к нему?.. Протест против попрания общественной нравственности возникал против него с самого момента его зарождения. Прошло всего лишь пятьдесят лет с того времени, когда была опубликована булла, одобряющая его конституцию, и его членов стали гнать из одного места в другое. Португалия и Нидерланды освободились от них в 1578 г.; Франция — в 1594 г.; Венеция — в 1606 г.; Неаполь — в 1622 г. Из Санкт-Петербурга они были изгнаны в 1815 г., а из всей России — в 1820 г.».

Автор просит читателей обратить внимание на то, что написанное в 1875 году, превосходно и в еще большей степе-

¹ Месмеризм, или ГИПНОТИЗМ, — это выдающийся фактор в оккультизме. Это — магия. Иезуиты были знакомы с ним и использовали его веками до Месмера и Шарко.

ни может быть отнесено к 1888 году. Так же, что утверждения, используемые в цитатах, могут быть все проверены. И, в-третьих, что те принципы (*principii*) иезуитов, которые они ныне выдвигают, взяты из аутентичных манускриптов и фолиантов, напечатанных самими членами этой весьма известной организации. Поэтому, их проще найти и сверить в «Британском музее» и Бодлианской библиотеке [Оксфордского университета], чем наши собственные работы.

Многие из них скопированы из большого тома *in quarto* [книга высотой в 25-30 см.],¹ опубликованного по распоряжению французского парламента, и проверенного и собранного его комиссионерами. Утверждения, собранные в нем, были преподнесены королю для того, чтобы, как это выражено в «*Arrêt du Parlement du 5 Mars, 1762*»:

«Старший сын церкви смог бы узнать о порочности этой доктрины... Доктрины, оправдывающей Воровство, Ложь, Лжесвидетельство, Нечистоту, всякую Страсть и Преступление; возводящей в догму Убийство, Отцеубийство и Царубийство, уничтожающей религию и подменяющей ее суеверием, потворствующей *Колдовству*, Богохульству, Безверию и Идолопоклонству... и т. д.».

Теперь мы рассмотрим идеи магии иезуитов, той магии, которую они предпочитают называть дьявольской и сатанинской, если она изучается теософами. Делая записи на эту тему в своих тайных наставлениях, Антоний Эскобар² говорит:

«ЗАКОННО ... ИСПОЛЬЗОВАТЬ НАУКУ, ПОЛУЧЕННУЮ ПРИ ПОМОЩИ ДЬЯВОЛА, ОБЕСПЕЧИВ СОХРАНЕНИЕ И ПРИ-

¹ Выдержки из этого «*Arrêt*» были собраны в один том из четырех, который появился в Париже в 1762 году и известен как «*Extraits des Assertions, etc.*». В работе, озаглавленной «*Response aux Assertions*», иезуитами была предпринята попытка дискредитировать факты, собранные представителями французского парламента в 1762 году, как по большей части заведомые фальшивки. «Чтобы удостовериться в обоснованности этого обвинения», — говорит автор «*Принципов иезуитов*», — «были произведены поиски авторских цитат в библиотеках двух университетов, Британского музея и Сионского колледжа; и в каждом случае, при нахождении указанного сочинения, подтверждалось соответствие цитат с оригиналом».

² «*Theologiae Moralis*», Tomus IV, Lugduni, 1663.

МЕНЕНИЕ ТАКОГО ЗНАНИЯ, НЕ ЗАВИСЯЩЕЕ ОТ ДЬЯВОЛА, ИБО ЗНАНИЕ — ЭТО ДОБРО САМО ПО СЕБЕ, А ГРЕХ, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОГО ОНО ПОЛУЧЕНО, ПРЕХОДЯЩИЙ».¹

Поистине: почему бы иезуиту не обмануть Дьявола так же, как он обманывает любого мирянина?

*«Астрологи и ясновидящие бывают либо обязанными, либо не обязанными возвращать вознаграждение за свое предсказание, если предсказанное событие не происходит. Должен признать», — замечает добрый отец Эскобар, — «что первое решение мне совершенно не нравится, поскольку, когда астролог или предсказатель применяет все свое умение в дьявольском искусстве, которое подходит для его цели, он выполняет свой долг, каков бы ни был результат. Как лекарь ... не обязан вернуть свою плату ... если его пациент скончался; так же астролог не должен возвращать своего вознаграждения ... кроме как в тех случаях, когда он не приложил должных усилий или оказался невежественным в своем дьявольском искусстве; потому что, когда он прилагал свои усилия, он не вводил сознательно в заблуждение».*²

Бузенбаум и Лакруа, в «Theologia Moralis»,³ говорят:

«ХИРОМАНТИЯ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ЗАКОННОЙ, ЕСЛИ ПО ЛИНИЯМ И ЧАСТЯМ ЛАДОНЕЙ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА И ДЕЛАЕТСЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ПО-ВОЗМОЖНОСТИ, О СКЛОННОСТЯХ И ЗАБОЛЕВАНИЯХ ДУШИ».⁴

Совершенно бесспорно доказано, что благородное братство, многочисленные проповедники которого в последнее время столь страстно отрицали то, что у них когда-либо была хотя бы одна тайна, все же имело свои секреты. Их уложения были переведены на латынь иезуитом Поланкусом и опубликованы в коллегии Общества в Риме в 1558 г.

¹ Tom. iv, lib. xxviii, sect. I, de Præcept I, c. 20, n. 184.

² Ibid, sect. 2, de Præcept I, Probl. 113, n. 586.

³ «Theologia Moralis nunc pluribus partibus aucta, à R. P. Claudio Lacroix, Societatis Jesu». Coloniae, 1757 (Ed. Mus. Brit.).

⁴ Tom. II, lib. III, Paris. I, Fr. I, c. I, dub. 2, resol. VII. Как жаль, что совет по защите медиума Слейда не подумал о том, чтобы напомнить им об этой ортодоксальной легализации «мошенничества при помощи хиромантии или другим образом», во время недавнего религиозно-научного преследования этого медиума в Лондоне.

«Они ревностно хранили тайны, и большая часть самих иезуитов знала лишь выдержки из них.¹ Они никогда не выносились на свет вплоть до 1761 года, когда были опубликованы по распоряжению французского парламента в 1761-1762 годах в течение знаменитого процесса отца Лавалетта».

Иезуиты считают величайшим достижением своего ордена, что Лойола поддержал в специальном послании к папе петицию, требующую реорганизации этого отвратительного и ненавистного инструмента для массовой резни — позорного трибунала инквизиции.

Этот орден иезуитов сегодня является всевластным в Риме. Их восстановили в конгрегации чрезвычайных церковных дел, в департаменте государственного секретариата и в министерстве иностранных дел. Понтификальное правительство в годы, предшествовавшие оккупации Рима Виктором Эмануилом, оказалось полностью в их руках...²

Каково же происхождение этого ордена? Об этом можно рассказать в двух словах. В 1534 году, 16 августа, бывший офицер и «рыцарь Девы Марии», из Бискайской провинции, и владелец величественного замка *Casa Solar* [«Дом Солнца», *лат.*] — Игнатий Лойола,³ стал героем следующего инцидента. В подземной часовне церкви Монмартра, окруженный несколькими священниками и теологами, он принял от них обет, что они посвятят все свои жизни распространению римского католицизма любыми средствами, как благими, так и бесчестными; и таким образом он основал новый орден. Лойола предложил шести своим главным единомышленникам, чтобы их орден стал *воинствующим* для ведения борьбы за интересы *святого* престола римского католицизма. Для достижения этого были взяты на вооружение два средства: обучение молодежи и прозелитизм (*apostolat*). Это происходило при папе Павле III, который выказал полное одобрение по отношению к новой системе. Поэтому в 1540 году была опубликована знаменитая папская булла — *Regimini militantis Ecclesiae* (организация воинственной, или *воинствующей* церкви), — после ко-

¹ Никколини. История иезуитов.

² «Разоблаченная Изида», том II, стр. 448-451, изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000. — *Прим. редактора.*

³ Или «св. Иниго Бискайский», согласно его настоящему имени.

торой орден начал стремительно наращивать свою численность и свое могущество.

Ко времени смерти Лойолы, общество насчитывало более чем одну тысячу иезуитов, хотя вступление в его ряды, как это утверждается, было сопряжено с исключительными трудностями. Была и другая знаменитая и беспрецедентная булла, выпущенная папой Юлием III в 1552 году, которая подняла орден на столь высокое положение и способствовала его быстрому росту; ибо она помещала общество вне и *за пределами* юрисдикции местных церковных властей, предоставила орден своим собственным законам и позволила ему признавать лишь один высший авторитет — авторитет своего генерала, резиденция которого находилась в Риме. Результаты такой договоренности были фатальными для белого духовенства. Высшие священнослужители и кардиналы довольно часто трепетали перед простым низшим чином из Общества Иисуса. Его генералы всегда занимали высшее положение в Риме и пользовались неограниченным доверием пап, которые сами часто становились орудиями в руках ордена. Весьма естественно, что в те времена, когда политическая власть была одной из привилегий «вице-правителей Бога», — могущество хитрого общества стало просто ужасающим. Именем папы, иезуиты наделили себя неслыханными привилегиями, которыми они неограниченно пользовались вплоть до 1772 года. В этом году папа Климент XIV опубликовал новую буллу, *Dominus ac Redemptor* (Господь и Искупитель), упраздняющую знаменитый орден. Но папы доказали свою беспомощность перед этим новым Франкенштейном, демоном, который был вызван одним из «наместников Бога». Общество тайно продолжало свое существование, невзирая на преследования обоих пап и светских властей во всех странах. В 1801 году, под новым *названием* «конгрегация *Sacré Coeur de Jésus*», оно все же проникло в Россию и на Сицилию, и было там дозволено.

В 1814 году, как уже было сказано, новая булла Пия VII воссоздала орден Иисуса, хотя его, даже среди его высшего духовенства, лишили прежних привилегий. Светские власти, во Франции, как и повсюду, с тех пор почувствовали себя обязанными разрешать иезуитов и считаться с ними. Все, что они смогли бы сделать, это отказать им в особых привилегиях и

подчинить членов этого общества законам страны, наравне со всеми остальными церковными организациями. Но, постепенно и незаметно иезуиты преуспели в приобретении особого расположения даже со стороны светских властей. Наполеон III дал им разрешение открыть семь своих колледжей в одном только Париже для обучения молодежи, и при этом требовалось единственное условие, что эти колледжи будут под управлением и наблюдением местного епископа. Но как только эти учреждения открывались, так иезуиты нарушали это правило. Хорошо известен случай с архиепископом Дарбоем. Выразив желание посетить иезуитский колледж в *Rue de la Poste* (Париж), он не получил на это разрешения, и ворота были закрыты перед ним по приказу настоятеля. Епископ подал жалобу в Ватикан. Но ответ был задержан на столь долгое время, что иезуиты фактически остались хозяевами ситуации и *вне* всякой, кроме своей собственной, юрисдикции.

А теперь прочитаем, что говорит лорд Монтегю об их деяниях в протестантской Англии, и рассудим:

«Вот Общество иезуитов — с его нигилистическими последователями в России, его союзниками-социалистами в Германии, его фениями¹ и националистами в Ирландии, его сообщниками и раболепными прислужниками в их религиозном экстазе, — подумайте об этом Обществе, которое без колебаний развязывало наиболее кровавые войны между народами для достижения своих целей; и все же снисходящее до преследования отдельного человека, знающего их тайну и не являющегося их рабом ... подумаем об Обществе, которое смогло изобрести такую дьявольскую систему и затем гордиться ей; и спросим, не нуждаемся ли мы отчаянно в защите?.. Даже если вы не принимали непосредственное участие в событиях ... все же перед вами возникает задача распутать все то, что было сделано нашим правительством, и разорвать паутину лжи, которая скрывает их деяния. Неоднократные попытки научат вас, что нет ни одного общественного деятеля, на которого вы могли бы в этом положиться. Поскольку Англия находится *между двух жерновов*, никто, кроме приверженцев и рабов тех или других, не делает нынче успехов; и, само собой разумеется, что иезуиты, которые достигли столь многого, приготовили новые жернова для того времени, когда нынешнее уда-

¹ *Фении* — члены ирландского тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. — *Прим. редактора.*

лится в прошлое; и тогда снова появятся обновленные жернова и завладеют властью над народом».¹

Во Франции дела сынов Лойолы процветали до того самого дня, когда кабинет министров Жюль Ферри заставил их покинуть поле битвы. Многие еще помнят бессмысленную строгость полицейских мер и драматические сцены, разыгрываемые самими иезуитами. Все это лишь увеличило их популярность в глазах определенных классов. Они приобрели таким образом ореол мученичества и симпатию всех набожных и недалеких женщин в стране, которые подпали под их влияние.

И сегодня, когда папа Лев XIII опять возродил деятельность добрых отцов-иезуитов, все их привилегии и права, которые когда-либо были предоставлены их предшественникам, чего же ожидать публике на просторах Европы и Америки? Согласно *булле*, полная власть, моральная и физическая, в странах, где распространен римский католицизм, охраняется черной милицией. Ибо в этой булле папа утверждает, что из всех ныне существующих религиозных конгрегаций *именно иезуиты в наибольшей степени дороги для его сердца*. Ему не хватает слов для того, чтобы достаточно совершенно выразить ту горячую любовь, которую он (папа Лев) испытывает к ним, и т. д., и т. д. Поэтому они имеют уверенность в поддержке Ватикана во всем и вся. И постольку, поскольку это они направляют его, мы видим его святейшество кокетничающим и флиртующим со всеми крупными европейскими правителями — от Бисмарка до коронованных особ Континента и Острова. Ввиду все возрастающего влияния Льва XIII, морального и политического — такого рода уверенность иезуитов имеет большое значение.

Для более подробного ознакомления с этим вопросом, читатель может обратиться к таким широко известным авторам, как лорд Роберт Монтегю в Англии; и на Континенте, Эдгар Квине: «L'Ultra-montanisme»; Мишле: «Le prêtre, la Femme et la Famille»; Поль Берт: «Les Jésuites»; Фридрих Нипполд: «Handbuch der Neuerster Kirchengeschichte and Welche Wege führen nach Rome?», и т. д., и т. д.

¹ Р. Монтегю: «Недавние события и ключ к их разрешению», стр. 76.

Тем временем, мы напомним слова предупреждения, которые мы получили от одного из наших теософов, ныне покойного д-ра Кеннета Маккензи, который, говоря об иезуитах, сказал:

«Их шпионы есть повсюду, во всех доступных слоях общества, и они могут выглядеть учеными и мудрыми, или же простыми и глупыми, в соответствии со своими инструкциями. Существуют иезуиты обоих полов и любого возраста, и является общеизвестным фактом, что члены ордена, принадлежащие к высокопоставленным семьям и имеющие утонченное воспитание, действуют как слуги в протестантских домах, и совершают другие дела такого рода для достижения целей Общества. Мы не можем быть здесь чересчур бдительными, ибо все Общество, основывающееся на законе беспрекословного повиновения, может употребить свою силу для достижения любой поставленной цели, с безошибочной и фатальной точностью».¹

Иезуиты утверждают, что:

«Общество Иисуса — это не человеческое изобретение, *но оно происходит от того, чье имя носит*. Ибо Иисус сам определил это правило жизни, которому следует Общество, *сначала своим собственным примером, а впоследствии — своими словами*».²

Теперь, пусть сами благочестивые христиане послушают и познакомятся с этим мнимым «правилом жизни» и заповедями их Бога, в понимании иезуитов. Петр Алагона (St. Thomæ Aquinatis: *Summæ Theologiæ Compendium*)³ говорит:

«По велению Бога законно убить невиновного человека, украсть или предать ... (*Ex mandato Dei licet occidere innocentem, furari, fornicari*); потому что он — Господин жизни и смерти, и всех вещей, **И ЭТО С ЕГО СОИЗВОЛЕНИЯ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ЕГО ПРИКАЗЫ**». (*Ex primâ secundæ, Quæst., 94.*)

«Член религиозного ордена, который на короткое время оставил свой обычай *ради греховной цели*, свободен от ужасного греха и не подвергается отлучению от церкви». (Де Руже: «Stele», lib. iii, sec. 2, Probl. 44, n. 212).⁴

¹ «Королевская масонская энциклопедия», стр. 369.

² Имаго, «Primi Sæculi Societatis Jesu», кн. I, гл. 3, стр. 64.

³ Фома Аквинский (1225-1274): «Сумма богословия».

⁴ Антоний Эскобар: «Universæ absque lite sententiæ», Theologiæ Moralis receptiore, ect., Tomus I, Lugduni, 1652 (Ed. Bibl. Acad. Cant.).

Табернский Иоанн Креститель ставит следующий вопрос:

«Обязан ли судья возратить взятку, которую он получил за вынесение приговора? *Ответ: «Если он получил взятку за вынесение несправедливого приговора, то, вероятно, он может ее не возвращать... Это мнение поддержали и защитили пятьдесят восемь докторов» (иезуитов)».*¹

На этом мы вынуждены остановиться. Настолько отвратительно распушены, лицемерны и деморализующи почти все эти предписания, что большинство из них невозможно опубликовать, кроме как на латыни.²

Но что же мы должны думать о будущем Общества, если оно контролируется в своих словах и делах этой столь отвратительной основой! Чего мы должны ждать от публики, которая, зная о существовании вышеприведенных обвинений, и о том, что они не являются преувеличениями, *но опираются на исторические факты*, все же позволяет иезуитам, чуть ли не с благоговением, собираться, и в то же время всегда высказывает презрение к теософам и оккультистам? Теософия преследуется при помощи необоснованной клеветы и насмешек с подстрекательства тех же самых же иезуитов, и много есть таких, кто вряд ли осмелится открыто признать свою веру в философию архатства. И все же это не Теософское общество всегда угрожало публике моральным разложением и открытым проявлением в полном объеме семи смертных грехов под маской святости и следования Иисусу! И теософы никогда не держали *в секрете* своих правил, ибо они живут при ярком дневном свете истины и искренности. А что же можно сказать об иезуитах в этом отношении?

«Иезуиты, принадлежащие к высшей категории», — говорит, к тому же, Луис Ламберт, — «имеют полную и абсолютную свободу

«Idem sentio, e breve illud tempus ad unius horæ spatium traho. Religiosus itaque habitum demittens assignato hoc temporis intersitio, non incurrit excommunicationem, *etiamsi dimittat non solum ex causâ turpi, scilicet fornicandi, aut clàm aliquid abripiendi, set etiam ut incognitus ineat lupanar*». Probl. 44, n. 213. («Разоблаченная Изида», том II, стр. 452.)

¹ «Synopsis Theologiæ Practicæ», pars. II, tra. 2, c. 31.

² См. «Принципы иезуитов, изложенные в цитатах их собственных авторов». Лондон, 1839 г.

действий — даже на убийство и поджог. С другой стороны, те иезуиты, которые оказываются виновными в малейших попытках подвергнуть опасности или риску Общество Иисуса — *безжалостно наказываются*. Им позволяется писать наиболее еретические книги, при условии, что они *не откроют тайны ордена*».

Все эти «тайны», безусловно, имеют в высшей степени ужасную и опасную природу. Сравним некоторые из этих *христианских заповедей* и правил для вступления в это Общество, имеющих, как утверждается, «*божественное происхождение*», с законами, которые регулировали принятие в тайные общества (храмовые мистерии) язычников.

«Брат-иезуит имеет право убить всякого, кто может представлять опасность для иезуитизма».

«Христианские и католические сыны», — говорит Стефан Фагундес, — «могут обвинить своих отцов в преступлении или ереси, если те хотят увести их от веры, даже если они могут знать, что их родители будут сожжены и преданы смерти за это, как учит Толет... И они не только могут отказать им в пище ... но они могут также справедливо убить их».¹

Хорошо известно, что император Нерон *никогда не осмеливался* желать посвящения в языческие мистерии из-за убийства Агриппины!

В Разделе XIV «Принципов иезуитов» мы обнаруживаем, что *убийство* соответствует *христианской этике*, выраженной отцом Генри Генрикесом в «*Summæ Theologiæ Moralis*», том I, Венеция, 1600 г. (Ed. Coll. Sion):

«Если человек, совершивший прелюбодеяние, даже если он священнослужитель ... подвергся нападению мужа и убил нападавшего ... он не может считаться нарушившим закон (*nonridetur irregularis*)». (Кн. XIV, *De Irregularite*, раз. 10, § 3.)

«Если отец был опасен для Государства (будучи изгоем), и для общества в целом, и не было никаких других способов избежать этого дурного поступка, тогда я бы одобрил это (убийство сыном своего отца)», — говорится в части XV, «Об отцеубийстве и человекоубийстве».²

¹ В «*Præcepta Decaloga*» (издание Сионской библиотеки), том I, кн. IV, гл. 2, н. 7, 8.

² Мнение Джона Дикастилле, часть XV, «*De Justitia et Jure*», и т. д., стр. 319, 320.

«Для священнослужителя, или члена религиозного ордена, было бы законным *убить клеветника*, который пытается распространить ужасные обвинения против него самого или его религии»,¹ — это правило изложено иезуитом Франциском Амикусом.

Одним из наиболее непреодолимых препятствий для получения посвящения, как у египтян, так и у греков, было убийство любого рода, или даже просто невоздержанность.

Эти «враги рода человеческого», как их называют, еще раз получили свою старую привилегию работать в тайне, соблазнять и разрушать всякое препятствие на своем пути — с полной безнаказанностью. Но — «кто предостережен, тот вооружен». Люди, изучающие оккультизм, должны знать о том, что в то время как иезуиты при помощи своих методов умудрились заставить мир в целом, и англичан в частности, думать, что не существует такой вещи как МАГИЯ, эти хитрые и коварные интриганы сами содержат магнетические кружки и создают магнетические цепи посредством концентрации своей коллективной воли, когда они имеют какой-либо специальный объект для воздействия, или какую-нибудь особенную и важную персону для осуществления влияния на нее. Кроме того, они проявляют чрезвычайную щедрость, способствующую им в этом предприятии. Их богатство безгранично. Когда их недавно изгнали из Франции, они вывезли с собой столько денег, частично переведенные в английские ценные бумаги, что последние немедленно возросли в своей цене, о чем тогда сообщала «Daily Telegraph».

Они добились успеха. С этого времени церковь является их безвольным орудием, и папа — лишь бедный инструмент в руках этого ордена. Но надолго ли? Может настать такой день, когда их богатства будут насильно отняты у них, и они сами будут безжалостно уничтожены под гром проклятий и аплодисментов всех наций и народов. Существует Немезида — КАРМА, хотя она и позволяет часто Злу и Греху успешно продолжать свое дело в течение веков. Также тщетна их попытка, со своей стороны, угрожать теософам — своим непримиримым врагам. Ибо последние, вероятно, *это единственная организация* во всем мире, которая может не бояться их. Они

¹ «Cursûs Theologici», Tomus V, Duaci, 1642, Disp. 36, Sect. 5, n. 118.

могут попытаться, и возможно успешно, уничтожить отдельных членов. Но они напрасно протягивали бы свои руки, сильные и могущественные, нападая на Общество. Теософы столь же хорошо защищены, и даже лучше, чем они сами. Для современных ученых, для всех тех, кто ничего не знает, и тех, кто не верит в то, что они слышат о БЕЛОЙ и ЧЕРНОЙ магии, все вышеизложенное будет выглядеть как нонсенс. Пусть так, хотя Европа очень скоро почувствует, и уже сейчас ощущает тяжелую руку последней.

Иезуиты и их приверженцы клеветуют и по любому поводу оскорбляют теософов. Их обвиняют в идолопоклонстве и суеверии; и все же мы читаем в тех же самых «Принципах» отцов-иезуитов:

«Более правильным является то мнение, *что всем неодушевленным и неразумным объектам можно законным образом поклоняться*», — говорит отец Габриэль Васкес, рассказывая об идолопоклонстве. — «Если правильно понимать учение, которое мы создали, то можно поклоняться не только Богу и нарисованному образу, и любому святому предмету, который пользуется авторитетом у народа, как Его образ, но также и любому другому объекту в этом мире, будь он неодушевленным и неразумным, или же разумным по своей природе».¹

Таков римский католицизм, идентичный и *с этого времени единый* с иезуитизмом — как это показано в послании кардинала-епископа Кембрии, и папой Львом. Это наставление, делает ли оно честь христианской церкви или нет, может быть с пользой процитировано любым индусским, японским, или каким-либо другим «языческим» теософом, который все еще не отказался от веры своего детства.

Но нам пора заканчивать. На языческом Востоке существует пророчество относительно христианского Запада, которое, если его перевести на понятный английский язык, будет выглядеть так:

«Когда завоеватели всех древних народов будут побеждены, в свою очередь, *армией черных драконов, созданных их грехами и порожденных разложением*, тогда пробьют часы освобождения первых».

¹ De Cultu: «Adorationis, Libri Tres», Lib. III, Disp. I, c. 2.

Нетрудно определить, кто эти «черные драконы». И они, в свою очередь, увидят, что их могущество остановлено и силой низвергнуто освобожденными легионами. Тогда, возможно, наступит новое вторжение Атиллы с далекого Востока. Однажды миллионы людей из Китая и Монголии, язычников и мусульман, снабженных всеми наиболее смертоносными видами оружия, изобретенными цивилизацией, и усиленные *Небожителями* Востока, опираясь на *инфернальный* дух торговли и жажде наживы на Западе, и, кроме того, хорошо обученные христианскими человекоубийцами, — ворвутся и захватят разлагающуюся Европу, подобно неудержимому потоку. Таков будет результат деятельности иезуитов, которые, как мы надеемся, падут его первой жертвой.

ЗВЕЗДНО-АНГЕЛИЧЕСКИЙ КУЛЬТ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Тема настоящей статьи была выбрана вовсе не из-за какого-либо намерения «обнаружить недостатки» христианской *религии*, в чем часто обвиняют «Люцифер». Мы не чувствуем никакой особой враждебности к папизму, по крайней мере, большей, чем в отношении любой другой существующей догматической и ритуалистической вере. Мы просто-напросто утверждаем, что «нет религии выше истины». Следовательно, подвергаясь непрерывным атакам со стороны христиан, — среди которых нет более яростных и *высокомерных*, чем римские католики, — которые называют нас «идолопоклонниками» и «язычниками», и всяческими способами бранят нас, время от времени становится необходимым сказать кое-что и в нашу защиту, и таким образом восстановить правду.

Теософов обвиняют в том, что они верят в астрологию и в *девов* (дхиан коганов) индусов и северных буддистов. Чрезмерно возбужденные миссионеры в центральных провинциях Индии на самом деле называют нас «звездопоклонниками», «сабеями» и «*дьяволопоклонниками*». Это, как правило, является ничем не обоснованной клеветой и заблуждением. Никакой теософ, никакой *окультист* в истинном смысле этого слова никогда не *поклонялся* девам, натам, ангелам или даже *планетарным* духам. Признание *действительного существования* таких существ, которые, сколь бы возвышенными они ни были, являются все же постепенно развившимися *творениями* и конечны, и даже почтение в отношении некоторых из них — это еще не *поклонение*. Последнее слово очень многозначно, и оно было в значительной степени избито и затерто из-за оскудения английского языка. Мы обращаемся к судье как к его «милости», однако вряд ли можно сказать, что мы

оказываем ему *божественное* почтение. Мать часто почитает своих детей, муж свою жену, и *vice versa* [наоборот, *лат.*], но никто из них не молится предмету своего почитания. Так что это слово ни в коем случае не может быть отнесено к оккультистам. Почтение оккультистов к некоторым высшим духам в отдельных случаях может быть очень сильным; да, оно может быть даже столь же большим, как и благоговение, которое испытывают некоторые христиане к своим архангелам Михаилу и Гавриилу, и своему (св.) Георгию из Каппадокии — ученому поставщику для армий Константина. Но на этом остановимся. Для теософов эти планетарные «ангелы» занимают не более высокое место, чем определяет им Вергилий:

Они гордятся силой неземной —
Божественного семени творенья, —

как, впрочем, и каждый смертный. Каждый из них и все они являются оккультными потенциями, управляющими определенными свойствами природы. И, если они однажды были привлечены неким смертным, то они помогают ему в некоторых вещах. И все же, чем меньше кто-либо прибегает к их помощи, тем лучше.

Но не так обстоит дело с нашим благочестивым клеветником — римским католицизмом. Паписты поклоняются им и воздают им *божественные почести* с самого зарождения христианства и по сей день, и в полном смысле этих слов, выделенных курсивом, — что и будет доказано в настоящей статье. Даже для протестантов, ангелы в целом, если и не семь ангелов планет в частности, — являются «предвестниками Всевышнего» и «духами-помощниками», к покровительству которых они и взывают; они занимают свое определенное им место в книге общей молитвы.

Тот факт, что паписты поклоняются звездным и планетарным ангелам, не является широко известным. Этот культ подвергался множеству изменений. В некоторые времена его упраздняли, а затем его вновь разрешали. Данное небольшое эссе пытается представить здесь вкратце историю его роста, его последнего восстановления и повторяющихся попыток открыто провозгласить этот культ. В последние несколько лет это поклонение может рассматриваться как *устаревшее*, и все

же до сего дня оно не было отменено. Поэтому, в соответствии со своим желанием, я докажу здесь, что если кто-то и заслуживает названия «идолопоклонники», то это не теософы, оккультисты, каббалисты и астрологи, но, поистине, большинство христиан; те римские католики, которые, кроме планетарных ангелов, поклоняются целому *сонму* более или менее сомнительных святых и Деве Марии, из которой их церковь сделала обыкновенную *богиню*.

Небольшие исторические экскурсы, которые последуют далее, выбраны из разнообразных достоверных источников, так что их будет весьма трудно отрицать или опровергнуть римским католикам. Ибо нашими авторитетами здесь являются: (а) различные документы из архивов Ватикана; (б) разнообразные работы благочестивых и хорошо известных католических писателей, ультрамонтанов до мозга костей — светских и церковных; и, наконец, (в) папская булла — лучшее доказательство из всех, которые могли бы быть предоставлены.

В середине VIII века христианской эры хорошо известный архиепископ Адальберт из Магдебурга — знаменитость, каких немного в анналах магии — предстал перед своими судьями. Он был обвинен и, в конце концов, осужден вторым собором в Риме под председательством папы Захария за то, что он использовал в ходе представлений церемониальной магии имени «семи духов» — в то время наиболее могущественных в церкви, — и среди прочих, имя УРИЭЛЬ, при помощи которого он достиг успеха в создании величайших из своих феноменов. Как это легко показать, *церковь выступает не против магии как таковой*, а против тех магов, которые не соглашаются с ее методами и правилами вызывания духов. Однако, поскольку чудеса, совершенные его высокопреподобием колдуном были не такого характера, чтобы их можно было классифицировать как «чудеса по милости Божией и во славу Бога», они были объявлены *дьявольскими*. Кроме того, архангел УРИЭЛЬ (*lux et ignis* [свет и огонь, *лат.*]) был скомпрометирован такими проявлениями, и его имя должно было быть опозорено. Но, поскольку такое бесчестие одного из «тронов» и «посланников Всевышнего» уменьшило бы число этих еврейских *сантарии*

[семерки риши, *санскр.*] до шести, и таким образом внесло бы путаницу во всю небесную иерархию, прибегли к помощи весьма хитрой и мудрой отговорки. Однако она была не нова, и не оказалась достаточно убедительной и эффективной.

Было объявлено, что Уриэль епископа Адальберта, «огонь Божий», не был архангелом, упомянутым во второй Книге Ездры; не был он также и знаменитым персонажем, столь часто упоминаемым в магических книгах Моисея — особенно в 6-ой и 7-ой. Византиец Михаил Гликас говорил, что сферой или планетой первоначального Уриэля было солнце. Как же тогда это возвышенное существо, — друг и компаньон Адама и Евы до их падения, и, позднее, приятель Сифа и Еноха, как это известно всем набожным христианам, — как мог он когда-либо протянуть руку помощи колдуну? Никогда и никоим образом! Сама эта идея была абсурдной.

Таким образом, Уриэль, столь почитаемый отцами церкви, остался таким же неприступным и непорочным, как и всегда. Это был *дьявол* с тем же самым именем — скрытый дьявол, следует думать, поскольку он нигде больше не упоминался, — тот, кто должен был нести ответственность за черную магию епископа Адальберта. Этот «дурной» Уриэль, как это настойчиво пытался внушить один украшенный тонзурой адвокат, связан с неким важным словом оккультной природы, используемым и известным лишь масонам высшей степени. Однако, не зная самого этого «слова», защитник оказался совершенно неспособным доказать свою версию.

Такое обеление характерных черт этого архангела было, конечно, необходимо в связи с тем особым поклонением, которое ему оказывали. Святой Амвросий избрал Уриэля своим покровителем и воздавал ему почти божественные почести.¹ Опять-таки, знаменитый отец Гасталди, доминиканский монах, писатель и инквизитор, доказал в своей любопытной работе «Об ангелах» (*De Angelis*), что церковный культ «семи духов» является *законным* и был таковым во все времена; и что он был необходим для моральной поддержки и веры детей (римской) церкви. Короче говоря, что тот, кто стал бы отрицать этих богов, был бы столь же дурным, как любой «язычник», который не делал этого.

¹ «De Fide ad gratiam», книга III.

Хотя епископ Адальберт был осужден и повешен, у него было огромное число сторонников в Германии, которые не только защищали и поддерживали самого колдуна, но также и опозоренного архангела. Таким образом, имя Уриэль было оставлено в католических требниках, и «трон» лишь подпал «под подозрение». Согласно своей излюбленной политике, церковь объявила, что «блаженный Уриэль» не имеет ничего общего с «проклятым Уриэлем» каббалистов, и все осталось без изменений.

Для того чтобы показать ту огромную свободу действий, которую допускает эта оговорка, следует лишь напомнить оккультные учения о небесных воинствах. Миры бытия начинаются духовным огнем (или солнцем) и семью его «огнями», или лучами. Эти «сыны света», называемые «составными», — потому что, аллегорически говоря, они принадлежат и к небесам, и к земле, и одновременно существуют и там, и там, — легко могли послужить для церкви предлогом, чтобы обосновать своего *двойного* Уриэля. Более того, все девы, дхианкоганы, боги и архангелы являются идентичными и изменяют свою форму, имя и местонахождение *ad libitum* [по собственному усмотрению, *лат.*]. Как небесные боги сабеев стали каббалистическими и талмудическими ангелами у евреев, со своими неизменными эзотерическими именами, так же они целиком и полностью перешли в христианскую церковь в качестве архангелов, лишь повышенные в своей должности.

Их имена представляют собой их «таинственные» титулы. Они поистине столь таинственны, что сами римские католики не уверены в них, и церковь, озабоченная тем, чтобы скрыть их простое происхождение, десятки раз изменяло и искажало их. Это признается благочестивым де Мирвилем:

«Говорить с точностью и определенностью, как нам того бы хотелось, о чем-то связанном с их (ангелов) именами и атрибутами — это нелегкая задача... Ибо если один сказал, что эти духи суть *семеро помощников*, которые окружают трон Агнца и образуют семь его *рогов*; что знаменитый семисвечник храма является их символом... если мы показали, что они фигурируют в «Откровении» как *семь звезд* в руке Спасителя, или ангелов, освобождающих *семь бедствий*, — то мы лишь еще раз установили одну из такого рода неполных истин, к которым нам следует относиться с большой осторожностью». («О духах перед их падением».)

Автор высказал здесь великую истину. Хотя он оказался бы еще ближе к ней, если бы он добавил, что *никакая истина*, по какому бы то ни было *вопросу*, никогда не была полностью установлена церковью. Иначе, что бы случилось с этой тайной, столь необходимой для поддержания авторитета непостижимых догм о святой «Невесте»?

Эти «духи» называются *primarii principes*. Но не объясняется, чем в действительности являются эти первичные принципы. Этого не сделала церковь в первом веке христианской эры; и в данном вопросе она знает о них не больше, чем это известно ее набожным мирским сыновьям. Она утратила тайну.

Де Мирвиль рассказывает нам, что этот вопрос, имеющий отношение к точному присвоению имен этим ангелам, — «вызвал противоречия, которые длятся в течение столетий. До сего дня *эти семь имен являются тайной*».

И все же они находятся в некоторых требниках и в секретных документах Ватикана, вместе с астрологическими именами, известными многим. Но так как каббалисты, и среди прочих епископ Адальберт, использовали некоторые из них, то церковь не признает эти титулы, хотя она и поклоняется таким созданиям. Принятыми, как правило, именами являются: МИКАЭЛЬ, «*quis ut Deus*», «подобный Богу»; ГАЪРИЭЛЬ, «сила (или мощь) Бога»; РАФАЭЛЬ, «божественное достоинство»; УРИЭЛЬ, «Божий свет и огонь»; СКАЛТИЭЛЬ, «речь Бога»; ЙЕГУДИЭЛЬ, «слава Бога», и БАРАХИЭЛЬ, «блаженство Бога». Эта «семерка» является *абсолютно канонической*, но это не есть подлинные таинственные имена — магические ПОТЕНЦИИ. И даже среди этих «заменителей», как было только что показано, Уриэль был очень сильно скомпрометирован, а три последних из вышеперечисленных были объявлены «сомнительными». Тем не менее, хотя и безымянным, им продолжали поклоняться. И было бы неправильно сказать, что никакого следа этих трех имен — столь «сомнительных» — нельзя обнаружить нигде в Библии, ибо они упоминаются в некоторых древних еврейских свитках. Одно из них называется в главе 16-й Книги Бытия — ангел, который явился Агари; и все три явились как «Господь» (Элохим) Аврааму в долине Мамре, как «три человека», которые объявили Сарре о рожде-

нии Исаака (Бытие, гл. 18). Более того, «Йегудиэль» был в точности назван в главе 18-й Книги Исхода, как ангел, в котором было «имя» (*слава* в оригинале) Бога (см. стих 21). Благодаря своим «божественным атрибутам», от которых и были образованы их имена, эти архангелы могут быть посредством несложного эзотерического метода превращения отождествлены с великими богами халдеев и даже с семью ману и семью риши Индии.¹ Они суть *семь* сабейских богов, и *семь* седалищ (тронов) и добродетелей каббалистов; и они же стали у католиков «семью глазами Господа» и «семью *тронами*», вместо «седалищ».

И каббалисты, и язычники должны быть польщены видом того, как их девы и риши стали «полномочными представителями» христианского Бога. А теперь мы можем продолжить наше повествование.

После злоключений с епископом Адальбертом и вплоть до XV века имена лишь первых трех из семи архангелов сохраняли в полной мере свою славу и святость. Остальные четыре оставались проклятыми — *как имена*.

Тот, кто бывал когда-либо в Риме, должен был посетить персональный храм семи духов, специально построенный для них Микеланджело: знаменитая церковь известна как «св. Мария ангелов». Ее история любопытна, но очень мало известна публике, которая часто посещает ее. Однако она заслуживает того, чтобы написать об этом.

В 1460 году в Риме появился великий «святой», называемый Амадеусом. Он был дворянином из Лузитании, и уже в Португалии он стал знаменит своими пророческими и благовестными видениями.² Во время одного из них у него было откровение. Семь архангелов явились святому, столь любимому папой, что Сикст IV действительно позволил ему построить францисканский монастырь на месте храма св. Петра в *Монторио*. И, появившись перед ним, они открыли ему свои

¹ Тот, кому что-либо известно о Пуранах и об их аллегориях, знает, что риши в них, так же как и ману, являются сынами бога, Брахмы, и сами суть боги; что они стали людьми и затем, как саптариши, превратились в звезды и созвездия. Наконец, что сперва их было 7, затем 10, затем 14 и, в конце концов, 21. Оккультный смысл этого очевиден.

² Он умер в Риме в 1482 году.

подлинные *bona fide* [добросовестно, *лат.*] мистические имена. Они сказали, что имена, используемые церковью, были заменителями. Так оно и было, и «ангелы» сказали правду. Их дело к Амадеусу заключалось в довольно скромном притязании. Они требовали, чтобы их законно признали под их легитимными родовыми именами, чтобы им оказывали публичное поклонение, и чтобы у них был их собственный храм. Тогда церковь со своей великой мудростью сразу же отвергла эти имена, так как они были именами халдейских богов, и заменила их астрологическими *прозвищами*. Это и не могло быть сделано, так как «они были именами демонов», — объясняет Бароний. Но таковы были «заменители» в Халдее до того, как их изменили для целей еврейской ангелологии. И если они были именами демонов, — уместно задает вопрос де Мирвиль, — «то почему же они даются христианам и римским католикам при крещении»? И на самом деле, если последние четыре из перечисленных имен являются именами демонов, то таковыми же должны быть и имена Михаила, Гавриила и Рафаила.

Но «святые» гости были достойной парой церкви в своем упрямстве. В тот же самый час, когда у Амадеуса в Риме было его видение, в Палермо, на Сицилии, произошло другое чудо. Таинственным образом нарисованное изображение семи духов было столь же таинственно выкопано из земли из-под руин одной древней часовни. *Те же самые семь таинственных имен*, которые в тот час открылись Амадеусу, обнаружили и на рисунке, где они были *написаны* «под портретом каждого ангела»,¹ — сообщает хроникер.

Какие бы чувства не испытывали в наш век неверия по этому поводу великие и ученые руководители различных психических и телепатических обществ, но папа Сикст IV был глубоко поражен этим *совпадением*. Он верил в Амадеуса столь же безоговорочно, как м-р Бруденель верит в абиссинского пророка, «герр Паулюса».² Но это никоим образом не было всего лишь «совпадением», случившимся в этот день.

¹ «Pneumatologie. Des Esprits, etc.» де Мирвиля.

² «Герр Паулюс» — это не в меньшей степени удивительное создание довольно путаной и весьма однобокой фантазии м-ра Уолтера Безанта.

Святая римская и апостольская церковь была построена на подобных чудесах, и продолжает и сегодня стоять на них, как на скале Истины; ибо Бог всегда посылал ей *своевременные чудеса*.¹ Таким образом, когда в тот же самый день было также

¹ *En passant* [между прочим, франц.] — может быть сделано одно замечание и предложен к обсуждению вопрос:

«Чудеса», совершенные в лоне материнской церкви, — начиная с апостольских времен и до церковных чудес в Лурде, — если они и не более замечательны, чем те, которые приписываются «господину Паулюсу», то в любом случае они более широко доступны, а, следовательно, более пагубны по своему воздействию на человеческий разум. Либо оба эти класса чудес являются возможными, либо же оба они происходят в результате обмана или *опасных гипнотических и магнетических сил, которыми обладают* некоторые люди. М-р У. Безант, очевидно, пытается внушить своим читателям, что его роман был написан в интересах той части общества, которую столь легко одурачить другим. И если это так, то почему бы тогда не проследить все такие феномены *до их первичного и изначального источника*, то есть — до веры в возможность *сверхъестественных происшествий, вызванной слепой верой в библейские ЧУДЕСА и в их продолжение в церкви?* Никакой абиссинский пророк, как и никакой оккультист, никогда не предъявлял таких требований к чудесам и к *божественной помощи* — или не ожидал никаких денег Петра — как «невеста Христова», римская церковь. Почему же тогда наш автор, если он столь сильно озабочен тем, как уберечь миллионы европейцев от заблуждения, и столь страстно желает выявить применяемые пагубные средства, — почему же он не пытается сначала разрушить величайший обман, прежде чем затрагивать какие-то *меньшие* трюки и хитрости? Пусть он сначала объяснит британской публике превращение воды в вино и воскресение Лазаря при помощи гипотез о том, что это был наполовину *гипноз*, наполовину *фокусничество* и наполовину *мошенничество*. Ибо, если одна группа чудес может быть объяснена слепой верой и месмеризмом, то почему же не другая? Или может быть потому, что с библейскими чудесами, в которые верит каждый протестант и католик (вместе с *божественными* чудесами в Лурде, которые последний превращает в выгодную сделку), не может с такой же легкостью обращаться автор, который желает остаться *популярным*, — как с чудесами «оккультных философов» и спиритуальных медиумов? Поистине, никакого мужества и никакого бесстрашного пренебрежения возможными последствиями не требуется для того, чтобы осудить беспомощного и сегодня весьма запуганного *профессионального* медиума. Но все такие качества и пылкая *любовь к истине в купле-продаже* совершенно необходимы тому, кто отправится в самое логово миссис Гранди. Для этого те, кто клеветает на «эзотерических буддистов», слишком благоразумны и хитры. Они лишь ищут дешевой популярности вместе с безбожниками и мате-

открыто в Пизе древнее пророчество, написанное на архаической латыни, и связанное как с находкой на Сицилии, так и с откровением, — это произвело глубочайшее потрясение среди верующих людей. Смотрите, пророчество предвещало *возрождение* культа «планетарного ангела» в этот период. А также, что во время правления папы Клементя VII будет воздвигнут собор св. Франца Паулского на месте маленькой разрушенной часовни. «Это событие случилось, как и было предсказано», — хвастается де Мирвиль, забывая, что церковь на самом деле сама выполнила это предсказание, следуя содержащемуся в нем распоряжению. Но все же оно и по сей день именуется «пророчеством».

Но лишь в XVI веке церковь, наконец, согласилась уступить в некоторых вопросах требованиям своих «высокорожденных» небесных просителей.

Хотя в то время вряд ли в Италии была хотя одна церковь или часовня, в которой бы не находилась копия *таинственного* изображения в виде рисунка или мозаики, и на самом деле в 1516 году был воздвигнут и отделан прекрасный «храм семи духов» невдалеке от разрушенной часовни в Палермо, — и все же «ангелы» не были удовлетворены. Говоря словами летописца: «блаженные духи не были довольны одной лишь Сицилией и тайными молитвами. Они хотели всеобщего поклонения и того, чтобы их всенародно признал весь католический мир».

риалистами. Да, они уверены, что никакой *профессиональный* медиум никогда не осмелится назвать их в лицо бессовестными клеветниками, и не захочет получить от них компенсацию до тех пор, пока им угрожает закон против ловкачества. Что же касается «эзотерического буддиста» или «окультиста философа», то их подстерегает все же меньше опасностей с этой стороны. Презрение последних ко всем предполагаемым клеветникам абсолютно, и требуется нечто большее, чем грубые обвинения романиста, чтобы помешать им. И почему же должны они чувствовать себя раздраженными? Поскольку они не являются *профессиональными* медиумами, и не извлекают выгоды при помощи пенсов св. Петра, то даже наиболее злобные клеветнические измышления могут вызвать у них лишь смех. Однако м-р Уолтер Безант высказал в своем романе великую истину, настоящую жемчужину предвидения, поднятую им со дна моря: «окультист философ» не собирается «*держат свой свет под судом*».

По всей видимости, небесные обитатели так же не совсем свободны от амбиций и тщеславия нашего материального плана! Поэтому амбициозные «ректоры» задумали получить то, чего они захотели.

Другой пророк (в анналах римской церкви), Антонио Дуки, был назначен священником в этот «храм семи духов» в Палермо. Примерно в то же самое время он начал видеть такие же блаженные видения, как и Амадеус. Архангелы снова убеждали через него пап признать их и установить регулярное и всеобщее поклонение их *собственным именам*, точно так же, как это было перед скандалом с епископом Адальбертом. Они настаивали на том, чтобы был построен специальный храм *для них одних*, и они хотели, чтобы он был на древнем месте знаменитых *терм* Диоклетиана. Согласно традиции, на возведение этих *терм* были осуждены 40.000 христиан и 10.000 мучеников, которым помогали в этой работе такие знаменитые «святые», как Марцелл и Трасо. Однако с тех пор, как утверждается в булле LV папы Пия IV, «это логово остается прибежищем для наиболее нечестивых обычаев и демонических (магических?) ритуалов».

Но, как это следует из различных документов, все пошло вовсе не так гладко, как того хотелось бы «блаженным духам», и для бедного Дуки наступили тяжелые времена. Невзирая на сильную протекцию семьи Колонна, которая использовала все свое влияние на папу Павла III, и на личную просьбу Маргариты Австрийской, дочери Карла V, «семь ангелов» не могли быть удовлетворены по тем же самым таинственным (а для нас прекрасно известным) причинам, хотя они и были умиловивлены и прославлены различными способами. Однако за десять лет до того, а именно в 1551 году, папа Юлий III повелел произвести предварительное очищение *терм*, и была построена первая церковь, носящая имя «св. Марии ангелов». Но «блаженные троны», чувствуя недовольство по отношению к ним, развязали войну, в ходе которой этот храм был разграблен и разрушен, как если бы они были не благословенными архангелами, а злобными каббалистическими *призраками*.

После этого они продолжали являться пророкам и святым, с еще большей частотой, чем до того, и даже еще более гром-

ко и настоятельно требовать особого места для поклонения. Они *требовали* восстановления на том же самом месте (на месте *терм*) храма, который назывался бы «Церковью *семи ангелов*».

Но здесь возникли те же самые трудности, что и раньше. Для пап было бы смертельно произнести первоначальные названия демонических имен, то есть, языческих богов, и ввести их в церковную службу. «Таинственные имена» семи ангелов не могли быть показаны открыто. Совершенно верно, что когда было обнаружено древнее «таинственное» изображение с семью именами на нем, эти имена широко использовались в церковной службе. Но в период Ренессанса папа Клемент XI приказал подготовить специальный отчет о том, как они расположены на этом изображении. Эта деликатная миссия была возложена на знаменитого астронома той эпохи, иезуита Джозефа Бианчини. Результат, к которому привело это расследование, был столь же неожиданным, сколь и фатальным для тех, кто поклонялся семи сабейским богам; папа, хоть и распорядился сохранить это изображение, приказал *тщательно стереть* семь имен ангелов. И «хотя эти имена являются традиционными», и «не имеют ничего общего», и «сильно отличаются от имен, использовавшихся Адальбертом» (магом-епископом из Магдебурга), как хитроумно добавляет летописец, все же даже одно их упоминание было запрещено святой римской церковью.

Так обстояли дела с 1527 по 1561 год; священник пытался удовлетворить приказания своих *семерых* «руководителей», — церковь боялась принять даже халдейские заменители «таинственных имен», так как они были чересчур «осквернены магическими практиками». Однако нам не говорят, почему таинственные имена, которые всегда были куда менее известны, чем их заменители, не должны были быть оглашены, если священные «троны» пользовались хотя бы малейшим доверием. Но, оно должно было быть на самом деле весьма «малым», поскольку можно проследить, что «семь архангелов» требуют своего восстановления в правах в течение тридцати четырех лет и положительно отказываются называться какими бы то ни было иными именами, а церковь, тем не менее, остается глухой к их пожеланиям. Оккультисты не скрывают причины,

по которой они отказываются использовать их: *они являются опасно магическими*. Но почему должна опасаться их церковь? Разве не говорили апостолы, и особенно Петр, что «все связи земные плетутся на небесах», и разве им не была дана власть надо всеми демонами, известными и неизвестными? И, тем не менее, некоторые из таинственных имен могут быть все же обнаружены вместе с их заменителями в старых католических тревниках, напечатанных в 1563 году. Один из них хранится в библиотеке Барберини, и запрещенные подлинные сабейские имена зловеще мелькают в нем то тут, то там.

«Боги» в очередной раз потеряли терпение. Действуя поистине в духе Иеговы со своими «строптивыми» почитателями, они наслали бедствие. Ужасная эпидемия *наваждения* и *умопомрачения* вспыхнула в 1553 году, «когда весь Рим был одержим дьяволом», — говорит де Мирвиль (не уточняя, попало ли в это число и духовенство). Тогда только осуществилось желание Дуки. Семь его вдохновителей были призваны их собственными именами, и «эпидемия прекратилась как по волшебству, и священные создания», — добавляет летописец, — «еще раз доказали при помощи божественных сил, которыми они обладают, что они не имеют ничего общего с *одноименными демонами*», — то есть, с халдейскими богами.¹

«Тогда в Ватикан был вызван со всей поспешностью папой Павлом IV Микеланджело». Его величественный проект был принят, и началось строительство прежней церкви. Ее создание продолжалось более трех лет. В архивах этого ныне прославленного сооружения можно прочитать, что: «невозможно рассказать о тех чудесах, которые случились за этот период, так как это было *одно непрерывное чудо на протяжении всех трех лет*». Папа Павел IV в присутствии всех своих кардиналов приказал, чтобы семь имен были восстановлены в том виде, как они были первоначально написаны на изображении и запечатлены на его огромной копии, которая и поныне увенчивает верх алтаря.

¹ Но они еще раньше доказали свою *силу*, развязав войну, разрушив церковь и наслав эпидемию; и все это — в глазах оккультиста — не выглядит поистине *ангельским*.

Величественный храм был освящен во имя семи ангелов в 1561 году. Цель этих духов была достигнута; тремя годами позже, почти одновременно, Микеланджело и Антонио Дуки скончались. В них больше не было необходимости.

Дуки был первым человеком, похороненным в этой церкви, борьбе за возведение которой он отдал лучшие годы своей жизни и которую он, в конце концов, обрел для своих небесных покровителей. На его могиле выгравировано краткое изложение всех откровений, полученных им, а также список молитв и заклинаний, епитимий и постов, применяемых как средство для получения «священных» откровений и привлечения более частых гостей от «семерки». В ризнице, за небольшую плату, можно увидеть перечни некоторых из феноменов «непрерывного чуда на протяжении всех трех лет», а также документы, свидетельствующие о них. Отчет о «чудесах» носит *imprimatur* [«печать», *лат.*] папы и нескольких кардиналов, но все же ему не хватает одобрения Общества психических исследований. «Семеро ангелов» должны очень сильно нуждаться в последнем, так как без него их триумф никогда не будет полным. Мы надеемся, что исследователи привидений пошлют в ближайшее время своего «гонца» в Рим, и тогда «священные создания» смогут найти нового Дуки — в Кембридже.

Но что же стало с «таинственными именами», которые употреблялись с такой опаской, и каковы же их новые имена? Прежде всего, произошло замещение имени Йегудиэль на одно из каббалистических имен. Ровно через сто лет все семь имен внезапно исчезли по распоряжению кардинала Альбиция. В старой и почитаемой церкви «Санта Мария делла Пьета» на пьядца Колонна, до сих пор можно увидеть «таинственное» изображение семи архангелов, но их имена были стерты и эти места закрашены. *Sic transit gloria* [так проходит слава, *лат.*]. То немногое, что осталось после этого от «семерки» в мессах и вечерних службах, было еще раз исключено из требников, несмотря на то, что «они совершенно отличны» от тех «планетарных духов», которые помогали епископу Адальберту. Но как «ряса не делает в действительности из человека монаха», так и перемена имен не может воспрепятствовать их обладателям быть теми же самыми, кем они были до того. Им все еще поклоняются, и единственная цель моей статьи — доказать это.

Будет ли кто-нибудь отрицать это? Если да, то в таком случае я должна напомнить читателям, что совсем недавно, в 1825 году, один испанский вельможа при поддержке архиепископа Палермо сделал попытку склонить папу Льва XII к одновременному восстановлению *этой службы и этих имен*. Папа разрешил церковную службу, *но отказался разрешить употребление старых имен*.¹

«Эта служба, усовершенствованная и расширенная по распоряжению папы Павла IV, записи о которой существуют до нашего времени в *Ватикане* и *Минерве*, оставалась в силе в течение всего понтификата Льва X». Иезуиты были обрадованы больше всех восстановлением старого культа ввиду той огромной помощи, которую они от него получали, так как он обеспечивал успех их прозелитических целей на Филиппинских островах. Папа Пий V допустил ту же самую «божественную службу» в Испанию, говоря в своей булле, что «что нельзя перестараться в восхвалении *этих семерых ректоров* мира, которых *символизируют СЕМЬ ПЛАНЕТ*», и что ... «это служит утешением и благим предзнаменованием для сего века, что по милости Божией культ *этих семи пылающих светил* и *этих семи звезд* был воссоздан во всем своем великолепии в христианской республике».²

Тот же самый «святой папа позволил, кроме того, монахиням *Matritensis* [«Скорбящей Богоматери», *um.*] установить *fête* [праздник, *um.*] *ЙЕГУДИЭЛЯ*, покровителя их монастыря». У нас нет информации, заменено ли это имя ныне на другое, менее языческое — или же все осталось как есть.

В 1832 году то же самое требование в виде петиции о распространении культа «семи божественных духов» было повторено, получив в этот раз одобрение *восемидесяти семи епископов* и тысяч чиновников с именами, известными в католической церкви. И снова, в 1858 году, кардинал Патрици и король Фердинанд II от имени *всех граждан Италии* повторил

¹ Эта цитата взята из сочинения маркиза де Мирвиля «*Pneumatologie. Des Esprits, etc.*», том II, стр. 388. Поскольку никогда не было более яростного паписта и ультрамонтана, чем он, то его свидетельство вряд ли может вызвать какое-либо сомнение. Он, по всей видимости, гордится этим идолопоклонством и громко требует его *публичного* и всеобщего восстановления.

² Там же, стр. 358 и далее.

их петицию; и, наконец, еще раз — в 1862 году. Таким образом, церковные службы во славу семи «духов-звезд» ни разу не отменялись с 1825 года. До сих пор они сохраняют законную силу в Палермо, в Испании, и даже в Риме в церквах «св. Марии ангелов» и «*Gésu*» — хотя и полностью прекращены во всех других местах. И все это «из-за ереси Адальберта», — самодовольно отмечают де Мирвиль и все защитники звездно-ангелического культа. На самом деле, не существует никакой иной причины для этого, кроме той, что уже была раскрыта. Даже семь заменителей, особенно четыре последних, были слишком явно связаны с черной магией и астрологией.

Писатели типа де Мирвиля пребывают в отчаянии. Не осмеливаясь порицать церковь, они изливают свой гнев и ярость на древних алхимиков и розенкрейцеров. Тем не менее, они шумно требуют восстановления публичного поклонения; и внушительные ассоциации, созданные с 1862 года в Италии, Баварии, Испании и в других местах для восстановления культа семи духов *во всей его полноте* и по всей католической Европе, дает надежду на то, что через несколько лет семеро индийских риши, ныне счастливо проживающих в созвездии Большой Медведицы, станут по милости и по воле некоего непогрешимого римского понтифика законными и славными покровителями христианства.

А почему бы и нет, если Георгий и в наши дни является «святым покровителем не только святой Руси, протестантской Германии и прекрасной Венеции, но также и веселой Англии, чьи солдаты», — по словам У. М. Брейтуэйта,¹ — «защитили бы его престиж своей кровью». И уж конечно наши «семь богов» никак не хуже, чем был при жизни этот мошенник Георгий из Каппадокии!

Поэтому, с мужеством истинных верующих, христианские защитники семи звезд-ангелов не отрицают ничего, или, во всяком случае, хранят молчание, когда бы их ни обвиняли в поклонении халдейским или иным богам. Они даже признают их идентичность и гордо принимают обвинение в звездопочитании. Такое обвинение много раз высказывалось француз-

¹ У. М. Брейтуэйт: «Св. Георгий для веселой Англии», Массонский ежемесечник, № 2.

скими академиками в адрес их ныне покойного лидера, маркиза де Мирвиля, и вот что он пишет им в ответ:

«Нас обвиняют в том, что мы принимаем звезды за ангелов. Это обвинение приобретает столь широкую огласку, что мы вынуждены дать на него самый серьезный ответ. Невозможно, чтобы мы попытались отмолчаться, не утратив искренности и мужества, поскольку эта *так называемая ошибка* непрестанно повторяется как в Писаниях, так и в нашей теологии. Мы будем исследовать ... это положение, до сих пор столь распространенное, а ныне дискредитированное, которое правильно относит к нашим СЕМИ ГЛАВНЫМ ДУХАМ управление не семью известными планетами, но семью ГЛАВНЫМИ планетами,¹ представляющими собой совершенно другие объекты».²

И автор торопится сослаться на авторитет Бабинэ, астронома, который попытался доказать в талантливой статье, опубликованной в «*Revue des Deux Mondes*» (май, 1885 г.), что на самом деле, не считая земли, мы имеем лишь СЕМЬ больших планет.

«Семь главных планет» — это другое допущение для принятия чисто оккультного учения. Согласно эзотерической доктрине, каждая планета по своему составу является *семеричной*, подобно человеку, относительно своих принципов. Эта, так сказать, *видимая планета является физическим телом* небесного существа, *атма* или дух которого — это ангел, или риши, или дхиан-коган, или дева, или что-либо еще, как бы мы ее не назвали. Эта вера, как это очевидно для оккультистов,³ является вполне оккультной. Это учение Тайной Доктрины — *минус* элемент идолопоклонства — в его чистом виде. Однако то, как ее преподносят в церкви и ее ритуалах, и особенно, как ее *практикуют*, — это чистейшей воды АСТРОЛАТРИЯ.

В данном случае нет никакой необходимости показывать разницу между учением, или теорией, и практикой в римско-католической церкви. Слова «иезуит» и «иезуитизм» проникли повсюду, и дух истины давным-давно покинул римскую

¹ Эти «главные планеты» являются *таинственными планетами* языческих посвященных, но были искажены догмой и вмешательством духовенства.

² «Pneumatologie. Des Esprits, etc.», Том II. «Memoire adressé aux Academies», стр. 359 и далее.

³ См. в «Эзотерическом буддизме» о строении планет.

церковь (если он вообще когда-либо находился рядом с ней). На это протестантская церковь, которая полна столь братским духом и любовью к своей сестре-церкви, скажет — *Аминь*. А сектант, чье сердце наполнено как любовью к Иисусу, так и ненавистью к ритуализму и его отцу, папизму, — рассмеется.

В редакторской статье в «Times» за 7 ноября 1866 года выдвигается «Ужасное обвинение» против протестантов, в котором говорится:

«Под влиянием епископата все исследования, связанные с теологией, пришли в запустение, и до сих пор английские библейские критики являются предметом насмешек иностранных ученых. Какую бы работу теолога, являющегося, по всей видимости, деканом или епископом, мы не взяли, мы обнаруживаем, что в ней вовсе не серьезный ученый показывает результаты *непредвзятого исследования*, а просто адвокат, который, как нам кажется, начал свою работу с изначальной установкой *доказать, что черное это белое*, — для пользы своей собственной традиционной системы».

Если с одной стороны протестанты не признают «семь ангелов», и, отвергая поклонение им, стыдятся и сторонятся их имен, равно как и католики, то с другой стороны они виновны в «иезуитизме» иного рода, не менее дурного свойства. Ибо, хотя они и исповедуют веру в Писания как в *Откровение*, данное Богом, ни одна фраза в котором не может быть изменена под угрозой вечного проклятия, они все же дрожат и съеживаются от страха перед открытиями науки, и пытаются потворствовать своему главному противнику. Геология, антропология, этнология и астрономия — это для них то же, что и Уриэль, Скалтиэль, Йегудиель и Барахиель для римско-католической церкви. Это все равно, что число шесть для одних, и полдюжины для других. И поскольку ни та, ни другая религия не будут воздерживаться от того, чтобы предавать анафеме, клеветать и преследовать магию, оккультизм и даже теософию, то было бы совершенно справедливо и оправданно, если бы изучающие сакральную науку древности, наконец, дали бы им свой отпор, продолжая бесстрашно говорить истину в лицо им обоим.

MAGNA EST VERITAS ET PREVALEBIT¹

¹ «Велика истина, и она восторжествует», *лат.*

КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ИОАННА ¹

Настоящая предварительная статья посвящена главным образом переводу первых стихов оригинального текста, который у нас имеется; сразу же следует отметить, что этот перевод ставит перед нами значительные трудности и допускает широкую свободу в интерпретации, даже без искажения самого греческого текста. Она будет интересна даже для тех, кто не знаком с оригинальным языком, поскольку показывает, сколь опасно доверять принятому переводу или же, фактически, любому переводу, не сопровождаемому достаточно обширным комментарием. Кроме того, когда понимаешь, сколь большие затруднения возникают даже в том случае, если данный текст написан на греческом языке, легко увидеть, что во много раз большую сложность подразумевает перевод еврейских текстов, сделанный с языка, по самой своей сущности оккультного и открытого бесконечным смысловым перестановкам и изменениям.

Оригинальные тексты еврейского Священного Писания были написаны без огласовок, и каждая школа имела свою собственную традицию, указывающую, какие именно огласовки должны быть использованы. Почему же тогда мы должны настаивать на истинности системы огласовок одной отдельной школы, Масоретской, исключая при этом все остальные, непонятно никому, кроме ортодоксального суеверного поклонника Библии.

¹ Приведенные здесь комментарии легли в основу дискуссии, проходившей на собрании Ложи Блаватской в октябре 1889 г. Они были подготовлены мной к этому собранию преимущественно из заметок самой Е. П. Б. Поскольку невозможно привести этот материал в сколь-либо упорядоченную форму, эти комментарии являются просто намеками для изучающих оккультизм, служа ценным примером метода истолкования, присущего Е. П. Б. — *Дж. Р. С. Мид.*

Именно с этой точки зрения данная предварительная статья и может представлять некоторый интерес.

I

1. В начале был Логос, и Логос был *πρὸς τὸν θεόν*, и Логос был *θεός*.

В самом же первом стихе возникает серьезное затруднение, связанное с правильным истолкованием любопытного дополнения *πρὸς τὸν θεόν*. В Вульгате оно переводится как *apud Deum*, «с Богом» — не «вместе с Богом», что означало бы *cum Deo*, но в смысле «при», «у». Но адекватно ли латинское *apud* греческому *πρὸς*? *Apud* — это предлог, обозначающий покой; *πρὸς*, с винительным падежом, обозначает в основном движение — *versus*, *adversus*, фактически представляя идею враждебности, а метафорически — противопоставления. Таким образом, перевод *πρὸς τὸν θεόν* как «с Богом» является совершенно неправомерным даже с точки зрения обычного значения этих слов.

Все, что можно сказать, исходя из данного текста, это то, что утверждается нечто об отношении Логоса и Бога, и что это утверждение значительно отличается от следующего: *viz.*, что «Логос был Бог». Таким образом, мы имеем возможность дать философское истолкование этой фразы. Отметим, что в одной фразе при слове *θεόν* использован артикль, а в другой он опущен. Логос был Богом или божеством, то есть, можно сказать, что Первый или Непроявленный Логос является в сущности тем же самым, что и Парабрахман. Но с появлением первой потенциальной Точки, именно эта Точка и все остальное, *ὁ λόγος* и *ὁ θεός*, и отношение между ними, описывается во фразе «Логос был *πρὸς τὸν θεόν*».

Та же фраза встречается еще раз в Послании к Римлянам (5:1): «Мы имеем мир с Богом» (*εἰρήνην πρὸς τὸν θεόν*).

2. Он (Логос) был в начале *πρὸς τὸν θεόν*.

Зачем это повторение? Не означает ли это, что Логос и Мулапракрити существовали с началом первого «волнения манвантарического пробуждения»?

Но здесь возникает одно сомнение: означает ли слово *ἀρχή* «начало»? Мы знаем, сколь большие противоречия возникли вокруг истолкования первого стиха Бытия, и хотя в православии он и переводится как «в начале», Иерусалимский Таргум переводит слово *берешит* как «в мудрости».

Далее, как показали Годфри Хиггинс в своем «Анакалипсисе», Инман и многие другие авторы из той же школы, слово *ἀρχή* синонимично словам *argha*, *ark*, *argo*, обозначающим корабль, на котором Ясон плывал в поисках «золотого руна» (Аполлон Родосский), и, таким образом, тождественно джагад-йони, «утробе мира», или, скорес, согласно комментаторам Пуран,¹ его материальной причине, или *карана*, в соответствии с эзотерической философией, *идеальному духу этой причины*. Это Свабхават буддистов и Мулапракрити философов-ведантистов.

Коль скоро это так, поищем тогда иное истолкование.

Первый Логос был в Мулапракрити. Это Точка в Круге Пространства, «центр которого везде, а окружность нигде».

Прекрасно. Но в чем же разница между *θεόν* и *ὁ θεόν*? Какой термин является высшим, и можно ли сказать, что он идентичен с Парабрахманом?

Означает ли это, что в Праляйе Логос связан или соединен с одним лишь Парабрахманом, будучи, фактически, единым с Ним?

Если это так, то второй стих означает, что Логос, еще до наступления дифференциации, есть чистый дух, имеющий отношение лишь к духовному миру.

Однако, если смысл этого стиха именно таков, трудно понять, почему пропущен артикль перед словом *ἀρχή*.

3. Все через него (*viz.*, Логос) начало быть (или существовать), и без него ничто не начало быть (или происходить), что начало быть.

Следует отличать слово *πάντα*, «все», от слова *κόσμος* (космос) в 10-м стихе.

Термин *κόσμος* используется философами для обозначения организованной вселенной в противоположность *indigesta*

¹ «Тайная Доктрина», том I, стр. 46.

moles [«беспорядочной массе», *лат.*] или Хаосу. Кроме того, совершенно ясно, что 10-й стих относится к более позднему этапу эманации или эволюции, чем 3-й. Поэтому не будет излишне смелым перевести *πάντα* как «проявление всего», так сказать, всех вселенных и систем.

Совершенно ничем неоправданным является перевод «все было создано им». Глагол *γίγνομαι* означает не «создавать», но «становиться». Слово *διὰ*, используемое в значении действующей силы или инструмента, достаточно редко означает «средство». Его основной смысл — это «через», как в пространственном, так и во временном аспектах. Образно говоря, оно употребляется в смысле причины и, в более поздних текстах, в значении материала, из которого сделана вещь. Поэтому, даже если принять идею творения, это показывает, что все вещи были сделаны «через» или «из» Логоса.

Сравнивая три этих первых стиха с первой главой Бытия, мы отмечаем полное отсутствие Пустоты или Хаоса, и это еще одна причина, по которой следует детально рассмотреть слово *ἀρχή*.

4. В нем (Логосе) была Жизнь, и Жизнь была Свет человеков.

Zoḗ (жизнь) отличается от *πάντα* (объективного проявления) тем, что она находится в Логосе (или присуща ему), а не эманировала через него. Таким образом, ее можно рассматривать как силу Логоса. Логос 3-его стиха не тот же, что Логос 1-го. По своей сущности или в вечности, конечно, они тождественны, но во времени они находятся на разных ступенях эманации. В «Тайной Доктрине» этот Логос называется Вторым или Третьим Логосом, «сияющими сынами манвантарического возрождения», или «строителями» (семиричной иерархией).

Не является ли тогда эта потенция Третьего Логоса фохатом? А если это так, то является ли *φῶς* (Свет) Буддхи или Манасом?

«Что говорю вам в Темноте (*ἐν τῇ σκοτία*), говорите при Свете (*ἐν τῷ φωτί*); и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях». (Мф. 10:27.)

«Посему, что вы сказали в Темноте (*ἐν τῇ σκοτία*), то услышится во Свете (*ἐν τῷ φωτί*); и что говорили на ухо внутри дома (в тайни-

ках, в скрытых помещениях), то будет провозглашено на кровлях».
(Лк. 12:3.)

В этих стихах слово *σκοτία* (тьма) употребляется, по всей видимости, в метафорическом смысле; это редкое слово более позднего происхождения, которое не часто применяется в отношении физической темноты; таким образом, *σκοτία* (тьма) относится к эзотерическому, а *φῶς* (свет) к экзотерическому учению: связь между двумя этими идеями аналогична таковой между *σκοτία* и *φῶς* в Евангелии от Иоанна.

Ταμειῶν (тайник) — странное слово, использующееся в Пистис Софии для обозначения разных подразделений Кама-локи, в Великом Змее или Астральном Свете.

«То, что вы говорили (*λαλεῖν*) на ухо». Глагол *λαλεῖν* («лепетать») не означает здесь «говорить» в обычном смысле этого слова, как в ортодоксальном переводе: слово *λαλεῖν* всегда отличалось от *λέγειν* и очень часто обозначало музыкальные звуки, звуки природы и пение. Те, кто читал о гностических призываниях и таинственных именах, мантрах и т. д., поймут это его значение.

Слово *σκότος* (использованное в Ефес. 5:8; Лк. 22:53; Мф. 8:12; 2 Пет. 2:17) во всех случаях имеет мистическое значение, рассмотрение которого хотя и представляет большой интерес, но увело бы нас слишком далеко от настоящей темы. Однако мы хотели бы предостеречь от того, чтобы пытаться объяснить значение любого слова в Новом Завете посредством цитирования его же из других фрагментов или книг. Новый Завет — это вовсе не единый текст; пытаться согласовать значения отдельных слов вне их контекста столь же бесполезно, как брать, например, слово *буддхи* и утверждать, что оно имеет одно и то же значение в эзотерической, санкхья, йога, буддистской, или других школах индийской философии.

5. И Свет во Тьме светит, и Тьма не объяла его.

В «Тайной Доктрине» эта тьма считается синонимом чистого духа, а Свет обозначает материю.

«Тьма в своей коренной, метафизической основе есть субъективный и абсолютный Свет: тогда как последний, во всем своем сия-

нии и славе, есть просто скопление теней, поскольку он никогда не может быть вечным и является всего лишь иллюзией, или майей».¹

Имеют ли «Свет» и «Тьма» в этом стихе именно такое значение? Или же он подразумевает, что люди считают «Светом» ту «Жизнь», которая является потенцией Логоса, тогда как то, что выше «света», *viz.*, Логос (или «Тьма» для них), и есть подлинный «Свет»? Тогда фраза: «Тьма не объяла его» означает, что абсолютный дух не объял или не понял этот иллюзорный «Свет».

6. Был человек, посланный от Бога (*παρὰ θεοῦ*, без артикля); имя ему Иоанн.

7. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

Если считать этот «Свет» идентичным с Христом-духом, он будет Буддхи; но если *φῶς* — это Манас, можно избежать этого затруднения, полагая, что *φῶς* означает Буддхи-Манас.

8. Он не был Свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

9. Был Свет истинный (реальный), который просвещает всякого человека (человеческую суть), проходящего в мир.

II

1. В начале (Мулапракрити) было Слово (Третий Логос), и Слово было у Бога (*πρὸς τὸν θεόν*; Второй Логос), и Слово было Бог (Первый Логос).

И все же все три Логоса были одним.

2. Этот Логос (сущность Логосов) был в начале (в Мулапракрити) идентичен с Парабрахманом.

Совершенно очевидно, что существует великая разница между фразой *πρὸς τὸν θεόν*, говорящей о Логосе, как единстве, и той же фразой, говорящей о его втором аспекте, как в стихе 1.

¹ «Тайная Доктрина», том I, стр. 70.

3. 3-й стих относится к Третьему или творящему Логосу.

Все через него начало быть, *viz.*, третий аспект Логоса и источник их существования, или сами эти вещи, были двумя высшими аспектами этой Сущности.

4. В Нем, Логосе как единстве, была Жизнь, и Жизнь была Свет «человеков» (*viz.*, посвященных; ибо непосвященные называются «теньями [чхайя] и подобиями»).

Этот Свет ($\phi\omega\acute{\iota}\varsigma$) есть Атма-Буддхи, сиддхи или силой которой является кундалини, или священный огонь; это змеевидная или спиральная сила, неправильное использование которой может привести к смерти.

5. И Свет Жизни, как единая Сущность, во Тьме светит, и Тьма не объяла его.

Ни эта Сущность Логоса не охватывает Парабрахман, ни Парабрахман не охватывает Сущность. Они, так сказать, находятся на разных планах.

6. Был человек, посвященный, посланный духом; имя ему Иоанн.

Иоанн, Оаннес, Дагон, Вишну — персонифицированный микрокосм. Это имя может быть рассмотрено в его мистическом значении; то есть, этот человек персонифицирует силу тайного имени «Иоаннес».

7. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него.

Точно так же и Кришна, аватара Вишну в Бхагавадгите, говорит, что он пришел, дабы быть свидетелем.

8. Он не был Свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

9. Этот Свет есть Единственная Реальность, которая просвещает всякого человека, проходящего в мир.

То есть, все мы имеем внутри искру Божественной Сущности.

10. Два следующих стиха описывают нисхождение духа в материю, 10-й повторяет 3-й стих на более низком плане.

Кроме того, при непосредственном нисхождении в Космос, он антропоморфизируется.

В Космосе он (*viz.*, Свет) был, и Космос через него начал быть, и Космос его не познал.

11. Он пришел к своим (то есть, в низшие принципы или низшего человека, или в человечество в целом — *tà ἴδια*, термин среднего рода), и свои (мужской род) не его приняли.

Первая часть этого стиха выражена с абстрактной или безличной точки зрения, последняя — с личной точки зрения. Принципы и их силы становятся индивидуальными.

12. А тем, которые приняли его (Атма-Буддхи), он дал власть быть чадами Божиими (посвященными), *viz.*, верующим во имя его.

Это семеричное имя, или звук, *Οεαοηοο* «Тайной Доктрины» и *αετηοω* «Пистис Софии». Странно, что латинские слова *poten* (имя) и *numen* (божество или божественное) столь сходны друг с другом.

13. Которые родились (*итеративный аорист*) ни от «кровей», ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога.

Термин «кровей», необычно используемый во множественном числе, аналогичен «жизням» в «Тайной Доктрине»; они являются элементарными центрами силы, микрокосмическим аспектом макрокосмических *таттв*; «Пóтом», а не «Волей рожденные», но скорее, рожденные бессознательно.

«Рожденные по воле плоти» — это «Рожденные из яйца» андрогины «Тайной Доктрины», те, кто родился посредством кряшакти, при помощи «Силы воли».

«Рожденные по воле мужа» — а не человека, это люди, родившиеся обычным образом после разделения полов.

Тогда как выражение «рожденные Богом», Сыны Бога, относится ко «Второму Рождению».

14. Так Логос стал плотию (воплотился), и обитал (букв., временно поселился) с нами (то есть облачился в тело, или тела). И мы видели его видимость (не славу, разве что в смысле *шекины*, или покроя), видимость, как едиnorodного сына Отца, полную благодати и истины.

Слово *δόξα*, которое переводится как «слава», нигде более не встречается в таком значении в греческом языке.

Платон использует слово *δόξα* в значении «мнение», чтобы отличить его от *ἐπιστήμη*, «знание», а Эсхил (*Choëphoræ*, 1053) употребляет его для обозначения «видения».

«Отец» в этом стихе означает Свабхават, Отец-Мать. Это Свабхават буддистов, Отец-Мать (составное слово) «Тайной Доктрины» и Мулапракрити ведантистов; Мулапракрити не есть Парабрахман, хотя, так сказать, они и одновременны. Вероятно, ее можно определить как его постижимый аспект.¹

Этот перворожденный есть санскритский *аджа*, греческий *ἀγνός* или агнец. Ягнят, овец и козлов приносили в жертву Кали, низшему аспекту Акаши, или Астрального Света. «Единородного Сына» приносили в жертву Отцу; то есть, иными словами, духовная часть человека приносится в жертву астральной.

Слово «благодать» (*χάρις*) весьма трудно для перевода. Оно соответствует высшему аспекту Акаши. Два эти аспекта таковы:

Духовный план: Алаяя (Душа Вселенной); Акаша.

Психический план: Пракрити (Материя или Природа); Астральный Свет или Змий.

15. Иоанн свидетельствует о нем и, восклицая, говорит: Сей был тот, о котором я сказал, что идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня (*πρότερος*).

То есть, можно сказать, что с точки зрения ученика божественный принцип Атма-Буддхи более поздний во временном отношении, ибо союз с ним невозможен до тех пор, пока не будет достигнут конец Пути. И все же эта искра божественного огня существовала прежде личности неофита, поскольку она вечна и находится во всех людях, хотя и в не проявленном состоянии.

Таким образом, Иоаннес является представителем Вишну; человек, ставший адептом своими собственными усилиями — дживанмукта. Этот типичный персонаж, индивидуум, представляющий целый класс, находится в пространстве и во времени, тогда как Единая Мудрость пребывает в вечности и является таким образом «первой».

¹ Ср.: «Тайная Доктрина», том I, стр. 10, прим.

16. И от Полноты (πληρώμα) его все мы приняли и благодать на благодать.

Слово *πληρώμα* (Плерома, или Полнота) следует отличать от Мулапракрити.

Плерома — это бесконечное проявление в проявлении, Джагад Йони, или Золотое Яйцо: Мулапракрити же — это некая абстракция, Корень Джагад Йони, Чрево Вселенной, или Яйцо Брахмы.

Таким образом, Плерома есть Хаос. Выражение «благодать за благодать» означает, что то, что мы получаем, мы возвращаем назад, атом за атом, услугу за услугу.

17. 17 стих поясняет 16.

Ибо Закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа.

Внешняя иллюзия, или «Зримая Доктрина», через Моисея; реальность, или «Сердечная Доктрина», через божественный Дух Атма-Буддхи.

18. Бога (Парабрахман) не видел никто никогда.

Никто, и даже Первый Логос, который, как утверждается в лекциях о Бхагавадгите Т. Субба Роу, может взирать лишь на его покров, Мулапракрити.

Единородный Сын, Логос, пребывающий в недрах Отца, в Парабрахмане, возвещает о нем (показывая его в проявлении, но не видя его).

III

19. И вот свидетельство Иоанна, когда иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: Кто ты?

Этот стих касается серьезных разногласий между каббалистами, или посвященными дохристианской Иудеи, и синагогой, ставших продолжением борьбы между пророками и священниками.

Таким образом, Иоанн в данном контексте обозначает Иоаннеса или Мудрость, Тайное Слово или глас, Бат Кол, который евреи называли Гласом Божиим, или Дочерью Бога. В действительности, это Голос Мудрости. Однако в данном контексте мы имеем лишь отголосок традиции.

20. Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христ.

Другими словами: «Я не прославленный Христос».

21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Ты тот пророк? Он отвечал: нет.

Корень имени Илия в древнееврейском и коптском языках означает Буддхи. Это игра слов, связанная с Буддхи. Оно означает Манас и Буддхи без Атмы. Это не то же самое, что Христос, помазанный Алайей.

«Тот пророк», или просто «пророк», — это высший Манас.

Говоря как человек, Низший Манас, Иоанн не говорил как один из трех высших «принципов», Атма (Абсолют), Буддхи (Духовное), и Высший Манас, или Разум.

В связи с идеей о том, что Иоанн был реинкарнацией Илии, интересно привести здесь замечательный фрагмент из «Пистис Софии». «Живой Иисус», «Первая Тайна», или Царь-Посвященный, говорит:

«Это случилось, когда я явился среди Правителей Эонов, и, взирая свыше на Мир людской, я обнаружил Елизавету, мать Иоанна Крестителя, прежде чем она зачала его. Я посеял в нее Силу, которую я получил от Малого ИАО, Добра, пребывающего в Середине,¹ чтобы он проповедовал передо мной и подготовил мне путь, и крестил водой для отпущения грехов. Эта Сила теперь *есть*² в теле Иоанна. Кроме того, в Месте, предназначенном для Души Правителей, я обнаружил душу пророка Илии в Эонах Сферы, и я взял его и, получив также его душу, принес ее Деве света, и она дала ее своим Преемникам, которые привели ее в Сферу правителей и препроводили ее во чрево Елизаветы. Так Сила Малого ИАО, Добра, которое пребывает в Середине, и душа пророка Илии, соединились вместе в теле Иоанна Крестителя.

По этой причине вы и усомнились в моих словах. Иоанн сказал, «Я Христос»; и вы сказали мне: «Это написано в Писаниях, если придет Христос, прежде него придет Илия и приготовит путь ему». И я ответил: «Воистину, Илия пришел, и приготовил он все согласно тому, как было написано; и они сделали ему все то, что должны были сделать». И когда я увидел, что вы не поняли того, что я вам сказал о

¹ То есть, подразумевается, что посеянная Сила есть отражение Высшего Эго или низшего *Кама-Манаса*.

² Обратите внимание на настоящее время, поскольку ортодоксальный Иоанн умер за много лет до того.

душе Илии, заключенной в Иоанне Крестителе, тогда я ответил прямо и открыто: «Если вы сможете понять это, Иоанн Креститель и есть тот Илия, который», по моим словам, «приходил».

Елизавета в вышеприведенном отрывке — это персонафицированная женская Сила, или Шакти.

23. Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия.

Я Голос Мудрости (ср. со стихом 19), вопиющий в пустыне Материи: очистите Антаскарану («Внутренний Орган», или Астрального Человека), Путь, ведущий от Низшего Человека к Высшему.

«Антаскарана — это Низший Манас, Путь Коммуникации или общения между личностью и Высшим Манасом или Человеческой Душой. В момент смерти он разрушается как Путь или Посредник в общении, а его останки сохраняются в форме Камарупы — *оболочки*».¹

25. И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк?

Скорее «*Чем же ты крестишь?*», а не «*Что же ты крестишь?*»

В «Пистис Софии» упоминаются многочисленные крещения, печати и символы, или пароли. Все они олицетворяют ступени посвящения, однако здесь существует два главных подразделения: алые и великие мистерии.

(1) Малые мистерии (напр., элевсинские).

(а) Те, которые связаны с Дживой или Праной, Жизненным принципом; учения, касающиеся животной стороны человека, поскольку Прана связана со всеми природными функциями.

(б) Те, которые связаны с Астралом.

(с) Те, которые связаны с Камой и Низшим Манасом.

(2) Великие мистерии. Связаны с Высшим Манасом, Буддхи и Атмой.

26. Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас некто, которого вы не знаете».

Крещение водой символизирует Земную Марию, или Астрал.

¹ «Голос Безмолвия», стр. 88.

«Которого вы не знаете» — потому что это внутренний и высший принцип, Христос.

27. Он-то идущий за мною, но который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви его.

Повторение стиха 15, относящееся к тайне Высшего и Низшего человека, Атма-Буддхи и Низшего Манаса.

«Я недостойн развязать ремень у обуви его» — то есть, даже низшую из великих мистерий, мистерию духовного человека, я, Иоанн, Низший Человек, не достоин открыть; такова кара за «грехопадение».

28. Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн.

Этот стих вернее всего останется неясным до тех пор, пока мы не изучим мистическое значение слов Вифавара и Иордан; для того, чтобы сделать это, нам необходим оригинальный текст, ибо здесь существенно изменение хотя бы одной буквы.

29. На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира.

«Вот Иисус»; Иисус, или Исси, означает Жизнь и символизирует, таким образом, живого человека. Агнец Божий — это Аджа, о котором говорилось ранее, — Логос.

«Который берет на себя грех мира» — благодаря низшей инициации, Прана, или Жизненный принцип, очищается до такой степени, что кандидат становится достойным получить высшую инициацию Агнца или Аджи, устраняющую грех Низшего Человека.

Имя *Иес-ус* происходит от еврейского слова *Аиш*, «человек». *Иес* (на греческом языке *Ισ*, или *Ιεσ*, на иврите *שׁ*) имеет несколько значений: *Огонь*, *Солнце*, *Бог* или Божество, а также *Человек*. Так это было в писаниях домасоретских школ, и когда последняя возникла, она подтвердила истинность первоначального произношения. Слово *Человек* стало писаться *שׁן*, *Иш*, или *Иес*, женская форма которого была *שׁן*, *ис'а*, или «женщина», а также Ева-гермафродит до рождения Каина, как показано в халдейской «Книге чисел», египетская Исида. Еврейский язык был столь беден, особенно до введения устойчивых правил произношения слов при помощи масоретских ог-

ласовок, что почти каждое слово и имя в Библии допускает определенное разночтение. *Иси*, или *Исси* — это также *Иессей*, отец Давида, от которого те, кто состряпал Новый Завет, пытались вывести родословие Иисуса. У гностиков также было прозвище для своего *идеального* Иисуса — или человека в состоянии *Хреста*, неофита, проходящего испытания, и это прозвище было *Ихтус*, «рыба».

С этой рыбой, с водами в целом, и, для христиан, с водами Иордана в частности, связан весь план древней мистерии посвящения. Весь Новый Завет — это аллегорическое изображение цикла посвящения, то есть, природного рождения человека в *грехе* и в плоти, и его второго, или духовного, рождения в качестве посвященного, сопровождаемого воскресением после трехдневного транса (своего рода очищения), в течение которого его человеческое, или астральное, тело пребывало в Гадесе, или в аду, то есть на земле, а его божественное эго — на небесах, или в царстве истины. Новый Завет описывает бескорыстную *белую*, или божественную, магию; Ветхий Завет приводит описание *черной*, или эгоистической, магии. Последняя — это анимизм, первая — чистая духовность.

Название Иордан, согласно еврейским ученым, происходит от еврейского слова *Иар-эд*, «течь вниз» или «нисходить»; добавьте к слову *Иаред* букву *н* (еврейскую *נ*, *нун*), и вы получите слово «рыба-река». Слово *Иар-Дан* (*Иар*, «текущая река», и *Дан*, название колена дан) означает «река Дан», или суд. Иисус, человек и неофит, рожден Марией, *Мар*, водами, или морем, как рождается всякий человек; это было его первое рождение. При его втором рождении он входит в реку Дан, или рыбы, и стоит в ней; и по смерти его плотского тела (тела греха), он входит в реку Стикс, текущую в Гадесе, или в аду, в судном месте, куда Иисус, как принято считать, спускался после смерти. Ибо общеизвестно, что зодиакальным созвездием колена дан был Скорпион; а Скорпион — это знак женского порождающего принципа, матки, и даже чисто географически наследием этого колена была область Дана, включающая в себя начало или истоки Иордана, воды которого истекают из недр земных. Подобно тому, как у греков сходную роль во время испытания *водой* в криптах храмов играл Стикс, так и кит или рыба, поглотившая Иону в Ветхом Завете, и Иордан, в

который погрузился Иисус в Новом Завете, — все эти великие и малые «бездны», чрево рыбы, воды и т. д., все они символизируют одно и то же, а именно вхождение в некое особое существование, подобное *смерти*, которое становится *новым рождением*. Как Иона, посвященный Ветхого Завета, вошел во чрево кита (фаллическая инициация), так и Иисус, *человек*, входя в воду (символ духовного чрева его второго рождения), вступает в *Иар-Дан*, реку Дан, колена, астрономически находящегося в Скорпионе («врата женщины», или матка). Выйдя оттуда, он становится Христосом, прославленным посвященным, или божественным и бесполом андрогинном. Так же и Иона, выйдя из чрева, стал «Господом», еврейским *Иег-овой*, предшествуя, таким образом, *Иес-усу*, новой жизни. Иисус Нового Завета становится помазанником Духа, которого символизирует Голубь. Ибо Иоанн, Оаннес, или Иона, или Рыба-Кит, символизирующая земной мир Древнего Установления, — преобразована в Голубя, парящего *над* водами, символизирующего Духовный Мир. По словам Нигидия:

«Сирийцы и финикийцы утверждают, что *голубь* в течение нескольких дней сидел в *Евфрате* [одной из четырех рек Эдема] на *яйце рыбы*, из которого была рождена их Венера».¹

Венера — это ни что иное, как женская форма Люцифера, планеты; а яркая Утренняя Звезда — это Христос, Превознесенное Эго, Буддхи-Манас. Как сказано в Откровении, 22:16: «Я, Иисус ... есмь ... звезда светлая и утренняя» — Фосфор, или Люцифер.

Здесь следует вспомнить и еще об одном. Если вы читаете Библию, вы обнаружите, что все имена патриархов, пророков и других значительных персонажей, которые начинаются с буквы «И», такие как Иувал Каин, Иаред, Иаков, Иосиф, Иисус Навин, Иессей, Иона, Иоанн, Иисус Христос — все они призваны обозначать: (а) серию перевоплощений на земном, или физическом, плане, о чем свидетельствуют их жития, содержащиеся в библейских повествованиях; и (б) все они символизируют мистерии посвящения, их испытания, триумфы и рождение на Свет, сначала земной, затем психический и, в

¹ Комте де Волней: «Руины, или обзор смены империй». 2-е англ. изд., 1795, стр. 391, примечания.

конце концов, Духовный Свет, каждая из этих историй содержит исчерпывающие описания разнообразных деталей этой церемонии и ее результатов.

30. Повторение стихов 15 и 27 (третий раз).

31. Я не знал его: но для того пришел крестить в воде, чтобы он явлен был Израилю.

«Я» обозначает индивидуальность; или того, кто посвящен лишь в низшие мистерии.

«Израиль» используется «для отвода глаз», на самом деле имеются в виду те, кто хочет вступить на Путь.

32. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на нем.

Голубь в символике имеет много значений; здесь он символизирует Эрос (Любовь), или Любовь к ближнему.

33. Я не знал его; но пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на нем, тот есть крестящий Духом Святым.

И я, земной человек, не знал его, но мой буддхический принцип, пославший меня, чтобы принять посвящение в низшие мистерии, распознал этот знак. Я, земной человек, не знал, но Илия и Пророк и Христос знали.

Этот Голубь, сходящий и остающийся на человеке, то есть, эта очистительная Любовь, Любовь к ближнему, или Сострадание, нисходящее на посвященного, помогает ему соединиться со Святым Духом, или Атмой.

На земном плане это означает, что благодаря «Голубю», Облаку, или Ауре, посвященного узнают его последователи.

34-38. Сюжетное повествование, и, следовательно, вставлено «для отвода глаз».

39. Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где он живет; и пребыли у него тот день. Было около десятого часа.

Два ученика символизируют здесь двух неофитов, приближающихся к концу своих испытаний, а находиться с Учителем, или Высшей Сущностью, — значит пребывать в Христосе-Духе.

Десять часов означает период перед последним из великих испытаний. Сравните с подвигами Геракла.

40-41. Сюжетное повествование.

42. Ср.: «Разоблаченная Изида», том II, стр. 29 и 91.

43-45. Сюжетное повествование.

46. Из Назарета, то есть из секты назореев.

47-50. Сюжетное повествование.

51. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

Ты увидишь Высшее нисходящее на Низшее, и обретешь просветление и узнаешь чудеса намного большие, чем простая сила ясновидения.

IV

Первые одиннадцать стихов во второй главе содержат аллегорическое изображение последнего и окончательного посвящения; здесь мы обнаруживаем упоминание обо всех божественных и человеческих «принципах», сокрытое за языком аллегории и персонификации, а также об очищении, происходящем в них благодаря посвящению; этот эпизод обрывается внезапно и необъяснимо, и мы имеем все основания предполагать, что первоначально он был длиннее. Об этом свидетельствует даже самое поверхностное знание законов эзотерической аллегии.

Центральным пунктом этой аллегии является превращение «Воды» (Астрала) в «Вино», или Материи в Дух.

1. На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там.

Во всех мистериях по прошествии *четырёх* дней испытаний, или искушений, следуют *три* дня нисхождения в Гадес, или склеп, из которого восстает прославленный кандидат, или посвященный.

Таким образом, выражение «на третий день» означает, что настало время завершающего посвящения, когда Иисус, или неофит, становится Христом, или посвященным, то есть соединяется с Буддхи или принципом Христа.¹

(В связи с упомянутыми выше 4-мя днями интересно отметить, что Иисус, как утверждается, был искушаем в течение 40 дней. Ноль здесь не имеет значения, ибо в мистике чисел он не рассматривается и отбрасывается в соответствии с используемым методом.)

«Был брак в Кане» — то есть, можно сказать, что в Кане ученик соединялся с Высшей Сущностью, этот брак в Кане был браком Адепта с Софией, Божественной Мудростью, или же Брак Агнца.

Само название Кана, или Хана, происходит от корня, несущего в себе идею места, освященного или отведенного для определенной цели. В арабском языке Ханак — это «царская обитель», или «место правителя». Ср. с названием *девакхан*, обозначающим место, посвященное девам, то есть, состояние такого блаженства, какое, как предполагается, испытывают девы или ангелы.

«И Мать Иисуса была там» — это означает, что кандидат присутствовал там телесно, или, по крайней мере, наличествовали его низшие «принципы»; ибо в этом аспекте «Мать Иисуса» — это, главным образом, камарупический «принцип», то есть, носитель материальных человеческих желаний, приносящий жизнь и т. д. Его не следует путать с высшим аспектом, Буддхи «Матери Христа», так называемой Духовной Душой. Между ними существует такая же разница, как между Божественной Софией и Софией Ахамот, Земным Астралом.

2. Был также зван Иисус и ученики его на брак.

То есть, там присутствовали Высший Манас, или Эго (не «Сущность»), который доминировал теперь в кандидате, и его

¹ *Nota Bene* [заметь хорошо, лат.]. В диаграммах, в которых принципы символически изображены в виде треугольника, наложенного на квадрат, после «второго рождения» «принципы» должны быть расположены в новой конфигурации.

ученики,¹ или низшие принципы, необходимые для очищения всего *Человека*.

3. И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит ему: вина нет у них.

Мать Иисуса символизирует здесь его ныне очищенное желание, устремленное вверх. Этот стих означает, что человеческие физические страсти низшей сущности, гости на празднике, должны быть опьянены или парализованы, прежде чем «жених» сможет вступить в брак. Именно низший Манас (София Ахамот) говорит Иисусу: «У них нет вина», то есть, низшие «принципы» все еще не одухотворены, а потому не готовы принять участие в празднике.

4. Иисус говорит ей: что мне и тебе, Жéно? еще не пришел час мой.

Жéно (Материя или Вода, низшая четверка), что Духу-Эго делать с тобой в этот час? Нет единства между мной и тобой, мой час посвящения еще не настал, я еще не соединился с Буддхи, моей Небесной Матерью, и когда это произойдет, я смогу без всяких помех общаться с тобой.

5. Мать его сказала служителям: что скажет он вам, то сделайте.

Служители — это низшие «принципы», их мысли, инстинкты и страсти, лхамайин, или элементалы и злые духи, антагонистичные людям и враждебные им.²

6. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения иудейского, вмещавших по две или по три меры.

Шесть водоносов символизируют шесть принципов из семи, без Атмы, седьмого, или универсального, принципа — шесть с земной точки зрения, включая тело. Они содержат принципы от Акаши до Астрала, а также четыре низших принципа (остальные пребывают в латентном состоянии), наполненных Астральными Водами. Низший Манас носится в Астральных волнах.

¹ 12 «учеников» — это 3 аспекта 4 низших принципов, Δ, отраженный в □.

² Ср.: «Голос Безмолвия», прим. 17 к Части III.

7. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха.

В малых мистериях на кандидата воздействовали всеми силами четырех нижних планов, чтобы испытать его.

Шесть водоносов наполнялись Водой — символом Матери, — это означает, что в ходе предваряющих инициацию испытания и искушений неопита, его человеческие страстные желания «наполняются до самых краев», и он должен либо победить их, либо потерпеть неудачу. Иисус, Высший Манас, превращая эту Воду в Вино, или Божественный Дух, побеждает и наполняется Мудростью Богов. (См. гл. 15: «Я есмь истинная виноградная лоза», и т. д.). Неопиту давалась очистительная вода, чтобы он ее выпил, но в последний момент она превращалась в Вино; в Индии она превращалась в напиток Сома, Воду Вечной Жизни.

8. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли.

В обязанности «распорядителя пира» входило руководство банкетом и слугами, а также *дегустация* пищи и питья. Здесь это символизирует конклав посвященных, которые должны испытать кандидата, чтобы выяснить, готов он или потерпит неудачу. Это объясняет предложение в следующем стихе, «он не знал, откуда это вино», то есть не знал, пока кандидат не прошел испытание до конца.

9. Когда же распорядитель отведal воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха.

Служители, или низшие «принципы», и низшие силы, испытывавшие воздействие очищенной воли Христо-человека, узнали, что произошла великая перемена, и что низшие «принципы» были очищены и одухотворены.

«Жених» — это, разумеется, кандидат, который должен заключить брак со своей Высшей, или Божественной, Сущностью и стать, таким образом, Сыном Божиим.

Весьма интересно отметить, сколь сложными и запутанными были взаимосвязи между богами и богинями в древних космогониях, особенно в египетской и индийской. Одна и та же богиня приходится матерью, сестрой, дочерью и женой

какому-либо богу. Такая совершенно непонятная аллегория вовсе не есть каприз разгулявшегося воображения, но представляет собой попытку объяснить аллегорическим языком взаимосвязь «принципов», или, точнее, различных аспектов одного «принципа»... Так, мы можем сказать, что Буддхи (носитель Атмы) — это жена, мать, дочь и сестра высшего Манаса, или, точнее, Манаса в его связи с Буддхи, ради удобства называемого Высшим Манасом. Без Буддхи Манас был бы не более чем просто животным инстинктом, а потому Буддхи — это его мать; и Буддхи — это его порождение, дитя или потомок, потому что без оплодотворения, которого можно достигнуть только посредством Манаса, Буддхи, духовная сила, или Шакти, осталась бы неощутимой и непознаваемой.

10. И говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе.

«Сперва» означает первое воплощение Манасапутры.

Всякому кандидату по мере его дальнейшего развития требуется все меньше и меньше хорошего вина, или Духа, ибо сам он становится этим Духом, поскольку его силы и знание увеличивают обретенное им могущество. При вступлении на Путь дается «хорошее вино», или духовный импульс, но по мере восхождения ученика вверх по лестнице, необходимость в такой помощи исчерпывает себя, ибо он все больше и больше стремится к сближению с Все-Духом.

11-13. Сюжетное повествование.

14. И нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег.

Этот стих отражает отношение посвященного к экзотерической религии и характер его деятельности после того, как он одержит победу. «Храм» здесь обозначает все внешние, экзотерические убеждения, или плотские тела.

«Волы» символизируют материальные предметы, физического человека. Во всех символогиях бык означает плотскую силу и порождающую способность. «Овцы» символизируют страсти и вожделения, подчиняющие себе человека, а «голуби» — духовные устремления. «Меновщиками денег» являют-

ся те, кто торгует духовными вещами, священнослужители, алчущие наживы.

15. И, сделав бич из веревок [символизирующих то, чем связывают страсти], выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.

«Бич», столь часто встречающийся на египетских монументах и картушах, означает средство для обуздания страстей и низшей природы. Аналогичное значение имеет аркан Шивы, символизирующий то, чем связывают вместе и подчиняют страсти, желания и страхи.

16. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца моего не делайте домом торговли.

«Продающие голубей» — это те, кто торгует духовным знанием. «Домом Отца моего» является человеческое тело, которое есть храм Божий, что должно быть по природе своей храмом Святого Духа.

17. При сем ученики его вспомнили, что написано: ревность по дому твоему снедает меня.

Власть низшего человека поглощается высшим.

18. На это иудеи сказали: каким знамением докажешь ты нам, что имеешь власть так поступать?

Какою властью пытаешься реформировать ты общераспространенную религию, какое ты имеешь на это право?

19. Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и я в три дня воздвигну его.

То есть, это означает, что он прошел через посвящение и умер относительно своей прежней жизни, но снова восстал из «мертвых» в «новом рождении».

20. На это сказали иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и ты в три дня воздвигнешь его?

Ты хочешь с тремя Огнями сделать больше, чем было сделано тогда с сорока-шестью? — Всего существует сорок девять Огней, 7×7 .

СОДЕРЖАНИЕ

Теософское общество: его миссия и его будущее	5
Современный прогресс в теософии	23
Новый цикл	40
Практический оккультизм	54
Ответы на некоторые письма	62
Вопросы и ответы о йога-видье	66
Оккультизм против оккультных искусств	71
Дрейф западного спиритуализма	84
Сила предубеждения	88
«Разоблаченная Изида» и вишиштадвайта	99
Лидер Брахмо и йогизм	102
Брахмо Самадж	104
Даянанд Сарасвати и его последователи	110
Буддизм сквозь призму христианства	112
Духовный прогресс	117
Сигнал опасности	124
Путеводная звезда неизведанного	132
Западные «адепты» и восточные теософы	170
Неизбежные вопросы	183
Об одном недоразумении в «Эзотерическом буддизме»	186
«Эзотерический буддизм» и «Тайная доктрина»	192
Магические ложи	203
Об осаждении и других материях	210
Ответы на некоторые научные вопросы	218
Инверсия мысленного зрения	221
Дополнения к «Лакшмибаи»	224
Китайские духи	227
Отрицатели науки	235
Об авторитетах вообще, и об авторитете материалистов в частности	249
О критике, авторитетах и других материях	256
Примечания к статье «Космогония и антропология»	261
Праляйя современной науки	264
Примечания к «Трактату о мистериях» Ямвлиха	268
Крест и огонь	270
Рождество в прошлом и настоящем	276

Звезды и числа	283
Что в имени?	295
К читателям «Люцифера»	305
Ответ нашим критикам	311
Почему «Вахана»?	318
1890!	321
Бревно и сучок	333
Женщины Цейлона	347
Прогресс и культура	353
Брак и развод в религиозном, практическом и политическом аспекте	368
Лев Толстой и его не церковное христианство	377
Диагнозы и лекарства	387
Наука жизни	406
Русский «симпозиум»	417
Суеверие	420
Всего-навсего — гипнотизм?	428
Комментарий редактора	436
Благодеяния гласности	441
Опасное знание	445
Приметы времени	447
Алхимия в девятнадцатом веке	457
Спиноза и западные философы	482
Критика на критика	488
Сознание и самосознание	496
Почему животные страдают?	499
Память при умирании	502
Мысли о карме и реинкарнации	510
О смерти и Сатане	522
Астральный пророк	534
Психическое оповещение	540
Царство снов и сомнамбулизм	545
Являются ли сны лишь бесполезными видениями?	551
Фрагменты оккультной истины	559
Эзотерические аксиомы и спиритуалистические спекуляции	608
Гипнотические медиумы и «исторические» видения	613
Случай одержимости	620
Логика против «Перипатетика»	627

Нево Бирс Нимруда	634
Восьмое чудо света	646
Таинственная страна	653
Пояснения к «Таинственной стране»	692
Семнадцатилучевой солнечный диск	697
Примечания к «Пуранам»	700
О разделении народов, языке жестов и санскрите	703
Стреляя по воронью, не попадите в корову!	707
Книга Начал	709
Берлинская иллюзия	712
Таинственная раса	715
Палиботра Мегасфена	719
Культ Митры	722
<i>Теософы</i> и индусский пантеизм	725
Буддизм, христианство и фаллицизм	730
Ложный «Свидетель»	737
Современные апостолы и псевдомессии	746
Был ли Калиостро шарлатаном?	753
Самый древний из христианских орденов	764
Теософия или иезуитизм?	768
Звездно-ангелический культ в римско-католической церкви	786
Комментарии к Евангелию от Иоанна	804

Блаватская Елена Петровна
ФРАГМЕНТЫ ОККУЛЬТНОЙ ИСТИНЫ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Сауков*

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».

103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgf@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах
в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».

Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.08.2002.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. газ. Усл. печ. л. 43,7.
Тираж 6 000 экз. Зак. № 6015.

ISBN 5-699-00846-2

9 785699 008469 >

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.